

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. НАША ИСТОРИЯ

1918—1920

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

УМЕРЕТЬ ВОВРЕМЯ. ПОВЕСТЬ

МАРИНА СВАНИДЗЕ

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ: НАША ИСТОРИЯ

1918—1920

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА**

МАРИНА СВАНИДЗЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 94(47)»17/22»
ББК 63.3(2)612
С24

Сванидзе, Николай.

С24 Погибель Империи: Наша история. Гражданская война / Николай Сванидзе, Марина Сванидзе. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 496 с. — (История России. Хроники).

978-5-17-108897-2

Книга на основе телепроекта о Гражданской войне.

УДК 94(47)»17/22»
ББК 63.3(2)612

16+

Научно-популярное издание

Николай Сванидзе, Марина Сванидзе
ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ:
НАША ИСТОРИЯ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Ответственный редактор *М. Андриюкова*
Компьютерная верстка: *А. Грених*
Дизайн обложки: *Д. Агаонов*

Подписано в печать 18.02.2021
Формат 60х90/16 Усл.печ.л.31

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура HeliosCond
Тираж 2000 экз. Заказ № 1857.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14
Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2021 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705,
помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым,
705-бөлме, I-жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике
Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы». Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., За, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92.

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-108897-2

© Николай Сванидзе, Марина Сванидзе, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе этой книги — телевизионный проект: еженедельные шести-семиминутные реплики, начинающиеся словами «100 лет назад такого-то числа такого-то года...» То есть Гражданская война в России в книге неуклонно идёт неделя за неделей.

В конце книги — маленькая повесть. Семейная история о любви на фоне Гражданской войны, которая, начавшись, никак не может закончиться.

1918

18 ЯНВАРЯ

Михаил Булгаков начинает свой роман «Белая гвардия» словами: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

В январе того года новая, большевистская власть приняла решение о переходе с юлианского на григорианский календарь, по которому живет большая часть мира. Разница между ними составляет ровно 13 дней. Поэтому дата Октябрьской революции или Октябрьского переворота, произошедшего 25 октября, у нас отмечалась 7 ноября. Это по новому для нас григорианскому календарю или по новому стилю, по которому мы живем и сейчас.

Так вот 5 января по старому, а 18-го по новому стилю открылось Учредительное собрание.

Учредительное собрание было давней мечтой и главной объединяющей политической целью всей российской оппозиции — от радикально-революционных эсеров и большевиков до умеренных, либеральных реформаторов-кадетов. Еще в 1905 году петиция, с которой в воскресенье 9 января, позже названное Кровавым, питерские рабочие шли к Зимнему дворцу, включает пункт об Учредительном собрании. В феврале 1917 года, когда после отречения царя у власти стало коалиционное революционное правительство, оно назвало себя Временным, поскольку главной своей целью считало подготовку и созыв Учредительного собрания. Это собрание, сформированное путем всеобщих прямых, свободных, общенациональных выборов, должно было принять все важнейшие решения:

о государственном устройстве страны — Республика или конституционная монархия, о структуре власти. Оно должно было принять конституцию нового государства, сформировать его правительство. Большевики, свергнув Временное правительство и захватив власть, отказаться от идеи Учредительного собрания сразу не могли. Поскольку активно агитировали за эту идею. К тому же вместе с вступавшими с ними тогда в союз левыми эсерами они рассчитывали получить на выборах большинство. Они даже честно вместо Временного правительства организовали выборы в ноябре 1917-го — и были разгромлены. Большевики получили 22,5 процента голосов и, соответственно, мест в Учредительном собрании. Их временные союзники — левые эсеры — 5 процентов, в то время как правые социалисты-революционеры — главная крестьянская партия России — набрали более 50 процентов.

Тогда большевики, которые опирались на военную силу, приняли решение разогнать Учредительное собрание. Таврический дворец, где проходило собрание, был окружен силами большевистских латышских стрелков. Рабочая демонстрация в поддержку собрания была расстреляна большевиками из пулеметов. Самому собранию в самом начале было предложено безоговорочно одобрить написанный Лениным проект Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа. Его текст зачитал с трибуны Яков Свердлов. Собрание его принять не могло. Во-первых, составляющие большинство умеренные социалисты радикальную политическую линию большевиков считали неприемлемой, экстремистской, авантюристичной и просто губительной для страны. А во-вторых, Декларация содержала плохо скрытый ультиматум самому собранию — или капитуляция и по сути политическое самоубийство, или роспуск. Собрание во главе с избранным председателем — авторитетным лидером эсеров Виктором Черновым сдаваться отказалось. При близости целей между эсерами и большевиками их расхождения были принципиальными. Вместо хаотического земельного передела, начатого большевиками и левыми эсерами, правые, или просто эсеры, предлагали обеспечить крестьянам прочное, гарантированное право на землю. То есть эсеры выступали за закон, большевики — за революционную законность, то есть рассчитывали на силу оружия. Чернов предложил вынести разногласия на всенародный референдум. Большевики

и левые эсеры в ответ покинули парламент. Собрание продолжило работу. Утром следующего дня начальник караула анархист матрос Железняков заявил, что «караул устал». Но это еще не был конец. Они еще поработали, потом решили немного поспать, а когда собрались снова у Таврического дворца, двери были закрыты. Большевики заявили о роспуске собрания. Рабочие одного из питерских заводов предложили депутатам продолжить заседание на территории их предприятия. Чернов был за, но большинство его однопартийцев выступили против из опасения, что большевики расстреляют завод из корабельных пушек.

Разгон Учредительного собрания — единственного признанного всеми политическими силами легитимного органа, верховного органа власти новой страны, означал, что большевистское руководство во главе с Лениным и Троцким решилось на однопартийную систему, левых эсеров было мало, они были не в счет. Вскоре большевики порвали и с ними.

С разгона Учредительного собрания с российским парламентаризмом, с открытой, легальной конкуренцией различных политических сил в России было покончено почти на весь XX век. Впереди была Гражданская война.

24 ЯНВАРЯ

11 января 1918 года по старому стилю, а по новому — 24 января, состоялось заседание ЦК партии большевиков. Обсуждают вопрос — выходить или не выходить из войны с Германией. Ситуация к 24 января 1918 года выглядит следующим образом. Большевики на следующий день после захвата власти приняли Декрет о мире с предложением всем немедленного заключения перемирия и начала мирных переговоров. Немедленное прекращение войны было главным большевистским лозунгом в течение всего 1917 года, именно этим обещанием они соблазнили солдат и матросов.

Солдаты, а по сути своей крестьяне, братались с немцами, спали и видели, что вот-вот вернутся домой, будут пахать, сеять, жить-поживать да добро наживать. Но, как известно, мед-пиво текло, да

в рот не попало. У Ленина были другие планы. Пока на фронте у солдата-крестьянина в руках ружье, самое время перенаправить его против классовых врагов, пообещав все отобрать и поделить. Вопрос в том, как быстро забрать солдат с фронта, но чтобы немцы на опустевшем фронте не начали наступать. Ленин начал выстраивать сепаратные отношения с Германией. В ноябре 1917-го удалось заключить перемирие на месяц, потом продлили. И начали переговоры в Брест-Литовске об условиях сепаратного мирного договора. Хотя никакой единой партийной позиции в отношении Германии еще в помине не было.

В начале января в Брест-Литовск приехал Троцкий. Он появился с четкой целью затягивать переговоры, потому что он, Троцкий, был уверен, что вот-вот в странах Европы вслед за Россией пойдут революции, надо только протянуть недели две-три, и Германия подпишет мир на любых условиях. В реальности в Брест-Литовске Троцкий фактически получил ультиматум. А именно: представителями Германии была принесена карта, на которой была прочерчена граница, отсекающая большой кусок территорий, ранее принадлежавших Российской империи, — Польша, Литва, Курляндия, ряд островов. Так как большевики уже успели провозгласить право наций на самоопределение, немцы на переговорах заявили, что народы указанных территорий сами выберут свою судьбу без вмешательства Петрограда. Так что, господа большевики, если вы с этим согласны — мы подпишем договор, а нет — мы прерываем перемирие и продолжаем войну. Троцкий покинул Брест-Литовск для консультаций и приехал в Питер на следующий день после того, как большевики разогнали Учредительное собрание. Мировая пресса, естественно, писала об этом событии в России. В странах Антанты сочувственное в разных слоях отношение к революционной России резко сменилось на подозрение, что в России возникла диктатура.

Тут же в Европе пошли уже подзабытые слухи о том, что Ленин и Троцкий — германские шпионы, сделавшие революцию на германские деньги. А теперь они к тому же ведут сепаратные переговоры с Германией. Троцкий думал, что если и в России широко пойдут слухи, что Ленин — германский агент, который сдает немцам российские территории, то массовая реакция непредсказуема. Могут просто смести. Поэтому Троцкий предложил: давайте объявим об окончании войны и демобилизации армии, но мир подписывать не

будем. В этой ситуации немцы не смогут начать наступление, потому что мы объявили об окончании войны. А если и начнут наступление, то мы не будем выглядеть германскими агентами.

У видного большевика Николая Бухарина, горячо любимого Лениным, своя позиция. Надо продолжать войну, никакого мира с буржуями, но это будет уже революционная война и нас поддержат европейские пролетарии.

Ленин думал о том, что мир для его власти нужен любой ценой. Ленин пишет 21 пункт доказательств, почему необходимо соглашаться на мир с Германией. Конечно, этот ленинский текст не подлежал публикации в прессе. В нем нет никакой духоподъемной романтики. Но членам ЦК он его зачитал, чтобы сбить их эйфорию от успеха Октябрьского переворота.

Революционную войну вести нечем. «Мой бедный друг, — сказал Ленин Бухарину, — езжайте на фронт и убедитесь, что наши окопы пусты. Мы не можем рисковать своей властью и воевать из-за Польши, Литвы и Курляндии. Нам нужны развязанные руки для победы над буржуазией у себя в стране. Мы не можем зависеть от того, начнется ли германская революция в ближайшие недели».

Большевистская верхушка слушала в полном недоумении. Провели неофициальное голосование. Большинство набрал Бухарин с идеей мировой революционной войны. Потом Троцкий. Потом Ленин. 11 января, то есть 24 января по новому стилю, собрали официальное заседание ЦК. Опять высказались Бухарин и Троцкий. Ленин перестал сдерживать эмоции: «Германия только беременна революцией, но не следует путать второй месяц с девятым. Нам срочно нужен наименее худший мир с Германией». Перед голосованием Ленин коротко переговорил с Троцким. Ленин сказал, что согласен с его вариантом — тянем переговоры с Германией, а потом, как это у вас, — армию демобилизуем, а мирный договор не подписываем. И спросил: «Ну, вы же не поддержите при голосовании Бухарина?» «Ни в коем случае», — ответил Троцкий. Ленин засмеялся: «Мы рискуем потерять Эстонию и Ливонию, но ценой доброго мира с Троцким. За это стоит заплатить Эстонией и Ливонией».

При голосовании Ленин выиграл. Это очень занимательный эпизод нашей истории. Свободная внутривнутрипартийная дискуссия по острейшему политическому вопросу. Но не стоит умиляться. Эти ин-

теллекуалы решали практический вопрос — как удержать власть. 24 января 18-го года постановили: удерживать власть будем любой ценой. Что и сделали.

9 ФЕВРАЛЯ

27 января 1918 года по старому стилю, то есть 9 февраля по новому, большевистская власть приняла «Основной закон о социализации земли».

Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы отменяется навсегда. Земля без всякого выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа. Распределение производится на уравнилельно-трудоовых началах, и никакой частной собственности на землю.

До этого закона о социализации земли был Декрет о земле. Пожалуй, самый звучный большевистский декрет, принятый на следующий день после Октябрьского переворота. На самом деле большевики позаимствовали этот декрет у партии эсеров и присвоили себе лавры борцов и страдальцев за вековую мечту российских крестьян.

В действительности ни Ленина, ни Троцкого, ни Сталина, никого из лидеров большевизма судьба крестьян не интересовала вообще. Более того, они рассматривали крестьянство как обузу и лишний элемент в их теоретических выкладках. Ведь что интересуют мужика? Только кусок земли. Это мелкобуржуазный по сути, это не революционный класс. Интерес могут представлять только самые бедные и ленивые, они не привязаны вообще ни к чему, их можно соблазнить захватом чужого добра. Большевики, собственно, до Октябрьского переворота и не позиционировали себя как радетелей за решение большого крестьянского вопроса. Крестьянской партией были эсеры. С 1906 года эсеровская программа предлагала конфисковать помещичьи имения и земли. Именно этим исчерпывалась мечта большинства крестьян. И что характерно, это большинство не хотело для себя никакой собственности на землю. То есть землю хотели, а права собственности на свою землю не хотели. Потому что просто ничего не знали про право собственности.

Рядовой крестьянин он как рассуждал. Мы ж живем крестьянской общиной, и помещик это позволял, и без помещика у нас община. И земля у нас общинная. Всем куски раздаются по едокам, и время от времени передел происходит — ведь кто-то умер, где-то дети родились. Все по справедливости вроде бы. Мы так привыкли. И не нужна нам какая-то собственность. Вот только бы у помещика землю отнять, так вообще всем земли хватит. И будет счастье. И никому невдомек, что эта общинная система, по сути круговая порука, задумана и удобна власти для сбора налогов. Каждая мужская душа обложена податью, и, соответственно, каждой душе надо дать возможность заработать за год, чтобы выплатить подать. Это еще Петр I придумал.

В 1861 году, когда отменили крепостное право, крестьяне не получили всю помещичью землю, и с тех пор все ждали, что царь уладит вопрос с землей. К каждому новому году ждали царского указа. Александру III в начале царствования пришлось официально опровергать слухи о раздаче земли.

В начале XX века, с возникновением Думы, с активизацией политических партий, реальной политической жизни, крестьяне отбросили надежды на царя. Выразителем их интересов становятся эсеры. А уж как только царь отрекся от престола, крестьяне перешли непосредственно к осуществлению своей мечты. То есть начали захватывать помещичьи имения. К осени 1917 года это превратилось в массовое явление. Разбоем охвачено 91,2 процента уездов Российского государства.

Здесь интересно одно обстоятельство. В реальности к концу 1916 года в том или ином виде собственности у крестьян было уже до 90 процентов земли. Им казалось, что если ограбить помещиков, то каждому достанется по 5, 10 или даже 40 гектаров. На самом деле, по оценкам царского Министерства земледелия, рассчитывать можно было всего на полгектара. Дело в том, что в царствование Николая Второго с поразительной скоростью приростало население. В год от 15 до 18 человек на тысячу жителей. Земли на всех хватить не могло. Крестьяне этого не знали.

Поэтому захват помещичьих земель — это главный тренд сезона лето-осень 1917 года. Большевики просто обязаны были дать ему свое имя. Ленин подписал Декрет о земле. А потом последовал «Основной закон о социализации земли».

Что в результате? Частная собственность на землю аннулирована для всех категорий населения. В том числе и для тех крестьян,

которые владели землей. Это около 4 миллионов человек, которые участвовали в столыпинской реформе. Это миллионы крестьян, которые еще к 1907 году выкупили свои земли у помещиков и в любой момент могли вступить в права собственности. Отдельно те инициативные крестьяне, которые покупали землю через Крестьянский банк и купили ее в количестве, равном территории Болгарии. Зимой 1918 года никто не знал, что социализация выльется в коллективизацию. Когда государство организует крестьян в колхозы, потому что так удобно изымать хлеб. А впервые осознание происшедшего придет, когда будет введена продразверстка. То есть когда у всех начнут даром, подчистую забирать весь хлеб, который удалось вырастить. И начнется первый советский голод.

Во всей этой долгой истории русского крестьянства есть один момент, который обычно как-то выпадает из поля зрения. Мы редко обсуждаем крестьянский вопрос, стоя у карты. А зря. Потому что сразу выясняется, что вопрос о земле стоял в стране с немереной территорией. И если отбросить северные, непригодные земли, то все равно остается достаточно, чтобы люди могли жить, работать и зарабатывать. И опыт столыпинской реформы подтвердил это.

Но большинство в стране не было мобильно, страшилось самостоятельности, потому что не знало такого опыта. И все это вследствие того, что политическая система страны не позволяла людям ни мобильности, ни самостоятельности. И большая часть страны оставалась мало освоенной, использовалась в основном для каторги и ссылки. Многие из тех крестьян, кто не рискнул при Столыпине, отправятся на новые земли позже, попадут туда не по своей воле во время раскулачивания. И там им не будет позволено делать то, что они умели лучше всего, — им не позволят кормить страну.

12 ФЕВРАЛЯ

30 января 1918 года по старому стилю, то есть 12 февраля по новому, генерал Антон Иванович Деникин назначен командиром первой стрелковой Добровольческой дивизии. А через неделю он стал заместителем командующего Добровольческой армией генерала Корнилова. По поводу последнего назначения Деникин сказал:

«Идея жуткая — преемственность». То есть перспектива простая: когда убьют Корнилова, заступит он — Деникин.

Ему 46 лет, он генерал-лейтенант. Отец — из крепостных, в армии дослужившийся до майора. Мать — из мелких польских дворян. Сам Деникин по полной использовал существовавший тогда социальный лифт и сделал блестящую военную карьеру. Участник русско-японской войны и Первой мировой, командующий Юго-Западным и Западным фронтами. Свидетель развала армии. Выступил против всякой политики в армии, то есть против Керенского. Поддержал генерала Корнилова в его жестких намерениях восстановить дееспособность армии и фронта. Что характерно, оба генерала, и Деникин, и Корнилов, — сторонники Учредительного собрания, которое должно определить политический строй в России. В течение всей Гражданской войны Деникин будет повторять: «Русский народ сам выразит свою волю, когда закончится стихийное помешательство». Осенью 1917-го и Деникин, и Корнилов по приказу Керенского арестованы. Сидят в тюрьме в Быхове. Их тайно освободит уже после захвата власти большевиками генерал Духонин, который вскоре после этого будет растерзан красными.

И тут начинается совсем другая жизнь Деникина.

Осенью 1917 года под видом польского помещика он едет в поезде, битком набитом солдатами. Лежал на верхней полке, слушал, потом вспоминал: «Во всех разговорах была разлита безбрежная ненависть. О большевиках говорили мало, но революционная истерия легла на душу. Ненависть даже к неодушевленным предметам, к любым признакам культуры. С одинаковой ненавистью рвут в клочья обивку вагонных скамеек, разбивают череп начальнику станции на остановке. Царило одно желание — захватить и уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что так или иначе выделялось. Враг — всякий, кто умственно и социально выше». Ряжеными тогда ехали все будущие лидеры Добровольческой армии. Корнилов маскируется под хромого старика в стоптанных валенках. Пробирались все на юг, в Ростов. Потому что надеялись на казаков с их традиционными представлениями о свободе и отличной военной подготовкой. Но эти надежды в 1918 году не оправдались. Казаки в станицах вокруг сыты и богаты. Но ничего не дают белым добровольцам. Одни, вернувшиеся с фронта, пропитаны большевистской агитацией. Другие надеются извлечь пользу и из белого и из красного движения. Но красные у них еще не были, казаки еще не знают, что когда те придут — они возьмут все и им отдадут все.

Не оправдались надежды и на офицеров, добравшихся на Юг России. В Ростове 18 тысяч офицеров. На первый призыв в Добровольческую армию откликнулись 300 человек. Это потрясение для Деникина.

К февралю 1918 года численность Добровольческой армии дошла до 3–4 тысяч человек. Во время тяжелейших боев за Ростов опять сократилась до ничтожных размеров. Ростовский бизнес помощи добровольцам не оказывал. Нужда во всем: не хватает вооружения, боеприпасов, нет кухонь, теплых вещей, сапог, хотя на донских военных складах — огромные запасы. Но нет денег, чтобы платить казачьим комитетам, которые распродают все подряд на сторону по бешеным ценам. В Донском округе отмечены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Генерал Деникин четко определил долгосрочные последствия Гражданской войны: «Это звериное время надолго зачерствляет сердца и понижает цену человеческой жизни».

При этом у Деникина масса сомнений. Один голос Антона Ивановича Деникина говорит: «Да какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны?» Другой голос Деникина немедленно отвечает: «Если бы в трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых воевать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою жизнь за родину, — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому народу. Просто народ этот ныне безумный».

После того как красные берут Ростов, Деникин в составе белой армии начинает поход на Кубань. Это фантастический поход и фантастическая армия. Этот поход, получивший название Ледяного, не имеет аналогов в военной истории. В этой армии было всего 3206 человек, то есть чуть больше штатного состава армейского полка. Но дело даже не в численности. Состав такого никогда и нигде больше не бывало. Три полных генерала, 8 генерал-лейтенантов, 25 генерал-майоров, 190 полковников, 52 подполковника, 15 капитанов, 251 штабс-капитан, 392 поручика, 535 подпоручиков, 668 прапорщиков, 437 кадетов и юнкеров, 630 штатских добровольцев.

Деникин говорит: «Пошли за синей птицей». По бесконечному, гладкому снежному полю шли какие-то штатские люди, ехали повозки, как в цыганском таборе, женщины в городских костюмах и легкой обуви вязнут в снегу. Это медсестры, врачи и около сотни беженцев.

Впережку с ними — войсковые колонны. Кто в офицерских шинелях, кто в пальто; в сапогах, в валенках, в опорках. Гимназические фуражки. Деникин — в штатском городском костюме и в сапогах с рваными подошвами. Из вооружения — восемь трехдюймовых орудий, шесть снарядов, двести патронов на винтовку.

Именно во время этого похода Корнилов назначает Деникина помощником командующего армией. Идут с боями. Оружие могли добыть только одним способом — в бою у большевиков. Лошадей крали. Но по всем меркам европейских войн это считалось не воровством, а лихостью.

Потом форсировали Кубань. Деникин вспоминает: «Не то быть, не то сказка. Ветер, снег, под ногами жидкая грязь, все насквозь мокрые, сапоги налиты водой. Впереди река, на противоположном берегу — аванпосты большевиков. Мост снесло... Начали переправу. Глубина — в полкорпуса лошади. Начинает бить неприятельская артиллерия. Переправа продолжается. Вечереет. Погода меняется. Неожиданно грянул мороз и началась пурга. Люди и лошади мгновенно покрываются ледяной коркой, одежда делается деревянной, невозможно повернуть голову, поднять ногу в стремя. Никто не обращает внимания на свист пуль. Конца переправе не видно».

Это только февральско-мартовский эпизод из жизни Деникина столетней давности. Ни Деникин, ни Ленин с Троцким, никто вообще не знает, что будет дальше. В этом смысле прекрасное время.

20 ФЕВРАЛЯ

20 января 1918 года по старому стилю, то есть 2 февраля по новому, большевистским правительством Советом Народных Комиссаров был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Можно исповедовать любую религию или никакой. Никакие законы не могут ограничивать свободу совести, никаких преимуществ на основании вероисповедной принадлежности. Свободное исполнение религиозных обрядов без нарушения общественного порядка. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью. Преподавание религиозных вероучений в общеобразова-

тельных учебных заведениях не допускается. Можно обучать и обучаться религии частным образом.

Надо сказать, что, когда вечером 2 февраля обсуждали этот документ в Совнаркоме, он имел совершенно другое название — «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Именно с этим названием документ и был утвержден. Но через шесть дней был опубликован очередной выпуск «Собрания узаконений Рабочего и Крестьянского правительства», и там декрет получил иное название, с которым и вошел в историю, — «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Никакой свободы совести в названии. Это логично, откровенно и соответствует существу дела.

Свобода совести в России уже была узаконена Временным правительством 14 июля 1917 года. Это было совсем недавно, всего полгода назад, и население об этом помнило. Давать то, что до тебя уже дали, с точки зрения пиара бессмысленно. Но не это главное. Свобода совести — это естественное право человека на формирование собственных убеждений в области веры. И это с большевистской точки зрения никуда не годится. Нет естественных прав человека, права распределяются с классовых позиций, нет самостоятельных людей, они принадлежат классам, нет людей с собственными убеждениями, есть те, кто с нами, и те, кто против нас. Мы — это власть. Большевики категорически не терпят никаких конкурентов на политическом и идеологическом поле. Сложно сказать, насколько сильным конкурентом большевики считали церковь.

Православная церковь не проявила приверженности свергнутому Николаю II и глубоко верующей императрице, не отстаивала монархию, которую обрамляла долгое время. Можно, конечно, сказать, что это проявилась застарелая обида на то, что Петр I лишил церковь самостоятельности, лишил ее патриаршества, поставил под бюрократический контроль светского чиновника обер-прокурора Синода. Но Православная церковь получила статус господствующей. В знаменитом трехчлене «православие, самодержавие, народность», утверждавшем незыблемые основы государства, православие стояло на первом месте. Но большевики, агитировавшие солдат на фронте в Первую мировую, видели, что мужики в грош не ставили ни командиров, ни священников. Легко убивали и тех, и других, и не было в них страха Божьего.

Последние годы царской России были отмечены кризисом не только государства, но и церкви, которую власть самонадеянно сде-

лала своим институтом. Даже консервативные представители духовенства осознали опасность ситуации и видели выход в самостоятельности церкви. Но времени и на эту реформу в числе прочих не оказалось. В глазах огромной массы озлобленного населения священник имел отношение не к вере, а к власти.

Захватившие власть большевики в окончательном названии Декрета были предельно циничны. Церковь хотела быть отделенной от государства? Пожалуйста. Но без собственности, без земли, без государственной денежной помощи. В нищете, в лагере, на нелегальном положении. Кто выдержит, кто устоит после привычной расслабленности? А? И мы еще внесем новый раскол в ваши ряды, и вы будете сотрудничать с нашей безбожной властью.

А вы, граждане, рабочие и крестьяне, вы же тоже хотели, чтобы церковь была отделена от вашего государства? Пожалуйста. В качестве бонуса можете выместить накопившееся отчаяние от того, что Бог не замечал ваших страданий. Или мы сделаем это за вас, а вы не мешайте. Как сказали, так и сделали. Началось разграбление церквей.

Осквернение храмов производит на основную массу населения особое, абсолютно разлагающее впечатление. На поверхность выходят самые темные инстинкты и соблазны. Прежде всего соблазн вседозволенности.

Церковные облачения идут на штаны, на юбки и платья, на попоны для лошадей. Лампады разбивают, масло разливают, свечи топчут. В нижнем ярусе иконостасов иконы обычно выбиты. Очевидно, ногами. Особый шик — вывозить награбленное на подводах через святые врата. Строго говоря, это не удобно, так как к вратам ведут ступени. Но безумие не терпит практичности.

Позже в Троице-Сергиевой лавре в припадке кощунственного любопытства будет вскрыта рака с мощами святого Сергия Радонежского. Создадут специальную техническую комиссию по вскрытию мощей. Вскрытие мощей сопровождалось киносъемкой. Вот такое кино всюду крутили в кинематографе.

Епископу Пермскому Андронику выкололи глаза, вырезали щеки, отрезали нос и уши, и его, истекающего кровью, водили по городу, а люди на улицах смеялись. Потом его утопили. В Херсонской губернии священника распяли на кресте.

Священник села Соломенское Ставропольской губернии Григорий Дмитриевский 27 лет просил дать ему помолиться перед смертью. Мо-

лился вслух под насмешки красноармейцев. Потом красноармейцам надоело, они шашками отрубили ему сначала уши, а потом голову.

Весною 1918 года в Туле большевики расстреляли из пулеметов крестный ход. Священников обычно расстреливали вместе с семьями. Перед этим обычно приходили с обыском. Требовали, чтобы угощали, спиртное приносили с собой. Обыски проводились красными воинскими частями при участии местного населения.

Только в ходе первого ленинского этапа антицерковной кампании с 1918 по 1923 год были осуждены и уничтожены 2 тысячи 691 священник, 5 тысяч 410 монахов и монахинь, без суда погибло около 15 тысяч служителей церкви. А впереди еще сталинский этап. По данным Московской патриархии, к 1941 году подверглись репрессиям за веру более 350 тысяч человек. В одном 1937 году арестовано 136 тысяч 900. 85 тысяч 300 человек расстреляны.

21 ФЕВРАЛЯ

21 февраля 1918 года оказалось днем исключительно примечательным.

Напомню, большевистская власть третий месяц пытается заключить сепаратный мир с противником, выйти из войны, заполучить с фронта в свое распоряжение армию и ее силами под своим руководством начать и выиграть Гражданскую войну внутри России. Это давний план Ленина: превратим мировую войну в гражданскую. Он его не скрывает. Большевики на некоторое время сумели заключить с Германией перемирие и торгуются об условиях мирного договора. Германия выдвигает все более жесткие условия, грозит возобновлением наступления и в конце концов начинает быстро наступать по всему фронту. К 21 февраля немцы уже подошли к Пскову и возьмут его на следующий день. До Петрограда рукой подать, а сопротивления германским войскам на фронте нет. И фокус в том, что развал Российской армии — это результат как раз большевистской агитации, которая шла весь 1917 год. Телеграфные и телефонные линии порваны, орудия брошены, занесены снегом, со снарядов сняты алюминиевые колпачки и переплавлены на ложки и подстаканники. Немцам все это известно, так как они беспрепятственно забираются в наши тылы верст на

35–40 от фронта. Большевики в 1917 году хотели разложения армии, добились своего и теперь пожинали плоды собственной активности.

Ситуация невероятная: враг идет на столицу, но никто не защищает ни свою землю, ни вроде как свою революционную народную власть. Первый нарком морского флота Дыбенко вместе с отрядом матросов бежит от немцев под Псковом. По дороге захватывают цистерны со спиртом и 21 февраля гуляют по полной программе.

В этот день в Петрограде от имени большевистского правительства принято воззвание — декрет под заголовком «Социалистическое отечество в опасности!». Лозунг позаимствован у Великой французской революции — «Citoyens, граждане, отечество в опасности!». Социалистическое отечество на тот момент категорически отсутствует, большевики контролируют Питер, Москву и еще незначительные территории. И вообще на большевистское воззвание тогда, 21, 22 и 23 февраля, никто не обратил внимания. Катастрофа на фронте и, стало быть, прямая угроза потери власти заставит большевиков через две недели подписать мир на условиях Германии.

Между тем если 21 февраля слова «Социалистическое отечество в опасности!» звучали как призыв с примесью паники, то вскоре выяснилось, что документ с этим заголовком является декретом, законом, в соответствии с которым предстоит жить.

Знаковым в нем, не сиюминутным, а очень перспективным, оказался пункт 8, который легализовал массовые расстрелы на месте. То есть сначала большевики 28 октября 1917 года отменили смертную казнь, а 21 февраля 1918 года ее узаконили. Подлежащими расстрелу на месте значатся «громилы, хулиганы... неприятельские агенты, контрреволюционные агитаторы». Круг лиц определен расплывчато и расширительно, власть обеспечивала себе свободу рук. Тогдашний нарком юстиции Штейнберг, из недобитых еще левых эсеров, вспоминал о дискуссии с Лениным. Штейнберг говорил, что введение расстрелов далеко заведет, Ленин отвечал, что такова революционная справедливость. Штейнберг воскликнул: «Зачем тогда комиссариат юстиции? Давайте назовем его честно комиссариатом социального истребления, и дело с концом!» «Хорошо сказано, — отреагировал Ленин, — именно так и надо бы его назвать, но мы не можем сказать это прямо».

Пункт 8, утвержденный 21 февраля 1918 года, — это начало эпохи большевистского террора.

Кроме того, в декрете был пункт 7, который предписывал закрыть все издания, «стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения советской власти». Это конец всем большевистским обещаниям, что ограничения для прессы носят временный характер, как говорили, «до наступления нормальных условий общественной жизни». Это означает, что недавно введенный революционный трибунал печати оказался недопустимо либеральным. На его заседаниях по разбору газетных статей присутствовала как сторона обвинения, так и сторона защиты. Этот трибунал печати запрещал публикации, но не карал авторов и редакторов. И вот теперь, 21 февраля, всем контрреволюционным разговорам о свободе слова и печати положен конец.

Итак, пункт о запрете свободы слова, следующий пункт — о массовых расстрелах. В этой связке — прямая большевистская логика, доказавшая свою эффективность. Без свободного независимого слова в печати и на радио страна очень быстро свыклась с тем, что расстрел, лагерь, колхоз, голод, гонения за веру — это норма.

Ленин с самого начала был предельно откровенен, когда ставил знак равенства между свободой слова и смертью большевистской власти. Так и говорил: «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем».

Запреты будут множиться. Запрет на публикации о самоубийствах и случаях умопомешательства на почве безработицы и голода, о забастовках, о крушениях поездов, о работе комиссии по делам несовершеннолетних, о зараженности хлеба долгоносиком и клещом. Запреты будут дробиться, проникать во все поры жизни. Начнут согласовывать объявления о проведении танцев. Главное управление по делам литературы и издательств — главный орган цензуры — так и пропишет: «Настоящим разъясняется, что в каждом отдельном случае вопрос о разрешении танцев должен согласовываться». Это не смешно. Это техника удержания власти.

3 МАРТА

3 марта 1918 года был подписан мирный договор между большевистской Россией и Центральными державами, то есть Германией, Австро-Венгрией, Османской империей и Болгарским царством.

Подписан в Брест-Литовске, поэтому договор вошел в историю как Брестский мир. Это — сепаратный мир. Союзники России остаются в войне и победят в ней через восемь месяцев с капитуляцией Германии. Брестский мир — это выход России из войны с признанием своего поражения.

По условиям Брестского мира большевики отдали 34 процента населения страны — 56 миллионов человек! 32 процента сельскохозяйственных земель, 54 процента промышленных предприятий и 89 процентов угольных месторождений. То есть из территории бывшей Российской империи, доставшейся большевикам, уходили Восточная Польша, большая часть Белоруссии, Прибалтика, а также на Кавказе — Карс и Батум.

Германия получила особый экономический статус в России. Россия обязана выплатить репарации, признать независимость Украины и прекратить революционную пропаганду в Центральных державах и на территориях, отданных большевиками.

Брестский мир — это мир имени В.И. Ленина, потому что это именно ленинский откровенно циничный план удержания власти.

23 февраля 1918 года Ленин получил германский ультиматум с изложением условий, на которых Германия согласна позволить большевикам выйти из войны. Это был самый жесткий вариант за три месяца переговоров. Но на другой чаше весов лежало то, что для Ленина вообще не имело цены, то есть то, за что Ленин готов был отдать практически все. Это была захваченная в России власть. На 23 февраля 1918 года эту власть некому было защищать. Армии не было, ее остатки бежали по всему фронту. Немцы подступали к Петрограду. Скоро они начнут бомбардировку города. Одна бомба упадет прямо на Фонтанке.

Но если бы опасность была в одних немцах. В Петрограде начались антибольшевистские забастовки служащих почты, телеграфа, госучреждений, учителей. Бастовать начали рабочие. В Питере хлебный паек 120 граммов в день. Все годы Первой мировой такого не было. Когда из-за короткого перебоя с хлебом и очередей в булочные пошли волнения в феврале 1917 года, никто не мог представить, что через год при большевиках в столице начнется настоящий голод. При этом те, у кого сохранились деньги, сидели в еще работающих ресторанах. На улицах невиданный разгул бандитизма. Оружие с фронта притащили в огромном количестве. Особенно опасны

революционные матросы, которые грабят и богатых, и бедных. Большевики бессильны справиться с анархией. Даже жители Питера, очевидно, не представляли опору для большевиков. В стране в целом они контролировали лишь незначительные территории.

В дополнение ко всему этому 23 февраля, когда были получены германские условия мирного договора, началась яростная дискуссия внутри ЦК партии. Большинство было против мира с Германией и против Ленина. Любимец Ленина Бухарин был за революционную войну. Дошло до того, что Ленин пригрозил уйти в отставку. Ход эффектный, но в 1918 году не получивший особого внимания. Исход голосования зависел от того, сколько будет воздержавшихся. Троцкий эмоционально был на стороне Бухарина, Троцкий верил, что немецкие солдаты не пойдут вновь в наступление против революционной России. При этом на рациональном уровне он понимал позицию Ленина. Короче, Троцкий воздержался при голосовании, и Ленин выиграл. Бухарин вышел из партии.

Но, повторяю, это 1918 год, решения еще не принимаются кулуарно. Мир с Германией должен быть одобрен Петроградским Советом и Исполкомом съезда Советов. Там обсуждение началось ночью в половину двенадцатого, а немецкий ультиматум истекает в 7 утра следующего дня, и тогда немцы начнут наступление на Петроград.

Главком Крыленко говорит: «Армии у нас нет. Солдаты разбегаются. Только мир может спасти нас от краха».

Из зала кричат: «Долой предателя!»

Матрос из Кронштадта выступает: «У нас нет флота. Все рухнуло».

Знаменитая революционерка Коллонтай кричала Ленину: «Вы призываете нас к соглашательству с империалистами». Наконец к залу обратился Ленин. Он умел своими выступлениями производить гипнотизирующее впечатление на зал.

— Вы думаете, что путь революции усыпан розами. Нет, надо быть готовым идти по колено в грязи, ползти на брюхе по грязи и навозу, стремясь к коммунизму, и только так мы победим.

— А как же мировая революция? — кричали из зала.

— Мировая революция наступит, но сейчас это приятная сказка.

— От нас немцы требуют прекратить революционную пропаганду, — кричат из зала.

— Мы не политические младенцы. Мы вели агитацию при царе Николае, будем вести и при Вильгельме.

Ленин отвечал на бесчисленные вопросы. А в конце засмеялся:

— Мир с Германией подписывает Совет Народных Комиссаров, а не Центральный Комитет партии. А за действия ЦК партии советское правительство не отвечает.

Рано утром Ленин направил в Берлин согласие на германские условия. Сепаратный Договор о мире был подписан. Но никакого успокоения в рядах противников договора не наблюдалось. Не снижают активности ни левые эсеры, которые еще были представлены во власти, ни давние соратники Ленина: Бухарин, Радек, Крестинский, Коллонтай, Пятаков, глава Питерского ЧК Урицкий. Ленин на этом фоне озабочен проблемой ратификации подписанного договора. Если тянуть, то немцы могут начать наступление. Ратифицировать договор должен IV съезд Советов. Ленин будет объяснять, уговаривать, заговаривать зал. Ратифицируют. Россия и Германия обменяются послами.

Но внутривластные страсти, порожденные мирным договором, будут только разгораться и вспыхнут, когда немцы потребуют новых уступок, а Ленин даст добро.

На V съезде Советов уже в июле, 4 июля 1918 года, левые эсеры получают треть мест. Они будут выходить на трибуну и критиковать большевиков за введение смертной казни, за наплевательство на интересы крестьян, но прежде всего за мир с Германией. А у левых эсеров есть кому выступить. Например, Мария Спиридонова, знаменитая политическая террористка, осужденная на вечную каторгу, вполне обоснованно говорившая о себе: «Я из породы тех, кто смеется на кресте». Так вот, Спиридонова невероятно заводит зал съезда своим выступлением. А через день, 6 июля 1918 года, левые эсеры убьют германского посла Мирбаха, рассчитывая этим разорвать отношения с Германией. Пойдут эсеровские мятежи в Москве, Ярославле, Рыбинске, потом убийство Урицкого, покушение на Ленина. Большевики объявят красный террор. Фактически он идет уже давно, но теперь вступает в высшую стадию — официальный государственный террор. Он будет идти по нарастающей, получит должный пиар и станет новой нормальностью советской жизни.

На волне истории с Брестским миром с эсерами и в прямом, и в политическом смысле было покончено. С эсерами в любом случае было бы покончено. Но тут они хоть повод дали. Так что все получилось аккуратно. Большевики хотели и стали единственной политической силой в стране. Никакой оппозиции. Сталин вспомнит это слово «оппо-

зия» и, что называется, пришьет к делу как страшнейшее обвинение, когда будет избавляться от большевиков первой ленинской волны. Бухарина в 1938 году обвинят в подготовке покушения на Ленина в 1918 году вследствие их расхождения по Брестскому миру.

Бухарин в марте 1918 года не понял, что власть надо удерживать любой ценой, а Сталин понял.

11 МАРТА

11 марта 1918 года глава большевистского правительства Ленин, сменив по пути четыре паровоза, прибыл в Москву. Из Петрограда Ленин выехал накануне, тайно, после недели поспешных сборов. Выехал с вещами, с членами правительства, с соратниками по партии, с которыми четыре месяца назад захватил власть в Петрограде. Теперь все они вместе с семьями, с многочисленными сотрудниками новых большевистских управленческих структур, с редакциями своих газет бросали Петроград и перемещались в Москву, которая также была под их контролем. Знаменитая реплика «В Москву! В Москву!» из чеховской пьесы «Три сестры» приобрела неожиданный смысл. Чехов, к счастью для него, не дождался до того дня. Героини его пьесы имели шанс дожить и увидеть собственными глазами, какой она бывает «новая жизнь» в реальности, а не в их девичьих мечтах. Другой русский писатель, Бунин, в отличие от Чехова дождался до этой «новой жизни» и оставил дневниковые записи, составившие книгу «Окаянные дни». Бунин воспроизводит услышанный разговор о большевиках 7 марта 1918 года.

«В городе говорят:

— Они решили перерезать всех поголовно, всех до семилетнего возраста, чтобы потом ни одна душа не помнила нашего времени.

Спрашиваю дворника:

— Как думаешь, правда?

Вздыхает:

— Все может быть, все может быть.

— И ужели народ допустит?

— Допустит, дорогой барин, еще как допустит-то! Да и что ж с ними сделаешь? Татары, говорят, двести лет нами владели, а ведь тогда разве такой жидкий народ был?»

Большевики из Питера в Москву в марте 1918 года фактически бежали. Во-первых, Питер переставал быть опорой их власти. Город сидел на голодном пайке в 120 граммов хлеба в день. Никогда не знавшие такого рабочие, учителя, служащие почты, телеграфа, госучреждений бастуют. Плюс бандитизм, разгул и разбой неуправляемых революционных матросов.

Во-вторых, несмотря на подписание с Германией и ее союзниками мирного сепаратного договора, несмотря на согласие со всеми германскими территориальными и материальными требованиями, Ленин не верит, что немцы не плюнут на этот договор и не продолжат наступление. Немцы остановились совсем близко от Петрограда и отлично знают, что армии у большевиков нет, а те солдаты, что остались на фронте, бегут.

Если немцы возьмут город, в котором находятся все властные структуры, это будет означать полный крах власти. Ввиду такой перспективы необходимо проводить эвакуацию в Москву.

Тут Ленин не мог не вспомнить свою авантюрную поездку годичной давности. Германия воюет с Россией. Большевики по своим каналам через Парвуса договариваются с германским Генштабом о проезде в plombированном вагоне из Швейцарии в Россию, где в это время Николай II отрекся от престола и где начинаются революционные события. Тогда же по условиям договоренности германской стороной большевикам предоставлены деньги на агитационную работу в российских войсках на фронте. Это соответствовало интересам обеих сторон. Германия хотела ослабления противника, у большевиков были свои политические планы в отношении армии. Теперь в марте 1918 года уже и Временного правительства нет, уже большевики у власти, а разагитированные солдаты по-прежнему не оказывают сопротивления немцам. Вот какими длинными оказались те германские деньги. Немцы и знать не знали, что так грамотно их вложили в марте 1917 года. Теперь на фоне подписания с Германией сепаратного мира эсеры вспомнили про эти немецкие деньги, обвиняют большевиков в том, что они — германские шпионы.

Собирались в таком темпе, что Дзержинский вывез в Москву архив ВЧК, следователей, а арестованных оставил, причем без всяких документов, объясняющих, за что они сидят. Разбираться стали через пару недель.

Ленина вывозили для конспирации с окраинной станции под названием Цветочная. Не исключено, что именно отсюда это название перекочевало в «Семнадцать мгновений весны» и превратилось в Цветочную улицу в Цюрихе с конспиративной квартирой, где профессор Плейшнер допустил роковую ошибку.

О переезде власти в Москву официально было сообщено 12 марта, а о том, что Москва становится временной столицей, — 16-го.

Приехавшая из Питера верхушка большевиков и весь госаппарат с семьями начали расселяться. Для этого нужно было освобождать территорию. По замыслу правительства выселению из Москвы подлежали около полумиллиона человек. Их дома и квартиры конфискуются. Прежние хозяева идут как монархисты, капиталисты, антисоветские элементы. Высвобождение жилплощади ведется в срочном порядке. Например, администрации меблированных комнат «Бельгия» на Тверской улице поступило требование освободить 30 номеров. Срок для выселения 1 час.

Ленина временно разместили в гостинице «Националь». Оккупированы гостиницы «Метрополь», «Петергоф» на углу Воздвиженки и Моховой, дом Шереметева в Романовом переулке, дом князя Куракина на Ленивке, дома на Знаменке, на Неглинной и на Пречистенском бульваре. Все это будет называться Домами Советов. ВЧК до Лубянки разместится на Поварской в особняке, который Толстой описал в «Войне и мире» как дом Ростовых.

Интересно, что границы проживания большевистской верхушки в Москве совершенно совпадают с территорией опричных земель при Иване Грозном. Опричина — это особая, подчинявшаяся непосредственно Ивану Грозному правящая организация с административно-полицейскими функциями и отданными ее членам лучшими землями.

Вскоре после минимальной подготовки начинается заселение большевистского начальства в Кремль. Ленин не рассуждал в сентиментальных категориях, что Петроград — город революции, а Смольный — символ революции. Он говорил: Смольный — это Смольный лишь потому, что мы здесь сейчас находимся. А когда мы будем сидеть в Кремле, символом станет Кремль.

Жить в Кремле будут везде, включая Оружейную палату, башни, соборы и даже колокольню Ивана Великого.

В Кремле же откроют специальную столовую, где будут калорийно кормить, потому что люди, которые принимают решения, должны

хорошо питаться. Обслуживают новых жильцов старые и молодые императорские лакеи. Молодые быстро приспособились к новым порядкам. Старые прислуживают на съездах и конференциях.

Здесь же, в Кремле, открывают лечебно-санитарное управление со своими специалистами, чтобы не связываться с врачами из города.

Получается, что большевики используют Кремль в его первоначальном смысле — как крепость. Все, что за стенами, — это ненадежное окружение, с которым еще работать и работать.

В Петрограде с его европейской планировкой не найти было такого подходящего к случаю укрепления. В Москве новая власть получает архитектурное воплощение и демонстрирует полную преемственность с временами средневекового самовластия, архаичного для XX века.

17 МАРТА

17 марта 1918 года была упразднена Красная гвардия. 19 марта большевистское правительство, Совет Народных Комиссаров, принимает решение о широком привлечении в Красную армию старых военных специалистов, то есть бывших царских офицеров. И, наконец, до всего этого 14 марта 1918 года главный автор Октябрьского переворота Лев Троцкий назначен народным комиссаром по военным делам. Вскоре он станет наркомом и по морским делам. И будет называться в соответствии со стилистикой времени главнокомандующим.

Ленин, который хотел назначить Троцкого на этот пост и уговорил его взять на себя создание новой армии, сделал абсолютно точный выбор. Троцкий станет отцом Красной армии.

До марта 1918 года в качестве большевистской военной силы действовала Красная гвардия. Это были разрозненные вооруженные отряды без единого командования. Они оказались эффективны в Петрограде при осуществлении переворота в Октябре 1917-го, при захвате власти в Москве, были активны на Украине. Но, по сути, эти отряды — чистая партизанщина. И в этом в условиях хаоса — потенциальная опасность. Кроме того, Красная гвардия не может заменить регулярную армию и не может существовать одновременно с армией. Поэтому с Красной гвардией закончено.

Ленин и Троцкий к этому моменту уже решили, кто будет создавать новую армию, которая будет защищать власть большевиков и распространять ее по территории России. Это будут делать бывшие царские офицеры, и они будут выигрывать Гражданскую войну для большевиков.

Такое решение было далеко не всеми понято в партийном руководстве. Категорически против: ортодоксальный левый Бухарин, руководитель штурма Зимнего Подвойский, бывший главком Верх Крыленко. Решение Ленина—Троцкого действительно выглядело парадоксально. Большевики целенаправленно ломали предыдущее государство и путем агитации и популизма разваливали армию как одну из его основ. К марту 1918 года цель была достигнута, старая армия деморализована и распущена. После чего начался следующий этап ленинского плана. Теперь нужно создать армию заново. Многие в партийном руководстве отказывались понимать, как после непримиримой борьбы прибегнуть к услугам заклятых классовых врагов. Компромиссную позицию сформулировал соратник Ленина Зиновьев: мы берем бывших офицеров на роль денщиков и выбросим их, как выжитый лимон после использования.

К марту месяцу сами бывшие офицеры успели некоторым образом определиться. Часть ушла в Добровольческое белое движение. Такие, как Корнилов, Деникин, Марков, Дроздовский...

Непримкнувшие к белым не были красными, но они были разными.

Карьеристы, желавшие выдвинуться и идти вверх при любой власти. При нехватке специалистов у большевиков они почуяли свой шанс. Таким был Тухачевский. Это одна категория.

Другая категория — наивные, полагавшие, что, сотрудничая с большевиками, завладеют военными структурами и свергнут чуждую им власть.

Кроме того, офицеры, которые в условиях германского наступления готовы к борьбе против внешнего врага, но не согласны участвовать в Гражданской войне. Это называлось — пойти на службу в так называемую «завесу». То есть встать во главе новых воинских частей для решения задач на фронте против Германии. Пошедшие в «завесу» генералы и офицеры уговаривали себя, что продолжают старую военную службу, защищают Родину и, как

обычно, не занимаются политикой. Они не отдавали себе отчета, что Советская власть не будет спрашивать, какие приказы они готовы выполнять и какие нет. Очень скоро они как профессионалы уже боролись внутри собственной страны с врагами большевиков.

Новый режим был им чужд, его цели в Гражданской войне были им отвратительны, но они ломали себя и работали, потому что капкан уже захлопнулся. Механизм этого капкана работал просто. В отношении военспецов, назначенных на командные должности в Красной армии, вышел приказ Троцкого: установить семейное положение бывших царских офицеров и на ответственных постах сохранять тех из них, чьи семьи находятся в пределах Советской России. И сообщить каждому под расписку — его измена повлечет арест его семьи и, следовательно, он берет на себя ответственность за жизнь родных и близких.

Пример ухода из этой ловушки — судьба Каппеля. Чтобы прокормить семью, недолго состоял на службе в штабе у красных, в боевых действиях не участвовал. С началом активной фазы Гражданской войны не пошел против своих убеждений, воевал на стороне белых. Гражданскую войну считал трагедией, а награждение орденами в этой войне недопустимым. Умер от ран. Семья пострадалась, но выжила.

Надо сказать, процент офицеров, объяснявших свой переход к красным пусть иллюзорными, но идейными мотивами, не был подавляющим. Абсолютное большинство было инертным. Эти офицеры были не способны прикладывать усилия и пробиваться на юг России к белым, даже если это соответствовало их убеждениям. Они пошли к красным просто потому, что не могли найти никакой работы. Им повезло в том смысле, что они не были расстреляны в первые же недели большевистского террора. Кто-то побывал под арестом, но чудом вышел. Но работы не было, их, бывших, не нанимали, семьи голодали. Они ничего не понимали в происходящем, они и раньше ничего не знали о жизни в стране. Кадетский корпус, военное училище, замкнутая офицерская жизнь. Их задача — выполнять приказ. Они больше ничего не умеют. Они потянулись бы к любому, кто вернул бы их в привычную систему координат. Большевики предложили им, голодным, пайки, дополнительные суточные, и эта офицерская масса пошла в Красную армию. Невзирая на то, что семьи окажутся в заложниках.

Из 20 красных командующих фронтами в ходе Гражданской войны — 17 были кадровыми офицерами старой армии. Начальники штабов фронтов — все бывшие царские офицеры. Из 100 командующих армиями — 82 бывших офицеров. Из 93 начальников штабов армий — 77 бывших кадровых офицеров. И ниже в таких же пропорциях. Ленин откровенно говорил: «Если бы мы не взяли их на службу и не заставили служить нам, мы не смогли бы создать армию». Все они на всех уровнях находились под неусыпным контролем Политуправления, комиссаров, особых отделов.

Ассимиляция бывших офицеров в новой среде не предполагалась. Отношение к профессионалам чисто потребительское, без благодарности за службу и победы на фронтах. Поощряется неприязнь солдат к военным специалистам.

Ненависть к командирам, офицерам, к золотопогонникам была сутью большевистской агитации до Октябрьского переворота. Ненавидеть и не выполнять приказы, можно убивать. Теперь, весной 1918 года, надо совместить работу золотопогонников и ненависть солдат. Это удалось большевикам.

В Красной армии любой мог указать на военспеца как на контрреволюционера с последующим унижительным избиением или просто расстрелом. В газетных передовицах писали: гарантировать вам, что вас не расстреляют по ошибке красноармейцы, мы не можем.

Командующий белой Добровольческой армией генерал Деникин высоко оценил работу, проделанную царскими офицерами у красных: «Вся дуга от батальона оборванцев к стройным войсковым единицам достигнута исключительно трудами военспецов. Их умелую и предательскую руку мы чувствовали в критическую минуту».

А как раз во время наибольших успехов Деникина с красными военспецами общался участник Первой мировой войны философ, историк Федор Степун и вспоминал: «Разговор шел в объективно-стратегическом стиле, но по глазам и за глазами у всех бегали какие-то странные огненные вопросы, в которых перемигивалось все: люта я ненависть к большевикам с острой завистью к успехам наступающих деникинских добровольцев; желание профессиональной победы своим коллегам, служащим теперь в Красной армии, с пониманием, что Красная армия не своя; и что Свои наступают там, у Деникина».

Спустя несколько лет после Гражданской войны начался отстрел старых военспецов. К концу 1930-х годов за редкими исключениями в живых не оставили никого.

22 МАРТА

22 марта 1918 года началось формирование Первого Николаевского полка. Николаевский — не в честь государя-императора, полк не белый, а красный и назван по месту формирования — город Николаевск Саратовской губернии, где военным комиссаром служит Василий Иванович Чапаев. Вскоре Первый Николаевский полк будет переименован в Пугачевский, в честь Емельяна Пугачева, знаменитого вожака крестьянского бунта во времена Екатерины. Того самого бунта, о котором Пушкин сказал: «не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

К годовщине полка в газете «Революционная армия» за подписями Чапаева и Хренова выйдет статья, рассказывающая об истории создания этого военного формирования. «Да здравствуют славные борцы за свободу — красноармейцы Пугачевского полка! Вы много положили труда и сил, но впереди предстоит вам еще больше жертв». Чапаев, который возглавлял этот полк, в статье вспоминает своих подчиненных, командиров батальонов. «Вот, — пишет Чапаев, — командир третьего батальона товарищ Баулин был вдов и имел шесть человек детей, из коих пятерых отдал в приют, шестого взял с собой защищать свободу. Они оба погибли в кровавой схватке».

Эта в двух словах рассказанная история командира батальона Баулина — страшная и очень характерная именно для весны 1918 года. Собственно, сам Чапаев — такой же в психологическом плане типаж.

До призыва в армию в Первую мировую войну у Чапаева была жена и дети. Пока он был на фронте, жена с кем-то сошлась. Чапаев детей оставил у вдовы однополчанина, деньги регулярно высылал, но прямо говорил, что после истории с женой и к детям был равнодушен, не тянуло к ним. А воевать тянуло. Это вообще был характерный выбор между войной и детьми не пользу детей.

После Февральской революции с фронта попал в гарнизонный полк в Саратов. Кругом массовое брожение, он ничего не понимает, но решил, что надо в какую-нибудь партию вступить. Побыл у кадетов, потом, как он выражался, у «есеров». Услышал про анархистов, обрадовался: вот это то, что нужно, — воля, ни от кого никакого стеснения. Но тут встретил парня из большевиков, который произвел сильное впечатление революционными разговорами. После чего Чапаев сказал: «С тех пор всю анархизму кинул — сам в большевики вступил».

Он с ходу в 1917 году сделался виртуозом-налетчиком. Действовал вроде как по указанию местных большевиков. На самом деле вымещал собственную внутреннюю ярость. Он не терпел над собой никакого руководства, доверял только себе. Он был готовым полевым командиром и стал им в подвернувшихся обстоятельствах. Скакал по степи, из села в село, где хлеб изъять, где недовольство задавить. Он, что называется, безбашенный. С ним местные казаки предпочитали не связываться. О нем уже кругом знали, боялись. В этом смысле его звезда взошла еще до начала Гражданской войны.

В Самарской губернии в городе Николаевске в январе 1918 года на земском собрании делегаты не хотят поддерживать большевиков, хотят эсеров. Тут зашли вооруженные люди Чапаева, кого-то разогнали, кто не подчинился, тех арестовали. Люди Чапаева разместились на телеграфе, на вокзале. На следующий день собрали новый съезд, который под присмотром Чапаева подавляющим большинством проголосовал за советскую власть в Николаевском уезде.

Но недовольные ударили в набат, на площади возле собора собрался народ. Стали кричать, что коммунистов надо перевешать. Тут на площадь на автомобиле с пулеметом въехал Чапаев. Без всякого предупреждения открыл огонь по куполу собора. Все разбежались.

Действия Чапаева производят позитивное впечатление на руководство уездного большевистского комитета и его командируют в Балаково на подавление офицеров — противников советской власти. Опять успех. Дальше — в Большую Глушицу, снова против офицеров, потом против крестьян в селах Березово и Сулак. Следующие на очереди у Чапаева — жители Балакова, где в должности военного комиссара состоит брат Чапаева Григорий и там же проживает отец Чапаева. Жители Балакова бунтуют против большевиков, озверев, на площади убивают Григория Чапаева. Чапаев давит восстание. Это уже второй его погибший брат. Старший, Андрей, будучи на военной службе, в 1909 году за

агитацию и подстрекательство против царя был осужден и казнен. Дочь Андрея Чапаева вспоминает об отношениях между двумя оставшимися в живых братьями — красным командиром Василием Чапаевым и Михаилом: «Михаил был женат на зажиточной лавочнице. После революции его раскулачивал собственный брат. Василий пришел к Михаилу: «Миша, у нас сейчас в Саратове организуется акционерное английское общество. Если ты продашь свои лавки, я вложу твои деньги под очень большие проценты». Михаил долго думал, потом все же отдал деньги Василию. Тот вложил их в укрепление Красной армии».

Подчиненные Чапаева не избалованы жизнью. Кто-то из чапаевских бойцов вспоминал: «Да меня сам Чапаев единожды «саданул». В смысле — однажды ударил. Боец добавляет: «Что будешь делать, коли надо?» Они вообще все битые, привыкшие, что их можно бить. И теперь сами с удовольствием бьют.

Для них, для всех, битых, 1918 год — это мощный выплеск эмоций. В занятых селах, в городках, кругом, постоянно, без всякой нужды, исключительно для самовыражения идет пальба, чуть притихающая к ночи. Одни вроде как «прочищают дуло», у других будто «случайно сорвалось». Кто-то по галкам стреляет.

Но бьются эти ребята лихо, озверело.

Весной и летом 1918 года отряды красных не проявляют стойкости, часто бегут. На этом фоне Чапаев и его бойцы совершенно исключительны. Чапаев природной харизмой, неподдельной народностью, дерзостью, отмороженностью, но сумел в своем отряде реализовать лозунг «Не отступать!». Причем без всякой партийно-политической работы. Вскоре это обстоятельство превратится в опасный недостаток.

С точки зрения партийного руководства, его надо немедленно встраивать в общий ряд, подчинять. Ретроспективно, зная судьбы других героев Гражданской войны, можно сказать, что Чапаеву достался счастливый конец: он погиб в бою.

1 АПРЕЛЯ

1 апреля 1918 года в Москве на 1-й Мещанской улице анархисты захватили особняк. Эта информация сегодня на первый взгляд мало о чем говорит. Между тем это деталь общей картины и в столице,

и в стране в целом на весну 1918 года. Захват анархистами особняка в центре Москвы 1 апреля не первый и даже не пятый случай. Это вообще очень интересная ситуация. После переезда большевистского правительства в Москву ВЧК размещается в особняке графини Соллогуб, описанном Толстым в «Войне и мире» как дом Ростовых. Этот дом, в котором теперь базируется ЧК, находится на Поварской улице. И по той же самой улице соседние здания в феврале-марте 1918 года оккупированы анархистами. Особняк Дункер, особняк Грачева, особняк Цейтлина, приятеля Бунина. Сам Бунин тоже живет на Поварской, но к нему в квартиру чудом не ввалились. Особняк Шлосберга, занятый анархистами, вообще через дом от ВЧК. А дальше — просто путеводитель по центру. Анархисты — везде. Знаменитый особняк Морозова в мавританском стиле на Воздвиженке. Особняк купца Коровина в Малом Власьевском, где потом Берия поселится. На Донской улице, на Гончарной, на Покровке, на Пресне, на Мясницкой, на Арбате, на Софийской набережной, на Малой Дмитровке, где находился так называемый «Дом анархии», главный штаб анархистов, охраняемый пулеметами и пушкой. Редакция газеты «Анархия» располагается в Настасьинском переулке, прямо рядом со зданием Российской ссудной кассы. В Москве насчитывается около двух тысяч активистов анархистского движения. Они состоят в разнообразных отрядах и группах, вот некоторые их названия: «Борцы», «Буревестник», «Буря», «Братство», «Смерч», «Немедленные социалисты», «Ураган». Названия соответствуют сути. Власть, захватить, поделить.

Программно действия анархистов предполагают захват чужого имущества с последующей раздачей бедствующему населению, то есть вроде как перераспределение нетрудовых доходов. Врываются в квартиры, выносят и вывозят все. Сами заселяются, втаскивают оружие. Награбленное часто продают на сторону. Все эти бандитские отряды входят в легальную организацию под названием «Московская федерация анархистских групп». Анархисты до весны 1918 года — союзники большевиков и реально контролируют часть Москвы.

1 апреля, когда 50 анархистов ворвались в особняк на 1-й Мещанской, хозяева в попытке защититься попросили разрешение от советской власти, на что получили ответ: «Советская власть еле дышит».

Заместитель председателя ВЧК Петерс в интервью корреспонденту газеты «Известия» не скрывал: «Анархисты представля-

ли собой как бы вторую параллельную советской власти власть: они выдавали ордера (в смысле на захваты, аресты), у них была «Черная гвардия».

Анархисты становятся в жесткую оппозицию к большевикам после заключения сепаратного Брестского мира между большевистской властью и Германией. Анархисты называют этот мир актом морального бессилия. И в этом они находят поддержку в лице левых эсеров и части большевиков во главе с Бухариным. Анархисты быстро рекрутировали людей в свою «Черную гвардию». Их «Черная гвардия» по сути и по кадровому составу мало отличается от Красной гвардии. Свои идейные, плюс те же безработные, плюс те же любители чужого добра. И оружия у них полно. В стране, где народ возвращается с фронта, оружие в большом количестве в разных руках.

Кроме того, анархисты мешают большевикам в чисто бытовом плане. Они захватили отличные особняки, и большевикам, переместившимся из Питера в Москву, негде селиться.

Облегчает задачу для большевиков то обстоятельство, что жители города ищут спасения от разбоя анархистов и готовы молить о помощи хоть кого, даже советскую власть. Хотя ее революционные солдаты мало чем отличаются от «Черной гвардии» и уплотнять квартиры советская власть будет успешнее, чем анархисты. И забирать жилплощадь будет так же — вместе с вещами, мебелью, роялями, книгами, будет брать все, что захочет, и вместе с самой жизнью.

4 апреля анархисты, назвавшись чекистами, попробуют захватить еще один особняк. В бою с ними погибнут два милиционера, и их похоронят у Кремлевской стены. 9 апреля анархисты угонят автомобиль американского представителя Красного Креста. ВЧК ультимативно потребует вернуть автомобиль. Анархисты требования чекистов проигнорируют.

12 апреля начнется совместная спецоперация чекистских и красных военных подразделений под лозунгом борьбы с бандитизмом. Не против анархистов, а против бандитов. Будет 40 погибших с обеих сторон. Арестуют, по разным данным, от 500 до 800 человек. По завершении операции Дзержинский даст интервью газете «Известия», в котором заявит: «Мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами. И всех задержанных идейных анархистов мы освобождаем. И если, быть может, некоторые из них будут привлечены к ответственности, то только за при-

крытие преступлений, совершенных уголовными элементами. Идеи-ных среди задержанных очень мало, среди сотен — единицы».

В Кремле принимают пострадавших от грабежей для опознания лиц, их ограбивших. Свердлов на заседании ВЦИК 15 апреля скажет: «Несомненно, что те кольца и браслеты, и серебряные и золотые вещи, которые обнаружены, вряд ли могут иметь какое-либо отношение к идейному анархизму».

16 человек расстреляют.

Нет сомнения, что среди арестованных было много людей с криминальным прошлым. Воспоминания участников операции 12 апреля очень красочны: в домах, где раньше жили богатые купцы, грязь неопишная. Пол завален разбитыми бутылками, роскошные потолки изрешечены пулями. Следы крови и человеческих испражнений на коврах. Бесценные картины изрезаны саблями.

Нет оснований сомневаться в этих описаниях: точно такую же картину оставили революционные солдаты и матросы после взятия Зимнего во время большевистского переворота в октябре 1917 года.

Но сразу после разгрома анархистов в Москве аналогичные спецоперации прошли в Витебске, Воронеже, Нижнем, Самаре, Петрограде, Таганроге, Царицыне, Туле, Курске, Тамбове. Советская власть усваивает важный урок: понятие «бандитизм» в широкой трактовке отлично работает в интересах борьбы с политическими оппонентами.

6 АПРЕЛЯ

6 апреля 1918 года умер Савва Иванович Мамонтов, бизнесмен и меценат.

В день смерти Мамонтова Московский Совет принял постановление о национализации и переводе на свой текущий счет всех денежных сумм, принадлежавших Московскому купеческому обществу и находившихся в банках. Если бы Мамонтов не умер, действие новой власти было бы ему безразлично. У него не было средств. Более того, принятое новой государственной властью решение его бы не удивило. Мамонтов на своей шкуре уже почувствовал, как российское государство относится к частному предпринимательству.

И не суть, что раньше власть была царская, а теперь большевистская. Мамонтов лишился своего бизнеса задолго до большевиков.

Савва Иванович Мамонтов имел счастье и несчастье принадлежать к московскому старообрядческому купечеству, в рядах которого Морозов, Рябушинский, Щукин, Алексеев, Солдатенков, Абрикосов, Хлудов, Кокорев. Это люди во втором, в третьем поколении самостоятельно поднявшиеся из крестьян, с самого социального низа. Когда сейчас вспоминают российских дореволюционных предпринимателей, то, собственно, и называют обычно эти фамилии. Из Петербургского, столичного бизнеса сегодня вспомнят от силы Путилова. Этому есть простое объяснение. В Петербурге предпринимательской деятельностью были поглощены аристократические семьи в тесной связке с высшей бюрократией. Эти люди не стремились засвечивать собственные имена в бизнесе. Они имели доступ к государственному финансированию, к кредитованию, им был открыт доступ в доходную и перспективную военно-промышленную сферу. Московское купечество, напротив, остро нуждалось в доступе к капиталу, инвестициям, билось за выход в иные, кроме традиционной текстильной, отрасли промышленности.

Савва Мамонтов — из лидеров. Занимался железнодорожным строительством. Кроме того, в 1890 году Министерство финансов разрешило ему приобрести Невский механический судостроительный и вагоностроительный завод. Это была успешная заявка на ведущую роль в российской экономике, на конкуренцию с союзом аристократии и чиновничества.

Мамонтов-бизнесмен оказывается борцом с монополизмом в разных сферах. Это его личный *mixfight* с государством. Он открывает Частную оперу. С ней связан творческий взлет Федора Шаляпина. Декорации создает Михаил Врубель. Дирижирует Сергей Рахманинов. Но мамонтовский театр — это не только творческий успех, но еще и откровенный вызов. Поставлена «Хованщина» Мусоргского с темой гонения на раскольников и их противостояния с властью. Мамонтов лично занимался постановкой, вывозил труппу на Рогожское кладбище, чтобы артисты ощутили дух старообрядчества. В Москве спектакль имел необыкновенный успех, при показе в Петербурге — отторжение.

У Мамонтова в подмосковном «Абрамцево» собран цвет новой русской живописи: Серов, Васнецов, Коровин, Врубель, Нестеров, Левитан. Тут же Репин.

Мамонтов финансирует абсолютно новаторский журнал «Мир искусства». А это, помимо упомянутых, еще и Дягилев, Сомов, Бакст, Бенуа. Александр Бенуа писал о Мамонтове: «Промышленник по профессии, но художник в душе, безудержный, неустрашимый».

Мамонтов был членом-учредителем Музея изящных искусств в Москве — нынешнего Пушкинского и другом его создателя профессора Ивана Цветаева, отца Марины Цветаевой. В 1897 году Цветаев поздравил Мамонтова с завершением строительства Ярославско-Архангельской железной дороги, которая должна способствовать развитию российского Европейского Севера.

Но именно этот проект обернется крахом всего мамонтовского бизнеса. В 1899 году против Мамонтова возбуждено уголовное дело по обвинению в противозаконных финансовых махинациях с корыстной целью.

Существует описание мамонтовского дела, можно сказать, из первых рук — от прокурора Московского окружного суда Алексея Лопухина, который вел это дело. А Лопухин сам по себе человек примечательный. Он станет руководителем политического сыска. При этом будет противником использования провокаторов. И именно он подтвердит потом, что самый знаменитый эсеровский боевик Евно Азеф был одновременно полицейским агентом. За эту информацию Лопухин будет сослан в Сибирь.

Так вот, в своих записках Лопухин рассказывает, что железнодорожная ветка от Вологды до Архангельска, которую строил Мамонтов, была в то время бездоходной. Неясно, кто по ней поедет, что по ней повезут. Север — не развитый экономический регион. Соответственно, никто не хочет вкладывать деньги, инвестиций катастрофически не хватает. А так как железнодорожное строительство в мамонтовском бизнесе связано с работой его заводов, все вместе оказывается на грани банкротства. Как положено в бизнесе в России, Мамонтов прибег к противозаконным фиктивным финансовым действиям и создал видимость кредитоспособности своих предприятий. Одновременно он добился концессии на строительство высокодоходной дороги Петербург—Вологда—Вятка. При этом Мамонтов изложил Министерству финансов свою реальную затруднительную ситуацию. Министр финансов Витте дал добро, Госсовет утвердил решение. Будущее мамонтовских проектов выглядело лучезарно. И тут Витте резко отменил свое решение. После чего и на-

чалось уголовное преследование. Мамонтова, которому было под 60, посадили в тюрьму. Пообещали выпустить под залог, но в последний момент сумму залога увеличили в 6 раз. И Мамонтов отсидел 5 месяцев в одиночке. Выпустили под домашний арест по медицинским показаниям. Присяжные на суде не нашли в действиях Мамонтова корыстного умысла. Суд оправдал его, но признал должником, и все имущество Мамонтова пошло с молотка. Решение министра Витте и уголовное преследование обвалили акции на бирже, и они были отчуждены в казну по убыточной цене. Это было банальное рейдерство со стороны государства с последующей передачей бизнеса своим клиентам.

Мамонтов-бизнесмен полагал, что самодержавие должно быть ограничено, а власть отделена от бизнеса. Что пойдет на пользу российской экономике. Но этого не случилось. Мамонтов умер без иллюзий по поводу неприкосновенности частной собственности для российской власти.

Помимо всего прочего, Мамонтов известен как отец «девочки с персиками», которую художник Серов написал в те времена, когда государство еще не положило глаз на мамонтовский бизнес.

13 АПРЕЛЯ

13 апреля 1918 года погиб Лавр Георгиевич Корнилов. На момент гибели Корнилов возглавлял белую Добровольческую армию на Юге России. По численности до армии это воинское образование не дотягивает, по высоте духа и бесстрашию весной 1918 года — вне конкуренции.

Новая Добровольческая армия — это мечта Корнилова, которая оформилась в результате его наблюдений и участия в событиях с зимы по осень 1917 года.

Он был командующим Петроградским военным округом летом 1917 года, и он, профессиональный военный, участник русско-японской войны и Первой мировой, был бессилен на этом посту. Двухсоттысячный Петроградский гарнизон распропагандирован большевиками. Корнилов намерен отправить этих неблагонадежных вооруженных людей из столицы на фронт. Ни солдаты, ни офицеры

на фронт не хотят и не идут. Корнилов подает в отставку и уезжает на фронт. Недолго он командующий Юго-Западным фронтом. Потом Верховный Главнокомандующий российской армией в Первой мировой войне. Он видел кошмарное разложение армии.

В прессе была опубликована телеграмма Корнилова Керенскому: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования. Буйство, насилие, грабежи, убийства». Конец цитаты.

Отречение царя стало спусковым крючком, и все то, чего власть боялась, что копилось в крестьянской, а значит, в солдатской массе, — вся вековая усталость, злость, отчаяние, все вырвалось наружу. Но Корнилов видел свою задачу в том, чтобы вернуть в армию дисциплину и боеспособность. С одной стороны, он пишет Керенскому: «Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов».

С другой стороны, у Корнилова возникает намерение создать армию только из надежных частей и людей. Но эту идею, возникшую применительно к фронту мировой войны, он будет реализовывать в иных обстоятельствах.

Корнилов был военным и не был политиком. Существует словосочетание «Корниловский мятеж». Оно громкое, на слуху, но по сути пустое. Корниловского мятежа против Временного правительства в августе 1917 года не было. Несомненно, были разговоры и среди военных, и в среде бизнеса, и в политических кругах о том, что делать с развалившейся, разложившейся армией в разгар мировой войны. И как вообще руководить страной после того, как вдруг рухнула старая царская власть, когда крестьяне жгут и грабят помещичьи дома, солдаты братаются и распевают песни в обнимку с противником, а в стране двоевластие из Временного правительства и Петроградского Совета. Неизбежно шли разговоры: «Эх, хорошо бы военную диктатуру!» Недели две гадали, кто бы мог подойти. Решили — Верховный Главнокомандующий Корнилов. Даже глава Временного правительства Керенский какое-то время рассчитывал на Корнилова, вел с ним переговоры, а потом передумал, объявил его заговорщиком, узурпатором, диктатором, контрреволюционе-

ром и врагом демократии. Но Корниловского мятежа не было. И не было у Корнилова способностей к политике, тяги к власти и склонности к коллективной интриге. Он многих разочаровал. А ведь как подходил! Герой войны, бежал из плена, единственный из пленных русских генералов совершил удачный побег. Тогда бывших в плену и бежавших из плена не расстреливали и не сажали, а награждали. Корнилов — знаменитость. На фронте был инициативен, самостоятелен, вплоть до недовольства у вышестоящего начальства. Из простых, родился в казачьей семье, жившей в глухом углу на границе с Китаем, окончил Омское кадетское училище, Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, потом Академия Генерального штаба. Со всех сторон отличная биография, чтобы идти в политику. А Корнилов не пошел. Хотя из всего происходившего вынес твердое убеждение: должны состояться выборы в Учредительное собрание, которое и определит форму управления Россией.

У англичан с 1935 года есть особая награда. Памятная медаль Лоуренса Аравийского, которая вручается Британским Королевским обществом по делам Азии «В знак признания выдающихся заслуг в области разведки, исследований и литературы». Вот такое сочетание заслуг. И это как раз, а не мятеж — про Корнилова.

В 1900 году капитан Генерального штаба 30-летний Лавр Корнилов совершал экспедицию в Кашгарию. Это там, где отроги Тянь-Шаня и Кунь-Луня сходятся у подножия Памира. В геостратегическом плане Кашгария — территория давнего англо-русского соперничества в Азии. Полтора года Корнилов провел в экспедиции на границах Ферганы, Семиречья, Индии, Тибета. Это разведывательная миссия под прикрытием Императорского Географического общества. Корнилова интересовало все: укрепленные пункты, санитарные части, административное устройство, налоги, занятия населения, степень религиозности, температура воздуха, флора и фауна. После возвращения Корнилов получил орден Святого Станислава третьей степени и выпустил книгу.

В 1918 году Лавр Георгиевич Корнилов встал во главе безнадежно малочисленной, но абсолютно героической Добровольческой армии. Немедленно проявилась необыкновенная корниловская харизматичность. Вселял веру, вызывал восторг: смело, корниловцы, в ногу, с нами Корнилов идет. Бывал безрассудно храбр, рисковал. Шел со всеми, по снегу и в грязи. Внешне мало отличался от ря-

довых добровольцев. Когда позволяли обстоятельства, предпочитал одиночество. Погиб от случайного снаряда. Красные разрыли свежую могилу на следующий день после захоронения в поисках денег и драгоценностей. Увидели на трупе погоны полного генерала, сорвали мундир и тело Корнилова в одной рубашке под брезентом повезли в Екатеринодар. В городе въехали во двор гостиницы Губкина на Соборной площади. Площадь была запружена красноармейцами. На балкон вышел представитель советской власти, пьяный, и объявил, что привезли тело Корнилова. Тело сбросили с повозки на землю. Несколько человек влезли на дерево и стали поднимать труп на веревке. Но веревка оборвалась. Закричали, что тело надо разорвать на куски. Когда труп наконец привезли на городские бойни, он был уже превращен в бесформенную массу ударами шашек. Его обложили соломой и стали жечь в присутствии представителей советской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях. На следующий день продолжали жечь останки. Жгли. Топтали ногами и снова жгли.

Погибни Корнилов где-нибудь в экзотических краях, звери были бы милосерднее.

22 АПРЕЛЯ

22 апреля 1918 года состоялось заседание коллегии по делам изобразительных искусств при Московском Совете. Тема заседания: «О снятии памятников и объявлении конкурса на проект памятника жертвам пролетарской революции».

Это заседание прошло в русле реализации Декрета Совета Народных Комиссаров, принятого 12 апреля по личной инициативе Ленина. Незадолго до принятия Декрета Ленин беседовал с наркомом просвещения Луначарским и высказал идею об острой необходимости монументальной пропаганды в стране.

Эта идея восходит к утопическому сочинению итальянского философа Томмазо Кампанеллы «Город солнца». Кампанелла в своей утопии XVII века предлагал украшать городские стены фресками, которые возбуждают у молодежи гражданское чувство, воспитывают новое поколение. «Давно уже передо мной носилась эта идея, —

говорил Ленин Луначарскому. — Мне кажется, это далеко не наивно и могло быть нами усвоено и осуществлено теперь же». В этом же разговоре Ленин уже абсолютно практично заметил: «У нас имеется, вероятно, немалое количество художников, которые могут кое-что дать и которые, должно быть, сильно бедствуют».

Бедствовало подавляющее большинство. Заказов нет. У многих цинга от голода. Тяжелое материальное положение толкает к сотрудничеству с новой властью. Ленину есть кого привлечь к монументальной пропаганде.

Суть принятого Декрета о памятниках в следующем: «В ознаменование великого переворота... памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг, подлежат снятию... Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты наиболее уродливые истуканы, а на суд масс были представлены модели новых революционных памятников». К 1 мая необходимо декорировать город в духе идей и чувств трудовой России, а старые надписи, эмблемы на домах, гербы ликвидировать.

В соответствии с поставленными Лениным задачами прошло заседание 22 апреля. Постановили: памятники Александру III и Скобелеву подлежат уничтожению как не соответствующие элементарным художественным требованиям. Крест великому князю Сергею Александровичу и памятник Александру II подлежат удалению. Провести конкурс проектов памятника жертвам революции. Форма жюри — плебисцит пролетарских масс.

Интересен состав присутствующих на этом заседании художников и скульпторов. Татлин, Коненков, Удальцова, Веснин, Машков, Кончаловский, Ватагин. Талантливые, знаменитые, в основном первый ряд русского авангарда. Они надеются на самореализацию, у них есть планы, идеи, новаторские в искусстве, которые не могут не совпасть с новой реальностью. Скульптор Сергей Коненков в своем докладе летом 1918 года так и скажет: «Художник здесь впервые признается гражданином и свободно может сказать свободное слово». Последующая судьба русского авангарда в частности и свободного творчества вообще хорошо известна. Но в апреле 1918 года царит эйфория. При этом художники-профессионалы хотя бы указывают, что способы удаления памятников следует обсудить отдельно, детально, а само удаление поручить специалистам. Не торопиться, памятники Александру II и Александру III к 1 мая за-

крыть чехлами. Что касается Скобелева, то его имя глубоко чтимо в нашей военной истории и памятник следует передать в Военно-исторический музей.

О том, как на самом деле поступят с памятником герою русско-турецкой войны генералу Скобелеву, напишет великий русский писатель Иван Бунин: «Это хамское, несказанно-нелепое и подлое ставквание Скобелева! Сволокли, повалили статую вниз лицом на грузовик. Слава Богу, дождь! Вот уж поистине все чуда ждешь. Хоть бы их гроза убила, потоп залил».

Снос Александра III будет растянут во времени и станет настоящим шоу. Статую будут медленно расчленять. Отдельно руки со скипетром и державой, отдельно голова в короне, отдельно нога в сапоге. Все снимается на киноплёнку и демонстрируется в синематографе. В Кремле сбросили и разрушили статую Александра II, отменившего крепостное право. С ним было особенно много хлопот, потому что памятники царю-освободителю стояли по всей стране и везде их сносили.

Кремлевский памятник Александру II был архитектурно дополнен шатром и галереей, которые простояли до 1927 года. Комендант Кремля Мальков вспоминал, что пустоты в основании памятника использовались в качестве морга для расстрелянных врагов революции.

На некоторых картинах, изображающих Ленина, несущего бревно на субботнике в Кремле, в качестве фона присутствуют оставшиеся детали памятника Александру II.

Ленин лично участвовал в уничтожении креста на месте убийства великого князя Сергея Александровича. Не вдаваясь в подробности государственной деятельности великого князя, следует сказать, что он был зверски убит, а крест на месте убийства был произведением искусства по эскизам художника Виктора Васнецова, автора «Трёх богатырей», «Аленушки» и «Витязя на распутье».

В рамках принятых 22 апреля решений о монументах жертвам революции одним из первых как раз был установлен памятник убийце Сергея Александровича Ивану Каляеву. Он был у самого входа в Александровский сад. На одной стороне пьедестала написано: «Уничтожил великого князя Сергея Александровича». На других сторонах пьедестала никакие иные заслуги не значились. То есть исключительно за убийство.

Простоял памятник недолго. Каляев был террористом-эсером. К лету 1918 года большевики окончательно расправились с эсерами и памятник Каляеву ликвидировали.

Идея монументальной пропаганды Ленина исключительно заботит. Он пишет ответственным лицам гневные письма: «Возмущен до глубины души... бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано. Объявляю выговор за преступное и халатное отношение, требую присылки мне имен всех ответственных лиц для придания их суду. Позор саботажникам и ротозеям!»

На месте снесенного Скобелева поставили стеллу Советской Конституции. Она простояла относительно долго, ее взорвали перед войной. А после войны на месте Скобелева и Советской Конституции поставили Юрия Долгорукого.

28 АПРЕЛЯ

28 апреля 1918 года в тюрьме в возрасте 23 лет умер Гаврило Принцип, убийца австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Прекрасный писатель и историк Марк Алданов в очерке «Сараевское убийство» пишет: «В парижской Национальной библиотеке есть фотографические снимки печати общества «Черная рука», членами которого был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд. В кружке изображены рука, держащая знамя, череп, скрещенные кости, кинжал, бомба и какой-то флакон, очевидно, с ядом.

Общество «Единство или смерть», почему-то называвшееся «Черной рукой», было основано в мае 1911 года. Организация предпочитает террористическую деятельность идейной пропаганде». По мнению Алданова, убийца эрцгерцога 19-летний гимназист Гаврило Принцип принадлежал к «Черной руке».

По мнению других историков, он входил в состав другой националистической группы — «Млада Босна».

В 1912 году, за два года до мировой войны, Балканские страны — Сербия, Болгария, Греция и Черногория — заключили союз и начали войну против Турции, чтобы отбить у нее и поделить территории, которые заселены православным населением.

Успешно повоював с Турцией, Балканские страны вступили в войну друг с другом. Каждая из них мечтала о своем — «о Великой Болгарии», «о Великой Сербии».

Началась война Сербии с Болгарией. Сербия выиграла. Победы порождают в Сербии сильнейшие шовинистические настроения. Внутри Сербии крайне активизируются националисты из силовиков. Они контролируют правительство. Сербия имеет шанс стать крупнейшим государством на Балканах. Хочет отнять у Австро-Венгрии часть Албании, Воеводину и Боснию. Сербские националисты полагают, что эти территории с проживающим на них сербским населением должны стать частью Великой Сербии.

В целях борьбы за Великую Сербию и создаются террористические организации. Молодые люди из такой организации, точнее несовершеннолетние мальчишки, 28 июня 1914 года выходят в Сараево на набережную реки Милячки для убийства австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Первым в цепи террористов стоял Мехмедбашич. Но бомбы он не вынул и под автомобиль эрцгерцога ее не бросил. То же самое случилось со вторым заговорщиком, Кубриловичем.

Третий террорист, Габринович, когда автомобиль наследника австрийского престола поравнялся с ним, поднял над головой начиненную гвоздями бомбу (она была у него спрятана в букет цветов) и бросил ее под колеса. Эрцгерцог не пострадал. Он поехал в Ратушу, выступил и поехал обратно тем же путем. Гаврило Принцип после взрыва, решив, что все сорвалось, зашел в кофейню, выпил чашку кофе, вышел, и тут вдруг рядом с ним оказалась автомашина эрцгерцога, да еще и притормозила. Принцип подбежал к машине, выхватил браунинг, выстрелил в живот жене эрцгерцога, а потом убил самого Франца-Фердинанда. Гаврило Принципа схватили. Это 28 июня 1914 года.

23 июля — Австро-Венгрия предъявляет ультиматум Сербии.

25-го — Сербия объявляет мобилизацию.

28-го — Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

29-го — бомбардировка Белграда.

29-го — Россия объявляет частичную мобилизацию.

31-го — начало всеобщей мобилизации в России и Австро-Венгрии.

31-го — Германия предъявляет России ультиматум: не прекратите мобилизацию — будет война. Ультиматум истек 1 августа в 12 часов

дня. В ночь с 1 на 2 августа император Вильгельм в телеграмме попытался убедить Николая не вступать в войну.

2 августа 1914 года днем в Георгиевском зале отслужен молебен, на котором присутствовало около 5 тысяч человек. Главным образом — офицеры. По окончании молебна Николай объявил о начале войны.

«Офицеры моей гвардии, я приветствую в вашем лице всю мою армию и благословляю ее. Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока остается хоть один враг на родной земле». Потом государь прошел в залы, выходявшие на Дворцовую площадь, и вышел на балкон.

При виде государя гигантская толпа, запрудившая Дворцовую площадь, упала на колени и запела «Боже, царя храни». Царь хотел что-то сказать, но его сбило громовое «Ура!».

8 августа состоялось историческое заседание Государственной думы. Присутствовали все министры и дипломаты дружественных держав. Выступление министра иностранных дел Сазонова было встречено овацией. В его голосе слышались слезы. Министр финансов Барк доложил Думе о блестящем состоянии финансов и о том, что хранившиеся в Берлине деньги были вовремя вывезены.

В довершение картины всеобщего патриотического подъема к Рождеству Священный Синод запретил елочку «как вражескую немецкую затею, чуждую православному народу».

Еще до того, как все завертелось, до того, как Австрия объявила войну Сербии, 26 июля в Петербурге уже прошла грандиозная уличная манифестация. Толпа кричала: «Да здравствует война!» Российский министр иностранных дел Сазонов заявлял в то время: «Я имею мужество взять на себя ответственность за войну, которая сделает Россию сильнее, чем когда-либо».

В то же время экс-премьер Витте высказал крамольную мысль: «В интересах России не следует пытаться играть лидирующую мировую роль, целесообразнее отойти во второй ряд мировых держав, организовывая тем временем страну, восстанавливая внутренний мир». Другой бывший премьер, Коковцов, говорил, что гонка вооружений подрывает финансовую стабильность страны. Он считал, что гонка вооружений вселяет в массовое сознание мысль о том, что война неизбежна. Волна нервного возбуждения при этом поднимается так высоко, что захлестывает даже самых убежденных противников войны.

Мать Николая II в разговоре с Коковцовым говорила ему: «Мы идем верными шагами к катастрофе. Государь слушает только льстецов».

Выстрел Гаврило Принципа не был причиной мировой войны. А был лишь случайным поводом. Гаврило Принципа не приговорили к смерти по причине его несовершеннолетия. Он сидел и умер в тюрьме города Терезин.

Избавь Николай Россию от вступления в Первую мировую войну, вероятно, страна избежала бы Октябрьского переворота, а мировая история пошла бы по-другому.

И тогда в Терезине, где сидел Гаврило Принцип, не возник бы нацистский концлагерь, узники которого были освобождены Советской армией 9 мая 1945 года.

30 АПРЕЛЯ

30 апреля 1918 года в Екатеринбург привозят бывшего императора Николая II, бывшую императрицу Александру Федоровну и их дочь Марию. Дочери Татьяна, Ольга, Анастасия и сын Алексей будут доставлены 23 мая. Екатеринбург — последний город в жизни царской семьи. Их последний путь в Екатеринбург начался 26 апреля 1918 года из Тобольска.

В Тобольск царь с семьей был отправлен Керенским в целях их безопасности. Еще 3 марта 1917 года, на следующий день после отречения Николая II, в самом начале Февральской революции, депутаты-большевики Петроградского Совета потребовали немедленного ареста всей семьи Романовых и перемещения их в Петропавловскую крепость. Но у главного публичного деятеля Февральской революции Керенского однозначная позиция — предпринять все от него зависящее, чтобы не допустить сползания к террору.

7 марта Керенский, выступая перед рабочими в Моссовете, заявил: «Сейчас Николай II в моих руках. И я вам скажу, товарищи, что до сих пор русская революция протекала бескровно, и я не позволю вам ее омрачить. В ближайшее время я лично отвезу Николая II в Мурманск, откуда он отправится в Англию». Более того, правительство решило просить Великобританию предоставить Николаю убежище.

9 марта Николая в сопровождении депутатов Думы привозят в Царское Село в Александровский дворец.

Впервые Керенский увиделся с царской семьей в апреле. Он первый протянул Николаю руку, представился «Керенский» и сказал, что они полностью могут положиться на него.

Английская королевская семья и Романовы были породнены домами. Георг V и Николай II были так похожи, что их все путали. Они любили развлечься: переодевались и дурачили свою свиту и семью.

В марте 1917 года Великобритания согласилась на приезд царской семьи. Однако отъезд отложили из-за того, что дети болели ветрянкой.

Тем временем ситуация в Лондоне изменилась. В левых кругах палаты общин и в прессе поднялся крик по поводу приезда бывшего русского императора. Его величество король Георг V, кузен Николая, взял свое приглашение обратно.

Британский посол сэр Бьюкеннен рыдал, сообщая Керенскому о решении своего короля. Керенский передал это известие Николаю. Николай был невозмутим. Остаться дольше в Царском Селе становилось небезопасно. Николай выразил желание выехать в Крым. Успех переезда в Крым гарантировать было нельзя. Керенский предложил Тобольск, посоветовал взять с собой как можно больше теплой одежды и попытался приободрить Николая. Тот отвечал: «Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим Вам».

С момента отречения Николая II в Петрограде работала Верховная Чрезвычайная следственная комиссия, которая изучала деятельность императора на предмет предательства интересов России в годы мировой войны. Вина не была подтверждена. Судьбу бывшего царя должно было решить Учредительное собрание. Временное правительство принимает решение разместить бывшего императора как можно дальше от политически неспокойного центра.

Отъезд из Питера состоялся утром 1 августа 1917 года. Первоначально в фактическую ссылку вместе с царской семьей отправились 39 человек свиты и прислуги, позднее прибыли еще 6 человек. В Тюмени вся семья села на пароход «Русь», который и доставил Романовых в Тобольск. Для обеспечения безопасности семьи Романовых

Временным правительством был создан военный отряд «особого назначения», состоявший из 337 солдат и 7 офицеров. Отрядом командовал гвардейский офицер, полковник Евгений Степанович Кобылинский. Комиссаром Временного правительства в Тобольск был направлен Василий Семенович Панкратов. Царская семья была размещена в доме тобольского губернатора. Разрешена была физическая работа в виде колки дров и уборки снега во дворе. На имя Николая Александровича приходили русские, французские, английские газеты и журналы. Дети вели обширную переписку. Родители занимались образованием своих детей. По распоряжению Временного правительства из Ялты был доставлен в Тобольск стоматолог семьи Романовых. Для посещения церкви семья выходила в город. По ходу движения семьи стояли солдаты отряда полковника Кобылинского, а стоящие за оцеплением любопытные обсуждали венценосных особ. Панкратов в своих воспоминаниях воспроизводит эти разговоры: «Только наследник похож на императрицу, — говорили одни.

— Из дочерей ни одна не похожа ни на него, ни на ее, — говорили другие.

— Какие роскошные воротники-то у них на кофточках. Чернобурые лисицы. А ожерелье-то у этой дочери, поди, миллионы стоит, — болтали бабы».

После Октябрьского переворота ситуация ужесточается. Речь идет о том, чтобы перевести в Тобольске царскую семью в каторжную тюрьму. Николай возлагает все надежды на Учредительное собрание. Интересуется, скоро ли оно будет созвано. Учредительное собрание в Петрограде разогнано большевиками. Царскую семью увозят в Екатеринбург. Там режим жесткий, прогулка — час, физическая активность запрещена, окна замазаны известкой и не открываются. Комендант дома регулярно пьет и скандалит в доме арестованных. У Романовых таскают личные вещи. Потом всю семью расстреливают.

Их тайком перевозили в Екатеринбург, над ними не было суда, приговора и даже официальной казни не удостоили. Как в Англии в случае с Карлом I или как во время любимой большевиками Французской революции в случае с Людовиком XVI. Тайно и суеливо после убийства смывали кровь в подвале, сжигали тела, заметали следы преступления. Первые лица советской власти во главе с Лениным никогда не признались, что убийство царя с семьей

совершилось по их приказу. Ответственность переложили на нижестоящую организацию — на местный Совет.

9 МАЯ

9 мая 1918 года в Советской России был принят Декрет «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими».

Эта мера преследует две цели. Первая — как слышится и как написано: получить хлеб, которого не хватает на прокорм больших городов и армии. Справедливости ради надо сказать, что аховая ситуация с хлебом для городов и армии возникает в России не в первый раз за последние четыре года. Началось с непросчитанного вступления России в мировую войну.

Крестьян призвали в армию и отправили на фронт, соответственно, посевы сократились. Плюс — в армии крестьянин-солдат потреблял хлеба больше, чем у себя в деревне. Государство закупало хлеб у производителей по рыночным ценам. В ситуации войны и повышенного спроса на хлеб для армии цены соответственно пошли вверх. А это неприемлемые расходы для казны.

В конце 1915 года правительство попыталось реквизировать хлеб или принудительно скупать его у населения по низким ценам. На практике это не удалось. Армия снабжалась только на 40 процентов. В городах начались перебои с хлебом, затем беспорядки, вылившиеся в Февральскую революцию и отречение царя от престола.

Временное правительство, унаследовав хлебную проблему и оценив ее политическую опасность, ввело государственную монополию на хлеб. То есть никакой торговли хлебом, кроме продажи его государству. Но при этом повысили закупочные цены. Хлеба удалось в результате заготовить больше, чем в 1916 году.

Затем Временное правительство было свергнуто большевиками, и хлебная проблема перешла по наследству в новые руки. Большевики заключили с Германией сепаратный мир для того, чтобы заполучить себе солдат для Гражданской войны внутри России. Но усло-

вия этого сепаратного мира означали отказ большевиков от значительных территорий, дававших 35 процентов продовольствия.

Украина предлагала хлеб в обмен на поддержку большевиками ее курса на независимость, но украинское предложение было отвергнуто. Кроме того, старый государственный аппарат развален, включая службы хлебозаготовок, к тому же полный хаос на железных дорогах, перевозки блокируются массово возвращающимися с фронта солдатами. Но для большевиков хлеб в Москве и Питере, в будущей Красной армии, в пайках для бывших царских военспецов, — это вопрос удержания власти. На практике это означает расширение монополии хлебной торговли на другие дефицитные продовольственные и промышленные товары. А список дефицита растет с каждым днем. Никакой свободной торговли, кто торгует — тот враг народа.

Попытались ввести прямой товарообмен между городом и деревней. Не вышло, нет элементарных товаров, нужных деревне, заводы-фабрики не работают. Зарплаты не выплачиваются, инфляция огромная. За пустые деньги крестьяне никакого зерна государству не отдадут. А это все означает переход к реквизиции и конфискации хлебных излишков без всякого возмещения. Вот тут и появляется декрет 9 мая об особых полномочиях для изъятия хлеба.

Еще до Декрета изыманием хлеба в деревнях занималась Красная гвардия. Но к весне 1918 года стало ясно, что на эту силу полагаться опасно. Дисциплина в красногвардейских отрядах упала, пили, растаскивали конфискованные продукты, просто грабили, стреляли. Хлеба при этом поступало все меньше и меньше. В марте 1918 года от плана получили 36,5 процента хлеба, в апреле — 14 процентов, а в мае — 12 процентов.

После Декрета 9 мая началось формирование продовольственных отрядов — продотрядов. Это специализированные структуры с яркой особенностью: силовую поддержку им обеспечивают интернациональные формирования. В России к моменту Октябрьского переворота было около 5 миллионов иностранных граждан. До войны в 1914 году было около 1 миллиона 300 тысяч иммигрантов. Во многом это те, кого сейчас называют гастарбайтерами, в частности китайцы. Россия была на экономическом подъеме, строилась, ехали сюда за заработками. В результате войны добавились беженцы из Польши, Румынии, Сербии плюс пленные: австрийцы, болгары, венгры, немцы, чехи. Эти иностранцы оказались востребованы в качестве карательного сопровождения продотрядов. Это грандиозная находка большевиков. В деревне интернациональные от-

ряды незаменимы. Они чуждые, они жестоки, они выкачивают хлеб, они дают 100-процентную норму, а иногда в виде штрафа — 500 и 1000 процентов, дают крестьянские восстания. Вообще в Красной армии интернациональные полки составляли до 300 тысяч человек.

Большевистская продовольственная политика с ходу ломает все союзнические отношения между пролетариатом и крестьянством, которые были провозглашены во время Октябрьского переворота. Ничем рабоче-крестьянским с мая 1918 года в стране не пахнет.

Между тем с большевистской точки зрения эту политику не следует считать ошибочной. Декрет 9 мая имеет целью не только изъятие излишков хлеба. Вторая цель — политическая. Перенести наконец революцию в деревню, в самый многочисленный социальный слой России, начать в нем Гражданскую войну.

4 июня Троцкий в напутственном слове продотрядам сказал: «Наша партия — за Гражданскую войну! Гражданская война уперлась в хлеб». В той же речи Троцкий говорит продотрядникам: «Вы пойдете под знаменем советской власти в деревни крестовым походом на кулаков».

Упоминание кулаков никого не должно вводить в заблуждение. Хлеб будут забирать у всех подряд. Ленин прямо говорил: «Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда... а теперь отказывается сдавать его бесплатно, то такой крестьянин превращается в эксплуататора, хуже разбойника».

Под формулировку Декрета о деревенской буржуазии, спекулирующей излишками хлеба, в разной мере, но подпадают в деревне, за вычетом бедняков, все. Суть деревенской жизни — работать не покладая рук, вырастить хлеб, сохранить для будущего посева, семя чтобы не голодала, а остальное продать с выгодой и вырученные деньги пустить в дело и дальше кормить страну. Разве что иногда женщинам в семье — подарочки и детям — гостинчик.

18 МАЯ

18 мая 1918 года в газете знаменитого писателя Максима Горького «Новая жизнь» выходит его очередная публикация из цикла «Несвоевременные мысли». Казалось бы, ничего принципиально

нового. Эти статьи идут начиная с апреля 1917 года. По форме, объему, стилю, скорости реакции на публикации в других газетах, на актуальные события эти статьи Горького очень напоминают нынешние, привычные нам блоги. В отсутствие Интернета в 1918 году Горький — острый политический блогер.

18 мая он пишет: «Лишь изредка и случайно доносятся из «глубины России» голоса ее живых людей — вот почему я нахожу нужным опубликовать письмо, полученное мною на днях. «Нового у нас в селе за последнее время очень много, в особенности за прошлую неделю... К нам, в село Баську, приезжали красногвардейцы, около 300 человек, которые ограбили всех состоятельных домохозяев... а сколько, кроме того, ограбили разного добра у наших граждан, хлебом, мукою, одеждой, то тем и подсчета вести нет возможности, а у Сергея Тимофеевича взяли жеребца, но только не пришлось им воспользоваться, только доехали до села Толстовки, он и пал, около церкви. А сколько пороли нагайками людей, трудно и описать... это прямо ужасно».

За три дня до этого, 14 мая 1918 года, пишет: «Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей. Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами — не честен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо понятия о честности... вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старого произвола и насилия».

Это пишет Горький, бывший на момент Октябрьского переворота большим поклонником большевиков и оказывавший большевикам до революции финансовую поддержку от своей литературной деятельности.

Еще раньше в своих «Несвоевременных мыслях» Горький писал: Ленин и Троцкий отравлены ядом власти. Или: «Теперь жизнью России правят люди... которые возбуждают бессмысленное и пагубное для... всей страны злорадство, ненависть и злобу. Уничтожив старые суды, народные комиссары укрепили в сознание «улицы» право на самосуд — звериное право. Люди пользуются этим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью. Поголовное истребление несогласномыслящих — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. Почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема? Он и не

отказывается, откровенно заявляя, что не побрезгует ничем для искоренения своих врагов».

То есть публикация 18 мая 1918 года о том, что большевики грабят «изумительно, артистически... воруют буквально все, что можно», идет в общем русле горьковских «Несвоевременных мыслей». Но через восемь дней в публикации от 26 мая появляется совершенно иной мотив. И это важно, потому что в этих днях — точка отсчета очень горькой финишной прямой большого писателя Максима Горького.

Горький вдруг пишет, что большевикам необходимо помогать, смягчать их нравы. И эта мысль уже очевидно своевременная: «Русь не погибнет, если вы, матери, жертвенно вольете все прекрасное и нежное ваших душ в кровавый и грозный хаос этих дней. Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите любя...»

При этом в кровавом хаосе Горький чисто практически хочет и надеется сохранить культуру и людей культуры, организует издательство «Всемирная литература», где 300 человек из числа творческой и научной интеллигенции, включая Блока, Гумилева, Чуковско-го, получают возможность легального заработка и пропитания. Но это не могло спасти ни Блока от голодной смерти, ни Гумилева от расстрела. А сам Горький надоел Ленину, и тот настоятельно порекомендовал Горькому полечиться за границей. Из Италии Горький пишет о большевистском процессе над эсерами: «Это убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство». Он выступает против гонений на патриарха Тихона. На родине в газетах «Красная звезда» и «Правда» Горький официально назван «политическим врагом народа», требуют, чтобы он каялся. Его перестают печатать.

А после смерти Ленина тот же Горький напишет о нем восторженные воспоминания, которые будут благосклонно напечатаны в России. В 1924 году Горький говорит французскому писателю Ромену Роллану: «Я — человек без родины, в России я играл бы роль противника всех и всего». А уже в 1925 году пишет: «Мое отношение к советской власти определено — кроме нее иной власти для русского народа я не вижу, не мыслю и не желаю. Я никогда не говорил «в Россию не вернусь».

И тут в Россию Горького позвал Сталин. Горький для всего мира все еще был большим писателем, и при этом главным большевистским писателем, и именно в таком качестве он нужен был Сталину. Горький обеспечит наилучший пиар, рекламу сталинской политике. Финансовые дела Горького за границей шли плохо, ему хотелось внимания, у него были

иллюзии насчет возрождения своего бывшего влияния, короче, Горький поехал в СССР осмотреться. Четыре раза приезжал и уезжал, встречали по высшему разряду с почетным караулом и восторженными толпами. Свозили в концлагерь на Соловки. Он был в восторге от того, как там идет воспитание нового человека. Следил за процессом Промпартии, одним из первых сталинских постановочных судебных процессов. Горький писал Сталину: «Замечательно, даже гениально поставлен процесс вредителей. Я, разумеется, за высшую меру».

Наконец Горький окончательно приехал в Москву. Свел дружбу с главой ОГПУ Генрихом Ягодой. Вместе с ним организовал поездку советских писателей на Беломорканал, страшнейшую лагерную стройку. Через нее прошло около 280 тысяч человек, 110 тысяч из них погибли. Писатели по мотивам поездки выпустили огромный том, прославляющий рабский труд. Никогда раньше в русской литературе такого не было. Горький, выступая перед чекистами, говорил: «Я поздравляю вас с вашей удивительной работой».

Именем Горького при жизни назовут главную улицу в Москве и Художественный театр, он встанет во главе Союза писателей СССР. Когда Булгаков попросит помочь с публикацией «Жизни господина де Мольера», Горький напишет рецензию: «Это талантливо, но издательство может иметь неприятности с цензурой». Булгаковский Мольер выйдет через 30 лет. Горький прочитал «Чевенгур» Платонова, написал: «Вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо». «Чевенгур» выйдет через 60 лет.

Горькому в Москве для проживания дали бывший особняк Рябушинского у Никитских ворот. Туда приезжал Сталин, у Горького в доме встречался с писателями, там писатели просили Сталина о квартирах, дачах и покупались на это на глазах у Горького. Сталин хотел, чтобы Горький написал о нем. Горький с радостью и благодарностью согласился, но написать не смог. Талант не включился.

25 МАЯ

25 мая 1918 года начался мятеж Чехословацкого корпуса, который в это время разрозненными частями перемещался из европейской части России через Сибирь на Дальний Восток. С начала миро-

вой войны Чехия и Словакия, будучи частью Австро-Венгерской империи, поставляли солдат в армию — противницу России и ее союзников. Но чешские и словацкие солдаты, а также младшие офицеры в большом количестве сдавались в плен, потому что главная их мечта состояла в борьбе за свою национальную независимость от империи Габсбургов. В плену многие из них находились на территории России.

В России и до войны проживало значительное число чехословаков, а в 1914 году возник «Чешский национальный комитет», который выступил с идеей создания воинских частей из славян Австро-Венгрии. Чешская делегация была принята Николаем II. В ходе аудиенции было сказано, что чехословаки будут воевать вместе с русскими против немцев, добьются независимости своей родины, после чего готовы даже к вхождению свободной Чехии в состав Российской империи.

Решением российского Совета министров была создана Чехословацкая дружина, в нее разрешено было принимать пленных, потом появился полк имени Яна Гуса. К концу 1916 года речь шла уже о формировании нескольких дивизий, а затем и отдельного корпуса. Чехословацкий корпус создан осенью 1917 года, в нем около 45 тысяч человек. После Октябрьского переворота и отказа большевиков от союзнических обязательств России перед странами Антанты Чехословацкий корпус перешел под французское командование и имел намерение отправиться во Францию для участия в боях на Западном фронте против Германии. Путь предстоял от тыловых территорий Юго-Западного фронта в Волынской и Полтавской губерниях до Владивостока, а оттуда уже во Францию.

Большевиков волновало, что по территории России корпус будет перемещаться с оружием. С Советом Народных Комиссаров в лице Сталина представители корпуса подписали соглашение. Его суть — чехословаки продвигаются не как боевые единицы, а как группа свободных граждан с определенным количеством оружия для самозащиты. Остальное оружие сдают. Советское правительство гарантирует свободу перемещения до Владивостока по Транссибирской магистрали.

По территории России, которая еще совсем недавно была участницей мировой войны, перемещаются не только чехи и словаки. Двигаются освобожденные пленные австрийцы, немцы. На случай-

ной остановке эшелонов в Челябинске 14 мая 1918 года чехи пересеклись с австрийцами. Австрияк из вагона швырнул в стоящего на платформе чеха тяжелой железкой, попал, но не убил. Началась международная драка, австрийца убили. Разбиралась в происшедшем большевистская следственная комиссия, арестовали чехов. Прибыла делегация чешского командования, и делегацию арестовали. Потом всех отпустили, но Москва 23 мая потребовала немедленного разоружения и расформирования всех частей чехословацкого корпуса. Из личного состава Москва приказала срочно формировать красноармейские и рабочие артели.

Если учитывать, что советской власти чем дальше на восток, тем меньше, а эшелоны с чехами растянуты от Пензы до Владивостока, то задача разоружить этих людей была малореальной. Кроме того, чехи и словаки были очень мотивированы. И по собственному желанию, и официально они, находясь под французским командованием, относились к вооруженным силам Антанты. Большевики для стран Антанты были авантюристами, которые заключили мир с немцами, то есть предали союзников и замирились с врагом. Для чехов и словаков достижение национальной независимости было возможно только в случае победы Антанты над Германией и Австро-Венгрией. По совокупности всех этих обстоятельств локальные попытки большевиков разоружить части Чехословацкого корпуса обернулись тем, что 25 мая 1918 года чехи захватили город Мариинск.

В тот же день всем местным органам советской власти телеграммами был разослан приказ Троцкого, требующий разоружать чехословаков под страхом тяжелой ответственности. На следующий день, 26 мая 1918 года, части Чехословацкого корпуса берут Ново-Николаевск, 26 мая — Челябинск, 28-го — Миасс, Канск, Пензу, 30 мая взят Томск, 8 июня — Омск, тогда же чехи берут Самару. Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж полагает, что чехословацкие части формируют «ядро возможной контрреволюции в Сибири». В июле чехами взяты Тюмень, Уфа, Симбирск, Екатеринбург. 7 августа — Казань.

Во всех захваченных городах с ходу начинается террор против тех, кто представляет большевистскую власть или сочувствует ей. Мучают, издеваются, убивают, грабят, награбленное тащат с собой в эшелонах.

Английский премьер-министр Ллойд Джордж заблуждался насчет возникновения ядра контрреволюции. Действительно, в занятых чехами городах возникали многочисленные антибольшевистские белые правительства, но они катастрофически не находили общего языка.

К осени 1918 года активность Чехословацкого корпуса в основном исчерпывается. В Австро-Венгрии — революция, империя распадается, образована независимая Чехословацкая республика. В России больше делать нечего. От Колчака и его правительства чехи старались дистанцироваться, но охраняли от красных участки Транссибирской магистрали. Когда Колчак начал отступать на восток, чехи захватывали для себя вагоны, выбрасывали раненых. Лично Колчака они взяли под свою охрану, но затем сдали его красным в обмен на свободный проезд во Владивосток.

Гражданская война в России этих чехов и словаков не интересовала. По стечению обстоятельств по России прошел их путь из мировой войны к дому. А Первая мировая война приучила всех участвовавших в ней к большой крови.

2 ИЮНЯ

2 июня 1918 года Ленин в связи с отъездом делегации в Берлин для проработки экономического соглашения с Германией пишет письмо полпреду Адольфу Иоффе. В письме Ленин характеризует только назначенного наркома иностранных дел Георгия Васильевича Чичерина как «прекрасного работника».

Чичерин незадолго до этого вернулся в Россию. За границей прожил четырнадцать лет. Он был сначала большевиком, потом меньшевиком. Писал в европейские социал-демократические газеты. Неприемимый противник так называемых эксов, то есть экспроприаций, попросту бандитских ограблений банков в пользу большевистской партии. Чичерин от меньшевиков занимался исследованием знаменитого разбойного нападения в Тифлисе, осуществленного Камо под руководством Сталина с последующей доставкой денег Ленину.

В Лондоне Чичерин был одним из основателей Комитета для оказания помощи русским политкаторжанам и ссыльнопоселенцам.

Там же был арестован за антивоенную агитацию во время мировой войны, сидел в Брикстонской тюрьме. Его освобождением занимался Троцкий.

С Чичериным-наркомом в 1918 году встретился деятель большевистской партии, впоследствии «невозвращенец» Георгий Соломон, оставил воспоминания: «В сущности, Чичерин был человек совершенно ненормальный. Его день начинался только часа в три-четыре после полудня и продолжался до четырех-пяти часов утра. А потому и служащие Наркоминдела должны были работать по ночам. В других ведомствах также должны были быть готовы по ночам давать Чичерину необходимые справки. Чичерин звонил мне по телефону без всякого стеснения в три-четыре ночи».

Через десятилетие вся страна начнет работать в режиме, когда день и ночь будут напрочь перепутаны, когда свет в окнах наркоматов будет гореть до утра. Это произойдет уже по прихоти Сталина, но никто не посмеет в его адрес сказать: «совершенно ненормальный человек».

Георгия Васильевича Чичерина, в отличие от главных большевистских лидеров, власть над людьми не интересовала. Ленин сделал его наркомом иностранных дел, но Чичерин по природе своей не был администратором. Он делал все сам и в режиме, выработанном вольной эмигрантской жизнью. Советская реальность усугубляла его привычки. Аппарат комиссариата иностранных дел беспорядочно сокращали, удаляли сотрудников, которых Чичерин подбирал сам. Он писал Сталину: «Прошу на моей могиле написать: здесь лежит Чичерин, жертва сокращений и чисток. Я лично за все отдувался, и это было моей гибелью, ни один черт этого не выдержал бы».

Чичерин плохо разбирался в текущей ситуации и в своих высказываниях не был дипломатом. Он безоглядно выступал против замены старых специалистов на новых людей с пролетарским происхождением. Не подбирал выражений: «Втискивание к нам сырого элемента, а в особенности лишенного внешних культурных атрибутов, а именно копанье пальцем в носу, харканье и плевание на пол, на дорогие ковры, отсутствие опрятности, крайне затрудняет не только до зарезу необходимое политически и экономически развитие новых связей, но даже сохранение существующих, без которых политика невозможна... Кроме того, с новыми людьми нескончаемая склока, доносы, демагогия».

Все это в описании Чичерина напоминает происходящее в булгаковском «Собачьем сердце». Но Чичерин — не профессор Преображенский. О Чичерине совершенно справедливо написал другой большевик и нарком просвещения Анатолий Луначарский: «Он разрушил счастье своей личной жизни, имея все, чтобы быть счастливым: чудесную, тонкую физическую красоту, великолепное умственное развитие, громадное богатство. Он все это бросил, потому что пошел на зов революции».

На самом деле у Чичерина было даже не две жизни, а четыре. В первой — он выходец из богатой аристократической семьи. Его предок по фамилии Чичерини в XV веке прибыл в Москву из Италии в свите Софьи Палеолог, ставшей женой Ивана Третьего.

Сам Чичерин получил прекрасное образование. Владел кучей языков. В МИДе работал еще до революции. Но верх в его натуре взяли народнические настроения, а именно русское интеллигентское чувство вины перед народом за свои привилегии, за свое избыточное состояние. Получив наследство, Чичерин начал тратить его на нужды ленинской партии. Сделался аскетом, никаких развлечений, приличных костюмов, кроме самых дешевых, никакой игры на рояле.

Вторая жизнь Чичерина — на посту наркома при Ленине. Фактически Ленин был главой внешнеполитического ведомства, он разрабатывал советскую внешнюю политику. Чичерин выполнял ленинские указания. В этот период — участие в Генуэзской конференции, заключение договора с Германией в Рапалло, установление отношений с Турцией, Афганистаном, Ираном. Чичерин был в контакте исключительно с Лениным и редко взаимодействовал с другими членами Политбюро. Когда к власти пришел Сталин, Чичерин был вообще отстранен от политических решений.

Третья жизнь — это как раз его жизнь при Сталине. Чичерин в ужасе от «Шахтинского дела», от этого первого сталинского сфабрикованного процесса против советских и немецких инженеров, объявленных вредителями. Чичерин понимал, что это чревато разрывом германо-советских отношений, которые он, как мог, выстраивал в условиях международной изоляции СССР. Он пишет: «Наш внутренний враг — ГПУ». ГПУ — Главное политическое управление, сталинская спецслужба.

Чичерин пишет: «Вечные попытки подговорить швейцарца, шофера посольства под угрозой ареста сделаться осведомителем ГПУ.

Руководители ГПУ слепо верят всякому идиоту или мерзавцу, которого они делают своим агентом».

А четвертая жизнь Чичерина проходила в комнате при Наркоминделе на Кузнецком мосту, где он проживал. Его единственным домашним животным была кошка. В этой жизни Чичерин написал книгу о Моцарте, которого прекрасно исполнял. Очень редко выходил на улицу, где чувствовал себя неуверенно. Был человеком нетрадиционной сексуальной ориентации.

Чичерин был уже очень болен, когда глава ОГПУ Ягода затеял дело о заговоре гомосексуалистов, которые были объявлены людьми, легко вовлекаемыми в шпионаж и контрреволюционную деятельность. Была идея сделать Чичерина главным заговорщиком в Наркоминделе. От нее отказались по причине болезни Чичерина. Но на траурной панихиде в официальной речи было сказано, что деятельность Комиссариата при Чичерине была неудовлетворительной.

9 ИЮНЯ

9 июня 1918 года в Самаре прошло собрание бывших царских офицеров Генерального штаба, на котором был поставлен вопрос о том, кто возглавит добровольческие антибольшевистские части. Желающих не было. Ответственность взял на себя подполковник Владимир Оскарович Каппель. Дворянин, окончил кадетский корпус в Санкт-Петербурге, Николаевское кавалерийское училище, Академию Генштаба. Высокий, красивый, обаятельный, небогатый, но целеустремленный.

В Первую мировую он был на должности начальника разведывательного отделения штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. То есть непосредственный начальник Каппеля главнокомандующий генерал Деникин.

По взглядам — убежденный монархист. Он очень тяжело пережил Февральскую революцию, тяжелее, чем Октябрьскую. Со своей монархической точки зрения он не усматривал разницы между Февралем и Октябрем. Вполне вероятно, обострение его монархизма — это обратная сторона дезориентированности, отчаяния, в котором оказывается Каппель, лишившись службы, статуса, яс-

ности перспектив и заработка. Генералы Корнилов, Деникин, Марков осенью 1917 года целенаправленно прорывались на Юг России, чтобы там попытаться организовать Добровольческую армию для борьбы с большевиками. Каппель на Юг, куда двигались многие, не поедет. Он направляется в Пермь к семье. Вскоре при содействии сослуживца по Генштабу в условиях безработицы и безденежья получает место у красных. Как и многие, Каппель пошел к красным с оговоркой: да, я согласен служить, но так, чтобы мой опыт и знания использовались исключительно против германского продвижения в глубь России.

Часть офицеров выжидала, надеясь избежать участия в Гражданской войне. Этот период ожидания резко обрывается, когда Каппеля намереваются привлечь к подавлению антибольшевистских выступлений. Каппель, так же как многие другие офицеры, скрылся.

По другим данным, Каппель был арестован за отказ воевать против населения и приговорен к расстрелу. Его спасает восстание войск Чехословацкого корпуса. Это попавшие в плен в мировую войну чехи и словаки, которые в виде особого национального соединения перешли на службу в российскую армию. Помимо военных частей они создают политический орган, ставящий целью основание независимого чехословацкого государства вне Австро-Венгерской империи. После Октябрьского переворота 1917 года в России Чехословацкий корпус намерен войти в состав французской армии. Для этого корпус должен проделать путь через Россию до Владивостока и дальше морем двигаться в Европу. Но большевики предпринимают попытку разоружить Чехословацкий корпус. Они оказывают сопротивление, потянувшее за собой цепь дальнейших событий. В конце мая 1918 года в Пензе командир части корпуса поручик Чечек вступает в контакт с эсерами, базирующимися в Самаре. Эти эсеры — депутаты Учредительного собрания, разогнанного большевиками. На выборах в Учредительное собрание именно эсеры получили большинство, и именно поэтому большевики разогнали Учредительное собрание. В начале 1918 года эсеры пытаются организовать антибольшевистскую борьбу. Активен самый знаменитый левый эсер Борис Савенков, в царском прошлом руководитель боевой эсеровской организации, автор множества громких терактов против высших чиновников и членов романовской семьи. Теперь, в новых политических условиях, эсеры как партия, ориентированная

на крестьян, сосредоточены в Поволжье и на Урале в расчете на крестьянскую и казацкую поддержку. Но в реальности складывается совершенно неожиданная антибольшевистская конфигурация: эсеры, руководитель Чехословацкого корпуса и бывшие царские офицеры.

Поручик Чечек с чехословацкими частями занимает Самару, и власть в городе берут эсеры из разогнанного Учредительного собрания: они так и называют себя Комитет членов Учредительного собрания — Комуч. Комуч начинает формирование Народной армии, в основном из числа офицеров. Затея выглядит провальной, желающих возглавить армию нет. Готов рискнуть Каппель. Монархист по убеждениям встает во главе вооруженного формирования под эсеровским флагом. Сочетание Каппель—Савинков — из самых непредсказуемых, экзотических даже для Гражданской войны.

Каппель начинает воевать практически сразу. Командует Добровольческой дружиной: 90 штыков пехотного батальона, 45 сабель кавалерийского эскадрона, 150 человек и два орудия конной батареи, разведка, подрывники. Всего 350 человек. Иногда больше, иногда меньше. Каппель действует маленькими отрядами.

Под его командованием взята Сызрань. Дальше поход на Симбирск. Это будет совместная операция с чехословацкими войсками. Отряд Каппеля за 4 дня с боями проходит 140 километров и первым берет Симбирск. Каппель произведен в полковники. На востоке еще нет фронта, еще нет в помине никакого Колчака, а Каппель уже знаменит.

Среди добровольцев оказываются незначительная часть офицеров, гимназисты, студенты и немного безработных. Точно такая же картина, как и на Юге России. Лавочники, купечество в армию категорически не идут. Интеллигенция и значительная часть офицерства выжидают. Крепкие крестьяне, которых в поволжских деревнях большинство, тоже выжидают.

В результате получилось следующее. Эсеры, которые были инициаторами создания Народной антибольшевистской армии, были уверены, что эта армия «должна быть мужицкой». Их идея не оправдалась. Монархист Каппель, который стоит во главе этой армии, воюет с теми, кто есть. Воюет успешно. В июле отбивает у красных Казань. В его армии около 15 тысяч человек. Он намерен двигаться на Нижний Новгород и далее на Москву. Но тут успех оставляет Каппеля.

Вообще это поразительная история с властью на востоке страны в 1918 году. Итак, Самарское правительство, у которого есть некоторая армия, в которой воюет Каппель. Дальше Уральское правительство в Екатеринбурге без армии, без продовольствия, без денег: ему нечем кормить промышленные уральские города и поселки. Дальше правительства уральских и оренбургских казаков, которые заняты только собой и не озабочены судьбой страны в целом. И еще Сибирское правительство с центром в Омске. В целом в сфере действия этих антибольшевистских правительств — 25 или 30 миллионов населения. Казалось бы, из этого населения можно выстроить некоторую армию востока России. Но совместных усилий всех этих правительств нет. В сентябре 1918 года предпринята попытка создания объединенной коллегиальной власти на огромной восточной территории России. Каппель в связи с этим пишет: «От неурядиц власти страдает фронт. Власть должна быть создана во всяком случае». Власть назвали Директорией. Но практически сразу пошли разговоры, что для русского народа такая размытая власть чужда, люди понимают власть твердую, единоличную. И вообще, для восстановления государства всю власть целесообразно сосредоточить в руках одного военного лица. Им станет Колчак.

Каппель никогда не имел амбиций возглавить антибольшевистскую войну на востоке в качестве лидера. В свое время противился даже тому, чтобы его бригада называлась «каппелевской». Говорил: «Я не член императорской фамилии, чтобы моим именем при жизни назывались воинские части, и не из тех атаманов, которые при жизни называют своими именами полки». Он будет оставаться на фронте, но не сможет удержать фронт. Он был командиром в предложенных обстоятельствах. Он назначен главнокомандующим армии, когда армии уже фактически нет, в финале отступления и проживает с честью это отступление перед превосходящими силами противника, то есть с ожесточенными боями. Уже нет никакого правительства. Есть Каппель и остатки армии.

Он завершил исход из России. И этот исход был страшен. Зима. Сибирь. Остатки армии, гражданские, семьи с детьми. Двигались вдоль железной дороги, на санях, пешком. Тиф, больные рядом со здоровыми. Вся дорога позади отступающих усеяна трупами лошадей. Случайные бои с партизанами. Идут по тайге, по руслу какой-то замерзшей реки, по снегу, по целику. В Ачинск, дальше к Красноярску.

Под Красноярском — жесточайшие бои, потеряли до 90 процентов всей движущейся людской массы. Уже после Красноярска, на реке Кан, двигаясь по занесенному снегом льду, Каппель в 50-градусный мороз отморозил себе ноги, началась гангрена, в какой-то деревне простым ножом доктор без анестезии ампутировал ему пятки и пальцы. Он умер недалеко от Иркутска, на разъезде Утай. Все двинутся в сторону Байкала и повезут с собой тело Каппеля. Голодные, обмороженные, потерявшие представление о реальности, эти люди перейдут по льду Байкал и в Чите, еще не занятой красными, похоронят тело Каппеля. Когда красные будут наступать, отступающие повезут тело Каппеля дальше и захоронят уже в Харбине.

17 ИЮНЯ

17 июня 1918 года вечером был окончательно выработан план потопления кораблей Черноморского флота.

Ленин принял решение о потоплении флота еще 24 мая. Ситуация в Крыму, где в Севастополе базировался Черноморский флот, в это время крайне запутанная.

На Украине, как и в России, с весны 1917 года бурлила революция. Украина успела побыть автономией, потом отдельным государством, потом началось военное наступление большевиков и большевистское восстание в Киеве. Небольшевистская украинская власть в лице Верховной Рады подписала мир с Германией и Австро-Венгрией. Россия вскоре также подписала сепаратный Брестский мир с Германией и сразу же в тот же день признала независимость Украины.

В это время в Киеве при поддержке немцев к власти приходит гетман Скоропадский. Немцы продвигаются по Украине на восток и на юг, гонят большевиков и входят в Крым. Большевики дипломатическим путем пытались сохранить Крым за собой, но, как писал тогдашний главред «Известий» Стеклов, немцы действовали по принципу «чего моя нога захочет». Ленин о Крыме и немцах говорил, что они хотят Крым «мимоходом слопать».

В Севастополе стоит Черноморский флот. Перед самым подходом немцев в Севастопольском Совете обсуждают, что делать с фло-

том: дать бой немцам, сдать флот без боя, затопить или войти в состав Военно-морских сил Украины. В результате часть флота увели в Новороссийск. Корабли шли под разными флагами — под красными, андреевскими и украинскими. Немцы потребовали вернуть флот в Севастополь.

Большевики предложили самостоятельно разоружить флот. Ленин через советского посланника в Берлине заверял германскую сторону, что в соответствии с Брестским договором военные действия с советской стороны исключены. Немцы стояли на своем: флот вернуть в Севастополь. Соответственно советская сторона могла либо исполнить это условие, либо потопить флот.

Ленин принял решение об уничтожении флота.

Командующий Черноморским флотом контр-адмирал Саблин, получив приказ Ленина, срочно выехал в Москву, где пытался убедить большевистское правительство не торопиться с уничтожением кораблей. Вместо себя Саблин оставил капитана первого ранга Тихменева. Саблина в Москве арестовали. Для проведения операции по затоплению Черноморского флота откомандированы товарищи из центра. Перед ними была поставлена задача — обыграть ситуацию так, чтобы инициатива потопления судов исходила от матросов. Но против идеи затопления оказались и матросы, и командный состав, и местная партийная власть. Стояли на своем. Миссия уполномоченных из Москвы провалилась.

Часть кораблей под командованием Тихменева возвращается назад в Севастополь. Для уничтожения кораблей, оставшихся в Новороссийске, направлен Федор Раскольников. В оригинале уничтожить Черноморский флот поручалось Сталину. Но Сталин ушел от этого невыигрышного задания, сославшись на тяжелое положение под Царицыным, где тогда находился. Вместо него в Новороссийск неудачно съездили другие товарищи, а потом на дело был брошен Раскольников.

Подавляющая часть моряков выступала за открытый бой с Германией и была готова к героической гибели. Раскольников ни в каких дискуссиях не выступал. Он знал: никаких боевых действий против Германии быть не может, немцы в Пскове, два шага до Петрограда — и тогда доставшаяся большевикам власть будет безвозвратно потеряна.

За потопление флота стояла только небольшая кучка энергичных людей из младшего комсостава. Плюс командиры двух мино-

носцев. В целях нейтрализации основной массы моряков Раскольников предлагает всем желающим увольнение с получением жалованья за несколько месяцев вперед. Ушли две трети. Обезлюдившие корабли отбуксированы на внешний рейд.

18 июня 1918 года, предварительно заложив в машинное отделение каждого корабля взрывные патроны, в Цемесской бухте команда «Керчи» с короткой дистанции расстреляла все суда Черноморского флота, которые остались в Новороссийске, — всего 14 кораблей. Проблема возникла с огромным линейным кораблем «Свободная Россия». Его удалось взорвать только шестой миной. По воспоминаниям очевидца, Новороссийск «в этот день не работал и весь присутствовал на похоронах, все было усеяно народом; очень многие не выдерживали такой картины, со слезами на глазах ругали и советскую власть, и тех, которые ушли в Севастополь...».

После ухода немцев из Крыма корабли, вернувшиеся в Севастополь, перейдут к белой Добровольческой армии. Через два года на этих кораблях из Крыма будут эвакуироваться остатки белой армии, казаки, гражданское население.

Жизни участников затопления Черноморского флота 18 июня 1918 года имеют общий финал. Командир эсминца «Керчь» Владимир Кукель в 1937 году арестован, объявлен «врагом народа», расстрелян. Семья репрессирована. Главный комиссар Черноморского флота в мае-июне 1918 года Николай Глебов-Авилон в 1936-м арестован по обвинению в участии в террористической организации, расстрелян.

Капитан второго ранга Евгений Гернет, выведивший корабли из Севастополя в Новороссийск, в 1935 году арестован, выслан в Казахстан, умер в ссылке. Федор Раскольников, руководивший всей операцией в июне 1918 года, долгое время был на дипломатической службе, опасаясь ареста, не вернулся в СССР, стал «невозвращенцем», был объявлен вне закона. Написал «Открытое письмо Сталину» со знаменитыми словами:

«Где герои Октябрьской революции? Вы арестовали их, Сталин.

Где ленинская гвардия? Ее нет в живых. Вы расстреляли ее, Сталин.

Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?

Вы арестовали их, Сталин.

Вы непогрешимы, как папа! Вы никогда не ошибаетесь! Что сделали вы с конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего вашей личной власти, вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру.

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Вы — повар, готовящий острые блюда, для нормального человеческого желудка они не съедобны».

22 ИЮНЯ

22 июня 1918 года был расстрелян командующий Балтийским флотом капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Щастный. Это первый официальный расстрельный приговор большевистской власти. Щастный принадлежал к числу тех царских офицеров, которые после революции не вступили в борьбу с большевиками. Он полагал, что, оставшись на службе, он будет служить Родине и народу. Политическое принципиальное размежевание происходило даже вопреки долгим дружеским отношениям. В военно-морской среде таков пример двух адмиралов — Александра Колчака и Василия Альтфатера. Адмирал Альтфатер позже ненадолго станет первым командующим морскими силами Советской России.

Капитан 1-го ранга Щастный, дворянин, участник русско-японской и мировой войны, кавалер орденов Святой Анны и Святого Станислава, с ноября 1917 года назначен большевистской властью командующим Балтийским флотом. Должность адмиральская.

После отречения Николая II на флоте — хаос. Офицеров убивают. Во время Октябрьского переворота балтийские революционные матросы — опора большевиков. После захвата власти большевиками эти матросы с их полной отвязанностью представляют большую опасность. То обстоятельство, что Щастный избран матросами, является определенной гарантией установления дисциплины и порядка. Необходимость в надежном руководстве на Балтийском флоте

возрастает в связи с условиями сепаратного мирного договора с Германией, подписанного большевиками. Адмирал Альтфатер и капитан 1-го ранга Щастный были в составе советской делегации при подписании Брестского мира в качестве морских экспертов.

По букве Брестского договора Балтийский флот должен быть выведен из Финляндии и Эстонии, которые стали независимыми, и переведен в русский Кронштадт. Перед занятием немцами Ревеля базировавшийся там русский флот перешел в Гельсингфорс. Но это была временная мера. Командующий германской эскадрой предъявил ультиматум: весь русский флот в Гельсингфорсе должен быть передан немцам. Германия ведет себя как хочет в отношении большевистской власти, потому что большевикам кровь из носу нужен выход из войны, на любых условиях. Они смертельно боятся нового немецкого наступления. Боеспособной верной армии у них нет. Военного сопротивления немцам большевики оказать не могут. Немецкое наступление — это конец большевистской власти. Значит, единственный выход — выполнять все немецкие требования: требуют отдать им Балтийский флот — значит отдадим. Правда, параллельно Ленин и Троцкий торгуются с англичанами, которые продолжают войну с Германией, и им небезразлично, если российский флот на Балтике достанется немцам.

Командующий Балтфлотом Щастный, профессиональный моряк, а не политик, в этой ситуации совершенно откровенно говорит: «Я не вижу и не понимаю, что хочет правительство, что хотят политические официальные лица». Поэтому он руководствуется представлениями о профессиональной чести, большим военным опытом и убежденностью, что стране нужно сохранить флот. Вследствие всех этих факторов и при полной поддержке экипажей кораблей командующий Щастный принимает решение вывести Балтийский флот из Гельсингфорса в Кронштадт. Что он и делает.

Через льды Финского залива в сопровождении ледоколов «Ермак», «Волынец», «Силач» и «Город Ревель» шли линкоры «Гангут», «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь», «Андрей Первозванный», крейсера «Баян», «Олег», «Богатырь», «Рюрик», двенадцать подводных лодок, включая лодки «Тигр» и «Тур», 59 эсминцев и миноносцев, 25 сторожевиков и тральщиков. В отличие от Черноморского флота, который был взорван и затоплен по приказу Ленина, Балтийский флот был спасен командующим Щастным. Немцы, есте-

ственно, были в бешенстве и направили ноту большевистскому правительству. Первая по яркости женщина революции Лариса Рейснер была в восхищении от подвига Щастного и самого Щастного. Она тогда писала: «В истории великих войн не забудется последний подвиг... Среди льда, под угрозой измены и нападения, стая боевых кораблей прорвалась к своему красному знамени... еще раз бросив свое стальное тело на защиту свободы».

28 мая народный комиссар по военным делам Троцкий вынес постановление в отношении Щастного: «...считаю необходимым подвергнуть аресту и передать чрезвычайному суду». Щастный был вызван в Москву, арестован в кабинете Троцкого и отправлен в Таганскую тюрьму.

Заседание революционного трибунала проходило 20 и 21 июня 1918 года. Свидетель на этом процессе был всего один — сам Троцкий. На самом деле свидетелей подготовки к осуществлению этого героического похода было достаточно, но на заседании ревтрибунала их не было.

Троцкий обвинял Щастного не только и не столько в самовольном выводе флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Троцкий утверждал, что адмирал занимался антисоветской агитацией, что «Щастный повел такую политику, чтобы завладеть властью не только на флоте, но и во всей России... Щастный хочет стать диктатором».

Большевики не испытывают никакой уверенности в прочности своей власти. Их власть действительно висит на волоске. Поэтому в каждом сильном персонаже большевики видят политического конкурента и прямую угрозу.

Кроме того, в конфискованных документах Щастного были обнаружены бумаги, свидетельствующие о договоренностях между немцами и большевиками. Для большевиков это исключительно больной вопрос. Троцкий, выступая на процессе, обвинял Щастного в поддержке слухов о связи большевиков с Германией. Подобные разговоры в 1918 году вовсю идут в России. Большевики отслеживают эту ситуацию и дают всякое распространение подобной информации. Вскоре за это расплатятся левые эсеры. Их лидеры будут арестованы и убиты, партия запрещена. И партия большевиков надолго станет единственной на территории России.

На заседании по делу Щастного эсеры еще были в составе трибунала. После отказа в помиловании Щастного эсеры вышли из состава

ревтрибунала. Но это ни на что уже не могло повлиять. 37-летнего бывшего командующего Балтийским флотом Алексея Щастного приговорили к расстрелу. Как раз незадолго до этого процесса, 13 июня 1918 года, большевики восстановили смертную казнь, которую они же демонстративно отменили сразу после захвата власти. 16 июня для рассмотрения дел исключительной важности был учрежден Высший революционный трибунал при Всероссийском исполнительном комитете. Этот свежееиспеченный орган и осудил Алексея Щастного.

Расстреливала его бригада китайцев. Большевики всю использовали наемников. Расстрел происходил в сквере Александровского военного училища. Это в Москве, в центре, около Гоголевского бульвара. В здании бывшего Александровского училища был кабинет Троцкого, там же заседал трибунал, там же и расстреливали.

28 ИЮНЯ

28 июня 1918 года подпоручик Михаил Николаевич Тухачевский вступил в командование Первой армией Восточного фронта.

Тухачевский никогда не был идейным поклонником большевизма. В декабре 1917 года, после Октябрьского переворота, Тухачевский прощался в Петрограде с друзьями по Семеновскому полку, которые уходили на Дон к Корнилову. Тогда он сказал им: «Я остаюсь, сейчас мне по пути с большевиками». Тухачевский полагает, что новая ситуация в стране открывает для него карьерные перспективы. Он не одинок в своем выборе дальнейшего жизненного пути. Все командные и штабные должности в Красной армии заняты бывшими царскими военными специалистами. Троцкий поставил задачу хоть кнутом, хоть пряником привлечь военспецов на службу большевикам и добился успеха. К концу Гражданской войны в Красной армии не менее 125 тысяч царских офицеров. Они же готовят молодых красных командиров.

Тухачевский окончил Александровское военное училище в Москве 12 июля 1914 года, прямо накануне Первой мировой войны. Он был первым по успеваемости и по дисциплине, ему предоставили свободу выбора места службы, и он предпочел Семеновский

полк. В планах была Академия Генштаба. В 1913 году во время празднования трехсотлетия дома Романовых за рвение в службе портупей-юнкер Тухачевский представлен Николаю II.

Еще осенью 1914 года подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Тухачевский говорил однополчанам: «Для меня война — все. Или погибнуть, или отличиться, сделать себе карьеру, достигнуть сразу того, что в мирное время невозможно. В войне — мое будущее, моя карьера, моя цель жизни». В этих словах нет комплекса Бонапарта. Из них следует, что Тухачевский — профессиональный военный и человек с амбициями. В царской России это было банальным сочетанием, в новой стране характер Тухачевского нес в себе политический риск. А задатков политика у Тухачевского не было.

В Гражданскую войну его карьера с ходу идет вверх. Он воюет и на Восточном фронте, и на Дону, опять на Восточном фронте.

Тухачевский — воплощенная мечта Троцкого об использовании царских военных специалистов в Красной армии. Троцкий назвал Тухачевского «демоном Гражданской войны».

В 1920 году, весной, Тухачевский назначен командующим Западным фронтом, в то время главным фронтом для Красной армии. Ленин выдвинул лозунг: «Через Варшаву на Берлин и Париж». Тухачевскому 27 лет. Перед ним цель, о которой в юности он не мог даже мечтать. Его приказ перед июльским наступлением отчетливо передает его состояние: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На запад! На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»

Но польский поход Красной армии закончился поражением. Тухачевский счел, что его карьера завершена. Однако ему представилась возможность реабилитироваться. Сначала ему поручают подавление мятежа моряков в Кронштадте.

Большинство кронштадтских моряков, принимавших участие в Октябрьском перевороте, выходцы из деревни, их иногда отпускают в короткий отпуск домой, они получают из дома письма. Они в курсе, что в деревне голод, что продотрядам сдают даже резаную картошку, которую посадили накануне. Выкапывают и сдают. В самом Кронштадте паек постоянно сокращают. В Питере заводы бастуют из-за задержки зарплат. Моряки требуют свободы слова

и собраний, освобождения заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями, ликвидации коммунистических политотделов, предоставления крестьянам права распоряжаться землей и свободно торговать.

Тухачевский давит мятеж. Вслед за этим его бросают на подавление крестьянского антибольшевистского восстания в Тамбовской губернии. Ленин назначает Тухачевского единоличным командующим войсками в Тамбовском округе. Дает для ликвидации восстания месячный срок.

По прибытии в Тамбов Тухачевский издает приказы: «Граждан, отказавшихся назвать свое имя, расстреливать на месте. В случае нахождения оружия — расстреливать старшего работника в семье».

Распространяет обращение к восставшим крестьянам: «Вам, участникам бандитских шаяк, остается одно из двух: либо погибнуть, как бешеным псам, либо сдаваться на милость советской власти. Семья уклонившегося от явки забирается в заложники».

Против крестьян Тухачевский применяет химическое оружие. Докладывает Ленину: «Советская власть установлена повсеместно».

Однако с 1924 года Тухачевский взят на оперативный учет ОГПУ вместе с другими известными военачальниками и военспецами из бывших. Через пять лет Сталин сочтет, что бывшие царские офицеры сделали свое дело и от них пора избавляться. Будут арестованы около 5000 военспецов. Тухачевского не тронут. Но в ходе допросов под пытками на него будут выбиты показания, что он, Тухачевский, ни много ни мало планирует покушение на Сталина и захват власти. В ход тогда это не пустили. Тухачевский становится крупным военным теоретиком, играет серьезную роль в советско-германском сотрудничестве, посещает маневры рейхсвера, германские заводы. Все это отслеживается ОГПУ и в любой момент готово превратиться в обвинение в шпионаже в пользу Германии. Хотя с этим сложно, потому что Тухачевский с конца 20-х годов говорит о неизбежности лет через 10–12 военного столкновения именно с Германией, к которому надо серьезно готовиться.

Тухачевский становится начальником Ленинградского военного округа. В 1933-м его награждают орденом Ленина. 7 ноября 1933-го он принимает парад на Красной площади. В 1934-м он избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1935-м Тухачевский вместе с Ворошиловым, Буденным, Егоровым и Блюхером удостоен звания Маршала

Советского Союза. В 1936-м в апреле он становится первым заместителем наркома обороны и начальником управления боевой подготовки РККА. Фактически он первый маршал. В случае войны он будет инициативным, грамотным и независимым в решениях. Такой Тухачевский Сталину не нужен. Ввиду приближающейся войны Сталин видит в Тухачевском угрозу собственной власти. Тухачевский арестован, обвинен на большом громком процессе и расстрелян.

Один из бывших сотрудников НКВД после XX съезда вспоминал: «Я видел в коридоре НКВД Тухачевского, которого вели на допрос. Одет он был в серый штатский костюм, а поверх него был надет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти».

6 ИЮЛЯ

6 июля 1918 года произошло событие, вошедшее в историю как левозсеровский мятеж. Главным эпизодом 6 июля было убийство германского посла графа Вильгельма фон Мирбаха. Собственно, этот факт — единственное бесспорное в истории 6 июля. Посла убили начальник «германского» отдела контрразведки ВЧК Яков Блюмкин и его сотрудник Николай Андреев. Оба — члены партии левых эсеров, которая с момента Октябрьского переворота состояла в союзе с большевиками и присутствовала в органах власти, включая ВЧК.

Блюмкин и Андреев явились в посольство Германии в Москве в Денежном переулке, имея в руках официальную бумагу от ВЧК за подписью Дзержинского. Были допущены к послу, коротко поговорили с ним, затем сделали несколько выстрелов, кинули гранаты и скрылись. Посол скончался на месте. Вот это — точно.

Дальше — никакой определенности. Кто на самом деле все это затеял? У левых эсеров были резоны, которые они не скрывали. Левые эсеры последовательно выступали против сепаратного Брестского мира с Германией, считали недопустимыми любые договоренности с империалистами. Кроме того, левые эсеры выступили против продразверстки — принудительного отъема хлеба у крестьян, который осуществляли большевики, чтобы кормить свою новую армию, а также Москву и Питер, в которых захватили власть.

Большевики использовали в своих интересах крестьянскую бедноту, по сути, наименее работающих и наиболее завистливых, создавали из них комитеты бедноты — комбеды, и люди из комбедов вытесняли левых эсеров из сельских Советов.

5 июля 1918 года в Большом театре открылся V съезд Советов, где левые эсеры и большевики с ходу вступили в схватку. Один из лидеров левых эсеров, знаменитая своим несгибаемым мужеством, прошедшая каторгу Мария Спиридонова назвала большевиков «предателями революции», предложила вынести вотум недоверия Совнаркому, то есть правительству, и денонсировать Брестский мир.

То есть левые эсеры могли пойти на убийство германского посла Мирбаха в надежде, что дальше начнется война с Германией, а потом вспыхнет мировая революция. Не надо забывать, что это середина 1918 года и в мировую революцию верят очень многие.

Кроме того, левые эсеры только полгода как отделились от эсеровской партии, которая до революции исповедовала индивидуальный террор в отношении крупных должностных лиц. Из самых громких терактов — убийство министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича. Поэтому в убийстве Мирбаха можно усмотреть эсеровский почерк.

Наконец, в спецотряде ВЧК под руководством Попова, состоящем из финнов и матросов, большинство левые эсеры. В расположение этого спецотряда после убийства посла явились его убийцы Блюмкин и Андреев.

Силами левых эсеров 6 июля был взят телеграф, а потом никаких решительных действий не последовало. Может быть, все просто было плохо подготовлено.

НО. Авторство этой затеи могло принадлежать совсем другим людям, у которых тоже были свои мотивы. В рядах большевистского руководства были лица, которые также жестко выступали против сепаратного мира с Германией и с которыми Ленин бился и против которых всячески интриговал. Эти люди — ни много ни мало — Дзержинский и Бухарин. Бухарин — партийный идеолог и авторитет, Дзержинский — глава ВЧК. А германский посол Мирбах убит сотрудником ВЧК. Дзержинский после убийства лично приехал в отряд Попова, где был объявлен арестованным. Но никаких чрезвычайных действий в разгар вроде как идущего мятежа

в отношении Дзержинского предпринято не было. В течение пяти часов он у командира спецотряда Попова пил чай. То есть во время мятежа Дзержинский фактически устранился от руководства ВЧК.

Еще весной 1918 года на фоне подписания мира с Германией Дзержинский имел контакты с контрразведчиком Владимиром Орловым, до революции расследовавшим «германский след» в большевистской партии. После революции Орлов также работал уже в новых следственных органах и был сторонником ориентации России на Англию и Францию. Дзержинский хотел забрать его в Москву и поставить во главе контрразведки ВЧК. Но Орлова как сильного профессионала не пустили из Питера, и контрразведку возглавил Блюмкин. Который и убил Мирбаха. Впоследствии Дзержинский дал рекомендацию Блюмкину для вступления в ряды большевистской партии и всячески продвигал его в ВЧК.

Так что события 6 июля могли быть неудавшейся или не доведенной до конца историей, затеянной определенной частью большевиков вместе с эсерами с целью отстранения Ленина или давления на него.

Ленин после 6 июля на некоторое время убрал Дзержинского с ВЧК.

Однако. Есть еще один вариант этих событий. Германский посол Мирбах встречался с Лениным 16 мая 1918 года. 18 мая в телеграмме в Берлин посол подчеркивал, что, по его оценкам, чтобы удержать большевиков у власти, потребуется разовая сумма в 40 миллионов марок и еще по 3 миллиона марок ежемесячно. Но через месяц Мирбах телеграфирует, что большевики доживают последние дни. Мирбах предлагает работать над созданием нового прогерманского, но антибольшевистского правительства. Именно в этот момент в ВЧК создается отделение контрразведки, которое курирует работу германского посольства. Это отделение возглавляет Блюмкин, а фотографом там работает Андреев. Которые и убивают посла Мирбаха, чтобы он не вел новую политическую игру и не оставлял лишних признаков германских денег в большевистской истории.

Летом 1918 года положение Германии на фронте мировой войны таково, что, несмотря на убийство своего посла, им не до того, чтобы начинать боевые действия против России. Мировая война идет к концу и уже очевидному поражению Германии. Так что большевики могут быть уверены, что убийство посла не спровоцирует германское наступление.

По словам наркома просвещения Луначарского, Ленин в его присутствии после покушения на Мирбаха отдал по телефону приказ в отношении Блюмкина: «искать, очень тщательно искать, но... не найти».

Дзержинского, как главу ВЧК, в этой комбинации несомненно следовало на время отстранить. Через два месяца ВЧК будет формироваться в новом составе под руководством того же Дзержинского.

Не следует думать, что без событий 6 июля большевики не ликвидировали бы партию левых эсеров, последнюю из партий, существовавшую одновременно с большевиками на советском политическом поле. Ленину для этого повод был не нужен. Союз с левыми эсерами был чисто тактическим. Ленин не терпел никакой политической конкуренции.

Пожалуй, кроме убийства Мирбаха, в истории 6 июля есть еще один бесспорный факт.

Эпоха индивидуального террора в стране после падения самодержавия закончилась. При новой большевистской власти террор вошел в свою высшую стадию — террор стал государственным. Возможно, именно посол Мирбах был первой пробой пера.

14 ИЮЛЯ

14 июля 1918 года газета «Правда» написала: «В Ярославле убиты восставшими белогвардейцами... самые стойкие, испытанные борцы пролетарской армии. Товарищи ярославцы! Мы ждем от вас ответа: сколько сотен гадов и паразитов истребили вы за три драгоценные жизни наших друзей?»

14 июля — девятый день антибольшевистского восстания в Ярославле. Город — поле сражений белых и красных. В городе нет воды. Жители в разгар боев идут за водой к Волге. Один из очевидцев вспоминал: «Под аркой лежало несколько человек офицеров в полной форме с Георгиевскими крестами, убитых, а рядом старуха с пустыми ведрами».

Ярославское восстание против большевистской власти началось 6 июля 1918 года. Идеолог восстания — знаменитый эсер Борис Савинков. До революции в первое десятилетие XX века Савинков возглавлял боевую организацию эсеровской партии, которая занималась террором против высоких чиновников вплоть до генерал-губернатора

Москвы великого князя Сергея Александровича Романова, убитого прямо в Кремле. Борис Савинков — сильный организатор, боец в прямом и переносном смысле. После Февральской революции состоял товарищем (то есть заместителем) военного министра во Временном правительстве при том, что военным министром был сам Керенский. У Савинкова были реальные претензии на роль диктатора. После того как большевики разогнали Учредительное собрание, Савинков занял активную антибольшевистскую позицию, создал «Союз защиты Родины и Свободы». В этой борьбе Савинкова не интересует партийная принадлежность возможных союзников. Судьба на новом историческом этапе объединяет борца с монархией Савинкова с такими убежденными монархистами, как герой Белого движения Каппель или как непосредственный руководитель восстания в Ярославле полковник, георгиевский кавалер Александр Перхуров.

По замыслу Бориса Савинкова, восстания против большевиков должны были произойти в 23 городах Поволжья и Центральной России. Савинков рассчитывал на поддержку англо-французского десанта в Архангельске. Целью ставил взятие Москвы и свержение большевистской власти, которая к июлю 1918 года контролирует незначительную часть страны и вызывает ненависть у крестьян, у которых насильственно отбирают весь хлеб, и ненависть у рабочих, которым перестали платить зарплаты.

Но Савинков ошибся, возлагая надежды на содействие сил извне. Помощи с этой стороны не было. Ленин лично это подтвердил, сказав: «Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения этих трех держав (Британии, Франции и Японии) было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами».

Ночью 6 июля в Ярославле на кладбище собралось около сотни офицеров, на всех было 12 револьверов. Они захватили артиллерийский склад. Охрана сдалась без боя, часть красноармейцев примкнула к восставшим. Дальше были захвачены здания, где базировалась советская власть, а также почта и телеграф. Все это практически без стрельбы. К 8 утра город был под контролем восставших.

В первый день восстания расстреляны три большевистских руководителя Ярославля. В тот же день по городу расклеены листовки: «Граждане! Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Будет законно избрано Народное собрание, которое создаст

основы государственного строя, установит политическую и гражданскую свободу и на основании закона закрепит за трудовым крестьянством землю в полную собственность. Спасем нашу Родину и наш народ от позора, рабства и голода».

На второй день стало очевидно, что у восставших нехватка патронов, что в городе только два орудия и 500 снарядов и что красные имеют абсолютный перевес в артиллерии. Очень скоро стало понятно, что красные применяют зажигательные снаряды, поэтому пожары охватывают и деревянные, и каменные здания. Весь город в огне. Руководитель восставших полковник Перхуров направил письмо в штаб красных, чтобы они прекратили стрельбу зажигательными снарядами, потому что они наносят урон не восставшим, а мирному населению города. В ответ обстрел усилился. Работников свергнутых органов большевистской власти держать в тюрьме в этой обстановке невозможно. Их сажают на баржу, выводят на середину Волги и ставят баржу на причал. Один раз им привезут еду. Потом уже не до них.

Жители Ярославля в большом количестве приходят в штаб восставших записываться добровольцами. Подтягиваются крестьяне из соседних волостей, просят дать им оружие, чтобы биться с красными. Это вселяет оптимизм.

На третий день восстания стрельба со стороны красных усиливается. Несмотря на фронтовую обстановку, в городе работает созданная по дореволюционному принципу управа, пытается заниматься городским хозяйством, хоронят убитых.

Никакой помощи от обещанного французского десанта в Архангельске нет. Но восставшие выступают против эвакуации из города и выражают готовность сражаться до конца.

Потери большие. Погода — то жара, то проливной дождь. Красные постоянно получают пополнение. Но восставшие офицеры — это ветераны Первой мировой, они ведут себя хладнокровно, профессионально и вносят панику в ряды красных. Военный комиссар Ярославского округа Аркадьев телеграфирует в Москву: «Сначала имели успех, затем ввиду утомления и упадка духа сила удара стала ослабевать. Шлите подкрепление для штурма».

Для подавления восстания большевики задействовали латышей, китайцев, венгров, то есть наемников. Крестьяне, которые решили было воевать против красных, бросают оружие и уходят в свои деревни. Это вообще поразительная особенность Гражданской войны.

Крестьяне не хотят воевать ни на чьей стороне, думают — бог милует, авось пронесет, и не защищают себя и свою землю. В Ярославле нет ни света, ни воды. Город — в осаде, но не взят. Красные просят подвезти химические снаряды. Просят баллоны с удушливым газом. Это был первый раз, когда большевики намерены в России применять химическое оружие. В Ярославле это не позволила сделать погода: сильный ветер и дождь. Но будет сделано в 1921 году при подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

Красные помимо артобстрелов начинают бомбардировку с воздуха. Бомбы сбрасывают с самолетов с высоты полутора километров. В разгар боев арестанты на барже наконец отвязывают ее, и баржу несет под огнем с двух сторон, пока не прибудет случайно к тому берегу, где красные.

На 14-й день боев восставшим нечем сопротивляться. Принято неординарное решение: сдаться не красным, а немцам, которые находятся в Ярославле в виде некоей комиссии в соответствии с Брестским договором. Возглавляет комиссию лейтенант Балк. Ему ярославские офицеры сдали оружие, он гарантировал им убежище, а потом сдал их красным.

Город в руинах. Сплошное пожарище. События в Ярославле в июле 1918 года не столько история 16-дневного восстания против большевиков. Это первое свидетельство того, что большевики не остановятся ни перед чем для удержания власти. Они намерены захватить страну и делают это.

20 ИЮЛЯ

20 июля 1918 года в Москве состоялся разговор председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Свердлова с главой Уральского облсовета Белобородовым, в ходе которого Белобородов задал вопрос: «Можем ли мы оповестить население известным текстом?» Речь шла о том, чтобы сообщить населению Екатеринбурга о расстреле бывшего императора Николая II в формулировке, утвержденной на заседании Президиума центрального исполнительного комитета 18 июля. 19 июля информация об итогах этого заседания была опубликована в газете «Известия». Суть ин-

формации: Екатеринбург серьезно угрожает опасность приближения белых, кроме того, раскрыт заговор контрреволюционеров, имевший целью — цитирую — «вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение. Жена и дети Николая Романова отправлены в надежное место».

Надо иметь в виду, что это июль 1918 года, и то, что опубликовано в газетах в Москве, неизвестно в Екатеринбурге. Также следует учитывать, что обстановка в Екатеринбурге для большевиков гораздо хуже, чем в Москве. Город в любой момент может быть взят белыми, настроение населения крайне неустойчиво, о том, как информировать людей, следует получить инструкцию в Москве. Эта инструкция четко указывает на то, что центральная большевистская власть хочет препарировать совершенное преступление и часть его скрыть. Бессудному расстрелу Николая II еще можно придать некий политический смысл. Именно для этого большевиками была избрета история якобы имевшего место заговора с целью спасения бывшего царя. Но зверское убийство его жены и, главное, детей не может иметь оправдания даже по большевистским представлениям, абсолютно свободным от общечеловеческой морали.

Высшая большевистская власть испытывала своего рода раздвоение в этот момент: с одной стороны, они не верили, что удержат власть; с другой — прикидывали, как им поприличней потом, когда утвердятся, выглядеть в глазах мира.

Один из участников убийства, Войков, позже, уже будучи советским полпредом в Польше, рассказывал коллеге Беседовскому, что «это была ужасная картина. Пол сделался совершенно скользким от крови, как на бойне». Войков был химик по образованию, и ему было поручено разработать план полного уничтожения трупов в шахтах. Он, советский посол, рассказывал коллеге по посольству: «Возле шахты лежала громадная кровавая масса человеческих обрубок, рук, ног, туловищ и голов. Мы все были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот сказал, что еще несколько таких дней — и он сошел бы с ума».

Позже каждый из участников этого убийства будет приписывать себе главную роль в убийстве Николая II, будут биться за первенство. Один из них, Петр Ермаков, в начале 30-х выступает с лекция-

ми об убийстве царя перед пионерами. Многих из этих пионеров, и октябрят, и совсем маленьких, история царских детей коснется непосредственно. Когда Сталин будет уничтожать крестьян, инженеров, артистов, писателей, партийных, советских чиновников, у всех этих арестованных, расстрелянных, сосланных будут дети. И террор не обойдет их. Террор отдельно будет направлен против детей.

15 августа 1937 года появляется приказ Ежова № 00486. Он охватывает жен и детей «врагов народа». Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным. Аресту подлежат также и жены, состоящие с осужденным в разводе, но не сообщавшие органам власти о контрреволюционной деятельности осужденного. Жены изменников родины, имеющие грудных детей, после вынесения приговора без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь. Грудные дети направляются вместе с осужденными матерями в лагерь. По достижении годовалого возраста дети передаются в детдома. Детей в возрасте от 3 до 15 лет содержат в детдомах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. Дети старше 15 лет подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД.

Вспоминает Мария Сандрацкая: «Со станции Ленинград-Товарная трогается большой состав из 45 теплушек с арестованными. Два вагона матерей с грудными детьми. Везут в Томский лагерь. Едут восемнадцать дней. Одна буржуйка не дает тепла на весь вагон. У многих грудных детей воспаление легких. Температура за 40. Две матери от отчаяния разрезали себе горло стеклом. Истекли кровью. Спасти их не удалось. Одна мать сошла с ума. Все время кричала, рыдала, хохотала, выла, кусала тех, кто пытался ее сдержать. Воды очень мало. Нет возможности постирать детское белье как следует. То, что все-таки выстирали, — сушили придуманным нами способом. Детские рубашонки, пеленки, чулочки мы обматывали вокруг своих ног, рук, спины, груди и так сушили.

В Томске нас привезли в пересыльную тюрьму. Шестьдесят три матери с закутанными грудными малютками идут по коридору. В камере лежали день и ночь на топчанах. Возле нас лежат наши дети. Детей кусают клопы. С обледенелых окон днем стекает вода. Ночью она застывает».

Мать писателя Василия Аксенова Евгения Гинзбург, проведшая в лагере на Колыме 10 лет, напишет знаменитую книгу «Крутой марш-

рут». Евгения Гинзбург вспоминает: «На дверях обычных лагерных барраков неожиданные надписи: «Грудниковая группа», «Ползунковая», «Старшая». В старшей группе только двое детей знают загадочное слово «мама». Эти дети почти не умеют говорить, потому что их никто не учил говорить. Их запрещено даже брать на руки. За ними смотрят специальные лагерные няньки. Матерей к детям подпускают очень редко».

В 1937 году в разгар арестов в семье Улановских состоялся разговор. В этой семье — профессиональные революционеры, участники Гражданской войны, советские резиденты в Америке. Разговор происходит между мужем и женой. Вспоминает Надежда Улановская: «При очередном аресте я недоумевала: «Что же делается? Почему? За что?» Муж спокойно ответил: «Что ты так волнуешься? Когда я рассказывал, как расстреливают белых офицеров в Крыму, — не волновалась? Когда кулаков уничтожали — ты оправдывала? А как дошло дело до нас, так «как? почему?»».

И мы стали искать в прошлом — когда же все началось? И разматывали нашу жизнь все дальше и дальше, и дошли до Октябрьской революции и до расстрела царя».

Четыре дочери и сын российского императора, которые лично не несли никакой вины перед народом, — это первые в России дети, которых жизнью или, точнее, смертью заставили ответить за родителей. Они первые дети «врагов народа». Их убийство — первая официально санкционированная смерть детей. В соответствии с Указом ЦИК и Совета Народных Комиссаров от 7 апреля 1935 года к детям, начиная с 12-летнего возраста, применяется высшая мера наказания — расстрел.

Дети Романовы просто были первыми.

27 ИЮЛЯ

27 июля 1918 года «на одном из складов в Астрахани удалось разыскать старые рельсы и погрузить их на пароходы «Канкум» и «Сережа». Об этом в телеграмме из Царицына в Москву сообщает Сталин. Информация о старых рельсах в Астрахани вроде бы проходная, но никак нельзя назвать проходным эпизод, связанный с пребыванием Сталина в Царицыне.

Решением Совета Народных Комиссаров Сталин еще в мае 1918 года был делегирован в качестве руководителя продовольственным делом на Юге России. 6 июня он прибыл в Царицын, который представлял собой важный железнодорожный узел. Через Царицын возможно переправлять продовольствие с Юга в центральные губернии России. А это вопрос не экономический, а острополитический. Если подкормить население в центре России, то большевики смогут удержать там власть. Кроме того, надо кормить новую армию, чтобы большевики смогли распространить свою власть на всю территорию страны. Так что Сталин был направлен на участок, где во многом решался вопрос о власти. Сталин шлет телеграмму в Совжелпрод, в Совет продовольственных железных дорог. В телеграмме пишет: «Продовольственного значения дороги при создавшихся условиях не могут признать лишь люди неосведомленные или живущие на Луне».

На самом деле, в это время для Сталина есть вещи поинтереснее железных дорог. Здесь у Царицына проходит линия фронта. Наступает генерал Краснов. Но здесь же Сталин выстраивает еще одну линию фронта — а именно с Троцким. Позиция Троцкого к лету 1918 года хорошо известна: «Нам срочно нужна дисциплинированная, хорошо управляемая, обученная армия. Ее могут сделать только профессионалы. Таковыми являются бывшие царские офицеры. Мы привлекаем их к нам на службу кнутом и пряником. Они выиграют нам Гражданскую войну».

Сталин направлен в Царицын на роль крепкого хозяйственника. Но идет война, и он хочет проявить себя в качестве военачальника, счел нужным обозначить, заявить себя в системе власти.

Военным руководителем созданного Северо-Кавказского военного округа состоит бывший генерал-лейтенант Снесарев, добровольно перешедший на службу к красным. И весь округ укомплектован военными профессионалами. Сталин выбирает тактику прямой клеветы на военспецов. Он пишет в телеграмме Ленину: «Эти специалисты — люди мертвые и кабинетные, совершенно непригодные к Гражданской войне». Сталин вмешивается в оперативно-тактическую сферу, желает лично планировать военные действия, при этом все неудачи и поражения списывает на профессионалов, вводит в заблуждение Москву и требует себе новых полномочий. Телеграфирует Ленину: «Дайте мне специальные полномочия военного характера в районе Южной России для принятия срочных мер,

пока не поздно... Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука». Через три дня телеграфирует снова: «Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командиров, которые губят дело... Отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Сталин начинает неподготовленное наступление, которое проваливается. Несмотря на это, Сталин убирает Снесарева и создает Военный Совет Северо-Кавказского округа под своим руководством. Потом Военный Совет переименовывают в Военно-революционный Совет. Сталин теперь держит в своих руках всю военную власть. Сталин проводит расстрелы военных специалистов. Часть сажают на баржу, вывозят на середину Волги и топят. Все это оборачивается тем, что белые берут Царицын в окружение.

В Царицыне Сталин знакомится с Ворошиловым, который демонстрирует готовность поддерживать Сталина в борьбе против военных специалистов. Значит, и против Троцкого. Вероятно, именно это обстоятельство впоследствии сохранит Ворошилову жизнь во время тотальных репрессий в армии.

Сталин, Ворошилов и их сторонники отказываются признать в качестве нового командующего Южным фронтом военного специалиста генерала Сытина, а также отказываются покинуть Царицын, несмотря на указание из Москвы. Конфликтная ситуация рассматривается в ЦК партии. От Сталина требуют подчинения Реввоенсовету. Сталин телеграфирует: «В ЦК партии необходимо обсудить вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции». И еще пишет Ленину: «Прошу, пока не поздно, унять Троцкого и поставить его в рамки».

Сталина отзывают в Москву. Там он пытается уладить отношения с Троцким. К 7 ноября 1918 года в «Правде» выходит статья Сталина под заголовком «Октябрьский переворот», где он пишет: «Вдохновителем переворота был ЦК партии во главе с товарищем Лениным. Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством товарища Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом товарищу Троцкому».

Позже в 1919 году ярые противники использования бывших царских офицеров в Красной армии составят так называемую «военную оппозицию». Ворошилов будет в ее рядах, а Сталин нет. На VIII съезде партии развернется дискуссия. Ленин будет критиковать «военную оппозицию», отстаивать кадровую армию, использование старых военспецов и тем самым поддержит Троцкого. Сталину тогда удастся остаться в тени.

Дискуссия об армии исключительно актуальная на том этапе Гражданской войны. Добровольческая белая армия под командованием Деникина ведет наступление с юга. Успех этого наступления с лета 1918 года связан во многом именно с тем, что у красных на Южном направлении военное руководство осуществляет Сталин. Ни он, ни Ворошилов не имели никакого военного опыта, ни одного дня. С другой стороны, может быть, если бы Сталин не вступил в прямую амбициозную конфронтацию с Лениным и Троцким и продержался бы подольше в Царицыне, Деникин добился бы большего успеха, осуществил бы поход на Москву и сместил бы большевистскую власть. Тогда бы неумелое военное руководство Сталина означало бы, что живы останутся миллионы крестьян, потому что не будет раскулачивания, а значит, не будет голода в 1930–1932 годах и живы останутся еще миллионы. Будут живы Блок, Цветаева, Гумилев, Мандельштам и Мейерхольд. Не вышлют из страны профессуру. Не будет страшных 1937 и 1938 годов и не будет страшных 1941 и 1942 годов, когда Сталин попытался повторить свой царицынский опыт личного военного руководства. Пока уже под Сталинградом не отобрали у Сталина войну профессионалы Жуков и Василевский и не взяли ее в свои руки.

5 СЕНТЯБРЯ

5 сентября 1918 года большевистское правительство — Совет Народных Комиссаров принял постановление «О красном терроре». Это постановление подтверждает другой документ на эту же тему, а именно обращение Всероссийского центрального исполнительного комитета о «красном терроре», зачитанное главой ВЦИК Яковом Свердловым 2 сентября 1918 года. Обращение, произнесенное

Свердловым, звучало как ответ на покушение на Ленина 30 августа, а также на убийство главы Петроградской ЧК Урицкого.

Покушение на Ленина после митинга на заводе Михельсона осуществила 28-летняя Фанни Каплан. Она была членом партии эсеров. Эсеровская партия занимала жесткую антибольшевистскую позицию, так как в ходе выборов в Учредительное собрание именно эсеры получили большинство и именно вследствие этого большевики разогнали Учредительное собрание, отвергнув любую политическую конкуренцию.

Каплан действовала в старой стилистике индивидуального террора, характерного для эсеров в царской России в самом начале XX века.

2 сентября, когда Свердлов заявляет о начале «красного террора», Фанни Каплан еще жива. Ее без суда расстреляют 3 сентября, а тело сожгут в железной бочке.

Леонид Каннегисер, убивший главу Петроградской ЧК Урицкого, поэт, друг Сергея Есенина, знакомый Марины Цветаевой, защитник Временного правительства в октябре 1917 года. Он схвачен сразу после убийства и расстрелян в октябре.

На события 30 августа, прежде всего на ранение Ленина, последовала реакция большевистских функционеров разных уровней. В Кремль шли телеграммы, выражающие желание «вырвать с корнем всех контрреволюционеров», «сорвать тысячи голов прихвостней буржуазии». Требовали «пустить потоки крови», «обеспечить черному племени красную смерть» и «дойти до социализма через горы трупов».

Эти эмоции уездных и губернских начальников, комиссаров воинских частей ожидаемы. Но особенность момента состоит в том, что в конце августа—начале сентября 1918 года большевики не испытывают никакой уверенности в своем завтрашнем дне. Их власти нет на юге. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, плохи дела на Волге. То есть главный вопрос — удержание власти. И постановление от 5 сентября призвано ответить именно на этот вопрос. Главные слова в постановлении: «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». То есть на той территории, где большевики удерживают власть, — всех недовольных и неблагонадежных ликвидировать или нейтрализовать. И это официальное постановление правительства, первый официальный шаг к тому, что внутривнутриполитические проблемы можно и нужно ре-

шать путем террора. Августовское покушение на Ленина — только повод. На Ленина и до этого дважды покушались. Убийство большевистского пропагандиста Володарского в июле 1918 года также было шумным делом, но не имело официальных последствий. И даже левозсеровские мятежи в Москве и Ярославле не повлекли за собой никаких постановлений.

Но теперь, в сентябре 1918 года, когда наступает Деникин с юга, когда на востоке вместе выступают эсеры, монархисты и чешский корпус, а крестьяне везде в ярости из-за конфискации хлеба, — теперь надо заявить террор как государственную необходимость. Поэтому, указывается в постановлении от 5 сентября, «классовых врагов изолировать в концлагерях, расстреливать всех, прикосновенных к заговорам и мятежам, публиковать списки расстрелянных и основания применения к ним этой меры».

Собственно, ничего нового нет. Все это происходило начиная с самого Октябрьского переворота 1917 года, но обывателями могло быть воспринято как издержки, перекосы и следствие общего беспорядка. Теперь террор возведен в ранг государственной политики и теоретически обоснован.

14 СЕНТЯБРЯ

14 сентября 1918 года члены Бакинского Совета народных комиссаров погрузились на пароход под названием «Туркмен» и отправились в путь к скорой гибели, которая сделала их именами легендарными. Власть большевистского Совета народных комиссаров при участии левых эсеров просуществовала в Баку с апреля по июль 1918 года. Следует напомнить, что мировая война еще не закончена. Турки, союзники Германии, в июле 1918 года, перебросив войска с Месопотамского фронта, предприняли наступление на Баку. Бакинский Совнарком попытался организовать сопротивление турецким частям, но безуспешно. Совнарком — это исполнительный орган, правительство при Бакинском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Совете представлены социалисты разных оттенков, которые оппонировали большевикам. Ввиду того, что турецкие войска идут на Баку, Бакинский Совет поставил на голосо-

вание вопрос о целесообразности приглашения английских войск для защиты от турок. Постановка такого вопроса объяснима: идет мировая война, большевики заключили сепаратный Брестский мир с Германией, что вызвало неприятие не только у их противников, но породило раскол в самой большевистской партии. Для небольшевистской России Англия по-прежнему остается противником в идущей войне. Большинство Бакинского Совета проголосовало за обращение о помощи к англичанам. Комиссары, члены бакинского правительства, сложили с себя полномочия и приняли решение уходить из Баку. В городе возникло новое правительство под названием Диктатура Центрокаспия, которое арестовало большевистских комиссаров. 13 сентября, накануне турецкого штурма Баку, оставшимся в городе большевикам удается договориться с членами Центрокаспия об освобождении арестованных комиссаров. Их грузят на один из уходящих пароходов с беженцами. Комиссары начинают переговоры с капитаном об изменении маршрута. Речь шла о том, чтобы ночью отстать от каравана кораблей и пойти в Астрахань, где советская власть. Но этот вариант не удался. Пароход пришел в Красноводск, где бакинские большевики были арестованы местным эсеровским правительством, которое возглавлял бывший машинист Фунтиков.

У арестованного, бывшего наркома Корганова, был обнаружен лист бумаги со списком фамилий. Дело в том, что Корганов в бакинской тюрьме был старостой, который по списку делил среди арестованных продукты, полученные с воли. Многие из списка не имели отношения к политической борьбе. Но без суда казнены будут все и войдут в историю как 26 бакинских комиссаров.

В 1919 году юрист, эсер по партийной принадлежности, Чайкин по указанию советского руководства займется расследованием сентябрьских событий 1918 года. Он встретится с арестованным к тому времени Фунтиковым, и Фунтиков даст показания, что бакинские комиссары были расстреляны по указанию англичан. Это совпадет с убеждением самого Чайкина, который отказывался верить, что члены его партии могли совершить бессудную казнь, и мечтал снять с них всякие подозрения. В том же 1919 году Сталин в статье «К расстрелу 26 бакинских товарищей» написал, что «есть свидетели, которые не хотят молчать и готовы разоблачить английских дикарей до конца». Сталин сослался на расследование Чайкина, сказав, что

«он подтверждает варварство английских империалистов... людоедов цивилизованной и туманной Англии». При этом в 1926 году расстреляют Фунтикова, а Чайкина — в сентябре 1941-го.

За годы советской власти история с бакинскими комиссарами приобрела самостоятельный легендарный характер и увела от сути происходящего в 1918 году. А суть выражается одним словом «нефть». В борьбе за бакинскую нефть скрешиваются интересы большевиков, Германии с Турцией и Англии. Большевикам нужно топливо для практического удержания власти, для промышленности, железных дорог и отопления. Для того чтобы нефть стабильно шла из Баку, в Баку должна быть советская власть. Только в таком качестве Ленина интересовала судьба бакинских комиссаров.

Ленин думал про нефть еще до Октябрьского переворота, и первоначально у него была идея национализировать частные нефтяные компании. После переворота в знаменитом большевистском Декрете о земле речь шла не только о земле, но и о недрах, то есть и о нефти тоже. Но будучи холодным прагматиком, Ленин очень быстро отказался от идеи национализации в нефтяной отрасли, так как она резко осложнила бы экономическую ситуацию, а значит, и сократила бы шансы большевиков на удержание власти.

Но большевики в бакинском регионе намерены проводить национализацию. Это их старая мечта еще со времен стачечной борьбы начала века. Вероятно, бакинские комиссары в любом случае выступили бы вопреки позиции Ленина, этого мы не знаем. Но фактом остается то, что перед принятием собственного Декрета о национализации бакинские комиссары получили телеграмму от Сталина, который находился в Царицыне и был тогда фактическим представителем советской власти на Юге России. Сталин в телеграмме 28 мая 1918 года написал, что национализация нефтяной промышленности утверждена в Москве. Ввиду плохой связи между Баку и Москвой уточнить информацию не представлялось возможным, и совершенно провокационная сталинская телеграмма была воспринята бакинскими комиссарами как добро на национализацию. Тем более что это совпадало с их взглядами на управление экономикой.

В Москве при разборе ситуации на заседании Главного нефтяного комитета было сказано, что Сталин «совершенно не являлся лицом, могущим распоряжаться в нефтяной отрасли». Последовала переписка между Лениным и главой Бакинского Совнаркома Шау-

мяном. Баку стоял на своем, Москва уступила и национализировала нефтяную промышленность в масштабах всей страны. В Баку действия комиссаров обернулись резким экономическим спадом. Шаумян в июле 1918 года пишет Ленину: «Упадок добычи нефти колоссальный, убытки чрезвычайно велики». Москва оказала финансовую помощь, которая немедленно была расхищена местным аппаратом. В результате правительство бакинских комиссаров пало. В тот момент, когда комиссары уже были арестованы новым эсеровским правительством, с этим правительством Ленин начинает торговаться через своего представителя Георгия Стуруа: «Мы вам пошлем красноармейцев для защиты от турок, а вы нам гоните нефть». Но не сторговались.

Что касается англичан и немцев, то их интерес к бакинской нефти, так же как и ленинский, не поддается никакому сомнению. Вопрос стоит исключительно жестко: кому достанется бакинская нефть, тот и выиграет мировую войну. Ставки очень высоки, и каждый играет против всех. Когда англичане высадились в Баку, а турки вели на Баку активное наступление, Ленин заключает с Германией Добавочное соглашение к сепаратному Брестскому миру. По нему немцы признают Баку территорией Советской России, а советская сторона предоставляет Германии часть добываемой нефти в обмен на уголь из Донбасса и марганец из Грузии. В этой комбинации задействован германский генконсул в Тифлисе Фридрих фон Шуленбург. Тот самый, который 22 июня 1941 года сообщит советскому руководству о начале войны.

22 СЕНТЯБРЯ

22 сентября 1918 года вышел первый номер «Еженедельника Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». Редакция еженедельника находилась в ведении Иногородного отдела ВЧК. Этот отдел в центральной структуре ВЧК отвечал за работу на местах, в регионах. Начальник Иногородного отдела ВЧК Василий Фомин. У Фомина — начальное трехлетнее образование. Карьеру сделал после Февральской революции. Начал в апреле 1917 года в Совете солдатских депутатов Запад-

ного фронта, а в декабре 1917 года уже на руководящей работе в ВЧК в Петрограде. Василий Фомин становится главным редактором «Еженедельника ВЧК».

На журнал можно было подписаться. Подписка возможна на 12 месяцев, а также на 6, 2 или на один месяц. Время тяжелое, денег в обрез, на год мало кто подпишется. Но люди должны приобщаться к работе ВЧК, поэтому редакция идет навстречу читателю. Подписка на один месяц — это по средствам. А если журнал увлечет, то можно и продлить.

Надо сказать, название «Еженедельник Чрезвычайных комиссий» звучит достаточно сухо, почти академически. Как «Временник Пушкинской комиссии» или «Ежегодник Императорских театров».

Одновременно с еженедельником ЧК выходили на местах издания с более откровенными названиями, например в Казани журнал «Красный террор» или в Киеве — «Красный меч». Но дело ведь не в названии. Почитаем немного еженедельник ЧК. Оригиналы в библиотечных фондах, но он доступен для чтения в Интернете. Итак, первый номер журнала от 22 сентября 1918 года.

Как положено в периодическом издании — сначала редакционная статья. Главная идея: журнал должен помочь рабочему классу «усвоить единственный принцип — если не диктатура пролетариата, то диктатура буржуазии, третьего не дано, и это необходимо каждому запомнить».

Далее — статья «К вопросу о смертной казни»: «много нареканий в жестокости, бесчеловечности слышится по адресу рабоче-крестьянской власти по поводу смертной казни... Отбросим эти длинные, бесплодные и праздные речи о красном терроре, необходимость которого давно угадывается рабочей массой. Пора, пока не поздно, на деле провести самый беспощадный, стройно организованный массовый террор... Повернулось колесо истории, изменилась правда историческая... Не дрогнет рука. Ждите. За вами очередь!»

Далее идут постановления, циркуляры, приказы... Всем губернским и уездным Чрезвычайным комиссиям! Вот приказ о заложниках: «...несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет. С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен ко-

нец. Все известные правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления должен приниматься безоговорочный массовый расстрел. Проявить в этом направлении особую инициативу. Ни малейшей нерешительности в применении массового террора».

То есть очень широкими мазками обрисованы те, кто заслуживает террора. Вообще буржуазия, вообще офицерство, члены любых партий, кроме большевистской. Бывшие чиновники и интеллигенция также упоминаются как приспешники, прихвостни старого режима. Такая постановка вопроса дает чекистам невероятную свободу рук. И это распространяет повсеместный страх. Представьте, на ночь или утром перед уходом на службу пролистываете такой журнал и сразу оцениваете степень своей защищенности.

Далее, для разнообразия, рубрика «Из архива царской охранки», в которой публикуются документы за 1906, 1908, 1913 годы. А дальше уже конкретно о работе региональных Чрезвычайных комиссий. Раздел называется «По Советской России». Читаем: «Из отчета о деятельности отряда по борьбе с контрреволюцией в городе Вятка видно, что арестовано: контрреволюционеров — 154, членов партии кадетов — 28, монархистов — 8, меньшевиков и правых эсеров — 10. Контрреволюционеров офицерства — 186. Контрреволюционеров, проникших в советские органы, — 32. Кроме того, пришлось расстрелять 35 человек видных деятелей местной контрреволюции». Это за неделю в городе Вятка. Вятка в отчете чекистов выглядит настоящим оплотом врагов советской власти. Но в следующем разделе журнала под заголовком «Красный террор» выясняется, что с Вяткой соперничает город Торжок. Журнал публикует объявление: «Всем гражданам города Торжка и уезда». В связи с ранением Ленина и убийством главы питерской ЧК жителей Торжка ставят в известность, что «за голову и жизнь одного из наших вождей должны слететь сотни голов буржуазии и их приспешников. Новоторжская ЧК уведомляет, что ею арестованы как заложники представители буржуазии и их пособники. При любом выступлении против советской власти они будут расстреляны». Ниже список заложников. В номере третьем еженедельника уездная ЧК Кинешмы отчитывается, что «оборудовала для своих белогвардейцев концентрационный лагерь вместимостью на 1000 людей».

Архангельская губчека отчитывается: «Расстреляны шпионы и предатели советской власти, Красной армии и всей русской революции, продавшиеся агентам союзного империализма». Имеются в виду страны Антанты. Дальше список фамилий. И еще списки, списки...

Осенью 1918 года, когда нарушены связи между частями страны, этот журнал представлял дополнительный, очень специфический интерес для читателей. Представленные в нем поименные списки расстрелянных и взятых в заложники, неполные, случайные, давали многим шанс получить, информацию о родных и знакомых. В этом трагическом смысле еженедельник ЧК представлял собой — раз — средство информации, два — средство действительно массовой информации, потому что масса людей отчаянно хотела знать о судьбе своих близких.

Во втором номере еженедельника ЧК читаем протокол допроса архиепископа Варнавы: «Архиепископ Варнава показал: патриарха Тихона я очень мало знаю. Человек он недалекий, пороку не выдумает, но вместе с тем думаю, что он против той Церкви, которая будет стоять за Советскую власть. Дайте мне сказать проповедь, пол-России пойдет за мной, и я их поведу к большевикам». Уточню, что архиепископ Варнава, позволивший себе непристойное по форме и по сути открещивание от патриарха, до революции был ярким монархистом, сторонником Григория Распутина. Распутин ласково-снисходительно называл Варнаву «сусликом». Он будет сотрудничать с ЧК.

В свет выйдет 6 номеров еженедельника Чрезвычайных комиссий. В разгар внутрипартийной дискуссии о бесконтрольности ВЧК в осуществлении террора Ленин однозначно станет на сторону ВЧК, но журнал прекратит существование. Нарочитая откровенность в работе — отличительная черта подросткового периода ВЧК. Дальше все пойдет по-взрослому.

28 СЕНТЯБРЯ

28 сентября 1918 года вечером на Курском вокзале в Москве началась погрузка золота, которое будет отправлено большевистским правительством в Германию в соответствии с условиями сепаратного Брестского мира. Брестский мир, подписанный 3 марта 1918 года, освобождал Германию от Восточного фронта, позволял перебро-

силь на Западный фронт более 40 дивизий для ведения боевых действий против вчерашних союзников России. Большевикам Брестский мир позволял сосредоточиться исключительно на удержании собственной власти. Если бы большевикам не удалось заключить этот сепаратный мир, немецкие войска, не встречая сопротивления от деградировавшей русской армии, уже дошли бы до Петрограда и большевистская власть была бы сметена.

Развитие событий в России отвечало германским интересам. Следствием большевистского переворота был выход России из мировой войны и обрушение огромного российского промышленного потенциала. Брестский мир отдал под контроль Германии огромные территории бывшей Российской империи, в частности Украину. А это было критически важно для Германии в 1918 году. Немецкая экономика — в жесточайшем кризисе, его ощущает каждая немецкая семья, в стране начинается голод. Хлеб — по карточкам, население сидит на брюкве. Детская смертность в Германии к концу Первой мировой войны выросла на 300%. При этом Германия продолжает увеличивать производство оружия и боеприпасов. Военные расходы огромные, государственный долг растет, инфляция растет. В этой ситуации сепаратный Брестский мир с большевиками давал Германии определенные экономические надежды, сулил зерно с Украины, нефть из Баку. И не только. Договор, подписанный в Бресте, с самого начала получил золотую составляющую. Речь шла о возмещении убытков, понесенных германским бизнесом и германскими гражданами в России в результате революционных потрясений. Германия хотела пополнить оскудевший за войну золотой запас, большевики, завладевшие российским золотом, использовали его в качестве весомого аргумента при торге с немцами. Но цифры германских убытков в Брестском договоре прописаны не были. До конкретики дело дошло 27 августа 1918 года, когда большевистское правительство и Германия подписали в Берлине в обстановке строжайшей секретности Дополнительное соглашение.

В соответствии с ним Советская Россия соглашается выплатить Германии 6 миллиардов марок. Сумма подлежит выплате через трансферт 245 640 кг чистого золота и 545 миллионов 440 тысяч рублей в кредитных обязательствах, а именно 363 миллиона 628 тысяч рублей в купюрах по 50, 100 и 500 рублей, обеспеченных золотом, и остальную сумму в 181 миллион 813 тысяч в купюрах по 250 и 1000 рублей.

Трансферт подлежал осуществлению в пять траншей. Первый транш должен был быть отправлен не позднее 10 сентября 1918 года. Соглашение подписано 27 августа, значит, на сборы — всего две недели.

Часть золотого запаса России находилась в Казани и уже в августе была изъята воинскими частями генерала Каппеля и чехословаками, совместно воевавшими против большевиков. Золото из Казани перейдет под контроль Колчака. Большевики заберут часть золотого запаса, находившегося в Госбанке в Нижнем Новгороде.

3 сентября 1918 года в Нижний прибыла правительственная комиссия, и силами банковских служащих и чекистов началась работа по упаковке золота в ящики. Работали круглосуточно, 2400 ящиков с золотом погрузили на машины, отвезли на вокзал, перетаскали в вагоны состава с двумя паровозами и отправили в Москву. В Москве слитки из деревянных ящиков переложили в металлические. Добавили необходимую сумму в золотых бумажных рублях и направили эшелон через Оршу в Берлин.

Полномочный представитель Советской России в Германии Иоффе телеграфировал 22 сентября наркому иностранных дел Чичерину: «...я обещал воздействовать, чтобы с нашей стороны и второй взнос прошел так же аккуратно, как и первый. Очень советую это, ибо наши враги постоянно сеют недоверие именно указанием, что мы не в состоянии выполнить своих обязательств».

Ситуация действительно серьезная. Германия до середины лета 1918 года оказывала большевикам материальное содействие, однако со временем в Германии задумались о целесообразности поддержки иных политических сил в России: большевики слишком радикальны, большая часть населения не поддерживает их, а значит, они скоро потеряют власть, размышляли в Германии. В такой ситуации в Москве сделали все, чтобы второй золотой транш прибыл в Германию в срок.

28 сентября 1918 года началась погрузка второго эшелона.

На Курском вокзале загрузили три так называемых американских, то есть особо надежных грузовых вагона. Один пассажирский вагон 1-го класса — для сопровождающих. Переправили поезд на Белорусский вокзал, прицепили к нему бронеплатформу с орудием и пулеметом. Состав должен был отойти по расписанию почтового поезда, но за 10 минут до отправления поступило распоряжение следовать по расписанию скорого.

Впоследствии пошла информация, что эсеры готовили нападение на эшелон с золотом, но отказались от идеи в последний момент.

Станция Орша, куда следовал поезд с золотом, в сентябре 1918 года была поделена: Орша-Пассажирская — в руках большевиков, Орша-Товарная — у немцев. Три вагона с золотом и вагон с сопровождающими были пропущены на немецкую сторону, вагоны с охраной остались по другую сторону шлагбаума.

Это информация из воспоминаний старого банковского работника Бубякина, участника этой операции. До революции он был ответственным кассиром в Госбанке, который вместе с управляющим ставил свою подпись на банковском билете. В 1919 году его подпись также еще встречалась. Он сопровождал золото до Берлина.

Остальные три золотых транша из России в Германию не состоялись.

8 ноября 1918 года в Германии произошла революция, 11 ноября завершилась Первая мировая война, 13 ноября большевики денонсировали Брестский мир.

Вскоре после победы над Германией золото из Рейхбанка было перевезено в страны-победительницы, часть во Францию, часть в Великобританию. Россия, заключившая сепаратный мир с Германией за полгода до окончания мировой войны, своего золота не получила. Большевики об этом не сожалели. Игра с Германией позволяла им удерживать власть, а это дороже золота.

4 ОКТЯБРЯ

4 октября 1918 года расстреляны священник завода Майко-ра Александр Федосеев, священник юговского заводского собора Алексей Стабников и священник Свято-Троицкой церкви Константин Широкинский. Все упомянутые заводы и церкви — в Пермской губернии. Двумя днями позже расстрелян диакон Преображенского храма Василий Воскресенский в Соликамске. Та же Пермская губерния. Еще летом 20 июня 1918 года был арестован и убит архиепископ Пермский Андроник. Для расследования дела архиепископа Андроника прибыли члены Поместного собора архиепископ Черниговский Василий, архимандрит, ректор Пермской духовной

семинарии Матфей и миссионер Алексей Зверев. Все они были расстреляны в конце августа. Пермская губерния — это фронтовая территория.

Первую половину 1918 года Гражданская война имела очаговый характер, военные столкновения были локальными. Летом начинается оформление фронтов, в первую очередь Восточного фронта. Собственно, это начало организованных профессиональных военных действий двух противоборствующих сил в стране. Убийства красными архиереев и рядовых священников в прифронтовых районах — это даже не репрессии, это вид боевых действий.

На Восточном фронте против большевиков воюет Народная армия Комитета сторонников Учредительного собрания, пестрая по идеологии — от социалистов до монархистов. Плюс воинские части бывших пленных чехословаков. Плюс Сибирская армия Временного Сибирского правительства. Это одно из многих правительств на востоке страны. Объединяющей фигуры Колчака на Восточном фронте еще нет. Боевые действия всех этих сил дополняются антибольшевистскими крестьянскими восстаниями и рабочими выступлениями с требованиями хлеба, свободы слова и перевыборов Советов, захваченных большевиками.

В конце июля большевики оставили Екатеринбург. В августе и сентябре на территории Пермского края на нескольких направлениях идут упорные бои, населенные пункты переходят из рук в руки. В конце сентября — в первые дни октября к Перми прорывается чешская дивизия. И красные едва отбивают эту попытку прорыва. Каждое поражение красных или угроза поражения, любое возмущение крестьян или рабочих вызывают казни. Любая попытка местного священника успокоить враждующие стороны влечет за собой расправу власти над священником.

Тут следует напомнить, что патриарх Тихон и Поместный собор Русской православной церкви, проходивший в 1917–1918 годах, отстаивали принцип церковной аполитичности. Официальная позиция Русской православной церкви однозначна: церковь не участвует ни в политической борьбе, ни в Гражданской войне. Летом 1918 года патриарх отказался благословить белое движение, только чтобы не вовлечь церковь в политическое противостояние. Патриарх также отказал в личном благословении руководителям белого движения. Даже если это осталось бы в тайне.

Позже, в момент успешного наступления на Москву армии Деникина, когда казалось, что большевистская власть будет сметена, патриарх призвал народ к милосердию по отношению к противнику. Но гуманистическая позиция патриарха вряд ли могла быть воспринята населением что при белых, что при красных. Корни проблемы уходят далеко в прошлое. Церковь в течение двух веков находилась в подчинении у государственной власти, ассоциировалась с властью и воспринималась народом как защитница власти. Поэтому разграбления храмов, убийства священников начались еще до прихода большевиков, сразу после падения царской власти. Большевики в собственных целях воспользовались этим массовым настроением, поставив священников в общий ряд эксплуататорских элементов, вместе с помещиками, буржуями и офицерами. То, что церковь обладала большой земельной собственностью при общей нерешенности земельного вопроса в стране, только облегчило задачу большевикам. Крестьяне с равным рвением жгли помещичьи усадьбы и распахивали церковную землю, раскапывали могилы бывших господ и убивали священников. Свидетели событий говорили: целые деревни превращались в злодеев.

На фоне жесточайшей антицерковной политики привлекают внимание некоторые ленинские указания. А именно то, что Ленин заявляет о недопустимости оскорбления чувств верующих. На Первом Всероссийском съезде рабочих Ленин сказал: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно, много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства». То есть получается, что Ленин у нас первый борец с оскорблением чувств верующих. И даже разрешил по просьбе верующих достроить храм в Ягановской волости Череповецкого уезда. Написал записку: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается».

И так много в этой записке от старых добрых дореволюционных отношений власти и церкви, в смысле, когда госчиновники руководят церковью, на самом деле это чистое ленинское лицемерие. С элементами присущего Ленину черного юмора. Церковь как институт и веру в Бога как мироощущение Ленин ненавидел. И эта ненависть была неотъемлемой и очень важной частью коммунистической идеологии. Иногда эта ненависть принимала невинный вид обычного бюрократического документооборота.

«В Совет Народных Комиссаров РСФСР кафедрального Чудова монастыря в Кремле младшей братии Покорнейшее прошение

Сим покорнейше просит Вас совет младшей братии Чудова монастыря, не найдете ли возможным возвратить обратно в монастырь из числа выселенных по Вашему распоряжению насельников монастыря хотя бы 12 человек, которые находятся в пожилом возрасте и в священном сане, список коих прилагается.... Невозможно нам жить всем отдельно при наших крайне скудных средствах... Имеем долг почтительнейшее поставить Вас в известность, что никто в контрреволюционном выступлении замечен не был.

Председатель домового комитета иеромонах Филарет, за секретаря иеромонах Аркадий».

И вот ответ на прошение:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав в заседании вопрос о предоставлении монашествующим жить в кремлевских монастырях, постановил:

В оставлении монашествующих проживать в Кремлевских монастырях — отказать».

Древний Кремлевский Чудов монастырь, о котором идет речь в этой переписке, был уничтожен в 1929 году.

11 ОКТЯБРЯ

11 октября 1918 года в Екатеринодаре, ныне Краснодаре, состоялось первое заседание Особого Совещания при главнокомандующем Добровольческой армией Антоне Ивановиче Деникине. Генерал Деникин заступил на должность главнокомандующего тремя днями раньше, после смерти создателя, инициатора белой армии генерала Алексеева.

Особое Совещание при главнокомандующем Добровольческой армией — это орган гражданской власти, совмещающий в себе законосовещательные и исполнительные функции. При этом многие понимали, что совмещение различных властных функций в Особом Совещании — это недостаток. И военные, и гражданские на белой территории отдавали себе в этом отчет, говорили о необходимости независимого парламента, но руки до этого не дошли.

Гражданское правительство состояло при главнокомандующем, потому что дело происходило во время войны, во время Гражданской вой-

ны. Сама конфигурация отвоеванной территории постоянно менялась в силу того, что кругом с переменным успехом шли боевые действия.

Во второй половине 1918 года и в первой половине 1919 года белая армия Деникина на Юге России отвоевала у красных значительную территорию. Казалось, что власть большевиков здесь ликвидирована навсегда. На этой территории надо организовывать гражданское управление, просто налаживать жизнь. Для этого и было создано Особое Совецание. Идея такого органа принадлежала Василию Шульгину, депутату Государственной думы, монархисту, националисту, члену черносотенного Союза Михаила Архангела. При этом Шульгин был в числе тех, кто принимал отречение Николая II и был сторонником этого отречения. Идея Особого Совецания появилась у Шульгина еще при верховном руководителе Добровольческой армии генерале Алексееве, но функционировать оно начало при Деникине. Председатели Особого Совецания менялись, но все они были люди военные.

А состав Совецания был гражданским. Работа этого гражданского общества должна была обеспечить качество тыла наступавшей белой армией. Красные смотрели на это проще и прямо заявляли, что тыл они будут обеспечивать путем террора и это является необходимостью в данной ситуации.

Особое Совецание и прежде всего сам генерал Деникин заявили о «непредрешении», то есть открытости вопроса о дальнейшей форме власти в стране. Все — после войны, после войны, как говорила героиня прекрасного советского фильма «Дом, в котором я живу». Деникин в этом «все после войны» был абсолютно честен и совершенно демократичен по взглядам. И не он один, это было распространенное убеждение тогда и в военной, и в гражданской белой среде. Деникин пишет в своих воспоминаниях, в «Очерках Русской смуты»: «Я решил твердо и говорил об этом не раз — что за форму правления я вести борьбу не буду». Большевики должны были громко смеяться над такими убеждениями, они не откладывали вопрос о власти на потом.

В Особом Совецании представлены правые, но, как пишет Деникин, «умеренно-правые, без мракобесия и нетерпимости». Кроме того, кадеты, то есть либералы. Периодически речь заходила о том, что, может быть, целесообразно привлечь умеренных социалистов.

Но Деникин был против и был тактически прав, потому что призыв, как говорили «безобидных социалистов», не прибавил бы популярности в левых кругах, а в правых вызывал бы лишнее озлобление.

Коалиция правых и кадетов-либералов соответствовала базовым настроениям белого движения на Юге, но в стенах Особого Совещания они с трудом находили компромисс. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что проблемы, которые им надлежало разрешить в срочном порядке, были из числа вечных, застарелых российских проблем. Прежде всего главный российский вопрос о земле. То есть в русской истории не нашлось времени и места для эффективного решения этого вопроса, кроме как в разгар Гражданской войны на территории, которая была сплошным театром военных действий. И теперь решение должны принимать те же люди, которые и в спокойные времена не могли ни на что решиться и не могли представить, чем все обернется и где они окажутся.

Особое Совещание было свободно от дешевого популизма, но Деникин честно пишет: «Наша политика была лишена творческого авантюризма, решительности и напора». Сам Деникин придерживался либеральных взглядов, но говорил правым: «Кончим же это бесцельное и вредное топтание на месте. Берите на себя ответственность, мы отойдем и не будем больше препираться. Нужно, чтобы дело двигалось. В застое его гибель. Нужно выбирать курс и действовать».

Но дело было даже не в правой или либеральной идеологии. И даже не в Особом Совещании. Дело было в людях, которые практически осуществляли власть на местах на белой территории. «Управляющий внутренними делами Чебышев ставил губернаторов почти исключительно из числа лиц, занимавших эти должности до революции, желая использовать их административный опыт. Это были люди, по психологии и мировоззрению, привычкам столь чуждые свершившемуся перевороту, что ни понять, ни подойти к нему они не могли. Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах, и в духе. За ними следом потянулись другие, испуганные, озлобленные и мстящие». Вот как пишет генерал Деникин.

«Нет людей!» — пишет Деникин. Василий Шульгин говорит: «В гражданском управлении выявилось русское убожество, перед которым цепенеет мысль и опускаются руки». Это русский националист Шульгин говорит о российской системе государственного управления. В газетах на белой территории пишут: «Главное внимание должно быть обращено на более молодые поколения. Надо хотеть и искать их».

Деникин многократно предлагал Особому Совещанию привлечь к гражданскому управлению городских, земских общественных деятелей, людей, пользующихся авторитетом. Было даже официальное обращение к общественности с просьбой выдвинуть тех, кто сможет занять посты начальников губерний. Ждали три недели, и никто не отозвался.

Деникин приводит слова одного из членов Особого Совещания: «Дело в том, что мы совершенно не справились с тылом».

В лучшем случае местная власть на белой территории — это чиновники, надеявшиеся на быструю карьеру. Но, как правило, российская бюрократия традиционно выдвигала из своих рядов взяточников, вымогателей, спекулянтов, всех тех, кто всегда, а в войну особенно, использует свою власть, чтобы урвать и из казны, и у населения. По этой власти население судило о Добровольческой армии, которая была далеко, героически гибла на полях сражений, но не имела людей для внятной гражданской работы в тылу.

Старая система управления страной хоронила под собой всякие надежды, уступая место радикалам.

Деникин напишет, что уже в 1920 году, после катастрофы белого движения, многие наперебой стали свидетельствовать, «что знали, предвидели, предостерегали — они, ничего не предвидевшие, слепые и глухие».

19 ОКТЯБРЯ

19 октября 1918 года началась боевая биография легендарного персонажа Гражданской войны Нестора Махно. Сам этот день не был победным для отряда Махно. С 16 по 19 октября этот отряд порядка 200 человек с четырьмя пулеметами и другим оружием стоял в родном селе Махно Гуляйполе. Село было занято после боя с местной вартой. Варта — это Министерство внутренних дел на Украине при гетмане Скоропадском. Соответственно, Махно в Гуляйполе бился с местным правоохранительным подразделением. По данным самого Махно, в плен взяли 83 человека, в качестве трофеев захватили 20 лошадей, 3 пулемета, 12 пулеметных лент, несколько винтовок и бричку патронов. Бричка — это пассажирская повозка, вот Чичиков в «Мертвых ду-

шах» ездил в бричке. В случае Махно очевидно, что бричка — краденая, вероятно, раньше. Махновцы и в августе, и в сентябре 1918 года занимались вооруженным грабежом имущества состоятельных лиц, убивали офицеров, забирали оружие, лошадей, седла. Ограбили ссудно-сберегательную кассу в селе Жеребец Гуляйпольской волости, купили американский пулемет системы «Кольт». Вот такие вооруженные, абсолютно безбашенные пришли в Гуляйполе.

Но 19 октября туда подтянулись австро-венгерские регулярные части, махновцы бежали, но через пару дней ввязались в новый бой. Следует напомнить, что в это время мировая война все еще не закончилась. По Брестскому мирному договору, сепаратно заключенному большевиками с Германией, Советская Россия не вмешивается в дела Украины, провозгласившей государственную самостоятельность. При этом австро-германские войска занимают Украину. Как раз от австрийских частей и бежал отряд Махно 19 октября из Гуляйполя, что вполне естественно, потому что австрийские части — регулярные, а махновцы представляют собой лихую, дерзкую шайку. Но сразу после изгнания из Гуляйполя махновцы проходятся по близлежащим богатым крестьянским и помещичьим домам, убивают хозяев, забирают оружие, любые средства передвижения и соединяются с другим таким же отрядом под предводительством Феодосия Щуся.

Щусь — родом из ближайшего села Дибривка, в прошлом матрос. При встрече с Махно одет в снятую с убитого гусарскую немецкую форму, вооружен до зубов. В его отряде все одеты кто во что — кто в немецкой, кто в австрийской форме, кто в крестьянской одежде. Махно в воспоминаниях пишет об этой встрече с Щусем: «Я поставил Щусю вопрос: «Что ты, товарищ Щусь, делал с отрядом до сих пор?» Ответ был краткий: «До сих пор я совершал нападения на помещиков и уничтожал их и всех их охранителей. Иной работы я пока не предвижу, ибо уничтожаемых мною гадов еще очень много...» Я сказал ему: «Я прошу тебя, брось лес, выйди на простор, зови крестьян, особенно крестьянскую молодежь, в революционную бурю...» Товарищ Щусь, по-детски улыбаясь, схватил меня в свои здоровенные объятия, выкрикивая: «Да, я пойду с тобою товарищ Махно!» В отряде раздалась возгласы: «Слава! Слава!»

Они идут брать село Дибривка.

Махно идет на разные хитрости, одевается в форму офицера варты, вводит в заблуждение, потом срывает с себя шинель с пого-

нами. Чисто кино «Свадьба в Малиновке». Но кровь льется настоящая. Крестьяне в Дибривке идут друг на друга. Махновцы хватают тех, кого считают кулаками. Крестьяне прибегают к Махно, требуют кулаков в свое распоряжение. Махно вспоминает: «Крестьяне взяли этих кулаков и тут же отрубили им всем головы... Широкая масса тружеников начала ненавидеть так же, как ненавидел их каждый из нас, за их гнусные преступления против всего лучшего, к чему трудовая масса стремилась».

Нестор Махно в отличие от своих бойцов к 1918 году имеет уже большой, если называть вещи своими именами, криминальный опыт. Выходец из бедной семьи, с тремя классами школы, в 16 лет попал под влияние сильного на Юге России анархистского движения. Юный, дикий, энергичный, примкнул к террористам и был приговорен к смертной казни, которую заменили бессрочной каторгой. Вышел на свободу после Февральской революции с ненавистью ко всякой власти вообще. Вернулся к себе на родину в Гуляйполе с оролом жертвы самодержавия и возглавил группу местных анархистов. Они немедленно приступили к конфискации земли у помещиков и изъятию денег под угрозой смерти.

Весной 1918-го Нестор Махно приехал в Москву. Встретился с идеологом анархизма Кропоткиным. Затем пошел в Кремль к Свердлову. Вход был свободный. Махно шел по длинному коридору, не встречая ни одного человека. Дошел до двери с надписью «ЦК партии» и постучал. Раздался голос: «Войдите». Зашел, спросил, как найти Свердлова. Вызвался проводить человек, в котором Махно признал Бухарина. Дальше в воспоминаниях Махно следует сцена в чистом виде из Булгакова. «Я пошел к указанной мне двери. Постучал. Вошел. Меня встретила девица. Спросила, что мне нужно. «Я хочу видеть председателя Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов товарища Свердлова,» — ответил я на вопрос девицы. Девица, ничего не говоря, села за письменный стол. Затем взяла мой документ и пропуск в Кремль, кое-что выписала из них, написала мне карточку и указала номер другой двери, куда я должен зайти. Там, куда меня направила девица, помещался крупный мужчина, видно выхоленный, но с изнуренным лицом». Конец цитаты. По идее, дальше пора появляться Коровьеву или Коту. Но мужчина был секретарем Свердлова и проводил Махно к начальнику.

Наконец у Махно была встреча с Лениным: «Вас, товарищ, я считаю человеком кипучей злобы дня, — сказал Ленин Махно. — Если бы таких анархистов-коммунистов была бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать».

Махно пишет: «Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным». Но устоял. К тому же Махно знал, что большевики уже задавили анархистов, несмотря на то что во время Октябрьского переворота они были союзниками. Махно после московских встреч пришел к прагматическому выводу: на большевистской территории он и анархисты вообще не смогут влиять на ход событий, а на Украине есть хорошие шансы. Любимая махновская идея безвластия, свободы от чиновничества и вообще всех атрибутов государства не могла не поднять низовое массовое движение.

Это был правильный взгляд на текущий момент, хотя теоретиком анархизма Нестор Махно не был. Иногда, по воспоминаниям свидетелей, Махно говорил: «Я первым делом революционер, а потом анархист». Иногда утверждал, что совсем перестал быть анархистом и все свои силы направит на укрепление советской власти и ликвидацию контрреволюции. Но в практической области его желание вполне определено: для начала создать вокруг Гуляйполя и со столицей в Гуляйполе территорию безвластия так, как он, Махно, его себе представляет. А это со всей очевидностью говорит о том, что такой Махно, несмотря на временный союз в дальнейшем, большевикам категорически не нужен. И жестоко биться с ним, воевать, придется и красным, и белым.

25 ОКТЯБРЯ

25 октября 1918 года в Хабаровске встретились войсковой атаман Забайкальского казачьего войска генерал-майор Семенов, войсковой атаман Уссурийского казачьего войска генерал-майор Калмыков и войсковой атаман Амурского казачьего войска Гамов. Они встречаются во время работы 5-го Большого Войскового круга Уссурийского казачьего войска. Ими будет принято решение об объединении и создании Дальневосточного Союза казачьих войск.

Это — не проходное событие для Гражданской войны на востоке России. Казаки на Дальнем Востоке — главная, отлично подготовленная и организованная военная сила. Их атаманы известны личной храбростью и боевым опытом Первой мировой войны.

Дальневосточное казачество осенью 1918 года в основном настроено антибольшевистски, но ни у казачества в целом, ни у лидеров казачества внятных политических взглядов нет. И при всех этих характеристиках дальневосточные атаманы охвачены идеей сепаратизма, вооруженным намерением создать на Дальнем Востоке общее государственное образование, а если не договорятся, то каждому утвердиться на собственной территории. Создание Дальневосточного Союза казачьих войск — шаг в этом направлении.

Действия казаков выпадают из общей антибольшевистской линии. Дело в том, что с сентября 1918 года наметилась прагматическая тенденция к объединению многочисленных антисоветских правительств, существовавших на территории Урала, в Сибири. Цель понятна — создать единый общероссийский орган власти, в который на тот момент готовы были войти и монархисты, и эсеры, и кадеты. Переговоры на эту тему начались и с политическими силами на Дальнем Востоке, после того как там в сентябре была ликвидирована советская власть.

Особые надежды возлагались на казаков, в связи с чем была объявлена мобилизация. Призывали в основном молодых казаков, участников мировой войны старались не брать, так как они вернулись с фронта распропагандированные большевиками и были ненадежны. Их атаманы тогда повели себя по-разному. Калмыков, стоявший во главе казаков-уссурийцев, не желал подчиняться никакому русскому командованию.

Атаман Семенов занял иную позицию. Он был наиболее знаменит. Под его началом с января 1918 года действовал Особый Манчжурский отряд. К маю 1918 года войска Семенова насчитывали около 7 тысяч бойцов: 3 конных полка, 2 пехотных, 2 офицерские роты, 14 орудий, 4 бронепоезда. Части формировались им в целях большей сплоченности и конкуренции по национальному принципу — отдельные части из русских, бурят, монгол, сербов, китайцев.

Во время мировой войны Семенов служил под началом Врангеля в Нерчинском казачьем полку. Врангель потом о нем вспоми-

нал: «Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он окончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план Гражданской войны». Судя по всему, Врангель так и не понял, каких людей выносит на поверхность Гражданская война.

В сентябре 1918 года антибольшевистские силы Сибири и Дальнего Востока объединились во Временное Всероссийское правительство, так называемую Директорию. Семенов назначен на должность начальника Приамурского военного округа и командира 5-го Приамурского армейского корпуса. Но его амбиции гораздо шире.

Встал вопрос: подчиняться атаманам Семенову, Калмыкову и Гамову новой гражданской власти или нет? Эта власть выдвинула лозунг «единой и неделимой России», а атаманам он не люб. Надо делать выбор. Именно так стоял вопрос перед атаманами, когда все они собрались в Хабаровске 25 октября 1918 года. Принятое ими решение о создании своего Союза дальневосточных казачьих войск означало, что атаманы оставляют себе свободу игры.

Игра эта была на самом деле не сложной. В сентябре на Дальнем Востоке высадились бывшие союзники бывшей России по мировой войне — англичане, французы, американцы и японцы. Из них всех, пожалуй, только у японцев в этом регионе была своя конкретная цель: создать на территории российского Дальнего Востока, что называется, марионеточное государство. Казачьи атаманы, которые в неразберихе 1918 года заявили о своих сепаратистских мечтах, оказались очень подходящими для этого фигурами. Они брали у японцев деньги для укрепления своих воинских подразделений, отказ атаманов войти в общие антибольшевистские вооруженные силы отвечал японским интересам, а кроме того, атаман Семенов был одержим идеей панмонголизма, то есть мечтал о создании государства на территории Забайкалья и монгольских земель, включенных в Китай. И эта фантастическая идея укрепляла его сепаратистские настрояния. Вплоть до того, что в дальнейшем атаман Семенов отка-

жется признавать власть Колчака на востоке России, не будет оказывать ему военной поддержки, будет блокировать поставки оружия. Колчаку с Дальнего Востока от союзников, чем крайне осложнит положение белых на Восточном фронте. Мы еще будем позже говорить об атамане Семенове. А кроме всего прочего дальневосточные атаманы вносят свой особый вклад в победу красных на Дальнем Востоке. Речь идет о зверствах, которые учиняли казачьи части. Часто это были смешанные японско-казачьи отряды, иногда еще афганские и китайские наемники.

Очень жестокие. Не щадили ни женщин, ни детей. Уничтожались целые деревни. Подчиненный атамана Семенова, знаменитый своей жестокостью Унгерн, лично с наслаждением расстреливал.

Командующий экспедиционным корпусом армии США в Сибири в 1918–1920 годах генерал Грейвс писал: «Солдаты Семенова и Калмыкова под защитой японских войск бродили по стране как дикие звери, убивая и грабя людей... Трудно представить существующим в современной цивилизации человека вроде Калмыкова».

Грейвс пишет: «Полковник Морроу... доложил о самом жестоком, бессердечном и почти невероятном убийстве целой деревни Семеновым. Когда его войска подошли к деревне, жители, по видимому, попытались убежать из своих домов, но солдаты Семенова стреляли в них — мужчин, женщин и детей, — как будто охотились на кроликов, и бросили их тела на месте убийства... Деревни оцепляли и начинали рубить. Делали, что хотели, забирали, палили, насиловали от 10 лет и старше. Мужчин всех рубили, отрезали нос, отрубали полголовы».

Барон Будберг, служивший в правительстве Колчака, в дневнике написал про атаманину: «Все это на Дальнем Востоке привело к тому, что мы там сидим сейчас у разбитого корыта с напорщившимся против нас и ненавидящим населением, готовым променять нас на эсеров, большевиков, партизан и кого угодно, кто поможет им нас скovyрнуть». Против необъяснимой жестокости бунтовали сами казаки, убивали своих офицеров. Иногда заступалась за арестованных сожительница атамана Семенова Мария Глебова, известная под кличкой Машка-Шарабан.

Красные, в свою очередь, захватив в плен семеновцев, также изощренно пытали: вырезали на коже погоны, лампасы, замораживали до смерти.

Дальний Восток малонаселен, расстояния между деревнями большие, транспортной связи почти никакой, до городов далеко, никто ничего не понимает в политике, но даже в этом медвежьем, тигрином углу — невероятная жестокость и жажда личной власти.

1 НОЯБРЯ

1 ноября 1918 года в Омск прибыл член ЦК партии кадетов, депутат последней Государственной думы Виктор Николаевич Пепеляев. В дни Февральской революции он был направлен командующим порта Кронштадт, пытался образумить революционных матросов, был ими арестован, но впоследствии отпущен. Осенью 1917 года во время сорвавшегося Корниловского мятежа поддержал генерала Корнилова.

Пепеляев добирается до Сибири. Он лично смел и энергичен. Пепеляев — убежденный сторонник идеи единоличной власти на территориях, освобожденных от большевиков, и, соответственно, он не приемлет существующее на востоке страны Всероссийское Временное правительство, так называемую Директорию, объединяющую умеренных правых и эсеров.

Прибыв в Омск, Пепеляев немедленно приступил к практической подготовке к установлению военной диктатуры. Он вступает в контакт с министром финансов в правительстве Директории Иваном Михайловым, который разделяет идею Пепеляева и пользуется влиянием в офицерских и казачьих кругах. Кроме того, Михайлов связан с начальником Академии Генерального штаба генералом Андогским, который также прибыл в это время в Омск и тоже был сторонником единоличной твердой власти. Более того, профессора Академии Генштаба и офицеры, проходившие курс обучения, были исключительно сплочены под руководством своего начальника генерала Андогского.

Все они будут вовлечены в осуществление переворота, который завершится приходом адмирала Колчака на должность Верховного правителя России.

Всех основных игроков в этом заговоре объединяло неприятие эсеров, которые не только входили в Директорию, но и возглавляли

ее в лице председателя эсера Авксентьева. Во всяком случае на словах они демонстрировали крайнее недоверие к эсерам, говорили: «Естественно, одна только политическая физиономия «этих господ» говорит сама за себя... Интересы их партии будут доминировать над интересами и благом Родины». При этом многие из участников этой политической интриги едва ли вообще могли претендовать, скажем так, на чистоту веры и помыслов.

Генерал-майор Александр Иванович Андогский, бывший начальник Николаевской военной академии, принимал участие в большевистских переговорах с Германией о заключении сепаратного мирного договора. Он сохранил должность в академии, которую большевики эвакуировали из Петрограда в Екатеринбург, а потом в Казань. То есть офицеры и их начальник Андогский были одними из первых царских военспецов, пошедших на службу к большевикам. В июле 1918 года по мере развития военных успехов белых Андогский с большинством офицеров академии перешел на сторону белых и в конце концов оказался в Омске в эпицентре интриг, к которым был склонен.

Взгляды министра финансов Ивана Михайлова также сложно определить. Он сын народовольца Михайлова, но не Тимофея Михайлова, который участвовал в убийстве Александра II, а другого, Адриана, который принимал участие в убийстве шефа жандармов Мезенцева и сосланного на каторгу. Иван Михайлов и родился в Карийской каторжной тюрьме, но окончил гимназию, юрфак Петербургского университета по кафедре «финансового права», работал под руководством знаменитого экономиста, философа, общественного деятеля Петра Струве. Работал в структурах Временного правительства.

Михайлов энергичен, решителен, очень честолюбив. После Октябрьского переворота он перебирается в Сибирь. Состоял министром финансов в двух правительствах. Демонстрирует исключительный карьеризм, в целях усиления собственных позиций установил личные контакты с белыми генералами, в частности с Андогским. Партийных политических пристрастий у Ивана Михайлова нет, есть антибольшевизм. Эсеров, присутствующих в органах власти, говоря современным языком, готов был кинуть в любой момент, за что получил прозвище Ванька-Каин. Были попытки эсеровских терактов против него, но все неудачные. В под-

готовке заговора с целью выдвижения единоличного правителя Михайлов исключительно активен и не может не искать в этом заговоре усиления собственного влияния, тем более что Михайлов молод, ему 27 лет.

В конкретных чертах переворот стал обсуждаться и планироваться в омском салоне жены генерала Гришина-Алмазова. Детальную проработку плана с технической стороны взял на себя генерал Андогский.

Адмирал Колчак, недавно появившийся в Омске, имел репутацию выдающегося исследователя, флотоводца и реформатора флота, человека с твердыми антибольшевистскими взглядами. Но он не был политической фигурой и политических ресурсов в Сибири лично у него не было. Сочетание этих характеристик многих устраивало.

Как вспоминал генерал Гайда, Колчак вообще появился в довольно поношенном штатском сером костюме и помятой шляпе с широкими полями, придававшей ему пролетарский вид. По своим взглядам на ситуацию в России Колчак убежден, что предотвратить национальную катастрофу может только твердая единоличная власть. Еще в июле 1918 года во владивостокской газете «Голос Приморья» была опубликована его статья под названием «Единоличная власть».

Изначально у адмирала Колчака не было намерения задерживаться в Сибири. Он планировал пробираться на Юг России в Добровольческую армию, но планы изменились. В Омске Колчак очень быстро познакомился и с министром финансов Михайловым, и с генералом Андогским, и с деятелями Союза возрождения России, вообще быстро втянулся в омскую политическую жизнь.

Через три недели после его прибытия в Омск Колчака выдвинули на должность военного и морского министра. Он сомневался, его уговаривали, он требовал расширения своей компетенции, настаивал на своем участии в руководстве военными операциями. Как раз в это время состоялся разговор Колчака с Пепеляевым. Инициатива принадлежала Пепеляеву, разговор был совершенно конкретным: во-первых, необходима диктатура, во-вторых — согласен ли Колчак стать диктатором. Колчак впервые видел Пепеляева, но в результате долгого разговора Колчак сказал: «Если будет нужно, я готов принести эту жертву», то есть готов стать военным диктатором.

Слова «готов принести себя в жертву» окажутся правдой не только для Колчака, но и для Пепеляева. Из всех участников омского переворота только Виктор Пепеляев пройдет весь путь с Колчаком, и расстреляны они будут вместе.

15 НОЯБРЯ

15 ноября 1918 года полковник Яков Слащев вступил в должность командира 1-й Отдельной Кубанской пластунской бригады в составе Добровольческой армии генерала Деникина. Полковнику, впоследствии генерал-лейтенанту Слащеву предстоит стать одной из наиболее ярко окрашенных фигур Гражданской войны. Он же станет прообразом генерала Хлудова в пьесе Булгакова «Бег». В кинофильме «Бег» Хлудова незабываемо сыграл Владислав Дворжецкий. Кто видел, точно не забудет. Но булгаковский Хлудов и реальный Слащев — люди разные. Даже внешне.

Выпускник Академии Генштаба, боевой заслуженный офицер Первой мировой, три года воевавший в Гражданскую, Слащев намеренно выглядел фиглярно: красные штаны, светло-голубая куртка гусарского покроя и белая бурка. Вероятно, он полагал, что в этой противоестественной войне русский офицер не может носить форму, положенную в обычных обстоятельствах.

Пластунская бригада, которую 15 ноября 1918 года возглавил Слащев, — по сути казачий спецназ. Пластун — производное от «пласт», «пластоваться», то есть ползти. Казаки-пластуны традиционно лучшие разведчики и диверсанты в русской армии. Тщательно отбирались и обучались в своей среде. Пользовались в армии особым уважением. Участвовали в Кавказской войне, в Крымской, в русско-турецкой, в мировой войне. Полковник Слащев становится командиром вот такого, в профессиональном смысле привилегированного подразделения. Самому Слащеву храбрости и умения тоже было не занимать. В мировую войну, помимо прочих наград, удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени «за то, что, командуя ротой, оценив быстро и верно обстановку, по собственному почину, с беззаветной храбростью бросился во главе роты вперед, несмотря на убийственный огонь противника, обратил части гер-

манской гвардии в бегство». Это выдержка из официального документа о награждении.

Слащев в декабре 1917 года, то есть в числе первых, вступил в ряды Добровольческой армии. Слащев солидарен с генералами Алексеевым и Корниловым — отцами-основателями белой Добровольческой армии. В своих воспоминаниях Слащев объясняет логику их действий: «Собрать новую армию взамен разложившейся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, а большевики рассматривались как ставленники немцев...» Слащев рассуждает: был лозунг «За веру, царя и Отечество». Идея «царя» в России дискредитирована, он отрекся и забыт. От веры, как выяснилось, люди легко отрещиваются. Стало быть, надежда только на идею «Отечества». Будет создана новая армия, которая поднимется на защиту Отечества от иноземцев и прежде всего от советской власти, которая установлена на германские деньги. Это ход мыслей Слащева.

В надежде собрать какие-то антибольшевистские силы генералы Алексеев и Корнилов направляют активных офицеров по близлежащим районам. Слащев весной едет в район Минеральных Вод. Вспоминает: «Ничего не удавалось...» Мировая война идет, но с Кавказского фронта, где сражались против турок, на Кубань и Терек толпами возвращаются солдаты. Оседают по домам, воевать ни за кого не хотят. И ладно бы одни солдаты. Оказалось, что и масса офицеров, тяжело переживавших развал армии в 1916-м, в 1917-м, лишившихся главного смысла своей жизни, профессии, наконец, работы, все эти офицеры очень вяло, без энтузиазма откликнулись на призыв защитить Отечество. Если бы Слащев не был бы направлен в Минеральные Воды для организации офицеров в помощь Добровольческой армии, он наверняка принял бы участие в отчаянном белом Ледяном походе. И вероятно, погиб бы там. Тогда вся Добровольческая армия насчитывала не больше трех тысяч человек.

А летом 1918 года Слащев начальник штаба отряда, который один насчитывает более 5000 человек, во главе отряда — герой мировой войны полковник Шкуро, из кубанских казаков. Резкий рост желающих воевать против советской власти вызван тем, что большевики перешли к грабежу крестьян, начали отбирать зерно, скот и моментально потеряли поддержку. Слащев пишет: «Свершилось чудо. Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов. Идея защиты Отечества, не находившая до сих пор от-

клика в массах, вдруг стала понятна настолько, что для организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами и выступали «конно, людно и оружно».

Пьеса Булгакова «Бег», в которой Слащев стал прообразом Хлудова, построена на нескольких снах. Если использовать этот прием применительно к реальному Слащеву и позволить ему осенью 1918 года рассмотреть собственное будущее, он счел бы его ночным кошмаром. В ближайшее время он будет тяжело ранен. Как к обезболивающему пристрастится к морфию, а потом к кокаину. Так что история с видениями, со снами наяву — это как раз для Слащева.

В период, когда армия Деникина будет успешно наступать на Москву, Слащев в белом тылу будет сражаться с безудержным анархистом Махно и его партизанской армией. Попеременно берут и теряют города. Но победы, несмотря на весь опыт, у Слащева нет.

Слащев будет участвовать в попытках белых провести мобилизацию. Белые и красные в равной степени испытывали проблемы с мобилизацией. Большевики, прежде всего Троцкий, в целях удержания власти жесточайшими способами выстраивали регулярную армию. Слащев насмотрелся, как мобилизация выглядела у белых. Люди скрывались, как дезертиры. Или просто разбегались по деревням и сидели по домам. Их ловили и подвергали наказаниям. Слащев, кадровый офицер, доказавший личную смелость на фронтах мировой войны, теперь по деревням пытался набрать людей, смотрел, как из домов вытаскивают сытых мужиков, как их секут, а они ни за что не хотят воевать.

Население не видит разницы между белыми и красными. Бегут к анархисту Махно. Слащев будет завидовать Махно, часто говорит: «Моя мечта — стать вторым Махно».

Врачи найдут у Слащева острую форму неврастения. И есть с чего: он принимает участие в войне, где население и белых, и красных воспринимает как завоевателей.

Когда белые начнут отступать, Слащев получает приказ отходить с задачей удержать Крым. Это было главное задание в его жизни. Он на целый год закроет Крым для красных. Скажет: «Я затянул Гражданскую войну на целый год. Каюсь, но это так». Слащев получит титул «Крымский».

В Крыму со Слащевым встречался английский генерал, который позже вспоминал, что в течение всего времени обсуждения страте-

гических вопросов Слащев был с попугаем на плече. «Удивительные русские люди», — сказал англичанин.

Когда красные возьмут Крым, Слащев уедет в Турцию. Поживет в пригороде Константинополя, где будет разводить индеек. А потом вернется в Россию. Преподает, блестяще читает лекции. А потом убит.

23 НОЯБРЯ

23 ноября 1918 года был опубликован Декрет об организации снабжения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства. Подписан Декрет был Лениным двумя днями раньше, 21 ноября.

Декрет принят, потому что идет Гражданская война. То есть большевики инициировали Гражданскую войну для утверждения своей власти в стране, а теперь для победы в Гражданской войне требовалась особая экономическая политика. Большевикам необходимо кормить свою армию, чтобы она не отказалась воевать. Большевики должны кормить те города, где они удерживают власть, прежде всего Москву и Петроград. В условиях спровоцированной Гражданской войной разрыва всех экономических связей, коллапса на железных дорогах, именно большие города первыми вступают в голод. Голод подстегивает недовольство, на фронтах — только локальные успехи, — все это прямая угроза большевистской власти.

Следовательно, надо ввести госмонополию на все ресурсы и товары, собрать все в один кулак, торговлю всем на свете отдать в государственные руки и так организованно обеспечить снабжение населения. Тогда есть шанс продолжать Гражданскую войну.

Но Ленин, подписывая Декрет, руководствовался не только практическими соображениями.

В не меньшей степени Лениным движет его идеология, которая требует ликвидации всякого частного предпринимательства, в том числе в торговле. В первых же словах Декрета прямо сказано: «В целях замены частно-торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами из Советских распределительных пунктов... на Народный Комиссариат Продовольствия (Компрод) возлагается заготовка всех продуктов, служащих для личного потре-

бления». Это начало практической советской власти с ее неотвратимым желанием решать, что, кому и сколько надо в этой жизни. Власть будет упорствовать в этом желании все годы своего существования, пока, в том числе и по этой причине, не сойдет в могилу. И эта экономическая политика власти объяснима. Потому что, если бы власть не лезла каждому в огород, в коровник, на завод, не считала бы съеденные каждым куски, не давала бы разрешение на лишний кусок, то зачем бы нужны были все эти множасьщиеся партийные бюрократы?! Так что Декрет об организации снабжения населения всеми продуктами — базовый, краеугольный.

Весь самый сложный, многоуровневый механизм торговли, снабжения, прежде существовавший в России, разом уничтожился. В пункте 3 Декрета сказано: «Для снабжения и правильного распределения продуктов организуется сеть государственных складов и розничных Советских лавок». То есть отныне только Советское государство знает, как правильно распределять продукты. И оно не сомневается, что все надо именно распределять, а не так, чтоб люди выбирали, покупали, что хотят, и не брали бы то, что им не подходит.

Так вот создаются советские лавки, и каждый гражданин должен приписаться к определенной лавке и там отовариваться монопольными продуктами. Через пять дней после Декрета вышло постановление о госмонополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами. Постановление содержит список этих НЕКОТОРЫХ продуктов и предметов, на который введена госмонополия.

Итак: калоши, подошвенная и резиновые пластины, изделия фабрик табачков, чай, кофе, какао, соль, спички, изделия ткацких фабрик, швейные нитки, обувь, керосин, гвозди, подковы, подковные шипы, всякого рода железо, свечи, сельскохозяйственные орудия и машины, мыло, сахар, писчая, оберточная бумага, охотничий порох и всякие привозимые из-за границы для личного потребления населения продукты.

Монополия на хлеб введена раньше. Но дело в том, что монополия есть, а хлеба нет. Хлеб — у крестьян, они его растят своим тяжелым трудом и не привыкли просто так его отдавать. Осенью 1918 года крестьяне вокруг деревень роют окопы, устраивают волчьи ямы и воюют с большевистскими продотрядами.

Отобрать у крестьян хлеб — это вообще главная задача большевиков. Крестьяне для большевиков — в принципе вредный класс для революции. По-хорошему, чтобы крестьяне не взбунтовались, им надо

дать нужные им промышленные товары в обмен на хлеб. Такой бартер устроить. Но вследствие Гражданской войны промышленность стоит, товаров мало. Поэтому решено Декретом монополизировать товары и дать их деревенским неудачникам, нищим и пьяницам, которые за это будут помогать большевикам расширять классовую борьбу в деревне. В смысле отбирать хлеб у работающих и эффективных крестьян.

В городах население тоже поделили по принципу, кто сколько еды заслуживает. Установили четыре категории граждан. В первую очередь паек выдавался рабочим, занятым на тяжелых работах, кормящим матерям и беременным с 5-го месяца. Другим категориям по остаточному принципу. Правда, рабочие из первой категории в реальности получали только 18,5 процента от минимальной положенной нормы в 3500 калорий.

Если бы люди в России жили по ленинском декрету, они бы все умерли. Выживали благодаря экономическому сопротивлению, которое имело простонародное название «мешочничество». Одни люди из хлебных регионов везли хлеб туда, где его не было. И другие продукты тоже. Обменивали, продавали. В противоположном направлении, в деревни, другие люди везли обувь, мануфактуру, гвозди и прочее нужное в хозяйстве. В мешочничество в качестве продавцов или потребителей вовлечены все социальные слои населения. Конечно, это спекуляция. Но это и вопрос жизни и смерти семей, детей. Мешочничество — это сохранение связей между регионами, поддержание общенационального рынка. Никогда в торговлю не было вовлечено столько народа. Четверть взрослого населения регулярно занималось мешочничеством. Основу этой армии, конечно, составляли крепкие, молодые, выносливые мужики. Преодолевали сотни и тысячи километров, прокладывали маршруты, штурмовали поезда, ехали с товаром на крышах вагонов. Например, через станции Брянск и Вятка ежедневно проезжало до пяти тысяч мешочников. Тогда острили: «Национализация торговли означает, что вся нация торгует». Против мешочников на больших станциях власть выставляла заградотряды. Доходило до ожесточенных боев. Но обычно заградотрядовцы грабили эшелоны с мешочниками, реквизируемые продукты скрывали и перепродавали. Знаменитый писатель Куприн предлагал поставить памятник Мешочнику за спасение многих тысяч жизней. Но этого, естественно, не произошло. Произошло другое. В условиях спровоцированного продовольственного кризиса, перешедшего в массовый голод, большевики создали систему привиле-

гированного спецснабжения партийного руководства и бюрократии. Со спецраспределителями, спецстоловыми и спецпайками. Власть будет давать эту особую еду и отнимать ее по своему усмотрению.

30 НОЯБРЯ

30 ноября 1918 года адмирал Колчак издает приказ, который логически завершает историю с переворотом, в результате которого он, Александр Васильевич Колчак, оказался на посту военного диктатора и получил титул Верховного правителя. Переворот был задуман и осуществлен группой военных и рядом штатских лиц 18 ноября. Приказ от 30 ноября направлен против эсеров, входивших в коалиционное правительство, которое было ликвидировано в результате переворота.

Входившие в правительство эсеры Авксентьев, Зензинов и Аргунов были арестованы в Омске. В Екатеринбурге арестован один из лидеров партии Чернов, в недавнем прошлом председатель Учредительного собрания, которое разогнали большевики в начале января 1918 года. Потому что большинство на выборах в Учредительное собрание получили не большевики, а эсеры, и большевикам такое Учредительное собрание было совершенно не нужно. Многие эсеры — члены Учредительного собрания тогда волею обстоятельств оказались на Волге, в Самаре, и одними из первых начали антибольшевистскую борьбу, привлекая людей любой политической ориентации. В их рядах оказался впоследствии знаменитый героический генерал Каппель, который потом будет воевать у Колчака. Гражданская война — это броуновское движение самых неожиданных сил.

К осени 1918 года умеренные правые, кадеты и эсеры составили Временное всероссийское правительство — Директорию. Но просуществовало оно недолго. Антибольшевистские силы категорически не умели вступать в союзнические отношения. Офицерство, которое было главной лоббистской силой этого времени, к эсерам испытывало неприязнь.

Для офицеров эсеры — это левые. С левизной ассоциируется развал армии, падение дисциплины, убийства офицеров, поражения на фронтах мировой войны. Офицеры не в курсе, что за братание с немцами на фронте агитировали большевики и развал армии, сепаратный мир

с Германией — это мечта большевиков. А эсеры как раз были за революционную войну с Германией. Офицеры не ориентируются в политике. Военная диктатура представляется им простой, понятной и эффективной. Именно этим офицерам 30 ноября 1918 года адресован антиэсеровский приказ Верховного правителя. Колчак демонстрирует, что иначе комыслия быть не может. В приказе подчеркивается, что эсеровские деятели «пытаются поднять восстание против государственной власти, ведут разрушительную агитацию среди войск, воюющих с большевиками, задерживают телеграммы Верховного командования, присвоили громадные суммы денег, пытаются распространить свою преступную работу на всей территории, освобожденной от большевиков».

В связи с этим Колчак пишет: «Приказываю: Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие... арестовывать таких лиц для предания военно-полевому суду. Все офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мной военно-полевому суду. Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти.

Подпись: Верховный правитель и Верховный главнокомандующий Колчак. Город Омск».

Звучит грозно, а на деле означает, что правительству Колчака отныне придется вести войну на два фронта — не только с большевиками, но и с эсерами.

В свою очередь эсеровский Центральный Комитет принял свое постановление: «Партийным организациям вменяется в обязанность немедленно реорганизоваться применительно к условиям нелегальной работы... Партийные организации должны вернуться к методам и формам работы, практиковавшимся при самодержавном режиме, объявив беспощадную борьбу режиму единоличной диктатуры, не отступая ни перед какими способами борьбы».

А у эсеров это не пустые слова. Их партия известна своими боевыми традициями и собственной боевой организацией. Это бомбисты, террористы, бывшие в конце XIX — начале XX века головной болью российской власти.

Но поздней осенью 1918 года только часть эсеров на востоке страны придерживалась жесткого лозунга «Ни Ленин, ни Колчак!». Большинство же эсеровских организаций после установления военной диктатуры Колчака сочли большевиков меньшим злом. Прямо

заявляли: «В настоящее время наша партия занимает новую позицию — соглашения с Советским правительством».

Командующий Омским военным округом скажет: «Человек, который то против большевиков, то за них, — это дрянь еще большая, чем большевик». Ленин назовет эсеров «жалкими соглашателями». Либеральная белая пресса охарактеризует этот союз эсеров и большевиков как «политическое самоубийство» эсеров и окажется права, потому что большевики после Гражданской войны расправятся с ними.

В рамках антиэсеровской кампании Колчак заодно объявил, что вообще не признает Учредительного собрания, которое было избрано в конце 1917 года. Более того, разгон Учредительного собрания Колчак поставил в заслугу большевикам. Ему было катастрофически сложно в политике, куда его на его беду занесла Гражданская война. После переворота он сделал красивое обращение к населению: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру». Под впечатлением некоторые принялись называть Колчака «русским Вашингтоном». В том смысле, что он станет отцом-основателем нового российского государства.

Но в реальности адмирал Колчак полагал, что к политике полностью «приложимы принципы войны, а сущность государственной политики покоится на тех же началах, что и военное дело». Он ничего не знал о том, какой сложной и многообразной может быть общественная гражданская жизнь. Незадолго до гибели на допросе Колчак совершенно искренне говорил: «До революции 1917 года я был монархистом... Я не мог считать себя республиканцем, потому что такого не существовало в природе. Но присягу Временному правительству и революции принял «по совести» и стал рассматривать себя «совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии». И думал, что, вероятно, будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления». Однако впоследствии период от февраля 1917 года до октября называл презрительно «керенщиной» и подразумевал под этим слабость гражданской власти по сравне-

нию с военной. Он был уверен, что после очищения страны от большевиков следует на время сохранить для наведения порядка твердую военную власть, а потом, уже потом демократические реформы. Таким было не только мнение Колчака. Иркутская либеральная газета «Свободный край» писала: «История дает нам немало примеров, говорящих за то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через диктатуру. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне».

В конце 1918 года и газете, и Колчаку было простительно заблуждаться. Они не знали и не могли знать, какой долгой и страшной может быть диктатура, что она не гарантирует перехода к народовластию, а совсем даже наоборот. И что это будет не их диктатура. И что Англия и Франция — не пример для России.

7 ДЕКАБРЯ

7 декабря 1918 года Ленин подписал Декрет о кладбищах и похоронах.

Все кладбища, крематории, морги и сами похороны поступают в ведение местных Советов. Для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны. Частные похоронные предприятия поступают на учет Советов депутатов с последующей передачей Советам.

В пункте 6 Декрета указано, что Советы оплачивают похороны граждан, подпадающих под пункты 1, 2, 3, а под пунктом 4 проходят «остальные граждане и члены их семейств», чьи похороны идут за счет родственников и близких.

Из всего перечисленного не требует особого комментария положение о частных похоронных предприятиях. Понятно, что этот бизнес, как и любой другой, будет отобран властью. Но с похоронным бизнесом это будет сделано не резко. Потому что у новой власти нет соответствующих мощностей, а умирают люди каждый день, и с ними можно не справиться, даже ВЧК в этом исключительном случае бессильна. Хоронить — не расстреливать.

Все остальные положения Декрета требуют куда более подробных пояснений. Иначе многое останется не вполне понятным, скажем, как «Евгений Онегин» без комментариев Юрия Михайловича Лотмана.

Пункт первый Декрета о том, что кладбища и сами похороны передаются местным Советам депутатов, на самом деле повествует об отношениях советской власти и церкви, о том, что власть резко ломает многовековую традицию в самой чувствительной сфере, в сфере смерти. Кладбища традиционно находились в ведении церкви, а теперь переходили в муниципальное ведение. В Москве, например, новая структура называлась Похоронный подотдел отдела благоустройства Московского коммунального хозяйства Моссовета. Слово сочетание «Похоронный подотдел» немедленно отсылает к булгаковскому «Собачьему сердцу», где Шариков возглавлял подотдел очистки.

На протяжении всего 1918 года в Совнаркоме шли бесконечные споры о том, как именно по-новому захоранивать граждан, Декрет дважды отправляли на доработку. Как-никак речь идет о смерти, которой не избежать никому. В качестве примечания было внесено, что похоронные религиозные обряды в храме и на кладбище все-таки могут совершаться по желанию родственников и за их счет.

Ожесточенная внутривластная дискуссия развернулась по вопросу о новом красном гражданском похоронном обряде. На удивление сдержанная позиция была у главы Союза воинствующих безбожников Емельяна Ярославского. Он считал, что новой обрядности придается новое религиозное значение и есть вероятность «перещеголять православных».

Троцкий, оппонируя Ярославскому, заявлял, что «жизнь трудовой семьи слишком монотонна и этой монотонностью своей истощает нервную систему». Он согласен, что дело с погребением действительно обстоит сложно, но надо «пробуждать фантазию и толкать творчество новых бытовых форм вперед».

Самая жесткая позиция была у писателя и литературоведа Викентия Вересаева. Он говорил: «Приходят люди на новые похороны — и решительно не знают, что им делать. В лучшем случае — плохонький оркестр и речи. Нужно нечто сложное и величественное. Необходимо употребить весь творческий потенциал новых Пушкиных, Скрябиных, Станиславских на то, чтобы срежиссировать новую похоронную обрядность».

Коммунистические похороны с красным гробом, красными знаменами и революционными песнями собирали много любопытных, но распространились плохо. Газета с названием «Безбожник у стан-

ка» писала: «Партия должна бы научить, как обходиться без попов во всяких таких случаях».

В Декрете подчеркивается равенство всех перед смертью, а точнее, равенство на кладбище. До революции на кладбищах существовало разделение мест на разряды по социально-экономическому принципу. Разрядов было сначала семь, потом пять. Рядом с церковью — самое дорогое место, по первому разряду, обходилось в 250 рублей, а по четвертому разряду — 20 рублей, а по шестому — 50 копеек. А по седьмому, на дальних участках, — даром. Советская власть была намерена упразднить неравенство повсеместно, не останавливаясь и на краю могилы. Но в Декрет все же вкралась оговорка.

Отменив старую иерархию, Декрет устанавливал на территории смерти ровно то, что существовало в новой жизни.

Бывшие, то есть классово чуждые, которые в Декрете обозначены словом «остальные», должны, в отличие от всех, платить за похороны. В жизни они проходят по последней категории, еду по карточкам получают по остаточному принципу, государство в них не нуждается, они могут умирать, но за похороны обязаны заплатить. Правда, классовую составляющую Декрета о похоронах соблюсти не удалось. В силу экономической ситуации государство не могло выполнять свои обязательства. Похороны и места на кладбище очень быстро стали опять платными для всех. Соответственно среди покойников вновь началось «расслоение» в зависимости от финансовых возможностей их родственников или партийных сослуживцев. Ввиду дикой инфляции, отсутствия денег у населения, обычным делом становятся так называемые «общие» могилы. То, что применительно к войне называется «братскими могилами». В общих могилах хоронят по 15, 10 или по 5 человек. Иногда хоронят в два яруса. Кроме того, в целях удешевления похорон практикуется прокат гробов. Гробы, взятые напрокат, возвращают для дальнейшего использования. Часто хоронят без гробов.

Вероятно, это можно воспринимать как апогей коммунистической идеи коллективизма и пренебрежения ко всякой индивидуальности. Но граждане изыскивали любую, последнюю, возможность, чтобы похоронить родных по-человечески в отдельной могиле.

В Декрете указано, что так же, как и кладбища, в ведение Советов предаются крематории. Это отдельная история. На момент подписания Декрета ни одного крематория в России нет, но у партийного руководства есть мечта о крематориях. Во-первых, кремация

может позволить оптимизировать расходы на погребение, во-вторых, это очередной жест против церкви, и, наконец, это научит население относиться к смерти, а заодно и к жизни, без излишней сентиментальности. И вообще огонь, сжигание соответствовали большевистскому культу разрушения. Кроме того, говорилось, что огонь эстетически уравнивает все классы населения.

Правда, при этом обсуждали, что сжигание нетрудового элемента, то есть классово чуждого, должно было стоить в четыре раза дороже, чем сжигание рабочих и совслужащих.

Строить первый в стране крематорий хотели в Петрограде на территории Александро-Невской лавры, но по случайности не сложилось. В результате первый в России крематорий открыли на Васильевском острове в здании бывшей бани. Это зловещий символ, адское совпадение. В гитлеровских концлагерях жертвам будут говорить, что их ведут в баню, в газовых камерах газ будут пускать через лейки душа, а дальше — крематорий.

В Советской России был распространен рекламный плакат: «Кремация — наиболее красивый и целесообразный способ погребения, признак высокой культуры, незаменима при эпидемиях, войнах и народных бедствиях».

Как раз эпидемии, Гражданская война и народное бедствие имелись в наличии. Но Ленин в отношении лично себя высказывался категорически против кремации. Правда, он тогда не знал, что кремация — это еще не худший вариант.

14 ДЕКАБРЯ

На 14 декабря 1918 года пришлась некруглая годовщина восстания декабристов — 93 года. Ленин неоднократно в своих работах упоминал декабристов. В 1902 году похвалил их за республиканские идеи. В 1905 году пожурил за классовую ограниченность. В 1906 году назвал декабристов дворянскими, но все-таки революционерами. А в 1912 году Ленин написал статью к 100-летию русского писателя и диссидента «Памяти Герцена» со знаменитой формулировкой: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне

и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров». Дальше — классическое: «Страшно далеки они от народа». Но! «...декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили...», и далее по тексту.

То есть Ленин выстроил собственную периодизацию революционного движения в России: первые — декабристы, потом революционеры-разночинцы с их, как говорил Ленин, «героическим террористическим методом борьбы, вызвавшим удивление всего мира». А за ними, наконец, вступает в дело пролетариат.

Ленину исключительно важно убедить, что его борьба имеет богатую предысторию, что у нее глубокие корни. Он продолжатель и апогей российской борьбы за светлое будущее.

Троцкий разделяет ленинскую концепцию революционной борьбы в России, говорит, что эта «суровая работа» началась с декабристов. И Сталин оценивает восстание декабристов как факт революционного движения. В результате выданная Лениным периодизация стала единственно правильной и единственно возможной. То есть сложная и противоречивая история общественной жизни в России стала политически прямолинейной, а научные свободные исследования «декабризма» оказались на грани ереси и вероотступничества. Это коснулось работ историка-марксиста Михаила Николаевича Покровского, который и до революции, и после нее отказывался считать декабристов революционерами. О Покровском так прямо и пишут: «Он уже давно мог бы усвоить ленинскую концепцию. Он не сделал этого. Его концепция восстания декабристов в корне расходится с ленинской». Позже, после смерти Ленина и после победы Сталина над Троцким, ситуация для историка Покровского с его взглядами на декабристов усугубится. О Покровском пишут: «Покровский крайне пренебрежительно относится к революционному прошлому России. Эти ошибочные тенденции подводят нас к той полосе его политических ошибок, которые связаны с его совместной работой с злейшим врагом большевистской партии Троцким... Указания Ленина о декабристах Покровский продолжает игнорировать».

Все время при Сталине декабристы были революционерами, «боровавшимися против крепостного права и самодержавия». После смерти Сталина с 1955 года декабристы — внимание! — стали «бор-

цами против самодержавия и крепостного права». То есть при власти Сталина опасно было выпячивать «самодержавие». Могли возникнуть ассоциации. И должны были пройти два года после Сталина, чтобы слова в оценках декабристов поменялись местами.

Главный импульс движения декабристов — стремление участвовать в политической жизни страны, не отдавать всю политику на откуп одному лицу, не быть крепостными при барине-императоре. Эта идея никогда не будет понятна советской элите. Тем более непонятны личные, человеческие отношения между шефом корпуса жандармов Бенкендорфом и государственным преступником декабристом Волконским. Более того, их дети породнятся. Волконский из ссылки приедет в имение Бенкендорфа Фалль и напишет: «Здесь мне утешение — поклониться могиле Александра Христовича Бенкендорфа — товарищу служебному, другу... не изменившемуся в чувствах, когда я сидел под замком и подвержен был верховному уголовному суду». В советские времена такие отношения были исключены.

14 декабря 1918 года годовщину восстания декабристов никак публично не вспоминали. Годом раньше, в 1917-м, вечер, посвященный памяти декабристов, устраивали левые эсеры. Выступал Сергей Есенин, а также хор рабочих и духовой оркестр. Сохранилась афиша. Цена билетов — 3 рубля и полтора рубля. Для солдат входной билет — 50 копеек.

В 1918 году партия эсеров уже запрещена. Эсеры воюют против большевиков. Потомки декабристов в 1918 году есть и в рядах белых, и у красных. У белых — Трубецкие, Щепины-Ростовские, Орлов, потомок Пущина. У красных — другой потомок Пущина, Оболенский, Давыдов — внук декабриста Василия Давыдова, Нарышкин, Сиверс.

Но прямо накануне 14 декабря 1918 года тема декабристов неожиданным образом всплывает в переписке Совета Народных Комиссаров. 13 декабря 1918 года управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич направляет в Музейный отдел Наркомпроса письмо с требованием принять срочные меры по жалобе Сергея Михайловича Волконского, внука декабриста Сергея Григорьевича Волконского.

А предыстория такова. Сергей Михайлович Волконский, хранитель бумаг и личных вещей своего знаменитого деда, спасаясь из своего разгромленного имения Павловка, перебрался в Бори-

соглебск и вывез с собой бесценный дедовский архив. В Борисоглебске в разгар повсеместных арестов, обысков и расстрелов ему удалось даже устроить выставку о декабристах в четырех залах бывшего театра по темам: «До Сибири», «Сибирь», «Официальная Россия» и «Возвращение». Но потом к Волконскому пришла борисоглебская ЧК с обыском, и декабристский архив приобщили ко всему изъятому. Волконский убеждал чекистов, что декабристы — революционеры, но чекисты ничего не знали о ленинской периодизации революционного движения и все, что можно, унесли. Когда чекистам попался алфавитный список собственных имен, встречающихся в переписке жены декабриста Марии Николаевны Волконской за годы от 1827-го до 1855-го, кто-то из чекистов сказал: «Ведь вот сколько имен, а ни у кого из них еще не было обыска». Никаких объяснений об исторической ценности бумаг никто не слушал.

Когда позже приехали люди из Москвы из Музейного отдела, было зафиксировано, что «бумаги, отобранные в доме Волконского, израсходованы в уборной Чрезвычайной Комиссии».

Вот обо всем этом в отчаянии внук декабриста С.М. Волконский написал наркому просвещения Луначарскому. Тот направил письмо Волконского Ленину. Как раз к годовщине восстания декабристов дело завертелось. Оставшееся от архива Волконского вывезли в Москву. Самая большая потеря — акварельный портрет Марии Волконской на фоне будки с часовым у Читинского острога. Портрет 1828 года работы декабриста Николая Бестужева.

Николай Александрович Бестужев, в отличие от Волконского, из ссылки не возвращался. У него от красивой бурятки были внебрачные дочь и сын. Впоследствии его дочь с мужем уехали в Китай, их сын, то есть внук декабриста, в Китае создал успешный чайный бизнес. В 1918 году приехал с семьей в Россию. Повоевал в партизанах против белых и погиб. Его семья вернулась в Китай. Там вырос уже правнук декабриста Владимир Николаевич Гомбоев. А в 1945 году, когда советские войска вошли в Китай, он был арестован по ложному обвинению и получил 10 лет. Его каторга и ссылка прошли в тех же самых местах, что у его прадеда. В лагере он не сломался, писал стихи, за антисоветский характер которых получил второй срок. Но выжил и его, правнука декабриста, можно считать одним из первых советских диссидентов.

21 ДЕКАБРЯ

21 декабря 1918 года народный комиссар внутренних дел Петровский сделал доклад о восстаниях вследствие введения 10-миллиардного чрезвычайного революционного налога. Этот налог был введен полутора месяцами раньше. Было решено разложить подлежащие сбору денежные суммы по губерниям, потом ниже между городами, уездами и волостями, а дальше уже низовые Советы занимаются персональной разбивкой. Освобождались от налога лица, имевшие зарплату менее определенной суммы.

Сбор этого чрезвычайного налога преследовал две задачи. Одна — собрать дополнительные деньги, помимо остальных налогов, которые при этом не отменялись. Именно поэтому данная мера называлась чрезвычайной. Деньги большевикам были остро необходимы на армию, которая вела Гражданскую войну. От сытости армии зависел результат этой войны, то есть удержат большевики власть или нет.

Вторая задача налога была чисто политическая, классовая. Предполагалось по максимуму отобрать средства у оставшихся состоятельных горожан, в деревне — у самых эффективных и богатых хозяев, а еще потрясти спекулянтов и мешочников, которые активизировались вследствие большевистского запрета свободной торговли. В результате власть предполагала получить свежую поддержку со стороны малоимущих, которые все больше отчаивались из-за невиданного экономического хаоса, охватившего страну.

Налог ввели 30 октября. Предполагалось раскладку денежных сумм, подлежащих сбору, произвести до 1 декабря, а к 15 декабря все деньги собрать. Сразу надо сказать, что ни к 15 декабря 1918 года, ни к концу 1920 года положенные 10 миллиардов собраны не были, на начало 1921 года взыскали чуть более полутора миллиардов.

Что касается городов, то тут сразу выяснилось, что собрать чрезвычайный налог будет исключительно трудно. В Москве и Петрограде какие-то деньги начали поступать только летом 1919 года. Это неудивительно. Состоятельной буржуазии на подконтрольных большевикам территории уже не было. Все уже было отобрано раньше во время на-

ционализации и всяческих реквизиций. У обеспеченных горожан до революции деньги были, как правило, вложены в процентные бумаги. Большевики осенью 1918 года аннулировали эти бумаги. Соответственно, их обладатели в один миг потеряли все и перешли в состояние неимущих. Их трясли, но взять с них было нечего. Вообще это был невероятный возврат в раннее Средневековье, такое беззаконное поведение завоевателей на захваченной территории.

Соответственно, чрезвычайный налог очень быстро приобрел название «всероссийской контрибуции». Полный беспредел царил в деревне. Богатых знали в лицо, относительно середняков местная власть в Комиссариат финансов отправляла письма с вопросом, как определить «среднего крестьянина». Наркомфин присылал указания, что хозяйства среднего достатка никак разорять нельзя. Но местное начальство обязано было налог собрать, отчитаться перед своим начальством, а время опасное, революционное, не в игрушки играли, поэтому от греха и со средних крестьян норовили взять налог по высокой ставке, а заодно и с бедных хоть что-нибудь да брали. Тем более что выбор мер воздействия на налогоплательщиков был предоставлен местным органам советской власти.

Меры воздействия были простые: держали зимой в нетопленном помещении, а стекла из окон вынимали, били, пороли, отбирали и распродавали все имущество, бросали в ледяную прорубь. Тем, кто пытался жаловаться, полагались дополнительные репрессии, их дела шли в ЧК. К концу декабря вышел циркуляр, что возможны меры воздействия от принудительных работ до революционного трибунала. Правда, указывалось, что расстрел, как способ взыскания налога, недопустим.

По мотивам сбора налога из регионов наверх наркому внутренних дел Петровскому шли письма. Из Пензенской губернии, например, писали: «Население настроено против Советов. Втихомолку ждут переворота... Повинен в этом произвол, который не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности все самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного Средневековья. Крик «расстреляю» раздается чаще, чем при крепостном праве раздавался крик «запорю».

Ситуация в деревне начала сказываться на настроениях в Красной армии. У солдат — семьи в деревнях, информация доходит.

28 декабря 1918 года глава ВЦИК Свердлов вынужден был направить предписание всем Советам проявлять осторожность при взимании налога с семей красноармейцев.

Но брали у крестьян, что хотели: у кого серебряные часы, у кого обручальные кольца. В уплату революционного налога отбирали последний скот, имущество целиком выставляли на продажу. Крестьяне жаловались: «Хорошо бы почаще поясняли, что такое советская власть, к чему она стремится. Мы власти боимся».

И не просто боялись советской власти, но начали выступать против нее. В конце 1918 года крестьянские антибольшевистские бунты происходят в Тульской, Тверской, Калужской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Витебской, Казанской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской губерниях. Одно из самых крупных выступлений — Шекснинское восстание в Вологодской губернии в декабре 1918 года. В резолюции восставших значилось: «Мы признаем власть Советов, но не такую, как сейчас. Сейчас власть не народа, а какой-то кучки». Выступают против непомерных налогов и против мобилизации в Красную армию. Крестьяне везде бегут от красной мобилизации. Руководят восставшими фронтовики, прошедшие Первую мировую.

Против большевиков бедные воюют вместе с богатыми. Идея Ленина внести классовый разброд в деревне не реализуется. Шекснинское восстание давят силами армии. Но вот что интересно. В то же самое время в Сибири, у белых, на территории, контролируемой Колчаком, происходят аналогичные крестьянские выступления. Там история с налогами мягче, чем у большевиков, там вводят максимальную цену на большие партии хлеба, но не отменяют торговлю. И дело даже не в диких повадках местных казаков. Готовность к крестьянскому бунту разлита в воздухе. При малейшем поводе они убивают местных милиционеров, распускают земские управы, создают свое правление, мечтают о своем крестьянском съезде и особых отношениях с белым правительством. Самое большое восстание 1918 года Минусинское в Енисейской губернии. Как и на красной территории, здесь во главе — фронтовики с Георгиевскими крестами. По числу восставших цифры разнятся, но это около 20 тысяч человек. У них есть винтовки, дробовые ружья, но в основном — топоры, вилы, палки с металлическими наконечниками.

Все эти крестьяне с их беспомощными, разрозненными бунтами по всей стране — не с белыми и не с красными. Раньше они поднимались против помещиков, теперь — впервые — против правительств, не важно, белых или красных. Крестьянская страна не желает иметь ничего общего с этими группами. Это не хорошо и не плохо. Это главная правда Гражданской войны конца 1918 года.

27 ДЕКАБРЯ

27 декабря 1918 года генерал Врангель выходит на большую арену Гражданской войны. Он не был в числе организаторов белого движения. До августа 1918 года генерал Врангель был вне политики и проживал с семьей в Крыму (Киев, Скоропадский). После начала немецкой оккупации выехал на Кубань, уже всюю воевала Добровольческая белая армия. Врангель принят Деникиным и назначен командиром бригады 1-й Конной дивизии, через три месяца — командиром 1-го Конного корпуса. В русско-японскую он воевал в полку Забайкальского казачьего войска. Переведен в лейб-гвардии Конный полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, но пожелал остаться в своем полку.

В Первую мировую командовал Нерчинским казачьим полком, был командиром Уссурийской конной дивизии, затем командовал Сводным кавалерийским корпусом. Лично смелый, Георгиевский кавалер, со стратегическим мышлением и честолюбивый. В числе его недостатков для развития политической карьеры — фамилия и титул. В революционной ситуации — барон Врангель — сочетание не самое подходящее.

В ноябре-декабре 1918 года Врангель воюет на Ставрополье, на Кубани. Для Добровольческой армии на Юге России в это время крайне насущен вопрос о едином командовании всеми антибольшевистскими силами в южном регионе. На роль единого центра принятия решений здесь претендуют атаман Донского казачества генерал Петр Краснов и Главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин. Краснов, избранный атаманом весной 18-го года рассматривает территории Войска Донского как самостоятельное традиционное государство и обладает Донской армией порядка 55 тысяч

казаков. Эта армия полгода вела антибольшевистскую борьбу, не подчиняясь и не присоединяясь к Добровольческой белой армии. У белой армии — идея Единой и Неделимой России. У Донских казаков — идея сепаратного, отдельного, государственного образования. Донские казаки в антибольшевистской войне опирались на немцев, пока те присутствовали в регионе в качестве оккупационной силы. Когда немцы после окончания мировой войны ушли, Краснов с Донской армией оказались в сложном положении. Что в целом ослабило антибольшевистский фронт.

В создавшейся ситуации командующий Добровольческой армией Деникин счел возможным решить вопрос о едином командовании. Он никогда не имел дела с Германией, придерживался союзнических отношений с Антантой, и теперь союзники его поддерживали. Краснов также начал переговоры с французами и англичанами, пытаясь переиграть Деникина. Краснов встретился с британским генералом Пулем в станице Куцевка, которая в наше время известна зверским убийством семьи и тем, что убийца, сидя в тюрьме, шикует и ест крабов с икрой. В Куцевке Краснов шантажировал англичан тем, что пойдет на мир с большевиками. Но потом стал торговаться и выдвигать условия для переговоров с Деникиным. И наконец Краснов и Деникин встретились 26 декабря 1918 года. Переговоры несколько раз обрывались, но в результате Деникин был признан Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России. Краснов в приказе подтвердил, что единое командование — мера своевременная и необходимая.

После нового назначения его прежний пост командующего Добровольческой армией оказался вакантным. Вот на него 27 декабря 1918 года назначен генерал Петр Врангель.

Генерал Врангель в воспоминаниях пишет, что назначение его обрадовало, дав возможность приложить «силы и знания свои в широком масштабе». Врангель действительно амбициозен. Там же он пишет, что ему грустно из-за назначения отрываться от войск, «отдалиться от столь близкой мне боевой жизни». И это правда, потому что Врангель смел и азартен в бою.

Словосочетание «командующий Добровольческой армией» в декабре 1918 года уже звучит легендарно.

Врангель отлично понимает «особость» своего назначения. Об этом он написал: «Вся героическая борьба на Юге России, нераз-

ривно связанная со священными для каждого русского патриота именами Корнилова и Алексеева, велась под знаменем «Добровольческой Армии». Врангель понимал, что его назначение командующим армией с этим славным названием — это его необыкновенная и неожиданная удача. Он не был с этой армией в самые тяжелые времена, он не был из числа тех, кого называли «первопоходниками» в честь Первого Кубанского Ледяного похода, когда в бой с красными шла горстка людей, одетых во что попало, вооруженных как попало, шли, воевали и умирали на чистой идее.

И вот теперь, 27 января 1918 года, командующим стал не первопоходник, а Врангель. Но уже в самом начале следующего, 1919 года, 6 января, произойдет новое переформирование, и Врангель окажется во главе армии с другим названием: это будет Кавказская армия. Врангель все-таки убедит Деникина включить в название армии уточнение — Добровольческая.

В первом приказе армии Врангель говорит: «Горжусь командовать вами, храбрецы. Доблестью кубанских орлов освобождена родная Кубань, враг настигнут в богатой Ставропольской губернии, настигнут и разбит... Услыхав клич Кубанских и Терских орлов, встают кабардинцы и осетины, встал как один Дагестан, джигиты седлают коней. Вперед же, кавказские орлы, расправьте могучие крылья».

И эта армия вытеснит красных с Северного Кавказа. Врангель в связи с этим успехом издаст приказ по армии со словами: «Полчища врага разбились о доблесть вашу». Заканчивается приказ следующим пассажем: «Как ваш командующий и как один из сынов несчастной, истерзанной и опозоренной России, земно кланяюсь вам, герои Кавказской Добровольческой армии, и твердо верю, что доблестью Вашей гибнущая Родина будет спасена». Подпись — генерал-лейтенант Врангель.

Таким образом, к концу 1918 года определились три главные фигуры Белого движения — Деникин, Колчак и, перед Новым годом неожиданно, Врангель. Соотношение сил между ними пока не определено. Вообще в канун 1919 года ничего еще не предпрешено в Гражданской войне.

Матушка генерала Врангеля Мария Дмитриевна Врангель, 62 лет, встречает Новый, 1919 год в Петрограде. Банки национализированы, денег нет. Нашла работу в музее, продала вещи. Спала одетая от холода. По утрам бежала в чайную за кипятком, на служ-

1918

бу ходила в разных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпками. Ела в общественной столовой бурду с гнилой нечищенной картошкой, воблу или селедку. У стола всегда толпились замерзшие, голодные дети, смотрели ей в рот и шептали: «Тет, тет, оставьте ложечку». Как только она отпускала тарелку, они вылизывали ее дочиста. Это заканчивался 1918 год. Баронесса Врангель пишет в воспоминаниях: «Все ужасы моей жизни ничего исключительного из себя не представляли. Другие разве что были помоложе и не столь одиноки».

1919

18 ЯНВАРЯ

18 января 1919 года в Париже начала работу мирная конференция, подводящая итог Первой мировой войны. Конференция продолжалась год. Полгода ушло на выработку и согласование условий мирного договора, который был подписан между странами-победительницами — США, Великобританией, Францией, Италией и Японией — с одной стороны и капитулировавшей Германией — с другой стороны. Подписание состоялось в Версальском дворце, и название Версальский досталось самому договору.

Точно так же, как и после Второй мировой войны, мирный договор закреплял территориальный передел в пользу стран-победительниц, предполагал репарации, демилитаризованные зоны, ограничения для вооруженных сил, запрет на новые виды вооружений.

Но России в составе держав-победительниц в Первой мировой войне не было, соответственно, она не было в числе бенефициаров Версальского мирного договора. Хотя Россия — царская, а потом республиканская — воевала в мировой войне против Германии, неслась большие людские потери на фронтах, пережила изменение государственного строя.

Но захватившие власть большевики заключили в марте 1918 года сепаратный мир с Германией, так как намерены были сосредоточиться на Гражданской войне внутри России. Победа в Гражданской войне означала бы реализацию их идей и закрепление их власти. Большевики сами сделали свой выбор и лишили Россию прав победительницы в мировой войне.

Теперь, когда Гражданская война была в разгаре, страны Антанты поддерживали белых, а большевики в определенном смысле

родственно воспринимали Германию. Германия в 1917 году обеспечила Ленину с группой товарищей приезд в Россию. Германия давала деньги большевикам до Октябрьского переворота и после него, о чем свидетельствует официальная переписка германского посла в России Мирбаха.

А по окончании мировой войны советская верхушка видела в Германии товарища по несчастью, и вместе они представлялись такими невинными погорельцами на чужом празднике жизни. Ленинская оценка Версальского мирного договора и положения Германии как раз об этом свидетельствует: «Это неслыханный, грабительский мир. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках незащитной жертве». Это заявление — разбойники, жертвы, неслыханно! — имеет совершенно водевильный характер, потому что кто-кто, а Ленин-то на примере Брестского мира мог представить, как повела бы себя Германия, окажись она победительницей. Ленин знал, сколько бывших российских территорий оттяпала в 1918 году Германия и сколько эшелонов золота он, Ленин, отправил Германии по ее требованию. На самом деле ленинские оценки последовали после неудавшейся попытки поучаствовать в Парижской конференции. Большевики лелеяли надежду вступить в переговорные отношения со странами-победительницами, перехватить инициативу у белых. Это внешнеполитическое лавирование новой власти вполне нормально и грамотно. Но проблема в том, что западные страны-победительницы не знают, с кем в России в начале 1919 года следует выстраивать отношения, когда ни белые, ни красные не имеют очевидного перевеса в глазах собственного народа.

Вопрос о том, с какими русскими вести переговоры, западные лидеры начали обсуждать еще в декабре 1918 года, потом 5 января, 12 января, 13, 16, 20 и 21 января. Диапазон мнений был широким: от «вообще не звать никаких русских» до «пусть группировки внутри России заключат перемирие, и тогда общие представители будут приглашены в Париж».

Наконец 21 января 1919 года президент Вильсон озвучил предложение Антанты: начать на Принцевых островах в Мраморном море переговоры с участием русских — по три человека — от Деникина, от Колчака и от большевиков. Антанта высылает официальные приглашения в надежде на компромисс в России. Большевики в лице наркома иностранных дел Чичерина ответили согласием. Они даже

изъявили готовность пойти на уступки, а именно на выдачу концессий, уплату займов и отказ от революционной пропаганды в странах Антанты. Еще бы не идти на уступки, когда замаячило признание их власти на Западе.

Но все белые ответили категорическим отказом от переговоров с участием большевиков. Вот после этого пошли резкие ленинские заявления, а нарком иностранных дел стал называть Парижскую конференцию «концертом всемирным» (быть может, кошачьим)».

Для Запада надежда на прояснение «русского вопроса» в переговорном формате была похоронена. Но сам «русский вопрос» по практическим причинам не мог уйти с повестки дня. В России оставались войска союзников, их снабжение требовало средств, которые надо было утверждать в парламентах, доказывать целесообразность. Что было крайне хлопотно. Тем более что британский премьер Ллойд Джордж не слишком верил в победу белых и считал, что британских солдат стоит увозить из России, а белым оказывать ограниченную материальную помощь.

А президент Вильсон вообще предлагал оставить русских «вариться в собственном соку», пока обстоятельства не вернут им здравого смысла». В качестве предотвращения гипотетической угрозы от большевиков, в случае их победы, страны Антанты рассматривали вариант создания так называемого санитарного кордона из национальных государств, отделившихся от бывшей Российской империи.

Но и здесь в 1919 году страны Запада ожидала русская засада. И белые, и красные в России были категорически и бескомпромиссно — за «Единую и неделимую Россию» и против отделения национальных государств. Белые смогли пережить исчезновение монархии, но от империи они были не в силах отказаться. Что касается красных, то они еще надеялись на успех мировой революции, но за отсутствием таковой — и мы теперь это знаем — красные были готовы к созданию новой коммунистической империи в старых российских пределах.

Участники Парижской конференции пребывали в растерянности по поводу русских. В отличие от большинства западных лидеров совершенно определенную позицию занимал только что назначенный военный министр Великобритании Уинстон Черчилль. Он был настроен однозначно против большевиков и считал реальную, а не мнимую интервенцию в России единственно возможным способом

спасения всех. Ввиду левых беспорядков в Лондоне Ллойд Джордж покинул Париж и туда был командирован Черчилль. Он выступил с предложением создать специальный Союзный Совет по русским делам, включающий политический, экономический и военный комитеты. Он надеялся на американскую поддержку.

Позиция Черчилля на тот момент выглядела не прагматично. Куда адекватнее и к тому же демократичнее смотрелся Ллойд Джордж, который говорил: «Существует только одно оправдание вмешательства в Россию — это ее собственное желание. Если она согласна, тогда Колчак и Деникин должны быть в состоянии поднять на борьбу намного больше войск, чем большевики. В ином случае навязать России правительство, которое противно ее народу, будет нарушением всех британских принципов свободы». Кроме того, британский премьер Ллойд Джордж полагал, что открытая война против Советов может вызвать революцию в Британии.

И Черчилль со своей позицией тогда был отодвинут. А мировая история XX века пошла так, как пошла.

24 ЯНВАРЯ

24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило текст циркулярного письма, определяющего отношение к казачеству.

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению **ко всем вообще** казакам, принимавшим **какое-либо** прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью...

2. Конфисковать хлеб, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам...

Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка. Всем комиссарам предлагается проявить максимальную твердость.

Разработать в спешном порядке меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли».

В преамбуле к Директиве говорится, что эти указания являются следствием «красного продвижения вглубь казачьих поселений

и разложения внутри казачьих войск». Уточню: большевики в январе 1919 года успешно наступают на Дону, очередное наступление атамана Краснова на Царицын остановлено, его армия под напором красных откатывается, отчаяние в этот момент преобладает в казачьих настроениях, наблюдается переход казаков на сторону красных либо уход казаков в нейтралитет, когда они просто расходились по своим станицам, не желая больше воевать.

Казалось бы, ситуация благоприятная для красных и не требует поголовного истребления казаков, как предписывает директива из Москвы. Эта директива вообще резко меняет предыдущую умеренную политику в отношении казачества. Казаками занимался специальный отдел. И это неудивительно, потому что казачество — это традиционное многочисленное вооруженное сообщество, которое большевистская власть не могла игнорировать во время Гражданской войны. В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров предоставил казакам то, чего они давно хотели: отмену обязательной военной повинности, обучение в станицах, а раньше это была 20-летняя служба. Обмундирование и снаряжение за государственный счет. Разрешена свобода передвижения и выбора профессии, раньше на это был запрет.

До лета 1918 года Ленин даже придерживался идеи автономии для казачьих областей. Со своей стороны, казачество, прежде всего на Юге России, продемонстрировало нейтральность в отношении красных. И обмануло надежды белых, уклонившись от поддержки Добровольческой армии. Правда, эта картина наблюдалась до того момента, когда большевики начали отбирать хлеб и ввели монополию на хлебную торговлю. Тогда казаки потянулись в армию к белым, но очень скоро выяснилось, что казачьи интересы ограничиваются их собственными территориями. Белую идею «единой и неделимой России» они категорически не поддерживают. Казаки и Добровольческая армия периодически соединяют усилия, но эта связка лишена прочности. Такие же сложные отношения у Колчака с оренбургскими и забайкальскими казаками, которые пребывают в плену своих сепаратистских амбиций. В духе тех же амбиций Кубанская казачья делегация в январе 1919 года отправилась в Париж в надежде на признание независимости Кубани западными странами.

И вот на фоне такой неустойчивой позиции казаков появляется директива из Москвы, требующая немедленного расказачивания.

Известно, что радикальные предложения шли в Центр с Дона. Председатель Донбюро РКП(Б) Сырцов считал казаков по природе своей чуждыми пролетарской власти, с ними не может быть никаких разговоров, а землю у них у всех отобрать и отдать крестьянам, которых следует переселить на Дон, а казаков выслать.

Циркулярное письмо из Москвы вполне отвечает этим требованием. Задачи, поставленные в циркуляре, начинают немедленно реализовываться. Уральский Революционный комитет издает инструкцию: «объявить вне закона казаков», они подлежат истреблению. В Астраханской губернии у казаков конфискуются земли, они лишаются доступа к природным ресурсам, лесным и водным. На территории Оренбургского казачьего войска станицы сжигаются, хлеб вывозят, скот режут, расстреливают и казаков, и казачек, с оставшихся требуют выплаты контрибуции. На Северном Кавказе выжигаются станицы. Их население, включая детей и стариков, приказано грузить в эшелоны и высылать на Север для тяжелых принудительных работ.

Председатель Донбюро РКП(б) Сырцов издает распоряжение: «Во всех станицах, хуторах немедленно арестовывать всех пользующихся авторитетом, хоть и не замешанных в контрреволюционных действиях. Держать их в заложниках. Кто не сдал оружие — расстреливать, а вместе с хозяином оружия расстреливать несколько заложников. Составить списки сбежавших казаков, ловить и расстреливать.

Расстреливали стариков, старух, детей. На глазах у всей станицы. Женщин перед расстрелом раздевали донага. Это из воспоминаний московского коммуниста, бывшего в то время агитатором на Дону. Сырцов докладывает: «В целом выводится из обихода слово «казак».

Реввоенсовет Южного фронта издал свою инструкцию: «расстреливать всех без исключения казаков, занимавших должности по выборам станичных атаманов, их помощников, судей и прочих, всех богатых и так далее». Слова «и так далее» означают полную свободу рук. Многие красные командиры на Южном фронте пребывали в растерянности, а в указании без разбору истреблять казаков заподозрили провокацию. И в определенном смысле оказались правы, потому что преступные директивы против казаков спровоцировали мощные казачьи восстания, в частности те, что описаны в «Тихом Доне» Шолохова.

Интересно, что циркулярное письмо Оргбюро РКП(б) от 24 января никем конкретным не подписано. Это анонимка. Часто авторство

текста циркуляра о рассказывании приписывается Свердлову, так как существует некое письмо за подписью Свердлова, сопровождающее циркуляр. Но в протоколе заседания Оргбюро нет состава его участников. Неизвестно, был ли там Свердлов. Если он подписывал антиказачий документ, Ленин должен был быть в курсе: позиция казаков — слишком серьезный фактор в Гражданской войне. Но Ленин, похоже, не был в курсе. А узнав позже о директиве, всячески ее критиковал. Конечно, подозрения падают на Троцкого, который, как и Ленин, с крайней политической неприязнью относился к крестьянству, а казаков считал частью этого класса мелких собственников, с которыми революции не по пути. Троцкий говорил: «снять лампы, запретить именоваться казаками, выселять». Но Троцкий строил в это время армию, был чуток к балансу сил и едва ли мог так нерационально распорядиться казаками, которые метались между белыми и красными.

Есть еще Сталин, который по должности, как глава Наркомата по делам национальностей, должен был интересоваться судьбой казачества. Лично Сталин казаков считал «империалистической силой», запятнавшей себя навсегда службой царизму, и был категорически против любого компромисса с казаками. Сталин был знаком с главой Донского бюро Сырцовым, который разделял сталинскую позицию по казакам, или, наоборот, Сталину оказалась близка позиция Сырцова. А Сырцов направлял в Москву свои радикальные предложения непосредственно с Дона, из зоны конфликта. У самого Сталина на момент подписания директивы 24 января — алиби. Его тогда в Москве не было.

Но теперь очевидно, что последующие раскулачивание и огульные обвинения в адрес целых народов и выселение этих народов пойдут по схеме рассказывания образца января 1919 года.

31 ЯНВАРЯ

Великие князья

31 января 1919 года в газете «Петроградская правда» опубликовано сообщение о расстреле четырех великих князей из семейства Романовых. Ни суть обвинения, ни дата расстрела, ни место не ука-

заны. Убийство четверых немолодых Романовых, четырех внуков Николая I — финальное действие в расправе над членами императорского семейства.

Уже убита царская семья в Екатеринбурге, а в Алапаевске — великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович и еще четыре князя императорской крови. Под Пермью в июне 1918 года убит брат Николая II Михаил Александрович, который, несмотря на уговоры, наотрез отказался от престола после отречения Николая.

При невыясненных обстоятельствах в Ташкенте умер великий князь Николай Константинович. Он, правда, был сослан до всех революций по обвинению в краже бриллиантов у собственной матери. Но умер в начале 1918 года. Всех этих людей — мужчин, женщин, детей — казнили без суда. То есть это были даже не казни, а серийные убийства, которые исполнители хотели всячески скрыть. В случае с четырьмя великими князьями в конце января 1919 года неожиданно решили поступить по-другому. Спустя некоторое время после расстрела Николая Михайловича, Георгия Михайловича, Дмитрия Константиновича и Павла Александровича Романовых пошла информация, что это был большевистский симметричный ответ на убийство в Германии Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Члены романовской семьи не только после Февральской революции, но и после большевистского переворота не бежали из России и вообще находились в Петрограде до тех пор, пока большевики не начали их высылать. Сначала в Пермь брата Николая II Михаила. Вслед за ними в апреле 1918 года в Пермь и в Вятку выслана та группа Романовых, которые потом будут убиты в Алапаевске. Великие князья Николай Михайлович и Дмитрий Константинович отправлены в Вологду. Через две недели с ними также оказывается великий князь Георгий Михайлович. В Петрограде по причине тяжелой болезни разрешено было остаться единственному из Романовых — Павлу Александровичу. Павел Александрович в свое время женился вопреки запрету Николая II, отбив Ольгу Пистелькорс у ее мужа. Им долго запрещено было жить в России. Весной 1918 года жена великого князя Павла Александровича стояла в очереди на прием к Урицкому в здании Петроградской ЧК, среди разношерстной публики, солдат, матросов, на грязной заплыванной когда-то белой мраморной лестнице, чтобы спасти мужа от ссылки. Там же в очереди серб-

ская королева, которая просит за своего мужа князя Иоанна Константиновича. Там же балерина Нестеровская, жена князя Гавриила Константиновича. Ей единственной удастся чудом спасти от большевиков больного туберкулезом мужа.

В ссылке в Вологде жизнь трех великих князей была относительно свободной, хотя ходили с дырками на одежде и в рваных ботинках. Там в это время базировались иностранные посольства. Через дипломатов удавалось вести переписку со знакомыми, но недолго.

Вскоре вологодских Романовых отправляют в губернскую тюрьму, а через три недели — в Петроград, в Дом предварительного заключения. После убийства главы Питерской ВЧК их объявляют заложниками. То есть финал уже очевиден.

Великие князья Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович сидели в одной камере. Оба в оригинале, как и все Романовы, военные, но их настоящие жизненные интересы шире военной службы. Дмитрий Константинович поглощен коневодством, руководит ветеринарной службой и Российским обществом покровительства животным. Он воспитывал детей своего брата Константина Романова, известного поэта К.Р. Судя по всему, дети были неплохо воспитаны. Один из них героически погиб в кавалерийской атаке на фронте в мировую войну. Сам великий князь не был на фронте по причине прогрессирующей слепоты. После Февральской революции вел частную жизнь. Так же как другие Романовы, отказался от земельных владений, написав Керенскому: «...по моему искреннему убеждению они должны стать общим достоянием государства». Политикой великий князь категорически не интересовался, занимался благотворительностью, был религиозен и до болезненности скромнен.

Его сокамерник великий князь Георгий Михайлович — нумизмат-исследователь, археолог, обладатель уникальной коллекции монет. Кроме того, профессиональный знаток живописи, управляющий Русским музеем. В 1916 году, как и многие другие Романовы, Георгий Михайлович с фронта обратился к Николаю II уступить требованиям оппозиции и создать «правительство доверия», ответственное перед Государственной думой. Вернувшись с фронта, будучи с докладом у Николая, опять говорил о необходимости реформ и передал записку от генерала Брусилова с теми же соображениями.

Брат Георгия Михайловича великий князь Николай Михайлович сидит в том же Доме предварительного заключения. Ученый-

энтомолог, собиратель богатейшей коллекции насекомых, которую он в 1900 году передал в дар Зоологическому музею Академии наук. Кроме того, и прежде всего, он видный историк, причем — серьезный специалист по отечественной российской истории, что особенно затруднительно для члена императорской семьи. А Николай Михайлович еще и специалист по эпохе Александра I, включая тему причастности Александра I к гибели своего отца Павла I. Николай Михайлович — председатель Императорского Русского исторического общества. Он состоял в переписке с Львом Толстым.

В том, что касается политики, Николай Михайлович разделяет взгляды думской оппозиции на положение в стране. Странник срочных политических реформ. Императору пишет: «Осведомлен ли ты о внутреннем положении? Так дальше управлять Россией невозможно!» Николай Михайлович ненавидит Распутина. После его убийства именно с подачи Николая Михайловича члены романовской семьи подписывают коллективное письмо в защиту участника убийства великого князя Дмитрия Павловича. Государь отправляет Николая Михайловича в ссылку в имение. После Февральской революции Николай Михайлович намеревается избраться в Учредительное собрание, беседует об этом с Керенским. Мечтал поставить памятник декабристам возле одного из романовских дворцов.

Горький просил Ленина помиловать Николая Михайловича Романова, говорил о его образе мысли и научных заслугах. Ходатайствовала и Академия наук. Ленин остался равнодушен.

Четвертый великий князь, Павел Александрович, в это время находился в тюремной больнице. Двумя годами раньше он также поддерживал идею конституционного строя. Именно он первым сообщил императрице об отречении Николая. После Февраля вел частную жизнь. Большевики его неоднократно арестовывали и выпускали, потом арестовали окончательно. Его сын к этому времени уже убит в Алапаевске. Самого Павла Александровича по одной из версий зарубили прямо в камере, так как он был слишком болен, чтобы тащить его на расстрел. По другой версии его убили вместе с Николаем Михайловичем, Дмитрием Константиновичем и Георгием Михайловичем. Тех накануне расстрела привезли в Петропавловскую крепость в камеры Трубецкого бастиона. А утром расстреляли.

Они все были вроде бы вполне приличными, образованными людьми, достойно приняли смерть. Но удивительно, как убого они

понимали суть происшедшего в стране после октября 1917 года. Не скрывая, писали: «Все это сделали евреи... Народ в конце концов поймет, что всему виной евреи». К прискорбию, это единственный вывод, на который оказались способны представители высшей российской элиты, члены династии, правившей страной 300 лет.

7 ФЕВРАЛЯ

7 февраля 1919 года правительство, действующее на территории Крыма, объявило о создании Особого Совещания для борьбы с большевистской угрозой. Казалось бы, будничное событие для Гражданской войны. Правительство — белое, ведет борьбу с красными. На самом деле, здесь все требует разъяснений. Краевое Крымское правительство, о котором идет речь, было создано в ноябре 1918 года, Гражданская война уже шла полным ходом, но никакого чрезвычайного Особого Совещания до 7 февраля не существовало. Напротив, все это время была установка на то, что правительство выстраивает в Крыму правовую систему, которая не допускает внесудебных арестов, военной цензуры и категорически отвергает насильственные методы, присущие диктатуре. Невзирая на Гражданскую войну.

Правительство было создано при активном взаимодействии с представителями земских управ и городских голов Крыма. То есть правительство опиралось на местное самоуправление, гарантировало свободу слова, собраний, неприкосновенности собственности, намеревалось провести выборы в представительный орган и исповедовало идею единой и неделимой России. Крымские земские власти ходатайствовали, чтобы возглавил крымское правительство человек по фамилии Крым, Крым Соломон Самойлович. Он крымский караим. То есть принадлежал к этнической группе, много веков проживавшей в Крыму и исповедовавшей, скажем так, диссидентское направление в иудаизме.

В прошлом Соломон Крым — гласный Таврического губернского Земского собрания, депутат I и IV Государственной думы, член Государственного Совета последнего созыва. Он широко известен в Крыму как общественный деятель, отлично знающий проблемы региона, сторонник разрешения социальных конфликтов в правовом поле без вооруженной силы. Его усилиями открыт Таврический университет.

Правительство Крыма состоит в основном из членов кадетской партии, плюс один эсер и один социал-демократ. В качестве министра юстиции в правительстве — Владимир Дмитриевич Набоков, видный деятель кадетской партии, юрист, депутат Думы, известный своим англофильством и филосемитством. Первое понятно. Второе означает борьбу за равноправие евреев в России. Что делает Набокова белой вороной. Он — отец будущего знаменитого писателя Владимира Набокова. Старший Набоков с семьей — в Крыму с ноября 1917 года, после запрета большевиками кадетской партии. В Крыму они пережили короткий период советской власти с безудержным террором в исполнении матросов Черноморского флота, которые убивали офицеров, топили их, привешивая камни к ногам. Красная власть в Крыму закончилась, когда большевики заключили сепаратный мир с Германией, в соответствии с которым в Крым вошли немцы. При них возникло первое крымское правительство. Просуществовало полгода, а потом земская, то есть местная крымская, власть проголосовала за новое правительство во главе с Крымом. Набоков-старший пишет: «Главная задача нового правительства — восстановление порядка и действия права. А в связи с этим жгуче стоял вопрос об организации военной силы, которая может поддерживать порядок».

Дело в том, что к началу работы правительства ввиду окончания мировой войны немцы стали покидать Крым. Пока они были — они отвечали за порядок. Теперь, в отсутствие армии и надежной полиции, была высока вероятность, что большевистские и анархистские силы снова активизируются.

Председатель правительства Крым обратился с письмом к генералу Деникину, в котором просил о присылке небольших отрядов, которые могли бы поддерживать спокойствие и не допускать большевистских выступлений. Приглашение отрядов Добровольческой армии сопровождалось предложением субсидировать их за счет крымского бюджета. Отряды пришли и принесли с собой проблемы — от самоуправства до откровенной уголовщины. Это были проявления насилия по всякому поводу и без повода, ограбления, самовольные обыски, аресты и реквизиции. Убийства без суда и следствия всякого, заподозренного в большевизме. И не только. В Ялте офицеры убили еврейского мальчика. Его велосипед забрали себе и разъезжали на нем по городу. Был убит знаменитый промышленник, французский подданный Гужон. На глазах у семьи и гостей. Во-

енные, которые занимались разбоем в Крыму, категорически отказывались возвращаться на фронт.

На этом фоне лозунг «Долой Добровольческую армию!» распространился в неполитизированных широких слоях населения. Правительство в Крыму приступило к созданию собственных военных частей. Но мобилизация провалилась. Население не желало идти драться с большевиками, и не потому, что любило большевиков, а потому, что больше всего хотело, чтобы его оставили в покое и дали ему возможность заниматься собственными делами. А какого-либо принудительного аппарата для успешной мобилизации у крымского правительства не было. В Ставке решили, что правительство слабо и с ним можно не считаться вовсе. Между тем правительство занималось безработицей, финансами, страхованием рабочих, железнодорожным транспортом. Но в руководстве Добровольческой армии шли разговоры, что правительство недостаточно энергично борется с большевизмом в Крыму, а при этом просит хлеба из областей, подконтрольных Добровольческой армии. Князь Трубецкой, близкий тогда к Деникину, так и писал: «Крым был обузой, потому что его приходилось продовольствовать».

То есть на правительство давили и справа, со стороны армии, и слева, со стороны населения. В результате, вопреки собственным убеждениям, члены правительства пошли 7 февраля 1919 года на создание Особого Совещания для борьбы с внутрикрымским большевизмом. Особое Совещание составили министр юстиции Набоков, министр внутренних дел Богданов, участник первого героического Ледяного похода Добровольческой армии и генерал-квартирмейстер Крымско-Азовской армии Петров. Они рассматривали дела, поступившие от контрразведки. Богданов пишет: «Контрразведка действовала очень плохо, почти все дела прекращались вследствие их явной вздорности и отсутствия каких-либо улик». А между тем, в реальности, агитация большевиками велась интенсивно и в Крыму действовали красные партизанские отряды. Новые попытки мобилизации не удавались. Профсоюзы призывали к низвержению правительства. Добровольческое командование требовало от министров жесткости. Правительство отменило явочный порядок проведения собраний, до этого была реальная свобода собраний. Установило право ареста в административном порядке, ввело закрытие газет за агитацию против армии. В ответ началась всеобщая забастовка.

А потом к Перекопу подошли красные. Крымскому правительству защищаться было нечем и некем. Добровольческая армия содействия не оказывала. Союзники-французы обещали прислать сепаратистские войска, но они все не шли. Большевики во второй раз взяли Крым. Члены правительства уехали из страны. Они забыты.

Следы этого крымского времени остались в некоторых произведениях Набокова-младшего — писателя. А в одном из романов есть персонаж с караимскими корнями Самуил Львович Шполянский. Как пишет Набоков, он был членом «одного из тех героических крымских правительств, что создавались в русской глуши горстками демократов для отпора диктатуре большевиков». Вполне вероятно, что это воспоминание о главе крымского правительства, о человеке по фамилии Крым. 18-летний будущий писатель Набоков во время красного наступления чуть было не ушел в Добровольческую армию. Восемь лет спустя в эмиграции написал стихотворение.

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг!

14 ФЕВРАЛЯ

14 февраля 1919 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом принято Положение о социалистическом земледелии и о мерах перехода к социалистическому земледелию.

Годом раньше, когда был принят Основной закон о социализации земли, в послереволюционном угаре крестьяне не озаботились тем, что права собственности на землю-то они не получили. Радовались, что у помещиков нет больше земли, что самим дополнительные куски земли достались даром, вроде как справедливость, а она выше какого-то права собственности.

И тут, год спустя, выходит Положение от 14 февраля.

Сначала некоторое число духоподъемных слов: «Для окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основах социализма с применением всех завоеваний науки и техники, а также для объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом...» И вот для всего этого прекрасного — уже немного конкретнее — «необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским». И еще конкретнее: «Крупные Советские хозяйства, коммун, общественная обработка земли являются наилучшими средствами для достижения поставленной цели, поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие».

То есть только почти осуществилась вековая мечта о своей земле, и уже говорят, что это проходящее и отживающее, хотя еще и не успели пожить.

Дальше еще конкретней: «Землеустройству подвергается вся площадь сельскохозяйственного фонда. Этот земельный фонд используется в первую очередь для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь — для артелей» и только в третью, последнюю очередь «для добывания средств к существованию единоличных землепользователей».

В качестве цели выдвигается создание единого хозяйства для «наивозможно большего увеличения продуктов» для Советской республики. Слово «наивозможно» в официальном документе свидетельствует об остроте продовольственной ситуации, которую породила большевистская власть. Частная торговля хлебом и прочим запрещена. Рубль валится. Советская власть предлагает за зерно копеечную цену, крестьяне, естественно, зерно по дешевке не отдают. Тем более неизвестно, что будет завтра, и вообще кругом Гражданская война.

Ленин призвал к ведению «террористической войны» против крестьян, удерживающих хлеб. Ленин говорил, что это прекрасный план «массового движения с пулеметами за хлебом». С позиции Ленина это естественно: не будет хлеба, нечем будет кормить города, где большевики удерживают власть, нечем будет кормить красную армию — и все, сметут большевиков. Ленин приказывал: «Призвать двенадцатилетних для систематических военных действий по завое-

ванию, сбору и свозу хлеба». Крестьяне на собраниях жалуются: «Приезжают семь человек и говорят: «Мы отряд смерти». Отобрали весь хлеб. Никаких документов не показывали». Крестьяне обносили деревни окопами, вооружались, чем могли. Их усмиряли с особой жестокостью. Если считать большевистский фронт против белой армии первым, то второй фронт — против крестьян. И результаты войны на этом втором фронте для большевиков оказались неудовлетворительными: хлеба набрали мало. Попытались ввести натуральный налог — опять мало хлеба. Вернулись к продрозверстке, к прямому физическому отъему зерна, отбросили всякие нормы личного потребления, отбирали вообще любые продукты. Элементарные промышленные товары, позарез нужные крестьянам, продавались им, только если сдача продуктов выполнена всем сельским обществом на 70 процентов. То есть вводилась круговая порука.

И в продолжение истории с круговой порукой, для упрощения отбора хлеба у крестьян, начинается то, что через несколько лет развернется по полной и приобретет название «сплошная коллективизация». Ведь замучаешься ходить с пулеметом и выяснять, что у кого в отдельном хозяйстве можно выгрести. Проще сбить народ в кучу, заставить работать на общественной земле, а произведенный продукт организованно изымать. Резонно? Резонно. Эта простая как валенок идея в Положении от 14 февраля преподнесена в следующих словах: основная задача «Советской власти в земледелии — преобразование всей земледельческой промышленности на началах обобществления средств производства, товарищеского суда и национального ведения хозяйства». В смысле, вы, граждане крестьяне, все теперь друг другу товарищи, как товарищи вы без разговоров отдаете все в общий котел, что у кого есть — плуг, вилы, корова, лошадь, — и все в поле. В Положении значит: «Рабочий скот личных хозяйств при переходе к общественной обработке в первую очередь используется для общественных работ и только во вторую очередь для обслуживания личных хозяйств». За этими словами статьи 111 Положения, вроде как имеющими отношение к скоту, скрыта следующая картина: вы и скот ваш в первую очередь и столько, сколько потребуем, работаете на государство. А потом — нам плевать, когда вы со скотом на вашем маленьком клочке земли можете наработать себе на прокорм. Но доверия вам нет, вы пока мелкобуржуазный элемент, можете проявить несознательность. По-

этому в Положении прописано: «В целях применения к сельскому хозяйству организованного опыта промышленных рабочих при Наркомате Земледелия учреждается Рабочий комитет содействия, посылающий в хозяйства уполномоченных из числа наиболее надежных, опытных и сознательных промышленных рабочих».

И вот эта система принудительного обобществления и работы по спущенным сверху планам под надзором уполномоченных названа национальным ведением хозяйства.

В рамках продразверстки на крестьянскую душу оставляли около 12 фунтов зерна на месяц. Посчитаем. Русский фунт — 0,4 килограмма. 12 фунтов — 4 кг 800 г зерна. Предположим, что это пшеница. При изготовлении муки второго сорта теряется 15 процентов от сырья (если мука первого сорта теряется 75 процентов). Значит, у нас получается чуть больше 4 килограммов муки на месяц. Испечем хлеб и поделим на 30 дней. Получим кусочек около 120 г на день. Такой будет зимой 1941 года ленинградская блокадная норма иждивенца — ребенка или старика. С 21 января 19-го года подлежали изъятию хлеб во всех видах, крупа, сахар, чай, соль, мясо, рыба, подсолнечное масло, картошка, овощи, мед, яйца, фураж для скота.

Предлагается вступать в коммуны. Разъясняется, что это добровольные союзы с целью ведения хозяйства на коммунистических началах. В реальности в коммуны шли беднейшие, многодетные, часто просто пьющие и не желающие работать. От власти получали ссуды, но тратили их на свои нужды, а семенной фонд сразу съедали. Прелесть коммуны заключалась в уравнительной кормежке всех ее членов, работающих и неработающих. То есть стимула к работе никакого, но можно сообща продержаться во время голода и неразберихи. Коммунары часто приводят родственников на несколько дней, чтоб те хоть как-то подкормились в условиях продразверстки. Обычно коммуны составляют несколько семей, где от пяти до двадцати, где три-семь семей.

Но в уцелевшие от разграбления экономически развитые помещичьи имения коммуны обычно не пускали. В соответствии с Положением от 14 февраля такие имения отдавались под так называемые советские хозяйства, совхозы, которые задумывались как примерные и показательные. В них работают пришлые люди. Их называют советскими работниками или сельскохозяйственным проле-

тариатом. Им, в отличие от крестьян, власть платит зарплату и выдает какие-никакие продуктовые пайки. В совхозы нанимаются на постоянную работу или на время. В ситуации дефицита еды в городах работа в совхозе должна быть привлекательна. Тут и деньги платят, и земля опять же, огород, скотина.

Правда, уже через три месяца особым постановлением совхозы сделают приписными. Припишут к определенным заводам, которые надо будет кормить, а с ними и соответствующие органы хозяйственного и государственного управления. Раньше в России до середины XIX века уже были приписные государственные крестьяне, которые вместо уплаты налога работали, по сути, как крепостные на казенных и частных заводах, в основном горных и металлургических. Эта история закончилась с отменой крепостного права в 1861 году, но в 1919 году несколько модифицированные приписные государственные крестьяне вновь появляются. На вольных крестьян власть смотрит как на врага, а с помощью приписных государственных пытается заранее подстраховаться, чтобы обеспечить прокорм тем, в ком она заинтересована, — рабочим и партийной бюрократии. Это признак неумолимо приближающегося первого страшного, как чума, советского голода.

21 ФЕВРАЛЯ

21 февраля 1919 года в газете «Известия» опубликовано Постановление Центрального Исполнительного Комитета с будничным названием «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии». Это Постановление — в ряду других документов о ВЧК, которые дополняют и развивают друг друга. ВЧК изначально задумывалась как карающий меч большевистской партии. Но с момента официального провозглашения «красного террора» ВЧК вырвалась на оперативный простор, почувствовала свой потенциал и практически ничем не замутненные перспективы в своей деятельности. Чрезвычайки разных уровней сверху донизу оказались кузницами кадров многостаночников, мастеров на все руки. Сами хватали, арестовывали, конфисковали имущество, выносили приговоры и приводили их в исполнение что в городе, что в деревне. ЧК по факту начинала оспаривать

у большевистской партии пальму властного первенства. Но Ленина это не смущало, он поддерживал ЧК, считая террор незаменимым методом реализации диктатуры пролетариата. Однако часть партийного руководства, такие как Бухарин, полагали, что ряд функций ЧК следовало бы отдать иным органам. В частности, революционным трибуналам разных уровней. Что заодно могло бы скрасить в глазах населения картину полного беспредела, внести в нее некоторую иллюзию судебной власти.

Постановление о ВЧК, опубликованное 21 февраля, как раз представляет собой очередное словесное оспаривание безусловного лидерства чекистов в деле террора.

Пункт 1. Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в Чрезвычайных Комиссиях, передается революционным трибуналам. Но «при наличии вооруженного выступления (контрреволюционного, бандитского и т.п.)» за ЧК сохраняется право непосредственной расправы.

Но при этом «для решительного пресечения преступлений» революционные трибуналы реорганизируются. Раньше трибунал состоял из шести человек. Теперь в трибунале — трое. Существенен пункт 4(в) Постановления. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры не подлежат обжалованию.

При этом — пункт 8 — ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь.

Вроде как получается: «всем сестрам — по серьгам». Но это касается внутренних разборок между исполнителями террора. Эти игры в разделение властей никак не сказываются и не скажутся на реальности.

В реальности вот что. Постановление о ВЧК опубликовано 21 февраля, а принято 17 февраля.

17 февраля знаменитый русский поэт Александр Блок сидит в здании Питерской ЧК на Гороховой улице. Блока чекисты взяли 15 февраля сразу после спектакля «Дон Карлос», которым открылся новый Большой Драматический театр. Тот самый БДТ, который несколько десятилетий спустя возглавит блестящий режиссер Георгий Товстоногов. В 1919 году первым руководителем театра был Александр Блок. Перед премьерой, когда Блок выступал перед публикой, в основном — красноармейцами, питерскими чекистами был арестован известный литературный критик, историк общественной мыс-

ли Иванов-Разумник. Он близок по взглядам к левым эсерам и редактировал левоэсеровскую газету «Знамя труда», в которой была опубликована знаменитая, революционная поэма Блока «Двенадцать». У Иванова-Разумника в кармане была записная книжка с адресами знакомых. Вот по этим адресам чекисты и пошли. Взяли Блока, писателя Ремизова, писателя Замятина, художника Петрова-Водкина, широко известного литературоведа, пушкиниста профессора Венгерова и еще многих. То есть арестовали первоклассную интеллектуальную компанию, просто сняли сливки культурной питерской элиты, отвезли всех этих людей на Гороховую в ЧК, провели бессмысленный допрос и отправили их на чердак здания, где уже было полно арестованного народа. Разных национальностей, включая несколько китайцев, всех сословий, всевозможных политических взглядов. В тесноте на этом чердаке Блок делил нары с литератором и философом Штейнбергом. Блок заснул после ночного допроса. Многие на цыпочках подходили, чтобы взглянуть на известного поэта, и отходили, делаясь впечатлениями. Прямо с этого чердака людей увозили и расстреливали. Блока продержали две ночи и выпустили.

Но в эти февральские дни лидирует не Питерская ЧК, а Киевская. Красные части во главе с 23-летним Николаем Щорсом вошли в Киев 5 февраля. Щорс был назначен комендантом Киева. Но его дело было драться с петлюровцами.

Бал в Киеве правила ЧК. Вернее, даже не одна, а несколько. «Штабы полков, районные комитеты, милиция, каждое отдельное советское учреждение представляли собой как бы филиал Чрезвычайной Комиссии. Каждое из них арестовывало и убивало». Это цитата из «Доклада Российского Красного Креста о большевистском терроре в Киеве в 1919 году». При этом докладе был представлен очерк, составленный на основании информации сестер милосердия, в течение ряда месяцев оказывавших помощь заключенным в тюрьмах города Киева.

Всеукраинская ЧК, Губернская Киевская ЧК, их ответвления, отделы и подотделы разместились в лучших киевских особняках. В них допрашивали, пытали, в подвалах и поблизости расстреливали. В этих же особняках высокопоставленные чекисты и проживали. Здесь же пили и гуляли. Арестовывали произвольно, люди исчезали прямо с улиц, брали по доносам личных врагов или прислуги. От-

дельно забирали людей по профессиям — инженеров, юристов, врачей. Любили брать людей известных. Так же как в случае с Блоком, Петровым-Водкиным и Ремизовым.

14 февраля 1919 года был выписан ордер на арест Ивана Алексеевича Сикорского. Он не только отец будущего великого авиаконструктора Сикорского, эмигрировавшего из Советской России в Штаты. Иван Алексеевич Сикорский — основатель школы детской психиатрии, врач, педагог, создатель школы для глухонемых детей, профессор Киевского университета. В день, когда Киевская губчека собралась арестовывать Ивана Алексеевича Сикорского, он умер. Почти наверняка его лекции слушал Михаил Булгаков, еще не писатель, а студент-медик. Кстати, мы ссылаемся на киевские материалы Красного Креста, так вот Михаил Булгаков в это время как раз трудился врачом в киевской структуре Красного Креста. По понятным причинам в дальнейшем он не оставил в своих произведениях впечатлений о Киеве под властью ЧК в 1919 году. Краснокрестный Комитет помощи жертвам Гражданской войны с первых дней большевизма получил разрешение кормить и лечить заключенных. Тем самым советская власть избавилась от необходимости кормить арестованных. Сестры милосердия на средства Красного Креста сами варили еду в количестве, указанном чекистами, и развозили по тюрьмам.

Чрезвычайка разрешала только кормить и лечить и бдительно следила за тем, чтобы через сестер милосердия не установилась связь заключенных с внешним миром. Сестры не общались с родными арестованных, чтобы не дать никакого повода отстранить их от работы, необходимой тем, кто в тюрьме или в концентрационном лагере. Они видели результаты изощренных пыток, они приготавливали лекарства, и они же произносили последние слова утешения тем, кого уводят на расстрел. Эти женщины поистине монашеской сдержанности позже говорили: «это такая пытка быть среди осужденных на смерть».

Писатель Константин Паустовский, которого красные тогда мобилизовали, вспоминал, что в феврале 1919 года «в Киеве ходили слухи о том, что знаменитая киноактриса Вера Холодная собрала свою армию и, как Жанна Д'Арк, въехала на белом коне в город Прилуки, где и объявила себя украинской императрицей».

На самом деле звезда немого кино Вера Холодная ничего не понимала в политике. Она была на съемках в Одессе. В круг поклонников ее таланта входили как начальник белой контрразведки Орлов,

так и засланный из Москвы большевистский агент с псевдонимом Жорж Лафар. Вера Холодная неожиданно умерла 16 февраля 1919 года. И белый контрразведчик, и красный чекист — оба рыдали на ее похоронах.

1 МАРТА

1 марта 1919 года в газете «Известия» опубликована информация о трудовом конфликте в Москве на заводе «Богатырь», где работали 6000 человек. Рабочие требовали увеличить зарплату. Власти в ответ не только уволили многочисленных недовольных, но вообще закрыли завод и объявили набор на работу новых рабочих. Это знаковая информация. Начавшийся 1919 год будет временем разнообразных выступлений рабочих на территориях, контролируемых большевистской властью. Ничего удивительного в этом нет. Растиражированный в лозунгах и в учебниках тезис о том, что Октябрьская революция была пролетарской и ради установления диктатуры пролетариата, не соответствует исторической действительности. Ленину и Троцкому для практического захвата власти понадобились только силы Петроградского гарнизона. Лидеры большевиков тогда элементарно сыграли на нежелании солдат отправляться на фронт в разгар мировой войны. Солдатскую массу составляли крестьяне. Они наслушались большевистской пропаганды, призывов брататься с врагом и были уверены, что, побросав оружие, они немедленно пойдут по домам, заживут там как хотят, а большевики от них отстанут и ничего не потребуют взамен. Вот такие солдаты-крестьяне, находившиеся в Петрограде в октябре 1917 года, и обеспечили успех переворота. Рабочие в этом не участвовали. Но последствия происшедшего коснулись всех.

Гражданская война, которую Ленин использовал как метод захвата власти по всей стране, означала крах всей денежно-кредитной системы, разрушение свободного рынка, обесценивание денег, рост цен, а дальше — запрет торговли и распределение всего на свете силами государственной, то есть большевистской власти. То есть мечта Ленина — Гражданская война — это моментальное разрушение всего хозяйства страны. Промышленное производство рухнуло.

Зарплаты тоже. Ввиду запрета свободной торговли и дикой инфляции рабочим оставалось ждать обещанного новой властью продуктового пайка, а хлеб для этого пайка власть силой оружия должна была вытрясти из крестьян. На случай, если кто-то из рискованных крестьян повезет продукты на продажу в город, где их хотят купить рабочие, власть выставляет вооруженные заградотряды. Заградотряды стоят на пути привычной нормальной торговли едой, потому что она не соответствует большевистской политике.

Некоторые рабочие бросают завод и уходят в деревню в поисках еды для семей, потому что на повестке дня вопрос физического выживания. Другие проявляют протестные настроения. Летом 1918 года власть с применением оружия разгонила рабочих мастерских Московско-Казанской железной дороги. Были убитые.

В Москве — конфликт на бывшем заводе братьев Бромлей. Рабочие против большевистской экономической политики, потому что она означает голод. Заводское начальство обращается за помощью к властям: «Мы ждем выступления чуть ли не на улице».

В 1918 году тяжелая обстановка в Туле на крупнейших заводах города — на патронном и меднопрокатном. Но власти позарез нужно, чтобы заводы, прежде всего военные, работали. В 1918 году все запасы оружия и боеприпасов, оставшиеся от мировой войны, были исчерпаны. А для производства нового вооружения в начале 1919 года на подконтрольных красным территориях остались только Тульские оружейные и патронные заводы. С начала января 1919 года Тула постановлением Реввоенсовета объявлена на военном положении. А заодно с Тулой военное положение введено в десяти волостях Тульского уезда. Военное положение рассматривается властью как способ предотвратить новые забастовки ввиду очевидной нехватки продовольствия для рабочих. В марте 1919 года для усиления режима в Туле создадут военно-революционный трибунал для тех, кто выходит из повиновения. Тем не менее рабочие начнут большую забастовку. В силу важности военных заводов и необходимости сохранения квалифицированных рабочих, которые были во главе бастующих, из Москвы в Тулу направят группу видных большевиков, и раздувание ситуации пройдет без применения оружия. На самом деле, и об этом свидетельствует большевистская информация о настроениях в заводской среде, — рабочие не политизированы, их интересуют только бытовые вопросы: «К Советской

власти, компартии и профсоюзам отношение рабочих пассивное», «к текущему моменту относятся пассивно, ибо недостаточно или совсем не развиты в политическом отношении».

С большевиками в этих оценках согласен и меньшевик Федор Дан. Он говорит, что мысль рабочих «не шла дальше непосредственного удовлетворения элементарных потребностей в пище и тепле».

Ситуация парадоксальная. Рабочие действительно не поддерживают ни белых, ни красных, но прекрасно понимают, что Гражданская война — причина голода и разрухи. И в этой логике они интересуются информацией с фронтов и в зависимости от нее быстро меняется настроение. Вот характерный фрагмент из доклада о ситуации в коллективе железнодорожников: «В связи с победами настроение массы заметно переменялось, все... высказывают радость, что после таких побед не далек тот день, когда будет заключен мир и можно будет приняться жить мирной жизнью».

Слова о том, что скоро «будет заключен мир», свидетельствуют о полном непонимании того, что происходит в стране, что мир в этой войне заключен быть не может в принципе, и победа одних будет означать смерть других. Рабочие и в Петрограде, и в Москве, и в Туле повторяют: «Власть все равно какая, уж скорей бы хлеба прибавили».

В Астрахани в феврале 1919 года начались волнения из-за очередного сокращения хлебной нормы. Причины голода были обычные, большевистские. Свободный подвоз хлеба в город запрещен. То есть хлеб везут и его хотят купить, но реквизиционные отряды его забирают, продавцов-покупателей расстреливают, а город должен ждать организованного властью подвоза хлеба из Самары. Но его нет и нет, а есть голод. В Астрахани полно рыбы, но ловить рыбу и торговать рыбой запрещено. Ни у кого в Астрахани — на Волге! — нет даже селедки. Голодные, злые рабочие металлических заводов «Кавказ и Меркурий», «Вулкан» и «Этна» стоят за пайком, и эти очереди превращаются в митинги. Кроме того, в Астрахань пришла отступившая, деморализованная 11-я Красная армия, что усугубило продовольственное положение в городе. Из Астрахани сообщали Дзержинскому: «Многие падают на улице и умирают. Город имеет вид как во время чумы». Рабочие приняли решение о забастовке с требованием свободной торговли хлебом и свободной ловли рыбы.

Город объявлен на осадном положении. Движение по городу запретили, работу на заводах остановили, грозили аннулировать продо-

вольственные карточки. Но в годовщину Февральской революции забастовка началась. Это был десятитысячный митинг на площади. Власти оцепили его пулеметчиками и вооруженными матросами. Требовали разойтись. Рабочие стояли. Заработали пулеметы. Митингующие, в ужасе прорвав пулеметное оцепление, бросились в разные стороны. По ним продолжали стрелять. Часть людей добежала до церкви. Раздался орудийный выстрел. Церковный купол рухнул. Все опять побежали. Некоторых спасшихся спустя несколько дней красная конница нагнала в степи. Во время астраханских событий погибло около тысячи человек. В последующие две недели расстреливали арестованных.

Следующий рабочий протест был уже на подходе. В Питере, на Путиловском заводе. Его квалифицированные рабочие не были поклонниками большевиков. А старый путиловец-коммунист с седыми усами и хитроватым прищуром из раннего советского кино — это сказки.

7 МАРТА

7 марта 1919 года отряды крестьян, восставших против коммунистов, штурмом берут уездный город Ставрополь Симбирской губернии. Этот Ставрополь не следует путать с южнорусским городом Ставрополем. Ставрополь, который взяли крестьяне 7 марта, это нынешний город Тольятти, на Волге. Взятие этого города — эпизод так называемой Чапанной войны в Поволжье, начавшейся в первых числах марта 19-го года. Чапан — вид крестьянской верхней одежды, вроде теплого халата. А Чапанная война — это мощное крестьянское восстание, охватившее Симбирскую и Самарскую губернии, по численности участников и ярости настроя первое после Пугачевского бунта. Около 150 тысяч участников.

После взятия Ставрополя опубликовано воззвание к гражданам России: «Граждане! Восстали крестьяне, мужики. Откликнитесь и восставайте. Вы, крестьяне, сильны сейчас своим желанием умереть... Товарищи интеллигенты, примыкайте к народу... Товарищи-братья красноармейцы! Мы заявляем, что мы восстали не против Советской власти, но восстали против диктатуры, засилья коммунистов — тиранов и грабителей. Советская власть остается на местах, Советы не уничтожаются, но в них должны быть лица, известные на-

роду данной местности. Братья красноармейцы, примыкайте к нам, восставшим за справедливое дело».

То есть восставшие крестьяне не сомневаются в идеях революции, ни о каком возврате к монархии речи нет. Командующий 4-й армией Михаил Фрунзе, который зверски подавит восстание, в докладной Ленину писал, что крестьяне идут под лозунгами: «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции!», «Да здравствуют Советы!», «Долой коммунистов!». И главное: «Долой продрозверстку!»

Гражданская война, планомерно развернутая большевистским руководством, — помимо крови, — это очень дорогое, затратное мероприятие. Все время требуются свежие солдаты и еда для них. И то, и другое можно взять только по деревням. Вот выдавили красные белых из Поволжья, и оно вмиг превратилось в тыл Восточного фронта, который обязан срочно удовлетворить людские и продовольственные потребности армии. Немедленно появляются коммунисты, чекисты, продовольственные и карательные отряды. Отбирают все — зерно, скот, лошадей, сбрую, деньги. Крестьян зимой запирают в погреба, поют. Ситуация, предшествовавшая восстанию, не была тайной для большевистского руководства в Москве. Зам. политотдела Восточного фронта Теодорович и член Реввоенсовета фронта Гусев телеграфировали Ленину и Свердлову: «Безобразия, которые происходили в Симбирской губернии, превосходят всякую меру. При взимании налогов употреблялись пытки вроде обливания людей водой и замораживания...»

Эти телеграммы в Москву не имеют последствий для местных партийных властей. К тому же они решают поставленную той самой Москвой задачу. А какова задача, таково и решение — с потерей разума и человеческого обличья у исполнителей. Очевидец бессудного расстрела заложников в одном из сел вспоминал: «У расстрелянных дергались в судорогах ноги. Двое надевали трупам на ноги петли, отволакивали их в темноту. Двое забрасывали землю кровью. Трое стреляли, и глаза у них были пустые».

Крестьянское восстание охватило сразу несколько уездов Симбирской и Самарской губерний. 3 марта 1919 года в селе Новодевичьем пошли первые волнения. Село большое — 1000 дворов. Вечером крестьяне ворвались в почтово-телеграфную контору и захватили телеграфный аппарат. 4 марта выбрали представителей для переговоров в Симбирске. Агитатор-коммунист успокоил крестьян, сказал — сами разберемся. А утром пошли аресты. Тогда крестьяне уда-

рили в набат, и события понеслись. Расправились с командиром продотряда, местного чекиста бросили в прорубь. Создали штаб, учредили газету. Присланный для подавления восстания отряд был разоружен, красноармейцы присоединились к восставшим.

5–6 марта восстание распространилось по разным волостям. Оружия было мало. Шли с вилами, топорами, шкворнями, просто с палками. 7 марта взяли Ставрополь. Далее собирались брать Сызрань и Самару. 8 марта поголовно истреблен красноармейский отряд, более сотни человек. Перебиты несколько отрядов чекистов. 10 марта восстанием охвачено все Среднее Поволжье.

Убивают большевиков и им сочувствующих, уничтожают документы. Самосуд идет полным ходом. Теперь уже крестьяне обливают коммунистов холодной водой на морозе. Очень активны женщины. Причем с обеих сторон. Уроженка села Новая Бикарядка 18-летняя Ирина Феличкина возглавляет крестьянское соединение, плетью подгоняет отставших в бою. Будет взята в плен и расстреляна. С противоположной стороны, против крестьян, во главе комсомольского отряда библиотекарь Александра Смирницкая. Ее убьют дубиной. В тело вобьют кол и повесят. Это и есть Гражданская война.

11 марта 1919 года восставшие двинулись на Сызрань. Но взять не смогут.

Большевистская власть решает начать наступление на восставших крестьян силами регулярных частей Красной армии с применением артиллерии и пулеметов. С фронта сняты несколько частей, в том числе 2-я интернациональная рота, состоявшая из венгров, имевшая пушки. Общее руководство спецоперацией поручено самому эффективному красному командарму Михаилу Фрунзе. Штаб Восточного фронта предложил использовать против крестьян «аэроплан» с зажигательными бомбами и запасом бензина». Наблюдение за операцией осуществляют члены Реввоенсовета Восточного фронта. То есть власть открыто использует Красную армию для подавления крестьянского возмущения большевистской политикой. Но каждое село приходится брать штурмом. Более суток регулярные красные части ведут бой, чтобы ворваться 14 марта в город Ставрополь. 17 марта крестьянский отряд в 2 тысячи человек пытался захватить уездный город Карсун. Крестьяне разбиты силами Красной армии после тяжелого боя. В зоне восстания дополнительно действуют карательные отряды, сжигают целиком деревни.

По мере подавления восставших пошли массовые расстрелы. По инициативе местных ЧК и командиров карательных отрядов вводятся военно-полевые суды. Их деятельность губернские власти санкционируют задним числом. Население о расстрелах оповещают через местную печать. Казни проводят публично, для этого специально сгоняют народ. За каждого убитого красноармейца расстреливают по 8 крестьян. Людей, независимо от их участия или неучастия в восстании, собирают на сходы и заставляют каяться. А главное — давать обещание впредь выполнять все государственные повинности.

Позже по инициативе Москвы была создана комиссия по изучению причин и обстоятельств восстания. Для успокоения населения были названы виновники, самые ненавистные представители местной власти. Хотя они были «стрелочниками» в целенаправленной антикрестьянской государственной кампании. В работе комиссии по мотивам восстания интереснее другое. Фактически она признала, что никаких кулаков в числе организаторов не было. Что на допросах перед расстрелами многие крестьяне говорили: «Ходил вместе со всеми. Вооружен был палкой».

И многие участники были из бедняков. Как расстрелянный 30-летний Иван Бирюков, о котором в документах допроса записано: «Вредный элемент советской власти», «имущества у него ничего нет, хоть шаром по избе кати».

Но наиболее неожиданной следует признать реакцию Троцкого. Он написал в конце марта 1919 года письмо в ЦК РКП(б), в котором назвал подход к крестьянству «циничным», а классовый подход — прикрытием этого цинизма. И предложил это прекратить, перестать ориентироваться на бедняков и ленивых. По сути, это был первый звонок о необходимости возврата к более-менее нормальной человеческой жизни, к тому, что назовут новой экономической политикой, нэпом. Но до следующего звонка будет пролито еще много крови.

15 МАРТА

15 марта 1919 года председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, высшего законодательного, распорядительного органа большевистской власти, Яков Свердлов был

при смерти. Он болел с 8 марта. С начала болезни температура выше 40, ослабление сердечной деятельности. Правда, утром 15 марта Свердлов говорил по телефону с Лениным и обещал скоро поправиться. Более того, в тот же день Свердлов присутствовал на заседании Президиума ВЦИК, а ночью был на заседании Совнаркома. Поговаривали, что у него, может быть, испанка — разновидность гриппа, который буйствовал в 1918–1919 годах XX века по всему миру и просто выкашивал людей сотнями тысяч. Но Свердлов, несмотря на перманентную лихорадку, продолжал работать, общался с людьми, принимал решения, по ходу дела выполняя медицинские предписания кремлевского доктора Гетье. Опасений заразиться возможной испанкой никто не высказывал. Ни в Совнаркоме, ни в Оргбюро, ни в ВЧК. Во многом это соответствовало духу времени, который сам по себе был смертельным: общее озверение, подступающий голод и, главное, полная неясность, за кем в стране будет окончательная победа.

Утром 16 марта у больного Свердлова началось сильное возбуждение и бред. Этому было много свидетелей, потому что в квартире собралось полно партийных соратников. Свердлов в бреду твердил про приближающийся партийный съезд, про то, что у него украли какие-то документы. И тут пришел Ленин.

Ничего удивительного в этом нет. Они не были друзьями, но Свердлов — второй человек в большевистском государстве. И не суть, что они лично познакомились с Лениным только в апреле 1917 года, когда Ленин после Февральской революции вернулся в Россию из Швейцарии, а Свердлов вследствие той же Февральской революции вернулся в Петроград из ссылки в Туруханском крае. Троцкий в статье «Памяти Свердлова» как раз пишет об временном делении на партийных эмигрантов и не-эмигрантов, как он говорит, «туземных» большевиков. Троцкий говорит, что эмигранты обладали более широким, европейским кругозором. Но тот же Троцкий подчеркивает, что в Свердловле «провинциализма» не чувствовалось и в те времена». Сразу же после знакомства с Лениным Свердлов назначен руководителем Секретариата ЦК РСДРП(б), то есть он с ходу стал главным по всем организационным и кадровым вопросам в партии. Конечно же, существенным было прошлое Свердлова, в котором, собственно, не было ничего кроме революционной борьбы. Мальчик из еврейской семьи, но не ортодоксальной. Его отец

вторым браком женат на русской женщине и принял православие. И старший брат Свердлова принял православие.

Яков Свердлов после четырех классов в гимназии в Нижнем Новгороде, с 16 лет — член большевистской партии. В революцию 1905 года направлен партией на Урал, создает боевые дружины. В том же 1905 году возглавил Екатеринбургский Совет рабочих депутатов. Был сослан в Нарымский край, где отбывал ссылку вместе со Сталиным. Бежал. Потом в Туруханске, опять вместе со Сталиным.

Но главным достоинством Свердлова было не его подпольно-ссылное прошлое, а его организаторский талант, он был «менеджером» высочайшего класса. Мог бы выдвинуться в любой сфере деятельности, но востребован оказался на партийной работе. На знаменитом заседании ЦК, принявшем решение о вооруженном захвате власти, Свердлов председательствовал и вошел в руководство восстанием. Кстати, именно Свердлов вывозил Ленина в Разлив.

Именно Свердлов обеспечивал большевистскую работу в частях Петроградского гарнизона, которые сыграли решающую роль в успехе Октябрьского переворота. Через две недели после захвата власти большевиками Свердлов становится председателем ВЦИК вместо давнего ленинского соратника Льва Каменева.

Троцкий о Свердлове пишет, что «он будто родился готовым «государственником» первоклассного масштаба». И уточняет: «революционным государственником». Это означает, что Свердлов сам действовал в условиях полного государственного хаоса и виртуозно находил и расставлял тех людей, которые в условиях хаоса могли работать самостоятельно. По прошлой подпольной работе и ссылке Свердлов знал массу людей. Он стал «записной книжкой Ленина». Он обладал особой интуицией для определения того, в какой мере условный революционер Иванов пригоден в качестве главы нового департамента, функции которого еще даже не определены. Он наводил справки, собирал биографические сведения, созванивался по телефону, направлял, назначал. Ленин часто и многим говорил: «Столкнитесь со Свердловым!» Это означало, что практическое решение будет найдено.

Он был невысокий, худой, с резкими чертами лица, с неожиданно мощным, низким голосом. Фактически бас. Свердлов ввел моду на inferнальную кожаную форму. Об этом пишет Троцкий, который сам был всегда в коже. То есть Троцкий отдает здесь пальму первенства Свердлову. А это дорого стоит. Правда, Троцкий написал

это в статье на смерть Свердлова. Но все равно щедро. Ведь разговор о кожанках — это, по сути, разговор о доспехах. В том смысле, что они мнят себя всадниками Апокалипсиса.

Кожаное с ног до головы облачение Свердлова точно отражает радикальность его взглядов. Он сторонник революционного насилия. Он сторонник красного террора и бескомпромиссного деления деревни на бедняков и кулаков. Он открывал первое заседание Учредительного собрания, он же поддерживал его разгон и вооруженный разгром демонстраций политических оппонентов.

Он пролоббировал перевоз царской семьи именно в Екатеринбург, который был ему хорошо знаком по давней подпольной работе и где были проверенные кадры, такие как Юровский и Ермаков, которые и руководили расстрелом царской семьи.

То есть Ленин не ошибся, когда весной 1917 года выразил доверие 31-летнему Свердлову. После ранения Ленина Свердлов отказался провести избрание временного председателя Совнаркома, а взял его обязанности на себя. Сидел в кабинете Ленина, проводил заседания Совнаркома. То есть фактически на время стал первым лицом в Советском государстве.

Много лет спустя, уже в перестройку, ряд исследователей высказывались в пользу того, что Свердлов был заинтересованным лицом в покушении на Ленина. И поэтому так спешно убили стрелявшую в Ленина Фанни Каплан, а тело ее сожгли в железной бочке прямо на территории Кремля. Но дело в том, что Кремль тогда не был сакральным местом. Именно в Кремле многих политических оппонентов большевики держали в заключении, в частности лидера левых эсеров Марию Спиридонову. А мимолетное следствие и расстрел на месте, где попало, — вообще были нормой большевистской практики.

Также существовала версия, что Свердлов на почве внутрипартийной борьбы был отравлен. Внутренняя жизнь партии большевиков действительно позволяет допустить что угодно. В особенности с учетом сталинского периода, в котором, в смысле расправы, не было ничего невозможного. Но осень 1918 года была не лучшим временем для передела власти внутри большевистского руководства. Власть еще была зыбкой и только на небольшой части страны. Партийные лидеры, включая Свердлова, не питались иллюзиями, а материально страховались. Жена Свердлова Клавдия Тимофеевна Новгородцева занималась хранением, скажем так, «большевистско-

го общака» на экстренный случай. Часть его будет обнаружена позже в Кремле. Содержимое — деньги, золото, драгоценности, чистые иностранные паспорта — будет описано. Но это случится в 1935 году. А в 1919-м между умирающим Свердловым и пришедшим к нему Лениным состоялся непродолжительный разговор. По воспоминаниям управделами Совнаркома Бонч-Бруевича, Свердлов что-то объяснял Ленину. Потом Ленин уехал, а Свердлов умер.

22 МАРТА

22 марта 1919 года, в предпоследний день работы VIII съезда коммунистической партии большевиков, был погашен конфликт между Лениным и Сталиным. Организованная внутривнутрипартийная оппозиция стала неожиданностью для Ленина. Тем более в разгар Гражданской войны, исход которой был в тот момент совсем не очевиден.

На съезде присутствовали 301 делегат с решающим голосом и 102 — с совещательным. Обращает внимание, что в числе имевших совещательный голос присутствовали меньшевики. Их лидер Юлий Мартов — один из столпов российского революционного движения, товарищ, друг, а потом оппонент Ленина. Деление партии в 1903 году на большевиков и меньшевиков — как раз история этих двух людей: за Ленина — большевики, за Мартова — меньшевики. Мартов — автор термина «ленинизм». После Октябрьского переворота он выступал против ограничения свободы слова, против арестов политических оппонентов, против сепаратного мира с Германией, осудил расстрел царской семьи. Был исключен из состава Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по обвинению в контрреволюционной деятельности. Потом принял «советский строй как факт действительности», но по-прежнему считал необходимым бороться за демократизацию этого строя. Еще в 1918 году Мартов опубликовал в меньшевистской газете материалы о Сталине. В них шла речь не только о его участии в ограблениях банков, но и об исключении его из партии, что действительно имело место. Сталин подал в суд на Мартова, заявил, что исключение его, Сталина, из партии было незаконно, потому что, мол, большинство в Тифлисской парторганизации тогда было у меньшевиков. Ленин сказал о Мартове, что «есть насекомые, борющиеся выде-

лением вонючей жидкости». Но через год Ленин лично дал добро на отъезд больного Мартова за границу. В то время как больному поэту Блоку такого разрешения не дал, и Блок умер.

Что касается Сталина, то ему на VIII съезде партии не было дело до Мартова. Сталин на съезде на глазах у Ленина воевал с Троцким. Поводом был вопрос о военной политике партии, который стоял в съездовской повестке ввиду своей актуальности в разгар Гражданской войны.

Сам съезд для Сталина начался не лучшим образом. В президиум были выбраны Ленин, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Евдокимов, Смидович и Преображенский. С мест дополнительно были выдвинуты кандидатуры Рыкова, Бухарина и Сталина. Дело не в конкретных перечисленных фамилиях, а в том, что Бухарин и Рыков сняли свои кандидатуры, а Сталин свою не снял, но его в президиум не выбрали. И он, Сталин, вынужден был сидеть в зале с рядовыми делегатами и смотреть на лица в президиуме.

На VIII съезде он негласно возглавляет так называемую «военную оппозицию». Она возникла в ходе первого открытого столкновения Сталина с Троцким в связи с событиями на Царицынском фронте летом 1918 года. Троцкий — глава военного ведомства, Сталин тогда — член Реввоенсовета фронта, а командовал Царицынским фронтом Ворошилов. Ситуация на фронте для красных была безрезультатная, а Сталин с Ворошиловым писали Ленину, что политика Троцкого с его идеей привлечения бывших царских военных специалистов порочна и контрреволюционна. Ленин в декабре 1918 года отреагировал, написав, что «политика военного ведомства ведется на точном основании общих директив, даваемых ЦК партии». А так как военное ведомство — это Троцкий, а ЦК — это сам Ленин, то Сталину следовало понять, что его активность напрасна.

Но Сталин активность не прекратил. Его идея была проста, но перспективна: развести Ленина с Троцким, убрать Троцкого с руководства армией и выйти один на один с Лениным.

Сталинская борьба против идеи Троцкого выстроить регулярную армию с помощью старых военспецов имела совершенно популистский характер и поддерживалась очень многими красными командирами, народившимися в начальный период Гражданской войны. Это были в чистом виде полевые командиры, самым ярким из которых был Чапаев. Офицеров из бывших они на дух не выносили, считали — сами

всех запросто шашками порубаем! И в этом смысле были сторонниками «военной оппозиции», которую закулисно строил Сталин.

Тем не менее на VIII съезде военная оппозиция выступила. И выступила против Троцкого с Лениным одновременно. Троцкого на съезде не было, он был на фронте по разрешению ЦК.

В докладе ЦК о политике в армии была продемонстрирована полная поддержка линии Троцкого — Ленина. Вслед за этим выступил представитель военной оппозиции и заявил, что бывший царский офицерский корпус, привлеченный в Красную армию, в силу происхождения тяготеет к белогвардейцам и будет переходить на сторону врага. Что у комиссаров, поставленных рядом с такими офицерами, нет широких полномочий. И вообще всю военную политику ЦК партии необходимо пересмотреть.

Вопрос передали в специально созданную военную секцию. Но там после бурных прений большинство проголосовало против линии ЦК, то есть против Ленина с Троцким вместе взятых. Военная оппозиция набирала очки, сторонники Ленина и Троцкого покинули заседание секции.

Ленин не ожидал такого обострения. Теперь ему надо было идти в неподготовленное наступление. И защищать уже не столько Троцкого, сколько самого себя. То есть, грубо говоря, Ленин оказался перед необходимостью защищаться от Сталина, выстроившего свою интригу.

Ленин выступил с энергичным докладом, где вновь обосновал курс на строительство регулярной армии, где опровергал обвинения военной оппозиции и где прямо заявил: «...если вы можете Троцкому ставить обвинение, что он не проводит политику ЦК, — это сумасшедшее обвинение».

Но Ленин был бы не Ленин, если бы ограничился резким докладом. Ленин вынудил Сталина выступить с критикой военной оппозиции и поддержать Троцкого. И Сталин выступил, сказав, что политика военной оппозиции «может подорвать дисциплину в армии и исключает возможность создания регулярной армии».

После одержанной Лениным тактической победы вопрос поставили на съезде на голосование. Итог оказался для Ленина неожиданным. За позицию Ленина—Троцкого проголосовало 174 депутата, но за военную оппозицию — 95. И это большая, серьезная оппозиция. Это вызов. Ленин с ходу начал, что называется, индивидуальную работу с лидерами оппозиции. Уговаривал, лукавил, угрожал, давил. И как раз 22 марта добился желаемого результата.

Съезду было предложено для детального рассмотрения вопроса о военной политике создать комиссию из пяти человек. Причем Сталин был включен в нее как представитель позиции Троцкого. И уже на следующий день комиссия доложила съезду, что против тезисов Троцкого по военной политике никаких принципиальных возражений нет. А потом выступил Ленин и весело сказал, что «нам чрезвычайно легко удалось в комиссии прийти к решению абсолютно единогласному».

Но эта история не закончилась на VIII съезде. Материалы дискуссии по военной политике при Сталине и даже после Сталина не публиковались. В 1959 году уже после официального осуждения культа личности Сталина при переиздании Протоколов VIII съезда указывалось, что документы о военной политике «ввиду совершенно необработанных секретарских записей не публикуются». То есть по всем другим вопросам секретарские записи обработаны, а по тому, где Сталин выступает против Ленина, не обработаны. Но это, на самом деле, элементарная бумажная фальсификация истории.

А были последствия и не бумажные. Подавляющее большинство лидеров военной оппозиции, свидетелей событий, было при Сталине расстреляно. За исключением бессловесного Ворошилова, на все готового Емельяна Ярославского, Минина, рано впавшего в психическое расстройство, и Розалии Землячки, которая вошла в легенды собственноручным зверством в Крыму в 1920 году, после прихода туда большевиков.

Само собой, были уничтожены, за единственным исключением, все сидевшие на VIII съезде в президиуме, в который тогда не брали Сталина. Уничтожен Сокольников, делавший доклад по военной политике. Уничтожены Рыков и Бухарин. Ну, с Троцким — отдельная известная история. Его Сталин достал ледорубом в Мексике в 1940 году. Был еще в той компании Ленин. Но он умер сам.

29 МАРТА

29 марта 1919 года Ленин записал на граммофонную пластинку Обращение к Красной армии. Это была не первая и не последняя запись Ленина, и записывался он не для истории, не для вечности, а в конкретных политических целях.

На территориях, контролируемых большевиками, не виданный ранее бумажный кризис. Газеты выходят маленькими тиражами. Это тот случай, когда газеты не в состоянии выполнять свои агитационно-пропагандистские функции. Классические слова Ленина о том, что газета — не только коллективный агитатор, но и коллективный организатор, были произнесены до революции. Тогда не было бумажного кризиса и рассуждать о роли газет было легко и приятно. Теперь в результате захвата власти большевиками и вследствие их экспериментальной экономической политики развалены все отрасли промышленности, включая бумажную. Газеты выходят на оберточной бумаге и в силу мизерных тиражей бесполезны. Радио не имеет широкого применения, звукового кино нет. Главным средством красной агитации на фронтах Гражданской войны становится граммофон и пластинки с речами Ленина и некоторых других партийных деятелей.

Идея об использовании граммофонных пластинок в таком неожиданном качестве принадлежала приятелю Есенина Борису Малкину, который заведовал Центральным агентством по распространению печатных изданий. Это называлось Центропечать.

На момент Октябрьского переворота в России работали три граммофонные фабрики. У английского акционерного общества «Граммфон» — фабрика «Пишущий Амур», французская фабрика «Братья Пате». Обе находились в Москве. Третья была в подмосковной Апрелевке. Это граммофонная фабрика «Русского акционерного общества граммофонов», бывший «Метрополь Рекорд».

Фабрика «Пишущий Амур» в первые месяцы советской власти несколько изменила репертуар на пластинках, но сохранила на дисках пухленького амурчика с гусиным пером в руке. Однако вследствие конфликтов с иностранными специалистами, работавшими на производстве, фабрику закрыли.

Апрелевская фабрика «Русского общества граммофонов» первой начала выпускать пластинки с совершенно новым репертуаром. В исполнении хора Большого театра записали «Интернационал», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу». Как раз Апрелевскую фабрику и отдали в введение Центропечати для решения актуальных агитационных задач. Но фабрика для массового и экстренного производства была мало пригодна, так как за время советской власти и она, как и все остальные, была разорена. Оставалось произ-

водство «Братьев Пате». Фабрика была также национализирована, но продолжала исправно работать. Эта неожиданная работоспособность имеет объяснение. Граммофонную фабрику «Братьев Пате» приписали к Наркомпроду, Народному комиссариату продовольствия. Казалось бы, где граммофон, и где Наркомпрод. Но это же советская власть, так что все нормально.

Большевики взяли власть в ряде городов и на некоторых территориях. Как и планировали, для распространения своей власти на всю страну начали Гражданскую войну. Запретили всякую свободную торговлю, никакой продажи хлеба и продуктов. Хлеб решили отбирать и распределять по карточкам по классовому принципу. Но выяснилось, что желаемого результата нет. В городах независимо от классовой принадлежности потихоньку начинают голодать.

Городские жители, несмотря на запреты и террор, в целях спасения детей от голодной смерти, на свой страх и риск отправляются по деревням и выменивают еду на одежду, обувь, любые промышленные товары. Большим спросом в этом диком товарообмене, как ни странно, пользуются граммофоны. А к граммофонам нужны пластинки с музыкой и песнями. И вот Наркомпрод счел целесообразным включиться в этот процесс и для извлечения хлеба у крестьян поставлять им граммофонные пластинки. Для чего фабрика «Братьев Пате» и была подчинена Наркомпроду, а производство грампластинок берегли как зеницу ока.

Когда возникла идея записывать на пластинки речи Ленина, началась борьба Центропечати и Наркомпрода за фабрику «Пате». Ленин поддержал Центропечать с его граммофонной пропагандой, и Наркомпрод с фабрикой «Пате» расстался.

Ленина записывали либо в Центропечати на Тверской, рядом с Елисейевским магазином, либо в Кремле, в Митрофаньевском зале. В оригинале — это зал в здании судебных установлений. В нем шли крупнейшие дореволюционные процессы. Здесь знаменитый адвокат Плевако защищал знаменитого бизнесмена и мецената Савву Морозова. Большевики, переехав из Питера в Москву, поселились как раз в этом здании.

А в Митрофаньевском зале стал заседать Революционный трибунал. Удобно, здесь живут, здесь же приговоры выносят. А в свободное от Ревтрибунала время в этом же зале записывали Ленина на грампластинки.

Есть фотография, где он стоит перед рупором. Автор фотографии Леонидов, он заведовал фотоотделом Центропечати, много снимал Ленина. Позже вспоминал: «После записи Ленину предложили: «Владимир Ильич, хотите послушать, что вы сказали?» Ленин послушал и сказал: «Это удивительно! Впечатление такое, что говорит не то еврей, не то француз».

А вот глава ВЧК Дзержинский не хотел записываться, говорил: «Ну какой я оратор». О том, что Дзержинский лично не поддерживает новый пропагандистский формат, узнал Ленин и сказал заведомо пластинок: «А вы Дзержинского вызовете сейчас же к телефону и скажите, что я его арестую, если он не запишется». Это Ленин так шутил.

Но с граммофоном, надо сказать, действительно было очень правильно рассчитано. В армиях периода Гражданской войны он был суперпопулярен. Пластинки добывали в домах на захваченных территориях. Известный советский писатель Серафимович вспоминал: «Граммофон не знал минуты покоя и, хрипя и надрываясь, с ранней зари и до глубокой ночи верещал романсы, песни, оперы. Переходил он по очереди от эскадрона к эскадрону, от роты к роте, и, когда задерживали, дело доходило до драки... К граммофону относились как к живому».

Так было по обе стороны фронта. И пластинки крутили у всех те, что были выпущены еще в прошлой жизни, до Гражданской войны. Романсы, арии из опер и оперетт, народные песни: одни и те же и у красных, и у белых: «Уймись, волнения страсти», «Не искушай», «Нет, нет, не хочу», «Вчера я видел вас во сне», фрагменты из «Кармен» или из «Сильвы». Это стало музыкальным сопровождением братоубийственной войны.

Граммофонного Ленина, в смысле его записи на пластинках, конечно, слушали, дивились: ишь, Ленин, прям в окопе говорит. Но прослушивание агитационной речи всегда требовало музыкального продолжения. Дело в том, что еще во время Февральской революции появилась и утвердилась особая форма массового мероприятия — концерт-митинг, который совмещал политические выступления и музыкальные номера. Так что почти наверняка после прослушивания Ленина бесхитростные бойцы Красной армии требовали продолжения в виде песен и романсов на пластинках. А лучше всего — пения вживую. Выдвигали кого-нибудь музыкального из своих рядов, слушали, а потом пели все вместе. На Гражданской вой-

не пели в любых ситуациях. Перед боем, после боя, даже в самом бою. Пели в просветах между боями. Приговоренные к расстрелу пели перед смертью. Расстрельные команды пели после того, как приводили приговоры в исполнение.

Когда в Самаре в 1918 году формировалась антибольшевистская организация, ее своеобразным паролем стала популярная лихая песенка «Шарабан». Из этой организации выросла Народная Армия, которую впоследствии возглавил знаменитый белый генерал Каппель. Так вот, песня «Шарабан» перешла в эту армию, и пехота, в том числе в знаменитые психические атаки, шла под «Шарабан»: «А выпить хотца, а денег нету / Со мной гуляют одни кадеты / Ах шарабан мой, американка / А я девчонка, я шарлатанка».

Лихое, неграммофонное пение в Гражданскую войну было вне конкуренции. Потому что, если сам поешь, значит, жив.

5 АПРЕЛЯ

5 апреля 1919 года город Одесса был готов к приходу атамана Григорьева. Находившиеся в Одессе, а также в Херсоне, Николаеве и в Крыму военные силы Антанты уже погрузились на корабли. Они пришли сюда после окончания мировой войны в конце 1918 года. До них были немцы, которые занимали эти территории в соответствии с сепаратным мирным договором с большевиками. Так вот после немцев, а затем французов с греками пришел атаман Григорьев.

На момент вхождения в Одессу Григорьев был красным. По одним воспоминаниям, он ехал сквозь толпу на улицах на белом коне, а его бойцы были одеты в трофейное английское обмундирование и отлично вооружены. По другим воспоминаниям, бойцы были в папах и рваных зипунах, а сам Григорьев стоял в автомобиле. Вокруг все кричали «Ура!». Кому-то удалось поцеловать атаманскую руку, после чего Григорьев уже сам протягивал руки для поцелуя.

Бесспорным фактом остается то, что Одессу атаман Григорьев взял без боя. Дело в том, что как раз в это время во Франции пало правительство Клемансо, его преемники отказались финансировать войска на Юге России и Украины, приказали срочно войска вывести

из Одессы. В результате военные части Антанты резко прекратили оборону Одессы от партизан атамана Григорьева, а тот триумфально вошел в город. Это никоим образом не умаляет предыдущих боевых заслуг григорьевцев во время шестидневного штурма и захвата Херсона, а также при взятии Николаева.

А так как в Херсоне и в Николаеве Григорьев бился с французскими и греческими частями и победил их, теперь, входя в Одессу, атаман позиционировал себя как «победителя Антанты». Красный командарм Скачко рапортовал в Москву: «Одессу взяли исключительно войска Григорьева. В двухнедельных боях бойцы показали выносливость и выдающуюся революционную стойкость. Прошу товарища Григорьева, под которым было убито два коня и одежда прострелена в нескольких местах, наградить орденом Красного Знамени».

Атаман Григорьев передвигался по Одессе в сопровождении свиты, повсеместно заявлял, что он победил французов, победителей Германии, и круглосуточно пил. С ним пьянствовал весь его штаб, про бойцов и говорить нечего. Про Одессу Григорьев говорил: «Я взял город, стало быть, он мой». Одесса сама по себе было богатым городом-портом. Плюс к этому ушедшие военные силы Антанты оставили здесь оружие, боеприпасы, продовольствие, мануфактуру, сахар, спирт, бензин. Бойцы Григорьева переоделись во все трофейное, а все награбленное вывозили эшелонами в родные села. Благо большинству было недалеко. Сам атаман родом из Херсонской губернии. В прошлом у него два класса начальной школы, фельдшерское училище. При первой возможности бросил и добровольцем пошел на русско-японскую войну, отличился в боях, вернулся, служил акцизным чиновником, брал взятки, безудержно пил и щедро угощал других, за что его любили. Убил своего пятилетнего сына, но не сел. Воевал в мировую войну. Георгиевский крест за храбрость. Лютый антисемит. В Февральскую революцию участвовал в солдатском съезде на Юго-Западном фронте, почувял шанс удовлетворить собственное честолюбие в новой политической ситуации. Украина провозгласила независимость, власть сперва у Центральной Рады. Григорьев познакомился с Петлюрой, по его поручению создал ударный украинский полк. Когда к власти в Киеве пришел гетман Скоропадский, Григорьев недолго послужил ему. Гетмана поддерживали немцы, которые фактически окку-

пировали Украину. Украинские крестьяне от немцев страдали и ненавидели их. Григорьев на этой волне встал во главе крестьянского отряда против гетмана.

После окончания мировой войны в ноябре 1918 года немцы ушли, гетман бежал, власть перешла к Петлюре. Григорьев — с Петлюрой, и у него под началом уже дивизия, 6 тысяч человек. Но тут, в начале января 1919 года, успех на Украине переходит к Красной армии. И Григорьев начинает искать контакты с красными. В начале февраля Григорьев входит со своими воинскими частями в Красную армию и начинает успешную борьбу с петлюровцами. Потом его победы в Херсоне, Николаеве. И наконец, Одесса. Красный атаман Григорьев назначен командиром 1-й Украинской стрелковой дивизии. Ему дали добро на вывоз 38 эшелонов награбленного в херсонские села. Но большевистское руководство не чувствует уверенности в Григорьеве.

Незадолго до этого, в марте 1919 года, в Венгрии произошла революция, возникла Советская республика. Ленин рассматривал варианты помощи венграм с тем, чтобы затем в дальнейшем расширить европейскую революцию. Красная армия в этот момент недалеко от границы с Румынией. Возникает дерзкий план: продолжить силами армии коридор через Бессарабию, Буковину и еще часть румынской территории и связать Украину с Венгрией. И для осуществления этой идеи использовать дивизию Григорьева. Заодно убить и еще одного зайца, а именно удалить Григорьева, который ведет себя отвязано и плохо контролируется большевистским руководством. Григорьев перед дальним походом попросил для своих бойцов три недели отдыха. Они ушли на Херсонщину по своим селам. Но, придя по домам, григорьевцы столкнулись с тем, что в их селах орудуют продотряды и чекисты, которые отбирают у крестьян хлеб. Бойцы Григорьева с ходу начинают убивать коммунистов.

Командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко лично приезжает к Григорьеву и уговаривает его немедленно выступить в европейский поход. Антонов-Овсеенко обещает Григорьеву «славу Суворова», говорит, что Григорьев «может великими делами остаться в истории». Григорьев соглашается. «Все, — говорит, — иду на румынов!»

Но в соседских районах крестьяне начинают бунтовать против продотрядов. На подавление бунтующих направлены карательные отряды. Одновременно становится очевидно, что помещичью

землю крестьянам не дают, а объединяют в колхозы. Крестьяне объединяются под лозунгом «Долой ЧК!» и требуют свободных, без коммунистов, выборов в Советы. Григорьев готов возглавить крестьян, и у него для этого все есть: слава, 23 тысячи штыков, 52 пушки, 12 бронепоездов, миллион патронов. Пока Григорьев еще окончательно не распрощался с красными, Реввоенсовет 3-й Украинской армии решает направить к нему комиссаром знаменитого Григория Котовского. Но Котовский нашел способ отказаться, трезво оценив ситуацию. А ситуация была действительно аховая, потому что Григорьев и его люди не просто хорошо вооруженные, опытные бойцы. Они уже отравлены пролитой кровью, в грош не ставят ни чужую, ни свою жизнь. Они дикие, давно воюющие, ничего не понимающие в происходящем и вечно пьяные. Это та адская смесь, которая легче всего выливается в еврейские погромы. Именно к погромам и приходят григорьевцы. Убийства и грабежи евреев идут всю первую неделю мая в Елизаветграде, Александрии, в Знаменке.

Красное командование Украинским фронтом выжидает. Собственно, погромами у красных занимались и бойцы Дыбенко, и буденновцы. Но через неделю от Григорьева требуют либо унять своих, либо сдать полномочия комдива. Григорьев в ответ заявляет, что встает во главе антибольшевистского восстания. Выпускает Универсал, то есть манифест. И начинает боевые действия по нескольким направлениям. И везде идут жуткие еврейские погромы. В одном Елизаветграде около 4 тысяч убитых, женщины, дети. Прятавшихся по подвалам забрасывают гранатами. К нему присоединяются несколько красных полков. У красного командования — паника. Открыто говорят: «Любой наш полк мог поднять против нас восстание». Григорьевцы ведут военные действия на огромной территории Украины — Екатеринослав, Черкассы, Белая Церковь, Кременчуг. К ним переходят команды бронепоездов, матросы Очакова, Николаева, Одессы. Красные перебросили дополнительные силы из России и начали наступление. Григорьев утратил инициативу и к началу июня в целом терпит поражение. Его люди разбегаются. Он вступает в контакт с Махно. Но Махно — категорический противник еврейских погромов и идет на объединение с Григорьевым при условии запрета на любое проявление антисемитизма.

Григорьев, едва объединившись с Махно, начинает искать контакты с белыми. По случайности это становится известно Махно, который воюет и против белых, и против красных. И махновцы убивают Григорьева. Вот так выглядит реальная Гражданская война.

11 АПРЕЛЯ

11 апреля 1919 года вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать императора Николая II, покинула Россию. Ее вывезли англичане на линкоре «Мальборо» из Крыма. Эта мудрая 70-летняя датчанка, бывшая женой императора Александра III и уже 25 лет его вдовой, до последнего не соглашалась уезжать из России, в которой и белые, и красные были против монархии.

Два года назад, в марте 1917 года, ей и Крым казался слишком отдаленным и она не хотела туда ехать. Информация об отречении ее сына от престола застала Марию Федоровну в Киеве, где она курировала созданные на ее собственные средства прифронтовые госпитали. Мария Федоровна съездила в Ставку к сыну в Могилев — это была их последняя встреча, и вернулась в Киев, где намеревалась остаться. Но Временное правительство через своего комиссара дало приказ всем Романовым, находившимся в Киеве, срочно выехать в Крым, подальше от бурных событий. Временное правительство считало необходимым обеспечить безопасность членов царской фамилии, но и не желало себе лишних проблем из-за Романовых, которых многие в Киеве называли врагами народа и полагали, что их пребывание вблизи фронта создает опасность для революционной России. Мария Федоровна категорически отказывалась уезжать, говорила, что поедет с сыном в ссылку в Сибирь и пусть ее арестовывают и сажают в тюрьму. В Крым Марию Федоровну и ее беременную дочь Ольгу, сестру царя, везли в поезде под конвоем революционных матросов. Поселили в их имении Ай-Тодор фактически под домашний арест, выходить, выезжать нельзя, телефон отрезан. Письма — можно.

Мария Федоровна писала брату, принцу Вальдемару Датскому: «Можно было, конечно, это предчувствовать, но именно такую ужасную катастрофу предвидеть было нельзя! Как долго играли с огнем!

Одна ошибка следовала за другой... Я никогда не могла представить себе, что нас вышвырнут и что придется жить как беженцы...»

Вскоре из Петрограда приехала большая семья старшей дочери Марии Федоровны Ксении. Кроме того, в имении Чаир приехал великий князь Николай Николаевич с семьей. Он — бывший командующий русской армией, и теперь его считали исключительно опасным и за ним был особый надзор. В имение Кореиз приехала великая княжна Ирина Александровна с дочерью и мужем Феликсом Юсуповым, главным участником убийства Распутина. А также старшие Юсуповы, собственно, хозяева имения Кореиз. И, наконец, в имении Дюльбер поселился с семьей великий князь Петр Николаевич Романов. Вскоре ко всем Романовым пришли с обыском матросы и офицеры революционного Черноморского флота.

Мария Федоровна писала брату: «Половина шестого утра: я была разбужена морским офицером. Прямо у моей кровати он поставил часового и сказал, что я должна встать. Когда я начала протестовать, что не могу сделать это в их присутствии, он вызвал караульную, которая встала у моей постели. Я даже не могла выйти в туалет. 10–12 матросов заполнили мою спальню. Офицер сел за мой письменный стол и стал брать все: мои письма, записки».

При обыске в мешки бросали все подряд, даже Библию Марии Федоровны, которую она давным-давно привезла с собой в Россию из Дании. Старшая дочь Марии Федоровны Ксения писала: «Перед мамой просто стыдно, и что ужасно — это то, что ничем и никак ей не помочь!»

Камергер, бывший губернатор Тифлисской губернии князь Шервашидзе пишет о Марии Федоровне в это время: «Ни одной жалобы на стеснительное, не снисшееся ей положение, в котором она пребывает, спокойное и приветливое выражение...» Денег у Романовых в обрез. Чтобы купить продукты, продают картины и украшения по дешевке. Нет тех, кто мог бы их купить. Сестра Николая II Ольга продала две пары сапог мужа. Купили сливочное масло и радовались.

Но это до Октябрьского переворота. В ноябре 1917 года в Крым пришли красные. Матросы зверствовали. Врывались в дома, насиловали женщин и детей. Матросы ходили в браслетах и кольцах, с напудренными лицами и с жемчужными крадеными бусами на шее.

С Романовыми возникла неопределенность. Большевистская власть в Ялте настаивала на немедленном расстреле всех Романо-

вых, а в Севастополе большевики заявили, что будут ждать решения из Петрограда. Петроград добро на расстрел не давал, рассчитывая поиспользовать членов царской фамилии для дипломатических нужд. Большевики в это время пытаются добиться от Германии сепаратного мира и готовы пойти на любые условия. Потому что для большевиков выход из войны — единственный способ удержать власть. Германские дипломаты свидетельствуют: «Если бы мы настояли на выдаче императора, Россия бы приняла это условие безоговорочно». Но Германия не проявила интереса к судьбе Романовых. После заключения сепаратного мира с большевиками немцы вошли на Украину и в Крым.

Приход немцев означал, что Романовы освобождены, но освобождение им принесла Германия, то есть их противник в мировой войне, к тому же находящийся в сговоре с большевиками. Правда, поведение красных, приставленных к Романовым, при появлении немцев резко изменилось. Охранники моментально забыли, что еще вчера обращались к своим пленникам исключительно «гражданка Романова» или «гражданин Романов», и резко вспомнили обращение с полным титулом

Вскоре прибыл адъютант Вильгельма II с предложением от кайзера: «Германия готова провозгласить российским императором любого из членов императорской фамилии, кто согласится подтвердить Брест-Литовский договор».

Все Романовы отказались, заявив, что никто из них никогда не был предателем. Они действительно никогда не пошли бы по стопам Ленина и Троцкого на сепаратный мир с противником, не предали бы союзников и не пожертвовали бы большими территориями, то есть не подписали бы то, что подписали большевики в Брест-Литовске ради удержания власти. Немцы фактически предлагали Романовым ту же сделку, что в свое время большевикам. Но если германское финансирование поспособствовало Ленину в захвате власти, то Романовым помочь было невозможно ничем. Никто в России в это время не принял бы саму идею монархии и никого из Романовых тем более.

В Крыму Мария Федоровна получила информацию о расстреле сына и внуков. Мария Федоровна профинансировала работу следователя Соколова по поиску останков царской семьи, который подтвердил факт расстрела и варварского уничтожения останков. Но

при этом Мария Федоровна заявила, что не верит в гибель своих родных, будет надеяться на их возвращение, и отказалась от церковного поминовения их как усопших.

Когда Германия проиграла мировую войну, немцы ушли из Крыма. Нежданной удачей для Романовых оказалось одно из условий Компьенского перемирия между странами Антанты и Германией. В соответствии с ним страны-победительницы получили право доступа на территории России, оставленные немцами. Именно поэтому в Крым пришли британские военные корабли. В ином случае помощи Романовым ждать было бы не от кого. От короля Георга V и его матери, королевы Александры, сестры Марии Федоровны, командование британских кораблей имело указание содействовать русским родственникам в случае опасного изменения обстановки. Это изменение не заставило себя долго ждать. В конце марта — начале апреля красные наступали, взяли Одессу, бои шли на Перекопе. Романовы, главным образом Мария Федоровна, медлили до последнего. Собирались в результате наспех. В качестве условия своего отъезда Мария Федоровна потребовала от британцев места на кораблях для желающих покинуть Крым. Корабли были предоставлены, люди на них толпились на палубах, сидели на чемоданах и баулах. Большинство уезжало вообще без вещей, с иконами и фотографиями.

Французский посол в России Морис Палеолог писал о судьбе Романовых: «Одно из самых характерных явлений революции — это абсолютная пустота, мгновенно образовавшаяся вокруг царской семьи. Все гвардейские полки, в том числе и великолепные лейб-казаки, изменили своей присяге и верности... Наконец, произошло всеобщее бегство придворных, всех этих высших офицеров и сановников...»

18 АПРЕЛЯ

18 апреля 1919 года большевистский народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский начал двухдневную серию пропагандистских выступлений в Иваново-Вознесенске. Говорил в относительно узком кругу с членами местного Совета, представителями профсоюзов, с членами райкома партии. Выступал на многолюдных митингах перед рабочими и солдатами. Причем делать это приходи-

лось не один раз в день. Дело в том, что единственным большим залом была столовая бывшей фабрики Гарелина, уже национализированной. Но разом все желающие послушать и посмотреть на московского гостя не вмещались. Людей запускали в зал партиями. Луначарский без усталости обращался к новым и к новым. Он для этого сюда и приехал, его задача была обеспечить в этом районе высокий уровень мобилизации на Восточный фронт. Колчак в марте начал наступление. Большевицкое руководство в связи с этим 10 апреля объявило мобилизацию в Красную армию рабочих и крестьян 1886–1890-х годов рождения на территориях Петроградской, Московской, Иваново-Вознесенской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Тверской и Рязанской губерний. То есть вот это те области, на которые распространяется власть большевиков в стране в апреле 1919 года и здесь развернута мобилизация ввиду угрожающей ситуации с Востока от Колчака. Но в приказе говорится не просто о мобилизации, а о призыве тех рабочих и крестьян, которые не эксплуатируют чужого труда. Это означает, что ситуация настолько угрожающая, что для войны с Колчаком требуются исключительно надежные, социально родные до дынышка, либо нищие, либо распропагандированные большевиками до ненависти, зубовного скрежета, только бы дорваться до пулемета и косить всех подряд. Либо еще члены партии с большим стажем и подчиненные им новообращенные комсомольцы с горящими глазами. Таких в Иваново-Вознесенске по региональным меркам много, потому что этот город известен большевицкими настроениями еще с революции 1905 года. Собственно, Иваново-Вознесенск шел в этом списке третьим после Питера и Москвы. И вот как раз наиболее сознательных от туда и надо было отправить в армию для укрепления рядов и духа. За пополнением прислали Луначарского. Нельзя сказать, что это была лучшая кандидатура, чтобы агитировать рабочих в пользу мобилизации. Месяцем раньше, во время массовых рабочих антибольшевицских волнений в Петрограде, в Рождественский трамвайный парк для улаживания ситуации прибыл как раз Луначарский. На улице было холодно, март, и он приехал в шубе с бобровым воротником. У него с юности была привычка к бобрам. В полицейском донесении много лет назад его описывали: «блондин, выше среднего роста, лицо белое, чистое, одевался в пальто с бобровым воротником».

Так вот, в трамвайном парке он начал агитировать голодных рабочих, говорить им, не голодавшим до революции, что надо все

отдать для помощи Красной армии. А рабочие в ответ кричали: «Барин, снимите шубу».

Но теперь, в апреле, на все губернии для ускорения мобилизации было направлено из Москвы 18 человек. Судя по всему, в узком большевистском кругу больше эффективных не нашли, а ввиду крайне опасной ситуации полагаться можно было на самое ближайшее окружение. К тому же свободных от действий непосредственно на фронте. И в Иванове-Вознесенске, в отличие от трамвайного парка, Луначарский установил контакт с рабочей аудиторией. Об этом вспоминали участники митингов. Без сомнения, отзывы комплиментарны. Но контакт с аудиторией у Луначарского вполне вероятен. Во-первых, на сей раз был апрель и он был без шубы. А во-вторых, Луначарский умел хорошо говорить. Это исторический факт.

Кроме того, он образованный. Первая Киевская гимназия. Цюрихский университет, где слушал курс естествознания и философии. Путешествовал по Европе, долго жил с семьей во Франции и Швейцарии. Знаток западноевропейской литературы, профессиональный литературный обозреватель.

При этом, несмотря на дворянское происхождение, в революционном движении чуть ли не с детства. Еще в гимназии стал членом нелегального общеученического марксистского кружка и был взят на учет полицией. Собственно, поэтому и не смог поступать в университет в России и уехал в Цюрих. А там знакомство с многочисленной русской политической эмиграцией. В России открытая политическая партийная деятельность на тот момент запрещена, и русская политическая жизнь базируются за границей. После возвращения в Россию в 1898 году Луначарский арестован и выслан из Москвы, потом арестован в Киеве, сослан. Вологда, Тотьма. Потом опять в Женеву. Знакомится с Лениным. Опять Россия, арест, бегство за границу. После создания в России Государственной думы, то есть после некоторой возможности открытой легальной партийной борьбы, Луначарский вступает в разногласия с Лениным, создает группу «Вперед!», члены которой убеждены, что социал-демократы не должны присутствовать в такой Думе, которая дозволена Столыпиным и царем. То есть Луначарский чувствует себя левее, радикальнее Ленина.

После Февральской революции приехал в Петроград, оставив семью в Швейцарии. Луначарский везде очень активен. Особенно

это касается культурно-просветительской деятельности. Жене в Швейцарию пишет: «Теперь моя нормальная аудитория — 4000 человек. Всякая зала, в которой я читаю, полна».

Культурно-просветительская работа — это действительно для Луначарского. Правда, ситуация после Октябрьского переворота для него, старого большевика, сразу же порождает конфликт интересов.

В ноябре 1917 года в Петроград донесли слухи, что большевики при вооруженном захвате власти в Москве бомбардировали исторические памятники, в том числе храм Василия Блаженного. Луначарский немедленно подал в отставку с поста наркома просвещения, сопроводив заявлением: «Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Вынести этого я не могу. Остановить ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Моя мера переполнена». Но уже на следующий день подтвердилось вечное правило: мера человека может переполняться, а потом снова как-то незаметно входить в берега. Ровно это произошло с Луначарским. Троцкий иронично писал, что Луначарский пленил милой сговорчивостью в личных отношениях.

Когда члены Совнаркома признали его отставку неуместной, он немедленно отозвал ее. Ленин говорил: «Я к нему питаю слабость, — черт возьми, какие глупые слова «питать слабость!». Я его, знаете ли, люблю, отличный товарищ!»

Луначарский был исключительно полезен в деле умиротворения старой интеллигенции и привлечения ее к сотрудничеству с большевиками. Троцкий писал, что «Луначарский с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не чужды знакомства с культурой... Он читал на полдюжине новых языков и на двух древних и мимоходом обнаруживал столь разностороннюю эрудицию, что ее без труда хватило бы на десяток профессоров».

Луначарский не был новым, большевистским, искусителем для русской интеллигенции. Луначарский не тянул на такой сильный образ, но подмастерьем в этом нечистом деле был. С барственным видом, естественно и легко переходя с языка на язык, щурясь сквозь пенсне, улыбаясь, он просто расставлял мышеловки для образованных людей, которые потеряли работу и еду после Октябрьского переворота. Писатель Леонид Андреев говорил: «...большевизм съел огромное количество образованных людей, уничтожил морально своей системой при-

кармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других из этой свирепой своры».

При этом Луначарский многим помог, содействовал в выезде из Советской России. А когда не мог помочь, то одобрял, поддерживал репрессивные меры. Как в случае с беспощадной высылкой российской профессуры на печально знаменитом «философском пароходе».

Сам он постоянно очень много и разнообразно писал: о Толстом и Марксе, о Спинозе, о Пушкине и современности, о Христе, о марксистской морали, писал пьесы, тексты к театральным программкам, литературные портреты. Тексты диктовал и даже не правил.

В 1923 году выпустил томик под названием «Силуэты», посвященный вождям революции. Сталина в их числе не оказалось, и книгу быстро изъяли из оборота. Луначарский постепенно отходил от дел. С годами становился все более неуместным и ненужным со своей образованностью в новых сталинских бюрократических рядах. Под конец его назначили послом в Испании, но он умер по дороге, во Франции, на курорте в Ментоне. Прекрасная смерть.

26 АПРЕЛЯ

Фрунзе

26 апреля 1919 года Ленин из Москвы телеграфировал члену Реввоенсовета Восточного фронта Гусеву: «Надо принять экстренные меры помощи Чистополью. Достаточно ли внимательно отнеслись Вы к этому? Все ли возможности исчерпаны? Телеграфируйте!»

Чистополь — город на Каме. Когда Ленин направлял телеграмму, он полагал, что красные еще удерживают Чистополь. На самом деле, в этот момент город уже был взят белыми, что создавало непосредственную угрозу для Казани. Это — события, относящиеся к наступлению войск Колчака и к подготовке красного контр наступления на Восточном фронте. Результат этих встречных действий белых и красных станет поворотным в Гражданской войне.

Фронт между двумя непримиримыми российскими военными силами имел протяженность 1400 километров. Огромное пространство. К началу операции силы белых и красных были практически равные.

Согласно стратегическому плану ставки Колчака наступление планировалось по двум направлениям. Одно — от Перми, на Вятку и Вологду, на соединение с войсками Северного фронта и с союзниками. Второе — на Самару и Саратов. В случае успеха эти действия должны были перерасти в наступление на Москву с севера, востока и юга. Конечной целью было освобождение Москвы. Вопрос о соединении на южном направлении с войсками Деникина оставался нерешенным. Колчак не проявлял активного интереса к созданию общего фронта с Деникиным.

Белое наступление пошло с начала марта и было на редкость успешным и в марте, и в апреле. Красные переходили на сторону белых целыми подразделениями. Пленные красноармейцы также добровольно вступали в белую армию. А пленных было много. Только в бою за городок Сарапул 11 апреля белые взяли в плен две с половиной тысячи красных.

Когда Ленин телеграфировал 26 апреля по поводу ситуации в Чистополе, белым до Казани оставалось 100 верст, а Волга была уже в 40 верстах. Потом наступление белых замедлилось. Оно имело название «Полет к Волге», действительно было быстрым и продолжительным и не могло не начать выдыхаться. Плюс началась весенняя распутица, обозы и артиллерия не поспевали за стремительнодвигающимися частями. Вследствие этого красные получили передышку. Еще в середине апреля успехи белых заставили большевистское командование создать особое войсковое соединение на Восточном фронте, получившее название «Южная группа». Командовать ею назначен Михаил Фрунзе, начальником штаба — бывший царский генерал Новицкий. До этого Фрунзе с января 1919 года командовал 4-й армией Восточного фронта, причем на момент назначения он был никому не известен и до 4-й армии никакими крупными воинскими соединениями не командовал. Он вообще не был военным. А после Октябрьского переворота проявил себя как эффективный и жесткий организатор мобилизации бойцов в Красную армию. О его редких стратегических талантах никто не знал. Но именно он станет автором идеи контрудара во фланг и тыл наступающих сил Колчака, он успешно проведет эту операцию, и стратегическая инициатива перейдет к Красной армии.

Огромное пространство боевых действий ставило и перед красными, и перед белыми две острые задачи. Во-первых, необходимость постоянного притока свежих сил. И, во-вторых, контроль за

настроениями во фронтовом тылу. Фрунзе оказался в этом смысле исключительно технологичен. Он не рефлексировал. Если в Самарской и Симбирской губерниях крестьяне пребывают в отчаянии от того, что у них продотряды отнимают весь хлеб, и вследствие этого поднялись на восстания в тылу у красных войск, то эти восстания надо быстро и организованно задавить. Бунтующие крестьяне — техническая помеха, ее надо убрать. Иначе ему, Фрунзе, будет сложно добиваться победы на фронте.

Поэтому был быстро создан военно-полевой штаб и карательный отряд в 1200 человек. И его усилили дополнительными частями. Руководство этим делом Фрунзе возложил на комиссара штаба своей 4-й армии. И спокойствие в тылу было обеспечено.

Фрунзе получил войска без дисциплины. Но он оказался виртуозом по части приведения этих войск в боеспособное состояние. Начштаба Новицкий вспоминал: «Быстро сгонялись в глубокий тыл те красные полки, у которых наглухо схлопнулись боевые крылья. Туда, где теплилась надежда, вливали свежие роты, ставили новых командиров, вели из тыла в строй отряды большевиков. С других фронтов перекидывали ядерные части. Гнали пулеметы и продовольствие, которое силой отняли у крестьян. Все для фронта! Этот страшный лозунг проводили в жизнь железной рукой».

28 апреля 1919 года приказом по войскам Южной группы были организованы заградительные отряды для борьбы с дезертирством. Они состояли из присланных городских убежденных большевиков, которых вооружили пулеметами. Кроме того, Фрунзе часто лично ходил в бой. По частям тогда немедленно разносилось: «Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи!» И красные бойцы шли в бой слепо и озверело.

Фрунзе вызывал неприязнь у Тухачевского, бывшего царского офицера, а ныне красного командарма. Тухачевский был крайне амбициозен, а его армия оказалась в подчинении у Фрунзе в составе Южной группы войск. Тухачевский подавал рапорты-жалобы наркомвоенмору Троцкому. У самого Троцкого также было сложное отношение к Фрунзе, так как тот связывался напрямую с Лениным и вообще был человеком Ленина. Троцкий даже предпринял попытку отстранить Фрунзе от должности накануне контрнаступления. Но безуспешно.

Впоследствии Тухачевский признает: «Фрунзе ни разу не имел неуспеха». И это будет чистой правдой. Потому что Фрунзе будет победителем Колчака, покорителем Туркестана, автором победы над Врангелем.

А ведь никакого Фрунзе в 1919 году могло вовсе не быть. Его могли повесить в 1909-м. Тогда он, уроженец города Пишпека, студент Петербургского Политехнического института, под впечатлением от событий революции 1905 года включился в общественную борьбу. Настолько активно, что в 1906 году оказался уже в Стокгольме на съезде РСДРП с Лениным. А в 1907-м во главе 17 боевиков Михаил Фрунзе захватил частную типографию в городе Шуе, взял рабочих в заложники и заставил отпечатать большевистские листовки. Дело прошло успешно, но позже Фрунзе арестовали, нашли оружие, боеприпасы, листовки. Кроме принадлежности к боевой организации, инкриминировали попытку убить полицейского. Отправили во Владимирский централ, в 1909-м приговорили к повешению, отправили дело на пересмотр и повторно приговорили к повешению. От большевистской партии были представлены адвокаты, но спасла Фрунзе сестра.

Сестра Фрунзе обратилась с письмом к преподавателю Санкт-Петербургского университета и Петербургского Политехнического института профессору Ковалевскому. Он очень авторитетный член Думы, член Государственного Совета. Сестра Фрунзе просила профессора Ковалевского заступиться за брата студента экономического факультета Политехнического института. Профессор Ковалевский ознакомил с письмом своих коллег, в результате было составлено прошение на имя командующего войсками Московского округа, в подчинении которого были военно-полевые суды. Второе письмо направили в адрес премьер-министра Столыпина. Кроме того, сестра Фрунзе лично пошла на прием к командующему Московским округом. Он ее принял, выслушал и заменил смертную казнь на шесть лет каторги.

Ни профессор Ковалевский, ни командующий Московским военным округом, ни премьер-министр Столыпин не знали, какой стратегический талант они сохранили для российской истории.

4 МАЯ

Крым

4 мая 1919 года состоялось первое заседание Совета Народных Комиссаров Крыма. Это правительство в период второго пришествия красных в Крым. Первое было в 1918 году, до марта, потом

в Крыму были немцы, потом англичане с французами, а в середине апреля 1919 года опять пришли красные. Продержались два с половиной месяца. Правительство Крыма возглавлял брат Ленина Дмитрий Ульянов. Он врач, в Крыму жил и работал давно. С 1911 года был санитарным врачом в Феодосийском уезде, а с февраля 1917 года — в Евпаторийском.

Земский деятель Владимир Оболенский, живший в это время в Крыму, в своих мемуарах писал о Дмитрие Ульянове, который был тем, что называлось «провинциальный русский земский доктор»: «Он никогда не высказывал своих политических взглядов и был известен как добродушный человек и пьяница... Ульянов сохранил свои качества и недостатки на посту председателя Совнаркома».

Дмитрий Ульянов в начале мая 1919 года писал в Москву сестре: «Дорогая Маня, в конце апреля меня перетащили в Симферополь... и я должен был остаться наркомом здравоохранения. Затем приехали Каменев, Ворошилов и другие, и мы имели несколько частных организационных заседаний по составу Крымского Совнаркома». Дмитрий Ульянов упоминает члена Политбюро Льва Каменева, который с середины апреля передвигался по Украине во главе целой экспедиции под названием «Поезд Каменева». Целью этой экспедиции были хлебозаготовки для городов Центральной России. Сначала пытались взять хлеб в Поволжье, но не получилось ввиду начала наступления Колчака. Оставалась Украина. Ленин тогда писал наркому продовольствия Украины Шлихтеру: «Если не подвезете хлеб — мы околеем все».

Во время кампании по заготовке хлеба Каменев пять дней пробыл в Крыму как раз в момент формирования местного правительства. Конкретно Каменев был обеспокоен перспективой назначения главой правительства Павла Дыбенко, командующего войсками, взявшими тогда Крым. Высокий темноглазый красавец, дикий, пьяный, готовый расстреливать всех и каждого. Бойцы Дыбенко просто творили беспредел. Якобы для нужд армии они конфисковывали все подряд, продукты, заготовленные для населения, забирали себе. Хватали людей на улицах и отправляли на бессмысленные и унижительные так называемые общественные работы. Женщин гнали на мытье солдатских сортиров. Ленин против назначения Дыбенко, из Москвы телеграфировал в Крым: «Отобрать у него подписку о беспрекословном подчинении указаниям общего военного командования и указаниям ЦК».

На должность главы Крымского правительства перебирали самые разные кандидатуры. Дмитрий Ульянов в письме сестре в Москву пишет: «Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас. У меня самочувствие великолепное, работа бодрит. Крепко целую тебя, Аню и Володю, привет Надежде Константиновне». Неожиданно мирные, человеческие слова, как будто из другой жизни без Гражданской войны.

Оболенский вспоминал о Дмитрие Ульянове: «Властности никакой не проявлял, но как добродушный человек всегда заступался перед чрезвычайкой за всех, за кого его просили». В смысле сохранения человеческого облика, судя по всему, компанию Дмитрию Ульянову в правительстве составляют два человека — Евгения Романовна Багатурьянц и Павел Иванович Новицкий. Он выпускник Петербургского университета, литератор. Она дочь статского советника, известного армянского просветителя, выпускница Высших женских политехнических курсов в Петербурге, химик. Оба, и Новицкий, и Багатурьянц, с большим революционным стажем. Оба с исключительно самостоятельной позицией. Она с апреля 1919 года в Крыму возглавляла Симферопольский ревком — местный орган власти, который сохранял независимость и от Москвы, и от Киева. Глава Ревкома, известная тогда под своим подпольным псевдонимом Лаура, отвечала за организацию повседневной жизни, была равнодушна к митинговой активности, не была лично жестока и за многих заступалась.

В крымском правительстве Багатурьянц и Новицкий получили должности в Наркомате просвещения. Наркомом просвещения, естественно, был матрос. В оригинале крестьянин, кузнец из Пермской губернии Иван Назукин. По инициативе Новицкого 4 мая 1919 года на первом заседании Крымского Совнаркома национальным достоянием был объявлен Дом Чехова в Ялте. А сестра Чехова, Мария Павловна, была утверждена его пожизненной хранительницей.

Это позитивное решение, в особенности в реалиях весны 1919 года, когда красная власть в лице большинства своих функционеров несет в себе разбой, грабеж, конфискацию всего подряд и полное пренебрежение к культурным ценностям. Официальное решение сохранить чеховский дом — исключительная удача.

С другой стороны, объявление этого дома национальным достоянием несколько запоздало, потому что он стал таковым на сле-

дующий год после смерти Чехова. А он умер в 1904 году. И его сестра, Мария Павловна, которая посвятила свою жизнь великому брату, практически сразу открыла дом для свободного посещения поклонников творчества Чехова, и это превратилось в настоящее паломничество.

Чехов не оставил завещания. В феврале 1905 года состоялось заседание Московского окружного суда, на котором братья Чехова и его вдова отказались от своих долей наследства в пользу Марии Павловны. И непосредственно с тех пор она уже выполняла функции хранительницы дома и архива. В дореволюционные годы семья Чехова намеревалась открыть музеи в Ялте и в Москве, вели переговоры с Румянцевским музеем, будущей библиотекой Ленина, — собирались передать туда архив писателя, который Мария Павловна хранила в сейфах банка братьев Джамгаровых в Москве на Кузнецом мосту.

Однако вскоре после Октябрьского переворота, в 1918 году, в отсутствие Марии Павловны сейфы с личным имуществом и чеховскими бумагами были вскрыты и все содержимое национализировано. То есть Марию Павловну Чехову раскулачили, лишив сколь бесценного, столь и имевшего большую реальную стоимость чеховского архива, унаследованного сестрой от брата. Про золотую цепочку Марии Павловны для лорнета, подаренную Чеховым, орден самого Чехова, золотую медаль отца Чехова и золотые двадцатифранковые монеты, выигранные Чеховым в Монако, и говорить не приходится. Они исчезли.

После Гражданской войны, в 1921 году, Мария Павловна приехала в Москву в Литературный отдел Наркомпроса узнать о судьбе архива Чехова. Позже она вспоминала, как стояла в Наркомпросе, прислонившись к косяку двери и рыдала, когда чиновник выносил пачками бумаги Чехова, изъятые из сейфа. Она говорила ему: «Дайте же мне это, ведь это же мое!» Но он не дал ей даже прикоснуться.

В первый приход красных в Крым в 1918 году также национализировали содержимое ялтинского сейфа Марии Павловны, где были письма Чехова к ней. В 1920 году, когда красные в третий раз пришли в Крым и остались навсегда, в Дом Чехова, объявленный национальным достоянием, девять раз приходили с обысками. К Марии Павловне обращались: «Эй, тетка!» Приводили понятих. Мария Павловна видела, как однажды понятой сунул в карман кусок мыла и ее шляпку.

Забор чеховского сада был проломлен. Местным жителям удобнее, короче, было ходить через сад. Мария Павловна вспоминала, что мимо ее дома в ближайшую деревню Исары людей водили на расстрел.

Красные в 1919 году прибыли в Крым два с половиной месяца.

Глава Симферопольского ревкома Евгения Багатурьянц после прихода белых была арестована, ее допрашивали в контрразведке и предали военно-полевому суду. Но в ее защиту поднялось общественное мнение, люди разных политических убеждений и без политических убеждений, местная небольшевистская пресса. На процесс пришло большое количество свидетелей защиты: врачи, профессура, ректор Крымского университета Гельвиг, писатели Тренев, Сергеев-Ценский, Шмелев, историк античности Деревицкий. Все говорили о ее внимательном отношении к интеллигенции, об охранных грамотах, о человечности в нечеловеческих обстоятельствах. И военно-полевой суд под давлением общественного мнения, которое еще было активным независимым общественным мнением, оправдал Евгению Багатурьянц. Небывалый, штучный случай для Гражданской войны.

Что касается председателя Крымского Совнаркома Дмитрия Ульянова, то он после окончательного прихода красных в Крым в 1920 году и после начала безудержного, ни с чем прежним не сравнимого красного террора, тяжело запил. Земский доктор, брат Ленина Дмитрий Ульянов знал, что это незаменимое средство от страшной действительности.

16 МАЯ

Блюмкин

16 мая 1919 года Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление об освобождении из заключения Якова Григорьевича Блюмкина. В тексте постановления значится: «Ввиду добровольной явки Я.Г. Блюмкина и данного им подробного объяснения обстоятельств убийства германского посла графа Мирбаха президиум постановляет Я.Г. Блюмкина амнистировать». Подпись: секретарь ВЦИК Абель Енукидзе.

Ситуация странная. Яков Блюмкин, начальник секретного отдела ЧК по борьбе с контрреволюцией, а также заведующий отделением по наблюдению за охраной посольств, 6 июля 1918 года среди бела дня убил германского посла Мирбаха. Пришел в посольство с документом за подписью Дзержинского, выстрелил в посла и бежал. Яков Блюмкин состоял членом партии левых эсеров. Но он не скрывал этого, и это никого не смущало в первой половине 1918 года. Членство в эсеровской партии стало крамолой после убийства посла Мирбаха и после дальнейших двухдневных боевых действий в центре Москвы. В советскую историю происшедшее в начале июля 1918 года вошло как «мятеж левых эсеров», который был решительно подавлен большевиками.

Но Яков Блюмкин, стрелявший в посла Мирбаха, в июле 1918 года скрылся. Он был ранен во время покушения в германском посольстве, скрылся у эсеров, затем находился в больнице под большевистским присмотром и бежал. Был приговорен к тюремному сроку заочно.

И вот почти год спустя, в апреле 1919 года, Блюмкин заявляется в Киеве в ЧК и лично предается в руки большевистского правосудия. Начинается следствие. Блюмкин не отрицает свое участие в убийстве Мирбаха и не раскаивается. Он говорит, что был противником сепаратного Брестского мира, который большевики заключили с Германией, и был уверен, что убийство германского посла заставит Германию отказаться от мира с большевиками, и тогда начнется настоящая революционная война без всяких компромиссов с любыми империалистами. Он утверждает, что по-прежнему состоит в партии левых эсеров, по-прежнему является приверженцем индивидуального террора, но хочет своей явкой в ЧК снять подозрения в адрес эсеров, так как никакого мятежа в июле 1918 года не было, а просто ЦК партии левых эсеров отказался выдавать его, Якова Блюмкина, большевикам и те начали боевые действия, а эсеры держали оборону. Но теперь он, Яков Блюмкин, не может больше скрываться в подполье и следует принять во внимание его «горячее желание реально работать в пользу революции».

И Особая следственная комиссия по согласованию с Президиумом ВЦИК и, очевидно, с Дзержинским, решила амнистировать Блюмкина.

Он молодой человек с бешеной энергией, авантюрными наклонностями и неординарными способностями. Из Одессы, из многодет-

ной еврейской семьи. В детстве и ранней юности его кумир — знаменитый одесский налетчик Мишка Япончик. Братья Якова Блюмкина — журналисты местных газет, анархисты по взглядам, сестра — социал-демократка. Сам Яков Блюмкин после пяти классов еврейской школы вышел со знанием иврита, идиша и русского. Поучился в техническом училище. В 17 лет общался с анархистами, потом вступил в эсеровскую партию. Работал где попало, писал стихи. Как агитатор за выборы в Учредительное собрание поехал по стране. В январе 1918 года в Одессе участвует в формировании революционного отряда из люмпенов и матросов. В марте 1918 года становится начальником штаба 3-й Украинской советской одесской армии. Армия вскоре распадается на мелкие отряды, а Блюмкин занимается реквизицией продовольствия у крестьян и денег в банках, попросту говоря, разбоем. Под угрозой ареста возвращает в банк три с половиной миллиона. Но часть денег все-таки исчезает в неизвестном направлении. А потом Блюмкин приезжает в Москву и возглавляет охрану ЦК партии левых эсеров.

Вполне вероятно, что карьера Блюмкина в ЧК началась вследствие его денежных махинаций еще в бытность начштабом 3-й одесской советской армии. Его поймали на воровстве, завербовали, а дальше он пришелся ко двору. Вообще революция, Гражданская война — время самых причудливых и головокружительных карьер.

В мае 1918 года Блюмкин с ходу оказывается ЧК начальником отдела по борьбе с контрреволюцией ЧК. И в таком качестве убивает германского посла Мирбаха. По одной из трактовок, это убийство не было эпизодом левозеровского мятежа. А было рискованной акцией большевиков в целях последующего устранения левых эсеров с политической арены.

По некоторой информации, после убийства Мирбаха Дзержинский использовал Блюмкина на Украине, где тот развивал активную деятельность в эсеровской среде и участвовал в подготовке убийства гетмана Скоропадского, но теракт сорвался из-за неисправности бомбы.

После явки Блюмкина с повинной в Киевскую ЧК и амнистирования 16 мая 1919 года его оставляют в Киеве, где царит неразбериха и где в это время действует множество партий, к которым ЧК испытывает интерес. Блюмкин — эффективный провокатор, сдает многих. Но явно не дотягивает до планки Азефа, знаменитого доре-

волюционного провокатора, служившего одновременно в охране и в боевой организации эсеров. Причем Азеф принимал личное участие в организации терактов, которые иногда завершались успехом. Азеф делал это для правдоподобности своей роли, это был его многолетний стиль работы. Блюмкина левые эсеры раскрыли быстро. На него было три покушения, спасся чудом.

Уехал из Киева. В Москве получил задание возглавить группу для убийства Колчака. Но план не осуществили. Блюмкина направляют для террористической и разведывательной работы в тылу денкинских войск. Затем зачислят в слушатели Академии Генштаба на восточный факультет. То есть из него начинают делать дипломата-востоковеда. Параллельно с учебой Блюмкину поручена слежка за московскими писателями и поэтами. Он становится своим в их кругу, не скрывая, а даже щеголяя своей чекистской службой. Маяковский, Есенин, Ходасевич часто едят и пьют на казенные деньги Блюмкина. Он даже выручает их, если вдруг к ним возникают в ЧК претензии.

С учебой в академии постоянно приходится совмещать и командировки. Одна была на север Ирана в провозглашенную там Гилянскую Советскую Республику. Блюмкин пробыл там четыре месяца. Организовал замену одного хана-лидера на другого, контролировал местные вооруженные силы.

Был отозван в Москву и направлен в Крым, где после поражения Врангеля решено было провести расправу с белыми офицерами, которым была сначала обещана жизнь и они не покинули Россию. Это был самый страшный красный террор времен Гражданской войны. Арестовывали, стреляли, вешали десятками тысяч. Вешали прямо на улицах городов на деревьях, на фонарях. Убивали раненых в лазаретах. Вот все это курировал Блюмкин.

Дальше его перебрасывают в чине комбрига в Поволжье для подавления крестьянских бунтов.

Академию Блюмкин окончил с неплохим знанием турецкого, арабского, китайского, монгольского языков. Он становится личным секретарем Троцкого. Блюмкин вообще человек Троцкого.

Службу в органах он не прекращает и вскоре становится резидентом в Палестине, но терпит провал. Его перекидывают в Тбилиси представителем ОГПУ в Закавказье для борьбы с политической оппозицией. Оттуда он на время отрывается на задания в Афганистан и в Индию.

Но тут ОГПУ начинает проявлять особый интерес к оккультизму, к способам особого воздействия на большие массы людей. И Блюмкина с экспедицией Николая Рериха командируют в Тибет на поиски легендарной Шамбалы, в которой усматривают энергетический центр мирового господства. Попутно Блюмкину поручено вести разведывательную работу в отношении британских планов в регионе.

Потом он в Монголии, создает там местную ЧК. Дальше руководит всей советской агентурной сетью на Ближнем Востоке. Сам под видом персидского купца, торгующего древними еврейскими рукописями, курсирует по странам, налаживая агентурные связи. Конечная цель — поднять общее восстание против англичан и французов.

В 1929 году, возвращаясь с Ближнего Востока, Блюмкин в Стамбуле встретился с Троцким, который в СССР уже был объявлен главным оппозиционером, врагом народа и выслан из страны.

Встреча с Троцким стала финалом карьеры Блюмкина. Он арестован и расстрелян в 29 лет. Троцкий о Блюмкине вспоминал с теплотой, писал: «Революция избирает себе молодых любовников». Сталинский восточный деспотический режим предпочитал внухов.

24 МАЯ

24 мая 1919 года в Гельсингфорсе, то есть в Хельсинки, создается орган гражданской и политической власти при командующем северо-западными вооруженными силами генерал-лейтенанте Николае Николаевиче Юдениче. Этот орган власти аналогичен тому, что существовал на Юге России при генерале Деникине. И название то же — Политическое Сопровождение. Состоит из пяти человек, назначенных Юденичем. Карташев — историк церкви, последний обер-прокурор Синода, кадет по взглядам. Кузьмин-Караваев — юрист, общественный деятель, по взглядам близкий к кадетам. Кондзеровский и Данилевский — профессиональные военные. Лионозов — нефтепромышленник, меценат.

Такой прообраз правительства при авторитарной роли его главы, что объясняется условиями военного времени.

Острая необходимость в органе гражданской власти возникла в связи с началом наступления Северного белого добровольческо-

го корпуса с целью захвата у большевиков Петрограда. С 13 по 28 мая Северный корпус взял Нарву, Гдов, Ямбург, Псков и вышел к Гатчине, Ропше и Ораниенбауму. Численность корпуса составляла пять с половиной тысяч человек и в четыре раза уступала силам красных на этом направлении. В составе Северного корпуса — российские генералы, офицеры и рядовые, еще в 1918 году оказавшиеся в силу разных обстоятельств на территории Эстонии, формально вошедшие в состав эстонской армии и жившие на ее счет. Их бездействие уже вызывало в Эстонии вопросы вплоть до требования разоружить русских.

В успех наступления малочисленного русского контингента мало кто верил. Но запал, дух этой операции, по быстроте походившей на налет, очень напомнил отчаянные первые походы Добровольческой армии на Кубани в 1918 году. Бешеная энергетика. Много офицеров, солдаты были настоящими добровольцами. Много гимназистов, студентов.

Успеху способствовали антибольшевистские настроения крестьян северо-запада, которые озверели от конфискации хлеба и поголовной мобилизации в Красную армию. Некоторые красные части в полном составе переходили к белым. Хотя это имело обратную сторону. Участник событий генерал-майор Ярославцев вспоминал: «Бесперывные бои не дают разобраться в поступающем людском материале. В результате чего начинаются распущенность, грабежи, неисполнение боевых приказов». И по мере этого наступления у белых на отвоеванных у большевиков территориях образуется тыл, где должна быть организована жизнь. Вот это как раз и входит в обязанности Политического Сопещания.

Члены Политического Сопещания позже в совместном тексте в сентябре 1919 года напишут: «Исключительный успех натиска Северного корпуса создал самые крайние затруднения в гражданской жизни освобожденных местностей. Административный аппарат не был заранее подготовлен. Приходилось немедленно назначать должностных лиц. Политические задачи минуты преследовались неумело, все сводилось к жестокости и превышению должностных полномочий». И главное — полное отсутствие денег и зависимость от Эстонии в отношении продовольствия.

А так как Политическое Сопещание — при главнокомандующем генерале Юдениче, то и вся ответственность на нем. Именно

он, генерал Юденич, занимался поиском денег и еды и для населения, и для армии.

Николай Николаевич Юденич — всемирно признанный герой Первой мировой войны. Пожалуй, самый успешный из командующих русскими армиями. Перед Первой мировой войной он — начальник штаба Кавказского округа. Он концентрирует вокруг себя молодых профессионалов. Создает самостоятельное оперативное и разведывательное подразделение, многие вероятные операции разрабатываются заранее.

В войну генерал Юденич проявляет исключительную решимость и самостоятельность: Вплоть до требования отмены приказов, поступивших сверху. Юденич — автор победы против турок в Саракмышской операции.

Он становится командующим Кавказской армией. Он берет мощно укрепленный Эрзерум, стратегический оплот Турции, что позволяет развивать дальнейший военный успех стран Антанты. Именно победные действия армии Юденича имели принципиальное политическое продолжение. Союзники по Антанте удовлетворили требование России о том, что «город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл будут впредь включены в состав Российской империи».

То есть успех армии генерала Юденича как никогда приблизил осуществление геополитической мечты русских императоров: русский белый царь в Константинополе и контроль над проливами. Собственно, из-за этой идеи fix Николай II и втянулся в мировую войну. И на этом потерял трон, а Россию, находившуюся на взлете, обрек на хаос.

И теперь, в 1919 году, генерал-лейтенант Юденич, рассчитывая на свой заслуженный авторитет, искал деньги для армии и населения на северо-западе России. До ноября 1918 года он с семьей был в Петрограде на нелегальном положении. Участвовал в деятельности подпольной офицерской организации. Потом перебрался в Финляндию в надежде создать военную основу для похода на Петроград. Искренне надеялся на материальную помощь союзников по Первой мировой войне. Встречался в Стокгольме с представителями правительств Англии и Франции, с их бизнесом. Потом сказал: «Ничего они не дадут!»

Какие-то деньги удалось взять в кредит в финских банках нефтепромышленнику Лионозову. Юденич просил денег из золотого за-

паса у Верховного правителя Колчака. Колчак обещал и через британский банк перевел половину суммы. Юденич просил на белое дело у Деникина: «Я обращаюсь к Вам с просьбой — помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств — я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались. Убедите наших представителей в Париже, убедите союзников, сообщите — я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело».

В Финляндии у Юденича не было никаких готовых военных частей. Именно поэтому в мае 1919 года наступление вел Северный корпус, сформированный в Эстонии. Юденич вел переговоры с бывшим генерал-лейтенантом царской армии, а ныне фактическим главой Финляндии Карлом Густавом Маннергеймом. Без преувеличения можно сказать, что исход этих переговоров в значительной мере определил итог Гражданской войны.

Маннергейм свою позицию внятно сформулировал и официально, и в частной переписке: «Большевики — безусловное зло. Совершить рыцарский поступок — освободить Петроград силами финской армии и создать этим исходную основу для будущих хороших отношений. Относительно малыми силами мы сможем обезопасить нашей молодой республике спокойное и счастливое будущее».

Главное, что волнует Маннергейма, — это Финляндия и ее независимость. По мотивам переговоров с Маннергеймом генерал Юденич телеграфировал в Париж министру Колчака и Деникина по иностранным делам Сазонову: «Финны согласны оказать вооруженную помощь в борьбе с большевиками на следующих условиях: Восточная Карелия присоединяется к Финляндии, железная дорога на Мурманск остается в русских руках. Финны получают выход к Ледовитому океану у Печенеги. Финны считают, что имеют право на эту территорию, как обещанную им еще Александром II в обмен на Сестрорецк». Сазонов ответил: «Политические переговоры с Финляндией должны вестись в Париже».

Была переписка Юденича с Колчаком как Верховным правителем. Колчак одобрял участие финнов в походе на Петроград, обещал дать им денег. Но в конце добавил: «По вопросу о наших политических отношениях с Финляндией считаем, что признание государственной независимости Финляндии может исходить только от Учредительного собрания». Все. Точка. Это фактический отказ от военной помощи Маннергейма, которая могла бы поспособствовать

взятию Петрограда белыми. А это, в свою очередь, не могло не придать дополнительный импульс наступлению Деникина на Москву, которое как раз начиналось в это время.

Белые генералы, лично храбрые, многие погибшие, были, в отличие от Ленина и Троцкого, категорически непригодны для политического маневра в обстоятельствах Гражданской войны. Они были стиснуты двумя идеями. Одной старой — идеей единой и неделимой России в границах уже несуществующей Российской империи. А вторая их идея была новая. Вот победим — соберем Учредительное собрание, и оно демократическим путем все решит. А до тех пор ничего «не предрешено».

Генерал Юденич лично готов был к соглашению с Маннергеймом. Но в отличие от ситуации на фронте Первой мировой Юденич не оспорил спущенный сверху приказ и не решился на самостоятельные действия.

Хотя, казалось бы, Сазонов — далеко в Париже. А Колчак — еще дальше — в Омске. И субординация очень условна.

Русские генералы с их идеей единой и неделимой России считали: дать согласие на независимость Финляндии — значит торговать Родиной. Генералы не знали, что, помимо их желаний, шел неудержимый развал империи.

30 МАЯ

Деникин и Колчак .

30 мая 1919 года командующий Вооруженными силами Юга России генерал Антон Иванович Деникин заявил о своем подчинении Верховной власти Верховного правителя России адмирала Колчака. Генерал Юденич, командующий белыми силами на северо-западе России, к этому времени также заявил о подчинении Колчаку. То есть у белых обозначился реальный шанс на образование в России единого национального правительства.

Деникин в своих воспоминаниях, в «Очерках русской смуты», пишет, что вопрос о подчинении Колчаку был решен им давно и многие об этом знали. Они с Колчаком лично никогда не встречались, но Деникин считал Колчака человеком умным, смелым и бла-

городным. Сам Деникин претензий на общероссийскую власть не имел, хотя он стоял у самых истоков белого Добровольческого движения вместе с генералами Алексеевым и Корниловым, он был участником Первого Ледяного похода, когда армия была крохотной, полубосой, но дралась дерзко и отчаянно. Именно Деникину Корнилов незадолго до гибели завещал командование добровольцами.

Теперь, в мае 1919 года, генерал Деникин, командующий войсками Юга России, успешно начал наступление, целью которого было изгнание большевиков из Москвы. Кроме того, этот поход предполагал соединение с наступающими силами Колчака, объединение огромных южных и восточных территорий, свободных от большевиков. Деникин пишет: «Я предполагал при близком, казалось, соединении без торга, без условий объявить армиям о подчинении отныне Верховной власти Верховного правителя Колчака, как об естественном следствии установления с ним связи». Единение антибольшевистских сил не могло не вызвать подъема в армиях и среди антибольшевистски настроенного населения. К тому же именно в это время на Дону шло мощное восстание казаков против красных, и на поддержку им шли силы Донской армии. Казалось, что наступил наконец тот момент, когда казаки, вечно стремящиеся к самостоятельности, и белые вооруженные силы пошли навстречу друг другу. На соединение с восставшими казаками шла конная группа генерала Александра Секретева.

Руководитель трехмесячного казачьего восстания на Дону — Павел Кудинов. В эти дни он в приказе фиксировал, что «дезертирство отсутствует, а настроение у восставших хорошее, бодрое и молодецкое».

Бои шли зверские. Вот один из красноречивых эпизодов. Перемешавшаяся избивающая друг друга толпа казаков и красноармейцев покатила обратно к Дону. Красная 1-я рота, пополненная недавно китайцами, была сброшена в воду, оставив на берегу человек 30 раненых. Прикрывавший их пулеметчик китаец бил длинными очередями, прижимал повстанцев к земле, пока не кончились патроны. Потом казаки поднялись в атаку, раненые — в контратаку, их всех перебили, а тела сбросили в Дон...

Ленин и Троцкий в это время пребывали в крайне взвинченном состоянии. Троцкий, перемещаясь по Южному фронту, лично занят подавлением казачьего восстания. Троцкий телеграфирует Ленину:

«Ликвидация восстания затянулась, несомненно, из-за полного отсутствия энергии местного командования. Разложение наших полков зашло достаточно глубоко. Необходимо в короткий срок достигнуть перелома настроения».

Троцкий разъясняет: «...органы снабжения оказались совершенно не приспособлены: ничто не было подготовлено, много солдат ходят босиком».

Ленин телеграфирует Троцкому: «Что именно предпринято для большей энергии подавления восстания, когда можно надеяться кончить?» Троцкий отвечает: «Главной задачей остается перелом настроения. Для этого необходимы заградительные отряды из коммунистов». Конница Секретева переправилась на левый берег Дона и передала восставшим казакам 50 000 патронов. Кольцо, сжимавшее повстанцев, было прорвано. Вскоре белые части генерала Секретева соединились с восставшими казаками.

В газете «Донские ведомости» в статье «Ветка сирени» автор не скрывает радости по поводу долгожданного единения казаков и белых: «...живая ниточка так крепко связала с донским казачеством все живые сердца, не потерявшие чувства родины... в те дни в один лад с великим сердцем казачества бились трепетно и судорожно сердца людей, бежавших на юг отовсюду, со всех концов многострадальной России».

Однако, когда Деникин в начале июня соберет у себя атаманов и глав казачьих правительств и будет призывать их идти вместе и признать Верховного правителя в интересах возрождения России, атаманы сошлются на «вековую несправедливость в отношении казаков» и сперва вообще откажутся от переговоров. А затем согласятся на военное главенство Колчака, но устройство гражданской власти на своей территории оставят исключительно за собой. Создание общенационального правительства казаков не интересует.

В конце мая для решения вопроса о подчинении Деникина Колчаку в Екатеринодар приезжала небольшая делегация от «Русского политического совещания» в Париже. Это структура, созданная в конце 1918 года для международного представительства белых правительств Сибири, Юга и Севера России. Приехавшие из Парижа говорили Деникину, что общественное мнение Европы находится под впечатлением от быстрого выхода войск Колчака к Волге. Говорили, что союзные правительства официально признают

Колчака, если он в своем лице объединит всю белую Верховную власть. А официальное признание Всероссийской власти во главе с Колчаком исключит возможность признания западными странами большевистской власти. То есть, на самом деле, приехавшие из Парижа не исключали любых колебаний в позиции Запада, но хотели предотвратить их. Деникин отлично понимал, что шансы на признание Колчака и на западную помощь могут появиться только в случае определенного военного успеха белых армий. Но сам этот успех во многом зависел именно от помощи союзников. То есть это был капкан.

Чуть позже начальник русского отделения в английском министерстве иностранных дел Грегори скажет своему русскому собеседнику: «По моему мнению, признание Колчака действительно необходимо, но премьер-министр Ллойд Джордж не окончательно еще уверен в падении большевиков и не уверен в намерениях русских национальных вождей установить в России демократический режим».

Тем не менее Деникин, как вспоминает, на клочке бумаги 30 мая 1919 года написал приказ № 145 о своем подчинении адмиралу Колчаку: «Безмерными подвигами Добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден Юг России и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского государства и Верховному Главнокомандующему Русских армий. Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России». Подпись: генерал-лейтенант Деникин.

Колчак в ответ прислал телеграмму: «С чувством глубокого волнения приветствую Ваше патриотическое решение, продиктованное Вам истинной государственной мудростью. Ныне Вашим решением Вы подаете пример солдата и гражданина. В великом подвиге служения Вашего России да поможет Вам Бог». Подпись: Верховный правитель адмирал Колчак.

К слову сказать, прямой телеграфной связи у Деникина с Колчаком в Омске не было. Сообщение шло через представительство в Париже.

Реакция на приказ Деникина в белой России была единодушно одобрительной. Все хотели верить, что это выход «из разобщенности и слабости к сплоченности и мощи». Рядовое офицерство, студенчество, союзы городов, земств были в восторге. Деникину шли телеграммы, письма, поздравительные адреса, в которых искренне писали: «С восторгом встречаю зарю светлого русского будущего».

Остановка в наступлении сил Колчака пока казалась просто паузой. А Деникин начинал свое наступление, которое в ближайшие месяцы будет казаться победным.

13 ИЮНЯ

13 июня 1919 года на форте Красная Горка на южном берегу Финского залива началось антибольшевистское восстание. Вследствие наступления белого Северного корпуса и отступления частей Красной 7-й армии форт Красная Горка в начале июня оказался в прифронтовой полосе. 7-я армия пребывала в отчаянном состоянии: голодные, разутые, отступающие под натиском белых, от которых никто, включая их самих, не ждал такого успеха. 12 июня красные 1-й и 2-й Кронштадтские полки и 105-й стрелковый полк, оборонявшие подступы к форту Красная Горка перешли на сторону белых.

На фортах Финского залива на службе состояли бывшие офицеры императорской армии, которые в соответствии с политикой Ленина—Троцкого, кнутом и пряником, были перетянуты на сторону красных. Большинство из них не имели никаких политических убеждений. Некоторые были противниками большевиков, но служили у них за неимением другой работы. И лишь единицы имели контакты с подпольной антисоветской организацией «Национальный центр», действовавшей в том числе и в Петрограде. Сотрудничество с «Национальным центром» было крайне опасным делом. Грозило не только расстрелом самим офицерам, но и их семьях, которые фактически находились на положении заложников.

В планы питерской организации входило восстание на фортах, в Кронштадте, а затем и в самом Петрограде. Этот план тогда не выглядел нереальным. Питер при большевиках голодал целиком, неза-

висимо от классовой принадлежности. Никто раньше и представить не мог, что на город может свалиться такой голод. Поэтому при наступлении белых и восстаниях на фортах Питер, более чем вероятно, поддержал бы антибольшевистское движение.

Кроме того, на фортах и в Кронштадте среди матросов пропагандистскую работу вели эсеры. Плюс в Северо-Западном регионе общее движение поддержали бы крестьяне, которых большевики успели обобрать подчистую.

На форте Красная Горка восстание возглавил комендант форта Николай Неклюдов. В прошлом он поручик царской армии, совсем молодой человек. В Февральскую революцию ему 26 лет. Он тогда вышел к солдатам с красным бантом на шинели. Солдаты, предварительно прямо на плацу застрелив прежнего коменданта, новым комендантом выбрали Неклюдова. Большевики позже переутвердили его на этом посту. Он с рвением выполнял все приказы. Правда, его помощник капитан Лоцилин называл Неклюдова редиской, в том смысле, что он красный снаружи, но белый внутри. А поведение Неклюдова считал элементарным угодничеством перед новым начальством.

Но в июне 1919 года, спустя полтора послереволюционных года, он возглавил антибольшевистское восстание. Причем при полной поддержке и офицерского и рядового состава. Позже глава Петрограда Григорий Зиновьев скажет: «Дней за 10–12 до мятежа мне пришлось беседовать с этим гарнизоном, и я вынес убеждение, что на гарнизон можно рассчитывать. Но весь командный состав Красной Горки, начиная с коменданта и кончая последним офицером, был весь в заговоре против советской власти». То есть Зиновьев не скрывает своего удивления как по поводу самого события, так и по поводу неожиданно массового участия в нем. Скорее всего, готовность к спонтанному восстанию стала неожиданной для самих участников.

События на форте Красная Горка, короткие и неудачные, свидетельствуют о сложном настроении бывших царских офицеров, перешедших на службу к красным. Служба — это средство к существованию, кусок хлеба во время голода. Но убежденности в правоте красной идеи нет, нет фанатизма, без этого нестерпимо воевать против соотечественников. А кроме того, и у белых, включая генералов, и у офицеров, перешедших к красным, неожиданное сильное впечатление оставила идея Учредительного собрания. В своих вос-

поминаниях комендант Красной Горки Неклюдов напишет: «Идея о созыве Учредительного собрания была еще жива в России. Дать правителя стране, назначив его путем свободного голосования, не прибегая к насилью диктатуры, казалась осуществимой». И это соображение в июне 1919 года было еще очень серьезным мотивом для решительных действий.

У рядового состава был свой резон. На митингах рядовые задавали комиссарам свои главные вопросы: «Почему уменьшен паек, когда выдадут табак за январь? Что лучше, тиф или холера? Правда ли, что из Петрограда уже эвакуируют заводы?» Председатель партийного комитета форта матрос Урбан и часть коммунистов приняли сторону восставших.

Восстание было коротким. После перехода полков, оборонявших форт, на сторону белых, после митингов под лозунгом «Хватит братской крови!» Неклюдов ночью 13 июня отдал приказ об аресте коммунистов на территории форта. Никто не отказался выполнять этот приказ. В три часа ночи из Кронштадта прибыл большевистский карательный отряд для укрепления обстановки. Неклюдов об отряде пишет: «Я знал по прошлому опыту, кто были эти люди... В подобные отряды набирались либо слепые фанатики, либо отъявленные негодяи, палачи по призванию, но и те, и другие необыкновенно мужественные, легко идущие на смерть, люди». Их удалось разоружить и арестовать. Когда к арестованным завели их командира, они его избili.

Неклюдов сообщил о свершившемся в форте перевороте начальнику штаба Кронштадтской крепости Рыбалтовскому, кстати, однокласснику поэта Николая Гумилева. Также он послал радиотелеграмму английским судам, находившимся в северной части Финского залива. Неклюдов просил поддержки. Ее не было.

В два часа дня вышедшие из Кронштадта красные дредноуты «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» приступили к обстрелу Красной Горки.

Красная Горка ответила стрельбой по Кронштадту. Но это был разовый эпизод. Неклюдов позже напишет: «У меня не хватило силы воли обстреливать дальше мирный город. Каюсь, но теперь я иного мнения».

Дальше последовала трехдневная артиллерийская дуэль между фортом и кораблями. Все постройки на территории форта были сож-

жены. Повсюду воронки от снарядов, деревья выкорчеваны. Люди ушли в бетонные погреба. Неклюдов вспоминал: «Тела пушек были так раскалены, что страшишься разрыва снаряда в самом дуле. Артиллерийская прислуга работает обнаженной, качаясь от адской жары. И никакой ни от кого помощи нет».

Неклюдов дал приказ об отступлении из форта. Все, что могли, из оружия увезли с собой. Но мысли о том, чтобы при отходе взорвать укрепления, не было. Надеялись, что вернуться. Красные два дня не наступали, считая, что форт заминирован.

Неклюдов пишет: «Лучше было бы все же взорвать, как показали последующие события». Он имеет в виду, что через два года в Кронштадте, который не поддержал его в июне 1919 года, начнется свое знаменитое антибольшевистское восстание. И тогда восставший Кронштадт будут обстреливать с форта Красная Горка.

Подавлением восстания на форте Красная Горка в июне 1919 года руководил Сталин. В телеграмме Ленину 16 июня 1919 года он напишет: «Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что и впредь буду действовать таким образом».

Это важная телеграмма. В том смысле, что Сталин не бросал тогда слов на ветер и действительно до 1941 года оставался уверен, что он может решать военные задачи лучше военных профессионалов. Эта телеграмма в числе прочих документов вошла в сборник под названием «Документы об героической обороне Петрограда в 1919 году». Книжечка посвящена Сталину и вышла в 1941 году, в самом начале Ленинградской блокады. В 1942-м было уже не до воспоминаний о подвигах Сталина в 1919 году.

21 ИЮНЯ

21 июня 1919 года части белой армии Юга России начали бои на подступах к Харькову. С зимы 1917 по июнь 1919 года Харьков был красным, потом под властью гетмана и немцев, потом в Украинской республике, опять красным, а теперь вот-вот должны были войти белые.

Жительница Харькова 13-летняя гимназистка Ирина Кнорринг пишет в дневнике 21 июня: «За последнее время комендант города Саенко особенно жесток. Он расстрелял 197 человек. Их расстреливали у стены нашего дома, так что на стене осталась запекшаяся кровь».

Вот еще более ранние дневниковые записи: «7 января 1919 года: «Ура! Все-таки Рождество. Черт с ними, с большевиками!»

11 апреля 1919 года: «Большевики нашу гимназию реквизируют, будем заниматься в здании реального училища, во второй смене».

15 апреля 1919 года: «Нас выселяют из дома. Будет в нашем доме карательный отряд. Может быть, в наших комнатах будут пытки. Комендант Саенко говорил, что людей расстреливать не будет: пули нужны на войне, а он просто — ножом».

8 июня: «Всех заложников и вообще всех осужденных сегодня поведут на фронт. Харьков объявлен крепостью».

16 июня 1919 года: «Ждут добровольцев. Временами слышна канонада».

Еще из записи 21 июня: «На днях этот Саенко у себя в кабинете на глазах жен зарезал двух офицеров и руки вытер о портьеры».

В эти же июньские дни в Харькове на гастролях находится часть труппы Московского Художественного театра, включая знаменитую Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, вдову Антона Павловича Чехова, и знаменитого Василия Ивановича Качалова. Сначала, весной 1919 года, вся труппа целиком собиралась ехать на сытый и жаркий юг из голодной и холодной Москвы. Это было тогда общее явление, многие театры бежали в надежде на пропитание на юг. Но в результате мхатовцы поехали ограниченным составом с двумя спектаклями, с «Вишневым садом» и «Дядей Ваней», и с двумя концертными программами. Фантастическими усилиями театр выбил железнодорожный вагон. Один вход был забит досками, у второго до отправления стояли бойцы железнодорожной милиции с винтовками и гранатами у пояса. Артистам в целях безопасности было запрещено приближаться к окнам.

Этот вагон был настоящим чудом. Остальные люди, желавшие уехать с Курского вокзала в июне 1919 года, брали поезд штурмом, лезли в окна вагонов, заполняли тамбуры. Усаживались на буфера и, само собой, на крыши вагонов. Через два дня артисты Художественного театра прибыли в Харьков. Поселились в гостинице, которая когда-то была хорошей. В 1919 году в ней была поломанная мебель, свисающие со стен обои, вонь и мухи. Сын Качалова, бывший

в этой поездке с родителями, позже в воспоминаниях напишет: «От мух все было черно и звенело так, что приходилось повышать голос». Он же пишет: «На другое утро после приезда побежали на рынок, и все оказалось так, как рассказывали: милые торговки продавали масло, сметану, творог, мед, яички, белый хлеб, сало. Мы по два раза завтракали, закусывали, подолгу ужинали. За два дня мы все потолстели, порозовели, у нас перестали выпадать волосы. Еда перестала быть в центре внимания и заняла подобающее ей в жизни человека место».

Пошли гастролы. Через две с половиной недели в городе появились признаки приближения белых: на рынке уже отказывались принимать советские деньги, требовали либо царские, либо, как говорили, барахло — одежду, белье, посуду. Красное руководство города уверяло, что вот-вот белые банды будут разбиты. Такой разговор шел еще 21 июня. А на следующий день красные начали эвакуацию. Город видел бесконечные обозы, уходящие из города. Но на вопросы артистов Художественного театра большевистское руководство отвечало: никакой паники, спектакли играть.

В антракте перед вторым действием «Дяди Вани» в Харькове вошли белые. В выгоревших гимнастерках, запыленные, загорелые, в основном офицеры. Шли молча. В следующем антракте три офицера появились на сцене. Один из них сказал: «Город Харьков занят частями Вооруженных сил Юга России. Спектакль будет продолжаться. В городе тишина и порядок. Красные отступили на тридцать-сорок верст». Публика осталась в зале и досмотрела спектакль до конца. Когда актеры возвращались из театра в гостиницу, Харьков был совершенно другим городом: дамы на центральных улицах уже были в белых платьях и больших шляпах, повсюду торговали цветами. Не было видно никаких патрулей. На следующий день весь город стал многоцветным, жители сразу отбросили желание не выделяться из толпы. Стекла витрин были вымыты, а за ними немедленно появились давно исчезнувшие товары: продукты, обувь, посуда, часы. Во всех домах открылись кафе, закусовые, шашлычные, паштетные, сбитые сливки, настоящий украинский борщ, мороженое, бубличные. С лотков торговали домашними бисквитами, леденцами, цукатами, шоколадом. Бабы сидели на ушатах с варениками. При красных главным предметом торговли были семечки, все было в шелухе. С приходом белых семечки исчезли. По слухам,

Деникин запретил продажу и лузганье семечек. Якобы сказал: «Проплевали с семечками всю великую Россию».

В гостинице, где жили актеры Художественного театра, немедленно начался ремонт. То, что вчера было столовой, где оловянные ложки давали под залог документа, превратилось в давно забытый гостиничный ресторан с фарфором, хрусталем, цветами, блюдами, бутылками, выбритыми официантами во фраках и иконой с горячей лампадой на положенном месте.

Спектакли Художественного театра продолжались. После одного из них за кулисы пришел адъютант генерала Кутепова и пригласил «господ артистов первого положения» в «ложу его превосходительства». Книппер-Чехова, Качалов отправились в ложу. Генерал Кутепов был исключительно любезен. Беседа в лучших традициях — светская, пока вдруг Кутепов не заявил, что «кое-кого «из господ артистов, Шаляпина например, и из литераторов — Горького, придется «подвесить на полчаса каждого». При этом генерал продолжал улыбаться.

Шаляпин и Горький, которых зверски с улыбкой помянул Кутепов, в 1919 году действительно находятся в Советской России. Но и Шаляпин, и Горький очень скоро уедут подальше от советской власти в эмиграцию. Горький через десять лет вернется, Шаляпин — никогда.

Качалов, вернувшись после беседы с Кутеповым в гостиницу, превосходно его изобразил.

Через несколько дней в Харькове стало небезопасно ходить по улицам. Дело в том, что после фронтовых, действительно воевавших частей в город прибыли не нюхавшие пороха штабные, адъютанты, интенданты, развязные, наглые, зараженные антисемитизмом. До еврейских погромов не дошло, но к евреям на улицах цеплялись и с ходу били.

Потом в город пришли казаки, в грош не ставившие ни евреев, ни всех штатских. Легко могли рубануть шашкой. В лучшем случае вышвыривали из кресла в парикмахерской человека с намыленным лицом, потому что казаку не пристало ждать в очереди. Ждать — мундир позорить. И штатские отступали. Мхатовцы просили офицера в сопровождение при перемещении по улице в театр.

Казаки приставали к женщинам на улицах, сопровождавших их мужчин били.

Расслабившись, без боев, армия начала грабить. Щеголя украденными часами, смеясь говорили: «От благодарного населения». При этом город был полон слухов, что к 1 августа эта армия будет в Москве. И все в это верили. 18-летний сын Качалова, Вадим, уверенный в неизбежном торжестве революции, мучился и отказывался понимать, как, каким образом эта белая армия сумела оседлать успех наступления против его красных. Переживания сына Качалова были настолько сильны, что он взял и вступил в ряды Деникинской армии. Чтобы изнутри понять, что она собой представляет. Это уникальный случай совмещения Гражданской войны и системы Станиславского.

27 ИЮНЯ

На 27 июня 1919 года приходилась 83-я годовщина со дня открытия военной богадельни для призрения старых и увечных воинов, «которые после отставки от службы не в силах снискать пропитание своими трудами и лишены способов к содержанию». Первоначально при богадельне находилось 16 офицеров и 400 нижних чинов. На содержание ежегодно выделялось 50 тысяч рублей. Попечителем сначала был великий князь Михаил Павлович, брат царя Николая I. А после его смерти попечителем богадельни стал наследник престола цесаревич Александр Николаевич, будущий Александр II. Обитателям богадельни полагалось носить награды, выдавалась специальная форма: у нижних чинов — сюртуки были с погонами, у офицеров — сюртуки с эполетами. На погонах и на эполетах — буквы ЧВБ. Расшифровывается эта аббревиатура как Чесменская военная богадельня. Чесменская — потому что расположена в Чесменском дворце, расширенном и достроенном специально под богадельню. В оригинале Чесменский дворец построен Екатериной II, как путевой дворец для комфортабельного отдыха по дороге из Петербурга в Царское Село. Построен, как водится, на болоте. Финны называли это место «кикерикексен», что в переводе означает «лягушачье болото». Чесменским дворец стал потому, что якобы на 7-й версте Царскосельского тракта гонец сообщил Екатерине II о победе русских над турецким флотом в Чесменской бухте.

После Екатерины дворец подолгу пустовал. В этом дворце в зимней церкви некоторое время стоял гроб с телом Александра I. Промедление с похоронами было связано с декабрьскими событиями 1825 года. Без малого через век сюда же привезли тело убитого Распутина. При Николае II в богадельне состояли 85 инвалидов с женами и детьми, более 400 одиноких инвалидов, 15 вдов инвалидов, 16 офицеров и 20 человек сверх нормы, принятых по специальному разрешению.

До 1917 года богадельня существовала на проценты с капитала, находившегося в Госбанке. После Октябрьского переворота доступ к этим средствам прекратится. Снабжение продуктами и дровами также закончилось. Весной и летом 1918 года те, кто был в силах, устраивали огороды вокруг богадельни.

К осени 1918 года в Петрограде образовалось большое число детей-сирот. Некоторых подселили в богадельню. Зимой многие оставшиеся инвалиды и подселенные к ним сироты умерли от голода и тифа. Оставшихся стариков отправили в дома престарелых. Детей выслали на Урал.

1 июня 1919 года с богадельней для ветеранов было покончено. А в Чесменском дворце открылся первый в советской стране лагерь принудительных работ для женщин. В народе он назывался «Чесменка». Основным контингентом лагеря стали проститутки. 27 июня 1919 года, по совпадению с очередной годовщиной Николаевской богадельни, в «Чесменку» прибыла большая партия арестованных проституток. За полгода через лагерь пройдет порядка шести с половиной тысяч женщин.

В дореволюционной России со времен того же Николая I, с 1844 года, проституция была легализована и регламентирована. За порядок в этой сфере на государственном уровне отвечали как полиция, так и врачи. После Февральской революции общее ощущение неожиданной свободы немедленно дало резкий рост в деле сексуальной коммерции, а медико-административный надзор исчез. Большевики, захватившие власть, оказались в сложной ситуации с проституцией. Однозначный, с ходу запрет сексуальной свободы явно оказался непопулярной мерой у широких народных масс. Прежде всего у молодого пролетариата, который был основным потребителем недорогих проституток. До тщательной разработки законодательства в таком тонком вопросе не доходили руки.

И без проституток у большевиков дел было, как говорится, за гланды. Поэтому решили действовать внезапным путем. Еще в конце 1918 года петроградской милиции начали читать специальный курс по борьбе с проституцией.

Потом пошли локальные приказы по районам Петрограда: «Предложить домовым комитетам немедленно дать списки квартир с девицами и по получении закрыть все квартиры, а с улиц проституток разгонять, арестовывая сопротивляющихся». Затем милиция перешла к облавам, выселению проституток в другие губернии, к препровождению по этапу. Отдел Управления Петросовета информирует об облаве в гостинице «Москва» на углу Невского проспекта и Владимирского, где проделывают свою вакханалию женщины, продающие себя. Гостиницу закрыли, а ее здание передали для нужд Центролагеря принудительных работ. Отлавливали проституток на улицах. Часто брали просто попавшихся под руку женщин. При этом для ареста ни тех, ни других в равной степени не было никаких законных оснований. В Уголовном кодексе на тот момент не было соответствующей статьи. Но этому беззаконию уже в 1918 году придается вид политической необходимости. Лично Ленин 9 августа 1918 года пишет в письме председателю Нижегородского губсовета товарищу Федорову в связи с угрозой контрреволюционного заговора: «...навести тотчас же массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.». Если вспомнить, что Ленин призывал к массовому террору и расстрелу в отношении священников и кулаков, то проститутки в глазах Ленина встают в один ряд классово категорически чуждых элементов. То есть Ленин придерживался того мнения, что профессиональные проститутки, в отличие, скажем, от профессиональных революционеров, живут на нетрудовые доходы. Эту ленинскую мужскую шовинистическую мысль развивают дамы — профессиональные революционерки. Красавица Александра Михайловна Коллонтай писала: «Пока мы будем иметь нетрудовое женское население, существующее на средства мужа или отца, до тех пор будет существовать купля и продажа женских ласк. Поэтому проведение по всей Советской республике в самом срочном порядке обязательных трудовых книжек — один из вернейших способов борьбы с проституцией профессионального типа».

Еще одна знаменитая деятельница международного революционного движения Клара Цеткин говорит: «Возвратить проститутку к производительному труду, найти ей место в общественном хозяйстве — вот к чему сводится дело». И представитель комиссариата внутренних дел Равич в журнале «Коммунистка» писала, что «бороться с проституцией путем морального воздействия на лиц, уже занятых ею, — напрасный труд. Самый верный и сильный удар по проституции — это всеобщий обязательный труд».

В 1919 году при Петроградском Совете существовал подотдел принудительных работ, который возглавлял некий Каплун. Странный такой человек: помогал Блоку и Есенину, был горячим сторонником внедрения крематориев, лично ездил смотреть, как сжигают трупы. Так он в 1919 году написал и опубликовал тезисы под заголовком «К вопросу о борьбе с проституцией», где сообщил, что «нет борьбы с проституцией и ее разновидностями, а есть борьба с женщинами, у которых нет определенных занятий». То есть дело не в проституции, а в проститутках. В тех же тезисах Каплуна сказано: «Проституция не есть профессия в государстве труда».

Летом 1919 года как раз с трудом в государстве было плохо. Высочайшая безработица вследствие большевистского изнасилования экономики, низкие зарплаты при полном обесценивании денег. Мужикам работы нет. Был создан особый Комитет наиболее сознательных проституток по борьбе с проституцией и становлению на трудовой путь. Но работы нет, а есть голод. Угроза смерти от истощения втягивает в проституцию все новых женщин и девочек. Они предлагают себя, плача и умоляя, за кусок хлеба, за кусок мыла.

Новая жизнь предлагает немыслимые раньше ситуации для торговли собственным телом. Рабочий, участвовавший в чекистских операциях в Петрограде, рассказывал: он в составе конвоя вел офицеров к месту расстрела. Жена одного из приговоренных бежала «с отрядом и предлагала каждому пойти с ней, чтобы мужа отпустили. Я отошел с ней в сторону, совершил акт пролетарской справедливости, но мужа все равно расстрелял».

Правда, в июне 1919 года присутствовал один объективный фактор, который работал на сокращение проституции. Это падение спроса. В условиях хаоса, неясности будущего, постоянного стресса и голода падали потенция и интерес к сексуальной стороне жизни. Женщины в надежде хоть что-то заработать стояли на улицах, их

легко отлавливали и увозили. А в конце 1919 года для проституток откроют колонию на станции Разлив. Той самой, знаменитой, где незадолго до Октябрьского переворота Ленин прятался в шалаше.

5 ИЮЛЯ

5 июля 1919 года Александра Коллонтай записывает в дневнике: «Еще новая задача: партия назначила меня наркомом пропаганды Украины». Но дело не в назначении, а в том, что Александра Михайловна Коллонтай — легендарная женщина российского революционного движения, и не только.

Дочь генерала от инфантерии Михаила Домонтовича дворянская барышня Шурочка Домонтович была своевольна и неприступна. Отказывала многим сватавшимся к ней. Из-за нее стрелялись. Она выбрала в мужа Владимира Коллонтая, родила сына, заскучала, завела роман с другом мужа, потом все бросила и уехала в Европу учиться. Там в русской эмигрантской среде познакомилась с профессиональными революционерами, в том числе с Лениным. Вследствие нового романа с экономистом-меньшевиком ненадолго прониклась симпатиями к меньшевизму. В соответствии с веяниями времени и собственными интересами занялась борьбой за равенство полов и свободу женщин. Александра Михайловна Коллонтай — российский символ сексуальной революции и теоретик в этом вопросе. Семья — ненавистный отживший буржуазный институт. Потому что в основе семьи — собственническое чувство. Муж с женой претендуют на владение друг другом. Это угнетение, в особенности угнетается, принижается женщина. В прекрасном будущем этого никогда больше не будет. Новая женщина не нуждается в мужской поддержке, а чувства, душевные переживания легко подчиняет разуму. Что касается полового контакта — это как стакан воды выпить. Хлебнула и пошла дальше к высокой цели. Этот тезис Александры Коллонтай даже приобрел название «теория стакана воды».

Весной 1917 года, когда Коллонтай вернулась в Россию, партия поручила ей большевистскую агитацию на кораблях Балтийского флота. И там, на корабле, она встретила Павла Дыбенко. Он председатель Центробалта, революционной организации флота, но в ори-

гинале он — матрос. Огромный, с черной бородой, с черными блестящими глазами. Она записала в дневнике: «Он стоял, рассеянно оглядываясь вокруг и поигрывая неразлучным огромным револьвером синей стали». Она не могла устоять. И он был сражен. Хотя ему 28, а ей 45. Эта неюная, небольшого роста женщина обладала бешеным темпераментом, который нельзя было скрыть. Она произвела сногшибательное впечатление как на матросов Балтфлота, перед которыми выступала, так и отдельно на Дыбенко. Он отвез ее на катере в порт и с катера на берег перенес на руках.

В июле 1917 года они оба оказались в тюрьме. Он вышел по требованию Центробалта: революционные матросы тогда были страшной силой. За Коллонтай внес денежный залог всемирно знаменитый писатель Максим Горький. После Октябрьского переворота и Коллонтай и Дыбенко вошли в большевистское правительство. Он — нарком по морским делам. Она — нарком призрения. В ее ведении больницы, детские приюты, беспризорники и инвалиды войны.

Троцкий вспоминал: «Двадцатидевятилетний матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближающейся к 46-й годовщине. В партийных кругах на эту тему, несомненно, сплетничали». Поэтесса Зинаида Гиппиус писала о Дыбенко: «Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань». Александра Коллонтай смотрела с иной позиции: «Это человек, у которого преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия. Он — Орел».

Когда его отдали под суд и арестовали за то, что он вместе с красными частями под его командованием бежал с фронта в феврале 1918 года, сдал немцам Нарву, а сбежав, пил и гулял, Коллонтай бегала и просила за Дыбенко. И Ленина, и Крупскую, и Дзержинского. А потом в нарушение всех своих феминистских убеждений предложила Дыбенко пожениться. Чтобы уже официально, в качестве жены, поручиться за него и освободить от ареста. Все холодные теории отступили, она хотела быть с этим мужчиной, и никаких пустых разговоров о подчинении чувства разуму. Она ушла с поста наркома и сбежала вместе с Дыбенко, забыв о партийном долге. На ее личном историческом пути это была однозначная победа сексуальной революции над революцией большевистской. И предельно убедительное доказательство, что секс в Советской России есть. А про стакан воды

могут рассуждать те, кто ничего не смыслит в жизни. Коллонтай так прямо и говорила: «Мы молоды, пока нас любят... Наши отношения всегда были радостью через край, наши расставания были полны мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение пережить полно, горячо, сильно, мощно влекли к Павлу».

Но тут надо вспомнить, что по поводу брака Коллонтай—Дыбенко говорил Ленин. Произошло это, по некоторой информации, в следующих обстоятельствах. Якобы Троцкий за измену делу революции требовал расстрела Дыбенко, а вместе с ним и Коллонтай. На что Ленин ответил: «Я лично считаю, что расстрел для них будет недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к... верности друг другу в течение пяти лет». Есть в этой истории какие-то мотивы из античных мифов, но Ленин как в воду глядел.

В конце июня 1919 года в русле общего наступления войск Деникина белые выдавливали красных из Крыма. Крымская республика в составе Российской Федерации, фактическим главой которой был Дыбенко, а министром пропаганды Коллонтай, прекратила свое существование. Шла эвакуация, точнее, бегство. Инструктор наркомата внутренних дел Крыма Горюнов писал в докладной записке в ЦК РКП(б): «...бегут штабы, лазареты, авточасти, инженерные части. Друг у друга с револьверами в руках отнимают извозчиков, и все на вокзал. На вокзале идет сильный скандал из-за вагонов и эшелонов. «Красные гонят с собой отобранный у крестьян скот, увозят подводами муку и сахар. Солдаты отступающей армии Дыбенко расхищают имущество, которое подлежит эвакуации. Отношение солдат к коммунистам более чем враждебное. Начальство требует дисциплины, самый расхожий приказ — «бейте морды, порите и расстреливайте — только чтобы была дисциплина». Кругом паника. Александра Михайловна Коллонтай пребывает в двух реальностях: Гражданская война и ее отношения с Дыбенко. Причем сложно сказать, какая реальность — первая. В дневнике пишет:

«Никогда бы не поверила, что это может стрястись со мной. Это хуже, чем в самом нелепом, бульварном и пошлом романе.

Павел, как всегда, неожиданно вернулся из военкомата, сказал:

— Сейчас еду на фронт. Собери мои мелочишки, главное, не забудь портфель с бумагами.

Я спешно собираю вещи Павла, укладываю в сумку. Щупаю, нет ли носового платка в кармане френча, и вытаскиваю два письма: одно письмо — женский почерк и подпись — «твоя, неизменно твоя Нина». А другое — начало письма в ответ этой самой Нине, письмо недописанное. Конечно, стараюсь взять себя в руки. Но я сделала маленькую женскую подлость: я переложила оба письма из внутреннего кармана в наружный, пусть заметит, что я их прочитала. И когда он переодевался, он, конечно, это заметил.

Когда машина ушла, я заметила на столе записку Павла: «Шура, я иду в бой, может, не вернусь. Моя жизнь, как и всех нас, нужна республике. Прости меня. Помни, ты для меня единственная. Только тебя люблю. Ты мой ангел, но мы ведь с тобою месяцами врозь. Вечно твой».

Коллонтай продолжает: «Умом понимаю, а сердце, женское сердце, глубоко уязвлено. Главное сознание: неужели Павел разлюбил меня как женщину?.. Трудные, мучительные дни. Боль за республику, злость на интервентов. Где братская рука пролетариев Франции, Англии? В тыл Антанте ударить могли бы. Все во мне кипит, бурлит и мучительно больно за несправедливости в большом и в своем личном. Что это со мною? Ревность? А я-то думала, что во мне атрофировано чувство ревности! Очевидно, это потому, что раньше я всегда умела уйти прежде, чем меня разлюбят».

5 июля в дневнике пишет: «Позади Крым, наше отступление и эта последняя ночь после десанта Деникина, когда озабоченный, но ласковый голос Павла по телефону будил меня со словами: «Можешь еще поспать часок. Мы их крепко взяли».

Но настал час эвакуации... До Киева тащились больше недели, были всякие неизбежные преграды, в Пятихатке и в Никополе стояли долго. Не забыть, как на одной из небольших собраний нам удалось захватить в плен несколько десятков белых. Начальник штаба дивизии Сергеев сказал мне: «Я велел поезду двигаться немедленно, вы не вынесете картину, когда из живых людей делают котлеты». Он был прав. Когда я слышала пулеметный огонь, направленный не против боевой линии, а на пленных, мне стало нехорошо. Странно, когда убивают пленных людей, то просыпаются совсем другие чувства, чем при боях с врагом. Была благодарна, что наш поезд скоро отошел».

5 июля 1919 года, когда Александра Коллонтай добралась до красного Киева, в белом Харькове при большом скоплении народа

проходил парад с участием Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала Деникина. Когда смолкло оглушительное «Ура!», Деникин произнес: «Третьего дня я отдал приказ армиям... — Тут Деникин на мгновение запнулся и закончил: — Наступать на Москву!»

Если бы Александра Михайловна Коллонтай была бы менее влюблена, а была бы более прагматична и двигала Дыбенко по карьерной лестнице, а Дыбенко бы чуть меньше пил, он мог бы из наркома по морским делам вырасти в наркомВОЕНмора.

Революционные матросы поддержали бы, а они тогда были нешуточной силой, чуть что, грозили артиллерийским обстрелом Кремля. И не блефовали.

И, вероятно, Троцкий не оказался бы вовремя на посту наркомвоенмора. И не сколотил бы железной волей Красную армию, не завлек бы в нее бывших царских офицеров. И тогда и у большевиков, и у Деникина дела бы пошли по-другому.

11 ИЮЛЯ

11 июля 1919 года Ленин читал студентам Свердловского Коммунистического университета в Москве лекцию под названием «Государственное право».

Сначала о месте, где была прочитана лекция. Можно сказать, что это происходило в помещении знаменитого Театра Ленком, где играли Янковский, Абдулов, Караченцов и играет великолепная Чурикова. Ленин выступал именно в этом доме на Малой Дмитровке. Но применительно к 1919 году точнее будет сказать, что Ленин читал лекцию в здании бывшего Купеческого клуба. Московское купеческое собрание приобрело владение на улице Малая Дмитровка в 1904 году, снесло все постройки и по проекту архитектора Иванова-Шица, выигравшего тендер, построило Купеческий клуб в стиле модерн с театральным залом. Он стал модным местом для нового образованного, культурного, блестящего поколения русского бизнеса, для тех, кто обеспечивал экономический и культурный рывок России в начале XX века. Сюда хаживали люди с очень громкими именами: Прохоровы, Мамонтовы, Кузнецовы, Боткины, Алексеевы,

Солдатенковы. Сюда же приходила и московская аристократия. Здесь устраивали музыкальные и литературные вечера, приглашали с гастролями театры. С 1907 года был разрешен вход дамам, до этого — только на балы и концерты. Лучшие комнаты отведены под библиотеку. 52 тысячи томов, из них 14 тысяч на иностранных языках. Плюс комплекты газет из разных стран.

Здесь же шла почти круглосуточная карточная игра. Самые высокие ставки по ночам. Если картежники остаются после официального закрытия в два часа ночи — они платят штрафы в пользу клуба, возрастающие каждые полчаса. Регулярно клуб устраивает благотворительные вечера в пользу больных туберкулезом, учителей и учительниц, нуждающихся студентов. В годы мировой войны в помещении клуба Купеческое собрание открыло лазарет. После Октябрьского переворота упразднены и клуб, и Купеческое собрание, и купечество как сословие, и частный бизнес, и частная собственность, а люди, которые имели бизнес, хоть крупный, хоть мелкий, объявлены классовыми врагами. И это свидетельствовало о применении большевиками государственного права так, как они его понимали. Но не только это.

Ленин сразу после переезда из Питера в Москву не смог бы выступить в здании ликвидированного Купеческого клуба со своей лекцией о государственном праве. Дело в том, что вслед за большевистскими лидерами и учреждениями в Москву переместились анархисты, которые были союзниками большевиков по Октябрьскому перевороту. Именно в качестве союзников новой власти анархисты облюбовали себе в Москве 26 отличных, красивых особняков с еще сохранившейся обстановкой. Въехали в них, завезли кучу оружия, пьянствовали, палили по лепным потолкам, все изгадили до полной неузнаваемости. В качестве штаб-квартиры анархисты выбрали здание бывшего Купеческого клуба и назвали свой головной офис Дом анархии.

Большевиков в равной степени не устраивали ни откровенные уголовники в анархистских рядах, ни убежденные сторонники анархистской идеи. Дикие, постоянно вдрызг пьяные бандиты были хороши для большевиков в момент взятия власти в Питере. Они терроризировали город, не боясь крови. Теперь они продолжили разбой на новом месте, в Москве, чем осложнили жизнь новой власти, дополнительно усиливая раздражение населения. Что касается политически убежденных анархистов, то они формировали собственную

вооруженную «Черную гвардию», которая могла составить конкуренцию большевистской Красной гвардии. И вообще большевики потихоньку начинали тяготиться всякими союзниками вообще. По совокупности причин в апреле 1918 года силами ВЧК и солдат с помощью артиллерии и пулеметов с анархистами в Москве было в целом покончено. То есть государственное право было применено новой властью в очередной раз.

В бывший Дом анархии, где над парадным подъездом недавно был растянута легендарный лозунг «Анархия — мать порядка», въехали большевистские курсы агитаторов и инструкторов, вскоре преобразованные в Центральную школу советской и партийной работы, которая затем была переименована в Коммунистический университет имени Свердлова. Через несколько дней после переименования, 11 июля 1919 года, Ленин и прочитал там свою лекцию. Текст этой лекции впервые был опубликован в газете «Правда» спустя 10 лет, в 1929 году. Название лекции «Государственное право» при публикации было изменено. Теперь она называлась просто «О государстве». В 1929 году государство уже не ленинское, а сталинское. Править тексты Ленина может исключительно Сталин. Но в данном случае изменение названия лекции кажется не вполне понятным, потому что оно совершенно не противоречит политической линии самого Сталина.

Ленин поступил совершенно обдуманно, озаглавив свое выступление словосочетанием «Государственное право». Он не назвал лекцию «Правовое государство» и не хотел, и не мог так назвать. Он и не собирался строить правовое государство. Он строил систему, где главная роль будет принадлежать именно государству, а если точнее, руководящей партии, которая вместе со своим карающим органом ВЧК и будет обладать полным и безоговорочным правом на все и всех. И именно об этом Ленин говорил в Свердловском Коммунистическом университете.

В первой трети лекции он четыре раза подчеркнул одну и ту же мысль о том, что вопрос о роли государства, цитирую, «запутан буржуазными учеными и писателями», что «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве», что «ложное учение о государстве пропитало все привычки, все взгляды, всю на-

уку господ буржуазных представителей и что искать настоящую суть дела надо помимо так называемых учений, ухищрений, философских построений, тех разнообразных мнений, которые строят буржуазные ученые».

То есть, во-первых, всякий взгляд, кроме большевистского, — это ложь и обман. Во-вторых, в буржуазном мире много разнообразных мнений — и это вред и затуманивание мозгов. Кроме того, буржуазные ученые и буржуазная пресса ненавидят большевиков. Богатейшие газеты богатейших стран мира на миллионы долларов и фунтов сеют ложь. В том смысле, что большевики — это разбойники, которые душат свободу, народовластие и разогнали Учредительное собрание, всенародно избранные депутаты которого должны были решать судьбу государственного устройства России. А на самом деле всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, парламент — это только пустая форма. И главная беда в том, что эту буржуазную ложь «защищают не только известные лицемеры, ученые и попы, но и массы простых людей, «которые верят в старые предрассудки буржуазной свободы. Но Советская республика отбросила эту буржуазную ложь. Парламент, выборы — это марионетки, куклы. Буржуазное государство — это машина, чтобы угнетать одних другими. И мы, — победно завещал Ленин, — мы, большевики, эту машину отняли у капиталистов, взяли себе. И этой машиной, этой дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию. И лишь тогда мы эту машину отдадим на слом. И тогда не будет государства. Вот точка зрения нашей коммунистической партии».

Это действительно лекция о Государственном праве. Оно и только оно устанавливает единственно правильную точку зрения, отменяет все другие как ложь. Оно определяет, как и против кого использовать аппарат принуждения. Оно презирает выборы и парламенты, объявив их пустышкой.

В свете всего сказанного Сталину не было резона давать Ленинской лекции другое безликое название «О государстве». Вероятно, просто показалось лишним, чуждым, буржуазным само слово «право». Ленин, чисто как юрист, использовал такие словечки. А теперь им не место на первой полосе в газете «Правда».

Что касается аудитории, слушавшей Ленина в 1919 году, то она была безграмотна, разве что читать и писать умела. Эти люди не вни-

кали в слова «парламент, выборы». Они были в восторге от самого Ленина, от пребывания с ним в одном зале. А для Ленина они были только людьми, которые в ближайшие дни уйдут на фронт против наступающего Деникина. В лучшем случае, Ленин видел в них агитаторов, на самом деле они были просто пушечным мясом.

19 ИЮЛЯ

19 июля 1919 года на набережной в белом Новороссийске встретились Всеволод Эмильевич Мейерхольд и Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин. Мейерхольд в то время уже прославленный российский театральный режиссер, хотя его большая слава еще впереди. Бобрищев-Пушкин — известный адвокат, его профиль — политические процессы. В 1913 году он принял участие в акции протеста адвокатов в связи со знаменитым делом Бейлиса, еврея, которого бездоказательно обвинили в ритуальном убийстве русского мальчика. Лучшие люди русской интеллигенции тогда выступали против антисемитского обвинения Бейлиса. Бобрищев-Пушкин был в их числе. После Февральской революции, напротив, был в суде адвокатом Пуришкевича, политика с реакционными и черносотенными взглядами. То есть Бобрищев-Пушкин известен как человек с личными принципами и при этом адвокат, профессионально, как и положено адвокату, защищающий клиента, независимо от его взглядов. Кроме того, Бобрищев-Пушкин пробовал себя в качестве литератора-драматурга. На этом он и познакомился с Мейерхольдом, который решил поставить в Петербурге спектакль по пьесе Бобрищева-Пушкина. Но это было давно, до всех революций. Теперь, 19 июля 1919 года, Бобрищев-Пушкин и Мейерхольд встретились в разгар Гражданской войны на белой территории.

20 июля, или 7 июля по белому календарю, потому что белые жили по старому календарю, Бобрищев-Пушкин в новороссийской газете «Черноморский маяк» опубликовал заметку по поводу своей встречи с Мейерхольдом, в которой написал: «...что думают наши власти об охране населения от большевистской заразы, когда по нашим улицам свободно разгуливает большевистский эмиссар, небезызвестный режиссер Всеволод Мейерхольд».

Заметку Бобрищева-Пушкина вообще-то можно считать доносом. Потому что Всеволод Мейерхольд — великий режиссер, человек театра и руководствовался эмоциями и иллюзиями. Мейерхольд — авангардист в театре и левак в искусстве, но не в политике.

В Петрограде зимой 1918 года он говорил: «Сейчас такой момент истории, когда нельзя ссылаться на свои убеждения, что они мешают принять большевиков». И добавил, что не видит в этом парадоксальном заявлении никакого парадокса. И что он готов участвовать в различных мероприятиях на тему «Интеллигенция и советская власть». Той же позиции тогда придерживался поэт Александр Блок. Но он быстро отошел от нее, ужаснулся происходящему, тяжело заболел, не был выпущен Лениным на лечение, чтоб не болтал лишнего за границей, и умер. Мейерхольд в отличие от Блока сохранял эйфорическое настроение, организовал грандиозное уличное театральное действие в первую годовщину Октябрьского переворота, занял административную должность в театральном ведомстве и даже вступил в большевистскую партию. А весной 1919 года, как только красные заняли Крым, немедленно уехал в санаторий в Ялту.

Военный успех переходит от белых к красным и обратно, никто не знает, как долго удержит ту или иную территорию. Но люди, невзирая на разруху на железных дорогах, на давку в вагонах, грязь, тиф, перемещаются по огромному российскому пространству. Не думая о том, кому, красным или белым, будет принадлежать та точка, в которую им надо попасть. Невзирая на войну. Потому что это особая война. Кругом все свои.

Мейерхольд в санатории был не одинок. Как только красные заняли Крым, на курорты, не заботясь о военных перспективах Красной армии, потянулись многие члены большевистской партии. Но пляж и медицинские процедуры были недолгими. Белые отбили Крым. Всеволод Мейерхольд по морю на фелюге бежал от белых. Но целью побега члена большевистской партии Мейерхольда был белый Новороссийск, в котором при белых проживала его семья, жена и дети. И где он встретился с Бобрищевым-Пушкиным. Тот в 1918 году жил в Петрограде и был в курсе тесных контактов Мейерхольда с большевиками. Бобрищев-Пушкин не знал, что до большевиков, при Временном правительстве, режиссер точно так же вступал в контакт с Борисом Савинковым. В прошлом эсеровским террористом, а после Февральской революции — товарищем,

то есть заместителем военного министра. Логика Мейерхольда была простая: ввиду событий театр находится под угрозой, нужны деньги, деньгами располагает правительство, значит, надо разговаривать с людьми из правительства. Поэтому Мейерхольд, благодаря знакомым, встречается с Савинковым. При этом он говорит: «На те или иные политические тенденции мне наплевать с высокого дерева. Я хочу спасти театр и омолодить его, несмотря на события».

И в июле 1919 года, сбежав из белой Ялты в белый Новороссийск, гениальный режиссер Мейерхольд поглощен исключительно своей новаторской идеей сценического движения. Он намерен зарабатывать ее в Новороссийске, проживая в крохотном съемном домике. Он революционер театра, ему, строго говоря, не до Гражданской войны.

Но Бобрищев-Пушкин смотрит на Мейерхольда как раз с точки зрения Гражданской войны и поэтому в своей заметке в газете «Черноморский маяк» называет его разносчиком большевистской заразы. И Бобрищеву-Пушкину не откажешь в логике.

Мейерхольд два месяца был под надзором белой контрразведки, а в конце сентября его арестовали и отправили в новороссийскую тюрьму.

Если бы раскрылось его членство в большевистской партии, его, вполне вероятно, могли бы расстрелять. Но фактом остается то, что, находясь в тюрьме, Мейерхольд выписывал нужные книги и читал сокамерникам лекции о театре. Аудитория в камере была немалая — 50 человек. Там же, в камере, Мейерхольд и еще один арестованный сыграли сцену из «Бориса Годунова».

Об освобождении Мейерхольда ходатайствовала местная интеллигенция. В Ростове-на-Дону в деникинском штабе за знаменитого режиссера просил композитор Михаил Фабианович Гнесин. Ему удалось выйти на генерала Траилина, отвечавшего за музыкальную часть в Всевеликом войске Донском. Высокообразованный офицер, Траилин был воспитателем детей великого князя Константина Константиновича. Он известен как композитор, автор симфоний, балетов и опер. Теперь Траилин воюет у Деникина, но он поклонник творчества Мейерхольда и делает все, что можно, для освобождения режиссера. Мейерхольда выпускают под залог с условием ежедневной регистрации в местной контрразведке. И он будет проживать в Новороссийске при белых до тех пор, пока не придут красные.

И до тюрьмы, и после Мейерхольд получает много предложений от театров на белой территории, это отражено в его сохранившихся письмах: «Драматический театр в Екатеринодаре просит меня прогастролировать в качестве режиссера. Хочу поставить одну из комедий Оскара Уайльда. Зовут меня в Ялту две кинематографические фирмы — поставить для экрана две-три кинопьесы». Вот такая Гражданская война.

Страшный финал жизни Мейерхольда известен. В СССР у него будет театр, он достигнет мировой славы, а потом его арестуют, будут пытаться, он напишет страшное и отчаянное письмо Молотову, опишет все, что с ним проделывали следователи, а потом его расстреляют, а его жену, красавицу актрису Зинаиду Райх, зверски зарежут.

Судьба визави Мейерхольда Бобрищев-Пушкина мало кому известна. Он эмигрирует, но станет одним из участников известного движения под названием «Смена вех». Суть движения в следующем: начавшийся в Советской России нэп — это либерализация, отход от идей коммунизма, отказ от политических крайностей, и все это — повод примириться с советской властью. Бобрищев-Пушкин в 1923 году вернулся в Петроград, состоял в Ленинградской коллегии адвокатов. Вышел на пенсию. Но в 1934 году после убийства Кирова начался террор против еще оставшихся лиц дворянского происхождения. По сфальсифицированному обвинению был арестован и расстрелян сын Бобрищев-Пушкина. Самого Александра Владимировича тоже арестовали, приговорили к расстрелу, но заменили ввиду возраста расстрел на Соловецкий лагерь. Как Мейерхольд писал Молотову, так Бобрищев-Пушкин в надежде на оправдание писал Сталину. В результате был все-таки приговорен к расстрелу и на этот раз расстрелян в теперь знаменитом страшном месте массовых сталинских расстрелов в Сандармохе.

26 ИЮЛЯ

26 июля 1919 года в газете «Известия» была опубликована информация о выступлении народного комиссара здравоохранения Николая Семашко по вопросу о тифе. В публикации говорилось, что нарком Семашко выступил на заседании врачебно-санитарного сове-

та и отметил сокращение эпидемии сыпняка в Москве и во всей советской республике. Доктор Семашко призвал принять энергичные меры к совершенному прекращению эпидемии. Первоочередные задачи: массовая дезинфекция, борьба за чистоту и гигиену, принуждение и наказание тех, кто не подчиняется санитарным требованиям.

Вся страна, и красная, и белая, уже второй год охвачена эпидемией тифа, и летом 1919 года до ее конца еще очень далеко. Борьбу с тифом без всякого преувеличения можно приравнять к действиям на фронтах. Тиф — суперважный фактор Гражданской войны. Тиф, сыпной и возвратный, лидирует, сильно опережая холеру, оспу и дизентерию. Только зарегистрированных случаев заболевания за годы войны — более семи с половиной миллионов. Умерших — более 700 тысяч. По оценкам медицинских экспертов того времени, общее число заболевших могло составить около 25 миллионов человек.

В конце войны, в 1920 году, нарком здравоохранения Семашко заявит, что источником эпидемии в Красной армии следует считать «60-тысячную армию противника, перешедшую на нашу сторону в первые же дни после разгрома Колчака и Дутова, в которой 80 процентов оказались зараженными тифом». Семашко будет создателем выдающейся медико-санитарной системы в СССР, которая позволит справиться с опасными инфекционными заболеваниями. Но эти заслуги не делают правдой его заявление о причинах эпидемии тифа. Слова Семашко о том, что тиф пришел от белых в конце 1919 года, имели исключительно политический характер и на годы вперед стали официальной советской версией о тифе и его жертвах во время Гражданской войны. Версия простая и четкая: мы, большевики, к происхождению эпидемии тифа не имеем никакого отношения, претензий не принимаем. Естественно, и доктор Семашко, и Ленин, который был далек от медицины, знали, что причина тифа — Гражданская война. Но Ленин хотел этой войны, потому что победа в ней означала распространение большевистской власти по всей России. И тиф неизбежно возникал в общем разрушении человеческой жизни.

В начале мировой войны случаи тифа фиксировались на русско-турецком фронте. Врачи в письмах с фронта домой описывали страшную грязь в местных жилищах, где вынуждены были жить солдаты и офицеры ввиду неподготовленности казарм. Грязь и вши порождали тиф. Но санитарная служба работала, вспышки болезни гасились, а сам тиф считался болезнью тяжелой, но не смертельной.

Но дальше пошла другая, революционная история. Солдаты, не желавшие больше воевать на фронтах мировой войны, потянулись домой и повезли с собой возбудителей крайне заразных болезней. Солдаты с русско-турецкого двигались на Кубань, Дон, на Украину. А там уже шла Гражданская война, без всяких фронтов, в полной неразберихе. Поезда не шли, на вокзалах скапливались толпы людей. С солдатами смешивались беженцы. Гражданская война — это невиданное ранее количество беженцев. Никогда Россия не была в таком беспорядочном массовом движении.

Сначала тиф был только у военных, позже, к лету 1918 года, распространился на гражданское население. И белые, и красные, и беженцы жили по домам местных жителей.

Когда осенью 1918 года Красная армия Северного Кавказа начала отступление, она потянула за собой тиф, который уже имел характер эпидемии. Остались дневниковые записи жителя хутора Русский под Моздоком: «Теперь у меня четверо тяжелых больных, у всех настолько повышена температура, что ночью кричат, схватываются с постели. Дела плохи. Устроили кладбище на хуторе, каждый день два мертвеца хоронят. Весь хутор больной. У некоторых скот падает, некому корму подложить, все лежат».

Красную Северо-Кавказскую армию в конце 1918 года реорганизовали в 11-ю армию. Ее численность 90 тысяч, из них 50 тысяч тифозных. Участники событий из комсостава позже вспоминали: «Красная армия отходила не столько под натиском контрреволюции, сколько от тифозной вши. Армия откатывалась, заполняя города и села тысячами тифозных красноармейцев». Жители в ужасе перед мором не пускали солдат в дома, те ночевали в холодных банях и в сараях.

К Астрахани отступала красная Таманская армия, вместе с которой шли 20 тысяч беженцев. За две недели от тифа умерло 1500 красноармейцев и 3000 беженцев. Политработники с мест пишут наверх: «Сыпной тиф ужасный. Падают уже работники политотделов». В рядах красноармейцев пошли разговоры, что «тиф за то, что пошли за революцией». То есть тиф — еще и идейно разлагающий фактор.

Красные на фронтах переходят на сторону белых, белые бегут к красным. И все несут с собой тиф. Красный комсостав болеет, генерал Врангель болеет.

В начале 1919 года тиф с юга дошел до Царицына. Больных с Царицынского фронта отправляют в Саратов в поездах-лазаретах,

которые застревают на занесенных снегом путях, и в них не остается ни одного живого. Знаменитый в будущем микробиолог Лев Зильбер в это время отвечал за медико-санитарное обслуживание армии на 600-километровой линии Саратов — станция Каменская на Дону. Он вспоминал: «В Саратове, как и везде в стране, была тяжелая эпидемия сыпного тифа. На улице я увидел подводы с гробами. Гробы были поставлены друг на друга в несколько рядов и привязаны веревками. Я думал, что это пустые гробы. Встречная машина задела одну из подвод, веревки порвались, гробы рассыпались, из них выпали трупы, которые устлали всю мостовую».

Очень жесткая ситуация в Петрограде. В городе победившей большевистской революции, вчерашней столице Российской империи, не работает водопровод, катастрофа с топливом, грязь в подъездах и на улицах. Дворников почти не осталось. Комиссар городского хозяйства Михайлов в апреле 1919 года просил Ленина дать распоряжение «удовлетворить денежными знаками городское хозяйство в первую очередь, наряду с военным ведомством». Михайлов писал Ленину: «Я мечтаю к 1 мая хотя бы очистить улицы от навозных куч, но боюсь, что даже эта скромная задача останется неосуществимой». Помимо грязи, в городе голод. Хроническое недоедание делает людей особенно подверженными болезням. Лекарств нет, больницы часто не отапливаются, врачи работают в холодных операционных. Говорят, что при полостных операциях «пар из живота идет, как из самовара».

В Москве та же картина. В Боткинской больнице не работает водопровод, зимой в палатах температура ниже нуля, уборные закрыты, все ходят на двор. Операции раз в неделю, если удастся. В Питере лидирует холера, опережая тиф. А вот Москва по тифу опередила Питер.

И на белой территории то же. В белом Омске ввиду резкого роста населения строили бани по типу фронтовых. Пытались размещать беженцев на изолированных территориях. Ничего не вышло, потому что счет шел на десятки тысяч человек. Начали массовое производство дезинфекционных камер. Нехватка дров усиливала эпидемию: люди меньше моются — болезнь разрастается. Вводили карантин, закрывали кинематограф, учебные заведения. Была введена «бельевая повинность». Население в обязательном порядке сдавало свое белье для армии. В июле 1919 года Колчаком был издан указ о реквизиции бельевого материала у торговцев. От лишней смены чистого белья у солдат зави-

сит будущее страны. Особыми постановлениями Колчака вводилась ответственность медицинского персонала за невыполнение регистрации случаев заразно-эпидемических заболеваний.

Но тиф и в Челябинске, и в Новониколаевске, и в североказахстанском Петропавловске. В Красноярске число тифозных больных, поступавших в военные госпитали, иногда достигало 700 человек в день.

Страна не имела возможностей для противоэпидемической работы на такой большой территории. Страна и не думала, что возможна Гражданской войны. В колчаковской армии умерло от тифа около 50 тысяч человек, в армии Юденича — порядка 24 тысяч, у Деникина — десятки тысяч. Деникинская армия во время летне-осеннего наступления 1919 года в Центральной России попала в самый сильный тифозный котел. В целом по белым армиям — около 150 тысяч умерших от тифа. Общее число по белым и красным армиям — порядка 450 тысяч жертв тифа. На стороне красных получается вроде как больше. Но это потому, что вследствие более жесткой мобилизации Красная армия была численно больше.

В станице Полтавской Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии только в один день 22 июля 1919 года похоронили 35 умерших от тифа. Сохранились их имена, номера воинских частей. Многие из 19-го Оренбургского казачьего полка, кто-то из 1-го полевого подвижного госпиталя. Могли заразиться, помогая больным. В этом же списке — два пленных красноармейца. Кто кому принес тиф — неизвестно.

Кстати, именно Верхнеуральская противоэпидемическая комиссия вследствие развития тифозной эпидемии предложила отменить рукопожатие. Это все Гражданская война.

6 СЕНТЯБРЯ

6 сентября 1919 года Троцкий с Южного фронта направляет в Москву длинную телеграмму. Вот близко к тексту фрагмент из нее: «Работа по ликвидации Мамонтова до сих пор ничего не дала... Мамонтов явно идет на соединение со своими через Курский фронт. Наши слабые, разрозненные пехотные части почти не тревожат его. Опасность прорыва фронта на участке Курск—Воронеж становится очевидной».

Итак, главный персонаж почти панической телеграммы Троцкого — Мамонтов, который выполняет некую эксклюзивную задачу в рамках генерального наступления Вооруженных сил Юга России под командованием Деникина, имеющего целью изгнание большевиков из Москвы. Первые же слова телеграммы Троцкого о том, что работа по «ликвидации Мамонтова ничего не дала», откровенно подтверждают завидную успешность проводимой им военной операции. Эта операция — легендарный рейд 4-го Донского казачьего корпуса генерал-лейтенанта Мамонтова по красным тылам. А если быть точным, генерал-лейтенанта Мамантова, а не Мамонтова. Переделал его фамилию Троцкий, и дальше именно в таком виде она попала в советскую историю Гражданской войны. Во всех белых и дореволюционных документах, приказах, наградных листах — Мамантов.

Так вот генерал-лейтенант Константин Константинович Мамантов был направлен в рейд по тылам Красных войск в середине августа 1919 года приказом Деникина. В приказе значилось: «Вам надлежит, пополняя силы за счет антибольшевицки настроенных слоев населения, развить наступление на Москву, опустошая тылы противника и контролируя основные пути сообщения в наступлении на Москву в целях обеспечения общего удара армии в указанном направлении».

Генерал Мамантов лично контролировал отбор и казаков, и лошадей для этого рейда. Никаких больных, раненых. Все — только здоровые и выносливые. В корпус вошли две Донские конные дивизии, 8580 сабель, 134 орудия, 28 пулеметов и три бронеавтомобиля.

Двинулись от реки Хопер, прорвали налетом фронт на стыке двух Красных армий и пошли на север в глубокий красный тыл. Рубили и стреляли, разрушали коммуникации, захватывали много боеприпасов и оружия, взрывали склады артиллерийских снарядов. Захватывали эшелоны с мобилизованными крестьянами. Распускали по домам, а желающих драться против красных — вооружали. За четыре дня Мамантов прошел двести верст. На седьмой день рейда с налета взял Тамбов. Красный гарнизон разбежался, часть перешла к Мамантову. Красные для борьбы с Мамантовым создают специальный Внутренний фронт. Но казачья конница очень мобильна, корпус идет практически без потерь. Мамантов берет город Козлов, где располагался красный штаб Южного фронта. Через две недели рейда взяли город Ранненбург в Рязанской губернии. До Москвы 280 км.

Большевистское руководство пребывало в растерянности, приход казаков Мамантова в Москву становился реальностью.

Свой первый рейд по вражеским тылам Мамантов совершил еще в русско-японскую войну, командуя полком Забайкальского казачьего войска. Он вообще был прирожденным кавалеристом, знатоком лошадей, а скачки были его видом спорта, его страстью. Поступив в Академию Генштаба, он попросился в отпуск в Варшаву на скачки. Ему отказали, но он самовольно уехал и был отчислен из академии. Вероятно, именно вследствие этой природной тяги к кавалерийской службе Константин Мамантов нашел себя в казачьей среде. Хотя сам он казаком не был. Он — из дворян Новгородской губернии. Род Мамантовых известен с XV века. Родился Константин Мамантов в Петербурге, воспитывал его дядя — сенатор. После Николаевского кавалерийского училища был причислен к лейб-гвардии Конногвардейскому полку, становится светским петербургским персонажем. А потом он дрался на дуэли — и прежняя карьера его разрушилась. В результате чего он оказался причислен к Войску Донскому. И очень быстро оказался признан в казачьей среде, что являлось редкостью для этого замкнутого сообщества.

В начале мировой войны был в звании полковника. На момент Февральской революции командовал бригадой в 6-й Донской казачьей дивизии. У себя в бригаде с началом революционных событий Мамантов сумел удержать дисциплину, не допустил расправы над офицерами и бригаду с оружием вывел на Дон, где позже создал казачий партизанский отряд для борьбы с красными. Летом и осенью 1918 года во главе уже значительных сил Мамантов, уже в генеральском звании, воевал на царицынском направлении. Мечтал взять Царицын и не смог. Второй шанс войти в Царицын появился к лету 1919 года. Казаки Мамантова сражались с кавалерийскими частями Буденного, оттягивали на себя красных и позволяли продвигаться белой Добровольческой армии. И Царицын в результате взял Врангель. А Мамантова направили против красных на Юг, на Дон.

Врангель и Мамантов крайне не любили друг друга. Врангель в принципе не доверял казачьим командирам. Но казаки безусловно верили Мамантову, называли его «дедом», ценили за личную храбрость и за успех Мамантова в изгнании красных с Дона. Вероятно, вследствие этого Мамантова с его казаками сочли подходящими для рейда в тылу красных в августе 1919 года.

Успех этого белого рейда был признан красными и получил высокую оценку командующего красным Южным фронтом бывшего царского офицера, будущего советского маршала Егорова.

Белое руководство было как минимум разочаровано. Все надеялись, что рейд обеспечит общее наступление. Это могло произойти только в одном случае: если бы Мамантов обеспечил массовый антибольшевистский подъем в центральных российских губерниях. Но он не мог решить эту задачу. Ее никто не мог решить. Подавляющее большинство крестьян говорило: «Наше дело сторона. Мы — нитралитет». Они не хотят воевать ни за белых, ни за красных. В Гражданской войне подавляющая масса населения не участвует.

Мамантов и так сделал в ходе рейда невозможное: он запретил казакам мародерствовать. Но когда брали города и захватывали местные ЧК, казаки увозили с собой все ценности, реквизированные чекистами. И обозы с этой добычей тянулись за казачьим корпусом. Казаки так поступали всегда и в XVII веке, и в XX. За трофейными обозами в надежде на подачку увязывались толпы крестьян.

И командующий Вооруженными силами Юга России Деникин, и командующий Донской армией Шкуро, и командующий Кавказской Добровольческой армией Врангель самыми разными способами, в том числе и с аэропланов, направляли Мамантову противоречивые указания. Варианты прямо противоположные. Идти на Воронеж. Или идти на Москву. На совещании у Мамантова говорили: даже если возьмем Москву, мы ее не удержим. Силы слишком малы для такой задачи. Сам Мамантов хотел идти на Москву. Но подчинился приказу двигаться на Дон. По ходу взял еще несколько городов. Захватил один из знаменитых поездов Троцкого. Воронеж взял, но не удержал.

Если бы генерал Мамантов дошел в 1919 году до Москвы, мы бы отлично знали его портрет. Его нельзя было бы не запомнить. И дело даже не в его высоком росте, выправке, орлином носе и густых, сросшихся на носу бровях. Главным были его усы с огромными подусниками. Подусники — это волосы в углах рта, которые делали усы пышнее. Так вот, у генерала Мамантова подусники были такие длинные, что, когда он писал или ел, он закручивал их за уши. Казаки знали: когда усы свисали книзу, это означало, что военная ситуация осложнилась. Если загибались вверх — это служило зало-

гом удачи в бою. Если бы генерал дошел бы тогда до Москвы, на портрете он был бы с усами, завязанными на затылке. Он всегда так делал, когда был в особенно хорошем настроении.

12 СЕНТЯБРЯ

12 сентября 1919 года в Москве на Лубянке на очередном допросе глава антибольшевистского Всероссийского Национального центра Николай Николаевич Щепкин признал, что найденные у него при обыске документы предназначались для отправки Деникину.

Документы были найдены в тайнике, в дровах, и говорили сами за себя. Это были записки со стратегическим планом действий красного Юго-Восточного фронта в районе Саратова, сведения о численности, вооружении и дислокации 9-й Красной армии Южного фронта, описание Тульского укрепрайона. То есть информация, существенная для Деникина, наступающего на Москву. Документы свидетельствовали о том, что в красных штабах многие работают на белых.

Но Николай Щепкин на допросе утверждал, что все документы переписаны и отредактированы исключительно им самим. То есть человек, которого допрашивали, не сдавал никого из тех, кто вместе с ним входил в московскую организацию Всероссийского Национального центра. При этом Николай Николаевич Щепкин не считал нужным скрывать историю возникновения организации и причины ее борьбы с большевизмом. Более того, с него потребовали и он, находясь в тюрьме, написал историческую справку с изложением своего взгляда на политическую ситуацию.

Собственно, Всероссийский Национальный центр имел предысторию в лице ряда организаций. Все они возникали вследствие интуитивного понимания того, что новая ситуация исключительна и требует надпартийного объединения активных политических сил. Еще до прихода большевиков в августе 1917 года в Москве на совещании общественных деятелей, членов Государственной думы, людей бизнеса, университетской профессуры, деятелей творческих профессий, был выбран Совет Общественных деятелей, объединенный намерением борьбы с хозяйственным и административным хаосом в стране, а также идеей доведения мировой войны

до победного конца. В Совет входили серьезные, известные люди. И политики — Родзянко, Маклаков, Милюков, и интеллигенты — Ильин, Новгородцев, Бердяев. Рычагов для политической борьбы не было. Но речь шла о влиянии на общественное мнение по вопросам внутренней и внешней политики.

Приход большевиков первоначально был воспринят как эпизод в общей неразберихе, который быстро завершится. Но большевики дали неожиданный повод для новых коалиционных действий. Поводом стал сепаратный Брестский мир между большевиками и Германией с вытекавшей из него потерей значительных территорий бывшей Российской империи.

Кадеты, левые эсеры и меньшевики — противники Брестского мира — сумели объединиться в «Союз возрождения России». Тогда же Брестский мир заставил сплотиться консерваторов и либералов и создать так называемый Правый центр. Сначала во главе был Александр Кривошеин, ближайший сподвижник Столыпина и будущий глава правительства Юга России. Затем кадет, профессор философии Московского университета, правовед Павел Новгородцев. Правый центр вступил в переговоры с германским посольством, убеждая немцев отказаться от поддержки большевиков. Но посол Мирбах счел оппозицию, по его словам, «неспособной вырвать кнут из рук Ленина». И это было правдой.

Наиболее активной антибольшевистской организацией станет Всероссийский Национальный центр. Организация — преимущественно кадетская. Начнется ни шатко ни валко. Вели академические дискуссии за чаем у профессора Кольцова в Институте экспериментальной биологии. Во главе сначала был авторитетный земский деятель Дмитрий Шипов. Но он быстро потерял интерес к организации. И тогда на его место пришел Николай Щепкин, который неожиданно для коллег и самого себя организует не только политические, но и военные силы на сопротивление большевизму на его собственной территории в Москве.

Николаю Николаевичу Щепкину в 1919 году 65 лет. Не лучший возраст для первого опыта конспиративной работы. Выпускник Московского университета, участник русско-турецкой войны, гласный, то есть депутат Московской городской думы. Еще в 1904 году огласил обращение 66 московских депутатов к правительству по поводу неотложной необходимости оградить личность от внесудебных

усмотрений, обеспечить свободу совести и вероисповедания, свободу слова, печати, собраний и союзов. Позже Щепкин депутат Государственной думы от Москвы, член кадетской партии.

После Февральской революции направлен в Туркестан председателем Комитета Временного правительства, раньше это было генерал-губернаторской должностью. Потом опять гласный Мосгордумы. И еще. Он — внук великого русского актера Михаила Семеновича Щепкина, вышедшего из крепостных. И это важно. В тюрьме на Лубянке Николай Щепкин для сведения Дзержинского написал по этому поводу: «Я свободолюбец по всей моей природе, ненавидящий угнетения, откуда бы они ни происходили. Мой дед, знаменитый актер Щепкин, был крепостным и преемственно завещал нам идею борьбы со всяким крепостничеством, какими бы красивыми лозунгами оно ни прикрывалось».

Николай Николаевич Щепкин абсолютно не желал возврата к дореволюционному прошлому. Он был горячим противником монархической идеи. Более того, он хотел сохранить позитивные, освободительные завоевания революции. В частности, Советы, естественно, без какого-либо партийного диктата. Землю, захваченную крестьянами, помещикам не возвращать. Но установить плату за нее.

После падения большевиков Национальный центр планировал установление переходной диктатуры в виде триумvirата в составе профессионального военного, кадета и социалиста. Этот орган должен был созвать демократически избранное Народное собрание, которое определило бы форму правления в России. Было создано 16 филиалов Национального центра — в Петрограде, Киеве, Одессе, Новороссийске, Харькове, Тифлисе, Симферополе, Мурманске, Архангельске, Уфе, Омске. То есть предполагалось, что после военной победы белых над красными уже будут существовать гражданские политические структуры, готовые к нормальной, планомерной работе.

В Москве Щепкин создал подпольную военную организацию, в которую вошли сотни офицеров, служивших в Красной армии. Они представляли информацию и готовы были к вооруженному восстанию в Москве в тот момент, когда Деникин возьмет Тулу. А в начале сентября 1919 года казалось, что это дело ближайших недель. Военную структуру возглавлял сам Щепкин. Имена военных, сотрудничавших с организацией, знал только Щепкин. Он платил офицерам жалование из средств, получаемых от Колчака. Щепкин ухитрялся даже закупать оружие.

Сообщение с Колчаком, Деникиным, Юденичем осуществлялось через курьеров. Когда ЧК схватило нескольких курьеров, история с Национальным центром начала раскручиваться и дошла до арестов его членов и более тысячи офицеров. Сначала в Питере, потом в Москве.

Допросы продолжались две недели, затем без суда 67 арестованных были расстреляны прямо на Лубянке. В прессе они были названы «врагами народа» и «агентами империализма».

Ленин в деле с Национальным центром, помимо прочего, руководствовался данными избирательной кампании в Учредительное собрание в конце 1917 года. Либеральная кадетская партия на выборах в целом по России набрала тогда мало — 4,7 процента голосов. Большинство было у эсеров — 40,4 процента, а у большевиков — 24 процента. Но в Петрограде и в Москве по количеству полученных голосов кадеты шли за большевиками. А в 11 из 38 провинциальных центров кадеты на выборах вышли на первое место. То есть в городах кадеты представляют для власти большевиков реальную угрозу. А Национальный центр — организация кадетской партии. И его надо уничтожать на корню.

Аресты в Москве вызвали большой резонанс в научной и творческой среде. Ряд ученых и писателей обратились с ходатайствами об освобождении заключенных. Это было в старых, еще не исчезнувших традициях русской интеллигенции.

Максим Горький тогда писал Ленину: «Мы, спасая свои шкуры, режем головы народу, уничтожаем его мозг». Ленин в день расстрела членов Национального центра ответил Горькому текстом, ставшим легендарным: «Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость! Несколько дней или хотя бы даже недель тюрьмы интеллигентам! Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно».

20 СЕНТЯБРЯ

20 сентября 1919 года белые взяли Курск. Это уже почти самый пик Гражданской войны. И все — и белые, и красные — отдают себе отчет, что вот-вот наступит необратимый перелом, но еще никто не знает, в чью пользу. И неизвестно, чье положение выгоднее. Белые,

а именно Вооруженные силы Юга России под командованием Деникина, ведут большое и успешное наступление. Взяты Царицын, Харьков, Киев, теперь Курск. Впереди Орел, Тула и Москва. Есть крайне важное общее ощущение успеха, особый дух, который исключительно важен на войне. Красные, прежде всего политическое руководство, то есть Ленин и Троцкий, отлично понимают, что их власть находится под прямой угрозой. В случае взятия Тулы белыми эта угроза будет всего в 180 километрах. А так как взятие Тулы белыми даст им тульские заводы с оружием и снарядами, советская власть в центральных губерниях обречена. В результате и белые, и красные пребывают в предельно мобилизованном состоянии: одними движет близость военной победы над противником, который выживает их с Родины, другими движет близость потери власти.

Нельзя сказать, что красные прозевали Курск. Еще 20 июня 1919 года, то есть за три месяца до взятия города белыми, красная Курская губерния была переведена на чрезвычайное положение. Сам Курск был объявлен крепостным районом. 1 июля 1919 года в губернии началась мобилизация всего мужского населения от 18 до 50 лет. В конце июля губернский комитет большевистской партии приступил к подготовке коммунистов к уличным боям. С 1 августа члены партии переведены на казарменное положение. Городские и деревенские жители направляются на строительство оборонительных укреплений. И по меркам Гражданской войны это были серьезные укрепления.

В 15 верстах от города — первая укрепленная полоса из стрелковых окопов, усиленных проволочными заграждениями в пять колеи (то есть в пять рядов). Оборудованы артиллерийские позиции с наблюдательными пунктами. Артиллерии было много. Но главный вопрос состоял в том, каков настрой людей, которые должны на этих укреплениях остановить белых.

Курск брала 1-я пехотная дивизия под командованием генерала Николая Степановича Тимановского. Начальник штаба дивизии вспоминал: «Когда мы разрабатывали план атаки укрепленной позиции, приехал генерал Кутепов, схватился за голову и категорически запретил атаку. Необходимо ждать прибытия тяжелой артиллерии, без нее нельзя и думать об атаке укреплений Курска». Генерал Тимановский под собственную ответственность начал внезапную атаку. С учетом прошлого генерала его решение не удивляет. По совокупности русско-японской и мировой войн он известен как «самый награжден-

ный полковник русской армии». Везде проявлял невероятную личную смелость. После ранения в русско-японскую, хромал, всегда ходил с палкой, но оставался в строю. В мировую войну сражался в 13-м стрелковом генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полку. Командовал этим полком генерал Марков. А вошел этот полк в стрелковую бригаду под командованием Деникина. Бригада Деникина была известна как «железная». А Николай Степанович Тимановский, тогда подполковник, за бесстрашие и хладнокровие был прозван солдатами Железным Степанычем. Деникин о нем писал: «В атаку шел в открытую, опираясь на палку... не спеша, останавливаясь, подзывая кого-то рукой».

На фотографиях Тимановский выбивается из общей офицерской массы: длинный, немного нелепый с этой своей палкой, в круглых очках, такой преподаватель математики или физики. На самом деле он выходец из крестьян. Его командиры Деникин и Марков будут в числе создателей Добровольческой армии. Тимановский станет одним из первых добровольцев. Когда погибнет легендарный генерал Марков, Тимановский вступит в командование Марковским полком, а потом дивизией. Ему — 34 года, когда он наступает на Курск.

Остались впечатления бойцов его дивизии: «Взяв эти окопы под Курском, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию».

Дальше пошла атака на город. К Тимановскому для усиления подошли два бронепоезда — «Офицер» и «Единая Россия». Красная администрация в панике покидала город. Солдаты, мобилизованные большевиками, расходились по домам. Участник событий со стороны белых вспоминал: «Трудно передать словами, что представляло собой в этот день шоссе до Курска. Оно сплошь было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей. Они шли к нам в тыл, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас горсточка».

Курская атака генерала Тимановского не имеет ничего общего с авантюризмом и абсолютно соответствует его профессиональным взглядам на тактику в войне с красными. Еще в мае 1919 года под руководством Тимановского была составлена инструкция под заголовком «Особенности ведения боевых действий в нынешней гражданской войне». Эта инструкция, не согласованная с вышестоящим начальством, исходит из того, что у противника «громадный числен-

ный перевес силы». А следовательно, именно наступательные действия приобретают выдающееся значение. Цитирую: «Наступательные действия заставляют противника делать то, что мы хотим, а не наоборот. В имеющихся условиях бить противника можно только наступлением, иначе будем раздавлены числом. Дерзость наступления дает моральное превосходство над большевиками, сводящее к нулю их всегдашнее численное превосходство».

Тогда же другой царский офицер, но воюющий на стороне красных, а именно Михаил Тухачевский, также рассуждал об особенностях идущей войны: «Гражданская война, по своему существу, требует решительных, смелых наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным. Эта война слишком трудна, и для хорошего командования требует светлого ума и способностей к анализу, а таких качеств у русских генералов старой армии не было».

Тимановский в Курске в смысле наступательности, энергии и смелости дал своего рода ответ Тухачевскому. Что же касается заявления Тухачевского о русских генералах старой армии, то оно носит конъюнктурный характер. Тухачевский сам из этой старой армии и отрешивается от нее, потому что желает сделать карьеру в новой, Красной, армии. И сделает, дорастет до сталинского маршала. Но неожиданно в судьбу Тухачевского вмешается еще один участник взятия Курска в Гражданскую войну. Это Николай Скоблин.

В боях за Курск Скоблин командовал Корниловской бригадой и прославился личной смелостью и высоким профессионализмом. Ему было 25 лет. Именно под Курском в разгар боевых действий он познакомился со знаменитой певицей Надеждой Плевицкой, которая попала от красных к белым. Плевицкая останется у белых и, выйдя замуж за Скоблина, уедет в эмиграцию.

Там, в Париже, начнется новая жизнь Плевицкой и Скоблина. В 1930-х годах он станет агентом НКВД. Участвует в похищении генералов Кутепова и Миллера, с которыми прошел Гражданскую войну. Он же, Скоблин, по заданию НКВД участвует в операции против Тухачевского. Якобы маршал Тухачевский совместно с генералитетом вермахта готовил заговор против Сталина и военный переворот. Все это было энкавэдэшной фальшивкой, но вылилось в массовые репрессии в Красной армии в самый канун Второй мировой войны. Тухачевский в числе прочих советских военачальников был расстрелян и заклеимен

как враг народа. То есть можно сказать, что Скоблин, сотрудничая с НКВД, все-таки поучаствовал в ослаблении Красной армии. Сам он сгинул. Убит НКВД то ли во Франции, то ли в СССР. Измена Скоблина стала общеизвестна во Франции. Но в тюрьму, за отсутствием Скоблина, попала одна Плевацкая, осужденная за соучастие.

Что касается взявшего Курск генерала Тимановского, то он в декабре 1919 года заболел тифом. Не желал эвакуироваться, лечился сам — пил спирт и ел снег. Умирал в товарной теплушке. Генерал Деникин вспоминал, что однажды, уже во время отступления, среди обозов увидел повозку, везущую гроб с телом умершего генерала Тимановского. «Убогая повозка с дорогой кладью, покрытая рваным брезентом, — какой бесстрастный символ», — написал генерал Деникин.

26 СЕНТЯБРЯ

26 сентября 1919 года собрался Пленум ЦК ВКП(б), поводом для которого стал случившийся накануне взрыв в здании Московского комитета партии в Леонтьевском переулке. Это был большой теракт. Снесло тыльную половину бывшего особняка графини Уваровой, который теперь занимала московская партийная власть. 12 погибших, 55 раненых, включая Николая Бухарина, человека, особо ценимого Лениным.

Помимо того что рвануло очень сильно, рвануло еще в самый неподходящий момент. И это для большевистской власти было существенней, чем число жертв. Теракт произошел на фоне победного наступления белых. Деникин приближался к Москве. Речь шла о том, что он вот-вот возьмет Тулу с ее оружейными заводами. И тогда большевики в Москве обречены. В Кремле ожидали, что белые со дня на день начнут бомбардировку Москвы с воздуха. И вот в это критическое время, когда у Ленина были обоснованные сомнения в том, что советская власть доживет до своей двухлетней годовщины, — еще и теракт в центре Москвы.

Именно в контексте белого наступления сразу же на Пленуме пошел разговор, что взрыв — дело рук белогвардейцев и их сообщников в Москве. Тем более что на заседании в МК партии перед самым взрывом обсуждался вопрос о недавнем разгроме белой подпольной организации «Национальный центр» и о том, веро-

ятно, еще не все члены этой организации арестованы. Белая версия теракта стала основной, практически единственной.

В тот же день, 26 сентября, в соответствии с установкой Пленума проходили митинги с принятием соответствующих резолюций: «Белогвардейцы жадно стремятся восстановить власть помещиков и капиталистов. Смерть врагам пролетарской диктатуры!».

27 сентября 1919 года Московский губернский исполнительный комитет принял постановление: «Принимая во внимание необходимость решительными мерами покончить со всеми белогвардейскими заговорщиками, провокаторами, шпионами, пытающимися ослабить наш фронт и открыть дорогу врагу трудящихся... объявить Московскую губернию на военном положении». В этом смысле теракт был даже на руку власти, потому что давал дополнительный козырь в деле мобилизации против Деникина.

Сразу же после взрыва председатель ВЧК Дзержинский приказал с ходу без суда расстрелять в Бутырской тюрьме несколько сотен арестантов. В их числе — члены кадетской партии, а также просто титулованные лица, с княжескими и графскими титулами.

Прекрасный эмигрантский писатель и историк Марк Алданов в очерке «Взрыв в Леонтьевском переулке» писал, «что точно никто не считал расстрелянных. Потом оказалось, что особняк в Леонтьевском взорвали не правые и не кадеты, а анархисты. Наиболее корректные из большевиков выражали даже некоторое сожаление: что же делать, ошибка, погорячились».

Хотя первая, белая версия в ЧК отпала довольно быстро, в прессе отступали от нее постепенно. Сначала в газете «Правда» ответственных за взрыв называли «анархо-деникинцами». И только потом было сказано, что это анархисты и левые эсеры.

По официальной информации из «Красной книги ВЧК», на анархистов вышли случайно. Вроде бы в брянском поезде какая-то женщина участвовала в общей болтовне про взрыв в Москве, а бывшие там же законспирированные чекисты заподозрили ее, арестовали, и при ней оказалось письмо, в котором ее приятель сообщал ей о том, что теракт в Леонтьевском переулке дело рук подпольных анархистов. Последующие события выглядят более достоверно. Пошли по адресам, явкам, конспиративным квартирам, на Арбате и в Большом Гнездкинском. К самому началу ноября были убиты в уличных перестрелках двое из участников теракта, Казимир Ковалевич и Петр Соболев.

Петр Соболев — это тот, кто бросил бомбу в Леонтьевском переулке и кто был главным в подпольной анархистской организации под названием «Всероссийский штаб Революционных партизан». Он организовывал и лично участвовал в ограблении банков с целью получения средств на свою борьбу с большевиками. Провел удачные налеты на отделения Народного банка в Москве на Большой Дмитровке и на Серпуховской площади.

На самом деле это излюбленная большевистская практика. Точно так же грабили в свое время Сталин и Камо. Называли эти ограбления красиво — «эксами», то есть экспроприациями. Частично эти деньги оседали в большевистских карманах. Анархист Петр Соболев исключал личную выгоду, отказывал себе даже в покупке новых брюк, все — только в дело. Он считал, что большевики вот-вот проиграют белым и тем сдадут революцию Деникину. Упомянутый уже Марк Алданов пишет о Петре Соболеве: «Он был фанатик, в настоящем смысле слова, фанатик, носившийся с замыслами грандиозными. Он хотел взорвать Кремль. Он считал свою мечту осуществимой. У него уже было четыре пуда динамита, но ему хотелось иметь 120 пудов».

Соболев уже наметил день взрыва Кремля — 25 октября 1919 года, во вторую годовщину Октябрьского переворота. Но дело пошло по-другому. Утром 25 сентября в газете «Правда» было напечатано сообщение о большом заседании в Леонтьевском переулке в здании Московского комитета партии в 6 часов вечера. Из сообщения следовало, что народу приглашается много. И есть вероятность участия Ленина. Прочитав, Соболев решил идти на теракт в тот же день. Раньше в доме МК партии в Леонтьевском располагался ЦК партии левых эсеров. И в команде Соболева был известный левый эсер Донат Черепанов, который отлично знал, где и что в этом доме. Они пошли вдвоем с Соболевым и устроили взрыв. Черепанов хотел сам бросить бомбу, но с Соболевым спорить было бесполезно, он категорически брал всю ответственность на себя.

Черепанова возьмут в феврале 1929 года. На допросах он будет вызывающе откровенен. Никаких сожалений, кроме того, что не удалось взорвать главных большевистских лидеров. Свои письменные показания в ЧК Черепанов предварил эпитафией: «Вы просите пещен — их нет у меня». В оригинале Донат Черепанов — выпускник юридического факультета, намеревавшийся когда-то сделать спокойную профессорскую карьеру.

Еще один лидер подпольной организации, убитый, как и Соболев, в перестрелке при аресте, — Казимир Ковалевич, литератор, отвечавший в подпольной организации за бюджет. По имеющейся информации, он, помимо прочего, осуществлял связь с Махно. Знаменитый анархист Нестор Махно в годы Гражданской войны воевал и вместе с красными и против красных. Незадолго до событий в Леонтьевском переулке красные в Харькове расстреляли группу махновцев. Вполне вероятно, теракт в Москве мог быть и ответом на расстрел анархистов-махновцев.

Помимо лидеров в подпольной анархистской организации были люди совершенно случайные, прибившиеся, с неясным прошлым и без каких-либо идей. Они изготавливали динамитные бомбы, грабили банки, трудились в подпольной типографии, печатали газету «Анархия» и листовки. Алданов пишет, что имена у них были в большинстве странные и упрощенные: Васька Азов, Митька Кривой, Андрей Португалец, Хиля Ценцинер, дядя Ваня, Петька-просто, Фроська-просто. Базировались под Москвой в Красково, на съемной даче. Эту дачу чекисты накрыли за два дня до октябрьских празднований в Москве. Была большая стрельба с метанием бомб. А потом анархисты взорвали дачу, сами погибли. В течение четырех часов продолжали взрываться спрятанные взрывчатые материалы, так что даже тушить пожар не было никакой возможности.

В числе раненых при теракте в Леонтьевском переулке был молодой тогда чекист-латыш Арвид Пельше. Тот самый Арвид Янович Пельше, который при Брежневе будет членом Политбюро и умрет при Андропове.

В числе погибших при теракте 25 сентября 1919 года был секретарь Московского комитета партии Загорский. Когда бомба только влетела в окно зала заседания, он повел себя мужественно и хладнокровно. Призвал всех к спокойствию, а сам намерился выбросить бомбу на улицу. Но не успел. Произошел взрыв.

В 1930 году в разгар антицерковных репрессий власть вдруг вспомнит о давно погибшем Загорском и переименует город Сергиев Посад с Троице-Сергиевой лаврой в Загорск. Для последующих поколений советских людей это название ничего не будет говорить о погибшем в теракте человеке. Загорск звучит нейтрально, пейзажно и слегка меланхолично. В выборе такого названия — особое умение власти стирать имена действующих лиц истории.

3 ОКТЯБРЯ

3 октября 1919 года лидер большевиков Владимир Ленин написал статью под заголовком «Пример петроградских рабочих». Она опубликована на следующий день в газете «Правда». Речь в статье — о главном: о борьбе с наступающей белой армией Деникина, о том, что необходимо срочно изыскать дополнительные людские силы для фронта и прежде всего мобилизовать лучших надежных работников из рядов пролетариата. Потому что пролетариат сможет укрепить и направить колеблющиеся элементы в Красной армии и тем самым обеспечит перелом на фронте. В качестве примера такой пролетарской стойкости Ленин приводит рабочих Петрограда. Он уточняет, что питерские рабочие надежны, хотя и несут особые тяготы: «И голод и военная опасность ввиду близости фронта с Юденичем, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России».

Ленин упоминает голод в общем ряду. На самом деле, голод как политический фактор ничему не уступит. Ленин не лгал. Осенью 1919 года Петроград голодает отчаяннее других городов на территории, контролируемой большевиками. Советская власть сама с ходу из идейных соображений разрушила всю прежнюю систему обеспечения населения продовольствием. Введение продовольственной диктатуры, запрет торговли моментально спровоцировали голод. Ситуацию усугубила Гражданская война, которая была инструментом расширения большевистской власти по всей стране. Петроград в инфраструктурном смысле оказался в исключительно сложном положении. Подвоза продовольствия по морскому пути нет, вследствие военных действий железнодорожный транспорт если и работает, то прежде всего на нужды армии. Отсутствие продовольствия рождает идею «классового пайка». То есть власть экономически не состоятельна, но прикрывает это пропагандистским классовым принципом. У нас, мол, диктатура пролетариата, вот мы его и будем кормить лучше других.

Заодно все сразу желудком осознали, что теперь власть решает, кого кормить и в каком количестве. А это очень важно на перспективу.

Петроград стал первым городом «классового пайка». Всех поделили на 4 категории: 1-я — рабочие тяжелого физического труда, 2-я — остальные рабочие и служащие по найму, 3-я — лица свободных профессий (художники, артисты и прочие), 4-я категория — нетрудовые элементы: бывшая буржуазия, священники

и прочие бывшие. Соответственно, 1-й категории — еды побольше, а дальше — меньше и меньше. Но в реальности и этот вариант не прошел. Голод уравнил всех.

Осенью 1919 года рабочие на вопрос заводской анкеты «Что вы едите на завтрак?» отвечали: «Ничего».

К концу 1919 года в Петрограде осталась только треть заводских рабочих от их числа годом раньше. Население города в целом сократилось более чем на миллион жителей. До 1 миллиона 300 тысяч. Но даже с учетом данного сокращения в течение всего 19-го года ежедневный хлебный паек в Петрограде составлял для рабочего 120 граммов и 40 граммов для иждивенца. Хлеб в пайке мокрый, тяжелый, со жмыхом.

Черный рынок стал единственной территорией, где водилась еда, но по чудовищным ценам. Поэт Ирина Одоевцева вспоминала Питер 1919 года: «На Бассейной красноармейцы предлагали куски грязного сахара, держа его для приманки на грязной ладони, и покупатели, осведомясь о цене, ощупывали кусок сахара и клали его обратно».

Жителям ничего не оставалось, как просто покинуть город и отправляться на поиски пропитания. К концу 1919 года население сокращается с 1 миллиона 300 тысяч до 800 тысяч.

Будущий прокурор СССР и соавтор сталинских репрессий Вышинский в 1919 году занимал должность начальника управления по распределению в Народном комиссариате продовольствия. Вышинский отчитывался: «В данное время — осень 1919 года — главными продуктами являются капуста и вобла». Выдающийся социолог Питирим Сорокин подтверждает: «Мы ходили обедать в общую столовую в университете, там мы получали горячую воду с плавающими в ней несколькими кусочками капусты. Постепенно все становились все более и более истощенными. У многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред, затем наступала смерть». Рабочий Платонов на заседании Исполкома Петроградского совета свидетельствовал: «У нас в столовой несколько дней варили суп из картофельных очисток».

У Питирима Сорокина есть свой мартиролог: «Сегодня после обеда хоронили академика Лаппо-Данилевского. На прошлой неделе, когда я его навещал, он выглядел живым скелетом. Этот умирающий человек читал «Феноменологию духа» Гегеля. ...Несколько дней назад повесился профессор Хвостов. Вчера геолог профессор Иностранцев принял цианистый калий. Не имея возможности до-

стать ни еды, ни лекарств, ни даже позвать на помощь, они с женой покончили жизнь самоубийством».

Из воспоминаний Ольги Вендрих, жившей в Петрограде осенью 1919 года: «Мрут массой. Много сумасшедших, но никто на них не обращает внимания. Многие дергают рукой, ногой, тики в лице, многие идут по улице сами с собой разговаривают, жестикулируют, смеются. Вот вы видите бежит человек в прежней форменной фуражке и кричит во все горло в исступлении, требуя, чтобы его накормили».

Осень 1919 года была очень холодной, а на улицах все в основном легко одеты. Дело в том, что приличные и теплые вещи были проданы людьми еще в прошлую зиму, и деньги сразу истратили на еду. Так и говорят: «Шубу давно съели». Отопления в домах нет, топлива нет, воды нет, канализация не работает, света нет. Жизнь без света. Нет свечей, нет керосина. Осенью темнеет рано. В темноте ничем нельзя заняться. Безделие действует на психику.

Питирим Сорокин вспоминал: «Я читал лекции в университете почти в полной темноте, в аудиториях, где практически не было видно слушателей. Студенты писали в темноте, не глядя».

Такое существование продолжается уже два года, это не жизнь. Петроград никогда не видел такого долгого и беспросветного голода. Хотелось только, чтобы этот ужас закончился, и не важно, кто победит и чья будет власть. Большевики в 1919 году еще не понимали, что голод может быть им на руку. Что голод фокусирует жизнь на элементарном выживании, оставляет по себе долгую память и страх и стирает интерес к политической активности.

Кроме того, голод меняет людей. К осени 19-го года люди уже изменились. Очень легко научились обманывать, красть и не стесняться, не скрывать. Напротив, теперь гордятся выгодным обманом и удачным воровством. На улицах города часто попадались от голода или болезни упавшие люди. К ним редко кто подходил. Но если вдруг падала лошадь, вокруг нее немедленно собиралась толпа из мужчин, женщин и собак, которые на равных начинали эту лошадь делить.

На этом голодном фоне стартовала система советского спецснабжения. То есть новая система социального разделения. Граница в этом неравенстве всегда при советской власти будет определяться доступом к еде. Еда станет предметом советского культа. В 1919 году ввиду усиления голода увеличивается число прикрепленных к совнаркомовским пайкам. Теперь пайки распространяются и на членов

семьи ответработника. Кроме того, начинаются индивидуальные выдачи из продовольственного отдела ВЦИК. Это для самых видных большевистских руководителей, включая Ленина. Сохранившаяся продуктовая отчетность говорит о том, что Ленин в течение одного месяца получил сначала 10 фунтов мяса, то есть примерно 4 кг, 5 фунтов сыра, то есть 2 кг, а через две недели еще 3 фунта сыра, 2 фунта икры, 2 фунта сала, 2 фунта масла, 2 фунта сахара, кофе, чай и 100 штук папирос. Все это количество еды говорит о том, что ничто человеческое Ленину было не чуждо и он подкармливал своих родственников. И кого-то неизвестного осчастливил папиросами.

Москва и остальная страна в октябре 1919 года еще не дотягивает до Питера в смысле голода.

Поэт Марина Цветаева в Москве в это время еще позволяет себе написать: «Героизм — пересилить голод. Аристократизм — не заметить его».

В октябре дочка Марины Цветаевой из детского сада еще приносит домой маме недоеденные детьми корки хлеба, или крохотный кусочек сахара, или макароны в ладошке. То есть дети в Москве еще оставляют хлебные корки, а значит, большевистская власть вне опасности.

11 ОКТЯБРЯ

11 октября 1919 года началась Орловско-Кромская военная операция. Она не стоит в ряду выдающихся битв, сражений или шедевров военной мысли. Само название операции — Орловско-Кромская — ничего не говорит не только подавляющему числу жителей России, но и большинству школьных учителей истории. По меркам XX века в этих событиях были задействованы небольшие силы. Чуть более 22 тысяч штыков и сабель у белых и 62 тысячи у красных. 375 пулеметов и 72 орудия у белых против 1119 пулеметов и 278 орудий у красных.

Но по своему значению для России, а значит, и для всего мира, это событие Гражданской войны принципиально и судьбоносно. Орловско-Кромская операция — это поворот, необратимый разворот в ходе Гражданской войны в России. До этого, длившегося месяц военного столкновения белых и красных ничего не было предпринято. Более того, белые предчувствовали близкую победу,

а красные совершенно не исключали сдачи Москвы, то есть падения большевистской власти. А потом все разом перевернулось.

Итак, к концу сентября 1919 года войска Вооруженных сил Юга России взяли Курск и стремительно продвигались на орловском и воронежском направлениях, преследуя 8-ю, 13-ю и 14-ю армии красных, совершенно утратившие дух и порядок.

В Москве в этой ситуации большевистское руководство принимает решение перебросить на Южный фронт против Деникина военные части с других фронтов. На Западном фронте было срочно заключено перемирие с поляками и петлюровцами. В результате высвободившаяся Латышская стрелковая дивизия и кавалерийская бригада Червоного казачества перемещаются на Южный фронт.

Туда же перебрасываются Эстонская стрелковая дивизия и Кременчугский кавалерийский партизанский отряд. В Центральной России с железными дорогами дело обстоит неплохо, они контролируются красными, и войска перемещают быстро. Из прибывших воинских частей формируется Ударная группа. Ее предполагается бросить во фланг и тыл 1-му армейскому корпусу Добровольческой армии под командованием генерала Кутепова. Окружить и этим остановить наступление белых.

Пока Ударная группа красных формируется, белые прорывают фронт и 9 и 10 октября берут города Дмитровск и Кромы. Потери большие, резервов нет. Пытаются в занятых городах провести подобие мобилизации. Вот как выглядели ее результаты в самый критический момент Гражданской войны. «Идем всем нашим отрядом по улицам и когда встречаем молодых людей по-городски одетых, из интеллигенции, говорим с ними и, предлагаем записаться в армию. Никто прямо не отказывается, но одни говорят, что им нужно собрать вещи, другие — что есть незаконченные дела, а кто-то говорит, что должен подумать. Начинаем ходить по домам. Принимают любезно, охотно разговаривают, но от мобилизации уклоняются». Это воспоминания архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия. В октябре 1919 года он был Всеволодом Кривошеиным девятнадцати лет и воевал рядовым в рваных сапогах Добровольческой армии в Орловской губернии. Он сын Александра Васильевича Кривошеина, министра земледелия в царском правительстве, соавтора Столыпина по знаменитой аграрной реформе и главы правительства у Врангеля.

11 октября у красных происходит замена командующего Южным фронтом. Теперь фронтом командует Александр Егоров. В тот же день, 11 октября, начинаются контрнаступательные действия красной Ударной группы. Белые не снижают темпа своего движения.

Архиепископ Василий вспоминает, как в эти дни прошел слух, что ввиду успехов на фронте студентам-добровольцам разрешено возвращаться в университеты. И тут же нашлись те, кто заявил: «Мы так устали от войны. Довольно крови, хочется мирной жизни и учиться. А все остальное нас не касается. Это пусть профессионалы воюют». «А мужики и бабы в селе, где мы стояли, — вспоминает архиепископ Василий, — тоже говорили: «Для нас, что фронт вперед пошел или попятился, без разницы. Лишь бы войны у НАС не было, мы ее страшимся. А кто к нам пришел, тот для нас и наши...» «Были у нас во взводе и простые обыватели, взятые по мобилизации наугад, кто попадет под руку. Они не желали возвращения красных, но воевать тоже не хотели и думали: пусть другие воюют... Был тринадцатилетний хулиган из бедной городской семьи, отбившийся от рук. Он верил, что скоро окажется в Москве и «выйдет в люди». «В Москву мы приедем на подводах или в теплушках, а может быть, и на белых конях, — говорил он, — а обратно нас повезут до дома в вагонах первого класса на крахмальных простынях». Архиепископ Василий продолжает: «Я помню офицеров нашего взвода. Всем было лет под тридцать, все прошли германскую войну. Скромные и старательные люди воинского долга, без всяких претензий на особый офицерский блеск. С одним поручиком мы много говорили. Он мечтал о победе над большевиками и о другой монархии с большими демократическими реформами... И действительно, добровольно тогда пришло много молодежи, именно они были настоящими бойцами».

12 октября красные 13-я и 14-я армии под ударами 1-го армейского корпуса Кутепова отступают. 13 октября белые берут Орел. Силы красных, оборонявшие Орел, уничтожены. В плен захвачен вместе со штабом командир красной 55-й стрелковой дивизии Станкевич, в прошлом генерал-майор царской армии. Решением военного трибунала Станкевич в тот же день повешен. Это решение военного времени, но прагматически неверное. Потому что исключило возможный переход к белым тех бывших царских офицеров, которые служили красным вопреки собственным убеждениям. В те недели наступления и отката войск было много переходов и на сто-

рону белых, и на сторону красных. С обеих сторон все интуитивно понимали, что этот фронт — главный, здесь решается война, и пытались сделать последний выбор.

14 октября 1-й Корниловский полк берет Мценск. А Алексеевский полк входит на территорию Тульской губернии. 13-я армия красных совершенно дезорганизована. У белых впереди, совсем близко, Тула.

15 октября красные переводят Ударную группу в состав 14-й армии. И в тот же день Ударная группа красных отбивает у белых город Кромы. Белые останавливают движение на Тулу. Командир 1-й пехотной дивизии генерал Тимановский выступил с идеей нанесения мощного удара по Ударной красной группе с целью ее полного разгрома. Но эта идея не нашла поддержки. В течение трех дней белые наносят удары по отдельным частям, входящим в Ударную группу красных. Они имеют некоторый успех, но наступление белых на Тулу очевидно сорвано.

С переменным успехом идут бои за города Севск и Дмитровск. Белые берут город Новосиль, а Марковский полк выходит к Ельцу. Но взять город не получается.

Красная Эстонская дивизия идет в наступление на Орел. Белые, точнее командование Корниловской дивизии, бравшей Орел, опасаясь окружения, принимают решение оставить город. И корниловцы отходят на юг от Орла. В тот же день красная Эстонская дивизия входит в город. Но командующий красной 14-й армией Иероним Уборевич считает, что цель операции не достигнута, корниловцы понесли большие потери, но не разгромлены. Белые, уходя из Орла, не сомневались, что в ближайшие дни вернуться.

«Я был уверен тогда в непрерывности нашего продвижения вперед», — вспоминает архиепископ Василий.

В середине октября 19-го года в белом Киеве в газете «Вечерние огни» публицист Иван Солоневич пишет: «Оставление нами Орла — это, в сущности, мелкий фронтовой эпизод. Станция Золоторево — первая к востоку от Орла в наших руках».

На самом деле, именно этот момент — начало уже необратимого отката белых. И лавинообразного наступления красных.

Архиепископ Василий и в конце жизни, когда писал мемуары, помнил эти дни. Помнил молодую женщину с белой шалью на голове, стоявшую на пороге дома, которой со стыдом тогда сказал: «Не смогли мы удержаться, не было сил, но мы вернемся». Она ответила: «Но нас уже не будет в живых».

17 ОКТЯБРЯ

17 октября 1919 года в связи с наступлением белой Северо-Западной армии Юденича на Петроград глава большевистской власти Ленин по прямому проводу с Петроградом дал указания: «Первое... Удерживать Петроград во что бы то ни стало до прихода подкреплений, которые уже посланы. Второе. Поэтому защищать Петроград до последней капли крови, не уступая ни одной пяди и ведя оборону на улицах города».

Тремя днями раньше, 14 октября, Ленин в телеграмме Петроградскому совету писал: «Ясно, что наступление Юденича — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге. Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли оказывать свою помощь югу». То есть за три дня позиция Ленина по поводу событий под Петроградом резко изменилась. 14 октября — это был пустяк, и просто требуется быстро прогнать врага. А 17 октября Ленин говорит уже о борьбе на улицах города, то есть он не исключает, что войска генерала Юденича войдут в город. На самом деле не стоит обращать внимания на расхождения в этих ленинских указаниях. Ленин вообще мало интересуется Питер. В эти октябрьские дни его исключительно интересует то, что происходит на московском направлении. Главное — наступление Деникина на территории Орловской губернии и более чем вероятное взятие белыми Тулы. Ленин сосредоточен на том, что в данный момент представляет угрозу самому существованию большевистской власти. А Питер не играет принципиальной роли. Надо просто снять там проблему и быстро перебросить высвободившиеся силы на отпор Деникину. Как именно решить проблему с Питером и наступающим на город Юденичем, Ленину все равно. Настолько все равно, что Ленин считает, что Петроград вообще можно сдать.

17 октября Ленин направляет совершенно конкретное указание относительно эвакуации из Петрограда имущества, включая вывоз наиболее ценных частей предприятий. Эвакуацией руководит комиссия во главе с Красиным. Ленин считает: отобьем Деникина, сохраним власть, тогда и Питер вернем. Это характерный прагматический ленинский подход. Как в истории с Брестским миром в 1918 году. Тогда Ленин придумал сепаратный мир с немцами, отдал огромные территории, но это позволило большевикам удержать власть и перебросить солдат с фронта мировой войны на фронт войны гражданской.

Генерал Юденич начал наступление на Петроград в самом конце сентября. Оно имело название «Белый меч» и предполагало первоначальное

чальный отвлекающий тактический маневр, а затем наступление по самому короткому пути — Ямбург—Гатчина—Царское Село—Петроград. При этом планировалось перерезать железнодорожное сообщение с Москвой и тем препятствовать переброске красных войск.

Главная часть наступления началась 11 октября. 16 октября взяли Гатчину, Лугу и Красное Село. 17 октября войскам был дан отдых перед штурмом Петрограда. Город был так близко, что командир одной из войсковых колон полковник Ветренко не выполнил задачу по блокированию железной дороги и поддался соблазну двигаться вперед к Питеру, чтобы войти в него первым.

В соответствии с планом наступательной операции со стороны Финского залива Юденич должен был иметь поддержку эстонского и английского флотов. Но этого в должной мере не произошло, так как еще один из участников наступления на Питер неожиданно поменял планы. Это — Гражданская война, которая выносит на поверхность людей случайных и непредсказуемых.

Вместе с Северо-Западной армией под командованием заслуженного и известного генерала Юденича в октябрьском наступлении белых участвует Западная армия во главе с полковником князем Бермондт-Аваловым. Он был человек неясного происхождения: то ли крещеный караим, то ли уссурийский казак, то ли приемный сын кахетинского князя Авалова. Но безусловно человек лично храбрый, семь раз раненный в мировую войну и с авантурными наклонностями. Служил в контрразведке у гетмана Скоропадского, ориентировался на немцев, потом объявился в Латвии, сколотил отряд, в котором было много немецких офицеров. Отряд превратился в 55-тысячную армию с бронемашинами, бронепоездами и самолетами. Но белой идеей в аваловской армии не пахло. Осенью 1919 года под командованием Бермондт-Авалова были фактически наемники. Он потребовал у англичан особо комфортных условий для своих бойцов. Англичане ответили отказом. Тогда Бермондт-Авалов развернулся вместе со своей частично немецкой армией и пошел брать Ригу, которая была под контролем Антанты. Соответственно, английская эскадра и эстонские части, которые должны были содействовать Юденичу в наступлении на Петроград, направились на борьбу с авантюристом Бермондт-Аваловым.

Что касается генерала Юденича, то он не был авантюристом. Главным для него был вопрос, как накормить голодающее население Петрограда после того, как он, генерал Юденич, вступит в город. Он

озаботился этим заранее. Была задействована продовольственная комиссия во главе с будущим президентом США Гувером. Заключались договоры с финскими и эстонскими поставщиками, с Красным Крестом. Были уже закуплены сотни тысяч пудов муки, риса, сахара. Картошка, овощи, бобы, сало. Отдельное питание для детей до 14 лет. Заняв Гатчину, Юденич затребовал погрузку продовольствия в вагоны. Взятие Петрограда предполагалось через два дня.

16 октября, когда Юденич давал эти указания из Гатчины, в Питер приехал Троцкий. Он намеревался защищать город, но не был уверен, что Питер удастся отстоять. Он знал, что, если пойдет информация о том, что Юденич везет продовольствие, голодный город будет не удержать. При этом Троцкому было очевидно, что, если Юденич возьмет Питер, это станет мощным моральным стимулом для армии Деникина, идущей на Москву, и деморализует красных на Южном фронте.

21 октября белые были уже в Царском Селе и на Пулковских высотах. Троцкий сделал все, что мог. Мобилизовал всех, кого мог, включая женщин, юношей с 16 лет, иногда даже подростков 14–15 лет. В армии повысили продуктовый паек. При этом, в случае отхода с позиций, проводили децимацию, то есть расстреливали каждого десятого. Внутри города строились рубежи обороны, баррикады. Троцкий очень надеялся на башкирские кавалерийские полки, переброшенные под Питер. Как тогда говорили — башкавполки. У Троцкого были также особые виды на башкирские части в случае возникновения угрозы от финнов. Троцкий писал: «Красные башкиры выступят под лозунгом «На Гельсингфорс!»... Это отличная идея напугать финляндскую буржуазию призраком башкирского нашествия».

Но в истории обороны Петрограда на долгие советские годы оказался, естественно, не Троцкий и даже не Ленин. А Сталин, который в октябре 1919 года не имел к питерским событиям никакого отношения и вообще был на Южном фронте.

Этот миф о Сталине окончательно доработан и закреплен в фильме «Оборона Петрограда», съемки которого начались в 1938 году. Раньше это было сделать нельзя. Живы были участники событий. А в 1938 году уже можно, потому что все свидетели из партийного руководства и военные — все расстреляны. Никто никогда не откроет рот и не скажет, что Сталина не было в Питере осенью 1919 года.

Что касается Троцкого, то в 1938 году вся советская страна уже знала, что он — враг народа, враг товарища Сталина и вообще враг рода

человеческого каких поискать. Следовательно, в кино Троцкий лелеет мечту сдать Питер врагам, рассылает шпионов и предателей по городу и фронту. Естественно, в фильме нет председателя Петроградского Совета Зиновьева. К 1938 году он уже расстрелян. В кино просто упоминается, что он поддерживал Троцкого в идее сдать Петроград белым.

Но интереснее другое. Авторы сценария не рискнули прямо лгать, что Сталин был в Питере в октябре 19-го года. Они нашли изящный ход. Сталин и Ленин осуществляют руководство обороной Петрограда из Москвы. Причем главным в этой паре выступает Сталин. Сцена в этом смысле выстроена гениально. Питерские рабочие приехали к Ленину и Сталину. Ленин в кадре на переднем плане, Сталин в глубине кабинета. Но именно Сталин дает важнейшие распоряжения, говорит по прямому проводу с военными. Он компетентен. А Ленин лишь подтверждает слова Сталина. То есть Ленин — это роль второго плана. Главная мужская роль — Сталин. Сценическое амплуа — лидер-защитник-полководец.

24 ОКТЯБРЯ

100 лет назад, в ночь с 24 на 25 октября 1919 года, конный корпус под командованием Семена Буденного отбил у белых город Воронеж.

Буденный воюет против знаменитых кавалерийских корпусов генералов Мамантова и Шкуро. Именно эти казачьи корпуса во многом способствовали успеху наступления Деникина в 1919 году. Теперь в момент, когда решается вопрос, пойдут белые дальше на Москву или нет, рухнет большевистская власть или устоит, Семену Буденному доверена принципиальная задача по разгрому белой конницы.

Буденный в начале октября переброшен красными специально для усиления в эпицентр боев на Южном фронте. У него почти трехкратное численное превосходство над белыми. А резервов у белых нет. Буденновский корпус отдохнувший, а белые казаки измотаны длительными переходами. Лошади у буденновцев перекованы на зимние подковы, а белые этого сделать не успели из-за постоянных боев и неожиданно рано в тот год нагрянувшей зимы.

Буденный не намеревался брать Воронеж лихим кавалерийским наскоком. В Гражданскую войну командиры людьми не швыряются.

и московские рабочие сели на коня в качестве комиссаров и групп бойцов и образовали бы надежные, цементирующие ячейки в кавалерийских частях. Троцкий трезво оценивал ситуацию в Красной армии. У красных, как и у белых, большинство мобилизованных — крестьяне-середняки. Их вообще большинство в деревнях. Они в зависимости от обстоятельств перебегают от красных к белым и обратно. А при первой возможности просто убегают к себе в деревню. То есть основная масса противостоящих армий ненадежна. Значит, выиграет та, у которой костяк из надежных будет крепче и численно больше. У белых — это офицеры, в основном из первых убежденных добровольцев, и интеллигенция, особенно молодое поколение. У красных — рабочие, не самые квалифицированные, и деревенские бедняки. Дома их ничто не держит, там голод. Они хорошо идут в армию за паек, денежное довольствие и официальную возможность посылать голодным семьям посылки с продовольствием, награбленным во время боевых действий. Вот из этих людей следует срочно выбрать тех, кто умеет обращаться с лошадьми. По команде Троцкого результат получен исключительно быстро.

Буденный не в восторге от появления в своем корпусе таких политически благонадежных, но плохо владеющих лошадью. Во-первых, потому что у самого Буденного с детства и на всю жизнь — культ лошади. Единственный искренний. А во-вторых, потому что самого Буденного можно считать неблагонадежным, если покопаться.

Семен Буденный родился на Дону, но казаком не был. Его родители переселились на Дон. Таких казаки называли иногородними и держали за второй сорт. Но семья Буденных поднялась, не бедствовала. Семен Буденный к своим 17 годам — лучший наездник в станице. Это и страсть к лошадям и самоутверждение в казачьем окружении. В русско-японскую войну служил в казачьем полку в Маньчжурии. После войны остался в Приморском драгунском полку под Владивостоком. Никакая революция в 1905 году его не интересовала. Он отличился на учениях и был направлен в столицу, в Петербург, в школу наездников. Учился высшему искусству верховой езды у мировой знаменитости британского жокья Джеймса Филлиса. Нес караул в Зимнем дворце, не раз видел царя. По собственному желанию вернулся в Приморский полк, стал унтер-офицером и гордился этим. Перед Первой мировой за-

нимал выгодную должность полкового наездника. За деньги объезжал лошадей офицерам, копил и мечтал купить на Дону небольшой конный завод. В мировую войну воевал на разных фронтах. И в Польше, и в Турции, и в Персии. Когда произошла Февральская революция, был приведен к присяге Временному правительству. Вопреки официальной советской версии, Буденный не входил ни в какие солдатские комитеты и в общественной жизни не участвовал. После октябрьского большевистского переворота в Петрограде Кавалерийская дивизия, в которой служил Буденный, через свой выборный комитет приняла резолюцию: «Дивизия единодушно осуждает безумную попытку кучки авантюристов захватить власть силою оружия... и потому изъявляет свою полную готовность подавить восстание всеми силами». Если бы дан был приказ, Буденный в составе кавалерийской дивизии подавлял бы большевистский переворот. Но приказа не было, и он вернулся в родную станицу. Все его накопления на конный завод были конфискованы новой советской властью. В качестве актива осталось только его кавалерийское мастерство. С выбором, кому предложить себя, было несложно. Раньше казаки имели особые права у себя на Дону и Кубани. Теперь красные уравнили неказачье население в правах с казаками. И Буденный пошел к красным. Стали возникать партизанские отряды, Буденный возглавил один из них. Потом отряды стали объединяться и втягиваться в большую Гражданскую войну. Летом 18-го года под Царицыным Буденный познакомился со Сталиным и Ворошиловым. В начале 1919 года Буденный во главе кавалерийской дивизии осуществляет рейд по вражеским тылам. Это конная гонка с боями в течение 37 дней на протяжении четырехсот километров. Троцкий и тогда и позже высоко оценивал умение Буденного вести за собой бойцов. Но никогда не видел в нем никакого самостоятельного политического потенциала. Другие, включая Ворошилова, подозревали, что Буденный может кинуть большевиков и даже возглавить крестьянское восстание.

Буденный обманул и Троцкого, и Ворошилова. Политический потенциал Буденного по советским меркам оказался фантастическим, потому что из всех советских маршалов только он и Ворошилов остались не расстрелянными. А при этом у Буденного был родной брат, эмигрировавший в США. И он с ним не одно десятилетие тайно переписывался, и никто об этом не знал.

1 НОЯБРЯ

1 ноября 1919 года в дневнике одного из обитателей белого Омска сделана запись: «Ужасно. Устал. Омск, по-видимому, безнадежен. Завтра предполагена наша эвакуация в Иркутск. Ночь. Собираемся. В последний раз — уютная комнатка, самовар».

Эта запись из дневника Николая Устрялова, правоведа, философа, политического деятеля, приехавшего в Омск к Колчаку в начале февраля 19-го года и прожившего в городе вплоть до начала эвакуации ввиду наступления красных.

Омск все это время был не просто одним из российских городов времен Гражданской войны. Это была временная, но официальная и признанная столица для всех, кто относил себя к белому лагерю.

Менее чем за год этот сибирский город, бесконечно удаленный от Москвы и Питера, успел приобрести черты столичной жизни. Здесь базировался адмирал Колчак в статусе Верховного правителя России. Совет министров с множеством департаментов, с чиновничьей жизнью создавал иллюзию Петербурга былых времен. Николай Устрялов, добравшись до Омска, в дневнике так и написал: «Центр! В гуще!» В Омске сохраняются черты нормального быта, от которых уже отвыкли в Центральной России. Именно поэтому Устрялов пишет: «Третьего дня был в заседании Совета министров. Светло — и электричество и свечи. Прекрасная зала с белыми колоннами и бронзовою оправою зеркал... Дают чай с сахаром». Последнее уточнение крайне важно. В красных столицах, в Москве и Питере, — голод. «Уютно в Омске. Гуси исключительно жирные, каждый день молочница приносит по кринке молока, сахара в волю», — пишет Устрялов. Хотя он в Омске находится в выгодном положении. Он, известный деятель кадетской партии, назначен директором правительственного пресс-бюро. То есть он отвечает за пиар, информацию и пропаганду на территории, контролируемой Колчаком.

Но огромный поток людей идет в белый Омск независимо от шансов найти работу. Решающие факторы — присутствие верховной власти и отсутствие голода. То есть Гражданская война демонстрирует, что психологически столица может возникнуть в любой географической точке страны.

Хотя Омск образца 19-го года не в состоянии переварить нахлынувшую в него людскую массу. Местная пресса писала: «Люди жи-

вут на сеновалах, в конюшнях, в кладовках. Рядом со зданием Управления Омской железной дороги, почти в центре города, люди вырыли ямы, накрыли их чем попало и живут».

В качестве реабилитационных центров выступают театры. Беженцы — это в основном городские жители, и после пережитых потрясений они ищут отдыха и успокоения в привычной обстановке. Кроме того, за время перемещений по стране и борьбы за физическое выживание люди привыкли быть сами за себя. Теперь, добравшись, как им казалось, до финальной станции, до новой столицы, люди вдруг ощутили потребность в восстановлении общественных связей. Театр был самой подходящей для этого площадкой. Театр в Омске — как фрагмент старой жизни. Идут гастроли, устраиваются бенефисы. Театры под названиями «Гигант» и «Одеон» совмещают несколько функций: и театр, и кинотеатр, и здесь же кафе. Театры строят планы на будущее. Осенью 19-го года объявлены торги на право аренды некоторых театральных зданий. Заявленный срок аренды — с 10 октября 1919 года по 10 октября 1922 года. То есть все надеются на лучшее.

Адмирал Колчак часто ходил в городской театр Омска. Сидел в литерной ложе слева, если смотреть со сцены. Приходят министры, генералы и офицеры, аккредитованные в Омске представители иностранных государств. Колчака с натуры и в театре, и в вагоне-салоне писали художники Александр Соловьев и Борис Иогансон. Оба офицеры, воевавшие в колчаковской армии.

Художник Борис Иогансон, писавший Колчака, впоследствии, уже в Советской России, напишет хрестоматийную картину «Допрос партизана». В бытность колчаковским офицером он имел собственный опыт присутствия на таких допросах.

Там же, в Омске, ученик Огюста Родена скульптор Иван Шадр в 1919 году начал работу над памятником основателю Добровольческой армии Лавру Корнилову. Лично Колчак заказал Шадру композицию «Освобождение Сибири». Кроме того, Шадр делает эскизы денежных знаков серии «Возрождение России». После оставления Омска Колчаком Иван Шадр пройдет через ЧК, но выживет и получит от красных заказ на памятник жертвам белого террора, а также памятник Марксу. Уже в Москве для Гознака Шадр изготовит скульптуры красноармейца, рабочего, крестьянина и сеятеля. Эти изображения появятся на советских деньгах. Лепил с натуры Ленина в гробу.

И еще 16 скульптур Ленина. Но главным произведением Шадра станет легендарная скульптура «Бульжник — орудие пролетариата». А кроме того, его же — не менее легендарная «Девушка с веслом».

Устрялов вспоминал, как в середине сентября в Омске гулял и видел всюнощную у омских беженцев. Прямо на открытом пространстве. Березы, свечи, луна. Беженцы торжественно поют. Кругом повсюду повозки со скарбом. «Несчастные», — написал о них в дневнике Устрялов. Но все — и несчастные беженцы, и более удачливые, как Устрялов, — все надеялись, что зиму проведут в Омске. Дрова покупали, запасались сахаром. Но в последних числах октября объявлена «разгрузка», то есть эвакуация.

Началась массовая паника. Дадут вагон или нет. Пешком по морозу далеко не дойдешь. Устрялов фиксировал в дневнике: «Дома кругом мешки, корзины. На полу ненужные бумаги... Ехать... В теплушке... Две недели, быть может, три, месяц... Быть может, погибнуть под откосом, в тайге, от бандитов. Ну а если и приедем в Иркутск — что дальше? Отсрочка? Год, неделя или ночь... Повсюду побеждают большевики... Ave, Revolutio, morituri te salutant. Славься, революция, идущие на смерть приветствуют тебя».

У Колчака бок о бок с Устряловым работал Василий Янчевецкий. Человек опытный, знаток восточных языков, до революции корреспондент телеграфного агентства, выполнявший разведывательные задания в Персии, Константинополе, в Румынии. В конце 17-го года в Яссах имел отношение к формированию бригады полковника Дроздовского, которая вошла в костяк Добровольческой армии под руководством Корнилова, памятник которому делал Иван Шадр. Спустя 10 лет после падения Омска, пожив в Сибири и в Средней Азии, Василий Янчевецкий в Москве под литературным псевдонимом Ян напишет знаменитые исторические романы «Чингисхан», «Батый» и много других.

Николай Устрялов тоже вернется в Москву спустя 15 лет после Омска. В эмиграции сменил политическую ориентацию, призывал к сотрудничеству с большевизмом. Полагал, что большевизм переродится, отбросит всякий коммунизм и интернационализм и будет единая и неделимая империя при сильном единовластном вожде. Устрялов сделался большим поклонником Сталина. Хотя, похоже, его национал-большевиизм расшифровывался просто: ему любой ценой хотелось домой.

Еще в Омске в 19-м году он в дневнике написал: «Все более и более заманчивою представляется Москва, хотя бы даже и большевист-

ская. С тоскливой, но сладкой грустью вспоминаются ее улицы, дома, былые дни жизни в ней, и тянет туда, тянет все чаще и сильнее».

Сталин разрешил Устрялову вернуться в СССР в 35-м году. Он искренне хотел стать советским человеком, перестать быть старым русским интеллигентом, слиться с новой уличной толпой в Москве. В дневнике наедине с самим собой писал: «Да здравствует товарищ Сталин!» Но не мог удержаться, отпуская тормоза, и появлялся иной текст: «...отходит мир окружающей ежедневной реальности, и выступает мир ценностей высшей, реальнейшей реальности. Обступают сознание милые призраки, слетающие с ковров, зеркал, комодов, гнездящиеся в этом воздухе». И сразу оправдывается: «Отчего же полчаса ночью не отдать сердечному скрипу?!»

Николай Устрялов вел московский дневник около двух лет. Потом его расстреляли.

7 НОЯБРЯ

7 ноября 1919 года на территориях, подконтрольных большевистской власти, отмечалась 2-я годовщина Октябрьского переворота. Ритуал празднования вырабатывается в столице. 7 ноября 19-го года впервые в честь захвата власти большевиками на Красной площади проходит военный парад. Несколько штук броневиков и не слишком стройные ряды, еще без муштры, колонны красных курсантов. Лидеры партии стоят у Кремлевской стены и смотрят на проходящие перед ними воинские части. Ленин иногда прикладывает руку к ушанке. Рядом с ним глава ВЧК Дзержинский. Тут же были председатель Моссовета, старый соратник Ленина Лев Каменев и, естественно, наркомвоенмор Лев Троцкий в военной форме. Позже, при Сталине, когда Каменев и Троцкий были объявлены врагами народа, хронику перемонтировали без этих ближайших Ленину людей. И на фотографиях с парада их затерли.

Вслед за военными по Красной площади прошествовали рабочие. С двумя-тремя из них тут же, у Кремлевской стены, Ленин побеседовал.

После парада на заседании Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета прошло награждение Троцкого орденом Красного Знамени за вклад в оборону Петрограда от

войск генерала Юденича. При вручении ордена было отмечено, что «в дни непосредственной угрозы Красному Петрограду товарищ Троцкий... личным мужеством вдохновлял красноармейские части на фронте под боевым огнем».

Троцкому 7 ноября 19-го года исполнилось 40 лет. Сталин получит свой орден 27 ноября.

После парада и награждений Ленин и партийное руководство направились в Большой театр на торжественное объединенное заседание. В преддверии праздника Ленин написал для газеты «Беднота» статью о двух годах существования советской власти. Так как Гражданская война в самом разгаре и о победе говорить преждевременно, Ленин в газете выступает с позиции исторического оптимизма: «Победа во всем мире Советской власти дело обеспеченное. Вопрос только во времени... Тяжелая, трудная борьба против капитала начата победоносно в России. Эта борьба ширится во всех странах. Эта борьба кончится победой Всемирной Советской республики».

7 ноября Ленин выступил со сцены Большого театра. По окончании торжественного заседания состоялся праздничный концерт. То есть обязательный праздничный ритуал — военный парад, демонстрация трудящихся, выступление руководства, праздничный концерт — сформирован еще во вторую годовщину большевистского переворота и выдержит проверку всем последующим временем. Тогда же оформилась практика подготовки торжеств. Заблаговременно создавалась специальная комиссия, которая рассылала циркуляры на места. Сценарии мероприятий расписываются поминутно. На все выделялись бюджетные средства. Чем дальше, тем больше. Независимо от экономической ситуации в стране и уровня жизни граждан. Массовость мероприятий — с самого начала выдвигается в качестве главной задачи. Это имеет абсолютно прагматическое объяснение: массовость — зримый способ легитимации большевистской власти. Праздник 7 ноября должен сделать законным большевистский переворот в массовом сознании.

Но в 19-м году подавляющая часть населения страны не видит ничего праздничного в этом дне. Для одних, прежде всего в городах, большевистский переворот — это слом всей жизни. Другие, в деревнях, вообще мало понимают в происходящем и вовсе не помнят, что такое произошло 7 ноября 19-го года в Петрограде, где они никогда и не бывали. И вообще непонятно, почему День Октябрьской революции отме-

чают 7 ноября. Территории переходят от белых к красным и обратно, одни живут по новому стилю, другие по-старому, кто тут разберет.

Особые меры к празднику принял Царицынский губком ВКП(б). Правда, сам губком находится не в Царицыне, а в городе Камышине, потому что Царицын — белый, а вся территория губернии — сплошная красно-белая чересполосица. Но для красных районов губернии большевистский губком выпустил листовку с заголовком «Что произошло 25 октября 1917». Листовка разъясняла: «Голодал, холодал, недоедал, недоживал рабочий и крестьянин от жадности своих угнетателей... И вот после долгой и упорной борьбы это случилось». Под словами «это случилось» подразумевается революция. Ход в принципе верный — объяснить, что и почему надо праздновать. Но сказанное праздничного настроения создать не может, потому что никогда в стране не было такого разорения, голода, поборов и никто не знает, когда этому будет конец.

К 7 ноября 1919 года дополнительной бедой становится холод. В 1919 году в начале ноября в самых разных регионах страны резко началась зима. На хронике парада видно, что Красная площадь в снегу и у Ленина на ушанке снег.

Писатель Михаил Пришвин, проживавший под Ельцом, 7 ноября записывает в дневнике: «Ровно неделя, как легла зима безо всякого предупреждения, и мороз стоит минус 10».

Об этих днях в Москве сохранились сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета имени Шанявского.

«Еще только первые числа ноября, а выюга февральская. Снег по колено, ноги еле двигаются, а идти далеко. Ветер продувает насквозь, холодно, страшно холодно, зуб на зуб не попадает», — пишет барышня Мазурова, окончившая 6 классов гимназии.

«...Приходится сидеть и мерзнуть целый день на службе. Придешь домой — такой невыносимый холод; негде отогреться. Вечером не хочется никуда идти, зная, что трудно потом будет добраться опять домой. Свету нет, трамваев нет, только и может выручить случайно попавшийся по дороге ломовик, который, сжалившись, посадит на телегу и довезет до назначения», — из сочинения Гетлиной, 16 лет, служащей.

«Когда идешь вечером по улице со всех сторон раздается треск: это москвичи собирают себе топливо. Кто посмелее, тот поломает забор, сложит его на саночки и свезет к себе домой, другие растаскают бревна от разрушенного для топлива дома; кто оторвет водосточную трубу или

станет где-нибудь кусок железа для маленькой печки, которая служит сейчас почти для всех источником тепла. Сильно удручающее впечатление производят эти разрушенные почти на всех улицах дома», — рассказывает Михайлов, окончивший 5 классов реального училища, 16 лет.

«Группа людей, вооруженная какими-то железными крюками, роется в руинах дома и старается среди обвалившейся штукатурки и разбитых кирпичей разыскать каких-нибудь щепок или обломков досок».

Попова, выпускница прогимназии в г. Саранске Пензенской губернии, теперь сестра милосердия в одной из московских больниц, пишет: «...Если говорить о костюмах, то большинство так разодето, что войско Наполеона при отступлении от Москвы может вполне соперничать. Больше всего бросается в глаза обувь. В прежнее время только обыватели Хитрова рынка так были одеты».

«От всех вышеуказанных негодований население имеет ужасное настроение. Конечно, которым хорошо живется в настоящее время, те, безусловно, стоят за советскую власть, а те, которые голодные и переживают всякие невзгоды, те говорят: «Хоть бы черт царствовал, а нам дай дров и хлебушка!» — так оценил политические настроения выпускник Высшего начального училища Модестов, счетовод, 17 лет.

А писатель Михаил Пришвин несколько дней спустя после праздника опять в дневнике написал о погоде: «Третьего дня все время лил дождь, и мы думали, что зима наша кончилась, но вчера утром мороз прохватил, и стало все ледяным, и зима удержалась. Так вот и Советская власть, думали, конец, конец, а она все держится, и запасы мы делаем теперь с таким расчетом, что она всю зиму продержится».

14 НОЯБРЯ

14 ноября 1919 года столица Белой России город Омск был взят силами 5-й Красной армии под командованием Михаила Тухачевского.

Тухачевский уже овеян славой. Он победно прошел с боями от Бугуруслана, что восточнее Самары, дальше на Восток, перешел через Урал, взял Челябинск. Рисковал, совершал широкие маневры, пренебрегал мнением вышестоящего начальства. Форсировал Tobол, двинулся к городу Петропавловску и взял его в последних числах октября. Белые отступали к Омску. 5-я армия Тухачевского без вся-

ких передышек продолжала стремительное наступление. На пути от Петропавловска до Омска красные взяли около 45 тысяч пленных.

12 ноября красные были на ближних подступах к Омску. Предстояло форсировать Иртыш. Перед Иртышом 13 ноября было побоище. 2-й и 34-й Оренбургские казачьи полки, 3-я Алтайская и 13-я отдельная сотни в конном строю при артиллерийской поддержке атаковали красных. Но к середине дня белые начали отходить. Красные начали готовиться к переходу через Иртыш. С погодой Тухачевскому везло. После нескольких дней оттепели ударил мороз, лед на реке окреп.

Пулеметы везли на санях, бойцы шли цепью. Около 11 утра 14 ноября первые красные части вошли в Омск.

В городе был полный хаос. Красные и белые находились в соседних кварталах, одни входили с запада, когда другие уходили на восток. Все вламывались на склады: искали зимнее обмундирование, продовольствие. Одни по праву победителей, другие — потому что уходят и все равно все достанется врагу. И те, и другие пили, дорвавшись до спиртного. Потом начали рваться запасы снарядов, патронов, пошли пожары, а над городом стояло зарево, которое было видно на многие километры.

Белое командование заранее отказалось от идеи удерживать Омск ценой большого сражения, но никто не предполагал, что город будет сдан так внезапно и бездарно. Более того, уйти из города еще не означало спастись.

В 23.45 14 ноября Реввоенсовет Восточного фронта поставил перед Тухачевским задачу продолжить преследование противника для закрепления достигнутого успеха.

Арьергардные части отступавших белых оказались под угрозой окружения. Многие, застигнутые в деревнях под Омском, сдавались. А в поселке Сыропятское 15 ноября был большой бой. Силы были примерно равные. И красные, и белые одеты кто в чем, обмороженные, физически и психически измученные, озверелые. Одни — от ощущения победы, другие — от отчаяния.

По несколько полков друг против друга бились. Примерно равные силы. Красные взяли село. Но в одном из красных батальонов были выбиты все командиры рот и почти все командиры взводов, не говоря уже о красноармейцах.

Тухачевский и Реввоенсовет 5-й армии после Омска выступили с заявлением: «Колчаку нанесена смертельная рана. Спасая свою

презренную жизнь, бежит предатель рабоче-крестьянской России под защиту японских штыков... Ценою ваших великих трудов и жертв сделано главное дело. Осталось преследовать раненого зверя, не давать ему остановиться, зализать раны, собраться с силами... Сделаем последнее усилие. Пусть сибирский снег будет саваном погибающей буржуазии. Добьем Колчака!»

Тухачевскому в этот момент 26 лет, но выглядит он моложе. Красивый, в хорошо сидящем полушубке, валенках и белой сибирской заячьей шапке с очень длинными ушами, которые можно было завязывать вместо шарфа.

Тухачевский честолюбив. В Омске у него ощущение, что он поймал удачу за хвост.

Он окончил Александровское военное училище в Москве 12 июля 1914 года, прямо накануне Первой мировой войны. Он был первым по успеваемости и по дисциплине, ему предоставили свободу выбора места службы, и он предпочел Семеновский полк. В планах была Академия Генштаба. В 1913 году во время празднования трехсотлетия дома Романовых за рвение в службе портупей-юнкер Тухачевский представлен Николаю II.

Теперь в новой политической ситуации в стране, при большевиках, для него открываются неожиданные карьерные перспективы.

Соученик Тухачевского по Александровскому училищу Владимир Посторонкин в своих воспоминаниях, изданных в Праге в 1928 году, написал: «Тухачевский с течением времени становился фанатиком в достижении цели, его руководящий принцип — достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку».

В семье Тухачевских бытовало предание, что они ведут свой род от графа Идриса, который был сыном графа Фландрского Бодуэна IX из французского королевского рода Капетингов. Граф Бодуэн — участник IV крестового похода и первый император Латинской империи на обломках Византии.

Во время мировой войны Тухачевский был в плену в Германии. Его знакомый по плену, французский лейтенант Реми Рур, оставил в воспоминаниях портрет: «Тухачевский. Аристократически раскованный, весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, придавали ему сходство с Бонапартом времен Итальянского похода». Летом

17-го года в лагере для военнопленных Тухачевский делился своими соображениями с лейтенантом Руром: «Революционная Россия распространит свои пределы далеко за границы, очерченные договорами. С красным знаменем, а не с крестом, мы войдем в Византию. Мы встряхнем Россию как пыльный коврик. А потом мы встряхнем весь мир».

За Омск его наградили почетным революционным оружием. Это позолоченная шашка, в ножны которой вмонтирован орден Красного Знамени. Подчеркивалось, что Тухачевский награжден «за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной армии на восток, завершившемся взятием города Омска».

Из Омска Тухачевский был отозван в Москву. В декабре на совещании политработников Троцкий назовет его «одним из лучших командиров» и отметит «его стратегический талант».

Тухачевский вообще осуществившаяся идея Троцкого о привлечении царских военспецов в Красную армию. Тухачевский никогда не был идейным сторонником большевиков, но это не мешает ему в будущем применить отравляющие газы при подавлении Тамбовского крестьянского антибольшевистского восстания и утопить в крови восставших моряков в Кронштадте. Более того, Тухачевский дорастет до маршала. В мирное время его карьерный рост достиг предела. Он мог профессионально проявить себя в приближающейся войне. Но такой шанс ему не представился. Точнее, Сталин не дал ему этого шанса. Тухачевский арестован и расстрелян в 37-м одним из первых в ходе сумасшедших сталинских репрессий в армии.

Тухачевский погиб в 44 года. Колчак, которого он победил, погиб в 46. Расстрелянными оказались оба. Но Колчака убьют идейные враги, а Тухачевского те, в чьих рядах был он сам. Колчак погиб за идею Белого движения. Тухачевский пал жертвой сталинского страха и подозрительности. Колчак встретил смерть, как подобает офицеру. Отказался завязывать глаза. Стоял в застегнутой на все пуговицы шинели. Тухачевского пытали, он подписал все ложные показания, которых от него требовали. И убили его пулей в затылок. Могил нет ни у Колчака, ни у Тухачевского. Но про Колчака хотя бы известно, что расстрелян он был на снежном родном просторе на Ангаре. У Тухачевского и этого не было. В качестве последней предсмертной карточки перед глазами — глухой пыльный коридор Лубянки.

22 НОЯБРЯ

22 ноября 1919 года начинаются запоздалые попытки изменить систему колчаковской власти. А именно уйти от военной диктатуры и либерализовать власть в Сибири. Инициаторы этой идеи — братья Пепеляевы. 27-летний генерал-лейтенант Анатолий Пепеляев, командующий 1-й армией. И Виктор Пепеляев, кадет, деятель колчаковского правительства, а с 22 ноября премьер-министр этого правительства.

Начиная с этого дня в течение недели братья Пепеляевы обсуждают вероятность блока с различными местными политическими и общественными организациями, с эсерами, с меньшевиками, с земскими деятелями. Цель одна — не отдать большевикам Сибирь. Пепеляевы будут давить на Колчака, требовать от него подписать акт о срочном созыве Сибирского земского собора, который стал бы неким представительным органом разнообразных политических сил. В телеграмме Колчаку пишут: «Время не ждет, и мы говорим Вам теперь, что во имя Родины мы решимся на все». В осуществление этого обещания по приказу генерал-лейтенанта Анатолия Пепеляева будет арестован вместе со штабом главнокомандующий Восточного фронта генерал Сахаров. Его сменит знаменитый и авторитетный генерал Каппель. Но главное, на что были готовы Пепеляевы, — это договориться с левыми, с эсерами и меньшевиками. То есть с социалистическими, но не большевистскими силами.

Вероятно, еще некоторое время назад эта идея могла бы иметь хоть какие-то шансы на осуществление, хотя бы на обсуждение. Теперь шансов не было вообще. Потому что к концу ноября 19-го года сибирские эсеры и меньшевики успели в корне изменить свои политические установки.

В 1918 году и до осени 1919 года эсеры в Сибири проводили так называемую политику «третьей силы» или «третьего пути».

То есть, во-первых и прежде всего, они были против Колчака, считая, что белые хотят исключительно восстановления монархических порядков. Что белые — враги изменений, враги революции.

А во-вторых, эсеры были против большевиков с их нетерпимостью ко всякому политическому инакомыслию. При этом большевики, конечно, революционеры и в смысле своих конечных целей являются братьями по крови.

Позиция эсеров играла важную роль, потому что они в Сибири влиятельны и активны. Они были широко представлены в местных

органах самоуправления, в земствах, в городских думах. Взаимодействовали с крестьянскими организациями, проводили работу в армии, агитировали за народовластие против диктатур любого толка.

К осени 19-го года в эсеровской среде начались тактические разногласия, что было связано с изменением настроений различных слоев населения.

Интеллигенция, которая придерживалась демократических принципов, бежала в Сибирь от красной диктатуры, большевистского террора и разрухи. Но Сибирь была бесконечно далека от территорий, контролируемых большевиками, и за прошедшие без малого два года ненависть к большевикам отошла на задний план, подзабылась. Актуальными стали проблемы, порожденные колчаковской властью. Эта власть именовалась диктатурой, но была на всех уровнях невнятной, неэффективной, очень часто коррумпированной, не могла предотвратить разбой и террор казачьих частей, не защищала местных крестьян, и к тому же эта власть проигрывала красным на фронте.

Крестьянское сибирское население не знало, что представляет большевистская власть, а колчаковской властью было уже недовольно до ненависти.

В результате общее настроение в Сибири, и крестьянское, и интеллигентское, левело. Соответственно, эсеры как местная влиятельная политическая сила чувствовали себя на коне. В особенности то крыло в эсеровской партии, которое требовало большей активности и быстрых конкретных действий, вплоть до антиколчаковского вооруженного переворота. Странники активных действий особенно сильны в Томске и Иркутске, а это те города, куда отступает Колчак и его правительство. На краевой конференции эсеровской партии в конце октября 19-го года сторонники быстрого антиколчаковского переворота уже лидировали. Была сформирована «пятерка», члены которой отвечали за непосредственную подготовку к перевороту. А в середине ноября происходит смена главных политических лозунгов. Больше нет никакого «третьего пути». В принятой эсеровской декларации говорится: «...прекращение внутренней гражданской войны, установление мирных договорных отношений между Советской Россией и очищенной от адмиральской реакции свободной демократической Сибирью с Всероссийским Учредительным собранием во главе». Так, абсолютно фантастически сибирским эсерам представлялся вариант договоренности с большевиками. Есть

Советская Россия, есть демократическая Сибирь, и они сосуществуют мирно, красиво, всем на радость.

Но так как эсеры в одиночку переворот осуществить не могли, они начали искать союзников в рядах меньшевиков, в крестьянских объединениях и профсоюзах. А еще решили позвать в эту компанию большевиков. Этот альянс решено было назвать «Политический центр». То есть оторванные от красной России сибирские эсеры и меньшевики беспричинно решили, что братоубийственная война уже вызывает у большевиков ужас и отвращение, что они смягчились, пережили внутреннюю эволюцию и готовы умерить авторитарный характер собственной власти. Эсеры в Сибири так прямо и говорили: «Труден первый шаг — сбросить колчаковщину, а там уж легче будет договориться о форме власти».

Нет никакого объяснения этой политической наивности у членов старейшей российской политической партии. Тем более надо отдать должное большевикам, они никогда не давали повода думать, что откажутся от своей идеи диктатуры пролетариата. Тем более поздней осенью 19-го года, когда Красная армия быстро наступала на Востоке. Вероятно, к союзу с большевиками эсеров могли склонить сентиментальные воспоминания о совместном пребывании в царской ссылке. Именно после ссылки многие из них осели в Иркутске. Это были профессиональные революционеры. У некоторых в прошлом — участие в террористических актах. Теперь они считали необходимым добиться единства всех сил революционной демократии. К их числу они отнесли и большевиков, которые всего несколько лет назад были соратниками по борьбе с царизмом. Но большевики никогда не были сентиментальны не только по отношению к эсерам, но и к своим соратникам по партии, и даже просто к женщинам и детям.

При таком политическом раскладе премьер-министр колчаковского правительства Виктор Пепеляев был обречен на неудачу в своих попытках найти точки соприкосновения с левыми. В Иркутске он провел ряд неофициальных встреч с умеренными социалистами и предлагал совершенно компромиссную программу: «Я готов в состав правительства ввести лиц, которых вы мне укажете. Я твердо решил ликвидировать военный режим и перейти к новому гражданскому управлению. Я отлично вижу ошибки прошлого и честно хочу их исправить. Иду вам навстречу с открытой душой и прошу вашей помощи в трудной работе».

Но был пункт, по которому в конце ноября 19-го года договориться уже не могли. Пепеляев был за войну с большевиками. А эсеры теперь хотели с большевиками мира, хотя еще полгода назад настроены были по-другому. Если бы переговоры сибирских правых и левых состоялись летом, может быть, и можно было договориться.

Через два с половиной месяца созданный эсерами Политсовет арестует Колчака и Пепеляева и передаст их большевикам, которые их расстреляют. А позже покончат и с эсерами.

28 НОЯБРЯ

28 ноября 1919 года на заседании Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии слушалось дело № 517 о спекуляции художественными ценностями. Расследование по поводу значительного завышения цены на антикварную коллекцию, подданного Дании Эрика Плуме, длилось полгода.

В результате расследования было дано заключение: «Весь состав экспертно-художественной комиссии во главе с Максимом Горьким и народным комиссаром просвещения Анатолием Луначарским привлечь к ответственности за злоупотребление властью...» Экспертно-художественная комиссия, о которой идет речь, была учреждена в 1918 году и имела задачу находить и выкупать предметы и коллекции высокого художественного уровня у их владельцев, которые расставались со своими ценностями либо перед тем, как бежать из России, либо потому что при большевиках царил голод, «черный рынок», где только и водились продукты, требовал огромных денег. И вообще все — и дрова, и какая-никакая обувь, купленная с рук по случаю, да что ни возьми, все стоило чем дальше, тем дороже.

Экспертно-художественную комиссию с момента создания возглавил знаменитый писатель Максим Горький. В 1918 и 1919 годах Горький был известен как человек, который использовал свой большой авторитет и давнее знакомство с Лениным для того, чтобы спасти деятелей культуры и науки от голода. Горький не скрывал своего неприятия классового террора. Пытался даже, правда безуспешно, спасти от расстрела трех великих князей из романовской семьи. И вот Горького с такой его репутацией решено поставить на скупку

художественных ценностей у людей, оказавшихся в безвыходном положении. Это занятное решение. Во-первых, возвращает проявлявшего гуманизм Горького в лоно большевистской реальности. Во-вторых, просматривается очевидный расчет на то, что клиенты с их ценностями клюнут на Горького именно как на человека с репутацией, а там можно уже демпинговать по цене. То есть это уже такая игра новой советской спецслужбы. Ну и, в конце концов, Горькому предложили все-таки работать с людьми культурными, разбирающимися в искусстве. А искусство надо спасать для новой советской жизни, для музеев, куда пойдут новые советские люди. И кроме того, сам Горький был не чужд коллекционированию. Он и не скрывал от своих гостей огромного количества старинных вещей, появившихся у него в квартире после Октябрьского переворота.

Торговля произведениями искусства и антиквариатом резко активизировалась еще после Февральской революции, а после большевистского переворота пошел настоящий бум. Участниками рынка были не только дворянские и буржуазные семьи. Награбленным во дворцах, богатых домах и имениях торговали воры, революционные матросы и комиссары. В общем хаосе антиквариат по дешевке скупали иностранцы.

Вполне вероятно, что именно таким образом составил свою коллекцию датчанин Эрик Плуме. Но вывезти ее он не мог, потому что разрешение на вывоз выдавалось в Наркомпросе только политически лояльным лицам. Тогда датчанин Плуме решил выгодно продать коллекцию. Его доверенные лица вышли на наркома Луначарского и предложили выкупить коллекцию за 11 миллионов рублей, сославшись на оценку, проведенную ювелиром и антикваром, сыном знаменитого ювелира Карла Фаберже, Агафоном. Луначарский поделился этой информацией с Горьким. А Горький — со своей женой актрисой Андреевой, давно сотрудничавшей с большевиками, которые к тому времени возглавили еще и оценочно-антикварную комиссию Наркомата торговли и промышленности. То есть от Горького с женой действительно многое зависело. Горький собрал большой коллектив из лучших в Питере экспертов, включая выдающегося искусствоведа Александра Бенуа, опытного антиквара Михаила Савостина и Агафона Фаберже.

Эксперты провели оценку коллекции Плуме и назвали цену — 8 миллионов. Но тут вмешалась ВЧК и открыла дело по статье «спекуляция». Осудили Агафона Фаберже и посредников со стороны

Эрика Плуме. Горького и Луначарского в числе обвиняемых за спекуляцию не было. Но внимание следователей привлек отдельный эпизод с их участием, а именно то, каким образом проходило обсуждение цены коллекции. В протоколе указывалось: «Условия, которыми была обставлена продажа... являются типичнейшими для дельцов спекулятивного мира... Это отвратительная обстановка, которая мыслима и возможна была в эпоху самодержавия, и... именовалась весьма характерным и метким народным словом «смазка». Этот фрагмент протокола означает, что Горький, Луначарский и некоторые эксперты обсуждали сделку с владельцем коллекции за завтраком, за столом с едой. Еще два с половиной года назад это считалось бы обычным деловым завтраком и никто бы не счел съеденный кусок рыбы или ветчины смазкой, то есть взяткой. Но при большевиках, чья экономическая политика спровоцировала голод, еда стала дороже денег. За еду отдавали все, потому что еда означает жизнь. Еда в голод становится культом, главным предметом разговоров. И дальше, через голод 1921 года, 1931 и 1932 годов, голод 1947 года, советский культ еды войдет в массовую психологию. В поздние советские годы никто уже не будет знать об ужасах тех лет, но генетическая память обнаружит себя в нашем представлении, что гостей надо прежде всего много, досыта, кормить. Количество еды на столе — главный признак благосостояния.

В 1919 году следователи вменили Горькому и Луначарскому превышение должностных полномочий, которое заключалось в том, что они ели и «не вспомнили, — как подчеркивалось, — о страданиях рабочего класса, о том, что люди умирают от голода... А за этой безответственностью неизбежно последуют новые и худшие падения».

Следователь назвал происшедшие завтраки пиршествами. На допросах в числе прочего выясняли меню. Было установлено, что «завтраки состояли из телятины, кулебяки, яиц, кофе, чая, домашнего печенья, бутербродов с сыром и маслом». Были вина, красные и белые. Следствие даже предполагало, что за все перечисленное Горький с Луначарским могли зависить оценочную стоимость коллекции. В реальности эти два господина не бедны, всемирно известный писатель Максим Горький и Анатолий Луначарский с видом и манерами образованного барина были, очевидно, рады короткому возвращению в состояние человеческой нормы. То есть к тому, как они сами жили до ими же затеянного переворота.

Чекисты провели обыск в квартире Эрика Плуме и даром забрали все, что обнаружили. Заодно прошел обыск в доме Агафона Фаберже, и у него без актов и описей вывезли все, что хотели. Горького и его экспертно-художественную комиссию не ставили в известность, как именно будут использованы ценности. Вариантов было несколько. Во-первых, вопрос, удержат ли большевики власть, еще не имел однозначного ответа. Поэтому на случай неудачи формировался особый фонд из хорошо ликвидных произведений искусства, который можно было вывезти в случае бегства из России. Во-вторых, часть безусловно ценных предметов шла в музей. В-третьих, отделяли то, что подлежало продаже за границу.

Но история самого ценного, прошедшего через горьковскую комиссию в 19-м году, на этом не закончилась. Через 10 лет то, что называлось народным достоянием, начали распродавать. Руководство страны сочло, что эти деньги будут серьезным вкладом в индустриализацию. Поступали просто. Особые сотрудники приходили в музей, брали в кассе билет, надевали музейные тапки, шли с экскурсионной группой по залам, слушали, смотрели, записывали. А дальше в музей приходила бумага — выдать немедленно следующие экспонаты. Потом решили, что проще продавать сложившиеся музейные ансамбли целиком.

Дворец княгини Палей в Царском Селе, в котором в 1919 году был открыт музей, был продан целиком американскому антиквару Вейсу. Павловск продали наполовину. Уникальные гобелены из коврового кабинета теперь можно увидеть в Музее Поля Гетти в Лос-Анджелесе. Мебель — в Музее Галуста Гюльбенкяна в Лиссабоне. Ему же продают Рембрандта из Эрмитажа.

По особому списку ушли Боттичелли, Тьеполо, Рафаэль, Рубенс, Джорджоне, Веласкес. Потом бесценные реликвии библиотек. Но тут выяснилось, что деньги от распродажи национальных ценностей для индустриализации — капля в море. И тогда решили, что проще использовать даровый труд лагерных заключенных. А их сколько душе угодно. Только успевай сажать.

Среди них встречались те, кто поздней осенью 1919 года продавал советскому государству за бесценок свои коллекции или просто любимую картину. В 19-м году они еще думали, что спасутся, что все наладится. И тешили себя мыслью, что их произведения искусства, в конце концов, остаются на родине и она их сохранит.

6 ДЕКАБРЯ

6 декабря 1919 года в последний раз была присуждена Пушкинская премия.

На заседании общего собрания Российской академии наук академик Ольденбург сообщил: «Опыт последних двух лет показал, что со времен национализации капиталов Российской академии наук выдача премий стала совершенно невозможной, притом и работы на соискание премий почти не представляются авторами. Ввиду сего казалось бы правильным отменить на 1920 год конкурсы по соисканию премий». То есть большевистская власть конфисковала деньги со счетов Академии наук — и с Пушкинской премией покончено. Между тем деньги, которые шли на эту премию, были в прямом смысле слова народные.

У этих денег вот какая история. В 1861 году исполнилось 50 лет Лицею в Царском Селе, где учился Пушкин. И бывшие лицеисты разных выпусков организовали Комитет по сбору средств на памятник Пушкину. Пожертвования были добровольные и от граждан всех социальных слоев. Эти собранные действительно народные деньги превысили сумму, необходимую для создания памятника, который был открыт в 1881 году. Оставшиеся 20 тысяч рублей были переданы Академии наук с тем, чтобы на проценты от них присуждать Пушкинскую премию, которая стала бы еще одним знаком памяти о великом русском поэте. С деньгами было строго. С 1882 года премию сначала давали раз в два года, потом, недолго, каждый год. И наконец, с 1895 года стали присуждать по нечетным годам. Размер полной премии — 1 тысяча рублей. Но могло быть и две половинные — по 500 рублей. Невыданные деньги возвращались в основной капитал. То есть большевики, придя к власти, национализировали народные жертвования на увековечивание памяти Пушкина. Памятник уже стоял, с него денег было не взять, а фонд Пушкинской премии взяли.

6 декабря 1919 года последним лауреатом стал Викентий Вересаев за перевод древнегреческого поэта Гесиода. Премию присуждали и за переводы, и за литературную критику, и за поэзию, и за прозу. Вересаевым были переведены два труда — «Работы и дни» и «Теогония», или «Происхождение богов». Хотя в оригинале Вересаев — врач. И в русско-японскую войну и в мировую был врачом на фронте.

Выбор в разгар Гражданской войны в пользу перевода античного автора несомненно свидетельствует о старом добром иммунитете академи-

ческой школы к внешним событиям. Но надо сказать, что и раньше, до всех революций, Пушкинская премия отличалась консервативностью.

Самые знаменитые имена Серебряного века на соискание Пушкинской премии не выдвигались. Ни Блок, ни Брюсов, ни Андрей Белый, ни Соллогуб, ни Ахматова. В числе прозаиков нет Короленко, Леонида Андреева, тем более Горького, хотя все они очень громко звучали тогда. Академикам ближе Фет, Майков, Полонский, Надсон. Иван Бунин дважды получает половинную премию. Один раз делит с Куприным. В 1888 году половинную премию получает Чехов. В отзыве рецензента указано: «Рассказы господина Чехова, хотя и не вполне удовлетворяют требованиям высшей художественной критики, представляют, однако же, выдающееся явление в современной беллетристической литературе».

Но при любом выборе академики демонстрируют независимость от вышестоящего начальства. А именно председателя отделения русского языка, президента Академии наук, и не просто, а Константина Константиновича Романова. Он сам, известный поэт и трижды Пушкинский лауреат, в 1909 году представил жесткий отзыв на сборник стихов и рассказов Бунина, указывал на отсутствие логики и недоступность ряда стихов пониманию читателя. И вообще прямо написал, что Бунин недостоин Пушкинской премии. И академики об этом отлично знали. Но голосование было закрытым, и Бунин премию получил. В этом нет никакой академической фронды, это нормальная живая критика. Кстати, великий князь Константин Романов полагал, что в числе почетных академиков должны быть и Толстой, и Короленко, и Чехов, и даже Горький, несмотря на его близость к откровенно революционным силам.

Последний лауреат Викентий Вересаев в 1919 году был далеко от Питера в момент присуждения Пушкинской премии. Он жил в Крыму. Задолго до всех революций он сочувствовал социал-демократам и интересовался марксизмом. Вероятно, сказывалось влияние семьи. Вересаев — это литературный псевдоним, фамилия писателя — Смидович, он выходец из дворянской семьи. Его троюродный брат был членом РСДРП с 1898 года, арестовывался, ссылался. Ленин лично критиковал его. Но Петр Смидович оставался убежденным большевиком. В 1918 году был председателем Моссовета и дальше был в обойме. Похоронен в Кремлевской стене. И его жена была членом большевистской партии и близкой знакомой семьи Ульяновых. И сестра Петра Смидовича была

подругой Крупской. Но Вересаев в отличие от своих родственников не вынес жизни в Москве после Октябрьского переворота и уехал с женой в Крым. Считал, что ненадолго, но прожил там три года. Впоследствии кратко описал эту жизнь в «Автобиографической справке»: «Крым несколько раз переходил из рук в руки. Пришлось пережить много тяжелого, шесть раз был ограблен. Больной «испанкой», с температурой в 40 градусов, полчаса лежал под револьвером пьяного красноармейца, через два дня расстрелянного. Арестовывался белыми, болел цингой». Вересаев зарабатывал на жизнь врачебной практикой, ему платили продуктами. Познакомился с поэтом Максимилианом Волошиным. Волошин ходил в длинной рубахе, напоминавшей античный хитон, и в сандалиях на босу ногу. Вересаев не был склонен к эпатажу, но приобрел такой же вид вынужденно. Одежда, в которой он приехал из Москвы, износилась. Илья Эренбург подарил ему ночную рубашку. В ней Вересаев на велосипеде ездил по деревням и лечил больных тифом. В Феодосии встречался с Мандельштамом.

По впечатлениям о пережитом в Крыму, уже вернувшись в Москву, Вересаев написал роман «В тупике» об интеллигенции в Гражданскую войну. В 1922 году читал наиболее острые отрывки на вечеринке у председателя Моссовета Каменева в присутствии Дзержинского и Сталина. Те отнеслись снисходительно, были в хорошем настроении, роман напечатали, но в начале 1930-х годов он был изъят из всех библиотек.

На Вересаева поступала в ГПУ информация от осведомителя: «Драматург Булгаков на днях рассказывал известному писателю Вересаеву, что его вызвали на Лубянку и спросили, почему он не пишет о рабочих. Писатель Вересаев отреагировал: «Меня часто спрашивают, что я пишу. Я отвечаю: ничего, так как сейчас вообще писать ничего нельзя, иначе придется прогуляться за темой на Лубянку».

В порядке ухода от действительности Вересаев начал писать свою, ставшую знаменитой книгу «Пушкин в жизни». Она вызвала бешеную критику со всех сторон, и ее тоже вскоре запретили. Потом появились «Гоголь в жизни» и перевод «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. То есть на новом витке Вересаев вернулся к тем самым древнегреческим переводам, за один из которых он стал в 1919 году лауреатом Пушкинской премии.

Но на этом история Вересаева не закольцевалась и не закончилась. Во время войны в эвакуации в Тбилиси ночью по радио после сводки

новостей он услышал, что за многолетние достижения в области искусства и литературы он награжден Сталинской премией первой степени в размере 100 тысяч рублей. Родственникам Вересаев скажет, что, узнав о премии, не спал всю ночь и думал: «За что? Какую на старости лет я мог совершить подлость, за которую меня награждает Сталин?»

12 ДЕКАБРЯ

12 декабря 1919 года Высшее церковное управление Русской православной церкви приняло Постановление по мотивам поездки профессора Московской духовной академии Попова из Сергиева Посада на встречу с главой VIII отдела Наркомюста Красиковым. В Постановлении говорится, что после этой встречи Святейший патриарх, Священный Синод и Высший церковный совет заслушали доклад о результатах поездки.

Цель поездки профессора Попова состояла в попытке отстоять Свято-Троицкую лавру от окончательного закрытия. Но Красиков в ходе разговора заявил: «Вопрос о ликвидации лавры как монастыря решен местной властью правильно, так как пребывание монахов в лавре как нетрудящегося праздного населения невозможно: помещения нужны для культурно-просветительских целей». В ходе разговора в Москве глава VIII отдела Наркомюста Красиков также заявил, что он надеется, что «через 5 лет религия будет совсем истреблена и вытравлена из народной души».

VIII отдел во главе с Красиковым занимался церковью и неофициально назывался ликвидационным.

Дело Троице-Сергиевой лавры началось еще весной 1919 года, когда была вскрыта рака с мощами Сергия Радонежского. Красиков, отвечавший за подобные акции, сообщил тогда Ленину, что при вскрытии мощей было снято кино. Ленин немедленно дал поручение: «Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино по всей России». Советские газеты разнузданно писали, что «в ковчежце лишь гниль да труха».

VIII отдел Наркомюста в августе 1919 года направил секретное предписание властям Сергиева Посада: «Принять меры по увозу мощей Сергия Радонежского из лавры для помещения их в одном из мо-

сковских музеев». Местная власть в Сергиевом Посаде, получив предписание сверху, немедленно приняла соответствующее решение.

Тогда, после принятия решения об увозе мощей, профессор Попов первый раз поехал в Москву во главе делегации от церковных общин Сергиева Посада. Они привезли письменный протест, в котором ссылались на циркуляр Наркомата юстиции, опубликованный в газете «Известия», где указывалось: «Всем агентам власти рекомендуется не оскорблять религиозного чувства верующих, не допускать ничего подобного издевательству, не вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви». Про мощи в советском циркуляре говорилось отдельно и совершенно четко: «Мощи представляют собой необходимый предмет богослужебного культа».

В тот первый визит в Москву профессор Попов был принят председателем ВЦИК, то есть главой не партийной, а советской власти, Калининым и управляющим делами Совнаркома, то есть правительства, Бонч-Бруевичем. Оба высоких руководителя, услышав про увоз мощей, в один голос заявили, что это «невозможное для советской власти вмешательство во внутреннюю жизнь церкви». И пообещали «со своей стороны принять меры к тому, чтобы означенное намерение не осуществлено было местной властью». То есть по форме это был культурный разговор, в котором советская власть демонстрировала готовность и заинтересованность уладить все наилучшим образом и в строгом соответствии с законом.

В начале декабря профессор Попов вновь приехал в Совнарком «для осведомления о результатах поданного протеста». И узнал в приемной Бонч-Бруевича, что поданный протест направлен на рассмотрение в VIII отдел Наркомюста, который как раз и принимал решение о вывозе мощей. Профессор Попов был исключительно настойчив, и ему удалось встретиться с Наркомом юстиции Курским. Нарком был раздражен, заявил, что вмешиваться в дело не будет, у него нет свободного времени, и вообще быть такого не может, чтобы жалобу на VIII отдел спустили в VIII отдел».

Через неделю профессор Попов получил аудиенцию у начальника VIII отдела Красикова. Красиков с ходу стал отнекиваться, говорить, что указаний из Центра по поводу мощей не давали. Профессор Попов был во всеоружии и сослался на журнал исходящих бумаг VIII отдела, где значился документ за подписью Красикова. Профессору удалось вырвать у Красикова устное обещание, что мощи из

лавры вывезены не будут. Действительно, конфискация святыни была отложена до сентября 1920 года. Но не по причине обещания Красикова, а потому что в большевистских структурах шла дискуссия о том, что вообще делать с церковью.

Красиков через четыре дня после встречи с профессором Поповым в статье в газете «Известия» заявил: «Мы, коммунисты, намеряем единственный в конечном счете путь как религии, так и всем ее агентам: это путь в архив истории».

В той же газете «Известия» опубликовал свою статью руководитель Секретного отдела ВЧК Лацис. Он, по сути, анонсировал более сложную позицию, которая существует у некоторых большевистских лидеров. Лацис написал: «Советская власть провела отделение церкви от государства, а религию объявила частным делом. Но Советскому государству не безразлично, что творится в церкви. Допускать расхождение церкви с государством — это значит допустить государство в государстве. И по этой причине мы должны поддерживать в духовенстве то течение, которое следует за духом времени и идет на поддержку советской власти. И такое течение есть, и прогрессивное духовенство есть. И оно имеет право рассчитывать на поддержку Советского государства».

Эта позиция на самом деле имеет историческое обоснование. Церковь в России два века была под государственным началом. Можно не концентрироваться на том, каким было это государство. Было монархическое, теперь большевистская диктатура, но прежние отношения с церковью можно сохранить. Тем более что и церковь к ним привыкла, и многие рядовые священники сомневались, что церковь сможет существовать без господдержки. И Лацис заявлял совершенно откровенно: «Нам ни тепло, ни холодно, если крестьянин получит благословение, но если этот крестьянин услышит от попа, что советская власть от Бога, что ей надо подчиняться, то нам не придется иметь дело с крестьянскими восстаниями».

Дзержинский занимал иную позицию. Он писал: «Дорогой товарищ Лацис. Мое мнение. Церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Официальные или полуофициальные отношения партии с попами — недопустимы. Наша ставка — коммунизм, а не религия».

Лацис отвечает: «Сейчас недостаточно одной коммунистической проповеди. ВЧК должна действовать хирургическими приемами. ВЧК уже дала прогрессивному духовенству возможность себя про-

явить. Вовлечено на службу в ЧК много священников. Пропущено через Секретный отдел ВЧК 30 епископов. Эту работу надо продолжать. Но эту практическую задачу не может взять на себя наша партия. Не может, потому что в этой работе приходится прибегнуть к методам, которые не к лицу нашей партии. Для этого у нас существует приспособленный орган ВЧК, который может проделать эту работу совершенно неофициально».

Дзержинский соглашался с Лацисом: «Лавировать может только ВЧК. Но не партия. Связь с попами бросит на партию тень. Хватит нам одних спецов». Ремарка «хватит нам одних спецов» говорит о негативном отношении Дзержинского к идее привлечения старых царских военспецов в Красную армию, которая принадлежала Троцкому.

Возникает вопрос: случайно ли Дзержинский вспомнил о военспецах Троцкого или он увязывает Троцкого и историю с церковью. Если военспецы просто пришлись к слову, то ВЧК плохо работало. Потому что автор идеи новой советской церкви именно Троцкий. И он хотел реализовать ее сам, без Дзержинского и ВЧК.

Еще в начале века Троцкий на теоретическом уровне заинтересовался идеей церковной реформации в России. Полемизировал с Бердяевым и Мережковским. Потом на практике решил технологично соединить церковь и революцию. Но Сталин выгнал Троцкого из страны, присвоил себе его идею с церковью и реализовал ее в своем стиле, когда счел нужным.

Большинства священников, живших в 1919 году, к тому времени уже не будет на свете. Независимо от теоретических дискуссий и внутривнутрипартийной борьбы их ссылали и расстреливали. Что при Ленине с Троцким, что при Сталине.

20 ДЕКАБРЯ

20 декабря 1919 года около 9 часов утра Нина Мещерская, двадцати четырех лет, выбралась со льда Финского залива на берег независимой Финляндии. Вместе с ней был ее муж, англичанка миссис Эллан, полная дама лет пятидесяти, большой, физически сильный 40-летний господин по фамилии Захаров, ранее преуспевающий петербургский менеджер. С ними был финн-проводник. По многосту-

пенчатой договоренности он прибыл за ними в Петроград, чтобы вывезти в Финляндию, но был арестован и отправлен в тюрьму. Его судили и приговорили к расстрелу, как шпиона. Но ввиду начавшегося осенью наступления белого генерала Юденича на Петроград красным было не до расстрелов. Финн-проводник шесть недель сидел в тюрьме, где чуть не умер от голода. Когда наступление Юденича было отбито — а на это большевики уже не надеялись, — на радостях в городе была объявлена амнистия. Финн-проводник вышел на свободу и явился по известному ему адресу к Нине Мещерской. У нее в доме не было никакой еды, кроме липкого хлеба, но финн, будучи в состоянии крайнего истощения, есть вообще не мог. Его отпаивали кипятком с разведенным в нем подобием чая.

Изначально планировалось выбираться из Питера на лодке, но лодка давно пропала. Решили ждать, когда замерзнет Финский залив, и идти по льду. Нина Мещерская в воспоминаниях просто и честно назовет причину ухода из Петрограда: «Ну, пожалуй, сильнее всего было желание выжить, не поддаться гибели от голода и цинги... Многие родные бежали еще в 1918 году, старшая сестра с мужем уехали на Украину, двигались вместе с Деникинской армией. Знакомые умирали в Петрограде от тифа. Хотелось уйти, бежать без оглядки от уродливой, вонючей жизни, от страха, жить без обысков, без этого жуткого чувства полной обреченности, который охватил весь чудный умиравший столичный город».

Нина Мещерская была из удачливых жителей Петрограда. То есть жила, как все, впроголодь, дрова для буржуйки не всегда удавалось добыть, но у нее до зимы 1919 года сохранилась новая бобровая шуба ее отца. Казалось бы, кому нужна была тогда бобровая шуба, но с чьей-то помощью шубу очень быстро удалось продать в голодном большевистском Петрограде. Тогда все и все менялись местами. И бежали раньше одни, а теперь — другие.

В 1907 году примерно в такую же погоду Ленин с помощью финских товарищей бежал из России через Финляндию в Швецию. Эти финны не были марксистами. Они выступали за независимость Финляндии, которая тогда была частью Российской империи. То есть они были по своей причине против российской власти, Ленин — по своей, но их интересы на определенном временном отрезке совпали. И финны помогли Ленину. В ходе той авантюрной операции в 1907 году Ленин шел по льду Ботнического залива, проваливаясь

дважды в воду. В определенном месте его снял со льда пароход «Борей» и доставил в Стокгольм.

Спустя 10 лет, в декабре 1917 года, Ленин, уже будучи у власти, предоставил Финляндии независимость. Ленин известен тем, что для него первична власть, а не территория. В 1918 году, подписывая сепаратный Брестский мир с Германией, Ленин легко пожертвует огромными территориями, потому что это была плата за выход из войны с Германией, что, в свою очередь, спасало от краха большевистскую власть. В декабре 1917 года Ленин подписал независимость Финляндии, чтобы не создавать лишний фронт и рассчитывая, что красные финны у себя победят белых финнов. В Финляндии, однако, победили белые. Граница же оставалась на прежнем месте. Там, где раньше начиналось Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи. То есть в 30 километрах от Петрограда.

В этом был свой плюс для части жителей города. У многих остались дачи на Карельском перешейке, теперь на финской территории. Можно было добраться до них и найти себе пристанище. Многие просто оставались жить на своих дачах после большевистского переворота и не видели большевиков. Сама по себе близость границы для жителей Петрограда означала шанс на спасение. Существовал официальный способ спасения, предлагаемый советской властью. Большевики с ходу организовали систему изъятия денег у жителей Петрограда, желающих пересечь близкую границу с Финляндией. Следовало обращаться за разрешением в Кронштадтскую ЧК. Туда же, непосредственно в ЧК, вносить плату. Для такого дела на должность начальника ЧК был выбран подходящий персонаж. Князь Андронников. Человек в дореволюционной России известный, близкий ко двору, обхаживал Распутина, издавал патриотическую газету «Голос России» на деньги из особого фонда МВД, при этом подозревался в шпионаже в пользу Германии. Этот аферист и провокатор при большевиках был поставлен на денежные потоки в Кронштадтском ЧК. Деньги с покидающих Россию брали огромные, но известно, что далеко не все заплатившие доплывали до Финского берега. Их часто убивали по пути и грабили. Хотя у покидающих Советскую Россию практически ничего не было. Все давно продали, чтобы не умереть с голоду.

Большинство же из Петербурга выбиралось неофициально. Уже были отлажены связи с финскими проводниками или с контрабандистами. Контакты передавались по знакомым. В своем кругу люди еще

не боялись друг друга. Нина Мещерская вспоминала: «Тогда еще... казалось нормальным, что из близкого круга никто не пойдет и не «стукнет» (даже такого выражения тогда еще не было в ходу)».

Нина Мещерская со знакомыми в течение недели перед бегством на деньги от проданной бобровой шубы раздобывали на базаре давно не виданные мясо и масло, чтобы немного подкормиться и окрепнуть. Откармливали проводника. У него был голодный тиф, температура 40 градусов, но он всех все время торопил.

Мороза в декабре 1919 года долго не было. В путь тронулись 19 декабря. Буднично, как будто ненадолго, а на самом деле навсегда, вышли порознь из дома, сели в трамвай и поехали на Финляндский вокзал. В дачный пригородный поезд тоже сели порознь. И вышли порознь. Встретились, когда стемнело, на берегу Финского залива. Рядом проходила линия фронта. Из окопов были слышны солдатские голоса. Все надели на себя припасенные белые банные халаты, чтобы быть незаметными на снегу. Связались толстой веревкой. Нине Мещерской дали альпинистскую палку, в связке она была первой. У каждого в кармане спички и пакет нюхательного табака, чтобы бросать в глаза тем, кто вдруг попытается их задержать. Нина Мещерская пишет: «Сейчас кажется, что все это из каких-то детских приключенческих книжек». Но именно так, нелепо, доморощено, спасались самые разные люди, не склонные к авантюрам, негодные к физическим нагрузкам, старые дамы, женщины с маленькими детьми. Без всякой уверенности, что смогут и дойдут, что не убьют красные и что их, без необходимых документов, впустят финны.

По льду уходили художники Шухаев и Пуни с женами. Иван Пуни — известный авангардист. Пешком и на маленькой лодке выбирался один из лучших российских премьер-министров Коковцов с женой, от которой он не ожидал проявленной выдержки и спокойствия. На лодке с двумя пьяными проводниками под ледяным дождем уплывала 60-летняя мать генерала Врангеля. По льду шла подруга последней императрицы Вырубова со своей старой матерью. Все без всяких вещей. Мать Вырубовой с маленьким узелком. Сама Анна Вырубова в башмаках на босу ногу. Финны дадут шерстяные носки. Мария Дмитриевна Врангель в сапогах с подошвой, привязанной веревкой.

Нина Мещерская, спускаясь на лед, сразу провалилась по пояс в воду. Вылезла на берег. Нашли другой спуск и пошли. Лед был тон-

кий, мороз градусов пять. Шли часа три, доверившись проводнику, пока не увидели перед собой уличный фонарь и не поняли, что вышли к Кронштадту. Их услышала красная береговая охрана, включила прожекторы, но никого по счастью не обнаружила. Дальше шли еще часа три в темноте с минутными привалами. На одном из привалов Нина Мещерская отказалась идти дальше. Сказала: «Не могу и не хочу больше никуда идти». Спутник, до этого дня ей незнакомый, подошел и ударил ее дважды с размаху по щекам и, обращаясь к ней на ты, громким шепотом произнес: «Иди сейчас же». На льду, в темноте, в мокром пальто, покрытом льдом, она пришла в бешенство от того, что какой-то посторонний мужчина обратился к ней на ты. Почти закричала шепотом: «Как Вы смеете мне говорить «ты»?» Он ответил: «Я тебя еще не так побью». И она почти побежала. К девяти утра они вышли к дому на финском берегу.

Это было неподалеку от дачи Репина в Куоккале. Знаменитый художник принадлежал к числу тех, кто, не выезжая из собственного дома, оказался на территории независимой Финляндии. В 1919 году портрет Репина нарисовал Федор Шаляпин. На рисунке Репин через залив всматривается в далекий Петроград. Репин после Октябрьского переворота никогда не был в России. В 25-м году к нему из Москвы приехал его добрый знакомый Корней Чуковский с заданием с Лубянки убедить Репина переехать в Советский Союз. В архиве Репина осталась запись: «Приезжал Чуковский уговаривать меня вернуться в Россию. Очень не советовал».

27 ДЕКАБРЯ

27 декабря 1919 года генерал Яков Слащев во главе 3-го армейского корпуса начал отход в Крым с задачей удержать его.

Белые в декабре отступали по всему фронту. Это отступление началось в октябре от Орла, который белые взяли, где они были максимально близко к Москве и где красные сломали долгое, успешное белое наступление лета и осени 1919 года. Теперь, в конце декабря, Добровольческая армия под командованием генерала Май-Маевского, а также донцы и кубанцы отступали на Ростов и дальше на Кавказ. Войска Драгомирова и Шиллинга отходили

к Одессе. И вот в промежуток между ними должен был двигаться Слащев в Крым. Он назначен ответственным за оборону Крыма.

Но в декабре никто не знает, какая роль достанется Крыму в следующем году. Пока белое командование оптимистично планирует удерживать натиск красных на Дону и вблизи Буга, а оттуда перейти в наступление по внешним операционным дугам, заставляя красных бросить осаду Крыма. Именно поэтому Главнокомандующий Деникин дал Слащеву для обороны Северной Таврии и Крыма крайне ограниченные силы.

На конец декабря 1919 года перед Слащевым стояло несколько задач. Во-первых, чтобы приступить к этой обороне, надо было пробиться через Махно. Эта задача была решена, потому что войско атамана Махно уже было деморализовано и лишено прежнего драйва.

Во-вторых, для защиты Северной Таврии у Слащева не было достаточных сил. Северная Таврия — как воронка, вставленная в узкое горло перешейка, ведущего в собственно Крым. Дуга фронта в Северной Таврии 400 верст. Слащеву этот фронт держать было нечем.

И он решил Северную Таврию не оборонять. До Крыма в бой с красными не вступать. Пехоту направить в Крым под прикрытием конницы. Часть пехоты с обозами отправить по железной дороге из Екатеринослава в Николаев, а оттуда на судах — в Севастополь. Сам Слащев также выехал в Крым, осмотреть имеющиеся оборонительные сооружения и все последние решения принять на месте.

Несмотря на то что основные силы белых отступали на Кавказ и на Одессу, а может быть, как раз вследствие этого, в Крым бежали вконец разуверившиеся солдаты и офицеры и даже отдельные части. Они были голодные, грабили население и мечтали погрузиться на какой-нибудь пароход и уплыть все равно куда. Местная крымская власть с хаосом и паникой не справлялась. Слащев сообщил о ситуации в Ставку. Ему ответили, что «все военное дело находится в его, Слащева, руках, точно так же, как и воинские части в тылу».

Кроме того, в телеграмме говорилось, что «главком Деникин надеется, что Слащев, по всегдашней его энергии, выполнит возложенную на него задачу». В этом была правда: Слащев за годы Гражданской войны прославился и энергией, и дерзостью в боях как с красными, так и с Махно.

В это время кадровые проблемы были на другом фронте, а именно в Добровольческой армии, отходившей на Кавказ. Снят с командования Владимир Зенонович Май-Маевский. Генерал, добившийся успеха

в долгих боях на Донбассе. В ходе наступления дошедший с армией до Киева, Орла и Воронежа. Кроме того, выполнявший гражданские обязанности. Май-Маевский с июня 1919 года был главноначальствующим в большом Харьковском районе, включавшем ряд губерний.

По своему физическому облику в 1919 году Май-Маевский, казалось бы, мало годился для армии. Он был полным, тучным, с обрюзгшим лицом, не прикрытым ни усами, ни бородой. Но человек он был смелый, знающий военачальник, в армии его любили, звали Май.

А сгубила его гражданская служба. Как раз этот период представлен в фильме «Адьютант его превосходительства», где Владимира Зеноновича Май-Маевского с большой симпатией играл Владислав Стржельчик. И это было удивительно для советского фильма. К тому же всю линию белых в фильме оттеняла, украшала и утепляла барышня совершенно особенной, дореволюционной внешности. И ко всему прочему, эта прекрасная барышня была любящей дочкой начальника белой контрразведки.

Реальный генерал Май-Маевский возглавил большой Харьковский район, из которого только выгнали красных. Война вроде как отступила. Как будто вернулась прежняя жизнь. Пошли банкеты, театры. Все тянулись к главнокомандующему, он был лично безусловно честен, но через него разные люди стремились решать свои дела. Май-Маевский пил и раньше, но не больше других, постоянные боевые действия держали в рамках, теперь пошли запои. Он боролся с болезнью, но был бессилен перед ней.

И уже в разгар отступления был снят с командования Добровольческой армией. Вместо него был назначен Врангель. Которого очень быстро сменил Кутепов.

Генерала Слащева эти перестановки не занимали, ему было не до того. У него начиналась оборона Крыма. Из укреплений в узком пространстве на входе в Крым был старый Перекопский вал, немного окопов с проволокой и природные особенности самой местности. Топкая местность, перешейки, озера, ветер. К тому же зима. Слащев принял тактическое решение, которое сам назвал «экстравагантным».

Он решил, что в таких условиях на перешейках, на Перекопе и на Чонгаре, где нет жилья, следует разместить минимум людей. Когда они побегут, станет ясно, что идут красные. Красные будут двигаться по перешейкам целый день, перемерзнут. «А когда они выйдут, — говорил Слащев, — мы их атакуем». Свой экстравагантный вариант

Слащев подкрепил очень серьезным соображением. Он знал, что в окопах могут сидеть хорошо подготовленные, уверенные в себе войска. А слащевские части слабы и поэтому могут действовать только наступлением. И кроме того, необходимо обеспечить подвоз довольствия войскам. Обычно на фронте это делалось на лошадях и телегах, которые отбирали у местных жителей. Что страшно озлобляло население. Слащев решил построить железную дорогу, и это незамедлительно начали делать. Оставалась еще одна задача, которую необходимо было решить для обороны Крыма. А именно обеспечить фронту тыл. Тыл тоже был частью ответственности Слащева.

Первым пунктом значится: расчистить тыл прежде всего от негодных начальников. То есть убрать тех, кто был оставлен на белых территориях, чтобы организовывать нормальную жизнь, вызывать уважение населения, оказывать людям содействие. То есть конкурировать с большевиками в практической жизни. Вместо этого оставленные военные начальники крали, брали взятки, пили и не верили, что Крым можно удержать.

План обороны Крыма был утвержден и разослан начальникам боевых участков Крымского фронта. Но часть немногочисленных слащевских войск еще не прибыла в Крым. Для одной бригады пехоты не оказалось судов, и она походным порядком шла от Николаева на Херсон и Перекоп. Где-то у Херсона во льду застрял паром. Вопрос стоял трагически просто: кто придет раньше — свои или красные. К тому же не было известно, в каком количестве подходят красные. Доподлинно можно было сказать только, что их много больше, чем белых.

Один из наблюдавших Слащева в то время вспоминал: «Я много раз его видел впереди конвоя. Весь в белом — что-то вроде белой черкески, с развевающимся русским флагом, с попугаем на левой руке, он объезжал наш фронт далеко впереди наших окопов». Известно, что Слащев за годы Гражданской войны сделался заядлым кокаинистом. Но попугая он повсюду возил с собой не по причине своего путаного внутреннего состояния. Он просто очень любил птиц.

Врангель вспоминал, что в вагоне, в котором Слащев жил в Крыму, обитали «журавль, ворон, ласточка и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина». Их Слащев приручил на фронте и возил за собой. К птицам среднерусской полосы у него была особенная страсть. Может быть, от тоски по ним он бросит индеек, которых разводил в эмиграции, и вернется в Россию.

1920

10 ЯНВАРЯ

10 января 1920 года газета «Известия» напечатала: «По непроверенным пока сведениям... у белых имеются данные, что «верховный правитель» Колчак со своим золотым запасом арестован красным партизанским отрядом». Газета «Известия» несколько торопила события. До ареста Колчака оставалось еще пять дней. Хотя это существенно для самого Колчака, но не для хода Гражданской войны. Высококласный профессиональный моряк, лично храбрый и порядочный человек, адмирал Александр Васильевич Колчак мало годился на роль Верховного правителя, военного диктатора и просто администратора большого региона в тяжелых военных условиях. В Гражданскую войну многие на него понадеялись, и он принял эту судьбу, счел за долг принять ее. Эта судьба оказалась трагичной и для него, и для страны.

С осени 1919 года события в Сибири развивались помимо него. А реальных участников было множество, на политическую сцену вышли все, кто только мог.

Во-первых, местные эсеры. Их было много в Сибири с царских времен, они работали в многочисленных общественных организациях. После большевистского переворота местные эсеровские ряды пополнились, кто бежал от советской власти.

Первоначально эсеры намеревались бороться как с Колчаком, так и с большевиками. Однако за осень 1919 года массовые настроения в Сибири сильно полевели вследствие недовольства властью Колчака. Эта власть порядок и законность для населения не обеспечивала, атаманину, разбой сибирских казаков усмирить не могла. Военный министр колчаковского правительства барон Будберг спра-

ведливо называл эту атаманщину белым большевизмом. Красного большевизма Сибирское население сути не знало, верило слухам, что красные на своих территориях поддерживают порядок и ведут себя уважительно. Как только белая армия начала отступать, антиколчаковские настроения вышли на поверхность. И главное, население хотело прекращения кровопролития, а дальше — там видно будет.

В соответствии с этим настроением эсеры изменили свои идейные установки. Было решено начать вооруженную борьбу с Колчаком и приступить к мирным переговорам с Советской Россией. А в результате превратить Сибирь в свободное демократическое государственное образование с Учредительным собранием во главе. И эта свободная Сибирь установит с большевистской Россией договорные отношения. На этой идейной основе эсеры объединились с местными меньшевиками и предложили союз сибирским большевикам.

Большевики в принципе согласились, но на формальное отделение не пошли, а на самом деле взяли паузу в ожидании скорого подхода Красной армии.

Главным эсеровским центром был Иркутск. Там эсеры контролировали местную Думу. Но теперь в результате отступления в Иркутск прибыло колчаковское правительство. Глава правительства член кадетской партии Пепеляев попытался вести переговоры с социалистами, заявив об отказе от военной диктатуры и предложив социалистам любые места в правительстве. Эсеры категорически отказались.

При этом и эсеры, и большевики, и колчаковское правительство вынуждены действовать с оглядкой на еще одного игрока, а именно на чехословацкий корпус. В мировую войну этот корпус входил в состав русской армии. Это были чехи, которые хотели воевать за независимость Чехословакии от Австро-Венгерской империи. Но после революционных событий в России и мирного договора большевиков с Германией чехи двинулись через российскую территорию с запада на Дальний Восток, чтобы уплыть в Европу и там опять воевать в рядах Антанты. Во время пути они оказались втянуты в российскую Гражданскую войну. Вследствие конфликта с большевиками чехи поддержали белых. За прошедшее время мировая война закончилась, Чехословакия получила независимость, а чехи все не могли выбраться из России. Чехословацкий корпус все еще находился под командованием союзников по Антанте и охранял Транссибирскую железнодорожную магистраль. Эта транспортная артерия важна для

всех сил в регионе — и для правительства Колчака, и для эсеров, и для большевиков. Кроме того, чехи представляют собой серьезную военную силу.

Так как армия Колчака отступала, чехи уже не рассчитывали на белое правительство. И, соответственно, начали присматриваться к происходящему в эсеровской среде. Эсеры со своей стороны также стали налаживать отношения с чехами. В результате бывший уполномоченный чехословацкого правительства в Сибири Павлу и новый уполномоченный Гирса вручили командующему союзными войсками в Сибири генералу Жанену меморандум. В этом документе резко критиковался колчаковский режим и подчеркивалось, что, соблюдая лояльность белому режиму, чехи против воли становятся участниками преступлений.

То есть эсеры и в связке с ними большевики могли рассчитывать по крайней мере на нейтралитет чехов.

На эсеров работала и тяжелая экономическая ситуация. Дороговизна. Денежный кризис. Острая нехватка хлеба в Восточной Сибири. И общее паническое настроение. Управляющий Иркутской губернией Яковлев на заседании колчаковского правительства заявил: «кто бы ни поднял восстание, оно будет иметь успех». Даже местная буржуазия считала: «Пусть приходит кто угодно, только не то, что есть».

20 декабря эсеры начали вооруженное восстание против Колчака. Сначала на ближайших к Иркутску станциях вдоль железной дороги. Достаточных сил для захвата Иркутска не было. Но тут глупость совершил командующий Иркутским военным округом генерал Артемьев. В Иркутске проходило совещание сибирских земских и городских общественных деятелей, которые склонялись к эсеровской позиции, но радикализма не проявляли. Так вот генерал Артемьев взял и запретил собрание общественных деятелей. Этот запрет был воспринят как разгон. Те, кто занимал умеренную позицию, немедленно радикализировались. Общая ситуация в городе взвинтилась. Военный министр затребовал прислать в Иркутск дополнительные войска из Забайкалья. И тут возник еще один игрок. А именно атаман Семенов, который опирался на японцев. Семенов заявляет, что поможет Иркутску, только если Колчак признает за ним всю полноту власти на Дальнем Востоке. Колчак, который находится еще на пути в Иркутск, назначает Семенова главнокомандующим войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа. Но это решение не согласовано

с правительством. А Семенов — символ полного произвола. И его значение усложняет и так аховое положение правительства. К тому же у Семенова недавно на железной дороге возник конфликт с чехами. И тут эсеры начинают восстание в самом Иркутске. Их силы малочисленны, но и колчаковское правительство не чувствует уверенности и упускает инициативу. Чехи сохраняют нейтралитет, их поддерживает генерал Жанен. То есть объективно они не противопоставляются восставшим. Кроме того, в город прибыло японское воинское подразделение для охраны дипломатических миссий, следующих за правительством Колчака. Японцы также сохраняют нейтралитет. В Иркутске еще стоит американский батальон, и он соблюдает нейтралитет. То есть правительству Колчака в помощи не оказывает никто. И вот тут проявляют себя большевики. У них четкая установка: принять участие в боях, захватывать оружие, а в дальнейшем избавиться от эсеров.

В канун нового, 1920 года в Иркутске идут крайне ожесточенные бои. Пленных не брали, раненых добивали.

Но перевеса не было ни на чьей стороне. 3 января по инициативе правительства было объявлено перемирие и в присутствии представителей союзных держав начались переговоры о передаче власти от правительства Колчака эсерам, которые планировали принять в Восточной Сибири демократическую конституцию, создать правительство, институты власти и договориться об отношениях с большевистской Россией. Тогда же бывшие члены колчаковского правительства направили Колчаку телеграмму, в которой говорилось, что Союзное командование посодействует выводу остатков белых войск на восток и охране порядка в Иркутске при одном неременном условии — отречении адмирала Колчака от всероссийской власти в пользу генерала Деникина. 4 декабря адмирал Колчак отрекся. Вроде бы все другое, но очень напоминает отречение Николая.

16 ЯНВАРЯ

Точно неизвестно, 16 или 17 января 1920 года приступил к работе в Коминтерне Карл Радек. Коминтерн — Коммунистический интернационал — это международная организация, объединяющая комму-

нистические партии разных стран. Создана в Москве в 1919 году. Все партии, входящие в Коминтерн, равны между собой. Но это если говорить формально. В реальности Ленин претендует на исключительное лидерство в деле мировой революции. В России после захвата власти он не терпел никаких политических конкурентов и даже попутчиков. В мировом масштабе Ленину требуется безусловное подчинение левых партий разных стран. Прежде всего наиболее опытной и активной партии в Германии. Главный человек Ленина в Германии — Карл Радек. Об этом человеке сейчас, кроме узких специалистов, никто не вспоминает. В 1937 году Радек был объявлен врагом народа. Сначала ему повезло. Он не был расстрелян, а получил 10 лет лагерей. Правда, спустя два года по указанию из Москвы он был убит охранником в лагере. Ему разбили голову о цементный пол. Вероятно, Сталин дал отсрочку Радеку, потому что тот был большим и, скажем так, разносторонним специалистом по Германии.

Карл Радек родился в еврейской семье во Львове, который тогда как город Австро-Венгерской империи имел название Лемберг. Подданство, соответственно, у Радека было австрийское. Образование получал в Кракове, Берне и Лейпциге, знал кучу европейских языков и был деятелем международного левого движения. Состоял в Польской социалистической партии. В Литовской, Германской и Российской социал-демократических партиях. Чтобы избежать призыва в армию в мировую войну, он переехал в Швейцарию, где сблизился с Лениным.

Радек рано познакомился с Александром Парвусом, который в 1917 году обеспечит возвращение Ленина через территорию Германии в plombированном вагоне в Россию. У Парвуса были налаженные связи с германским правительством и разведкой, через него же поступали деньги большевикам. Вопрос о том, были ли у самого Радека контакты с германской разведкой до знакомства с Парвусом, остается открытым. Раньше в контактах с германскими спецслужбами Радека подозревала лидер германских социал-демократов Роза Люксембург, и, вероятно, именно поэтому он был исключен из партийных рядов. Хотя формальной причиной было названо воровство партийных денег. Может быть, Радека действительно исключили по причине банальной кражи. Но отношения с авторитетной Розой Люксембург испортились навсегда. Только Ленин на фоне этого скандала сумел пристроить Радека в Российскую социал-

демократическую партию. Не исключено, что Ленин, никогда не скрывавший своего политического цинизма, как раз заинтересовался связями Радека с германскими спецслужбами. Во всяком случае именно Радек вместе с Парвусом выстраивал историю с plombированным вагоном для Ленина весной 17-го года. Радек тогда сошел с этого поезда в Стокгольме и возглавил там заграничный корпункт РСДРП. Организовывал за границей коммунистические пропагандистские издания. Сам отлично владел пером, писал легко, саркастично. Впоследствии имел неофициальный титул «золотое перо партии». В Стокгольме с Радеком опять работал Парвус.

После октябрьского переворота Радек прибыл в Россию, поработал в правительстве. Но Ленин видел в нем агента мировой революции. И прежде всего в Германии, где Ленин ждал революционно-го взрыва в ближайшее время. Свой человек в Берлине обязан был решить для Ленина суперзадачу: в случае успеха там вооруженного восстания главным бенефициарием должен стать именно Ленин, а не германские коммунисты.

Ленин и только Ленин должен быть лидером разгорающейся мировой революции. К тому же Ленин уже находился в состоянии идейной конфронтации с главной левой германской дамой, с Розой Люксембург. Когда Ленин заключил сепаратный Брестский мир с Германией, то есть вступил в очередную сделку с германским правительством, Роза Люксембург сочла это «вероломством» по отношению к германским коммунистам, которые боролись с этим правительством. Роза Люксембург выразила свою позицию в большой статье, которую запрещено было публиковать в Советской России. Кроме того, она была сторонницей широкого массового революционного движения, а Ленин считал, что главное в революции — партия, жесткая, кадровая, подобная мафиозной структуре. То есть Роза Люксембург, звезда левого движения, человек смелый и убежденный, в случае успеха революции в Германии оказалась бы безусловной конкуренткой Ленина.

Радек был направлен в Берлин, когда революционные события уже начались. Он перешел границу по подложным документам, под видом солдата, возвращавшегося домой из плена. По совпадению через несколько дней после прибытия Радека в Берлин Роза Люксембург и Карл Либкнехт были убиты. Брат Карла Либкнехта Теодор Либкнехт занимался частным расследованием убийства. Он расска-

зывает, что накануне убийства встретил брата на улице и тот на ходу сказал ему, что располагает информацией о связи Радека с германскими военными и считает его предателем. Обещал рассказать подробности при встрече, но был убит. Сам Радек был арестован и отправлен в тюрьму Моабит.

Его пребывание в тюрьме крайне занято. Радеку разрешен свободный прием посетителей. Для этого отведено специальное помещение. Приходят высокого ранга германские офицеры. Их сменяют люди от германской компартии. В числе визитеров — будущий министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау. Радек обсуждает с ним перспективы экономического сотрудничества. И эти разговоры выльются в дальнейшем в подписание Раппальского договора между Германией и СССР.

На встречу с Радеком в тюрьму также приходит давний приятель экс-начальника германского генштаба Людендорфа барон фон Рейбниц. После тюрьмы, перед отъездом в Россию в доме фон Рейбница Радек в беседе с офицерами германской разведки скажет: «Ленин желает союза с Германией против западных государств-победителей».

После возвращения в Россию Радек становится одним из основных большевистских специалистов в области внешней политики и остается таковым, пока жив Ленин.

В большевистских планах успешные контакты с германским правительством уживаются с идеей мировой революции. В 1923 году ее в очередной раз ждут в Германии. И не просто ждут, а активно готовятся. Более того, обсуждают на Политбюро, когда именно, какого числа стоит начать революцию. Намерены использовать Красную армию. В армии открывают курсы немецкого языка, офицеры изучают карты, и есть план по переброске оружия в Германию на советских подводных лодках. Радека опять направляют в Берлин.

На самом деле, большевиков интересует не столько сама революция в Германии, сколько желание поиспользовать Германию для похода против буржуазной демократии. В газетах уже развернута кампания в поддержку этой близкой, неизбежной и победоносной войны со странами Антанты. Комсомольцы требуют записывать их добровольцами.

Большевистская политика в отношении Германии, в том числе благодаря Радеку, категорически не приемлет социал-демократов и ориентируется на германских националистов. В июле 1923 года Радек выступил на пленуме Коминтерна в поддержку убитого

национал-радикала Лео Шлагетера, назвав его мучеником. Вскоре Шлагетер станет одним из главных мучеников нацистского пантеона. Радек высказывался и по поводу нацистских штурмовиков: «На лицах немецких студентов, облаченных в коричневые рубашки, мы замечаем такое же вдохновение, которое озаряло когда-то лица молодых командиров Красной армии».

Но дело в Германии в 1923 году ничем не закончилось. Зато в Москве ввиду очевидно близкой смерти Ленина развернулась острейшая внутривнутрипартийная борьба за власть. Радек — человек не только Ленина, но и Троцкого. Радек не скрывает своей оппозиционности по отношению к Сталину. Но выигрывает Сталин. Радек будет сослан, но ненадолго и снова появится в Москве уже как горячий сторонник Сталина. Даже напишет книжку «Зодчий социалистического общества». Но Радек был широко знаменит не этим трудом, а бесчисленными анекдотами, которые он сочинял и рассказывал. И Ленину, и Троцкому, и Сталину. И всем подряд. Действующим лицом этих анекдотов часто выступает сам Радек. Вот парочка.

«Сталин спрашивает у Радека: «Как мне избавиться от клопов?» Радек отвечает: «А Вы организуйте из них колхоз — они сами разбегутся».

И еще один.

«Может ли в СССР быть многопартийная система?» — «Конечно. У нас могут быть две партии. Одна у власти. Другая в тюрьме».

24 ЯНВАРЯ

24 января 1920 года Дальневосточный комитет большевистской партии принял решение воздержаться от провозглашения советской власти в Приморье. А вместо советской власти решено создать демократическое буферное государство. Естественно, такое решение на местном уровне принято по приказу из Москвы.

В оригинале эта идея принадлежала эсерам, которые в начале января 1920 года устроили в Иркутске восстание против правительства Колчака, свергли его, получили власть, вступили в переговоры с Сибирским большевистским комитетом, Реввоенсоветом 5-й армии, которая успешно наступала на восток, и предложили красным

создать в Восточной Сибири демократическое, так называемое буферное государство. Эсеры убеждали большевиков приостановить продвижение красных войск, чтобы избежать вооруженного конфликта с Японией, вооруженные силы которой присутствовали на российском Дальнем Востоке.

Председатель Сибирского ревкома и член Реввоенсовета 5-й армии Смирнов 20 января 1920 года информировал Ленина и Троцкого о сибирской инициативе, а также о дополнительных соображениях эсеров в пользу создания буферного государства. В случае возникновения такового можно получить поддержку США в борьбе с японским влиянием в регионе. Того же взгляда еще в 1918 году придерживался бывший посол Российской империи в Токио Василий Крупенский. Он тогда писал Колчаку, что возвращение утраченных Россией позиций на Дальнем Востоке возможно путем активизации интересов США и европейских государств в противовес Японии.

Идея буферного государства понравилась Ленину, и он отреагировал мгновенным одобрением, хотя первоначальную идею несколько модифицировал. Государство это будет несоветским, но под контролем большевиков и просуществует недолго. На определенном временном отрезке этот буфер удобно использовать для контактов с внешним миром. То есть получается такая зарезервированная на будущее территория. Как столик в ресторане на вечер. А в результате большевики имеют шанс избежать военного столкновения с Японией. Ленину было абсолютно не до Японии, потому что всюду идут бои с Деникиным и на повестке дня война с Польшей. Какая тут Япония. Позже на VIII съезде Советов Ленин четко объяснит свою позицию: «Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она непосильна». И в силу этих соображений Ленин дал добро на уникальный вариант, при котором на Дальнем Востоке большевики входят в коалицию с самыми разными социалистическими силами, и вместе они создадут вскоре новое государственное образование.

По вопросу о территории буфера у большевиков с эсерами были расхождения. Эсеры хотели расширить границы, большевики — сузить пределы этого непредсказуемого государства. Вопрос решился явочным порядком. Пока шли переговоры, красные заняли Иркутск. Иркутск уже не мог стать столицей коалиционного буферного госу-

дарства, как хотели эсеры. Граница буфера сдвигалась на восток, за Байкал. В Забайкалье на тот момент при поддержке японцев еще действовал атаман Семенов. То есть вопрос о территориальном наполнении оставался открытым. В качестве базовых центров рассматривались Верхнеудинск и Владивосток.

В конце января 1920 года началась ликвидация колчаковских органов власти в Приморье. Во Владивостоке восстание возглавил впоследствии культовый большевистский персонаж Сергей Лазо. Его поддержал местный гарнизон. Генерал Розанов, осуществлявший власть во Владивостоке, сложил полномочия.

И вот дальше начинается самое интересное. Всю полноту власти получает Приморская областная земская управа и приобретает статус временного правительства. С одной стороны, конечно, просматривается противоречие: земская, то есть местная, власть приобретает правительственные функции. С другой стороны, именно опыт земской власти делает этот орган и левым, и демократическим, то есть социал-демократическим и отражающим настроения подавляющей части населения. Колчаковская власть своими бессмысленными ограничениями и репрессиями сделала все для выработки таких взглядов. Белые лишили земства властных полномочий, ввели запрет на обсуждение, как говорилось, «вопросов конструкции власти», за органами местного самоуправления был установлен контроль в лице комиссаров, заседания местных органов власти проходили в присутствии милицейских чинов, чтобы не допустить обсуждения политических вопросов. В отношении органов власти проводились обыски, изъятие документов, аресты, останавливался выпуск местных газет. К действиям против местной власти подключались казаки, которые арестовывали депутатов и разогнали несколько городских дум.

Земства регулярно выступали с протестами, накапливали опыт защиты демократических прав и стали одной из реальных политических сил. Земства были антиколчаковскими, но это — единственное, что объединяло их с большевиками. Хотя нет. И земская власть, и большевистское руководство считали Дальний Восток безусловно российским. Правда, одни смотрели на эту землю как на свою родину, а другие — как на территорию, которую еще предстоит захватить и подчинить своей власти, как и остальную страну.

Приморская областная земская управа, став временным правительством, опубликовала декларацию, в которой заявила о прове-

дении мер буржуазно-демократического характера: ликвидация остатков колчаковской власти, восстановление политических и гражданских свобод, сохранения права частной собственности и восстановление «нормальной хозяйственной жизни».

То есть ничего от диктатуры пролетариата, никакой советской власти. И все это с благословения Ленина.

На самом деле ничего удивительного тут нет. Более того, именно Ленин выступает в данном случае главным сторонником ненавистной ему демократии и юридических гарантий частной собственности. Именно они создают возможность наладить в этом регионе торгово-экономические связи с деловыми кругами США и других капиталистических стран. В Постановлении ЦК РКП(б) в середине января 1920 года по вопросу о попытках Антанты начать торговые отношения с Россией предлагалось считать Дальний Восток одной из территорий торговой активности. В связи с этим в том же Постановлении Ленин предложил немедленно разработать меры по полному овладению большевиками той собственностью и теми кооперативами, которые перспективны для внешнеторговой деятельности.

Известно, что зависимость от коммунистов тяготила членов Приморской земской управы. Многие хотели сложить свои полномочия. У многих местных большевиков коалиционные действия с эсерами и меньшевиками также не вызвали восторга. В их рядах лидировала идея силами Красной армии быстро выгнать 100 тысяч вооруженных японцев и установить советскую власть. И ни с кем никаких коалиций. Активный противник буферного государства — Сергей Лазо, он за быструю советизацию. Лазо говорил: «Я не думаю, что Япония должна выступить только потому, что здесь будет советская власть». Эта позиция была опровергнута трагическим образом для самого Лазо, который погиб именно во время короткого японского вооруженного выступления в апреле 1920 года.

Ленинский тактический маневр с буферным государством действительно был слишком сложен для большинства коммунистов. В Москву в ЦК РКП(б) шли письма: «Вся попытка образования буферного государства носит искусственный, надуманный характер. И проводится в жизнь только в силу партийной дисциплины, а по существу расценивается как политическая выдумка».

Ленин не испытывал никаких сомнений и отвечал в своей манере: «Не приспособливаться к настроению масс, а вести их за собой,

разъясняя смысл и необходимость компромиссов и отступления. Политбюро ЦК безусловно за политику поддержки буферного государства. Противники этой политики обязаны прекратить свою оппозицию под угрозой строгого наказания».

В результате через четыре месяца будет создана Дальневосточная буферная несоветская республика размером в полтора миллиона квадратных километров, включающая пять областей: Забайкальскую с центром в Чите, Прибайкальскую с центром в Верхнеудинске, ныне Улан-Удэ, Амурскую с центром в Благовещенске, Приамурскую с Хабаровском и Приморскую с Владивостоком. На этой территории для населения почти в 2 миллиона человек устанавливалась «демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа, выявляемую через его избранных представителей, и гарантирующая всем классам общества демократические свободы, обеспечивающие мирное развитие общественных сил». И так продолжалось до тех пор, пока у большевистского руководства был интерес и пока они всё не задушили.

31 ЯНВАРЯ

31 января 1920 года командующий войсками Новороссийской области генерал Шиллинг уведомил главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала Деникина, что Одессу удержать невозможно.

Это заявление явилось следствием следующих событий. Неделей раньше в наступление перешли красная 41-я стрелковая дивизия и кавалерийская бригада Котовского, они двигались на город Николаев. Им противостоял 2-й корпус белой Добровольческой армии генерала Промтова. Но, ввиду сильнейшей эпидемии тифа и нестойкости новобранцев, корпус отступил в сторону Одессы. Другие белые части под командованием генерала Бредова, которые планировали фланговый удар по силам красной 14-й армии, вследствие изменения обстановки также начали отходить. Красные уже взяли Ростов-на-Дону и вышли к Азовскому морю. 29 января белые оставили Херсон и Николаев.

Вот после этих событий генерал Шиллинг и сообщил генералу Деникину о неизбежности сдачи Одессы и необходимости начинать эвакуацию. На следующий день в известность об этом был постав-

лен глава союзнической миссии, то есть миссии стран-союзников по Антанте. С союзниками были проблемы. Их представители настаивали на удержании Одесского района, доказывали генералу Деникину, что в случае сдачи Одессы правительства их стран сочтут, что война проиграна, и прекратят всякое снабжение белых. Но союзники и так не выполняли данных обещаний. В частности, о содействии союзной морской артиллерии при обороне Одессы и о дополнительных поставках оружия и патронов.

До конца января 1920 года союзники считали, что скорее будет сдан Крым, чем Одесса. Теперь ситуация с Одессой резко изменилась. 1 февраля начальник штаба генерала Шиллинга генерал Чернавин на эсминце «Живой» ушел из Одессы в Севастополь, встретился там с командующим флотом адмиралом Ненюковым, и вместе они посетили представителя союзников капитана линкора «Мальборо» Чарльза Джонсона. Говорили о необходимости направить суда для срочной эвакуации Одессы. Капитан Джонсон потребовал гарантий относительно ситуации на Крымских перешейках. То есть конкретно — удержат белые за собой вход в Крым или нет. Связались с генералом Слащевым, который отвечал за оборону на перешейках. Опытный, лихой и почти сумасшедший генерал Слащев дал гарантии, и, надо сказать, слово свое он сдержит.

Англичане направили из Севастополя в Одессу два транспортных судна, крейсер «Кардифф» и пароход с углем. В Одессу также ушел российский пароход «Святой Николай». На остальных имевшихся российских кораблях в это время шла эвакуация из Мариуполя, Херсона и Николаева. На это же шли запасы угля.

В это время красная 41-я дивизия и бригада Котовского начали наступление непосредственно на Одессу.

Так как кораблей и угля в Одессе для эвакуации не было, белому корпусу генерала Промтова был дан приказ не идти в Одессу, а двигаться на запад, для перехода в Румынию. Хотя не было известно, пустят к себе румыны или нет.

Для осуществления эвакуации был создан Штаб обороны. Его задачей было удержание Одессы до того момента, пока «последний боец-доброволец не будет посажен на корабль». Совершенно неожиданно в разгар эвакуации генерал Шиллинг передает общее командование генералу Украинской Галицкой армии Сокире-Яхонтову. Галицкая армия поддерживала белых, но никакой реальной силы на

тот момент не имела. Тиф скопил почти всех. В живых, но по госпиталям, осталось около трехсот человек. Сокира-Яхонтов пробыл на посту около суток, а потом с поста ушел.

Зима в районе Одессы в 1920 году, особенно в дни эвакуации, из-за циклона была нехарактерно холодная. Одесский залив был покрыт вязким ледяным крошевом, в котором всю эвакуацию будут работать ледокольные буксиры «Смелый» и «Работник» и еще английский буксир.

Плана эвакуации заранее не было. Небольшие частные пароходы не были вовремя мобилизованы. Они брали людей за плату или вообще отказывались участвовать в эвакуации. Начальник Управления военного порта Одессы капитан 1-го ранга Дмитриев в разгар событий сказался больным и бросил выполнять свои прямые обязанности. Вследствие возникшего хаоса управление движением в порту, швартовкой, проводкой судов по собственной инициативе взял на себя командир британского крейсера «Церес» капитан Рейнольдс.

Из-за льда трудно было швартоваться, оставалось большое расстояние между кораблем и причалом. В первую очередь на борт должны были брать раненых, больных, включая тифозных. Дальше шли женщины, дети и лица, чья деятельность и должность означали бы неизбежный расстрел у красных. В реальности люди штурмовали пароходы и на борт брали значительно больше нормы. Транспорт «Рио Негро» принял 1400 беженцев вместо разрешенных 750. Аналогичная картина на кораблях «Аякс», «Рио Пардо», на «Далланде» и «Цересе». Пароход Добровольческого флота «Владимир» взял на борт несколько тысяч военных. Они заполнили все трюмы и стояли на палубе плечом к плечу. Большинство воинских частей не эвакуировались, а направлялись пешим ходом к румынской границе.

Если корабль, отходя от берега, вдруг застревал во льду, к нему тут же бросались люди с причала, бежали, рискуя провалиться под лед, в надежде, что их возьмут на борт. Уже после завершения массовой эвакуации личный героизм проявляли доктора, сопровождавшие в порт оставшихся больных тифом. Договаривались с капитанами случайных буксиров, на свой страх и риск грузили больных по максимуму, вывозили на внешний рейд, передавали на английские корабли и возвращались за новой партией. Англичане в знак уважения к самоотверженности русских докторов принимали больных с баркасов и шаланд.

Параллельно с эвакуацией в городе уже шли бои. Бывший депутат Государственной думы Василий Шульгин, присутствовавший при отречении Николая II, участвовал в этих боях в составе так называемого Отряда особого назначения. Вместе с четырнадцатилетним сыном Димкой.

Шульгин вспоминает: «Отряд представлял собой приблизительно следующее: первая рота — человек 30 офицеров. Несколько из них — испытанные друзья, другие — прибежавшие, не зная куда деться. Вторая рота — около 50 человек гимназистов. Сверх того, около 10 дам и несколько мужчин, не способных носить винтовку». Шульгин пишет: «Мы шли по городу. Пулеметы трещали на соседних улицах. По тротуарам бежали люди с чемоданчиками и узелками. Мы развернулись в цепь. Мальчики держались смело».

В эти дни из Одессы эвакуировались знаменитый русский писатель, будущий Нобелевский лауреат Иван Бунин с женой. Он уехал из большевистской Москвы в 1918 году, в Одессе работал в антибольшевистских газетах. С осени 1919 года не испытывал иллюзий по поводу перспектив белых армий и искал возможность выехать за границу.

Денег у Бунина не было. Он рассчитывал придумать командировку и так устроить себе с женой оплаченный отъезд. Сначала речь шла о работе в Париже в качестве корреспондента газеты «Южное слово», для которой Бунин писал в Одессе. Тогда же Бунины зазывал во Францию писатель Алексей Толстой, который проживал там и еще совершенно не собирался возвращаться в Советскую Россию. Толстой писал Бунину о чудесном красном вине и об изобилии во Франции, а Бунин в Одессе хлопотал перед генералом Шиллингом, чтобы тот попросил французов, чтобы «они или даром, или по пониженной цене перевезли Буниных во Францию». Дело тянулось до января 1920 года и ничем не закончилось. Случайный шанс появился перед самым началом официальной эвакуации Одессы. Болгария заявила, что готова принять у себя до восьми тысяч беженцев, и просит российскую сторону обеспечить освещение этой акции болгарского правительства.

В Одессе в этих целях была сформирована некая миссия, в состав которой и попал Бунин. Он до последнего не верил, что отъезд состоится. И вот по какой причине. Несмотря на красное наступление, на прямую угрозу жизни, между интеллигенцией монархических взглядов и интеллигенцией либеральной шли непримиримые

споры, рук друг другу не пожимали и до последнего не готовы были вместе погрузиться на один пароход. Бунин ожидал, что именно по причине расхождения во взглядах на будущее России монархисты не включают его в миссию на Балканах. Один из главных членов миссии сотрудничал в газете «Единая Русь», которую Бунин ненавидел и презирал со всей силой своего темперамента. Но все-таки выбрались вместе в последний день эвакуации.

Когда отплывали, на причале оставалось множество людей, которым не удалось попасть ни на один из уходящих кораблей. Вдруг кто-то из оставшихся, потом еще, еще, потом все встали на колени.

7 ФЕВРАЛЯ

7 февраля 1920 года в Уфимской губернии в Мензелинском уезде Троицкой волости началось мощное крестьянское восстание, которое, разлившись по большому региону, по ожесточенности и массовости не уступало знаменитому Антоновскому восстанию в Тамбовской губернии. При этом по своему характеру и по составу оно оказалось сложнее Антоновского.

Начавшись в Уфимской губернии, восстание перекинулось в смежные уезды Самарской и Казанской губерний. Это были территории, с которых красные вытесняли белых. То есть еще совсем недавно здесь проходил фронт. А значит, и красные, и белые отбирали у крестьян и хлеб, и скот, и лошадей. И мужчин по мобилизации каждая из воюющих сторон загребала к себе. Губернии были разорены, но отошли к красным. Но в первых числах февраля 20-го года из Москвы в Казань, в Реввоенсовет Запасной армии Восточного фронта, которая отвечала за стратегические резервы, пришла телеграмма за подписью Ленина, извещавшая о катастрофической нехватке хлеба для бойцов Западного и Северного фронтов, а также для рабочих Москвы и Питера. Соответственно, после получения в поволжских губерниях пошла большевистская продрозверстка, начали изымать хлеб подчистую.

4 февраля 1920 года в Мензелинском уезде в селе Новая Елань появился спецпродотряд. Приказали срочно сдать 5535 пудов зерна. Цифра откровенно издевательская. Крестьяне сказали, что столько в помине нет, дадут, сколько есть. Командир продотряда озверел,

взял заложников. Продотрядники пошли отбирать хлеб по домам. Ссыпали отобранное зерно на снег, в одну кучу и рожь, и пшеницу, и ячмень. Крестьяне взяли вилы и топоры, освободили заложников, пошли на продотрядников, четверых убили, остальные сбежали. В соседних селах тоже взялись за вилы. Отсюда и название восстания — Вилочное. Прибыли начальник уездной ЧК и начальник милиции. Их убили. Дальше пошли захватывать села и деревни. Волнения быстро охватили соседние губернии.

По ходу дела создают боевые силы со штабами и комендантами по волостям, с дежурными частями в деревнях. Взяли несколько городов, в том числе уездный город Белебей. Это серьезный успех. Дальше последует наступление на Уфу.

Главные лозунги восставших: «Не дадим умерить наших детей голодной смертью» и «Власть Советам, но без коммунистов!». Требование «Советов без коммунистов» — это чисто эсеровский лозунг. И эсеры действительно присутствовали среди восставших и играли в восстании некоторую организующую роль. Более того, восстание имело еще и название «Черный орел», такое же, как и местный эсеровский кружок. Название это, на самом деле, башкирское. В оригинале звучит «Карагош яуы». И специфика этого восстания в том, что оно интернациональное и не зависит от конфессиональной принадлежности участников. Вместе идут татары, русские, башкиры, чувашаи. И лозунги у них объединяющие: «Да здравствует вера в Бога!» и «Долой выкачку хлеба!». А затем к ним добавляется новый: «Да здравствует правительство, избранное тайным и равным для всех голосованием!» И наконец, еще одно исключительно важное требование: «Да здравствует Российская Федеративная Республика!» То есть ставится вопрос о реальном федерализме в устройстве нового государства.

Дело в том, что с ноября 1917 года по соседству с поволжскими губерниями существовала Башкирская республика, национальная автономия, проводившая независимую экономическую политику. Это тоже такой феномен Гражданской войны. В Башкирской республике не было никакой продрозверстки, напротив, работали частные предприятия, шла свободная торговля. Естественно, крестьяне из ближайших российских уездов хотели перейти в эту республику. И даже совершали такие переходы целыми деревнями. Причем это касалось и русских, и татар, и чувашей. Ну а башкир, само собой.

Башкирская республика, между тем, сама была в крайне сложном положении. В 1918 году, в начале Гражданской войны, лидер башкирского национального движения, сотрудник аппарата мусульманской фракции Госдумы и член Учредительного собрания Валидов был настроен антибольшевистски. Башкиры воевали вместе с белыми. Валидов надеялся, что Колчак, придя к власти, сохранит башкирскую автономию. Но Колчак был одержим идеей «Единой и неделимой России», ничего не смыслил в федерализме, не понимал, что это путь к сохранению реального единства страны, и башкирскую автономию ликвидировал. При этом использовал башкирские войска на самых опасных участках фронта. Имея целью автономию, башкирское руководство сочло целесообразным пойти на сближение с большевистской властью. Начались переговоры. Согласились, что башкирские войска прекращают боевые действия против красных, а большевики признают Башкирскую Советскую Республику. Это было в феврале 1919 года. Валидов писал о дне перехода башкирских частей на сторону большевиков: «Мы склонили головы перед врагами, положили к их стопам наши чаяния и волю, не зная, в каких целях нами воспользуются. За всю жизнь я не плакал так, как когда». Красным башкирам не доверяли, но использовали, как и белых, в самых опасных ситуациях. Переход сильных башкирских частей на сторону советской власти ослабил позиции Колчака на юге Восточного фронта. Большевики были довольны сделкой с башкирами, автономию признали, но ужесточили контроль за Валидовым и его сторонниками.

Валидова часто вызывали в Москву. В разгар Вилочного восстания он тоже был в Москве. Когда возвращался на поезде, информация о том, что он едет, успела распространиться. На станциях происходило столпотворение. И русские, и татары в Уфимской губернии просили: «Присоедини нас к Башкортостану, освободи, защити, мобилизуй сыновей в армию». Валидов думал о другом. Он надеялся использовать башкирские войска для успокоения восставших, считая, что в этом случае не будет кровопролития. Но у Ленина и Троцкого, несмотря на все уверения Валидова, этот вариант не прошел: они смертельно боялись объединения восставших с башкирскими частями.

Восстание будет подавлено регулярными частями Красной армии с привлечением иностранных добровольцев, китайцев и венгров, которые отличались крайней жестокостью и грабежами. Грабили всех подряд, включая семьи красноармейцев, расстреливали женщин и детей.

На заседании ЦК РКП(б) 8 апреля 1920 года с участием Сталина и Дзержинского восстание было охарактеризовано как чисто национальное выступление, организованное правительством Башкирской республики и лично Валидовым. То есть запрещалось признавать его интернациональный характер.

С Башкирской автономией будет покончено через месяц после подавления восстания.

В истории бывают странные совпадения. 7 февраля, в тот же день, когда началось Вилочное восстание, в Иркутске на Ангаре был расстрелян Верховный правитель России адмирал Колчак. Приказ поступил от Ленина. Ленинская шифровка с приказом прошла через заместителя Троцкого Склянского к председателю Реввоенсовета 5-й армии Смирнову. Ленин в шифровке уточнял, что местные власти после ликвидации Колчака должны «прислать официальную телеграмму с разъяснениями, что поступили так под влиянием угрозы отряда Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». В конце шифровки Ленин уточнял: «Беретесь ли сделать архинадежно?» И действительно, все сделали архинадежно.

Колчак достойно принял смерть. Как воин. Переданный ему яд не принял. Глаза перед расстрелом отказался завязывать.

Уже некоторое время перед арестом Колчак был не в курсе, что происходит на оставленных им территориях. Он не знал, что в день его расстрела совсем не похожие на него люди с вилами в руках пошли против большевиков. Теперь он умирал, и они шли на смерть.

13 ФЕВРАЛЯ

13 февраля 1920 года в шесть тридцать утра из города Овидиополь вышел белый отряд под командованием генерала Васильева. В отряде около 10 тысяч человек. Половина из них — гражданские лица, старики, женщины, дети. На подводах они везут свое имущество. Это не придает боеспособности отряду и сильно замедляет движение.

Из вооруженных частей в отряде — саперы, гусары — только они из всех на лошадях, батарея при одном-единственном орудии, броневик «Россия», несколько условных рот под разнообразными названиями, вроде «Союз возрождения России», отряд штатского

человека, экс-депутата Госдумы Василия Шульгина, состоящий в основном из студентов и гимназистов, а также солдаты и офицеры, чьи части давно рассыпались. В составе отряда кадеты старших классов Одесского кадетского корпуса. С ними четыре мальчика-кадета младших классов 10–12 лет. Эти дети записались в отряд вместе со своими братьями-старшеклассниками, которые были их единственными родными людьми. В этом же отряде находились воспитатели из кадетского корпуса, с которыми шли их семьи. Вот такому отряду придется принять бой, который окажется последним для белых в этой части Причерноморья после эвакуации Одессы.

Но дело даже не в пестром составе отряда, а в физическом и моральном состоянии, в котором пребывали все эти люди. Они — из числа тех, кто остался после того, как последние корабли с эвакуированными покинули Одессу, в которую уже входили красные. Оставшиеся белые части — около шести тысяч человек, а с ними масса гражданских лиц двинулись пешим ходом в сторону румынской границы. Румыния незадолго до этого присоединила к себе Бессарабию, так что граница проходила по берегу Днестровского лимана и была достижима. Вопрос был в том, примут ли румыны русских беженцев или нет. Ответа на этот вопрос не было.

Отступающие из Одессы прошли на запад более 20 верст, по морозу, по снегу, без дороги, постоянно ожидая нападения красных. Дошли до большого населенного пункта, где узнали, что румыны никого не пускают через Днестр, граница закрыта. Часть военных с семьями решили двигаться севернее, чтобы соединиться с армией генерала Бредова, которая отступала через Тирасполь с намерением в дальнейшем уйти в Польшу. Но соединиться с генералом Бредовым не удалось. Красные перерезали дорогу и перебили беженцев. И военных, и членов их семей.

Основная масса шедших из Одессы двинулась прямым путем в сторону городка Овидиополь, который стоял на берегу Днестровского лимана. Название городку дано царицей Екатериной в честь отбывавшего здесь ссылку римского поэта Публия Овидия Назона. Царица была поклонницей литературы. На другой стороне замерзшего лимана, в десяти верстах от Овидиополя, уже на румынской стороне, стоял город Аккерман, который и был целью русских беженцев. Румыны никого не пускали, с ними шли бесконечные переговоры.

Особым контингентом среди беженцев были ученики Одесского кадетского корпуса, не попавшие при эвакуации на корабли. Большую их часть составляли кадеты младших классов, десятилетние дети. Их было несколько сотен. Они мужественно, наравне с мужчинами, впроголодь, прошли весь путь до румынской границы. Директор кадетского корпуса отправился из Овидиополя в Аккерман. Вернувшись сообщил, что путь для детей открыт, так как комендант Аккермана направил телеграмму о происходящем румынской королеве Марии. А королева Мария Румынская — внучка российского императора Александра II. И значит, она не может быть равнодушна к катастрофическому положению своих соотечественников.

На следующий день почти 600 детей-кадетов пошли по льду, прошли десять верст по морозу, но возле румынского берега их неожиданно обстреляли. Маленькие кадеты стояли на льду, не зная, куда деться. Были раненые, контуженные.

Пошли обратно, 10 верст. По дороге их воспитатели боялись растерять малышей на льду. Главное, чтобы никто из них не лег от усталости и не замерз.

Наутро получили новое разрешение на переправу. Для всех беженцев. По льду пошли обозы, кадеты, госпитальные подводы с больными тифом, воинские части. Все мучились жаждой, ели снег. Документы на румынском берегу проверяли медленно. Кому-то повезло, прошли. И кадетов пропустили. Часть беженцев вынуждена была ночевать на льду. Утром, когда рассвело, увидели, что с румынского берега дети-кадеты идут обратно. Их хотели выгнать прямо посреди ночи, но маленькие были настолько измучены, что начали плакать. Тогда им позволили переночевать в здании гимназии, а потом выгнали. Тех беженцев, которые утром пытались прорваться на румынский берег, встречали пулеметным огнем.

Все двинулись обратно в Овидиополь, от которого красные были всего в двадцати верстах. Остаться в этом городке было губельно. Тогда-то и пришла идея создать отряд под командованием генерала Васильева и пробиваться. Правда, неизвестно куда.

Большинство кадетов, прежде всего самых маленьких, вместе с директором корпуса отправили обратно в Одессу, рассчитывая, что красные пожалеют детей. Действительно, офицеры-воспитатели и старшие кадеты были арестованы, а младших красные вернули в здание корпуса и бросили там. Кто-то из них стал беспризорником, кто-то бежал к Вран-

гелю в Крым, но многих разобрали по семьям посторонние добрые люди. В отряде генерала Васильева осталось 50 кадетов-старшекласников и четверо маленьких со своими старшими братьями.

Поход этого отряда, начавшийся 13 февраля, был совершенно отчаянный. Шли ночью. По замерзшей пашне, со случайным ночлегом, без запасов еды и воды. Все научились спать на ходу.

Кадет-шестиклассник вел за руки двух младших братьев. Подкармливал их мерзлой капустой, найденной в поле.

15 февраля подошли в селению Кандель. Название немецкое. В тех местах на причерноморском юге России издавна жили немецкие колонисты. Селения большие, зажиточные, дома под черепичными крышами, школы, маленькие электростанции. Называются — Мангейм, Гросс-Либенталь, Страсбург, Баден. Колонии сельскохозяйственные, винодельческие. Большевиков эти крепкие немецкие хозяева ненавидели. Когда красные в очередной раз захватили власть на этих территориях, немецкие колонисты подняли восстание, создали собственные охранные отряды. Они могли бы оказать содействие белым, в том числе при обороне Одессы. Вероятно, они откликнулись бы на мобилизацию, если бы белые решили призвать их в свои ряды. Но белые этого не сделали. Теперь немецкие колонии оказались на самой линии фронта.

15 февраля 1920 года в колонии Кандель стояли красные. И к этой же колонии подходили белые беженцы. Невзирая на двухдневный непрерывный марш по морозу, усталые, голодные люди из отряда генерала Васильева пошли в сумасшедшую атаку, руководствуясь непреодолимым желанием попасть в теплые дома, согреться и найти еду. Они выбили красных. Но совсем скоро из соседней колонии Зельц в наступление пошла бригада Котовского. Беженцы были малопригодны к сопротивлению. В бой с красными вступили кадеты и немногочисленные офицеры. Плюс один пулемет. Постепенно поднялись остальные бойцы. Перешли в контратаку, дрались весь остаток дня и вытеснили красных из соседней колонии Зельц.

Но больше беженцы сражаться не могли. Не было ни сил, ни боеприпасов. Часть людей ушла в никуда, в надежде соединиться с какими-нибудь белыми частями. Остатки отряда генерала Васильева двинулись обратно к румынской границе и перешли ее. Опять повторилась та же история: румыны стреляли, выгоняли на российский берег, были убитые и раненые. Все металось вместе с обозами, опять шли по льду в Россию. Генералу Васильеву румыны предлага-

ли убежище на своей территории. Он отказался. В последний раз кто-то из кадетов случайно увидел его одиноко идущим по дороге. И так, случайно, на дороге, узнал от генерала, что румынская королева Мария все-таки дала приказание принять кадетский корпус в Румынии. Остальные беженцы предоставлялись собственной судьбе. Сообщив это, генерал Васильев пошел дальше, свернул за поворот дороги и там застрелился.

21 ФЕВРАЛЯ

21 февраля 1920 года красные вошли в Архангельск. Это был конец существования белой Северной области в европейской части страны с центром в Архангельске. Белая власть установилась здесь с августа 1918 года и половину времени своего существования подерживалась союзниками по Антанте. Это были поставки вооружения и, что еще важнее, продовольствия. Как для армии, так и для местного населения.

Более года власть в Северной области принадлежала правительству, которое было преимущественно эсеровским. То есть никакой военной диктатуры не существовало, а правительство было вполне левым.

Население в массе в Гражданскую войну поддерживало тех, кому сопутствовала удача на фронте, и до тех пор, пока она им сопутствовала. Люди заботились о собственной безопасности, политических пристрастий не имели, хотели вовремя оказаться на стороне победителя, чтобы сохранить собственную жизнь.

Весной 1919 года в Северной области они были на стороне белых. На Восточном фронте шло успешное наступление Колчака, и в конце марта, 21 марта, 1919 года рота Северной армии встретилась с передовым отрядом Сибирской армии на холодном, пустом пространстве где-то между городами Котлас и Вятка. У всех было ощущение, что наконец-то соединились два белых фронта.

Руководство Северной армии приступило к планированию согласованного с Восточным фронтом наступления на июнь-июль 1919 года. Между тем между Архангельском и Омском, где базировался Колчак, не было радиосвязи. На получение донесений требовалось несколько недель. Когда северяне были готовы к наступлению, пришло

сообщение, что войска Колчака отступают, причем уже давно. Но так как в Гражданскую войну успех постоянно переходил от белых к красным и обратно, неудача на Восточном фронте не была воспринята как окончательная и бесповоротная, и командование Северной армии приняло свою попытку наступления. Тем более что в это время в красных частях шло дезертирство, а в тылу у красных свирепствовал голод, и население там демонстрировало крайнее недовольство.

Но наступление белых не получило должного успеха, были большие потери. К тому же красные в прифронтной полосе разбрасывали листовки, сообщавшие о том, что Колчак отступает, бежит. Солдаты в Северной армии под влиянием этих обстоятельств начали бастовать, не выходили на боевые позиции, бежали к красным. Фронт был полон слухов, что белые везде разгромлены, а офицеры скрывают эту информацию от солдат и зазря гонят на смерть. Многие просто пошли по домам. В Северной армии воевали добровольцы и мобилизованные из местных деревень. Они бросали армию и расходились по домам. На фронте все равно проиграли, чего там делать, а тут самое время сенокоса.

Но тут пришли сведения, что на Южном фронте успешно наступает Деникин и скоро возьмет Москву. Волнения в войсках сразу прекратились, и дезертиры побежали от красных к белым.

Но тут союзники, которые кормили Северную армию, решили покинуть Россию. Они — американцы, англичане, французы, итальянцы, сербы, в целом около восьми тысяч, — оказались на Русском Севере в 1918 году в ходе мировой войны. Здесь проходил северный фланг Восточного фронта, и задача союзников состояла в том, чтобы не позволить немцам или финнам перерезать Мурманскую железную дорогу или захватить военные грузы в портах. И только потом они начали оказывать содействие своим союзникам по Антанте, то есть белым. Однако это содействие было недолгим.

В странах-союзниках общественность, избиратели давили на правительства с требованием прекратить за деньги налогоплательщиков финансирование воинских контингентов в России и материальную поддержку белой стороны в русской Гражданской войне. В результате Россию покинул весь иностранный контингент, кроме англичан. Но бунты в частях Северной армии оказались на руку тем, кто в британском кабинете министров выступал против содействия белым. Уинстон Черчилль, будучи военным министром, до последнего сопротивлялся выводу британского контингента из Северной

области. Черчилль с самого начала был последовательным антикоммунистом. Но и его аргументы закончились на фоне беспорядков, метаний и неуправляемости в русской Северной армии.

В июле 19-го года британское правительство приняло решение об эвакуации своих военных из России. Их было совсем немного. И не в них было дело. А в том, что с их уходом прекращалась и всякая британская материальная помощь.

Перед началом британской эвакуации генерал Айронсайд встретился с командующим Северной армией Миллером и с членами Северного правительства. Айронсайд задал вопрос, сможет ли Северная армия воевать самостоятельно. Генерал Миллер понимал, что армия теперь ограничена продовольственными ресурсами Архангельской области, а значит, может удерживать фронт совсем недолго. Но на эвакуацию с союзниками не пошел, считая такой шаг капитуляцией. Он еще не считал, что дело проиграно. Гражданское правительство Северной области поддержало военное командование и провело ряд перестановок, чтобы обеспечить большую популярность власти у населения. Более того, решено было создать представительный орган для контроля над правительством. В это же время пришли известия об успехе Деникина на Южном фронте. И наконец, Северная армия осенью 1919 года осуществила неожиданно успешное наступление. В белые ряды вступали перебегающие красные, включая командиров.

Но этот успех имел обратную сторону. Наступление означало вхождение на территории, где при красных был голод. И население надо было кормить. Рост численности Северной армии также ставил вопрос о ее снабжении. Британской помощи больше не было. К тому же перед эвакуацией союзники, считая, что Архангельск будет вот-вот сдан, уничтожили большую часть уже имевшихся запасов продовольствия. Из Архангельска в Сибирь направили морскую экспедицию за хлебом, но привезли мало. С трудом договорились о поставках муки в кредит из Америки. Но не хватило ни армии, ни населению. Солдатский паек сократили. Солдаты немедленно стали говорить, что «еда у большевиков ненамного хуже, чем у нас». С обмундированием тоже было плохо. Это грозило волнениями в армии. Стали скупать у крестьян полушубки, но дешево. Запретили вывозить продукты из фронтовой полосы. Крестьяне возмутились, что им не дают торговать. Солдаты, в свою очередь, писали домой, что «у местных крестьян киснет молоко, а для солдата нет».

Архангельский бизнес не проявил желания помочь власти и армии в критической ситуации, валюту на закупку хлеба не жертвовал, напротив, немедленно стал выводить деньги за границу.

Когда пошла информация об отступлении Деникина, начались нервные срывы в рядах армейского руководства. Начальник Мурманского края Ермолов писал командующему генералу Миллеру, просил «по-хорошему отпустить... душу на покаяние». Писал, что ему «очень тяжело, и больно, и грустно уходить, но что же... мне делать — я так устал». Офицеры уже говорили, что не боятся прихода красных и что «можно будет устроиться».

Солдаты писали домой: «Дорогие родители, не беспокойтесь, все равно кто бы ни был у власти, лишь бы жилось спокойно». И крестьяне говорили: «Уживемся с большевиками, большевизм уже не тот, что в 1918 году». Крестьяне не были против белых, они просто хотели, чтобы кто-нибудь уже победил и был бы мир.

В середине февраля 20-го года стало ясно, что больше нет ресурсов для обороны Северной области. Часть горожан и офицеров эвакуировались из Архангельска на корабле в Норвегию. Солдаты расходились по домам. Кто-то сдавался в плен. Несколько групп на лыжах с трудом добрались до Финляндии.

Северная область досталась красным без боя. Но это не умерило жестокости победителей. Арестованными были забиты и Архангельская тюрьма, и здание суда, и семинария. Расстреливали офицеров вместе с женами, редакторов газет, местных предпринимателей. Вместе с семьями. По крестьянским домам пошли с реквизициями хлеба, скота. Северные монастыри — Соловецкий, Холмогорский — также заполнялись арестованными. Сюда же стали ссылать из других областей, из Москвы и Питера.

Местные жители думали, что это ненадолго, что это еще не конец. Но оказалось, что конец.

28 ФЕВРАЛЯ

28 февраля 1920 года в крепости Чныррах на левом берегу Амура, в 12 километрах от города Николаевска, был подписан договор между японской стороной и Красной Партизанской армией. Подписанию мира

предшествовали трехдневные переговоры. Первая встреча прошла в колонии для прокаженных 26 февраля. Присутствовали поручики Цукамото и Кавамото и представители партизан, включая их командира Якова Тряпицына. Договорились заключить трехдневное перемирие. От японского штаба до колонии прокаженных протянули телефонную связь.

Японские военные части в Николаевске присутствовали с августа 1918 года. Пришли вместе с контингентами других стран Антанты. К 1920 году на Дальнем Востоке оставались только японцы.

Партизанская армия Якова Тряпицына появилась вблизи Николаевска 6 февраля 1920 года. Штурмовали крепость Чныррах, которую охраняли японцы, заняли форты и часть казарм. Успех штурма открывал путь к Николаевску. Японцы передали руководству партизан декларацию генерала Сирамидзу, в которой заявлялось о японском нейтралитете в Гражданской войне в России. Кроме того, японцы просили о гарантиях безопасности для своего гарнизона в Николаевске. Партизаны прекратили обстрел крепости Чныррах. Японцы покинули крепость и отступили в город. Партизанская армия двинулась на город. Японцы начали артиллерийский обстрел. Партизаны, также обладая артиллерией, перешли к обстрелу города. Вот после этого пошли мирные переговоры.

Характерно, что красные партизаны ведут мирные переговоры с японцами, невзирая на то что в городе Николаевске расположен белый гарнизон, действуют городское самоуправление и земские учреждения Сахалинской области. Командир партизан Яков Тряпицын говорит с позиции силы и сам выбирает, с кем вести переговоры. Белый гарнизон вообще не помеха Якову Тряпицыну. Ему 23 года, он уже успел повоевать в мировую войну, получил Георгиевский крест, вернулся домой во Владимирскую губернию, но там ему стало скучно. Он рванул в Сибирь, был арестован белыми в Иркутске, сбежал из тюрьмы и примкнул к красным партизанам. А в ноябре 1919 года уже на нижнем Амуре двинулся в самостоятельный рейд во главе отряда в 35 человек, который за два с половиной месяца вырос в партизанскую армию, которую решено было преобразовать в Красную регулярную армию. И вот 29 февраля 1920 года Яков Тряпицын, договорившись с японцами, во главе своей армии торжественно вступил в город Николаевск, чтобы устанавливать там советскую власть в том варианте, как он ее себе представлял. Его армия шла с черными флагами, на которых было начертано: «Смерть

государству! Смерть буржуазии! Смерть интеллигенции!» Тряпицын сам себя причислял к анархистам-индивидуалистам. И это была вполне адекватная оценка. Он на самом деле был одним из тех харизматичных бандитов, которых вынесла на поверхность Гражданская война. Которые обладали оружием, склонностью к авантюризму и имели самые элементарные уравнилельные взгляды.

С приходом Тряпицына сразу пошли аресты белых офицеров, членов городского самоуправления, чиновников, врачей, судей, нотариусов. Был арестован и член николаевского самоуправления Камаровский, который присутствовал при подписании мирного договора с японцами, а также его жена и старая мать.

Начала работу следственная комиссия, занимавшаяся преступлениями белых в отношении красных. Обнаружили ряд захоронений, тела со следами издевательств. Все эти трупы извлекли и выставили для обозрения публики в здании бывшего гарнизонного собрания.

В принципе, это мероприятие было явно провокационным и должно было вызвать резню, когда красные партизаны перебили бы всех, кто попался им под руку. Но резни не произошло, что свидетельствует об исключительном авторитете командира Тряпицына и жесткой дисциплине его бойцов, не выступавших без приказа. А состав этой армии был совершенно разношерстным. К Тряпицыну прибывались жители сел, рабочие золотых приисков, люди без всяких занятий, без кола и двора, то, что называется деклассированные элементы, уголовники, каторжане с Сахалина, а также местные китайцы и корейцы, которые ненавидели японцев.

Все они шли к Тряпицыну, потому что он направлялся в Николаевск, самый богатый город на Нижнем Амуре, где есть что грабить и есть на ком выместить злобу. Но до приказа Тряпицына они терпели. Через две недели после вступления в город Тряпицын выдвинул представителям японской армии ультиматум о сдаче оружия до полудня следующего дня. Он руководствовался простой и шальной идеей. Требуя от японцев разоружения, он провоцирует их на выступление, и его, Тряпицына, борьба с японцами заставит подняться всех партизан Дальнего Востока, и они поднимутся и выгонят всех интервентов. Эта идея Тряпицына, надо сказать, в корне противоречила планам Ленина, который во что бы то ни стало хотел избежать военного столкновения с японцами на Дальнем Востоке, потому что у большевиков не было реальной возможности выиграть. Ленин во

избежание войны с японцами дал добро на создание Дальневосточной республики с демократическим устройством, частной собственностью и свободной торговлей. То есть Ленин из-за японцев готов был, пусть временно, но поступиться своими политическими принципами. А Тряпицын был другого мнения.

В результате после ультиматума Тряпицына о сдаче оружия японцы, отлично понимая, чем чревато это разоружение, нанесли превентивный удар. То есть напали на партизан. И вот тут бойцы Тряпицына по приказу командира наконец отвели душу. С ходу перебили всех арестованных жителей Николаевска. Убивали людей со связанными руками. Женщин убивали, раздев догола.

В качестве подкрепления вызвали с Сахалина батальон под командованием уголовника по кличке Лапта. Огнестрельное оружие не применяли, рубили шашками, топорами, кололи штыками.

Из японских солдат большинство погибло в бою, 134 взяты в плен. Уничтожена была вся японская колония Николаевска, люди, давно, традиционно жившие в городе, — 834 человека, включая детей. Расстреляны и граждане других государств. Трупы русских и японцев сваливали на Амуре на лед. Есть жуткие воспоминания свидетелей: «Среди трупов я увидел много знакомых. Очевидно было, что людей страшно истязали и били: у одного нижняя челюсть и нос были свернуты вбок, у другого голова была совершенно разбита, лицо есть, а затылка нет и из черепной коробки будто кто-то все выскреб. Судовладелец Назаров стоял стоймя на трупах с выколотыми глазами и смеющимся лицом». Дальше воспроизводить просто невозможно.

На открывшемся в Николаевске съезде Советов в кулуарах обсуждали происшедшее. Некоторые спрашивали, зачем было убивать всех арестованных в тюрьмах. Им спокойно отвечали: «Это пустяки. Эти люди — человеческий мусор, социальный навоз, и нечего ставить такие вопросы».

Японцы, спровоцированные Тряпицыным, как и предполагал Ленин, начали активные действия на территории от Хабаровска до Владивостока. 22 апреля в день рождения Ленина японцы заняли Северный Сахалин. Ввиду опасности захвата Николаевска Тряпицын принимает решение сжечь город. Населению отдан приказ срочно эвакуироваться. Но эвакуироваться согласились не все. Тогда их всех скопом объявили контрреволюционерами и началась очередная жуткая резня. Бойцы Тряпицына убивали жителей без разбора.

Ловили женщин и девушек, тащили к себе в казармы, насиловали, сбрасывали в Амур. Убивали крошечных детей. При этом говорили, что дети буржуев — тоже буржуи, только маленькие. Заодно сводили личные счеты со своими же. Потом подожгли город и ушли в тайгу. Перед уходом местная радиостанция передала последние слова Тряпицына: «Деревни по всему побережью моря и в низовьях Амура сожжены. Город и крепость разрушены до основания, крупные здания взорваны, на месте города и крепости остались одни дымящиеся развалины, и враг, придя сюда, найдет только груды пепла. Мы уходим». Взорвали радиостанцию и ушли.

Очень быстро внутри партизанской армии началось противостояние двух группировок. В результате Тряпицын был схвачен, осужден и расстрелян. Причем расстрелян вместе с гражданской женой. Которая была у Тряпицына начальником штаба. И которая была на четвертом месяце беременности.

6 МАРТА

6 марта 1920 года на заседании у Войскового атамана Терского казачьего войска генерала Вдовенко было принято решение начать эвакуацию учреждений, архивов и складов из Пятигорска во Владикавказ.

В результате массированного наступления красных и необратимого отступления белых, начавшегося осенью 1919 года, фронт подошел к границам Терской области. Терская область — это исторически сложившийся регион проживания казаков, заселенных Российской имперской властью в бассейне реки Терек в целях охраны от горских народов и колонизации этих народов. Жили казаки в станицах и на хуторах на территориях Дагестана, Чечни, Северной Осетии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Ставропольского края. До зимы 1920 года были тылом белой армии.

В январе и феврале 1920 года линия боевого красно-белого соприкосновения уже проходила от Ростова до Кизляра, и по ней только отдельные небольшие белые части оказывали локальное сопротивление красным. Масса отступавших, военных и беженцев, втягивалась на территорию Северного Кавказа. В этой массе отступали с фронта и терские казаки. В бой вступить они отказывались.

Казачество вообще больше не хотело воевать, ни донцы, ни кубанцы, ни терцы. Неудача похода Деникина на Москву вызвала в казачьих рядах откровенно пораженческие настроения.

В январе 1920 года по мере приближения к границам Терской области массовый характер приняло дезертирство среди терцев. Войсковой атаман постоянно получал донесения о «бесперывном следовании конных казачьих партий численностью до 200 человек каждая. Проходят в полном вооружении проселочными путями, минуя заставы, крупные пункты, направляясь в свои станицы, занимаясь при следовании грабежами». Борьба с дезертирством, военно-полевые суды, расстрелы не давали результатов в ситуации массового отступления.

Моздокский атаман полковник Байтуганов в приказе от 23 февраля 1920 года писал: «В данный грозный час на фронте решается вопрос — быть или не быть терскому казачеству, а наша опора, служилый состав, увлекаясь шкурными делами, покинули фронт и, как трусливые зайцы за кустом, спрятались под юбки жен, полагая там найти спасение себе и сохранить свое имущество. Войско и опозоренную Родину можем спасти только на фронте, туда должны пойти все и от сердца там поработать». Никто на эти призывы к чувству долга не реагировал. Многие наивно считали, что рядовых казаков красные репрессии не коснутся. Сдавались в плен сами, захватывали и сдавали своих офицеров, думая, что так могут прогарантировать себе амнистию.

На самой терской территории наступление красных сдерживали незначительные силы, находящиеся в подчинении главноначальствующего и командующего войсками на Северном Кавказе генерал-лейтенанта Эрдели. Иван Георгиевич Эрдели — участник создания Добровольческой армии, воевавший в первых героических Белых походах. То есть он не случайный штабной, а человек, отличившийся в боях. Но генерал Эрдели направлен в 1919 году в Терский край Деникиным, и он подчиняется Деникину. И уже в силу этого у него идет постоянное противостояние с Терским войсковым атаманом генералом Вдовенко. Потому что у всех казачьих лидеров — принципиальный конфликт с белым руководством: одни, белые, хотят единой и неделимой России, другие, казаки, хотят автономии вплоть до полной независимости. Хотя терские казаки, по сравнению с донцами и кубанцами, были в наименьшей степени склонны к самостийности.

Но это если рассуждать в общем, а конкретно, в критический момент красного наступления у генерала Эрдели и генерала Вдо-

венко оказалась общая удача. И заключалась она в том, что незначительные части, пребывавшие в их распоряжении внутри Терской области, не были заражены пока пораженческими настроениями и сражались отчаянно мужественно. Хотя состав этих частей был вполне случайным: терские и кубанские казаки, уральские казаки, пробившихся на Юг от Колчака, и небольшое число горцев-добровольцев. Но силы их были ограничены.

Никто не планировал ход Гражданской войны. Никто не знал, насколько изменчивыми окажутся массовые настроения. Большинство терских казаков, испытав на себе советскую власть в 18-м году, после прихода белых с готовностью поступили в распоряжение Деникина. Это понятная общая логика казачьего поведения. Понятно, что по мере развития успеха деникинского наступления численность казаков в рядах белой армии возрастала, достигла 52 с половиной тысяч. Удивительно другое. Когда Деникин достиг пика своего успеха, подходил к Туле, ряды казаков резко сократились, их осталось 37 тысяч, потом с началом отступления — 22 тысячи. Как будто в момент, когда победа была особенно близка, они потеряли интерес к происходящему. Или сочли эту победу не подходящей для себя, а нужной исключительно белым генералам. Зимой 20-го года они возвращались просто в деморализованном состоянии, боееспособными были отдельные части. А тех, кто стоял по терским станицам, было мало, и они были бессильны, независимо от личного мужества и готовности умереть в бою.

В районе Моздока в трех станицах всего 100 конных казаков с двумя пулеметами — в одной станице, 50 конных казаков — в другой, еще в одной — пеший батальон в 1100 человек, но только 600 с оружием. В Нальчике — учебная команда, команда выздоравливающих, пешая рота гарнизона, несшая караулы в тюрьме и казначействе. Во Владикавказе гарнизон состоял из роты кадетов, роты учеников, пешей сотни, нестроевой команды из 12 человек, учебно-запасной батареи и штаба 2-й Терской дивизии.

В феврале объединенные силы обороняли город под названием Святой Крест, вблизи терской границы. В бою участвовали и части Терского войска, и те, что пришли при отступлении. Вплоть до того, что в одном из боев дрался личный конвой командующего генерала Эрдели. Город несколько раз переходил из рук в руки, победили красные. Казаки отступали по заболоченной местности, потеряли много коней. Полы тулупов обмерзали, их обрубали, чтобы не мешали бы-

стрее уходить. Многие сдавались в плен. Для обороны Святого Креста из Дагестана был переброшен 5-й Александрийский гусарский полк. Он был укомплектован как раз уроженцами окрестностей Святого Креста, и на них была надежда. После поражения две трети личного состава полка перешли на сторону красных и немедленно пошли в очередном бою против своих вчерашних товарищей.

Терский войсковой атаман обратился к жителям края, его обращение было опубликовано: «Родные терцы, казаки и русские люди нашего края! Вновь станицам и хуторам придется пережить все ужасы диких расправ Красных над населением. Казаки издревле жили в народоправство, учили хранить и защищать свои вольности. Я, ваш выборный атаман, призываю всех казаков и всех русских людей, дорожащих честью края, сплотиться вокруг меня; я сам поведу вас в решительный бой на защиту родных очагов. Все ко мне, все вокруг меня, все за мной, в бой за правое дело!» Это обращение осталось без реакции. Казаки, фронтовики в большинстве, расходились по своим станицам. Неказачье население традиционно находилось в конфронтации с казаками. Единое сопротивление красным было невозможно. В результате, как раз 6 марта, сам Терский войсковой атаман генерал Вдовенко и бывшие под рукой в Пятигорске терские казаки походным порядком выступили под Георгиевск, в нескольких верстах от которого проходил фронт. Части 11-й Красной армии наступали, фронт еле держался. Накануне приезда генерала Вдовенко позиции оставили кубанские пластунские батальоны. Они покинули боевые позиции и отправились по домам. Образовавшуюся дыру на фронте заткнули казаками из ближайших станиц. Это были старики и совсем молодые ребята, подлежащие призыву только в 1922 году. Прибывший войсковой атаман восстановил некоторый порядок в частях, державших оборону. Но через шесть дней, 13 марта, на рассвете, красные смяли оборону и заняли Георгиевск. Казаки бежали. 15 марта красные взяли Моздок, 16 марта началась эвакуация из Нальчика, 17-го — красные взяли Грозный. Из Владикавказа эвакуация начнется 24 марта. К этому времени город уже был заполнен беженцами. Все суетились, запасались продовольствием, в складчину покупали лошадей, нанимали подводы. Толпами ходили вооруженные казаки. Здесь же были лазаретные телеги, артиллерия, грузовые автомобили. Все были готовы уходить, не зная куда и не думая, что уходят навсегда.

Между тем все того же 6 марта, когда Терский войсковой атаман пытался наладить оборону Георгиевска, в Москве подводил итоги работы I Всероссийский съезд трудовых казаков. На съезде присутствовал Ленин, и этот факт свидетельствовал о том, что казаки, которые не покидают пределы России, а остаются по домам, представляют интерес для советской власти. И это правда. В самом ближайшем будущем казаки, осевшие было в родных станицах, будут отправлены большевиками на войну с Польшей. Силами казаков Ленин попытается реализовать революционный бросок в Европу. Никакие разговоры о том, что казаки устали воевать и хотят заниматься мирным хозяйством, во внимание приниматься не будут.

12 МАРТА

12 марта 1920 года во Владивостоке с размахом отмечали «День пролеткульта». Вышел однодневный выпуск газеты с тем же названием. На первой полосе под лозунгом «Да здравствует мировая социальная революция!» — программа мероприятий в городе. Детские бесплатные кинематографические сеансы в обществе «Маяк», общедоступный концерт в театре «Золотой рог», в театре «Мельница» спектакль «Однажды вечером».

Город декорирован в пролеткультовской стилистике. Городская тюрьма, например, украшена огромным красным бантом и плакатом в память о пострадавших за политические убеждения.

Пролеткульт — броское сокращение в духе времени. В полном варианте звучит скучно — «Пролетарские культурно-просветительские организации». Задача стояла нешуточная — дать рабочему классу целостное воспитание. Вот так вот взять и по-быстрому дать. И цель этой затеи амбициозная: «Выработка самостоятельной духовной культуры». Выбатывать культуру должен исключительно пролетариат. Крестьянство и интеллигенция не допускаются. Переработкой должны быть охвачены все виды культуры и искусства. При этом подчеркивается, что мышление должно стать коллективным. Соответственно, предполагается полный отказ от культурной традиции, где все вершины были взяты индивидуальным умом, трудом и талантом. А также провозглашается отказ от старого наследия, потому что

предшествующая культура занималась никому не нужными индивидуальными человеческими судьбами и чувствами. То есть и сами старые авторы, и предмет их творческого интереса — все это голый, дряхлый индивидуализм, который окончательно умер, а на смену его трупу пришло молодое, мускулистое, коллективное тело, которому все по плечу. Теперь надо быстро и повсеместно организовывать ячейки пролеткульта и начинать создавать новую культуру.

Идея, несомненно, была задорная. Но у нее были определенные минусы с точки зрения высшего большевистского руководства.

Надо сказать, что Ленина, как человека образованного и европейского, просто воротило от идеи пролетарской культуры.

В любимом фильме «Берегись автомобиля» Евстигнеев выдает сногшибательную формулу: «Ведь насколько Ермолова играла бы лучше вечером, если бы она днем, понимаете, работала у шлифовального станка». В 1920 году никто бы над этим не смеялся. В одной из пролеткультовских статей присутствовал как раз этот тезис: «Пролетарский художник будет одновременно и художником, и рабочим».

Ленин читал статью с карандашом в руках и оставил пометку: «Вздор. Учиться надо автору не «пролетарской науке, а просто учиться». Троцкий также высказался на тему пролетарской культуры, а на самом деле гораздо шире и интереснее: «В эпоху диктатуры о создании новой культуры, то есть строительстве величайшего исторического масштаба не приходится говорить. А когда отпадет необходимость в железных тисках диктатуры, культурное строительство не будет уже иметь классового характера». Это сказал Троцкий, который однозначно не желал уродовать литературу и искусство дешевыми классовыми фокусами, что не отменяет страшного негатива в его прочей деятельности.

Но Ленин, помимо эстетической стороны дела, усматривал в деятельности Пролеткульта политические опасности. А именно то, что у Пролеткульта было много самодеятельности. То есть Пролеткульт серьезно надеялся на автономию, неподчиненность партии и правительству. Он считал себя общественной, независимой культурной организацией.

В Пролеткульте безусловно искренне полагали, что это организация классовая, пролетарская, но идея независимости хоть трижды пролетарской организации категорически, принципиально не устраивала Ленина. Ленин не терпел никаких, даже идейно близких кон-

курентов в деле общения с массами. Ленину требовалась культура под контролем партии. Причем под контролем одной-единственной партии, а любым другим партиям не бывать.

В 1920 году лучшим местом для самовыражения Пролеткульта стал Дальний Восток, и конкретно — Владивосток. Именно в годы Гражданской войны, ни до, ни после, никогда во Владивостоке не было такой насыщенной общественной жизни. Город неожиданно сделался значительным политическим и культурным центром России. В 1916 году его население было 97 с половиной тысяч человек. А за годы Гражданской войны возросло до 410 тысяч. Основная масса приезжих — творческая интеллигенция, бежавшая от большевиков из столиц и других частей России.

А в 1920 году советская власть на Дальнем Востоке вынужденно притормозила. Там присутствовали военные контингенты стран Антанты. Самый большой — японский. Ленин трезво понимал, что воевать одновременно и с белыми, и с японцами невозможно, не хватит сил. Кроме того, надо налаживать экономические контакты с Западом. Все это и определило невероятную гибкость и прагматичность ленинской позиции. Дальний Восток с благословения Ленина временно остался территорией с частной собственностью, бизнесом, свободной торговлей, различными политическими взглядами, свободной журналистикой и свободной культурной жизнью.

Владивосток в 1920 году был, как говорили, «угловым городом России». По этой особенности, по наплыву творческих людей, по интенсивности культурного пульса тот Владивосток можно сравнить с Одессой. Кроме того, оба города в Гражданскую войну играли роль перевалочных пунктов перед неминуемой эмиграцией или переходом к большевикам. Одесса уже пережила приход красных и тяжелую эвакуацию. Владивосток продолжал жить неожиданной новой жизнью.

Пролеткульт легко вписывался в местное многообразие жанров. Его руководителем во Владивостоке был большевик, участник революции 1905 года Александр Алексеевич Богданов, знакомый Ленина. Богданов сам был пролетарским поэтом, ему в свое время протезировал Горький. Но это, очевидно, была протекция из классовых соображений. Богданов из пролетарского поэта в настоящего поэта не вырос.

Этого Богданова не надо путать с другим Богдановым, Александром Александровичем, который был основоположником идеи

Пролеткульта еще до Октябрьского переворота. Он тоже был знакомым Ленина и на известной фотографии на Капри играет с Лениным в шахматы.

Что касается судьбы пролеткультовской идеи во Владивостоке, то она не вполне сложилась. Мечту о коллективном пролетарском искусстве во Владивостоке подорвал приезд в город нескольких выдающихся футуристов из Петрограда и Москвы. Они тяготели к Пролеткульту, но были яркими индивидуальностями, личностями, авангардистами и в принципе не могли ужиться ни с каким коллективным мышлением. Авангард, включавший в себя абстракционизм, супрематизм, конструктивизм, футуризм, не имел ничего общего с упрощением и не имел в виду пролетариат как зрителя и потребителя своего творчества. Люди авангарда вообще мало интересовались аудиторией, они, независимо от спроса, выражали себя и абсолютно новое время. Они не были привязаны к революции, они заявили о себе и своем взгляде на мир до нее. Пролеткульт клюнул на то, что авангардисты дерзко отрывались от старой художественной эстетики и, значит, вполне годятся для создания обособленного, изолированного, провинциального вида пролетарской культуры. Но Пролеткульт ошибся.

Спустя десятилетия чужеродность авангарда почувствовал Хрущев. Придя в 1962 году на выставку в Манеже и увидев работы советских авангардистов, Хрущев публично выругался в адрес художников, что вошло в историю искусства и просто в историю.

Отец русского футуризма, знаменитый художник Давид Бурлюк добрался до Владивостока, потому что бежал от большевистского гонимого. Там собралась целая группа футуристов из Москвы и Петрограда. Создали Литературно-художественное общество, вокруг которого завертелась вся культурная жизнь города. Читали лекции, стихи своего коллеги-футуриста Маяковского. Провели международную выставку картин, дали гражданам представление о разнообразном мировом искусстве. Бурлюк на выставке расхаживал в широких шароварах из пестрой ткани, в ярком жилете, с треугольником, нарисованным на щеке, рассказывал об эротике в собственном творчестве.

Но это был последний период пребывания художника в России. Он уехал в Японию, а потом в Штаты. На следующий год после его отъезда большевики покончили с независимостью Пролеткульта, сделав его банальным отделом Народного комиссариата просвещения.

19 МАРТА

19 марта 1920 года командование красной 105-й стрелковой бригады решает совершить налет на ставку атамана Анненкова в селе Уч-Арал между Джунгарским Алатау и хребтом Тарбагатай. Налет красных завершится неудачей. Они не смогут захватить Анненкова. Но Уч-Арал станет последней стоянкой Анненкова перед его отходом к перевалу Сельке на границе с Китаем. Он уйдет с отрядом в 5 тысяч человек. Это все, что осталось от армии, которая полтора года действовала в Семиречье. То есть на территории Юго-Востока современного Казахстана и Севера современного Кыргызстана. Формально это была одна из белых армий, фактически — огромное партизанское объединение во главе с атаманом-садистом. Садистом, даже по меркам Гражданской войны, даже в Сибири и на Дальнем Востоке, где и белые, и красные партизаны демонстрировали предельную жестокость.

Незадолго до отхода к китайской границе на соединение с Анненковым выйдут остатки Оренбургской армии атамана Дутова, которые, отступая, проделали огромный путь с Восточного фронта. Перемещались на телегах и санях, запряженных лошадьми и верблюдами. Большинство дутовцев были больны тифом. С ними двигались женщины и дети. Соединение с атаманом Анненковым было целью этого долгого голодного движения. Они дошли, но на первых же пикетах в зоне действия Анненкова увидели прибитый к стене приказ: «Всякий партизан имеет право расстреливать каждого, не служившего в моих частях, без суда и следствия. Подпись: Анненков».

Слова этого приказа не расходились с делом. Лошадей у дутовцев отобрали, женщин и детей бросили на морозе в степи. Больных в дома не пускали. Они, кто живой, кто мертвый, валялись на дорогах. Анненковцы были сытые, одетые, любого оказавшего сопротивление, убивали. Счастливыми считали себя те дутовцы, кто мог двигаться дальше к границе. Такой казалась семья полковника Луговских из Оренбургской армии. У него было три дочери и немолодая жена. С ними шли жена есаула Мартемьянова и жена вахмистра Петрова с 12-летней дочерью. Рядом двигались другие семьи офицеров-дутовцев. Им в голову не могло прийти, что атаман Анненков прикажет сотнику Васильеву отдать всех женщин в распоряжение своих партизан, а мужчин перебить. Что и было исполнено. Женщин пускали по рукам, а потом рубили. Уже изнасилованная,

с отрубленной рукой дочь вахмистра Петрова выбралась из этого кошмара, прибежала и рассказала о происходящем. Дутовцы бросились к Анненкову, тот отнекивался, но наконец выдал своих. Их зарубили на глазах у всех. Все женщины из семьи полковника Луговских погибли, их тела нашли в истерзанном состоянии. Вещи были украдены. После этого дутовцы поднялись и пошли к китайской границе, не желая оставаться с анненковцами. Анненковцы им вслед дали несколько выстрелов из орудий.

Все произошедшее было в порядке вещей для Анненкова. У него самого было две жизни. Первая никак не проявила дефектов его психики, даже если они и были. Происходил из дворянского рода. По одной из наиболее распространенных версий дед атамана Анненкова — декабрист Иван Александрович Анненков. Тот самый, которого в фильме «Звезда пленительного счастья» играл молодой Косталевский. А, соответственно, бабушку атамана играла потрясающей красоты полька Эва Шиккульска. В реальности — француженка Полина Гельб, поехавшая за возлюбленным в Сибирь и там вышедшая за него замуж. Незадолго до смерти ссыльному декабристу вернули часть его имущества, вследствие чего его сын стал обладателем приличного состояния и, в свою очередь, его дети были людьми обеспеченными. Внук декабриста и будущий атаман Борис Анненков окончил кадетский корпус и Александровское военное училище. Выпущен в Сибирский казачий полк. Дальше — мировая война, фронт. Был командиром рейдового отряда. Такие отряды тогда еще называли партизанскими, но кроме названия у них было мало общего с той мутной вооруженной силой, которой Анненков будет командовать в Гражданскую войну.

В мировую войну Борис Анненков был многократно награжден. В том числе высшей наградой империи за личную храбрость — золотым Георгиевским оружием со знаками орденов Святого Георгия и Святой Анны. После Октябрьского переворота выслан с отрядом за контрреволюционную деятельность в Омск на расформирование. Разоружаться отказался, вступил в антибольшевистскую борьбу. Организовал спасение войсковых святынь Сибирских казаков — Войскового знамени 300-летия дома Романовых и знамени Ермака. И наконец, не-казак Борис Анненков избран войсковым атаманом Сибирского казачества.

Воюет в Западной Сибири. По приказу колчаковского командования направлен на подавление возмущенного населения Славгородско-

го уезда Омской области. Вошли в Славгород. Два пехотных полка и три сотни кавалерии. Люди разбегались, спрятались, их ловили, тащили, раздевали и расстреливали. Женщин и детей вешали на столбах. За шею привязывали к лошадям и гнали лошадей во весь опор. Ездили по селам на автомобилях, сам Анненков за рулем одной из них, стреляли, секли и давили всех подряд. Это начало его второй жизни.

Осенью 1918 года анненковскую часть переименовали в Партизанскую атамана Анненкова дивизию. Это не просто переименование. Это включение в страшную особую историю, характерную для Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это история называется партизанская война, и идет она не только и не столько между белыми и красными. Это война, в которой убивают всех, кто попадает под руку. Необозримые дикие пространства Востока России располагают к бесконтрольному буйству. И у Анненкова, и у красных в этих партизанских армиях собраны все подряд — казаки, русские крестьяне, казахи, афганцы, уйгуры, китайцы. И все они творят зверства.

В Семиреченской области сожжено село Троицкое, анненковцами забито насмерть 100 мужчин, 13 женщин, 7 грудных детей. В селе Никольском выпорото 300 человек, расстреляно 30 и пятеро повешено. В селе Знаменка, что в 45 верстах от Семипалатинска, вырезано почти все население, женщины изуродованы. В селе Колпаковка изрублено, расстреляно и повешено 733 человека, в селе Подгорном — 200. В селе Покатилровка изрублена половина жителей. Трупы не зарывались, а собаки до такой степени откармливались и привыкли к человеческому мясу, что, зверея, бросались на живых людей.

Именно анненковские зверства до сих пор вменяют в вину Колчаку, как Верховному правителю России и как главному «белому лицу», отвечающему за положение на востоке страны. Колчак был слабым руководителем и администратором, не созданным для диктаторства и не контролирующим ситуацию. Но контролировать партизанщину в этом дальнем углу страны — дело вообще непосильное. Партизанщина — это вид вооруженной активности, который мгновенно стирает тонкий налет цивилизации, освобождает от традиционных запретов и очень быстро расчеловечивает. Случайные люди с оружием приобретают власть, пьянеют от нее, отказываются подчиняться вышестоящему командованию, уходят в полный отрыв, грезят созданием собственных государств. Партизанщина моментально превращается в уголовщину с ее склонностью к жестокости

и циничному откровенному вызову обычной человеческой жизни. Это явление вневременное. Нет разницы между 1920 годом и временем Пугачевского бунта. Одинаково вырезают население, глумятся над трупами, ряжутся в женские платья, в поповские стихари, с криком бегают по улицам, грабят и сжигают дома. Причем все это в равной степени относится и к белой, и к красной партизанщине.

Люди перерождаются. С восторгом переодеваются в форму, избретенную их командиром. У Анненкова в армии — культ формы. У каждого полка — свой цвет. Черные гусары. Голубые уланы. У каждого на левом рукаве — черный с красным угол, череп и кости. И значок с теми же костями и надписью: «С нами Бог». На кокарде тоже череп и перекрещенные кости. У многих на теле были татуировки: на груди — крест, под крестом — череп и кости, и змеи, обтекавшие тело. Все это — символы верности атаману и партизанской армии. Обращение «господин» не применялось, вместо этого — «брат». Обращение друг с другом только на ты. Командиров Анненков выбирал из солдатской среды, офицеров ставил на должности рядовых. Новоявленные офицеры солдат били. Все вместе они занимались разбоем. Анненков любил прогуляться по селам с гармонью, хорошо, весело играл. Вокруг него бойцы в пьяном угаре, ряженные в яркую цветную форму. Рядом с ним повар-негр. Война с красными уже не интересовала. Шел сплошной кровавый карнавал.

26 МАРТА

26 марта 1920 года началась эвакуация белых из Новороссийска. Это финал основного периода Гражданской войны. Впереди у белых оставался только Крым. На эвакуацию отводилось два дня и одна ночь.

Предшествующие события развивались стремительно. Десятью днями раньше, 16 марта, Добровольческий корпус, части Донской и Кубанской армий были сосредоточены на подступах к Екатеринодару и сдерживали продвижение красных к городу. Ставку главнокомандующего Деникина накануне было решено перенести из Екатеринодара в Новороссийск. Главнокомандующий генерал Деникин в этот момент считал: «Оборонительный рубеж — река Кубань. Поднимется казачество — наступление на север. Нет — эвакуация в Крым». Два

года назад, весной 18-го года, в начале войны, расклад выглядел так же. Тогда отцы-основатели Добровольческой армии, тогда еще живые — Корнилов и Алексеев и единственный оставшийся в живых — Деникин, также рассчитывали на донских и кубанских казаков. Собственно, поэтому формирование Добровольческой армии начинали в Новочеркасске, в Ростове. Именно с казачьим подъемом увязывалось наступление белых на север. Но казаки сначала не хотели быть ни с белыми, ни с красными. Потом, ощутив на себе советскую власть, метнулись к белым. Потом начали торговаться с белыми и требовать независимости для казачьих территорий. На волне успешного наступления Деникина на Москву казаки пошли вместе с белыми. А потом в решающий момент бросили белых, сочтя, что взятие Москвы Деникиным им, казакам, не интересно, им в этой победе никакого резонанса нет: потому что казакам нужна отдельная государственность, а Деникин им ее не даст. Короче, казаки решили двигаться в сторону своих станиц. Правда, к весне 1920 года, прослышав о насилии, царящем на занятых красными территориях, кубанские казаки опять потянулись к белым. В Кубанскую армию стали активно возвращаться дезертиры. Численность армии возросла с 8 тысяч в январе 1920 года до 40 тысяч в марте. Деникин не надеялся, но не исключал, что эти части проявят понимание ситуации и продемонстрируют боевой дух. Этого не произошло. Екатеринодар был сдан. Через Кубань переправлялись в полной панике и беспорядке.

Дальнейший план белых заключался в отводе практически небоеспособных и деморализованных Донской и части Кубанской армий на Тамань для переправы в Керчь. Деникин планировал лично руководить переброской войск через Керченский пролив. В Тамани были возможности для транспортировки лошадей, без которых дальнейшая маневренность войск была невозможна. Добровольческому корпусу предписывалось отходить на Новороссийск. Он единственный был способен отходить с боями и прикрывать отход остальных. «Ни одна из армий директивы не выполнила», — напишет Деникин в своих воспоминаниях. Кубанцы двинулись по горным дорогам на Туапсе, за ними пошла часть донцов. Остальные казаки без всякого строя шли кто на Тамань, кто в Новороссийск. Донская армия чуть не отрезала Добровольческий корпус от Новороссийска. Целые полки переходили на сторону «зеленых», а это те, кто воевал не за красных и не за белых, позиционировали себя в качестве защитника народа и от

тех, и от других. 22 марта «зеленые» подняли восстание в Анапе. 23 марта к Анапе начали подходить красные. Короче, путь на Тамань был отрезан. Единственным портом для эвакуации остался Новороссийск. Армия просто катилась всей массой в Новороссийск.

Появление красных вблизи города вызвало дополнительную панику, но движение войск затруднялось тем, что дороги были забиты обозами беженцев и артиллерией. Связи между Ставкой и войсками не было. Она поддерживалась только конными ординарцами, которые продирались сквозь толпу.

Сначала предполагалось отвести на эвакуацию день, ночь и еще день. В считанные часы стало ясно, что на все про все есть день и ночь.

Но об организованной, дисциплинированной эвакуации не могло быть и речи. Кораблей — мало, люди — неуправляемы. Эвакуации подлежало около 100 тысяч человек, не считая гражданских беженцев. Но об этом нечего было и думать. Деникин вспоминал: «Новороссийск, переполненный сверх всякой меры, стал от людей буквально непроезжим. Шла борьба за «место на пароходе», то есть борьба за спасение».

Все, что возможно, и даже более того для эвакуации казаков сделал начальник британской военной миссии генерал Хольман. Он в присутствии Деникина вел разговор об эвакуации с командующим английской эскадрой адмиралом Сеймуром, прибывшим в Новороссийск. Адмирал Сеймур говорил, что по техническим условиям он может принять на борт своих кораблей 5–6 тысяч человек. Генерал Хольман в ответ произнес: «Будьте покойны. Адмирал сумеет справиться с техническими трудностями и возьмет много больше». Генерал Хольман говорил по-русски, а потом по-английски. «Сделаю все, что возможно», — ответил адмирал Сеймур и сдержал слово, брал на борт поверх всех технических условий. И также было на всех остальных судах, иностранных и российских. Корабли стояли в порту, а люди их просто штурмовали, давились, падали с трапов. Забитые людьми корабли уходили в море. Ушел переоборудованный в госпиталь пароход «Владимир» с тысячей раненых и больных. Столько же было на борту парохода «Тигр». Выводили огромные баржи, на которых было несколько тысяч человек. На речной канонерской лодке — триста. Эвакуировались и пленные красноармейцы. Воинские части были на пароходах «Генерал Корнилов», «Маргарита», «Екатеринодар», «Святой Николай». Кто-то находил в порту лодки, маленькие катера. Если не было весел, гребли досками и руками. Их подбирали на внешнем рейде.

Когда рассвело, Деникин, стоя на мостике российского миноносца «Капитан Сакен», увидел то, что творилось на пристани. Люди, не попавшие на корабли, сидели на своих пожитках у разведенных костров. Редко кто-то кричал, просил не оставлять. И весь район порта был заполнен тысячами лошадей. Происходят именно такие сцены, как в фильме «Служили два товарища». Потрясающий эпизод с участием Высоцкого. Фильм советский, 1968 года. Но такое откровенное сопереживание трагедии белых. Из воспоминаний участника событий: «У мола тысячи брошенных коней. Кони подходят к воде, вытягивают шеи, их губы дрожат, они хотят пить, но вода соленая. Я тоже бросил на молу мою гнедую Гальку, белые чулочки на ногах. Я думал ее пристрелить. Вложил было ей в мягкое ухо маузер, но не мог. Я поцеловал ее в прозвездину на лбу и перекрестил на прощанье».

Некоторые офицеры прямо на пристани стрелялись. Кто-то громко звал на помощь, потом бросился в воду и поплыл к миноносцу. Спустили шлюпку и подняли его. Вдруг на пристани появилась воинская часть, выстроилась как положено. Все молча стояли и смотрели на миноносец, на котором был Деникин. Он не выдержал. Приказал подвести миноносец к берегу, на него хлынула толпа. Деникин вспоминал, что, отойдя недалеко в море, увидели баржу, оставленную каким-то пароходом. Она была сплошь забита людьми. Деникин пишет: до давки, до умопомрачения забита людьми. Ее взяли на буксир и подвели к английскому броненосцу.

Прикрывали эвакуацию 3-й Донской Калмыцкий полк и 3-й Дроздовский полк. Их должны были эвакуировать последними. Дроздовцев погрузили. Калмыки-казаки ждали приказа идти на погрузку, но грузили другие части, а им приказа не было. Потом объявили, что вроде бы скоро придет пароход и на него точно погрузят. Красные уже входили в город, а парохода все не было. Тогда Калмыцкий Донской полк сел на коней, намереваясь пробиться через красных в Туапсе, но неподалеку от Новороссийска красные их окружили, и полк сдался. Казаков-калмыков вели сквозь строй красноармейцев, а те рубили каждого второго.

Днем раньше калмыков из других казачьих частей сами белые отказались сажать на пароходы. Офицеры орал: «Пшли вон!» Потом появились красные кавалеристы и в толпе на пристани устроили охоту на калмыков. Те бежали по набережной, их нагоняли, рубили,

топтали копытами. Все бывшие на пристани на это смотрели. Потом кто-то крикнул: «Калмычков на капусту секут, а там и до нас доберутся!» И все бросились, кто куда.

9 АПРЕЛЯ

9 апреля 1920 года в Севастополе штабом главнокомандующего была отслужена панихида по генерал-лейтенанту Ивану Павловичу Романовскому, который был начальником штаба сначала Добровольческой армии, а потом Вооруженных сил Юга России, то есть с февраля 18-го года и до марта 20-го, когда он сложил с себя полномочия. Романовский, стоявший у истоков Белого движения, по своим политическим взглядам сочувствовал либералам, что не делало его популярным среди офицерства, которое в значительной части было склонно к монархизму. В том смысле, что монархизм был символом их прошлой, предсказуемой и потому спокойной жизни. В определенных офицерских кругах Романовского обвиняли даже в сочувствии к социалистам, а самые крайние — в связях Романовского с банкирами-евреями в Константинополе, которые якобы давали деньги большевистским агентам в белой армии. То есть тут к конспирологии примешивался еще и антисемитизм. В результате 5 апреля 1920 года вот таким поручиком Харузиным генерал Романовский был убит тремя выстрелами в упор.

Убийство Романовского произошло в первый же день его пребывания в Константинополе, куда он прибыл вместе с Деникиным после того, как тот сложил с себя полномочия Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.

Решение Деникина об уходе с поста Главкома не было сиюминутным. Окончательно созрело еще до страшной, панической эвакуации из Новороссийска в Крым. Деникин четко и просто высказался по этому поводу: «Мое решение бесповоротно. Я болен физически и разбит морально — армия потеряла веру в вожда, я — в армию».

2 апреля 1920 года Деникин составил телеграмму-приказ о сборе армейских начальников на Военный совет в Севастополе «для избрания преемника Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России». Деникин определил широкий круг участников Совета,

включая высших офицеров, состоящих к нему в оппозиции. В числе персонально упомянутых генералов был Врангель.

Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Во-первых, потому что отношения между Деникиным и Врангелем были абсолютно испорчены. Претензии были у каждой из сторон конфликта, который начался еще зимой 1919 года. Врангель, чья армия тогда освободила Северный Кавказ, предлагал Деникину перебросить ее на Царицынское направление, чтобы оказать поддержку Колчаку, войска которого уже подходили к Волге. Но Деникин планировал наступление на Москву, начал его, и оно шло исключительно успешно. Летом, в разгар успеха, Врангель написал Деникину о том, что его стратегия ошибочна и что боевое счастье отвернется от него. Позже он напишет Деникину, что он, Врангель, с армией, которой он командовал, находились в тяжелейшем положении, сражались с беспримерным мужеством, были обескровлены, отдавали свои части Деникину для похода на Москву, не имели пополнения, были отброшены красными на юг, не могли начать новое наступление, а красные перекинули свои силы для прикрытия Москвы, потом перешли в наступление и заставили Деникина отступать. Врангель даже подал рапорт Деникину с подробным указанием на причины неудач и указанием мер по исправлению ситуации.

Обострение отношений между Деникиным и Врангелем было общеизвестно. Врангель ссылался на поддержку других военачальников, государственных и общественных деятелей. Уже и англичане были в курсе. Интересовались, возможен ли переворот в белом командовании. Поведение Врангеля, независимо от правоты или неправоты взглядов на войну, выглядело открытым вызовом Главнокомандующему.

Деникин, будучи Главкомом, терпеть публичного давления не мог и направил всем командующим армиями телеграмму с указанием на то, что «некоторые начальники позволяют себе делать мне заявления в недопустимой форме», и потребовал «беспрекословного подчинения».

Дело закончилось тем, что в конце января 1920 года Врангель подал в отставку и уехал в Крым, а затем, после очередного раунда в конфликте с Деникиным, — в Константинополь. В Турцию приходила информация, что белые прекращают сопротивление. На кораблях прибывали беженцы из Новороссийска. Врангель с семьей готовился в ближайшие дни уехать в Сербию. Накануне отъезда Врангелем была получена телеграмма из Ставки, в которой сообщалось, что генерал Деникин слагает с себя полномочия Главнокомандующего, что им на-

значен Военный совет для выбора преемника и что генерал Деникин просит генерала Врангеля прибыть в Севастополь на этот Совет.

Сказать, что выбор у Врангеля был сложный, — это ничего не сказать. Речи об обиде на Деникина уже не было, она сразу ушла в прошлое. И дело даже не в том, что все было готово к отъезду в эмиграцию на следующий день, что ехать собирались всей семьей, решив, что все — пришел конец этой страшной войне, что она проиграна и надо жить как-то дальше. Теперь был предложен совершенно особый выбор. Да, борьба с красными проиграна, армия в Крыму неизбежно погибнет. Более того, и он, Петр Николаевич Врангель, скорее всего, из Крыма не вернется. Но с другой стороны, разве он, русский офицер, не должен до конца разделить с армией ее участь? Тем более если к нему обращается Главнокомандующий?

Врангель получил телеграмму по дороге на завтрак у британского адмирала де Робека на корабле «Аякс». Врангель вспоминал, что с трудом поддерживал легкий разговор во время завтрака. Однако затем адмирал де Робек пригласил Врангеля к себе в кабинет и разговор пошел о телеграмме из Ставки Деникина. Тут надо уточнить, что Деникин направил телеграмму через главу британской миссии в Крыму и своего хорошего товарища генерала Хольмана и она была принята радиостанцией адмирала де Робека. Это был надежный способ связи на тот момент. Де Робек заверил Врангеля, что, если ему будет угодно отправиться в Крым, он предоставит ему корабль. И что он надеется, что Военный совет, созданный генералом Деникиным для выбора преемника, остановит свой выбор на генерале Врангеле.

А дальше адмирал сообщил, что им получена телеграмма от британского правительства. Она адресована генералу Деникину, но в сложившейся ситуации он не может скрыть ее от генерала Врангеля, потому что эта телеграмма делает положение русской армии еще более тяжелым. И это может повлиять на решение генерала Врангеля — ехать или не ехать в Крым.

А суть британской ноты такова. Британское правительство считает, что продолжение Гражданской войны в России представляет собой наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы. Борьба белых и красных неравная, поэтому (цитирую): «Правительство его Величества желает указать белому командованию на ту пользу, которую представляло бы собой обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для на-

селения Крыма вообще, так и для состава Добровольческой армии в частности». Британское правительство в случае согласия готово взять на себя посредническую инициативу в переговорах белых с красными. Однако, если предложение будет отклонено, то есть если белое командование решит продолжать бесполезную, по мнению Британии, борьбу с большевиками, британское правительство сочтет себя «обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности и прекратит всякую поддержку или помощь».

Эта нота окончательно определила решение Врангеля. Русская армия в Крыму — в отчаянном положении. Он едет в Крым. Если Военный совет сделает выбор в пользу его кандидатуры на пост Главнокомандующего, он примет на себя ответственность во всей полноте.

На британском броненосце *Empress of India* («Император Индии») Врангель немедленно отправился в Крым. Где он на Военном совете был единогласно избран новым Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

Врангель вернулся в Россию с совершенно фантастическим планом. Он скажет англичанам, что готов к прекращению военных действий. Конечно, ни о каких переговорах с большевиками с его стороны разговор не идет. Пусть англичане общаются с красными, и чем больше, тем лучше, главное, чтобы англичане не вышли из игры, не прекратили хоть какую-то помощь. А дальше чем черт не шутит. Вдруг большевики, тем более на фоне войны с Польшей, оставят Крым в покое. Он готов распрощаться с идеей «Единой и неделимой России», чтобы построить новую, пусть маленькую Россию. Он немедленно начнет реформы, прежде всего земельную, главную русскую реформу.

Роман Василия Аксенова «Остров Крым», написанный в 1979 году и не изданный в СССР, — лишь отчасти фантастический. Остров Крым — реальная идея генерала Врангеля, которую он начал осуществлять. Аксенов просто ее дописал.

17 АПРЕЛЯ

17 апреля 1920 года бывший Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Деникин прибыл в Англию. В Англию он отправился из Константинополя, куда попал из Крыма после сло-

жения полномочий Главкома. В Англию на броненосце «Мальборо» Деникин следовал вместе с женой, маленькой дочерью, с дедом жены и няней ребенка. В Атлантике попали в бурю. Дочь Деникина вспоминала, что ее няня страшно испугалась, молилась, плакала и причитала, что рыбы ее съедят и никто ее не похоронит.

Корабль пришел в Саутгемптон, там сели на поезд и в 2.40 дня были на вокзале Ватерлоо. Деникина встречали представитель британского военного министерства сэр Филипп Четвуд, бывший глава британской миссии в России и добрый товарищ Деникина генерал Хольман, а также русские военные и общественные деятели.

Английские газеты, независимо от политической направленности, сообщали о прибытии Деникина. В Лондоне продавались почтовые открытки. На них была изображена группа господ в штатском и в военной форме, окруживших мужчину в походном френче и женщину с ребенком на руках. У мужчины во френче на голове была клетчатая твидовая кепка. Это был Деникин. Кепку он купил на Мальте.

Газета «Таймс» очень точно назвала Деникина доблестным, хотя и не счастливым командующим вооруженными силами России. «Таймс» писала: «Без страха и упрека, с рыцарским духом, правдивый и прямой, генерал Деникин — одна из самых благородных фигур, выдвинутых войною. Его приезд в Англию не должен пройти незамеченным для тех, кто ценит его заслуги и то, что он старался осуществить на пользу своей родины и нашей общей свободы». Вполне вероятно, что эта статья в «Таймс» была инициативой Черчилля.

В 1920 году в Европе работали русские посольства, сформированные еще Временным правительством в 1917 году. После Октябрьского переворота эти посольства представляли белую Россию. К поверенному в делах Саблину Деникин, прибыв в Лондон, обратился за помощью. Генерал попросил обменять имеющиеся у него деньги на фунты. У бывшего Главнокомандующего генерала Деникина имелось 23 тысячи царских рублей, около 400 керенок, несколько австрийских крон и турецких лир и коробка с 49 рублями в десятикопеечных монетах серебром чеканки 1916 года. При обмене получилось 13 фунтов. Это все, что было у бывшего Главнокомандующего.

Черчилль, узнав о ситуации, заявил, что ряд членов парламента, и он в том числе, готовы оказать финансовое содействие генералу Деникину. Посол Саблин проинформировал об этом Деникина. Тот

категорически отказался, сказав, что зарабатывать на жизнь будет литературным трудом, намерен писать и издавать свои мемуары.

А кроме того, в том же разговоре с Саблиным Деникин сказал, что отныне он считает себя частным человеком, политикой больше заниматься не намерен, говорить о политике не будет, что смертельно устал, что перед глазами постоянно картины отступления и он нуждается в покое и отдыхе. Ему хотелось бы поселиться в каком-нибудь английском городишке. Саблин предложил ему варианты в часе езды от Лондона. Деникин отвечал: «Ой, нет, это близко, куда-нибудь подальше».

В Лондоне Деникина с семьей поселили в отеле «Кадоган», до-рогом, рядом с Найтсбридж, модном, уже легендарном, потому что там проживал знаменитый писатель Оскар Уайлд, там он встречался со своим юным любовником и там был арестован. Эти пикантные подробности не интересовали Деникина, ему не было покоя от того, что он стал объектом благотворительности, что он фактически принимает милостыню от Британии. В это время он писал: «Не понимают они нашего положения... Ищем дешевого дома в уединенном месте». Жена Деникина привезла с собой столовое серебро. Они посчитали, что на деньги от его продажи смогут прожить в Англии месяца три. О денежных проблемах с Деникиным разговаривал бывший депутат Думы и член Временного правительства Милюков. В заграничных банках имелись русские государственные деньги, и Милюков предлагал переговорить с заведующим выдачей ассигнований из этих денег. Деникин сказал, что об этом не может быть и речи. Деньги — казенные, а он — частное лицо.

Милюков несколько раз затевал с Деникиным разговоры о политике. Идея, которую лоббировал Милюков, заключалась в следующем: Врангель возглавляет Вооруженные силы белых, а Деникин может принять на себя преемство российской власти от Колчака и заявить об этом публично в декларации. Деникин наотрез отказался. О Врангеле, несмотря на конфликтность их прошлых отношений, он высказывался с неизменной вежливостью, говорил: «Не мешайте Врангелю, может быть, он что-нибудь сделает. Врангель ведет борьбу против большевиков. И поэтому ему надо всемерно помогать».

Деникин с семьей, как и решил, переехали из Лондона в провинцию, нашли относительно дешевое жилье. Но Англию Деникин покинул раньше, чем планировал. Отъезд был срочным. Причиной послужила телеграмма министра иностранных дел Великобритании

лорда Керзона, направленная в Москву наркому иностранных дел Чичерину и опубликованная в «Таймс». В частности, в этом документе лорд Керзон сообщал, что он употребил все свое влияние на генерала Деникина, чтобы уговорить его прекратить борьбу. И что он, лорд Керзон, обещал в этом случае Деникину употребить все усилия, чтобы заключить мир между белыми и красными и обеспечить неприкосновенность всех соратников Деникина. И что генерал Деникин последовал совету лорда Керзона и покинул Россию. Деникин был оскорблен этой вымышленной версией событий и опубликовал опровержение. «Я глубоко возмущен этим заявлением и утверждаю, что никакого влияния лорд Керзон оказать на меня не мог, так как я с ним ни в каких отношениях не находился. Идею перемирия с красными всегда отвергал». Деникин подчеркивает: «Как и раньше, так и теперь, я считаю неизбежной и необходимой вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения. Иначе не только Россия, но и вся Европа обратится в развалины».

Интересно, что этот тезис Деникина соответствовал взгляду Черчилля, который еще до приезда Деникина писал: «Русские белогвардейцы сражались и за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи. Мы скоро будем иметь дело с милитаристской большевистской Россией, живущей только военными планами, глубоко враждебной Антанте, готовой работать вместе с Германией».

Помимо этих трагических прогнозов и антибольшевизма, у Деникина с Черчиллем позже оказались новые точки совпадения. Оба ненавидели Гитлера и каждый на своем уровне сделал исключение в своем антибольшевизме после нападения Германии на СССР. Деникин желал победы Красной армии и, проживая в оккупированной Франции, категорически отказался от всякого сотрудничества с немцами.

С Черчиллем Деникин несколько раз встречался весной 1920 года в Лондоне. После Англии Деникин с женой, дочкой и дедом жены перебрался в Бельгию, жили в сельской местности. Жена Деникина в дневнике запечатлела их распорядок дня: «Антон Иванович встает в 7 утра, открывает ставни, двери курятника, идет за углем, топит кухню. Я встаю на полчаса позже, готовлю кофе, кипячу молоко. Мы завтракаем, затем Антон вооружается метлой, а дед тряпкой. Я иду кормить кур и нашу собаку Барбоса, чищу обувь, чищу картошку и готовлю обед».

Уже к концу 1920 года Деникин закончил первый том мемуаров. Из-за дороговизны жизни в Бельгии переехали в Венгрию, там сменили несколько мест. К 1925 году Деникин завершил последний, пятый том мемуаров. Без чтения деникинских «Очерков русской смуты» изучение Гражданской войны в России невозможно. Кроме того, эти мемуары окрашены переживаниями, сомнениями, рефлексиями автора, и они очень много говорят о нем самом, русском генерале Антоне Ивановиче Деникине.

25 АПРЕЛЯ

25 апреля 1920 года польские войска начали наступление против Красной армии по всей протяженности украинской границы. Момент важный, но, на самом деле, это не начало советско-польской войны. Она с перерывами и не очень интенсивно тянулась с 1918 года. Это война, которая не могла не начаться, потому что российско-польские отношения имели давнюю тяжелую историю.

С 1569 года на территории Восточной Европы существовало государство, представлявшее собой федерацию Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Название этого государства — «Речь Посполитая», что означает общее дело. Территориально включало в себя Центральную и Восточную Польшу, три четверти Украины, Белоруссию, Литву, части Молдавии и Латвии. То есть большой игрок в европейской политике до последней четверти XVIII века.

В 1772, 1793 и 1795 годах усилиями России в лице Екатерины II, а также Пруссии и Австрии, Речь Посполитая была трижды поделена, переделена и присоединена по кускам к трем государствам. Поляков никогда не покидала надежда на независимость. Мощные восстания были и в 1794, и в 1830, и в 1863 годах. То, что Екатерина II считала удачей, обернулось большой головной болью. Поляки пополняли ряды наиболее радикальных российских политических партий, готовы были на террор, были в «Народной воле», у эсеров и, конечно, у большевиков. Независимость Польша получила в ноябре 1918 года. Во главе ее встал Юзеф Пилсудский, получивший и гражданскую и военную власть. Но Польша, получив независимость, не имела четких государственных границ. С границами тогда вообще было сложно. Поляки,

проживавшие в Галиции, хотели присоединения к Польше. Украинцы, жившие в Галиции, этого не хотят. Украинцы Галиции, Буковины и Закарпатской Руси провозглашают Западно-Украинскую народную республику со столицей во Львове. Независимость провозглашают Украина, Белоруссия и Литва. Пилсудский считает, что оптимальным был бы вариант добровольного объединения этих государств в федерацию во главе с Польшей. То есть по сути Пилсудский хочет возврата к идее Речи Посполитой. Тем более что Пилсудский уверен, что эти новые национальные государства не устоят перед натиском большевистской армии. Но с потенциальными союзниками у Польши также идут территориальные споры. С Украиной — из-за Волыни, с Литвой — из-за Виленской области.

Кроме того, после окончания мировой войны большевики объявили денонсированным Брестский мир. То есть в марте 1918 года большевики, стремясь обезопасить свою власть от угрозы немецкого наступления, заключили с Германией сепаратный Брестский мир и за это отдали под германскую оккупацию значительные территории. А теперь, когда Германия разбита странами Антанты, большевики немедленно выдвинули претензии на все земли бывшей Российской империи.

Конец мировой войны означал вывод германских войск с ранее оккупированных ими территорий. Красная армия немедленно разворачивает наступление на Украину, которую оставили немцы. Пилсудский, в свою очередь, вклинивается в это общее движение с польскими интересами. Когда немцы покидают Волынь, туда входит польская армия и ликвидирует украинскую администрацию.

Красные, на хвосте уходящих немцев, входят в Белоруссию и 10 декабря 1918 года берут Минск. Поляки 1 января 1919 года берут Вильно. 6 января части Красной армии вступают в первое вооруженное столкновение с польской армией и выбивают поляков из Вильно. Большевики сливают Белоруссию и Литву в одну советскую республику. Но поляки получают подкрепление и опять наступают. Образуется польско-советский фронт на территории Литвы и Белоруссии. В середине апреля поляки опять берут Вильно, берут Гродно, позже берут Минск. Параллельно Пилсудский давит на Украину.

Украинцы вынуждены воевать на два фронта — и с красными и с поляками. Эта ситуация позволяет Пилсудскому выдвинуть украинцам свои территориальные условия. Он начал переговоры с Петлюрой. Это май 1919 года. Пилсудский предложил Петлюре свой ва-

риант польско-украинской границы в обмен на то, что поляки окажут Петлюре помощь в борьбе как с Красной армией, так и с белой армией Деникина. Надо иметь в виду, что и поляки и украинцы воспринимали в равной степени и белых, и красных в качестве врагов их национальной независимости и государственного суверенитета. Белые, не допуская никаких тактических уступок, упрямо держались лозунга «Единой и неделимой России» и теряли потенциальных союзников в борьбе с красными. Красные не скрывали намерения вернуть западные земли Российской империи, советизировать их и превратить в плацдарм для развития мировой революции.

И все-таки поляки в определенный момент сыграли на руку красным. Когда в октябре 1919 года армия Деникина развила максимальный успех, когда белые взяли Курск и Орел и были на пути в Москву, Пилсудский счел, что победа Деникина реальна, представляет угрозу для независимости Польши, и начал переговоры с большевиками, которых считал слабыми в военном отношении. Результатом переговоров стало прекращение активности на советско-польском фронте, что позволило красным в критический момент перебросить элитную Латышскую дивизию на фронт против Деникина, она усилила Ударную группу, и ход белого наступления был смят. Михаил Тухачевский, который в 1920 году возглавит Западный фронт, четко охарактеризовал ситуацию: «Если бы Польское правительство сумело сговориться с Деникиным еще до его разгрома, если бы оно не боялось империалистического лозунга «Единая, неделимая великая Россия», то наступление Деникина на Москву, поддержанное с запада, могло бы кончиться для нас гораздо хуже, и трудно даже предугадать конечные результаты. Но Красной армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчилась ее задача».

Ленин хотел войны с Польшей. Но сначала ему вообще было не до нее, а потом он ее оттягивал. Когда белое наступление на Москву было остановлено, но дальнейший ход боевых действий был еще не очевиден, большевики в декабре 1919 года предложили полякам забрать всю Белоруссию и часть Украины в обмен на мир. То есть Ленин «приторговывал» чужими территориями, но Пилсудский отклонил эти предложения.

Программный тезис Ленинской политики откровенно сформулировал известный большевик Сокольников: «Война с Польшей представляет собой начало внешнего этапа Гражданской войны, являющегося закономерным следствием победы революции во вну-

тренней Гражданской войне». То есть окрыленные успехом в России, большевики намерены двигаться на Европу.

Однако при всей увлеченности идеей мировой революции и Ленин, и Троцкий отдают себе отчет, что в Европе действия Красной армии будут восприняты как чистая агрессия. И поэтому они намерены закамуфлировать свои планы. Еще в феврале 1920 года Карлу Радеку, отвечавшему за пропаганду в прессе, было поручено соответствующим образом представить будущую войну с Польшей, чтобы, цитирую, «могущая возникнуть война с Польшей была правильно понята русскими и польскими массами, как нападение империалистической Польши в угоду Антанте на желаящую мира Россию». А все предыдущие действия Красной армии на западном направлении должны быть вытеснены из массового сознания.

Но помимо эффектного лозунга мировой революции в этой истории есть вполне прагматическая составляющая. Советская Россия стремилась к продолжению особых тесных отношений с Германией. И тут был шанс.

Германия не хотела иметь у себя на востоке сильного соседа в лице Польши, которой будут оказывать содействие страны Антанты. Кроме того, у Германии были территориальные споры с Польшей.

Поэтому Германия была заинтересована в советско-польской войне. Между Берлином и Москвой шли тайные переговоры. Немецкие офицеры по договоренности в советско-германских верхах в большом количестве вступали в Красную армию, а большевики им платили. Советское руководство рассчитывало на создание альянса с Германией, и политического, и экономического. А потом в этом альянсе надеялось на разрушение того мирового порядка, который установился по итогам Первой мировой войны.

И это означает, что в 1920 году большевистская Россия и Германия, как в старые добрые екатерининские времена, уже были готовы к новому разделу Польши.

29–30 АПРЕЛЯ

Ночью с 29 на 30 апреля 1920 года Марина Цветаева завершает стихотворение, посвященное господину с инициалами ННВ. Вот последние четыре строки:

Луна как рубище льняное
Вдоль членов кажущихся дымом.
— Как хорошо мне под луною
С нелюбящим и нелюбимым.

То есть, судя по последним словам — и это правда, — адресат стихотворения не существенен, не важен. Хотя он известен, это конкретный человек — Николай Николаевич Вышеславцев, 30 лет, художник-график, энциклопедически образованный, рафинированный, учился живописи в Париже, изъездил Италию, в мировую войну был на фронте, ранен, контужен. В 1920 году расписывал панно и плакаты. Будучи талантливым портретистом, рисовал многих людей искусства, просто знакомых. Проживал в каморке во флигеле Дома искусств на Поварской улице, недалеко от дома Цветаевой. Он был высокого роста, с зеленоватыми глазами, со сдержанными манерами. Он был очень интересным собеседником. Они много разговаривали с Цветаевой, когда ходили-гуляли по улицам. Ходить и разговаривать с хорошим собеседником — это главное и бесценное развлечение весной 1920 года. Он не был влюблен в Цветаеву. Для нее как для поэта этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы написать 27 головокружительных стихотворений о вечном союзе нелюбви и страсти. В общем-то случайный Николай Николаевич Вышеславцев стал поводом, чтобы поэт Марина Цветаева, один из лучших поэтов XX века, опять смогла писать. Дело в том, что обстоятельства ее жизни зимой 1920 года были так страшны, что она потеряла способность писать, она была не в состоянии заниматься делом, без которого не могла жить.

Раньше, в 1919 году, все шло своим чередом. Она держалась в новой советской невыносимой жизни, хотя она была одна с двумя маленькими детьми в голодной Москве. О муже давно никаких известий, он был в белой Добровольческой армии с самого начала ее существования, но неизвестно — жив он или нет. Цветаева, мало приспособленная к быту вообще, а к революционному тем более, в уплотненном доме, с чужими людьми, не теряет присутствия духа. В записной книжке пишет: «Муки нет, хлеба нет. Под письменным столом — фунтов двенадцать картошки. Жена сапожника, живущего теперь в нашем доме, дала мне детскую карточку на обед. По этой карточке получаю еду. Приношу домой, раздуваю угли, разогреваю. Весь обед в одну кастрюльку. Суп вроде каши. Едим. Укла-

дываю детей. Курю. Пишу». И дальше — главное, свидетельствующее о том, что жизнь продолжается: «Стихи сами ищут меня. В таком изобилии, что я прямо не знаю, что писать, что бросить. Все стены исписаны. Иногда даже пишу так: с правой страницы одни стихи, с левой — другие. От одного к другому. Чтобы не забыть, уловить, удержать. Рук не хватает».

А потом она опять пилит и рубит дрова. С топором плохо получается. Колотит чугуном утюгом по топору. Ходит и спит в одном и том же коричневом платье, прожженном везде от углей и папирос. Варит в самоваре картошку. Думает: «Неужели я уже никогда — *ни-ког-да* — ничего другого не увижу, раскрыв глаза, чем по всем стульям — *тряпки — топор — утюг*». И, независимо от жизни вокруг, пишет стихи.

Зимой 1920 года стало ясно, что ей не прокормить своих детей. Кто-то посоветовал на время отдать их в приют. Цветаеву уверили, что в приюте будут кормить. Это оказалось обманом.

Приют на окраине Москвы, никакого транспорта нет. Случалось, кто-нибудь на телеге немного подвезет, но больше пешком, в метель, в дырявых башмаках, добиралась до приюта, чтобы проведать дочек. Иногда везла гостинец — кусок сахара.

Старшей Але — 6 лет, младшей Ирине — нет 3 лет. В приюте воды нет. Врача нет. Лекарств нет. Грязь невероятная. Лютый холод. Хлеба нет. На обед в мелкой тарелке — вода с листиком капусты. На второе — ложка чечевицы. Чтобы продлить эту радость, дети едят чечевицу по зернышку. Маленькая Ирина в совершенно грязном розовом платье до пят все время повторяет: «Поесть хоцца, поесть хоцца». Остриженная голова, худая длинная шея. У Али — малярия, она лежит под рваным грязным одеялом. Ходить не может, стоять не может. Шестилетняя Аля говорит: «Здесь гвоздей нет, а то я бы давно повесилась». Старшую дочку Цветаева заберет домой и выводит. Младшую еще на время оставит в приюте, и она за это время умрет. Цветаева навсегда останется с чувством, что это она выбрала, которой из дочерей жить. Хотя никакого выбора она не делала. Смерть ребенка — будничное событие Гражданской войны.

В марте 1920 года Цветаева в записной книжке пишет: «Не присутствовала при ее смерти. Не видела ее мертвой. Не знаю, где ее могила. В чем ее схоронили? В таком ужасном грязном розовом платье? Как она умерла? Что чувствовала? Что видела в памяти? Никогда не узнаю».

И дальше: «Ирина смерть тем ужасна, что ее так легко могло бы не быть. Имей бы я немножко больше еды — и Ирина не умерла бы. Зачем она пришла в этот мир? — Голодать?»

Через месяц в Страстную субботу 1920 года Цветаева записывает: «На днях — 13 апреля — Ирине было бы три года. Мне не с кем говорить о ней».

О муже последнее известие Цветаева получала год назад. Она ходит в его куртке и курит его трубку: так, ей кажется, она ближе к нему.

Иногда заходит кто-то из знакомых. Цветаева фиксирует в записной книжке: «Он сидит на диване. Я перед ним пилую дрова. Он говорит: «Нет, нет, я совсем не гожусь для физической работы! Можете ли Вы себе представить Шопена, пилящего дрова?» — «Нет», — отвечаю я мысленно, но еще меньше представляю Шопена, глядящего, как пилит Жорж Санд. Он сидит, говорит, я слушаю, топлю печку, разогреваю ему картошку, пилую, рублю. Спрашиваю: может быть, вы поспите. Накрываю полушубком. Даже обида до меня не доходит, точно это не я все делаю, а кто-то другой — другая дура».

А через две недели без всяких объяснений, пояснений, ни с того ни с сего, в записной книжке вдруг появляется: «Пишу стихи, выдумываю судьбы, воспламеняюсь от двух неожиданно столкнувшихся слов, утешаюсь стихами».

А всего-то попался Цветаевой давний знакомый, Николай Николаевич Вышеславцев, который не испытывал к ней даже легкой влюбленности. Она же всегда считала отсутствие любви — признаком обделенности, несчастьем, поводом пожалеть, одарить.

Она и одарила, написав ему 27 стихотворений. В их ряду и знаменитое:

Кто создан из камня, кто создан из глины,
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — брэнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Дробясь о гранитные Ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

16 МАЯ

16 мая 1920 года расстреляна Мария Бочкарева, инициатор создания и командир 1-го женского батальона, участница Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. Ее не взяли в плен. Она сама добровольно после занятия красными Томска явилась к коменданту города, сдала оружие и высказала готовность служить и приносить пользу Советской России. Ее арестовали, и от ее услуг Томское ЧК категорически отказалось. Мария Бочкарева была названа «непримиримым злейшим врагом Рабоче-крестьянской республики», в таком качестве отправлена в Красноярск и там расстреляна.

Таким образом распорядившись ее жизнью, большевистская власть и Красная армия потеряли уникальную фигуру, которая могла бы стать знаковой, которая самой природой была создана для плаката новой эпохи в стиле upisex. Ее желание служить советской власти нельзя рассматривать как циничный переход на сторону победителей. В Гражданской войне Мария Бочкарева и не участвовала. Вся ее жизнь — просто попытка самореализации русской крестьянки, простой, безграмотной, но сильной по натуре и поймавшей свое время. Другое дело, что время было кровавое и не могло принести счастья.

Юность этой женщины была такой, что идея пойти бойцом на фронт мировой войны не кажется удивительной. Сначала все как обычно для девчонки из бедной семьи: работала нянькой, прислугой.

Потом у Марии случилась связь с молодым офицером, приличным человеком, который, уезжая по службе, предлагал отправить ее к своим родителям, чтобы они о ней заботились и дали ей образование, а он вернется и женится на ней. Но она не понимала этих тонкостей и сочла, что барин ее просто бросил. Отец ее после происшедшего стал над дочерью издеваться, мучить, бить. И она в 15 лет, чтобы избавиться от такой жизни, вышла не думая замуж за пьяницу, сильно старше себя. Когда он напивался, превращался в зверя.

Она пыталась покончить с собой, а потом сбежала. От мужа ей осталась фамилия — Бочкарева. А дальше она влюбилась в бандита. Это была что называется роковая любовь. Когда его поймали, Мария отправилась с ним по этапу в ссылку. Это был адреналин, но не женское счастье. Ни дома, ни детей. И не предвидится.

Но тут началась мировая война, и Мария Бочкарева решила пойти на фронт. Это решение оказалось сильнее роковой любви, потому что было способом самовыражения, самоутверждения, которых настойчиво требовал характер Марии Бочкаревой.

Она категорически отказывалась идти на фронт сестрой милосердия, она хотела быть солдатом. Это было ее личное желание, но оно вполне соответствовало объективным обстоятельствам нового времени. Мировая война — тотальна, она захватывает всех. Массовая мобилизация мужчин изменила положение женщин. Причем в большей степени в деревне, чем в городах. В городах у квалифицированных опытных рабочих была отсрочка по призыву в армию, и городские женщины в меньшей степени заступили на место мужчин, чем в деревнях. Там весь груз работы лег на женщин. Эти непосильные обстоятельства сыграли неожиданную роль. Стремясь прокормить семьи, женщины объединялись, вступали в кооперативы, более того, они стремились войти в правление этих организаций. То есть они выходили в публичную сферу жизни, где раньше были одни мужчины. Они по своей воле, но быстро осваивали мужские функции — добытчик, кормилец семьи, защитник интересов семьи в общественном пространстве. Женщины брали на себя мужскую ответственность. Бунты также становятся бабьими. В такой ситуации стремление Марии Бочкаревой пойти на фронт солдатом не кажется из ряда вон.

Официально в России женщин в качестве бойцов в армию не брали. При этом случаи нелегального участия в боевых действиях многочисленны, но женщины скрывались в мужском обличье. Обрезали косы, скрывали фигуру под мешковатой солдатской формой, начинали курить, чтобы сделать грубее голос. Личность реальных участниц боевых действий обычно выяснялась только в случае ранения или смерти.

Но Мария Бочкарева первая решила идти легальным путем. Она ни много ни мало отправила телеграмму на Высочайшее имя и получила от царя официальное разрешение.

В армии Бочкарева прошла путь от солдатских насмешек и издевательств, от первоначального солдатского взгляда на нее как на распутную женщину до всеобщего уважения, завоеванного стойкостью и отвагой в бою. Она добивается равноправия в солдатской среде. Вплоть до того, что ходит с мужчинами в баню и там никто не обращает на нее внимания.

После Февральской революции, когда развал в армии, дезертирство и братания с немцами стали катастрофическими, Мария Бочкарева решила было бросить армию, но случайно на митинге познакомилась с приехавшим на фронт председателем Государственной думы Родзянко. Тогда-то ей и пришел в голову проект создания женского батальона. Идея чисто феминистская: «Соберем дерзких, смелых баб-доброволок, определим их на военную службу, и пусть они собственным примером в бою поднимут боевой дух мужиков». Родзянко привез Бочкареву в Петроград. Теперь круг ее общения — председатель Временного правительства Керенский, Главком Брусилов, командующий Петроградским военным округом Половцев. С их благословения Бочкарева начинает формировать 1-й Петроградский женский батальон смерти. Желающих вызвалось 2000 женщин разных сословий.

Бочкарева была жестким начальником, не давала никаких поблажек, не допускала пререканий, общения с мужским полом. Легко по лицу била. Большинство женщин отказались терпеть ее муштру. Отделились в самостоятельный батальон. Как раз тот, который во время Октябрьского большевистского переворота будет защищать Зимний дворец. Мария Бочкарева воевала со своим батальоном. Женщины шли первыми в атаку, погибали, но мужчин, сагитированных большевиками, повести за собой не смогли.

После возвращения в Петроград Бочкарева была арестована большевиками, но вскоре вышла, поехала было в Сибирь, домой. Но по дороге солдаты-большевики выбросили ее из вагона. Еле осталась жива, сильно повредила ногу и, видимо, сильно в очередной раз разозлилась на большевиков. В первый раз, потому что они морочили голову солдатам на фронте. А теперь — потому что из вагона ее выбросили. В общем, до дома она не доехала, а вместо этого направилась на Дальний Восток, а оттуда в Соединенные Штаты просить помощи в борьбе с большевистской властью. У нее были выдающиеся задатки пиарщика, народного дипломата. Она привлекала к себе внимание журналистов. В результате добилась приема

у госсекретаря, у министра обороны США, а затем получила аудиенцию у президента Вильсона. Произвела сильнейшее впечатление на присутствующих, стоя на коленях, просила о помощи России. В Штатах познакомилась с журналистом — выходцем из России и ярко с подробностями наговорила ему целую книгу. Которая вышла на английском языке и стала хитом.

Из Штатов Мария Бочкарева отправилась в Англию, где при посредничестве Черчилля получила аудиенцию у короля Георга V. Вернувшись в Россию, в ноябре 1919 года в Омске встретила с Колчаком. Будучи в офицерском звании, она решила официально подать в отставку, просить пенсию и поехать домой. Но Колчак поручил ей создать женский санитарный отряд, что она и сделала. Но Колчак в это время оставил Омск, его армия отступала, и всем было не до женского санитарного отряда. Мария Бочкарева приехала в Томск. Через пять дней туда вошли красные. Она явилась к коменданту, все о себе рассказала и заявила, что готова работать. Комендант ответил, что в ее услугах не нуждается, если что — пошлет за ней. Мария Бочкарева поселилась у сестры. Ей был 31 год, но выглядела она гораздо старше своих лет. Военную форму больше не носила, ходила в обычном женском платье. Шила для красноармейцев шинели. И тут ее арестовали и расстреляли.

21 МАЯ

21 мая 1920 года последний раз на сцене Художественного театра был сыгран спектакль «Каин». По поэме Байрона на библейский сюжет. В постановке Станиславского. Это был всего лишь 8-й спектакль после премьеры, но после него «Каин» был снят с репертуара. То есть произошедшее означало провал великого Константина Сергеевича Станиславского. Критики писали, что ритм спектакля не соответствовал ритмам эпохи. Что исполнителю главной роли не удалось представить Каина первым революционером духа и мысли, которого все так ждали от Художественного театра. Даже стойкие приверженцы Станиславского говорили, что испытывали от увиденного «опечаленное смущение». Из этого общего ряда выпадал только Всеволод Мейерхольд, великий экспериментатор в театральном

искусстве. Мейерхольд написал: «В «Каине» — резкий порыв от слащавой идиллии».

Если отвлечься от различий в режиссерских взглядах двух титанов русского искусства, то сказанное Мейерхольдом означало, что он один уловил, почувствовал внутреннюю потребность Станиславского в новой стилистике, стремление признанного мэтра и немолодого уже человека к творческому прогрессу, развитию и риску.

Станиславский шел на риск с самого начала — самим выбором совершенно несценического материала. Поэма Байрона «Каин» рассчитана на чтение.

В 1920 году была уже не первая попытка взяться за эту историю. Первая захлебнулась в 1907 году, не успев начаться. В 1907 году байроновская поэма вышла в переводе Бунина, что стало культурным событием и вводило ее в русский культурный оборот. К тому же произведение Байрона было не просто поэмой, а поэмой-мистерией. А мистерия — один из жанров средневекового театра. Все это и соблазнило деятелей Художественного театра. Тогда театр был на самом подъеме, все были молоды, заслуженный успех, подлинное новаторство, средства на реализацию идей, поддержка меценатов — все было. Станиславский уже нашел сценическое решение. Для создания ощущения беспредельности пространства он собирался использовать черный бархат. Тогда это было открытие в решении задач сценографии. Особенно в сочетании с использованием электрических осветительных приборов. Осуществись это тогда, зрители в 1907 году получили бы зрелище, близкое к выходу Высоцкого в «Пугачеве» в Театре на Таганке.

Но тогда ничего не вышло. Постановка была единогласно запрещена Синодом, потому что в мистерии Байрона присутствуют Бог, Люцифер и человек между ними, задающийся главными неудобными вопросами земного существования. А тот, кто задается вопросами, кто не принимает веру на слово, — тот мятежен, опасен, тот становится первым убийцей в роде человеческом и этим статусом платит за жажду познания, за отказ принять незыблемость мироустройства. У Байрона в том, что Каин убил Авеля, виноват был Бог. Так что запрет со стороны Синода не удивителен.

В 1920 году Станиславский вновь репетировал «Каина». Запрета уже не было, Синода не было, от прежней жизни вообще ничего не осталось.

Сам Станиславский в 1919 году в начале репетиций «Каина» уже пережил арест по обвинению в связях с кадетской подпольной организацией. По счастью ситуация разрешилась в течение суток и его отпустили.

Он действительно был совершенно чужд политики. Но при этом категорически не желал перестраиваться в духе новой власти. Он принципиально сохранял прежний внешний облик — белая рубашка, галстук-бабочка. В этом не было вызова, но было подтверждение его, Станиславского, внутренней стабильности. Во многом это было сочетание стойкости и наивности старого русского интеллигента. Наивность в случае Станиславского заключалась в его абсолютной сосредоточенности на театре, который был главным делом его жизни и не мог зависеть от того, что на улицах стреляют. Независимо от внешних обстоятельств он требовал, чтобы не забывали посыпать песком скользкий тротуар у входа в театр. Даже когда театр временно не давал спектаклей.

Станиславский искренне полагал, что необходимо и возможно «полнейшее отмежевание всех деятелей искусства от всякого вмешательства в политику». Единственно приемлемая позиция во время революции — эстетическая. То есть в условиях исторических потрясений необходимо сохранять великую русскую культуру. И конкретно ему, Станиславскому, надо уберечь Художественный театр с его искусством. А для этого театр должен продолжать работу в любой обстановке и, как было сказано, «невзирая ни на какие политические перевороты». Революция, Гражданская война, холод, голод — не конкуренты делу его жизни. *Ars longae, vita brevis*. Жизнь коротка, искусство вечно. И это самое искусство надо неусыпно вести вперед и вперед. У Станиславского идей, мыслей, новых интересов не впрок, при чем здесь Гражданская война.

Хотя новая постановка «Каина», конечно, про новое время. Сидят с актерами, голодные, бесконечно обсуждают, в чем главный смысл, что может стать пресловутым сквозным действием спектакля. Сохранились записи этих разговоров, вопросы, на которые искали ответы: почему нет справедливости? Как же то, что называется Богом, может творить зло? Значит, не дивны дела твои, Господи. Бог — консерватор, Люцифер — анархист. Ради чего разрушается старый мир? А в конце ремарка Станиславского: «Самое страшное — молчание Бога».

Репетиции были удачны. Спектакль — нет. Вместо художника Станиславский пригласил скульптора. Это был Николай Андреев, автор прекрасного памятника Гоголю, который сидит во дворе на Никитском бульваре. Но не было денег для исполнения замысла, в Москве не нашлось нужного количества черного бархата и электрических лампочек. Все было дешево и не отвечало замыслу. Не было половины труппы с Качаловым и Книппер-Чеховой. Они уехали на Юг, чтобы прокормиться, и застряли там из-за боевых действий. К тому же на премьере у исполнителя роли Каина оторвались пуговицы и сползло трико, от чего он не мог толком двигаться.

После репетиций «Каина» Станиславский приходил домой в свою квартиру, где он прожил 20 лет и куда подселили новых жильцов. Несмотря на то что дома у Станиславского проходили занятия оперной студии Большого театра, которую Станиславский возглавляет. Здесь же театральная музей и библиотека. Но этим дело не ограничилось. В дом Станиславского въехала автобаза, и теперь его хотят выселить. К нему регулярно являются комендант автобазы, люди из московской ЧК, настаивают на выселении, требуют, хамят.

Поэтому после репетиций Станиславский садится писать письма в разные инстанции, просить помощи, потому что жизнь нестерпима: «Двери черного хода в квартире комендант автобазы мне приказал закрыть и никого не пускает во двор. Теперь я лишен дровяного сарая, погреба и не имею возможности выносить из квартиры помои, которые испускают зловоние».

Кроме того, после репетиций и после игры в спектаклях Станиславский пишет письма с ходатайствами за разных артистов. Вот например: «Сим свидетельствую, что цепь золотая, находящаяся сейчас в государственной казне, поднесена была публикой артисту Дмитрию Викторовичу Гарину-Виндингу. Поэтому я присоединяюсь к его ходатайству о выдаче ему его артистического подарка». Подпись: «Артист Художественного театра К. Станиславский».

Интересен адресат этого письма — главный комиссар Народного банка Яков Ганецкий. Это тот самый Ганецкий, друг Ленина, через которого германский Генштаб осуществлял переводы денег большевикам с весны 1917 года. Деньги шли на подрывную работу в российской армии на фронте. Денег было переведено много, более 50 миллионов золотых марок. В чистом золоте — это 18 с половиной тонн.

Станиславский, когда писал Ганецкому, ничего этого не знал. Но от этого режиссерская ремарка Станиславского к спектаклю «Каин» вполне подходит: «Самое страшное — молчание Бога».

30 МАЯ

30 мая 1920 года в советской газете «Правда» опубликован документ под названием «Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Название литературное, просто какой-то «Певец во стане русских воинов», как будто это Василий Андреевич Жуковский, а не газета «Правда». В литературности заголовка чувствуется рука Троцкого, который был ценителем литературы и чувствовал стиль.

Любопытно не только название, но и подписи под воззванием. Оно подписано генералом Брусиловым и еще девятью бывшими царскими генералами, перешедшими на службу к большевикам. Брусилов — человек известный, автор знаменитого наступления — прорыва на Юго-Западном фронте в июне 1916 года, вошедшего в историю под его именем. Короткое время летом 1917 года при Временном правительстве Брусилов был даже Верховным Главнокомандующим. А после прихода к власти большевиков перешел к ним. Но по существу востребован ими оказался только в мае 1920 года.

Воззвание — не первое публичное заявление Брусилова. Первым была публикация в «Правде» 7 мая 1920 года. Тогда газета сделала достоянием общественности письмо Брусилова своему бывшему сослуживцу, также перешедшему к большевикам, генералу Раттелю. Письмо начиналось словами: «Милостивый государь, Николай Иосифович!» То есть манера была подчеркнута старой, дореволюционной, и следовало понимать, что разговор идет между двумя старорежимными господами, но они — истинные патриоты и поэтому их Родина теперь — Советская Россия, они чувствуют себя отлично, переписываются в привычной манере и даже не называют друг друга товарищами. А потом выясняется, что у этих господ принято в частных письмах заниматься политинформацией. Что немолодой генерал Брусилов чисто по-дружески излагал давнему знакомцу, что «старое павшее правительство было неправо, держа братский польский народ насильственно под своим владычеством».

А Свободная Россия правильно сделала, сняв цепи с бывших подвластных народов. Но в последние дни ему, Брусилову, пришлось читать в газетах про широкое наступление поляков, которые желают захватить земли, входившие в состав Королевства Польского до 1772 года. И ему, Брусилову, кажется необходимым, чтобы «люди с боевым и жизненным опытом собрались и обсудили наиболее целесообразные меры для избавления от иностранного нашествия».

Если бы это не было чистой заказухой, спущенной с самого верха, за предложение собраться людям с боевым и жизненным опытом следовал бы немедленный расстрел. Но Троцкого не смущает, что выстроенная ситуация далека от правды жизни с ее перлюстрацией писем, подозрительностью и быстрой расправой. Троцкий увлечен политехнологией. А правду жизни он создает сам.

Сразу после публикации письма Троцкий выбрал 9 генералов из бывших и сколотил из них структуру под названием Особое Совещание. Оно не имело никаких полномочий и было создано для употребления в пропагандистских целях.

Брусилов в мемуарах напишет, что его именем жонглировали, а у него душа разрывалась за Россию. Это будет позже, когда Брусилов выедет на лечение в Карловы Вары, там надиктует жене воспоминания и спрячет их в Праге. Жена после смерти Брусилова уедет за границу, где опубликует его совершенно антисоветские мемуары. Но независимо от этого, фактом остается, что в мае 1920 года он дал право использовать свое имя так, как этого хотелось большевикам.

А большевистскому руководству хотелось мобилизовать дополнительные человеческие ресурсы против Пилсудского, который стоял во главе польской армии, которая уже выбила красных из Киева.

Пилсудский еще в апреле заключил договор с Украиной в лице Петлюры, хотя согласия между ними не было. Петлюра хотел независимости Украины с польской помощью, но без польского диктата. Пилсудский хотел, чтобы Украина для Польши была буфером на границе с Россией.

Большевики, в свою очередь, видели Украину своей. А война с поляками имела целью захват Польши и дальнейшее движение на Берлин — все это под знаменем мировой революции. Эта цель представляется большевикам, и прежде всего Троцкому, красивой и достижимой. Главное — срочно найти дополнительные людские ресурсы для этого фронта. Отсюда идея поскрести по сусекам, переманить

нестойких из белой армии, а заодно ослабить Врангеля, который держит оборону в Крыму. Вот для этого и используют Брусилова.

Справедливости ради следует сказать, что Брусилов едва ли мог представить себе геополитические амбиции красных, а также степень цинизма большевистского руководства. Он искренне не подозревал, что все слова красных о прощении белых гроша ломаного не стоят. И не он один. В результате 30 мая 1920 года за подписями бывших царских генералов из придуманного Троцким Особого Совещания и появилось «Воззвание ко всем русским офицерам, где бы они ни находились».

Итак. Ситуация на Советско-польском фронте названа «критическим историческим моментом». Ни слова о планах большевиков, будто их нет вовсе. Есть Красная армия, которая борется с внешним врагом, защищает Родину от Польши, которая стремится, цитирую, «отторгнуть от нас земли с искони русским православным населением».

Самим употреблением слов «русское православное население» воззвание переходит на язык, который еще вчера был исключен по идеологическим причинам. А это свидетельствует о действительной остроте момента для большевиков. И вот в этот момент следует призыв к офицерам, находящимся в белой армии. Цитирую: «Взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию... И служить там не за страх, а за совесть, дабы отстоять дорогую нам Россию и не допускать ее расхищения, ибо она безвозвратно может пропасть и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать за то, что мы из эгоистических чувств классовой борьбы забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию».

То есть выходит, что поляки настолько опасны, что Россия вот-вот может безвозвратно пропасть. А это означает, что Троцкий пошел со старого, любимого и сильного в России козыря.

После трех разделов Польши между Россией, Австрией и Пруссией Россия в конце XVIII века получила значительную польскую территорию, и в течение всего XIX века, а также в начале XX века Польша считалась неотъемлемо российской. Это была не только официальная позиция, что естественно. Так же думал Пушкин, так же считали декабристы.

Польская территория, присоединенная к России, имела название Царство Польское. В 1817 году пошли разговоры о том, что император Александр I намерен передать часть западных российских губерний Царству Польскому. То есть, казалось бы, просто перераспределить земли внутри империи в пользу одного из регионов, который чувствует себя ущемленным. Но именно этот гипотетический шаг императора в пользу поляков вызвал бурю патриотической ненависти в декабристских кругах и знаменитое заявление декабриста Якушкина о его намерении убить императора, как предателя русских интересов.

В Гражданскую войну под лозунгом «Единой и неделимой России» воевала белая армия при Деникине и Колчаке, теряя союзников в лице и поляков, и финнов. Так что большевики в принципе имели шанс на успех, призывая воевать против Польши, которая хотела вернуть себе территории, отобранные еще Екатериной II.

На генеральское воззвание ответил Врангель. Это было обращение, начинавшееся словами «Офицеры Красной армии». Совершенно неожиданное звучание у этих слов в исполнении генерала Врангеля — как к своим. И он на самом деле обращается к своим, к вчерашним своим. В этом — смысл текста Врангеля. Он ничего не обещает, прямо говорит, что стоит теперь во главе «остатков Русской армии», что сейчас в России время умопомрачения, и обращается к красным офицерам: «Я зову вас идти к нам». Обещает всем «забвение прошлого», то есть прощение без наказания.

У Врангеля в обращении ничего нет про Польшу. Во-первых, он первый в белом руководстве, кто признает независимость Польского государства, хотя его переговоры с поляками крайне сложны. А во-вторых, генерала Врангеля больше всего заботит земельная реформа, которую он намерен проводить на последней белой территории, в Крыму.

5 ИЮНЯ

5 июня 1920 года в Крыму генерал Врангель предложил должность своего помощника Александру Васильевичу Кривошеину. Это предложение подразумевало ни много ни мало назначение Криво-

шеина главою белого правительства в Крыму. Сначала Кривошеин дал согласие поработать в этой должности только на время отъезда Врангеля на фронт. Но через две недели состоялось его официальное назначение.

Неготовность Александра Васильевича с ходу занять премьерскую должность не имеет ничего общего с мужским кокетством. Генерал Врангель приглашал его для выполнения конкретной задачи, а не для решения всех экономических проблем белого Крыма. В самой должности премьера не было ничего заманчивого. Это была работа камикадзе и в переносном и в прямом смысле слова. Представьте, согласиться работать премьер-министром в условиях Гражданской войны на последней белой территории при очевидной обреченности и армии, и власти.

Хотя надо сказать, что та задача, для решения которой Врангель изначально приглашал Кривошеина в Крым, тоже сильно отдавала авантюризмом. Врангель хотел, чтобы Кривошеин осуществил в Крыму аграрную реформу. Что было исключительным случаем и по времени, и по месту, и по тому, что никто из белых руководителей до Врангеля на подобное не решился. Хотя, вероятно, прими Деникин или Колчак аграрный закон подобный врангелевскому в начале 1919 года, Гражданская война могла бы закончиться и по-другому.

Еще до появления в Крыму Кривошеина, над законопроектом о земле в Крыму по очереди работали три комиссии. В первой комиссии по земельной реформе состояли ее противники, деятели правых взглядов. Последующие комиссии левели по составу под непосредственным влиянием самого Врангеля. Можно сколько угодно сомневаться в мотивах, которыми руководствовался Врангель, и подзревать его в том, что на самом-то деле он не любил крестьян, не понимал их и не стремился к подлинному удовлетворению крестьянских потребностей. Но он и не говорил о любви. А зная, чем закончилась демагогия большевиков по крестьянскому вопросу, то, может, и слава богу, что хоть Врангель не вводил никого в заблуждение. Так же как и большевики, он искал социальной опоры, о чем прямо говорил в интервью: «Надо на кого-то опереться... Но для того чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть

на этом клочке сделать жизнь возможной... Ну и, так сказать, показать остальной России, вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь идет земельная реформа, заводится порядок и возможная свобода». Это генерал Врангель.

Законопроект о земельной реформе шел в пакете с проектом о волостных советах, выборных органах власти на местах, которые должны были отвечать за практическое проведение реформы. То есть это был такой вариант власти советов, советской власти в редакции Врангеля.

Далее предполагалось выстраивание земской, местной, власти на разных уровнях. То есть речь шла о новой системе государственной власти. Но первична — земельная реформа, потому что с ней можно выиграть Гражданскую войну.

Позиция Врангеля абсолютно нестандартна и в корне отличается от всех других белых правительств. Врангель предлагает признать и легализовать все захваты крестьянами помещичьей земли во время революционных событий 1917 года. Более того, он требует законодательного признания крестьян официальными собственниками земли, которую они захватили у помещиков. Это действительно уникальный шаг Врангеля.

Другое дело, что проект реформы не носил демагогического характера, а значит, содержал пункты, менее приятные, имеющие целью стабилизировать интересы всех владельцев земли, и старых, и новых, и помещиков, у которых землю захватили с боем, и крестьян, которые эту землю захватили и теперь становятся ее собственниками по закону. То есть в законопроекте прописывалось, кто, кому, когда и сколько должен заплатить. Конец всех платежей был отложен на 25 лет. Помещики были недовольны тем, что долго ждать. Крестьяне — тем, что долго платить.

Казалось бы, государство могло заплатить помещикам и хоть с ними закрыть вопрос. А с крестьянами тянуть рассрочку, снижать платежи, обнулить их, когда жизнь наладится. Но беда была в том, что государству, то есть власти в лице Врангеля, платить было нечем. Была только бешеная инфляция и война. Парадоксальная ситуация для России: власть ничего не может дать помещикам, а крестьянам может дать — землю.

Вот в такой ситуации генерал Врангель и пригласил Александра Васильевича Кривошеина, чтобы разрулить все вопросы с земель-

ной реформой. Кривошеин в прошлом — правая рука Столыпина при проведении знаменитой реформы. Они в паре были идеологами той реформы. Так что Кривошеин обладает исключительным реформаторским опытом. Кривошеин и сам человек исключительный. Он что называется self-made. Его отец был сыном крепостного и, только поднявшись на военной службе, получил личное дворянство. Сыну дал гимназическое, а затем университетское юридическое образование в Петербурге. Александр Васильевич был честолюбив, умел устанавливать связи, делал очень успешную карьеру, для решения серьезных задач хорошо подбирал топ-менеджеров, никогда не присваивал себе заслуг подчиненных, заботился об их повышении. Современники называли Кривошеина третьим после знаменитых российских премьеров Витте и Столыпина, но премьер-министром Кривошеин никогда не был, царь предлагал ему этот пост, но он отказался.

Царь и царица, которые не любили ни Витте, ни Столыпина, к Кривошеину относились хорошо. Это не говорит плохо о Кривошеине. Просто у него не было таких поводов входить в противоборство с Николаем II, как у двух российских премьер-министров: у Витте — по поводу Манифеста о даровании конституционных свобод в 1905 году, у Столыпина — по поводу аграрной реформы и по национальному вопросу. А кроме того, Кривошеин был признанным виртуозом по части ведения разговоров и переговоров. Он обладал еще одним талантом, а именно он четко формулировал свои и чужие мысли в письменном виде. Он готовил многие манифесты от Высочайшего имени, в том числе царский манифест о начале Первой мировой войны.

Приехав 2 июня 1920 года в Крым, Кривошеин ознакомился с законопроектом о земельной реформе Врангеля и вынес следующее внятное заключение: «Проект этот не совершенен, но раз он может привлечь к армии доверие крестьянства, раз сама армия ждет слова о земле, то времени терять нельзя, жизнь позднее внесет необходимые в дело поправки». Это заключение было и политически и практически точным. Крестьяне составляли большинство и в белой, и в Красной армии. Большевицкая пропаганда все годы Гражданской войны твердила крестьянам, что белая власть спит и видит вернуть помещикам всю землю, которую крестьяне у них отобрали. И вот Врангель со своей земельной реформой имел шанс вырвать

у большевиков их главный аргумент. Потому что Врангель объявил: все, что вы, мужики, правдой и неправдой захватили, становится вашей собственностью. Точка.

Александр Васильевич Кривошеин, честно говоря, не верил в успех дела. Еще до всех революционных событий он выработал формулу, которая отражает главное российское противоречие. Формула Кривошеина звучала так: «Мы и они», где мы — это государство, а они — это общество. Это две самостоятельные, не связанные между собой стороны. Но только «когда будут говорить «мы», разумея под этим государство и общество вместе, Отечество наше может достигнуть благоденствия». Кривошеин знал, что в начале лета 1920 года этим благоденствием в Крыму не пахло, что крестьяне ничему не поверят, будут считать и его, и Врангеля «белой костью», чужими.

И тем не менее Кривошеин решил ввязаться в нужное, но заведомо гиблое дело с земельной реформой. Более того, приглашение от Врангеля пришло Александру Васильевичу Кривошеину, когда он уже был в Париже. Он эмигрировал, потеряв в Гражданскую войну двух сыновей. Ему 63 года. Он полагал, что уже выполнил свой долг перед Родиной и больше ничем не может ей помочь. Один из русских банков предложил ему должность председателя. И тут пришло приглашение от Врангеля — приехать и заняться земельной реформой. Александр Васильевич Кривошеин бросил Париж, банк, семью и выехал в Крым.

14 ИЮНЯ

14 июня 1920 года утвержден документ под названием «Положение Совета народных комиссаров о пайке для особо ответственных и совершенно незаменимых работников центральных учреждений». Подпись — Ленин.

По-серьезному, на уроках по советской истории учителя должны убедительно просить детей зазубрить дату 14 июня 1920 года и название этого документа. Потому что с пайка для «совершенно незаменимых» начинается официально выстраиваться советская бюрократическая, номенклатурная система, которая составит суть новой власти. Власть, конечно, будет называться советской, пар-

тия будет называться коммунистической и правящей, идеология будет говорить о самом справедливом социалистическом строе и близкой победе коммунизма. Но настоящая власть будет принадлежать не советами, даже не партии с идейными принципами, а бюрократии. Она будет постепенно, но верно ковать свои ряды. Она станет новым правящим классом в стране. Очереди из желающих попасть в ряды этого класса не будет конца. Доносы, предательство друзей и коллег, готовность поддержать ложное обвинение в шпионаже — вся история советского террора — это борьба за привилегированное положение, бесконечно далекое от всех остальных обычных людей. Это очень серьезно. Это борьба не на жизнь, а на смерть. Потому что главный мотив этой звериной конкуренции — еда. Ну и еще некоторые материальные составляющие. Но главное — еда. У каждого времени — свои мерки. В голод надо исхитриться быть сытым и кормить семью. Так как экономическая модель большевиков в принципе не обещала сытости, а имела характер эксперимента, конкуренция за лишний кусок становилась стимулом карьерного роста. Идеи, любые, были соусом к пайковой еде. К тому же большевики запретили всякий частный бизнес, а значит, осталась одна госслужба и на ней надо было продвигаться любой ценой.

Положение от 14 июня о пайках принято в стране, где уже царит голод и которая находится накануне голода, невиданного ранее в России. Большевики рекордно обрушили динамично развивавшуюся российскую экономику. Никому такого в истории не удавалось. Отмена частной собственности, национализация, запрет частной торговли, переход к централизованному снабжению населения продуктами и товарами. Все это — реализация большевистской идеи на практике. Скучные продукты раздают по классовому принципу, то есть власть решает, кому есть, кому не есть. Знаменитый писатель Максим Горький, постоянно ходивший по начальству и просивший за кого-нибудь из писателей или ученых, рассказывал Корнею Ивановичу Чуковскому о своем визите к хозяину Питера, ленинскому другу Зиновьеву. По ходу вроде как неформального разговора с Зиновьевым Горький вспомнил, что в Зоологическом саду умирают от голода детеныши носорога, и спросил, чем их собираются кормить. «Буржуями», — ответил Зиновьев, захохотал и принялся рассуждать на тему: резать буржуев или нет.

Деньги большевики печатали, сколько требовалось, инфляция бешеная, деньги вообще потеряли смысл. Цены с октября 1917 года по июль 1921 года вырастут почти в 8000 раз. Налоги вводили какие хотели. Промышленность рухнула, производство сократилось до пятой части довоенного уровня. На зарплату рабочего можно было прожить три дня. Рабочие бросали работу. Из голодающих городов люди хлынули в деревню.

Если рассуждать цинично, то с политической точки зрения — это самое время для принятия документа об особых пайках для чиновников. Надо кормить тех, кто представляет костяк власти. Их и армию, которая воюет в Гражданской войне. Но чиновников больше и лучше.

В соответствии с документом от 14 июня первоначальное число пайков составляло 2 тысячи и 500 запасных. Но пайки предполагались не только для особо ценных сотрудников, но и для неработающих членов их семей. Предположим, у каждого из этих двух тысяч сотрудников по 3 члена семьи, то есть получается 6000 пайков. В документе было прописано, что количество пайков в течение четырех месяцев не может быть увеличено. Это уточнение свидетельствует о том, что авторы документа отлично понимают ситуацию, всем очевидно, что число претендентов будет расти и расти. Паек — предел мечтаний по меркам советской власти. И не только в 1920 году, но и все последующие десятилетия, вплоть до крушения СССР. Паек даже больше, чем просто продукты. Это знак принадлежности к особой касте. Спецеда неотделима от власти, и наоборот.

В документе от 14 июня 1920 года вес продуктов дан в фунтах, фунт без малого 500 граммов. Итак, на месяц полагалось: муки — 20 фунтов, то есть 10 кг, масла коровьего — 11 с половиной фунтов — 5 с половиной килограммов. На одного чиновника, на месяц, в голод. Масла растительного — 2 фунта. Чая — четверть фунта, сахару — 1 фунт, соли — 11 с половиной фунтов, очень много почему-то. Крупы — 7 фунтов — 3,5 кг, рыбы — 10 фунтов, мяса — 10 фунтов, то есть по 5 кг в месяц на одного, овощей — 1 пуд — 16 кг, мыло, спички. И это все без очереди, без переплаты, а, напротив, со скидкой в 50 процентов.

Таким образом, в условиях кризиса, голода и Гражданской войны только особо ценные работники имеют особый доступ к еде. С 14 июня это закреплено открыто решением советского правительства.

Раньше тоже практиковали, но на первых порах, по большевистской привычке, нелегально. Сперва сами запретили торговлю, запретили деревенским возить продукты в город на продажу, потом запретили городским жителям ездить в поисках продуктов по деревням. Появились мешочники, как особый вид бизнеса, которые дорого, с риском для жизни, но перемещали продукты по стране, заменяя нормальный, но запрещенный товарообмен. Этот бизнес был вне большевистского закона, но от ВЧК тайно направлялись свои мешочники на поиски продуктов для Кремля.

Потом, несмотря на идейную борьбу с рыночными отношениями, создали кооператив под названием «Коммунист». Это была та еще частная лавочка. Помимо обеспечения Кремля продуктами, кооператив «Коммунист» немедленно занялся разнообразными махинациями, и его пришлось прикрыть.

В декабре 1919 года Совнарком принял решение о спецпайках для 200 человек с семьями. Но тоже нелегально. Вся документация по продуктам проходила под грифом «сов. секретно». Однако сразу же после принятия этого решения ответственный за спецпайки замнаркома финансов Чуцкаев был завален новыми просьбами. Чиновники разных ведомств, исхитрившиеся получить подписи наркомов на своих ходатайствах о спецпитании, атаковали Чуцкаева. Три месяца Чуцкаев держал оборону и не увеличивал число спецпайков. Но в марте 1920 года их число выросло с 200 до 300, а в начале апреля — до 350.

Чуцкаев писал, что выдавал пайки по специальному поручению Ленина, который в своей манере назвал свое поручение «архисекретным». А в июне все сделалось открытым, официальным, стало нормой советской жизни.

Одна из самых известных женщин в большевистском руководстве, Александра Михайловна Коллонтай, вспоминала свой разговор на пайковую тему с другим видным большевиком, старым членом партии, советским профсоюзным деятелем Александром Гавриловичем Шляпниковым. Шляпников сказал Коллонтай: «Вы говорите, что Вас смущает совесть, что Вы имеете обед и теплую квартиру, а вокруг один ужас. Это Вы все ищете себе самой оправдания и как бы обеляете себя тем, что разводите жалобу по поводу страданий народа. Выбейте из себя эту интеллигентчину. А так Вы неплохой человек, товарищ Коллонтай.»

19 июня 1920 года подавлен мятеж в городе Верном. Годом позже этот город был переименован в Алма-Ату и еще позже стал столицей Казахской ССР. Оригинальное название — Алматы. Так в 50-е годы XIX века называлось казахское поселение, которое пришедшие туда русские выбрали местом дислокации военного укрепления и называли его Верное. Со временем вокруг крепости вырос небольшой город — Верный. Территория, внутри которой стоял Верный, имела название Семиречье, на севере ограничена озером Балхаш, на юге Северными хребтами Тянь-Шаня.

В июне 1920 года город Верный был красным и Семиречье было красным. И вот во всем этом регионе теперь зреет антибольшевистский мятеж. Причем мятежными настроениями охвачены как раз те, кто поддерживал красных в борьбе с белыми. Прежде всего недовольны части самой Красной армии, которые навоевались с белыми, вернулись с фронта, считали, что для них война закончена, и намеревались расходиться по домам. Но их не распускали, потому что сохранялась угроза от семиреченских казаков, которые были на стороне белых и ушли в Китай. В ожидании вероятного налета казаков красные солдаты зверели и рвались домой. Они и во время боевых действий против белых были мало управляемы. Потому что и для них и для их непосредственных командиров главная прелесть Гражданской войны заключалась в лихих налетах на города и селения, где каждый хватал себе, что хотел, давал волю собственной агрессии, пускал кровь всем, кто попадетсЯ, и считал все это вместе взятое истинным проявлением свободы. Потом эти люди выдохлись и вспомнили про дом. Они в оригинале — крестьяне, большинство из местных деревень, которые пошли к красным воевать против Колчака. Они ненавидели Колчака, потому что он не мог усмирить казачьих атаманов, которые грабили и бесчинствовали.

Между местными казаками — старожилками и крестьянами, приехавшими на эти земли в рамках столыпинской реформы, еще до революции были напряженные отношения из-за земли. Когда в Гражданскую войну на Восточном антиколчаковском фронте красные стали теснить белых, включая казаков, крестьяне решили, что есть шанс получить казачьи земли, и поддержали красных. Тем более что

большевики обещали землю, и власть их поначалу многим казалась действительно народной. Но в считанные месяцы выяснилось, что победившие красные представляют особую опасность. Они не просто грабят, они называют это государственной политикой, и защиты от нее искать не у кого. Являлись вооруженные продотряды, забирали у крестьян хлеб, заявляли, что он нужен пролетарской диктатуре. Семиреченские и в целом сибирские крестьяне, привыкшие к самостоятельности, ценившие свой труд, гнали продотряды. К тому же местные крестьяне были вооружены и готовы защищаться.

Сочетание озверевших крестьян по деревням и воинских частей из солдат-крестьян, которые не желают больше воевать и подчиняться красному командованию, — реальная угроза для большевистской власти. Это новая фаза Гражданской войны. В крестьянской стране России крестьяне, то есть большинство, введенное в заблуждение большевиками, прозрело, протрезвело и проявило готовность отстаивать свободу распоряжаться результатами своего тяжелого труда. Крестьянские бунты и восстания пойдут такой мощной волной, что вынудят большевиков перейти к Новой экономической политике, к нэпу.

В городе Верном поводом для мятежа послужил приказ командующего Туркестанским фронтом Михаила Фрунзе перебросить армию из Семиречья в Фергану. В Фергане, где русские крестьяне тоже выступили против большевиков, требовались дополнительные силы для подавления несогласных. Идея была пригнать русских мужиков из Верного, чтобы они задавили русских мужиков в Фергане. Солдаты в Верном ничего не знали о планах большевиков, они просто сказали: «Нет. Отпускай по домам, а то сами уйдем». Это слова из повести Дмитрия Фурманова, советского писателя, бывшего комиссара в дивизии Чапаева, а в 1920 году — начальника политотдела Туркестанского фронта. Он был в Верном, когда начались события, стал их активным участником и живо воспроизвел реальную картину в своей повести «Мятеж».

Фурманов пишет: «В армии заявили: «Долой Чеку. Там наехлалася шваль разная из центра — гони их, сами управимся». Фурманов оценивает обстановку: «Когтистый зверь пробует свою силу, оскаливает хищные зубы, выпускает остро-тонкие перламутровые когти. Когда он почувствует бессилие противника — кинется диким прыжком и справит веселым ревом победную тризну на костях растерзанной добычи!»

В переводе с романтического литературного языка сказанное означает, что большевики отдают себе отчет в опасности нового нарождающегося союза крестьян и частей Красной армии, что надо искать на него управу, а конкретно в Верном, решение необходимо принимать немедленно.

Против мятежников решено было выдвинуть 4-й кавалерийский полк. Правда, он был далеко, за сотню верст, но ситуация такова, что больше надежных полков у красных не было. На 4-й кавполк можно было положиться, потому что он состоял, как говорили, из интернационалистов. А именно из немцев, мадьяров, киргизов, китайцев, текинцев. Фурманов откровенно пишет: «Кроме «пли... ложись... вперед» — вряд ли они понимают другие слова». И тем эти интернационалисты и были хороши. Они чужие в этих краях, наемники, и им — никого не жалко.

В Верном в преддверии мятежа все заклеено листовками:

«Товарищи красноармейцы! За кого вы бились два года? Неужели за тех, которые работают теперь в Особом отделе и расстреливают ваших отцов и братьев? ...Трудовые крестьяне снова в рабстве. Товарищи, пора опомниться и дать врагу последний и решительный бой».

То есть мятежники уже называют большевиков врагами. Это Гражданская война: вчера воевали вместе против белых, а теперь выяснилось, что совсем не по пути. Фурманов также, со своей большевистской позиции, считает недовольных врагами. Но он не знает, не понимает, как точно определить, назвать этого нового врага. Он даже задается вопросом: «Нельзя же счесть взбунтовавшихся красноармейцев белогвардейцами?» Тем более что их против большевиков поддерживает все Семиречье, а в случае успеха бунт и на Сибирь может перекинуться.

Мятеж в Верном начался 12 июня, когда один из батальонов в Верном отказался подчиняться командованию. К нему присоединились другие части гарнизона и милиция. Создали Боевой ревком. Выбрали главу Боевого ревкома. Сместили всех командиров, поставили своих. Активизировали связи с деревнями, раздали крестьянам оружие.

Фурманов оказался главным переговорщиком с мятежниками. Потом писал: «Вооруженная толпа ревмя ревела, словно стадо голодных зверей». Но это была его собственная и удачная идея втянуть их в переговоры, предлагать компромиссы, идти на уступки — все, чтобы выиграть время до подхода надежных частей. Фурманов даже удивлен, что мятежники так легко пошли у него на

поводу. Но мужики действительно не продемонстрировали решительности, вооруженных крестьян не могли сбить в воинские части, наступательных действий не начали, вождей в наличии не было, сидели в крепости в обороне, вопреки ожиданиям Фурманова никого не убивали. Разве что самого Фурманова арестовали и тут же выпустили. Мятежники даже не перерезали ему телефонную и телеграфную связь, и он мог свободно общаться с Реввоенсоветом фронта. Фурманов скажет потом: «В общем, восставшие дали маху». Они и правда были новичками, дилетантами, в отличие от большевиков-профессионалов по части захвата и удержания власти, абсолютно не боявшихся проливать кровь.

В финале уже перед самым приходом большевистских военных частей восставшие выпустили последнее воззвание. Цитирую: «Советская власть должна быть выборною, а не назначаемую. Только потому она и Советская власть, что выбирается народом и ответственна перед ним. А власть назначаемая — есть не Советская, а диктаторская. И вот это-то назначение власти и привело к такому печальному концу. Мы живем в Советской России, а у власти стоит кто?»

28 ИЮНЯ

28 июня 1920 года литературный критик и уже известный детский писатель Корней Иванович Чуковский записал в дневнике: «Придумал сюжет продолжения своего «Крокодила».

«Крокодил» — замечательная шутилка для детей, написанная Чуковским в 1916 году и принесшая ему широкую известность. Чуковский сам о себе в связи с этим сказал: «Я написал двенадцать книг, и никто не обратил на них никого внимания. Но стоило мне написать шутя «Крокодила», и я сделался знаменитым писателем. Боюсь, что «Крокодила» знает наизусть вся Россия. Боюсь, что на моем памятнике, когда я умру, будет начертано: «Автор Крокодила».

Напоминю, кто подзабыл: «Жил да был / Крокодил. / Он по улицам ходил, / Папиросы курил. / По-турецки говорил, / — Крокодил, Крокодил Крокодилович!».

Итак, мы имеем некоего иностранца, говорящего не по-русски, который разгуливает себе по улицам. Он не похож на местных жите-

лей, выделяется. Чужих не любят. «... народ / И поет и орет: / — Вот урод так урод! / Что за нос, что за рот!»

За крокодилом бегут и гимназисты, и трубочисты, малыш показал ему шиш, барбос укусил его в нос. Крокодил обалдел и проглотил барбоса, «проглотил его вместе с ошейником». Все закричали: «Полиция! Полиция!» Тут городской прибежал: «Как ты смеешь тут ходить, / Потурецки говорить? / Крокодилам тут гулять воспрещается».

Крокодил в ответ усмехнулся и проглотил городского. Проглотил вместе с сапогами и шашкою.

Такая вот завязка у детской сказки. Совершенно новая история в детской литературе. Сказка написана в разгар Первой мировой войны, и в первой редакции Крокодил говорил по-немецки. Немецкий язык во время мировой войны был практически запрещен в России, даже висели в Петрограде объявления: «По-немецки говорить воспрещается». Так что говорящий по-немецки — точно чужой, подозрительный. Это просто висело в воздухе и слетело в текст Чуковского. А сочинил он первую часть сказки в прямом смысле слова на ходу. Чуковский ехал в поезде с маленьким сыном, у которого был жар, и, чтобы отвлечь и развлечь ребенка, он начал на ходу вслух сочинять, быстро подыскивать рифмы и играть словами. Он, очевидно, в этот момент был далек от идеи сочинить памфлет на тему войны России и Германии. Эти трактовки появились потом. А у самого Чуковского Крокодил позже и навсегда заговорил по-турецки. Что усугубило экзотичность образа, сделав его более ориентальным.

Но само появление такого персонажа, как Крокодил, — не диковинка. В массовой культуре в это время популярна песенка: «По улицам ходила большая крокодила. / Она, она — зеленая была. / Во рту она держала / Кусочек одеяла...»

Кроме того, у Достоевского была своя сказка под названием «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже». И там Крокодил глотал чиновника. И литературовед Чуковский это отлично знал.

Так вот, у Чуковского, когда Крокодил проглотил представителя власти, городского, и население Петрограда впало в растерянность, на сцене появляется герой, «доблестный Ваня Васильчиков», мальчик, маленький мальчик. Это же детская сказка. Хотя позже, уже между Февралем и Октябрем 1917 года, появилась очередная трактовка. Крокодил — большевик-эмигрант, вернувшийся в Россию.

А доблестный Ваня с княжеской фамилией Васильчиков — это символ лучших вековых сил России, и он расправляется с новым врагом Отечества. Так или иначе, Ваня Васильчиков готов был снести голову Крокодилу своей игрушечной саблей, но Крокодил выплюнул всех, кого проглотил, живых и невредимых.

Некоторые литературные критики после Февральской революции усматривали в Ване Васильчикове Александра Федоровича Керенского.

Дальше у Чуковского Крокодил на аэроплане улетает к себе домой. Там происходит трогательная восхитительная сцена его встречи с женой Крокодилицей, с детишками Тотойшей и Кокошей. Потом раздача подарков всем зверям. И общее веселье у елочки, привезенной из России. А дальше следует сцена неожиданного прибытия в гости к Крокодилу лично молодого царя Гиппопотам. Его внезапному появлению предшествует страшная паника среди зверей. Точно такая же, как по описанию княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой, сделалась среди ее гостей в ее крымском доме в момент сообщения о приезде царя Николая II.

«Ах, какое поднялось рычанье, / Верещанье, и бляенье, и мычанье! / Шутка ли, ведь сам Гиппопотам / Жаловать сюда изволит к нам! / А жираф, / Хоть и граф, / Взгромоздился на шкаф, / И оттуда / На верблюда / Вся посыпалась посуда».

И тут Крокодил начинает с горечью и печалью рассказывать о том, что видел он в чужом краю. Этот монолог Крокодила о Питерском зоосаде, где томятся звери, — чистая пародия на «Мцыри» Лермонтова, остроумная и неожиданная. «Ты слушать исповедь мою / Сюда пришел, благодарю. / Все лучше перед кем-нибудь / Словами облегчить мне грудь». Это Лермонтов.

«Я столько горя видел там, / Что даже ты, Гиппопотам, / И то завыл бы, как щенок, / Когда б его увидеть мог». А это Чуковский, который и не скрывал своей пародии.

Дальше звери поднимаются на освобождение сородичей, идут на Петроград. Некоторые критики в сентябре 1917 года воспринимали этот эпизод из «Крокодила» как предчувствие корниловского мятежа.

Звери в городе берут заложницу. «Дикая Горилла / Лялю утащила / И по тротуару / Побежала вскачь. / На трубу вспорхнула, / Сажу зачерпнула, / Вымазала Лялю, / Села на карниз. / Села, задремала, / Лялю покачала / И с ужасным криком / Кинулася вниз».

И тут опять на сцене появляется Ваня Васильчиков. На этот раз с пистолетиком. Звери пугаются. Начинаются переговоры. Лялечка — в обмен на свободу зверей из Зоосада. «Если любимые наши ребята / К нам возвратятся в родную семью, / Если из плена вернуться тигрята, / Лвяята с лисятами и медвежата — / Мы отдадим тебе Лялю твою».

И дальше наступает совершенно детский хеппи-энд. Зверей выпустили из клеток, Лялю вернули, люди и звери вместе счастливо живут в Петрограде.

И вот через два с половиной года большевистской власти, 28 июня 1920 года, Чуковский пишет в дневнике: «Придумал сюжет продолжения своего «Крокодила». Такой: звери захватили город и зажили в нем на одних правах с людьми. Но люди решили свергнуть такую власть. И кончилось тем, что звери посадили всех людей в клетки, и теперь люди — в Зоологическом саду, а звери ходят и щекочут их тросточками. Ваня Васильчиков спасает их».

Этой записи в тот же день предшествует другая: «Вспомнил, что на кухне «Дома Искусств» получают дешевые обеды, встречаясь галантно, бывший князь Волконский и бывшая княжна Урусова. У них в разговоре французские, английские фразы, но у нее пальцы распухли от прошлой зимы, а на лице покорная тоска умирания. У князя в руках помойное ведро. Я сказал ему в шутку: «Здравствуйте, Ваше сиятельство». Он не шутя поправил: «Я не сиятельство, а светлость».

В тот же день в дневнике Чуковского продолжение: «Начал Анну Каренину и бросил. Я вдруг почувствовал, что это — уже старинный роман, ...это произведение древней культуры. Теперь ...те формы ревности, любви, измены, брака, которые изображаются Толстым, кажутся допотопными».

Продолжение «Крокодила» Чуковский не написал. Он написал «Бармалея», «Чудо-дерево», «Мойдодыра», «Муху-Цокотуху», «Доктора Айболита», «Бибигона», «Тараканище». Со всеми были проблемы. Очень не любила Чуковского вдова Ленина Крупская, хотела сделать Ваню Васильчикова комсомольцем или милиционером. Чуковский отказался. Про «Крокодила» Крупская говорила, что он «не дает полезных знаний и имеет сомнительный политический смысл. А даже если явного политического смысла не имеет, то наверняка имеет скрытый, а если и его нет, то еще хуже — значит, просто набор бессмыслицы, а советские люди должны с детства не болтать чепуху и не читать всякий вздор».

2 ИЮЛЯ

2 июля 1920 года издан Приказ войскам Западного фронта за номером 1423.

«Красные солдаты! Пробил час расплаты. Наши войска по всему фронту переходят в наступление. Сотни тысяч бойцов изготовились к страшному для врагов удару. Великий поединок решит судьбу войны русского народа с польскими насильниками».

Это первый абзац приказа о начале советского наступления в ходе войны с Польшей. «Перед наступлением наполните сердце свое гневом и беспощадностью... Мстите за все издевательства польской шляхты над революционным русским народом и нашей страной». Вот такой патриотический текст, отсылающий к историческим чувствам, лишенный всякой классовой окраски, что нехарактерно для большевиков. Ленин легко отдавал территории по Брестскому миру и вообще, как революционер мирового масштаба, не исповедовал патриотизм. А значит, есть задача, которая требует такой мобилизации, что все средства идут в ход. Даже апелляция к чувствам русского народа, которые никогда Ленина не интересовали.

В Советско-польской войне обе стороны имели крайне амбициозные цели. Польша, восстановившая независимость в ноябре 1918 года, не скрывала намерений вернуть территории, забранные у нее Российской империей в ходе трех разделов в конце XVIII века. Поляки никогда не мирились с утратой независимости в результате этих разделов между Россией, Пруссией и Австрией. И в начале XIX века, и в середине произошли серьезные национально-освободительные восстания. Вторая половина XIX века и начало XX отмечены активным участием поляков в российских террористических группах и революционных партиях. Польша получила независимость в ноябре 1918 года. Гражданская война в России, неочевидность победителя в ней, сосредоточенность большевиков на фронтах с Колчаком на Востоке и с Деникиным на Юге давали Польше реальную возможность компенсировать долгое национальное унижение, вернуть отторгнутые Россией земли и, вероятно, расширить и закрепить свое влияние на Украину и Белоруссию, не отдав их большевикам. Польша и польская армия, возглавляемые Юзефом Пилсудским, добились на этом направлении значительных успехов.

В начале мая 1920 года поляки вошли в Киев, договорились о взаимодействии с Петлюрой, успешно действовали в Галиции, на Волыни и в Полесье. У них Минск и Вильно.

Но в середине июня красные взяли Киев и намеревались продолжать наступление.

Строго говоря, до весны 1920 года большевистской власти было не до Польши. Но, после того как фронтовые операции по стране были выиграны красными, а белые были локализованы в Крыму, война с Польшей, вероятная победа в ней, продвижение на запад, вновь оживили мечту о мировой революции, которая на время была отодвинута Гражданской войной в России. Оказалось, что Польша со своими амбициями даже на руку большевикам, чьи амбиции были несопоставимо больше.

Финальная часть Приказа от 2 июля 1920 года говорит о них прямо: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад! К решительным битвам, к громозвучным победам! Стройтесь в боевые колонны! Пробил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву — марш!» То есть Варшава — промежуточный пункт на пути к покорению мира, к мировому пожару, к всеобщему счастью на штыках. Первый приказ о начале новой эры советского империализма. Еще раз его номер — 1423. И подписан он бывшим царским офицером, а ныне командующим армиями Западного фронтом Михаилом Тухачевским.

В советском политическом руководстве по вопросу «идти на Варшаву или нет» единства не было. Против похода на Варшаву был Сталин. Нет, у него не было сомнений, что в Польшу следует идти. Просто он считал, что летом 1920 года — еще не время. Сталин написал Ленину, что Польшу целесообразно присоединять не просто к Российской Федерации, а к более широкой конфедерации советских государств, когда она возникнет. Сталин полагал, что так будет меньше проблем с национальными чувствами поляков, меньше усилий потребуется на их подавление. Тогда же Сталин однозначно высказался в целом о судьбе бывших окраин Российской империи: «Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и так далее есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позво-

ления сказать, государств от той или иной группы империалистов». То есть Сталин великодержавно, в принципе, отказывает этим государствам в самостоятельности. А раз так, по этой логике, целесообразно будет со временем вывести их из зависимости от разных групп империалистов и поставить их под свой контроль. Дальнейшая история показывает, что это было не проходное заявление Сталина. Это позиция, которую он реализует.

Кроме того, в ситуации с походом на Варшаву у Сталина были личные соображения. На Варшаву нацелился Тухачевский, командующий Западным фронтом. А Сталин был членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, который имел целью Львов. То есть в случае успеха взятие Варшавы сделало бы героем Тухачевского. Они уже пересекались друг с другом. Сначала под Царицыным, который взял Тухачевский, а не Сталин с Ворошиловым. Потом на Кавказском фронте с командующим фронтом Тухачевским соперничал командарм Первой Конной.

Буденный, за которым стоял Сталин. Но поход на Варшаву летом 1920 года — это уже не Гражданская война внутри страны. Это заграничный поход, это перенос войны на чужую территорию, первый в истории Советского государства. И в таком деле очень важно, кто будет главным героем. Но публично Сталин заявлял, что он осуждает тех, кто не довольствуется «обороной нашей Республики от вражеского нападения», и вообще он, Сталин, предлагает укрепить фронт против Врангеля.

За поход в Польшу и дальше на запад выступал Ленин. И это совершенно соответствовало его революционному романтизму, который, как оказалось, легко уживался с его же жестокой прагматичностью в деле удержания власти в России. Ленин рассчитывал на активность пролетариата Германии, а до прихода Красной армии в Германию — на поддержку польских рабочих и крестьян. Троцкий первоначально высказывал опасения по поводу войны с Польшей, так как пребывал в уверенности, что действия Польши лишены какой-либо самостоятельности, что на самом деле придется воевать с европейскими государствами, а это крайне рискованно для большевиков. Это представление было ошибочным, но в целом позитивным, так как препятствовало расширению войны. Однако успешный ход событий на фронте обрел собственную логику, вдохновил, и Троцкий сосредоточился на том, чтобы обеспечить военным дей-

ствиям красных максимальный успех. Так же как в Гражданскую войну, Троцкий предпринял в целях инспекции поездки на Западный фронт. Был на линии фронта на Верхнем Днепре, затем в Гомеле произнес устрашающую речь об угрозе шпионажа и о том, что поляки не берут пленных, а расстреливают всех, и раненых и беспартийных. Потом выступал в Нежине, затем в Могилеве.

Таким образом, Троцкий встал на сторону Ленина, Ленин мастерски продал свою позицию на Политбюро, как он умел это делать, — и движению Тухачевского на Варшаву был дан зеленый свет. Ленин шутил: «Мы должны штыками пощупать, не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше». На фоне побед в России он был практически уверен в успехе в Польше, надо только немножко подтолкнуть ситуацию. Поэтому, убеждая несогласных в партийном руководстве, Ленин и говорил: «Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши».

Но поляки были другого мнения. В Польше начался мощный национальный подъем против российского вторжения. Большевистские идеи никого не интересовали, это была российская агрессия. 3 июля 1920 года, на следующий день после приказа Тухачевского со словами «На Варшаву!», Совет обороны Польши выступил с воззванием: «Отечество в опасности!.. Все для победы! К оружию!» В добровольцы записывались тысячами. И рабочие, и крестьяне, и бедняки, на которых надеялся Ленин, встали на защиту независимости страны. Польская армия и ее тыл были едины. Общим чувством был патриотизм.

9 ИЮЛЯ

9 июля 1920 года в Поволжье, в Самарской губернии, в 25 верстах от города Бузулук, командующий 9-й красной кавалерийской дивизией Александр Сапожков на совещании комсостава выдвинул платформу будущего восстания.

Первое. Долой комиссаров и старых царских спецов. Второе. Освободить из тюрем политзаключенных — членов необольшевистской партии за исключением контрреволюционеров и мелких преступников. Третье. Реорганизовать советы, в выборах которых имеют право участвовать имевшие к 1914 году капитал не более десяти

тысяч рублей. Кроме того, прекратить большевистскую продрозверстку, то есть силовой отъем хлеба и продуктов у крестьян, и восстановить свободную торговлю.

Сапожков в Самарской губернии — человек известный. О нем говорили, что он «был главным руководителем октябрьского переворота» в своем родном уезде, стал первым председателем уездного совета, членом Самарского губревкома. Изначально был левым эсером, потом называл себе коммунистом, но в партию не записывался. Сапожков — человек опыта, стиля и класса Чапаева. Так же как Чапаев, Сапожков сколотил в уезде красногвардейский отряд из крестьян и вернувшихся фронтовиков. К нему охотно шли в 1918 году, потому что в уезд явились уральские казаки, и с местными крестьянами началось вооруженное выяснение, кому, когда и какая земля принадлежала. К лету 1918 года отряды Сапожкова и Чапаева вошли в состав 4-й армии Восточного фронта.

В начале 1919 года Сапожков возглавил 22-ю стрелковую дивизию 4-й армии. Дивизия попала в окружение, но 80 дней держала оборону. Осаду наконец сняли части под командованием Чапаева. Но героическая оборона прославила и самого Сапожкова, и его дивизию. Прошло награждение и Революционными знаменами, и орденами Красного знамени.

Потом Сапожков во главе дивизии был на Южном фронте, но оттуда, как свидетельствуют документы, «за разлагающую политику... был убран с фронта и послан в тыл для формирования частей из собранных дезертиров».

Приехал с фронта в родной уезд и, памятуя свою власть, с ходу попытался восстановить нормальную свободную торговлю, запрещенную большевиками. Не получилось, но с рук сошло. Поручили в соседнем уезде сформировать 9-ю кавалерийскую дивизию для отправки на Юго-Западный фронт. Половину дивизии составили бывшие чапаевские бойцы. На командные посты Сапожков поставил своих соратников. Дисциплиной дивизия не отличалась, но это общее явление: условия жизни ужасные, кормят отвратительно, вши, тиф, карточная игра, пьянка, драки. Но поступила информация, что бойцы не стойки политически и замечены даже «в оскорблении портретов Ленина». В конце июня 1920 года Сапожкова вызвали в штаб Заволжского военного округа и сделали предупреждение по поводу антисоветской агитации во вверенных ему частях. А через два дня

был издан приказ о его отстранении от должности. Но Сапожкова об этом в известность не поставили.

Сохранились впечатления о том, в каком состоянии пребывал Сапожков, узнав о приказе: «Вид у него был похоронный. Прислонясь к забору, он нервно говорил, что все силы и здоровье отдал Советской власти. При этом вынул из кармана старую радиотелеграмму от товарища Ленина, полученную во время осады, в которой Ленин телеграфировал ему, Сапожкову, что республика его за боевую доблесть не забудет. А теперь, говорил Сапожков, меня смещают. Сапожков уже плакал».

Вот после этого на следующий день, 9 июля, заявив о «полном гонении против старых работников дивизии», Сапожков и предложил «выразить протест вооруженной силой». То есть повод можно считать случайным, но причины недовольства не случайны. Крестьянину и красному командиру Сапожкову, так же как и огромной массе людей, стало ясно, что большевики их обманули и что сами люди обманулись. Сапожков выступил на митинге и сказал, что в стране «введено неправильное государственное правление, которое вконец подорвало силу русского народа и пролетариата».

9-ю кавалерийскую дивизию решено было переименовать в 1-ю Красную армию «Правды». Восстание Сапожкова охватит территорию от Царицына до Уфы и Оренбурга. Первым делом взяли Бузулук. Город сдался за один час. На красных знаменах конницы Сапожкова были начертаны лозунги против подрыва Советских работников, кто не поддержал восстание, арестовали, но не расстреливали и не били.

Есть записи разговоров Сапожкова с арестованными. Это не были допросы, напротив, Сапожков излагал свою позицию по разным поводам.

Говорил, что, будучи на фронте, получал письма из тыла и все они были полны жалобами на насилие, безобразие, лишение хлеба, имущества и жизни, которые производились коммунистами от имени народа. Говорил, что партия коммунистов забрала власть в стране и стала проводить диктатуру одной партии. Что центральная власть населению ничего не дает, а только берет и разоряет. И ведет теперь уже войну на чужих территориях. То есть у Сапожкова были и свои взгляды на большевистскую внешнюю политику. Он был противником советского похода в Польшу, говорил, что внешняя политика становится захватнической.

Крайне отрицательно высказывался об устройстве Красной армии. Категорически не понимал, зачем Красной армии царские офицеры, ненавидел их, подозревал, считал дармоедами и трусами. В принципе ненавидел всех штабных, не видел в них никакой необходимости. С таким же точно презрением ко всем спецам относился Чапаев. Эта неуправляемость, стихийность, самонадеянность, самостоятельность — вообще характерна для людей из партизанских отрядов, возникших на заре Гражданской войны. В 1920 году такое поведение уже считается почти оппозиционным. И сам Сапожков говорил, что «если бы Чапаев не был убит, его бы конечно расстреляли».

То есть в целом Сапожков считал, что идеалы революции преданы, а крестьян загоняют в могилу. И то ли по этой причине, то ли просто по привычке пил. В начале восстания после захвата Бузулука Сапожков еще намеревался переговорить с командующим Заволжским округом Авксентьевским об условиях перемирия, обсудить требования восставших. Сапожков позвонил командующему округом по телефону, тот не подошел к аппарату, и Сапожков запил. Вполне вероятно, что командующий округом Авксентьевский в момент телефонного звонка тоже был пьян. Потому что нещадно пили все. Позже, в конце 1920 года, в докладе по расследованию деятельности округа будет написано: «Все вместе представляет чудовищный конгломерат из грязи, крови, водки, самоуправства, спекуляций, обмана. Все веселятся, устраивают оргии, и все это на глазах всего населения». В разгар восстания ответственный работник Петухов из Самары сообщал в ЦК партии: «Командование Заволжским округом во главе с Авксентьевским и другими... является даже на службу в часть в невменяемом состоянии от опьянения». Так что Авксентьевский вполне вероятно не в силах был подойти к телефонному аппарату. А потом Сапожков отбросил мысль о переговорах и выступил с лозунгом: «Долой диктатуру коммунистической партии, да здравствует свободная торговля!» По сути, это лозунг за свободу крестьян, потому что свобода торговли — это право самостоятельно, свободно распоряжаться плодами своего труда. Без указаний сверху от какой-либо партии.

И дело вообще-то не в конкретном Сапожкове. Он один вряд ли мог вызвать крайнюю озабоченность Ленина и Троцкого. А они оба ее не скрывали. Ленин в телеграммах требовал: «Обязать все ревкомы в зоне действия Сапожкова оставаться на местах до последней

возможности. Пресекать в корне всякое проявление сочувствия местного населения. Использовать всю полноту революционной власти, брать заложников, особенно родственников Сапожкова и других лидеров мятежа. В районе восстания распространять листовки против мятежников с самолетов».

То есть большевистские лидеры отнеслись к подавлению восстания Сапожкова как к фронтовой операции. И в этом они правы. Потому что Сапожков — один из многих. Крестьянское сопротивление большевикам с весны 1920 года идет в Вятской, Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Смоленской, Тульской, Пермской, Уфимской, Екатеринбургской, Тверской, Томской, Тобольской, Иркутской, Казанской, Астраханской, Нижегородской, Новгородской губерниях. Тут уже нет линии фронта.

19 ИЮЛЯ

19 июля 1920 года Ленин подписал Декрет об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности. До этого в конце 1919 года уже был просто Декрет о ликвидации неграмотности. Но теперь этот процесс решено было форсировать, а значит, в революционной стилистике ему надо было придать чрезвычайный характер. Дело было действительно нужное, хорошее и сложное. Речь шла о ликвидации безграмотности у взрослых и подростков, которые никогда не посещали школу. То есть о людях от 8 до 50 лет. Таковых было порядка 65 процентов населения, основная масса — в деревнях. Под безграмотностью подразумевалась азбучная неграмотность — это когда человек не умеет ни читать, ни писать, ни считать. Таких, как указывалось, надо было научить читать «ясный печатный и письменный шрифт, делать краткие записи, необходимые в обыденной жизни и служебных целях», а также «записывать числа и проценты». С этой целью создавались ликпункты — пункты ликвидации неграмотности. Учили там 3–4 месяца. Окончивший ликпункт назывался уже не безграмотным, а малограмотным. Учиться было негде — либо по домам, либо по бывшим церквям. Писали, за отсутствием бумаги, на полях старых газет, неисписанной бумаге, на досках, вме-

сто карандашей — уголь, вместо чернил — свекла, клюква, сажа. Читали по газетным заголовкам. Табуретки и скамьи приносили с собой. Учиться не хотели, хотя обучающимся сокращали рабочий день на два часа, с сохранением зарплаты и пайка. Отказ от учебы был связан не с возрастным консерватизмом мужиков и баб, которые могли стесняться сидеть рядом с детьми и по слогам складывать буквы. Люди просто не хотели тратить время на учебу, когда везде голод, холод и разруха Гражданской войны.

В деревне эта неожиданная учеба просто отвлекает от текущих хозяйственных дел. Об этом крестьяне пишут в газеты. Вот фрагмент одного из писем: «...крестьянину которы остался на колосе все трудней и трудней становится с тем как убывает физических работников и прибывает умственных. Конечно просвещение не мешает и при крестьянстве, но только сколько не старает ее советская власть образовать советскую росию она такая же грязная не ученая только страдание ее умножилось».

Очень часто приобретенные навыки письма, чтения и счета быстро утрачиваются, не находя применения в деревенской жизни. Честно говорят: ну, еще деловые бумаги, письма писать — понятно, а читать-то просто книжки — это же от нечего делать, для развлечения. Так лучше уж повеселиться, попеть. А вместо школы можно и сверхурочный заработок найти, жизнь тяжелая. Часто в школу не идут просто потому, что нет лишней обуви и одежды, одна промокла — и все, сиди дома.

В отличие от населения у большевистской власти в деле ликвидации неграмотности имеется мощный стимул. Конечно, поставленная на будущее задача индустриализации требовала грамотных работников. Конечно, многие из большевиков, еще не забывшие народнические идеалы и еще не дошедшие до полного цинизма, мечтали воспитать полноценную думающую свободную личность. Но не это было главным.

Удержание власти находится в прямой зависимости от успехов идеологической работы. Телевидения и радио нет. Идеологическая работа опирается на печатное слово. А значит, массовая неграмотность — препятствие на пути укрепления большевистской власти и оно должно быть уничтожено.

Ленин разъяснял: «Безграмотный человек стоит вне политики, следовательно, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть

политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». А человек нужен Ленину именно для политики, для его, ленинской, политики. Соответственно, кампания по борьбе с безграмотностью должна объединять в себе обучение и политическое воспитание. Предполагается, что на выходе через 3–4 месяца люди не только умеют читать печатный и письменный шрифт, делать краткие записи и записывать цифры, но и ориентироваться в современной общественно-политической жизни на уровне усвоенных лозунгов. Это ровно то, что умел делать Шариков в булгаковском «Собачем сердце».

Для такого обучения нужны новые буквари, с помощью которых люди разных возрастов учились бы читать по политическим лозунгам. До революции тоже были буквари для взрослых и для маленьких. Они тоже не были свободны от идеологии, в них упоминались Бог, царь и обязанности по отношению к ним. Там были пословицы, нравоучения. Но в букварях присутствовали папаши, мамы, милые няни. Встречались новомодные слова «диэта», «гигиэна». И страшные слова — «чахотка», «чахнуть». В букварях для взрослых встречалось: «Маша дала мужу рому», или: «Не реви, Лена, чего ты!», или: «У нашего соседа воры увели коня», «Мы пили вино и пиво».

Теперь в букваре — совершенно другой ритм.

Ты рос бос, работал на бар.

Бары не босы. Ты вырос, ты — бос, бары — босы.

Но ты рад советам, а бары не рады.

Иногда собирается самая разнообразная информация, как в букваре, изданном Киргизской центральной чрезвычайной комиссией по ликвидации безграмотности: «Караул. Кулак. Аллах. Саксаул. Она сосала сок. Муха сосала сахар. Сахару мало. У Маркса ум. Комар кусал руку. Амур — река. У села рос саксаул. Мама мела сор. Маркс умер».

Текст бессмысленный, но завораживающий, даже красивый. А есть более простые и целенаправленные: «Советская власть примирила рабочего с заводом. Завод был для него тюрьмой. Завод был противный, теперь стал завод родной».

С начала XX века и до Октябрьского переворота 1917 года у всех российских политических партий и у российского государства были программы ликвидации безграмотности. Государство финансировало начальное образование все первые 16 лет XX века, включая годы

Первой мировой войны. Вплоть до 1917 года увеличивается число начальных школ, радиус их доступности должен быть не более трех верст. Есть расклад по уездам на 1914 год — где и как вводится всеобщее обучение. Всего в России 441 уездное земство. Так вот в 1914 году в 15 уездах было всеобщее обучение, близки к этому 31. Из остальных в 62% уездах оставалось менее 5 лет до всеобщего обучения, в 30% — до 10 лет и в 8% — более 10 лет.

Предполагалось, что всеобщее начальное образование будет достигнуто на территории Европейской России между 1919 и 1925 годами. Этот процесс был прерван и сведен на нет Гражданской войной и голодом. Пока большевики посредством Гражданской войны устанавливали свою власть по всей стране, безграмотность росла. Не только во взрослой среде, но и в детской. В том числе вследствие появления беспризорников. Это дети, лишившиеся родителей в результате революции, войны, сопутствующих ей болезней и общего хаоса. Беспризорников в 1921 году около 4,5 миллиона.

Численность учащихся, достигнутая в России к 1917 году, будет восстановлена только к 1930 году. В 1930 году будет принято постановление о всеобщем обязательном обучении. Предполагалось добиться этого к 1934 году. Не удалось. Вследствие голода пошла новая волна в 2,5 миллиона беспризорных детей. К тому же не хватало учителей. Старая традиционная учительская интеллигенция очень сильно пострадала в Гражданскую войну и после нее, считалась непригодной, обвинялась в контрреволюционности, репрессировалась.

К началу войны, к 1941 году, проблему безграмотности полностью решить не удалось. Не удалось и к Всесоюзной переписи населения в 1959 году. 31 июля 1962 года, то есть при Хрущеве, на закрытом заседании Секретариата ЦК КПСС было принято постановление «О завершении ликвидации неграмотности». И вот тогда это действительно стало завершением.

23 ИЮЛЯ

23 июля 1920 года состоялось заседание Политбюро большевистской партии, на котором был утвержден состав Временного революционного комитета Польши, попросту говоря, польского просоветского

правительства. В него вошли известные большевики — этнические поляки из советской партийной элиты, участвовавшие в Октябрьском перевороте и в Гражданской войне в России.

Наступление Красной армии на Варшаву вопреки ожиданиям Ленина вызвало сильнейшее сопротивление среди поляков, мощный подъем национальных патриотических чувств и естественное нежелание сотрудничать с агрессорами. То есть для задуманной в Москве советизации Польши поляки не годились. Коммунистическая партия Польши была малочисленна и не имела влияния, а значит, от нее проку не было. Оставалось завезти готовое правительство из России, которое, опираясь на Красную армию, занялось бы мировой революцией на польской территории. А состоять это правительство должно из московских поляков, надежных, опытных большевиков первого ряда. Возглавить их Ленин поручил Дзержинскому. Перед отправкой в Польшу он провел два месяца на Украине, что свидетельствует о серьезности ситуации в регионе Советско-польских боевых действий. Не кто иной, как глава ВЧК Дзержинский, был командирован для организации отлова польских шпионов и диверсантов. Тех, кто внедрялся в ряды Красной армии под видом добровольно сдавшихся в плен, и тех, кто действовал в рамках еще довоенной резидентуры.

Позже Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта. Работал в своей манере, то есть круглосуточно. Он был фанатиком по психологическому складу. Всех, кто не работал так же, как он сам, за людей не считал. Писал Ленину в июне 1920 года: «Местные коммунисты какие-то недоноски, живут мелкими интересами». Дзержинский хотел лично контролировать все: войска охраны тыла с конницей и самолетами, гарнизоны, движение военных эшелонов и продовольствия, телеграфные и телефонные линии, отлов шпионов, диверсантов, спекулянтов. Он был постоянно на нервах, крайне раздражителен, худ, бледен. Ленин требовал, чтобы Дзержинский лечился, было принято соответствующее постановление ЦК. А потом Ленин отозвал Дзержинского в Москву и 23 июля ввел его в состав правительства, направляющегося для установления советской власти в Польше. В тот же день Дзержинский с другими большевиками-поляками выехали поездом в Минск, далее в Вильно, Гродно и Белосток, где и было официально провозглашено создание Временного революционного комитета Польши, или Польревкома.

Формальным председателем Польревкома стал Юлиан Мархлевский, человек немолодой, участник еще революции 1905 года. Но тут играло роль то обстоятельство, что Мархлевский был другом детства Юзефа Пилсудского, главы Польши, командующего польской армией, сражающейся против красных. Вероятно, в конфигурации Мархлевский—Пилсудский Москва видела нечто знаковое и эффектное. Еще более вероятно — Москва не хотела с ходу вводить главу ВЧК Дзержинского на главную роль. Хотя Ленин не скрывал, что считал Дзержинского главным.

В июле-августе 1920 года именно в его руках основные рычаги. Он — казначей, у него миллиардная сумма, выданная советским правительством на организацию власти советов в Польше. У него собственная линия связи с Лениным. Он политкомиссар Военного совета Западного фронта. Именно он, Дзержинский, должен был стать главой новой Польши.

Но этого не случилось из-за вечного российского проклятия, из-за нефти. Большевистской власти нужно было топливо. Под контролем уже были нефтяные промыслы Северного Кавказа. Уже была захвачена бакинская нефть. Установление советской власти в Азербайджане было большевистским способом заполучить нефть. Но с переносом боевых действий Красной армии в Европу с точки зрения логистики наиболее удобными становились нефтепромыслы в Восточной Галиции. Перед Первой мировой войной добыча нефти достигла здесь 5% мирового производства. Это был основной район нефтедобычи в Европе.

До мировой войны это была территория Австро-Венгрии. После ее распада территориальный статус Восточной Галиции менялся, она была то польской, то ничьей. Ленин нацелился на Галицию еще в феврале 1920 года. Чтобы получить нефть, надо было советизировать эти земли. Ответственным за Восточную Галицию был назначен Сталин. 14 февраля 1920 года Ленин писал ему: «Сообщите точнее, какие меры предлагаете для создания галицкого ударного кулака». Ленин в письме Сталину уточняет: «Дипломатия наша должна не шуметь, а молчать о Галиции». Советская дипломатия в лице наркома иностранных дел Чичерина действительно была крайне обеспокоена активностью Ленина и Сталина в отношении Восточной Галиции. Чичерин прямо говорил, что это явное политическое наступление на Польшу, покушение на ее нефтяные области,

а значит, это чревато войной. Война с Польшей Ленина весной 1920 года уже не смущает, основные белые силы внутри России разбиты. Поэтому Ленин рекомендует Сталину вступить в отношения с восточными галичанами и предложить им независимость.

Правда, с этим вопросом возникла пауза, потому что Польша начала войну и ей сопутствовал военный успех. Но Красной армии удалось переломить ситуацию и начать поход на Варшаву и на Львов, продолжением которого должно было стать победоносное движение в Германию. Вот тогда, в конце июля, Восточная Галиция с нефтью вновь встала в повестку дня. В Москву приехали галицийские коммунисты, заявили, что они готовы к советизации и с распростертыми объятиями примут Красную армию.

И тут в довершение головокружения от успехов еще и Британия заявляет, что желает положить конец изоляции России от западного мира и возобновить торговые отношения. К тому же в середине июля британцы предложили себя в качестве посредников на переговорах между Польшей и Россией. Все это было изложено в ноте министра иностранных дел лорда Керзона. Главным условием проведения мирной конференции было перемирие с Польшей. Шел разговор и о Восточной Галиции. В ноте говорилось, что польская и советская стороны останутся на линии, которую займут ко дню подписания перемирия. От такого соблазна удержаться было невозможно, до галицийской нефти оставалось всего ничего.

В Москве решили: согласимся вроде как на перемирие, но выставим условия. А пока Чичерин с Керзоном будут торговаться по поводу этих условий, Красная армия пойдет вперед, займет Львов, выйдет к нефтепромыслам, и революция в Европе будет обеспечена топливом.

23 июля, когда Дзержинский с ленинского благословения уезжал, чтобы возглавить Польшу, Ленин в эйфорическом состоянии телеграфировал Сталину: «Следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию. Сообщите ваше подробное заключение».

В результате от конференции с англичанами отказались, поляков позвали на переговоры в Минск и двинули войска по двум направлениям — на Варшаву и на Львов. 13 августа войска Западного фронта Тухачевского подошли к Варшаве. Дзержинский с членами будущего польского правительства находился от Варшавы в 40 ки-

лометрах. Это минимальное расстояние, на которое Дзержинский приблизился к тому, чтобы стать главою Польши. Поляки начали сокрушительное контрнаступление, которое Тухачевский на своем Западном фронте остановить не смог. А необходимой поддержки ему не было, потому что красные части на соседнем Юго-Западном фронте в Восточной Галиции продолжали биться за нефть.

Дзержинский с членами правительства, привезенными из Москвы, выступал в Польше под лозунгом: «За вашу и нашу свободу!» Этот лозунг появился в Польше в 1830 году во время польского национально-го восстания с требованием независимости от имперской России. Лозунг подразумевал, что страна, притесняющая других, не свободна сама. «За нашу и вашу свободу!» — стало неофициальным польским девизом. Дзержинский хотел проэксплуатировать его, но безуспешно. А через 48 лет, в августе 1968-го, в Москве на Красную площадь как раз под лозунгом «За вашу и нашу свободу!» выйдут восемь человек с протестом против ввода советских войск в Чехословакию.

30 ИЮЛЯ

30 июля 1920 года Совет народных комиссаров принял Постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». В постановлении говорилось: «В принципе утвердить предложения Наркомюста по этому вопросу, поручив Наркомюсту прибавить к ним историю и результаты 58 произведенных вскрытий мощей». То есть в бюрократической структуре советской власти чтимыми останками святых Русской православной церкви занимается Народный комиссариат юстиции. А точнее VIII отдел, который очень быстро получил негласное название «ликвидационный». Название совершенно оправданное, потому что первая же инструкция VIII отдела, имевшая силу закона, предусматривала широкие конфискационные меры в отношении церкви. Сначала в пользу местных Советов забирали имущество. Вскоре инструкция VIII отдела послужила основанием для отъема церковных зданий и использования их в качестве клубов, домов культуры, а также складов зерна, картофеля и прочих хозяйственных нужд. По той же инструкции ликвидировались монастыри, с 1918 по 1920 год ликвидировано несколько сотен монастырей.

Часто перед окончательным закрытием монастырские корпуса занимали воинские части. Солдаты растаскивали съестные припасы, пили, бесчинствовали. В Спасо-Преображенском монастыре в Старой Руссе один из солдат бросил большую стеклянную бутылку в икону Божьей матери и разбил икону вдребезги. В Чудовом монастыре в Кремле размещался кооператив «Коммунист», коммерческая организация, отвечающая за снабжение большевистской верхушки качественной едой.

В феврале 1919 года Наркомат юстиции издал первое постановление об организованном вскрытии мощей. Руководитель VIII отдела Наркомюста Красиков был воинствующим атеистом. Он был фанатиком, глубоко убежденным в том, что отмирание религии в советском обществе будет быстрым, а главным методом борьбы с религией и духовенством должно быть насилие. Идея вскрытия мощей захватила Красикова. Именно он увлек этой идеей Ленина. После доклада Красикова Ленин написал записку наркому юстиции Курскому с предложением вскрыть мощи, хранившиеся в Чудовом монастыре Московского Кремля. В тот же день Ленину была передана письменная просьба от имени братства святителя Алексия отдать им мощи этого святого, находящиеся в Чудовом монастыре. Ленин ответил отказом: «Не разрешать вывоз, а назначить вскрытие». То есть власть, включая высший, ленинский уровень, целенаправленно шла на действие, аморальное с точки зрения подавляющего большинства граждан страны, независимо от политических взглядов. Это был вызов с конкретной целью. Если в широком смысле российское общество снесет это оскорбление, значит, оно, это общество, поддается развращению и разложению.

Первое постановление Наркомата юстиции зимой 1919 года подчеркивало, что идет навстречу почину и настойчивым требованиям трудящихся. Предписывалось, что вскрытия мощей должны были производить сами священнослужители в обязательном присутствии представителей советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. Рекомендовалось привлекать к процессу «самые широкие массы». На священнослужителей возлагалось, собственно, само вскрытие, то есть снятие с мощей церковных облачений, кощунственное раздевание, оголение, поругание. Иногда перед отправкой в музей — а мощи святых следовало отправлять в советские музеи — их выставляли в открытом виде напоказ. Так было в Свято-

Троицкой Сергиевой лавре. Мощи преподобного Сергия Радонежского, ничем не прикрытые, лежали под большим стеклом. Люди подходили с цветами и засыпали ими стекло, явно желая прикрыть ими обнаженные мощи.

Власть требовала надругательства над святыми останками, при этом нарушая табу и для верующих, и для неверующих — тревожила прах умерших. Это коснулось мощей Серафима Саровского, Нила Столбенского, Петра и Февронии, Александра Свирского, Тихона Задонского, Александра Невского, Андрея Боголюбского. Всего к июлю 1920 года 58 вскрытий.

Церковь никогда не предлагала понимать нетленность мощей в смысле сохранности тел. Почитаемы также и костные останки святых. Речь не о том, что священные реликвии — это непременно физически нетленное тело, а о том, что это — память о деяниях подвижников церкви. Но дело в том, что значительная часть российских верующих воспринимала слова о нетленности по-детски буквально, хотела фокуса. Примерно как в цирке, когда женщину в ящике распиливают пополам, а потом она выпархивает живая и невредимая, в блестящем трико. Когда большевики начали вскрывать раки с мощами, одни были глубоко возмущены и оскорблены, а другие, в большем числе, оказались разочарованы, не увидев чуда нетленного тела. То ли церковь плохо им объясняла, то ли у многих предрассудки и жажда чудес заменяли веру, но многим понравились большевистские разоблачительные сеансы. Основная масса собственными глазами ничего не видела, но читала советские газеты, где пропаганда преподносила вскрытие мощей в совершенно желтом стиле, посмеивалась, подтасовывала, врала, останки называла трухой, пылью, тряпками, куклами. Некоторые представители советской власти воспринимали происходящее негативно. Член коллегии Московского отдела народного образования Мицкевич написал Ленину: «Считаю, что ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Расстет озлобление». Ленин назвал Мицкевича паникером и приказал продолжать начатое.

В 1920 году в Москве в Музее Народного комиссариата здравоохранения была открыта «показательная выставка по социальной медицине», где были выставлены мощи святителей Иосафа Белгородского, Серафима Саровского, виленских угодников Антония,

Иоанна и Евстафия, епископа Иннокентия Красноярского. Кругом были надписи пропагандистского свойства: «Борьба с суевериями так же необходима, как борьба с заразными болезнями». Сестра Марины Ивановны Цветаевой Анастасия оставила воспоминания об этой выставке: «...под стеклом лежали мощи святого Иосафа Белгородского. Я видела образ его и сразу узнала. Высокого роста, епископ лежал обнаженный, с куском картона на чреслах, закрытые глаза — не видели, Слава Богу! А над ним, на длинной полке, в стеклянном гробике лежал маленький, с искаженным лицом, в позе самозащиты, труп фальшивомонетчика, убитого во время дележа денег. И рядом на маленькой полочке лежала засохшая мертвая крыса». Это — в целях наглядного доказательства, что нет никакой разницы в сохранности останков.

Но лавры единоличной борьбы с церковью не долго принадлежали VIII отделу Наркомюста. В конце 1919 года у него появился сильный конкурент в лице ЧК. Заместитель Дзержинского Лацис выступил в газете «Известия» со статьей, в которой впервые была изложена чекистская идея раскола церкви путем поддержки части духовенства, готового к сотрудничеству с советской властью.

В руководстве ВЧК эта позиция уже получила полное одобрение. Заведующий Секретным отделом ВЧК Самсонов, поддерживая Лациса, говорил: «Религию не сможет разрушить никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК». Дзержинский информировал Ленина о планах по расчленению РПЦ на враждующие группировки, а также о том, что только ВЧК сможет «разрушить и разложить церковь до конца».

Секретный отдел ВЧК уже предлагал действенные меры. Вербовать осведомителей из среды духовенства. Материально заинтересовать осведомителя. «Субсидии денежные и натурой будут его связывать с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет вечный раб ЧК, боящийся вскрыть свою деятельность. Главным образом надо обращать внимание на качественное состояние осведомителя, а не на количество».

При этом никто в ВЧК не отменял прямые насильственные действия, которые практиковал Наркомюст. В отношении церкви будет использовано все — и раскол, и разложение, и соблазн, и лагеря, и расстрелы. При Секретном отделе ВЧК было образовано VI церковное отделение. И оно легко оттеснило и обошло VIII отделение Наркомюста.

3 СЕНТЯБРЯ

3 сентября 1920 года командующий Туркестанским фронтом Михаил Фрунзе отдал распоряжение: «Все ценности казны старого бухарского правительства принять под строжайшую ответственную охрану, опечатать и сдавать в Самаркандский народный банк».

Речь идет о сокровищах эмира Бухарского, захваченных после взятия Бухары. Это был богатейший улов красных. Драгоценные камни: 53 крупных алмаза, 39 бриллиантов крупного размера — 138 каратов, 400 бриллиантов среднего размера — 450 каратов, 500 бриллиантов меньше среднего размера — 410 каратов, и еще много мелких бриллиантов. Многие бриллианты инкрустированы в золотые изделия. Коралловых бус — 6 килограммов, жемчужных бус — 14 килограммов.

Золото — и в украшениях и в россыпи — 10 пудов, в слитках — 12 пудов, а еще в монетах и в орденах. Серебро в предметах и домашней утвари. Бумажные деньги. Мануфактура: 63 халата на меху, 46 суконных, 105 шелковых, 92 бархатных, 300 парчовых, одно пальто с воротником, ковры, платки, тибетейки, одеяла, скатерти, 2897 шелковых отрезков, 52 бархатных отреза, 74 парчовых, 78 шерстяных.

В Москву, естественно, доставили не все. Красные командиры щеголяли оружием, усыпанным бриллиантами. Подозрение пало и лично на Михаила Фрунзе, который был известен страстью к элитным оружейным образцам. ЧК даже предприняла попытку обыска его бронепоезда, но Фрунзе пресек ее. Известно, что позже Фрунзе делал дорогие подарки — драгоценную бухарскую шашку подарил Буденному, несколько предметов передал от своего имени в музей города Иваново, где начиналась революционная карьера Фрунзе. Что-то всплыло после его смерти, перешло в фонд Министерства обороны, а потом, уже по приказу Жукова, поступило в Оружейную палату в Кремле.

Но сокровища эмира — только деталь в истории продвижения советской власти в Средней Азии. Так же как и захват Бухарского эмирата — только эпизод на пути осуществления грандиозного замысла большевиков. А замысел в 1920 году был фантастический. Главной целью Советской России считалась Индия. Правда, были разногласия, некоторые считали, что стоит двигаться к Персидскому заливу. Это классические имперские планы. А установление советской власти на захваченных территориях — просто новый способ

прикрытия старых добрых территориальных захватов. Кроме того, Советская Россия в этом регионе продолжает еще царское соперничество с англичанами. Новая большевистская Россия претендует на Британскую Индию. Бухарский эмират — как раз буферная территория между зонами влияния России и Великобритании.

Бухарскому эмирату, в отличие от Кокандского и Хивинского ханств, во времена Российской империи удалось сохранить определенную автономию. Хотя под контроль России и были переданы некоторые земли, где создавались русские поселения. В эмирате был активен русский капитал. И сам эмир Сеид Алим-хан окончил Петербургский пажеский корпус.

После Октябрьского переворота эмир не вступил в войну против советской власти, хотя белые его уговаривали. Но после разгрома белых на востоке России красные занялись Средней Азией.

Сначала заняли Хивинское ханство. В это же время Фрунзе встретился с бухарским эмиром и заверил его в том, что Москва заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары. Потом красные на севере Ирана создали Персидскую советскую республику. В то же время в Лондоне начались первые советско-британские контакты. В Москве подумали, что успехи красных в Средней Азии могли бы стать козырем в переговорах с англичанами. И решили взять Бухару. В качестве политической опоры выбрали так называемых младобухарцев, бывших одним из ответвлений движения джадидов. Джадиды — это культурное, просветительское либеральное прогрессистское движение интеллигенции, которое хотело модернизации просвещения, открытости к мировым культурным достижениям.

Младобухарцы — это политическое направление в движении джадидов. Это молодые люди, получившие образование в России, Турции и в Европе. Их лидеру Файзулле Ходжаеву 24 года. Они хотят установления демократической республики и светского правосудия. Они уже подвергались репрессиям со стороны эмира, они хотят отстранения эмира и теперь, в 1920 году, решили ориентироваться на российских большевиков и с их помощью прийти к власти. Большевики живо откликнулись. Москва хочет, чтобы устранение эмира было обставлено легитимно. А для этого очень удобно народное восстание, которое обратится за помощью к советскому правительству. А советское правительство немедленно окажет помощь в виде войсковой операции.

Ходжаев отвечает за организацию восстания. Но в целом за Бухару несет ответственность Фрунзе. Он — командующий Туркестанским фронтом, это его операция. Он пишет Ленину: «Недовольство эмиром существует, но в связи с общей рабской психологией низов в открытое движение самостоятельно вылиться не может». Поэтому для ускорения процесса необходима «...организация революции путем непосредственного участия наших сил». В Москве испытывают нетерпение, Индия манит со страшной силой.

План действий был простой. В нескольких русских поселках на территории эмирата силами младобухарцев формируются революционные отряды. Восстание начинается в русском Старом Чарджуе. Это название широко известно, потому что герой Басилашвили в фильме «Вокзал для двоих» торговал именно чарджуйскими дынями. Начав восстание в Чарджуе, мятежники направляют уполномоченных к Фрунзе с просьбой поддержать бухарскую революцию. Фрунзе выступает на помощь. Однако взять Бухару оказалось трудно. Фрунзе приказал использовать артиллерию и авиацию. По городу было выпущено 12 тысяч снарядов, в том числе химических. 11 самолетов проводили бомбардировку с воздуха. Это продолжалось три дня. Исторический центр, жилые кварталы, базары — все лежало в руинах. Потом красные войска вошли в город, мечети превратили в конюшни и казармы, четыре дня грабили. Приказ о расстреле за мародерство не останавливал. В докладной в Москву сообщалось: «Грабеж был, грабеж безобразный, но остановить его было нельзя».

Потом красные пойдут дальше по территории Бухарского эмирата на восток. Командир красной 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии Винокуров свидетельствовал: «Теоретически мы здесь закрепляли советскую власть, а практически рубили бедноту тысячами, уже около 15 тысяч перебито повстанцев».

Свидетельство командира прямо говорит о том, что приходу красных массово сопротивляются. Сопротивлявшихся большевики называли басмачами. Слово «басмачи» — от узбекского «басма» — «налет». Басмачи, соответственно, налетчики, бандиты, преступники. Обвинение в басмачестве — это характерный взгляд метрополии на непокорное население колонии: преступники — все, кто не подчиняется. Но таких было много. И сопротивлялись они до середины 30-х годов.

В басмаческом движении были представлены разные социальные группы коренного населения Средней Азии. Лозунги менялись со временем и в зависимости от лидера. Бились за политическую автономию по отношению к России. Причем государство внутри автономии представляли по-разному. Одни лидеры хотели буржуазное конституционное государство, другие хотели вернуться к монархическому формату. Затем на первый план вышел лозунг защиты ислама. Он находил массовый отклик и умножал ряды басмачества. Популярна была идея пантюркизма с перспективой создания Великого тюркского государства: Туркестан, Азербайджан, области России с тюркским населением. Все под эгидой Турции. А было в басмачестве направление, которое не отвергало идею власти Советов. Только эти Советы должны быть без коммунистов. Потому что захватническая политика коммунистов, террор, реквизиции скота и продовольствия, надругательство над святынями ненавистны всем. И в этом смысле басмачество ничем не отличается от крестьянской антибольшевистской войны, которая в это же самое время начинается в далекой от Бухары русской Тамбовской губернии.

10 СЕНТЯБРЯ

10 сентября 1920 года член Реввоенсовета Кавказского фронта Орджоникидзе доложил Ленину о полной ликвидации белого десанта на Кубань, «ни одного солдата из десанта на Кубани нет». Но Орджоникидзе в депеше Ленину не назвал человека, под чьим именем эта военная операция вошла в историю. А человек этот — генерал-лейтенант Сергей Георгиевич Улагай. И десант белых из Крыма на Кубань против красных называется «Улагаевским».

Белые под командованием Врангеля с апреля базировались в Крыму, это был последний кусок земли бывшей Российской империи, который удерживали белые. Армия в Крыму не сидела. Она вела постоянные боевые действия в Северной Таврии, то есть вырываясь из Крыма и стремясь отодвинуть противника. Но белые численно уступали красным, к которым постоянно подтягивались свежие силы. Белые в Северной Таврии маневрировали одними и теми же частями, которые несли потери и были уставшими до предела.

Для перелома этой ситуации, становящейся безысходной, командование в июле начало разработку десантной операции на Кубань. Рассчитывали открыть на Кубани новый фронт против красных, получить там материальное и продовольственное подкрепление, а главное — почерпнуть там людей в свои ряды. Разведка давала информацию, что кубанские казаки озлоблены на советскую власть и готовы воевать в белой армии.

История Белого движения возвращалась к своему началу. Так же как ранней весной 1918 года, полагались на активность кубанских казаков. Но тогда казаки вяло откликнулись на призыв воевать с большевиками, вообще воевать не хотели ни за, ни против, надеялись как-нибудь отсидеться. Теперь, в 1920 году, белые надеялись, что казаки, уже на собственной шкуре познакомившись с большевиками, непременно будут воевать.

Весной 1918 года Добровольческая армия была еще до смешного малочисленной, теперь белая армия снова была мала.

В 1918 году те, кто пошел на Кубань в первый знаменитый Ледяной поход, были отчаянно храбрыми. Но тогда это было начало всей эпопеи Гражданской войны, была надежда. Теперь те, кто шел на десант, тоже были отчаянно храбрыми. Но за плечами было поражение в Гражданской войне, надежды не было, была одна храбрость.

В 1918 году вместе с военными шли их семьи, и теперь кубанцы из белой армии шли с семьями, намереваясь в случае успеха отправить своих по домам. Но в 1920 году не было уже генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, не было храбреца генерала Маркова, которые в 1918 году верили в «белую идею». Теперь был генерал Улагай. Он сам участник героических событий 1918 года. Он командовал пластунским батальоном в составе Кубанской армии, когда она соединилась с Добровольческой армией Корнилова. Они вместе штурмовали Екатеринодар. Улагай был тяжело ранен в предместье Екатеринодара, в бою за ферму Екатеринодарского сельскохозяйственного общества. А через три дня на той же самой ферме был убит генерал Корнилов. Улагай вернется в строй после ранения и пройдет всю Гражданскую войну, он командует казачьей дивизией, потом кубанским корпусом. Улагай сыграл решающую роль во взятии Царицына. Командовал объединенной группой из донских и кубанских конных частей. Генерал Врангель в воспоминаниях пи-

шет: «Пользуясь широким обаянием среди казаков, генерал Улагай один мог с успехом «объявить сполох», поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все». Так как задача состояла в том, чтобы поднять на Кубани казаков, сидящих по станицам, Улагай был лучшей кандидатурой, чтобы возглавить десант. «Заменить его было нечем», — пишет Врангель и дает Улагаю развернутую характеристику: «Он был натурой сложной: нервный, до болезненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем. Недостатки: неровность характера, чрезмерная, иногда болезненная обидчивость, легко переходил от высокого подъема духа к безграничной апатии. Но решившись на что-нибудь, блестяще проводил решения в жизнь». Михаил Булгаков в своей пьесе «Бег» прототипом генерала Чарноты возьмет генерала Улагая. А в фильме «Бег» по Булгакову Чарноту сыграл Михаил Ульянов, гениально, незабываемо, со всем своим бешеным темпераментом. Просто своей игрой памятник изваял этим людям, выброшенным из России. А прототипом генерала Хлудова в «Беге» был генерал Слащев. Вот этот генерал Слащев, герой Белого Крыма, желчный и не склонный к комплиментам, говорил об Улагае: «Он был человеком безусловно честным», а для командования десантом Врангель избрал его «как популярного кубанского генерала, кажется, единственного из «известностей», не запятнавшего себя грабежом». В устах Слащева это дорогого стоит.

Главные силы десанта с массой гражданских лиц вышли из Керчи и двинулись к северо-западному берегу Кубани. Преодолев незначительное сопротивление красных, высадились в бухте Приморско-Ахтарской. Меньшие по численности отряды одновременно высадились на Тамани и в районе Анапы. Станица Приморско-Ахтарская стала главной базой улагаевского десанта. Здесь были оставлены штаб и гражданские лица.

Десантные конные части двинулись веером. Авангард конницы под личным командованием генерала Улагая. Вслед за авангардом Улагая шла пехота генерала Казановича. Левый фланг обеспечивали части генерала Бабиева. Правый фланг — дивизия генерала Шифнер-Маркевича. Отбивая у красных крупные станицы, захватили территорию в 80 километров по фронту и 90 километров в глубину. До Екатеринодара оставалось 40 километров. Части Улагая соединились с отрядом местных повстанцев, присоединились еще

2 тысячи казаков из занятых станиц. В первые пять дней движение десанта было быстрым, внезапным и многообещающим. Ждали, что вот сейчас поднимется против красных вся Кубань.

Красные тем временем начали подтягивать многочисленные резервы, перебрасывались войска из Азербайджана. Станицы переходили по многу раз из рук в руки, были локальные наступления белых, но инициатива ими была утеряна. Не было нормальной связи между частями. Красные грозили отрезать всю десантную группу от их базы. Сама база имела слабое прикрытие. В зону боевых действий выезжал Главнокомандующий генерал Врангель. Но десант захлебнулся. Отход частей прикрывали юнкера. Большинство гибло, некоторые оказались отрезанными, без патронов и почти без шансов выжить: красные пленных не брали. Для эвакуации десанта и всех гражданских лиц вылетел генерал-лейтенант Коновалов, который проделал свою работу виртуозно и фактически выполнял функции начштаба у генерала Улагая. Одни части были уже на кораблях, идущих в Керчь, пехота прикрывала отступление и грузилась на суда под обстрелом. Вывезли всех и людей, и лошадей. Более того, дополнительно 12 тысяч человек с Кубани пожелали следовать в Крым. Генерал-квартирмейстер Коновалов к концу эвакуации был совершенно осипший.

Улагаевский десант, вероятно, можно считать отчаянной авантюрой. Мало людей, практически без артиллерии. Очевидный перевес на стороне красных. Но это не главное, в Гражданскую войну случались военные чудеса. Авантюрным был расчет на кубанских казаков: Они жаловались на большевиков, говорили, что те всех лошадей угнали и хлеб увезли, и пока шло наступление худо-бедно присоединялись к частям Улагая. А когда белые начали отступать, казаки разошлись по домам.

Участник десанта телефонист Александр Судоплатов позже писал в дневнике: «Настроение у всех паршивое. На казачков-повстанцев нет надежды. Правда, под Джерелиевкой, еще в начале похода, к нам присоединилось несколько партизан в соломенных шляпах с винтовками, но едва мы прошли их станицы, они дальше не пошли, а разошлись по домам. Их психология: свою хату отбил — и довольно!»

Улагаевский десант не изменил и не мог изменить судьбу Белого движения, но он оттянул на себя большие силы красных в тот са-

мый момент, когда они были нужны на фронте против поляков. Улагаевский десант совпал по времени с битвой за Варшаву, которую большевики считали уже выигранной, но так и не выиграли. В критический момент не оказалось нужного резерва. Так что если предположить, что улагаевский десант имел целью отвлечение Красных войск с польского фронта, то эту операцию следует считать супер-успешной. Потому что в 1920 году большевизм не смог двинуться в Европу.

17 СЕНТЯБРЯ

17 сентября 1920 года орган с неудобоваримым названием Президиум Совета пропаганды и действия народов Востока провел заседание, на котором обсуждались причины провала советской политики в Иране. Причины были изложены точно и объективно. Провозглашение социалистической республики в Северном Иране было поспешным. Опирались на коммунистическую партию «Адалят», которая не имела ни популярности, ни реальной силы. Установление коммунистической власти сопровождалось мародерством. Из соседнего Азербайджана, который уже был советизирован, в Иран шла информация о насильственной политике большевиков и негативно влияла на настроения иранского населения.

Председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе, который еще недавно считал реальным быстрый захват Тегерана, теперь писал Ленину, что социалистической революции в Иране не предвидится.

Провал большевиков в Иране — не просто локальная неудача, это похороны богатой идеи, которая некоторое время владела умами советской верхушки. Идея формулировалась кратко: «На Запад через Восток». Так как революционное движение в Германии и Венгрии пошло на спад, то есть ставка на революцию в Европе оказалась проигрышной, большевики решили пойти другим, восточным путем. Этот вариант, как запасной, рассматривался еще в августе 1919 года. Троцкий тогда писал: «Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии... Дорога на Индию

может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию».

Когда читаешь эти документы, конечно, дух захватывает от того, какие дерзкие планы роились в головах этих людей, как захват власти в России вскружил им голову и каким податливым казался им весь земной шар: еще чуть-чуть — и это яблоко упадет им в руку.

Вдохновения добавил революционный переворот в Афганистане. Большевики первыми признали новое афганское правительство, а Ленин на советско-афганских переговорах в Москве заявил, что готов в любой момент откликнуться на просьбу афганского народа и оказать военную помощь в самых широких масштабах. Это становится фирменным советским ходом: ссылаясь якобы на просьбу какого-либо народа, вводить свои войска в разные страны. Именно так большевики проводят успешную военную кампанию в Средней Азии и в Азербайджане. В Азербайджане, помимо прочего, большевики действуют в рамках договоренности с новым главой Турции лидером национального движения Мустафой Кемалем. Эти отношения имели антибританскую направленность. В Азербайджане большевики получили бакинскую нефть, которую национализировали и намеревались использовать в качестве существенного фактора в отношениях с Европой. То есть советская нефтяная дипломатия выстраивалась еще в 1920 году. А кроме этого, обладание Азербайджаном означало открытие пути в Персию. Москва сочла момент для себя благоприятным: население и элиты Ирана были раздражены британским присутствием, в провинциях распространялось повстанческое движение. Одним из лидеров движения был Кучек-хан. Один из участников событий описал свое впечатление от встречи с ним: «Высокий, стройный, красивый, он шел с непокрытой головой. Длинные, темные, вьющиеся кудри падали на его плечи. Его грудь была туго обтянута косым крестом пулеметных лент. Широкие брюки были заправлены в бледно-зеленые обмотки... На ногах сверкали вышитые серебром кожаные туфли с острыми, загнутыми вверх носами. Медленно и важно он шел по улице, с достоинством раскланиваясь с народом».

В конце мая 1920 года Политбюро ЦК большевистской партии приняло решение поддержать движение Кучек-хана и двинуть Каспийскую флотилию под командованием Федора Раскольникова в иранский порт Энзели. Формальным поводом был возврат кораблей, выведенных белой армией, которые Тегеран обязался вернуть.

В Энзели размещался английский гарнизон, он был захвачен врасплох и бежал. Затем так же быстро была взята столица провинции Гилян город Решт. Бойцы из десанта участвовали в операции под видом добровольцев, а два командира, Кожанов и Абуков, для лучшего прикрытия приняли персидское подданство. Персидское правительство заявило протест Совнаркому, но Москва ответила, что она ни при чем и красноармейцев там нет.

Во взятии Решта под псевдонимом Якуб-заде принимал участие Яков Блюмкин. Эсер, чекист и террорист, в 18-летнем возрасте в 1918 году убивший германского посла Мирбаха, готовивший покушение на гетмана Скоропадского, прошедший через пытки в петлюровском плену. Он друг московской богемы. Маяковский зовет его Блюмочкой, к нему восторженно относятся Гумилев, Есенин и Пастернак. В Персию Блюмкин напросился сам. А потом ориентальные страны станут зоной его профессиональной разведывательной деятельности. Блюмкин знаток языков. То под видом дервиша, то восточного купца, то антиквара — торговца древними еврейскими книгами он перемещается по Афганистану, Непалу, Индии, Китаю, потом он в Палестине. В Тибете Блюмкин будет искать Шамбалу, этот мифический «центр силы мира», которым активно интересовались в ЧК. В этом смысле не случаен в Персии и знаменитый поэт, футурист Велимир Хлебников, придумавший международное культурное Общество председателей земного шара, которым надлежало отвечать за гармонию жизни. Хлебников и сам был одним из председателей земного шара, а в Персию прибыл в качестве революционного лектора и пропагандиста.

После взятия Решта в нем создали правительство во главе с Кучек-ханом и провозгласили Гилянскую (Персидскую) Советскую республику. Из партизан Кучек-хана и Красных частей создали персидскую армию. Она заняла Каспийское побережье, продвинулась в глубь страны. Уже планировался поход на Тегеран. Но тут начались разногласия между Кучек-ханом и членами Иранской коммунистической партии, которых привезли вместе с большевистским десантом. Эти завезенные коммунисты хотели сделать в Иране революцию по российскому образцу и, главное, очень быстро. Кучек-хан во избежание физической угрозы для себя и соратников ушел в лес, но перед этим направил Ленину большое письмо. Он писал, что коммунистическую программу в Персии не осуществить,

что те, кто ее осуществляет, не знают обычаев, условий жизни и желаний народа, что это может плохо кончиться и народ перейдет на сторону врага. В конце письма Ленину Кучек-хан высказался прямо: «Голос персидского народа говорит, если мы не предотвратим вмешательства иностранцев в наши внешние и внутренние дела, то предпринятый нами шаг к свободе не будет иметь цены, так как, сбросив одну иностранную власть, мы попадем под власть другую». Вот так вот. Написал и ушел опять в партизаны.

Москва немедленно объявила Кучек-хана мелкобуржуазным националистом, его соратники были изгнаны из правительства, а власть перешла к крайне левым во главе с Эхсануллой-ханом. Этот переворот был проделан с помощью переброшенного красноармейского отряда в 800 человек.

Потом были два похода на Тегеран, которые не имели успеха. Более того, была оставлена столица Советского Ирана Решт. В армии не было обуви, обмундирования, много больных. В Москву шли сообщения: «Осталось всего 16 ящиков денег. Не хватает даже на выплату жалованья. Просим прислать 50 ящиков». Потом военные действия стихли, случались короткие вспышки с обеих сторон. А в марте 1921 года Советская Россия подписала с шахской Персией договор о ненападении и сотрудничестве.

В декабре 1921 года погиб Кучек-хан. Он воевал против шаха до последнего, потом ушел в горы с остатками своего отряда и замерз в снежную бурю. Там его случайно нашли солдаты шаха. Велимир Хлебников описал финал: «У замороженного трупа отрубили жречески прекрасную голову и, воткнув на копье, понесли в долину... и выставили в Реште на всеобщее обозрение... Персидская революция закончилась».

24 СЕНТЯБРЯ

24 сентября 1920 года зампреда Тамбовского губисполкома Мещеряков, специально командированный в Москву, обратился с запиской к Ленину: «Положение наше ухудшилось. Разоружены две роты, взяты 400 винтовок и 4 пулемета, и, вообще, противник окреп. Я был у главкома Каменева, получил обещание

послать в Тамбов один батальон и триста винтовок, но не дали ничего. Имею просьбу переговорить с Вами, ибо положение худое».

Поясню, о чем идет речь. Речь идет о крестьянской войне в Тамбовской губернии, которая вспыхнула в августе 1920 года и дальше мощно стала набирать обороты. Причина в том, что большевики забирают хлеб в деревнях по всей территории России, чем дальше, тем больше, подчистую. То есть проделывают то, что называется «продразверсткой». Это была такая идея: отобрать, распределить по фабрикам и заводам, и сразу будет коммунистическое производство и коммунистическое распределение. Потом Ленин скажет: «Мы ошиблись». Но скажет это не по собственной воле.

Тамбовскую губернию с хорошей землей и большим производством зерна продотряды облюбовали сразу, в первый же урожай после большевистского переворота. Осенью 1918 года там шуровали 50 отрядов, 5000 человек, явившихся за хлебом из разных родов. В Тамбовской губернии уже в 1918 году конфискации хлеба достигли размеров, невиданных в других местах. После этого, естественно, площадь посевов резко уменьшилась — дураков нет, чего сеять, если отберут. Количество рабочего скота сократилось на 40 процентов — чего его держать и кормить, если пашем теперь меньше. А лошадей продотряды еще и себе забирали. Урожайность тоже упала почти в 4 раза.

В 1920 году в Тамбовской губернии к тому же была засуха. Но Москву это не интересовало. Из Москвы была спущена разнарядка: сдать столько-то, но объективно столько зерна взять было негде, не было его. В докладе-жалобе Борисоглебского уездного исполкома, направленном в ЦК РКП(б) в феврале 1920 года, изложено, какими методами действовал командир местного продотряда: «По приезде в село собирал крестьян и торжественно заявлял: «Я вам, мерзавцы, принес смерть. Смотрите, у каждого моего продармейца сто двадцать свинцовых смертей для вас, негодяев!» Затем начинается требование отдать хлеб, причем больше, чем крестьяне могут дать. В ход пускают порку. Крестьян пороли. От побоев умирали люди. Проводили мнимый расстрел. Арестованные были посажены в сарай, из которого поодиночке выводили, раздевали, ставили к стенке и командовали: «Взвод! Пли!» Продармейцы стреляли в воздух, а обезумевший от страха крестьянин падал в обморок. Затем громко кричали: «Одну сволочь

расстреляли, давайте другую». Но этого мало. Крестьян потом раздетыми запирали в холодном сарае, где они сидели на морозе несколько часов.

Результатом насилия, беззакония и бессмыслицы стало массовое озлобление тамбовского крестьянства против большевистской власти. И не только. Во всех уездах губернии крестьяне демонстрируют готовность выступить против властей открыто и в любой момент. Причем коммунистам в деревнях опереться не на кого. Тамбовская губерния была всегда сытой, большинство крестьян — крепкие середняки, бедняков мало. Здесь кулаков больше, чем бедняков. Здесь кулаков почти 20 процентов, тогда как по стране в среднем — 3 процента.

И воевать в Красную армию в Тамбовской губернии идти не хотели. На 1 января 1920 года число дезертиров составляло 250 тысяч. Это 9/10 местного военнообязанного населения. Их отлавливали спецотряды. К августу 1920 года, к концу основных боевых действий Гражданской войны, около 60 тысяч дезертиров вернулись добровольно. Плюс отловленные спецотрядами. Но на воле оставалось еще более 100 тысяч. И большая их часть скрывалась в тех самых уездах, где вспыхнет восстание.

А кроме того, в Тамбовской губернии активнее, чем в других, создавали совхозы и колхозы, которых крестьяне не хотели, не видели в них смысла, потому что прокормить они не могли, шли туда принудительно и работали там принудительно. Финансирования не было. На съезде работников совхозов в 1920 году один из членов губернского комитета партии сказал прямо: «Совхозное хозяйство потерпело крах, пролетарско-крестьянское хозяйничанье оказалось безобразным». Урожай в совхозах ниже, чем у крестьян, скотину не кормят по несколько дней, «лошади с голодухи изгрызли в конюшне все деревянное. И вообще, когда вы входите в конюшню, вы не знаете, лошадь это или поросята, так они облезли».

Большевистская экономическая политика представляла прямую угрозу жизни: впереди, близко, был голод. Большая часть сельского населения еще недавно богатой Тамбовской губернии могла просто исчезнуть с лица земли. Здоровый инстинкт самосохранения взял верх.

В селе Туголуково 19 августа 1920 года произошло первое вооруженное нападение на продотряд. Трех продотрядовцев убили. В тот же день в Афанасьевке убили еще двоих. 21 августа возле Ка-

менки продотряд столкнулся с группой вооруженных людей. Несмотря на полученное из Тамбова подкрепление, почти весь продотряд был перебит. А участники боя, крестьяне и дезертиры, вошли в Каменку под красным знаменем. Из Каменки в окрестные деревни были направлены гонцы с сообщением, что началось восстание против коммунистов и продразверстки. Весть об этом достигла Тамбова, где большевиками был создан штаб для борьбы с восстанием. Спешно сколачивались вооруженные отряды для борьбы с крестьянами. В течение пары дней было несколько боестолкновений, а потом все стихло, что озадачило тамбовских большевиков. Они не знали и не могли знать, что еще 24 августа из «кирсановских лесов», то есть из лесов в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, появился Александр Степанович Антонов. Он намеревался разузнать, что за события разворачиваются у Каменки. С ним пришел вооруженный отряд в 500 человек. Антонов был местный, тамбовский и уже широко известный в губернии. С 1919 года он со своим, тогда небольшим отрядом совершал нападения и ограбления сельсоветов и госучреждений, убивал коммунистов. Численность его отряда постепенно увеличивалась. А людей Антонов отбирал крайне придирчиво, брал супернадежных.

Дело в том, что в прошлом Антонов опытный эсеровский боевик, а это подразумевает не только отмороженную храбрость, владение оружием, но и умение разбираться в людях, и профессиональную привычку к конспирации. В юности Антонов, как и Сталин, занимался «эксами», экспроприациями, то есть ограблениями банков для нужд революционной борьбы. Участвовал в подготовке знаковых политических убийств. Был приговорен к смертной казни, которую лично Столыпин заменил на каторгу. До каторги не дошел, в кандалах сидел в разных тюрьмах. На свободу вышел благодаря Февральской революции. Пошел на службу в милицию в Тамбове. Случилось так, что через территорию его уезда в 1918 году следовал эшелон с бывшими военнопленными, а теперь уже свободными и вооруженными чехами. Антонову с его подчиненными удалось разоружить их. Именно это оружие, спрятанное и сохраненное в кирсановских лесах, станет арсеналом для тамбовского восстания. Антонов бросит работу в милиции, уйдет в подполье, займется, как в молодости, «эксами», устраивает налеты теперь уже на совурждения. За ним охотилась ЧК, но он был неуловим. И вот в кон-

це августа 1920 года он появится и станет лицом знакового события 20–21-х годов, которое поставит под угрозу большевистскую власть и вынудит ее принципиально изменить экономическую политику.

То затишье, которое возникло после первых крестьянских выступлений, — это уже выполнение приказа Антонова. Это он приказал временно разойтись по домам или скрыться в лесу. Он раздал оружие из своих запасов, и 30 августа с раннего утра восстание началось по новой и уже с новой силой. У красных пошли большие потери, инициатива полностью у повстанцев. В сентябре 1920 года только начало этой действительно народной эпопеи, страшной, беспощадной, не на жизнь, а на смерть. Уже Врангель будет разбит, а антоновские крестьяне только усиливают сопротивление.

Сначала большевики приписали организацию восстания эсерам, потом про эту версию подзабыли. Большевики сами сделали все, чтобы крестьянская война стала неминуемой и сделалась новым этапом Гражданской войны в России: теперь против большевиков воюют не белые, а самый что ни на есть русский народ.

2 ОКТЯБРЯ

2 октября 1920 года было исключительно загруженным днем у Ленина. Рано утром пишет проект директивы Политбюро для делегации РСФСР на переговорах о перемирии с Польшей. Войну с Польшей большевики проиграли. Тогда же Ленин пишет озабоченную записку Троцкому по поводу ситуации на Южном фронте. Предлагает направить на Южный фронт членов ЦК партии для оживления политической работы. То есть Ленин не считает Врангеля отыгранной фигурой. Дальше Ленин дорабатывает и подписывает постановление Совета народных комиссаров об утверждении смет Главного артиллерийского управления и о предоставлении Народному комиссариату по военным делам 6 миллиардов рублей на перевозку дров. Сумма на перевозку дров говорит об уровне инфляции. Извозчики в Москве пустых денег брать не хотели. Предпочитали за проезд брать солью.

Дальше Ленин выступает 2 октября на утреннем заседании III Всероссийского съезда рабочих и служащих кожевенного производства с речью о международном и внутреннем положении Совет-

ской республики. Затем Ленин на долгом заседании Политбюро. А вот уже после него, а это после 8 часов вечера, Ленин выступает на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. Это происходит в Коммунистическом университете на Малой Дмитровке, там, где теперь Театр «Ленком».

Делегаты съезда жили в так называемом 3-м Доме Советов в районе Божедомки. Это знаменитый красивый московский дворец, построенный в XVIII веке графом Остерманом, а в 1920 году служивший общежитием приехавшим со всей страны комсомольцам. Люди в Москву ехали по многу дней в теплушках. Из Казани, например, будущий известный поэт Безыменский добирался до Москвы пять дней. Хотя Безыменскому еще повезло. По дороге пару раз приходилось всем поездом рубить дрова в лесу, чтобы состав мог двигаться дальше.

Многие ехали прямо с фронта, были люди из продотрядов. Одежды соответственно, давно не мытые, — все они заселяются в остермановский дворец. Он весь забит рядами коек. В столовой дают хлеб, чай с сахаром, суп из воблы и жаркое из воблы. Это роскошь для Москвы в 1920 году.

Главное, что потом вспоминали делегаты, — это бесконечные оглушительные споры в общежитии перед съездом. Говорили все разом, ближе к ночи пели. Спорили о том, допускать ли в комсомол интеллигентов, нужны ли школы или вместо школ всем идти в ремесленные училища. Сходились на том, что стоит налечь на субботники, через субботники побороть разруху и навалиться на внутреннюю контрреволюцию. И больше всего покоя не давало, как именно называть молодежный союз: Коммунистический союз молодежи или Союз коммунистической молодежи. Все это в стенах остермановского дворца. Классическая революционная картина. По сути, по форме, по запаху.

В зале, где проходил Третий съезд комсомола, большинство сидело в шапках. Шинели, кожанки, наганы и маузеры. Собрались за несколько часов до начала.

Зал был забит народом. Люди стояли в проходах, вдоль стен, сидели на подоконниках, перед первым рядом на полу. И на сцене сидели на полу, прямо перед столом президиума. Все разговаривали в полный голос, все курили. Питерская делегация решила запеть. Всем залом пели «Яблочко» и «Смело мы в бой пойдем».

И тут сбоку у входа на сцену появился Ленин. Кто-то первым крикнул: «Ленин!» И весь зал закричал: «Ленин, Ленин, Ленин!» Ленин в пальто с бархатным воротником прошел по сцене между сидящими на полу, снял пальто, положил на стул в президиуме. Зал кричал и рукоплескал. Ленин достал из кармана листок бумаги, очевидно, с конспектом речи, и как будто углубился в него. Зал стоял, кричал и не в силах был остановиться. Когда наконец остановились, Ленин начал говорить, двигаясь между людьми, сидящими на полу на сцене: «Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи». Зал обрадовался, потому что ясно, что задача состоит в том, чтобы бить буржуев там, где они остались. И сейчас Ленин скажет, где именно, и все прямо из этого зала отправятся в указанном направлении, и пощады никому не будет. И тут Ленин сказал: «И вот, подходя к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи... можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться».

По словам очевидцев, Ленин сказал это «учиться» отдельно от остальной фразы, очень строго. Зал был потрясен. Никто ничего не понимал, некоторых охватило беспокойство. А как же фронты? А разруха? А внутренняя контрреволюция? Так у Булгакова в «Собачьем сердце» профессор Преображенский говорил Шарикову: «Я бы на Вашем месте хоть раз в театр сходил». А Шариков отвечал: «В театр я не пойду... Дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна». И зал съезда искренне не понимал Ленина. А он говорил страшные вещи: «Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из... той суммы знаний, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества...» Тут Ленин, правда, решил немного успокоить слушателей и сказал: «Нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учиться. Я должен сказать, что молодежь должна учиться коммунизму». Зал услышал ключевое слово «коммунизм» и обрадовался.

Но Ленин опять вернулся к своей мысли и в разных вариациях повторял: «Вы сделали бы огромную ошибку, если бы решили, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием... что дала прежняя наука, что было создано человеческим обществом... Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда». «Окурки на пол не бросать — в сотый раз

прошу, — говорит булгаковский профессор Преображенский. — Не плевать! Вот плевательница. С писсуаром обращаться аккуратно!»

Ленин продолжал: «Если вы будете читать только то, «что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах», вы будете коммунистическими начетчиками и хвастунами, и, начитавшись того, что изложено в коммунистических брошюрах, вы будете приносить только вред и ущерб».

Это ровно то, что у Булгакова: «Вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо... Зарубите себе на носу... что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учитесь и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социалистического общества».

Профессор Преображенский разговаривает с тем, кого он сам только что создал. И Ленин, европейский интеллигент в пальто с бархатным воротником, разговаривает с теми, из кого он хочет слепить подходящий материал для развития своей идеи. Он им говорит: «Если вы не будете учиться, слышите, учиться, вы угробите все, что я задумал».

Люди в зале зачарованно смотрят на Ленина. Воронежский делегат, одетый в женскую кацавейку с буфами на плечах, старается пробраться поближе. У всех одно чувство: пусть Ленин говорит подольше, чтобы иметь возможность подольше глядеть на него.

Но пройдет совсем немного времени, и такие вот делегаты отмоются, переоденутся и превратятся в комсомольскую бюрократию, жесткую, хваткую, на все готовую. Образованность не будет играть решающей роли в карьере.

8 ОКТЯБРЯ

8 октября 1920 года начинается последняя наступательная операция белой армии. Это Заднепровская операция. Попытка, перейдя с левого берега Днепра на правый, с тыла взять Каховку, где красные создали укрепленный район и группировку, нависающую над выходом из Крыма.

Каховка сейчас, если вспоминается, то благодаря песне Дунаевского и Светлова, написанной в 1935 году для фильма «Три товарища».

ща». Широко известные слова: «Мы мирные люди, по наш бронепоезд / Стоит на запасном пути!» — как раз из этой песни. А помимо бронепоезда в песне фигурирует девушка с голубыми глазами. Песня — вроде как воспоминание, обращение к товарищу по былым боям. И из слов песни следует, что жила эта девушка в Каховке, когда туда вошли красные. И что запала она в душу обоим бойцам. Чем дело закончилось не ясно, но впечатление, очевидно, осталось яркое. «Гремела атака, и пули звенели, / И ровно строчил пулемет... / И девушка наша проходит в шинели, / Горящей Каховкой идет...»

С августа 1920 года генеральная задача белых — не оказаться запертыми в Крыму. У красных цель — загнать белых, которые высунулись в Северную Таврию, обратно в Крым, и там на последней белой территории разбить окончательно. Весной 1920 года англичане сделали по предложению — красным и белым. Врангелю предложили ограничиться территорией Крыма и оборонять ее. А Москве в ответ — объявить амнистию белым. В случае реализации британских предложений просматривалась вероятность возникновения «Острова Крым», гораздо позже описанного в одноименном романе Василия Аксенова. У Аксенова в подбрюшьи Советской России живет своей жизнью «Остров Крым», русский по духу, западный по образу жизни, отвязный, технологичный, успешный и спустя десятилетия все тоскующий по большой Родине. Но аксеновский роман — утопия, и предложение британцев весной 1920 года было утопическим. История продемонстрировала, что большевики, вступив в Крым и пообещав амнистию белым, немедленно нарушат собственные обещания и всех, кого смогут, зверски перережут и повесят на деревьях и фонарных столбах. Что касается Врангеля, то он сразу же отклонил британское предложение и утвердил план прорыва в Северную Таврию и Донбасс.

В мае в строго секретном режиме корпус генерала Слащева был переброшен через Керченский пролив на побережье Азовского моря и начал наступление в тылу перекопской группировки красных. Одновременно по всему фронту начали наступление части генералов Кутепова и Писарева. С танками и бронепоездами. Бои были ожесточенные, населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. У всех большие потери. У белых в некоторых дивизиях погибли почти все командиры рот и батальонов. В корпусе Кутепова потери до четверти первоначального состава. В 13-й Красной армии за первые полторы недели боев в некоторых частях потери доходили до

75 процентов первоначального состава, только пленными потеряли 8000. Красные отходили от Перекопа на Каховку. Слащев взял Мелитополь и удерживал его под бешеными атаками красных. Части корпуса Кутепова захватили Каховку. Красные успели отступить за Днепр и взорвать мосты. Бои идут по всей территории Северной Таврии — Волноваха, Орехов, Чаплинка, Большой Токмак, Пологи, Апостолово, Нижние Серогозы. Красные отходят по всему фронту. Но в начале августа, то есть через два месяца боев, красные успешно переправляются через Днепр у Каховки и прорываются в глубокий тыл корпуса Слащева. Белые невероятным усилием отбивают наступавших за Днепр. Но в районе Каховки, где Днепр всего 400 метров в ширину, красные удержали плацдарм с переправами. В середине августа части Слащева атаковали Каховку, но безуспешно. В начале сентября части Кутепова пытаются отбить Каховский плацдарм, но также безрезультатно. Однако белым удается разгромить части противника, которые наступают от Александровска. Александровск — это нынешнее Запорожье. Наконец, белые берут Александровск и остров Хортица на Днепре в районе Александровска. Подходят к Екатеринославу. Уже в 17 километрах от Юзовки, то есть от нынешнего Донецка. Белые в 30 километрах от Таганрога.

Красные, ввиду сложности ситуации, ставят во главе Южного фронта самого успешного командующего Михаила Фрунзе. Перебрасывают свежие части. Красные численно превосходят белых. Но у белых — инициатива, сохранившаяся от трех месяцев удачных боев в Северной Таврии.

И 8 октября 1920 года они начинают Заднепровскую операцию с целью ликвидации Каховского плацдарма красных. План следующий. Части Кутепова переправляются через Днепр у Александровска с острова Хортица. Белые от красных были в 300 шагах, рукав Днепра здесь узкий. Переходили вброд, по грудь в воде, под огнем красных. Переправившись, Кутеповские части обеспечивают прикрытие конным корпусам, которые переправляются ниже по Днепру у Никополя. Эти конные казачьи корпуса должны ударить в тыл Каховской группе красных. Им удастся продвинуться на 25 километров от Днепра. Но они не в состоянии побороть численно превосходящих красных. Потери белых до 50 процентов. В этих боях участвуют лично командир красной 2-й Конной армии Миронов и командир белого казачьего корпуса Бабиев. Под Мироновым убита лошадь, генерал Бабиев по-

гиб. Николай Гаврилович Бабиев — легендарный человек и командир. Легкий, веселый, бесконечно храбрый, необыкновенно популярный среди казаков. 14 раз раненный. С перерубленной правой рукой. В конных атаках рубился левой. Его смерть означала общее падение духа. Задача по заходу в Каховку с тыла не была выполнена.

Когда на этом участке фронта уже шло беспорядочное отступление белых, в лоб по Каховскому плацдарму ударили части генерала Витковского. Он начал штурм Каховки, не зная о положении за Днепром и о том, что ему неоткуда ждать поддержки.

Каховский плацдарм — отлично оборудованная территория из трех оборонительных полос. Каждая полоса — 2–3 линии окопов с ходами сообщения, с проволочными заграждениями, пулеметными гнездами, с командными пунктами. Длина полос заграждения около 40 километров. Глубина до 15 километров. Руководил строительством Каховского укрепрайона военный инженер Дмитрий Карбышев, героически погибший уже во Вторую мировую войну. Главная задача системы укрепления — противотанковая оборона. Потому что бои за Каховку — это прежде всего танковые бои. Именно поэтому между оборонительными линиями планировались рвы по три с половинной метра длиной и глубиной три метра. Правда, их принялись рыть только 14 октября, в тот день, когда генерал Витковский начал штурм Каховского плацдарма. Но и без рвов белым танкам не было удачи, и их названия не помогли — «Великая Россия», «Фельдмаршал Кутузов», «Генералиссимус Суворов», «За Русь Святую» и просто «Тигр». Пехота от танков отстала, танки прорвали проволочные заграждения, обстреляли окопы и ушли.

Белые возвращались в Крым.

Офицер связи и военный журналист Валентинов стал свидетелем разговора Врангеля по прямому проводу с начальником штаба Павлом Шатиловым сразу после катастрофы: «Здравствуй, Павлуша. Расскажи мне подробности вчерашнего позорища».

Участник переправы на Хортице полковник Артур Георгиевич Битенбиндер вспоминал: «Должен отметить, что, в течение многих лет наблюдая близко строевую жизнь, мне неоднократно приходилось убеждаться, что в ней удивительно развито чувство предвидения событий. И в данном случае я нигде не встречал веры в успех затеваемой операции. Нас было мало. Мы должны были только побеждать. Каждая неудача могла стать началом конца».

Эта неудача действительно стала началом конца.

17 ОКТЯБРЯ

17 октября 1920 года умер Джон Рид, американский журналист, левак по политическим взглядам, активист коммунистического движения в США. Но прежде всего, выражаясь современным языком, журналист в горячих точках. Он был в Мексике в разгар гражданской войны там. Он был военным корреспондентом на фронте в Первую мировую войну. Джон Рид и погиб в горячей точке, а именно в 33 года умер от тифа в революционной России.

В Россию он приехал с женой Луизой Брайент в августе 1917 года. Россия была суперинтересна, здесь рушились основы старого мира, от России зависела новая глобальная конфигурация. Он так и писал в сентябре 1917 года своему приятелю: «Мы в самом центре событий, и поверь, это — потрясающе. Мексика бледнеет перед этими красками, этим ужасом и величием». Джон Рид испытывал чисто журналистский восторг: он оказался в самое нужное время в самом нужном месте в мире. Более того, чуть подсказывало ему, что Февральская революция в России — это только прелюдия к главным событиям, о которых он и напишет свою книгу «Десять дней, которые потрясли мир».

Собственно, книга — это цикл репортажей о 10 днях Октябрьского переворота, которые он отсылал в Штаты в журнал «Массы» и за которые Джон Рид вполне мог бы удостоиться Пулитцеровской премии. Первым лауреатом Пулитцеровской премии стал журналист Герберт Байерд Своуп за серию материалов под названием «Германская империя изнутри». Но Германия меркнет на фоне событий в России. А тот факт, что Рида обошли с премией, объясняется, во-первых, его известной радикальной левизной, а во-вторых, тем, что сам Октябрьский переворот в далекой России долго не воспринимался в США всерьез.

Но книга Джона Рида не только репортажи. Джон Рид писал для американской аудитории и считал необходимым ввести читателей в политическую жизнь России.

Рид начинает книгу с дотошного партийного расклада, указывает политических деятелей всех толков с их позициями, кратко сообщает об общественных организациях, гражданских, а также в армии и на флоте. А дальше начинаются фрагменты интервью с представителями крупного бизнеса, подробно — с «русским Рокфеллером»

Степаном Лианозовым, с офицерами на Северном флоте. С интервью соседствуют зарисовки из петербургских театров, разговор с купцом в провинциальном городе, свидетельства страшной коррумпции, интервью с британским послом Бьюкененом о том, как быстро в России левеют все политические партии. Джон Рид выезжает на фронт. Был в 12-й армии под Ригой в окопах. Масса уличных зарисовок Петрограда. В руках статуи Екатерины у Александринского театра красный флажок, но чиновники и школьники по-прежнему в форме с императорскими орлами на пуговицах. Джон Рид цитирует газеты разного толка. У него в книге несметное количество фамилий, она густо населена, все в бешеном движении, в напряжении. Все всё время выступают, Рид подробно записывает и цитирует — и лидера кадетов Милюкова, и механика с Путиловского завода. Бездна подробностей, включая погоду: дождь утих, опять пошел, небо тяжелое. Подробно о Смольном, часто жанрово: встретил у внешних ворот Троцкого с женой. Их задержал часовой. Троцкий рылся в карманах, но никак не мог найти пропуска. Подробно рассказывает о ситуации в юнкерских казармах. Все время ходит по улицам. Пишет: «У нас были билеты в Мариинский театр на балет. Не пошел. На улице было слишком интересно».

А потом Джон Рид уже в Зимнем дворце, в тот самый момент, когда брали Зимний. Описывает подробно. Цвет портьер, цвет ливрей у дворцовых служителей. Он взял со стола заседания Временного исписанный лист на память. Он наблюдал, как уводят арестованных членов этого правительства. Видел, как солдаты в жилых комнатах дворца роются в шкафах, хватают одежду, срывают кожу с дивана на сапоги.

Джон Рид присутствует при утверждении состава первого большевистского правительства. Приводит весь список. В связи с составом правительства Джон Рид первый и последний раз упоминает Сталина.

Джон Рид неоднократно беседовал с Лениным. Рид везде наблюдает за Лениным, делает пометки в записной книжке. Это Джон Рид скажет: «Ленин — локомотив истории». На некоторых заседаниях Рид с Лениным обмениваются записками. Однажды Рид вместе с другими в полном восторге нес Ленина с трибуны на руках.

Джон Рид восхищается Троцким. Троцкого в его книге много, что естественно, потому что Троцкий с Лениным — главные авторы

Октябрьского переворота. Рид воспроизводит свои разговоры с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, которые были участниками переворота. Разговоры со всеми этими людьми идут без переводчика, на каком-нибудь из европейских языков. То есть еще можно разговаривать в прямом смысле слова на одном языке. Английский писатель и публицист Герберт Уэллс беседовал с Лениным в начале октября 1920 года напрямую, а со Сталиным в 1934 году — через переводчика. Сталин языков не знал. Контакта не было. После разговора Уэллс подумал, что переводчик редактировал по ходу дела его речь. Но, вероятно, Сталину, в отличие от Ленина, было просто неинтересно, и он не скрывал этого.

Сталин еще в 1924 году в статье «Ленинизм и Троцкизм» между прочим написал, что Джон Рид «искажил некоторые факты... многого не знал и вообще попался на удочку сплетен». Позже якобы некий военный моряк Иван Зенушкин задал в письме вопрос Сталину: «А вот как могло случиться, что Ленин написал предисловие к книге Джона Рида, несмотря на некоторые неверные сведения». Сталин ответил моряку Ивану Зенушкину: «Я думаю, что Ленин не читал всю книгу Рида», у него было много других дел, и он просто хотел содействовать распространению информации о революции в западной печати.

В 30-е годы Джон Рид в СССР не переиздавался, действующие лица его книги были перебиты Сталиным. Вплоть до 80-х годов оригинальный английский вариант со всеми именами участников Октябрьского переворота находился в спецхране.

За три дня до начала болезни Джон Рид в Кремле случайно пересекся с кузиной Черчилля, художницей и скульптором Клэр Шеридан, которая приехала в Москву лепить вождей русской революции. Вечером после встречи с Джоном Ридом Клэр Шеридан немного поговорила о нем с Гербертом Уэллсом, который еще не покинул Москву после встречи с Лениным. Она в дневнике воспроизводит свои слова: «Я понимаю русскую душу, но что заставило этого с виду нормального парня из Соединенных Штатов так круто изменить свою жизнь и добровольно покинуть свою родину?» Клэр Шеридан была на похоронах Джона Рида. В соответствии с новым революционным ритуалом его гроб в обрамлении красных флагов стоял три дня в Доме Союзов для массового прощания. Хоронили его у Кремлевской стены. Вдова во время долгой церемонии с речами потеряла сознание.

К середине октября Клэр Шеридан уже успела сделать с натуры скульптурные портреты Ленина и Дзержинского. Теперь она лепила Троцкого в его кабинете, а он, очевидно, за нею ухаживал. Говорили они по-французски. Разговаривали обо всем: о политике, об Англии и Франции, о литературе, о Шекспире, о Байроне и Шелли, кто кого из них предпочитает, спорили о Суинберне. Задерживались до ночи, несмотря на комендантский час. Троцкий сам за рулем отвозил ее домой. Троцкий говорил ей по-французски: «Когда вы стискиваете зубы и с головой уходите в работу, вы не перестаете быть женщиной». В дневнике у нее часто встречается: «Троцкий подошел ко мне и встал рядом... Мы стояли рядом у горящего камина». Иногда отключался свет. Они зажигали свечи. Троцкий целовал ей руку в глине и говорил, что навсегда сохранит в памяти «женщину в ореоле пушистых волос и с грязными руками». Клэр Шеридан пишет: «Это был последний сеанс работы у Троцкого. В полночь он стоял рядом. Именно тогда я решила попросить его расстегнуть воротник. Троцкий выполнил просьбу». Прощаясь той ночью, Троцкий по-французски сказал: «А поедемте вместе на фронт». Она не ответила. Через два дня Клэр получила сообщение от Троцкого, чтобы завтра в четыре часа дня она была готова к отъезду на фронт. До самого утра она не могла принять решение. В дневнике пишет: «Как велик был соблазн!» Но она не решилась.

22 ОКТЯБРЯ

22 октября 1920 года состоялось заседание Воронежского губернского комитета РКП(б), на котором обсуждался вопрос «О борьбе с развивающимся в южной и восточной части губернии бандитизмом».

Сразу же требуется пояснение: под бандитизмом подразумеваются крестьянские восстания. В 1918, 1919 годах в официальных советских документах их называли контрреволюцией. Но в феврале 1920 года Совнарком принял антикрестьянское постановление, подписанное Лениным, «О мерах по борьбе с бандитизмом». И с тех пор восстания крестьян стали в документах называть бандитизмом.

Постановление Совнаркома было принято 19 февраля. День в России знаковый, исторический. 19 февраля 1861 года было отме-

нено крепостное право, каждый в России знал эту дату. Теперь с 19 февраля 1920 года ускорялось движение в обратную сторону. Большевики хотели проделать с крестьянами фокус. А фокус этот заключался в следующем: вы требовали земли — мы дали вам землю, но плодами вашего труда на этой земле будем распоряжаться мы, а не вы. Вы рассчитывали на другое, на торговлю, на расширение производства, на прибыль, — это ваши проблемы, мы вам этого не обещали. У нас на ваше зерно — свои планы. Нам надо хоть как-то прокормить армию и города, иначе мы потеряем власть. Поэтому мы силой возьмем у вас все, что нам требуется.

Назвав в 1920 году крестьянские выступления бандитизмом, Ленин понизил их в статусе. Если раньше советская власть держала крестьян за контрреволюционеров, за классовых врагов, то теперь они — просто бандиты. Но это все игра в слова. А фактически большевистская политика военного коммунизма зашла в экономический и политический тупик. Продовольственная разверстка, то есть отъем зерна у крестьян, обычно даже без символической платы, и запрет на торговлю зерном не обеспечили крупные города необходимым количеством хлеба, но вызвали политическую радикализацию крестьян. Вследствие голода уже началась Крестьянская война в Тамбовской губернии. Теперь подключилась голодающая Воронежская.

Никаких запасов не было уже к началу года. В 1919 году по территории Воронежской губернии дважды прошли белые войска, столько же красные. Все продовольствие со складов было вычищено. Весной 1920 года забрали зерно, бывшее для личного пользования. То есть прошлись что называется по сусекам. Дальше летом началась засуха. Но норму продразверстки не снизили. Ввиду голода до трети населения некоторых волостей бежало на Кавказ, на Кубань, в Сибирь. Детей оставляют возле сельсоветов в надежде, что так дети выживут. Из-за отсутствия продовольствия бросали службу совслужащие в сельсоветах. Особенно тяжелое положение в южных районах Воронежской губернии. В городах запрещают выдачу хлеба населению, по карточкам только рабочим по спискам. На местное начальство давят сверху, грозят строжайшими мерами и наказаниями «по законам революционного времени вплоть до отправки в концентрационный лагерь».

Соответственно, со стороны местного начальства идет насилие, беззаконие. Иногда арестовывают целыми селами, не освобождают, пока не отдадут последнее зерно. При этом официальные донесения

свидетельствуют о голоде. Из секретной сводки из Павловского уезда: «Ряды голодающих пополняются. Часто население в некоторых волостях собирает мох, который сушат и едят». Из сводки Коротоякского уезда: «Население ввиду неурожая и изъятия всего наличия хлеба почти на все 100% голодает».

Хлеб не оставляют даже семьям красноармейцев. А с красноармейцами — особая ситуация, и Воронежская область — не исключение. Дезертирство из Красной армии, как и из белой, — массовое явление во время Гражданской войны, люди не хотят воевать, устали еще в мировую войну. К осени 1920 года в России оформилась целая социальная прослойка — дезертиры. Целая социальная прослойка на нелегальном положении. Базируются в лесах недалеко от родных деревень. Организуют лесные поселения в землянках. Дезертиров отлавливают, но дезертирство как массовое явление сохраняется.

Некоторое время дезертиры не совершали силовых действий против органов советской власти. Но их активизируют крестьяне, которые бегут в лес, отчаявшись сохранить свое хозяйство в условиях продразверстки и насилия со стороны власти. Причем эти крестьяне — середняки и бедняки. В лесах организуются отряды. Во главе — люди с большим боевым опытом. Вот такие отряды и начинают смертельную борьбу против продразверстки и тех, кто ее осуществляет. В конце октября 1920 года общее командование этой борьбой возглавил Иван Сергеевич Колесников. Он был избран командиром на общем народном сходе в его родном селе Старая Калитва.

Колесников воевал в Первую мировую, начал рядовым, закончил унтер-офицером и командиром взвода. В Гражданскую воевал в Красной армии, неоднократно ранен, командир батальона. Дезертировал и стал руководителем крестьянского восстания. Оружия было много. В 1919 году села переходили из рук в руки, оружие оставалось и от белых и от красных, крестьяне его припрятавали. Теперь доставали, садились на коней и отправлялись к Колесникову. Известие о восстании быстро распространяется. Главный лозунг: «Против грабежа и голода!» Район действий повстанцев расширяется. Они разгоняют продотряды, возвращают зерно крестьянам. Работники сельсоветов переходят на сторону Колесникова. В двух волостях к восставшим уходят советские военные комиссары.

Крестьянская война — страшная. Колесниковские крестьяне, доведенные советской властью до озверения, теперь зверствуют сами. Публичный самосуд над продотрядовцами и милиционерами — в порядке вещей. Пленных берут редко, если берут — все равно убивают, спускают под лед в Дон.

Колесников создает собственную кавалерию, ее численность растет, крестьяне приходят со своими лошадьми. В антисоветских действиях принимает участие все население сел, включая женщин и стариков. Только вооруженных людей — 10 тысяч. Два десятка пулеметов на тачанках, четыре орудия по 50 снарядов на каждое.

После ряда неудач в боях с регулярными красными частями Колесников с частью бойцов ушел на Украину. Многие крестьяне отчаялись и не пошли с Колесниковым. Руководство Воронежской губернии уверилось в окончательном разгроме повстанческого движения.

Но во второй половине декабря Колесников вернется, победоносно пойдет по губернии — и крестьяне опять побегут к нему. По официальным оценкам советских органов власти, в Воронежской губернии действует 165 колесниковских отрядов, более 50 тысяч человек. В начале 1921 года Колесников соединится с восставшими в Тамбовской губернии. Он становится командующим первой партизанской армии Тамбовского края. 5 марта 1921 года части Колесникова вступят в бой с 14-й отдельной советской кавалерийской бригадой, в составе которой эскадрон командовал будущий маршал Георгий Жуков. Жуков получит за эти бои орден Красного Знамени, но потери у него в бою с Колесниковым были большие. Эта крестьянская война продолжится до осени 1921 года.

Надо сказать, что местное начальство трезво оценивало ситуацию. В декабре 1920 года военный комиссар Богучарского района представил рапорт, в котором говорилось: «Будет ли умиротворен край — сказать трудно... Восстание получило свое начало в самой гуще деревни, будучи чуждым какого-либо стороннего влияния... То, что дошло до меня, достаточно для предположения крупных неправомерностей в подразверстке... Здесь бросается в глаза та тупая решительность повстанцев, с которой они принимают смерть в боях с войсками...»

Еще один будущий маршал, Тухачевский, подавлявший крестьянские восстания, скажет короче: «Красной армии приходилось вести борьбу с народом».

30 ОКТЯБРЯ

30 октября 1920 года Ленин подписал так называемый «бельевой декрет», а если точно — декрет «О привлечении всех гражданок Республики в порядке трудовой повинности к обязательной пошивке белья». Белье нужно срочно шить для Красной армии, советские государственные мастерские не справляются, значит, все женщины в возрасте от 16 до 45 лет обязаны шить белье. Всех надлежит обеспечить материалом для раскроя и нитками. Органам, ответственным за выполнение поставленной бельевой задачи, «предлагается развить максимальную энергию».

То есть картина следующая. Частные предприятия, которые во множестве могли бы эффективно шить белье, запрещены из идейных соображений. Поэтому, отработав по основному месту занятости, женщина возвращается домой и садится шить белье для солдат. Может вручную, может на машинке, если есть. Для обоих вариантов прописаны дневные нормативы выработки. Теоретически предполагается некоторая оплата. Но, во-первых, дают далеко не всегда, во-вторых, деньги ничего не стоят, а работа отнимает время, которое в условиях полной разрухи могло бы пойти на поиск дров, на колку этих дров, на то, чтобы затопить буржуйку, отогреть детей, хоть как-то покормить их. Короче, трудовая повинность съедает время, которое необходимо для элементарного выживания. В пункте пятом Декрета указано: «Все гражданки... на время пошивки освобождаются от всех видов трудповинности не по специальности». Из чего следует, что видов трудовой повинности много, а бельевая — еще одна, но настолько срочная, что временно избавляет от остальных. По меркам 1920 года это можно считать даже послаблением. Все-таки работа на дому, а не мытье и стирка бинтов в больницах и не расчистка улиц от снега. Эти принудительные общественные работы после рабочей смены — не что иное, как новая барщина.

Экономическая суть барщины не меняется от того, что Ленин называет ее одной из форм социалистического и коммунистического труда. И вообще, Ленин не считает трудовые повинности временным явлением в условиях форс-мажора Гражданской войны.

Сначала население было введено Лениным в заблуждение. Он сказал: «Для рабочих и беднейших крестьян России трудовая повинность должна означать привлечение к общественной службе богатых

и имущих классов». Так произойдет «очистка земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых...» Сюда же идет интеллигенция, как «прихлебатели, приживальщики и лакеи капиталистов». Это любимая ленинская стилистика.

На практике трудовая повинность применительно к классовым врагам означала, что, вернувшись со службы, эти люди отправлялись на черную работу по очистке улиц и дворов от грязи, мусора и снега. То есть компенсировали развал коммунальной системы, учиненный большевиками. Эти же «бывшие» чистили железнодорожные пути, разгружали и нагружали вагоны. Ленин мечтал «поставить их чистить сортиры» — они и чистили вокзальные сортиры. До мест работы шли под конвоем. Остались воспоминания: «...проходя в то время по улицам Москвы, вы могли видеть такие картины: группа женщин и мужчин, молодых и очень уже пожилых, под надзором здоровенных красноармейцев с винтовками в руках разгребают или свозят на ручных тележках мусор, песок». Главное в этой работе то, что она принудительная и обычно бесплатная. Огромная удача, если дают фунт хлеба. Это 450 граммов — очень много для 1920 года. То есть, как с собачками, команда—выполнение—корм.

Но классовым принципом принудительные работы не ограничились. В январе 1920 года выходит Декрет, согласно которому ВСЕ трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось к выполнению разнообразных трудовых заданий. Это Декрет о всеобщей трудовой повинности. В соответствии с ним при Совете обороны создается Главный комитет по всеобщей трудовой повинности. А главой комитета становится Дзержинский, что сразу говорит о том, что дело нешуточное.

В марте 20-го года на 9-м съезде партии Ленин сказал: «...мы трудовую повинность и принуждение осуществляем, нисколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществить принуждение, чтобы во что бы то ни стало удержать свое».

В том, что касается пролетариата, ленинское заявление крайне сомнительно. Потому что именно большевистская экономическая политика породила полный хаос, вызвала голод, обвал рубля и заставила квалифицированных рабочих массово бежать с заводов в деревню. А в деревне против большевиков уже начались крестьянские войны. Так что Ленин говорил не о пролетариате, а о себе,

о своей власти, которую во что бы то ни стало надо удержать. А для этого всех надо заставить работать, чтобы срочно восстановить подобие нормальной жизни. Причем определенную часть работы следует выполнять даром и там, где власть сочтет нужным. Народный комиссариат по труду, Наркомтруд, констатировал: «...условия заставили нас в 1920 году поставить вопрос о передаче хозорганам больших масс рабочей силы по принципу: взять количеством то, что не удастся взять качеством». С 1920 года хозяйственные начальники по собственному усмотрению делали заявки на рабочую силу, получали ее и использовали как хотели.

Ленин выступает на заседании Моссовета и требует стереть с лица земли следы требований личной свободы и свободы в сфере труда. Бухарин, не самый жестокий в большевистском руководстве, тогда же пишет: «...пролетарское принуждение, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Троцкий говорит: «Таким образом, для проведения... трудовой повинности государство должно и будет в переходный период располагать известным числом наиболее испытанных надежных и дисциплинированных частей». Троцкий в это же время начинает осуществлять идею создания трудовых армий. Мысль простая, пришедшая, кстати, снизу, из 3-й армии Восточного фронта. Предлагается освободившиеся на фронтах Гражданской войны армии не распускать, а употребить на производстве и восстановлении транспорта. Ленину идея понравилась. В ситуации разрухи и развала вообще хочется применить военные принципы для решения любых экономических проблем. Член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Берзинь говорил: «Видела ли история человечества более грандиозное начинание! Это новый, великий шаг вперед в деле организации массового принудительного труда — сейчас в государственном масштабе, а затем и в мировом масштабе». Создадут семь таких армий. Распустят их в 1921 году.

Троцкий написал приказ-памятку для Первой революционной армии труда и подчеркнул главный смысл новой армии-трансформера. Она трудится на хозяйственном фронте и одновременно остается боевой силой, в любой момент готовой отразить удар контрреволюции. В будущем в СССР по тому же принципу будут строить макаронные фабрики. В мирное время они выпускают

макароны калибром 7,62 мм, чтобы моментально в случае войны перейти на производство патронов.

С 1920 года принудительный труд на воле не отличается от работ, которые выполняют лица, находящиеся в советских концлагерях. Например, на территории Москвы. Концлагеря в столице были повсеместно. В Андрониковом монастыре, в Ивановском монастыре, в Рождественском. В районе Покровского бульвара, рядом с бывшим домом Морозова. В Новопесковском переулке, там, где сейчас британское посольство. Во Влыдыкино, в Кожухово, в Лианозово. Знаменский лагерь на Варварке, возле Кремля. В этих лагерях содержались «бывшие», пленные из белых армий, участники крестьянских восстаний, так называемые труддезертиры, сбежавшие из трудовых армий. А также в большом числе иностранцы, включая афроамериканцев. Среди заключенных было много профессионалов высокого класса. Их активно привлекали к работе в советских учреждениях и на предприятиях. То есть сначала арестовали, потом увидели, что лишились спецов, и теперь возят их на работу по специальности из концлагеря. Особые объекты для лагерников — Большой и Малый театры. Но большинство трудятся на тяжелых и грязных работах. По воспоминаниям, в Ивановском лагере перевозка мусора производилась телегой, в которую, за неимением лошади, впрягали заключенных. Двор был усеян битым стеклом, заключенные из-за отсутствия обуви работали босиком. После отказа работать босиком им выдали лапти.

Исключительно важен фактор унижения. Княгиня Куракина прошла два лагеря — Кожуховский и Андроньевский. Работала прачкой, стирала белье лагерных охранников.

Все это — ленинские наработки для будущего сталинского ГУЛАГа.

7 НОЯБРЯ

7 ноября 1920 года праздновали трехлетие со дня захвата власти большевиками.

В 11 часов утра Ленин с Крупской в Кремле в бывшем здании Арсенала присутствовали на собрании рабочих по поводу открытия клуба в память погибших революционных солдат.

Через час Ленин с Дзержинским приехали в московскую кавалерийскую школу на выпуск командиров Красной армии. Это важно: командиры сразу отправлялись на Южный фронт против Врангеля. Еще через час, в 13.00, Ленин выступал в Сокольниках.

Но главную праздничную речь он произнес накануне, на торжественном заседании в Большом театре. Ленин вспомнил ночь трехлетней давности и сказал: «...если бы в ту ночь нам сказали, что через три года будет то, что есть сейчас, будет вот эта наша победа — никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил».

Троцкий 7 ноября в Петрограде встречается с соратниками по событиям трехлетней давности. Встреча называлась «Заседание участников Октябрьского переворота», и само это название говорит о взгляде главных действующих лиц на то, что им удалось проверить. Тогда никто не называл происшедшее Великой Октябрьской социалистической революцией. Есть стенограмма того заседания, очень интересная. Потому что речь идет о механизме переворота. Троцкий вспоминает, что все началось, собственно, с того, что правительство решило треть полков петербургского гарнизона отправить на фронт. Большинство гарнизона вследствие пропаганды было за большевиков. На фронт идти не желали. И тут Троцкому пришла в голову мысль: использовать недовольство петроградского гарнизона и довести конфликт до открытого переворота. Троцкий говорит: «Возникшее обстоятельство в высшей степени помогло нам установить способ переворота. Мы получили чисто военную завязку большого конфликта, на основе которого можно было разыграть выступление». И от этой идеи до выступления — всего месяц.

Кроме того, большевики разыграли маленькую комбинацию.

Когда пошла информация о том, что полки, в которых большевики ведут агитацию, отправят на фронт, обеспокоились не только большевики, но и левые эсеры. Троцкий вспоминает одного из них, молодого и неопытного. Он предложил создать военно-революционный комитет для проверки, почему из Петрограда удаляют полки. Троцкий говорит, что это была удача, потому что требование о создании Военно-революционного комитета исходило не от большевиков, которые были под подозрением у правительства, а от эсера. Троцкий говорит: «Не знаю, отдавал ли этот эсер себе отчет, что дело идет о заговоре, не знаю... Но он написал проект документа о Военно-революционном комитете, мы его выправили, внесли

в Петроградский совет, и он был принят». Это означало, что большевики получили организационную военную структуру на случай переворота. Люди из этой структуры пошли по заводам, фабрикам и воинским частям.

7 ноября на посиделках в Питере Троцкий и компания пытались вспомнить, когда было принято решение ЦК о начале переворота. «Может быть, кто-нибудь помнит?» — спрашивает Троцкий. Кто-то вспоминает: «Девятого октября или немного позже, после двенадцатого». Но точно уже никто не помнит. Вспомнили, что восстание первоначально назначалось на 15 октября, а Троцкий тогда настаивал начать восстание к открытию 2-го съезда Советов, то есть 25 октября. А может быть, Троцкий просто решил сделать себе подарок ко дню рождения — 26 октября. Но так или иначе получается, что не только руководство Октябрьским переворотом, но и сама дата переворота связана с именем Троцкого.

Троцкого 7 ноября 1920 года наградили памятной медалью к трехлетию революции. Правда, не его одного, а всех участников торжественного заседания в Смольном. Неофициально медаль называлась «За взятие Зимнего». Автор — известный скульптор-медальер Антон Васютинский. Семью годами раньше он же был автором медалей «В память 300-летия царствования дома Романовых» и «За беспорочную службу в полиции».

Когда Троцкого награждали в Петрограде, Сталин был в Баку. В своем докладе на торжественном заседании Бакинского совета он говорил ровно то же, что Ленин и Троцкий, и говорил правду: «Три года тому назад маленькая кучка большевиков собралась и решила окружить дворец Керенского, взять его войска, уже разложившиеся, в плен и передать власть собравшемуся тогда съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». То есть то, что произошло, — технологичный переворот, осуществленный «маленькой кучкой». Сталин ближе к концу доклада в несколько иной конструкции повторит это: «Мы, маленькая группа большевиков во главе с товарищем Лениным...» То есть, в 1920 году Сталин уже игнорирует Троцкого.

Но 7 ноября 1920 года история Октябрьского переворота переписывается еще не Сталиным, а совершенно другим человеком. Режиссером, теоретиком театра, драматургом, музыкантом Николаем Евреиновым. В его театрализованном действии на Дворцовой пло-

щади. По его замыслу и воле Зимний берут второй раз и совсем не так, как в первый. Не так, как вспоминали Троцкий и Сталин. Второй раз Зимний берут масштабно, героически. Задействованы 8 тысяч статистов, 8 режиссеров, 500 музыкантов оркестра, сотни солдат и матросов действующей армии, а также танки, пулеметы, прожектора и крейсер «Аврора». 100 тысяч зрителей.

Очевидцы вспоминали: «Действие начиналось в полной ночной тьме, пушечным залпом. Затем звучали фанфары.

Театральное действие попеременно развивалось на двух площадках — «белой» и «красной». В темноте включалось освещение то одной, то другой площадки. Главный герой «белой» сцены — Керенский — произносил речи в окружении сановников, юнкеров и «восторженных дам». Тут же Временное правительство, которое непрерывно заседало, меняя лишь позы.

На «красной» сцене обитали трудовые массы и их вождь. Инертные и неуверенные вначале, по ходу действия они все увереннее начинали кричать «Ленин, Ленин!». «Белая» площадка постепенно пустела. Временное правительство оставалось «в трагикомическом одиночестве... охраняемое лишь юнкерами да женским батальоном». Вскоре после этого к «белой» сцене подъезжала машина и увозила ее участников в Зимний дворец. А дальше наступал черед эпизода «Октябрь»: из-под арки штаба мчались грузовики, заполненные вооруженными рабочими. Они проносились возле Александровской колонны и останавливались у Зимнего дворца, охраняемого юнкерами и женским батальоном. Короткий бой оканчивался бегством оборонявшихся, а восставшие врываются во дворец.

Дворец сначала был весь темный. Но как только восставшие врываются во двор... прожектора начинали метаться по крыше. Дворец сразу же превращался в силуэт, и тотчас же во всех его окнах вспыхивал свет. В окнах были спущены белые шторы, а на их фоне — приемом театра китайских теней — разыгрывались маленькие пантомимы боя». И наконец, после этого все прожекторы фокусировались на огромном красном знамени над дворцом. Действие сопровождали громкие взрывы, выстрелы, орудийный салют и исполнение «Интернационала».

7 ноября 1920 года режиссер Николай Евреинов на глазах у публики сложил миф об Октябрьском перевороте. Во время представления многое снималось на кинокамеру. Был сделан короткий фильм,

который практически сразу воспринимался зрителями как кинохроника. В 1927 году Сергей Эйзенштейн, снимая свой великий фильм «Октябрь», будет опираться на миф, созданный Евреиновым.

Сам Евреинов вскоре покинет большевистскую Россию. Уедет главный художник представления — Юрий Анненков. Уедет и Дмитрий Темкин, пианист, композитор, один из организаторов действия на Дворцовой площади. Он впоследствии в Штатах станет одним из лучших авторов музыки к голливудским фильмам, четырежды лауреатом «Оскара» и кавалером французского Ордена Почетного легиона. Они уедут, а созданный ими миф об Октябрьском перевороте останется в России.

Троцкий 7 ноября 1920 года на вечере воспоминаний никаких мифов не строил. Напротив, сказал очень конкретную вещь: до того как неожиданно предоставилась возможность Вооруженного переворота, цитирую, «...у нас был план совершения его чисто заговорщическим путем». Вот так.

13 НОЯБРЯ

13 ноября 1920 года части белой армии и гражданские лица в Севастополе грузились на корабли, чтобы покинуть Россию, которая теперь уже целиком занята красными. Еще два дня назад белые оказывали сопротивление на Перекопе, в горловине на входе в Крым. Об этом ожесточенном сопротивлении в неравных и гибельных условиях свидетельствует радиограмма красного командующего Южным фронтом Фрунзе, направленная 11 ноября белому главному Врангелю: «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота...» А дальше Фрунзе пишет, что гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего состава, полное прощение. А также возможность беспрепятственного выезда за границу, при условии отказа под честное слово от всякого участия в дальнейшей борьбе против советской власти... «Моральная ответственность за все возможные последствия, — пишет Фрунзе Врангелю, — в случае отклонения данного честного предложения падет на Вас».

Вполне вероятно, что Фрунзе, направляя радиограмму Врангелю, на полном серьезе говорит о честности своего предложения и готовности верить честному слову своих противников. Может быть, так и было бы, если бы хоть что-то, кроме военных действий, зависело от Фрунзе. Лично Фрунзе, в отличие от многих других, садистом не был и не проявлял желания вешать своих противников на деревьях и фанарных столбах, как это будет в Крыму. Но слово Фрунзе в большевистской политической иерархии не имело веса. Уже на следующий день, 12 ноября, Ленин телеграфировал Фрунзе: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, ...не выпускать ни одного судна. Если же противник не примет этих условий, то, по-моему, ...нужно расправиться беспощадно». То есть Ленин намерен белых из Крыма не выпускать, захлопнуть их в крымском капкане и всех перебить. Так Ленин видел победную точку в Гражданской войне. Для Врангеля исход Гражданской войны выглядел по-другому. Это был в прямом смысле исход. Массовая эвакуация, которую надо было организовать и реализовать.

План возможной эвакуации был разработан генералом Врангелем совместно с командующим флотом контр-адмиралом Кедровым еще в начале лета 1920 года. Корабли и прочие плавсредства были распределены по черноморским портам. Везде был создан неприкосновенный запас угля, машинного масла и продовольствия.

Об эвакуации генерал Врангель объявил 11 ноября в своем последнем приказе в качестве главнокомандующего русской армией. Текст начинается с обращения «Русские люди» и по стилю и сути выходит за рамки приказа. «По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделит с Армией ее крестный путь. Дальнейшие пути наши полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно... предупреждаю всех о том, что их ожидает».

Войска уже получили приказ оторваться от противника и быстрыми переходами двигаться в определенные порты для погрузки. По первоначальному плану предполагалось эвакуировать из Севастополя — 20 тысяч, из Ялты — 10 тысяч, из Керчи — 20 тысяч, из Феодосии — 13 тысяч, из Евпатории — 4 тысячи. Гражданские лица, желающие эвакуироваться, записывались в указанных пунктах. 12 ноября стало очевидно, что людей будет гораздо больше, чем

предполагалось. Из Севастополя уедет не 20 тысяч, а 65 тысяч человек, из Феодосии — не 13 тысяч, а 30. Из Керчи — более 32 тысяч. На улицах, ведущих в порты, было выставлено оцепление, людей проверяли по пропускам и спискам.

Из внутренних районов Крыма добирались кто на чем. Поезда были забиты войсками и ранеными. Глава губернской земской управы Владимир Оболенский принял решение уезжать только 12 ноября утром. Вспоминал, что штатские из Симферополя ехали кто на тормозных стыках вагонов, кто на крыше поезда. Он сам — на крыше, вместе с калмыцкой семьей. Тут же — солдаты. Оболенский вспоминает: «...все мы ехали в изгнание... А солдаты были веселы, балагурили, как дети радовались тоннелям, в которых, чтобы не оторвало головы, приходилось ложиться... Незаметно было ни следа тревоги и заботы о неизвестном будущем...» Эти простые люди радовались, что для них кончилась война. После трех лет мировой и трех лет Гражданской им на все наплевать.

Недалеко от Севастополя бронепоезд, сошедший с рельс, перегородил дорогу, пришлось идти пешком, восемь верст по шпалам с чемоданами, с мешками. Попали в общий людской поток; вперемежку пехота, кавалерия, обозы. Потом все вошли в тоннель в темноту. Ничего не видно. Слышишь топот шагов, дыхание, ругань и фыркание лошадей. Но все идет без всякой паники. Истерики, что была при эвакуации из Одессы и Новороссийска, теперь нет. Воинские части знают свой порт. На перекрестках дорог стоят офицеры, перехватывают своих однополчан и направляют их к конкретным пароходам.

Командующим флотом контр-адмиралом Кедровым были разосланы телеграммы командирам сухопутных соединений с четкими директивами, кто и где грузится на корабли. Кедров подчеркивал: «Если же войска будут отступать не по дислокации, то никого не увезти. Убедительно прошу выполнить дислокацию и дать флоту возможность исполнить свой долг перед армией». В предложенных исключительных обстоятельствах все действительно шло организованно. Очень грамотным было решение погрузить на корабли лазареты еще до объявления общей эвакуации. Эта сложная работа была проведена быстро и в спокойном режиме.

В Севастополе 13 ноября было главным днем массовой погрузки. На пристани несметная толпа. У людей, уезжающих навсегда, вещей немного. У гражданских — чемоданы. Кто-то из офицеров

вспоминал: «У меня только английская походная сумка, в ней две смены белья и пакет с крымским табаком. И еще янтарный мундштук в зубах — единственная память о домашнем уюте».

Погрузка прошла оперативно и закончилась на следующий день, 14 ноября, в два часа пополудни. Утром Врангель объехал на катере все суда, вернулся на Графскую пристань Севастополя, где грузились последние юнкерские части, а затем отбыл на борт крейсера «Генерал Корнилов».

Крейсер простоял на рейде до ночи. Генерал Врангель выжидал, пока все корабли покинули бухту Севастополя, затем двинулся в сторону Ялты, дальше — в Феодосию и Керчь. В Феодосии грузились донские казаки, в Керчи — кубанцы. Задача стояла — везде взять всех желающих. Можно сказать, что она была выполнена.

С 13 по 16 ноября 1920 года из портов Крыма вышло 126 судов, все в три-четыре раза перегруженные сверх всякой нормы. 145 693 человека, не считая судовых команд. Людьми забиты все палубы, мостики, трюмы. Издали степень загруженности пароходов определяли по тому, есть ли какое движение на палубе или нет. Если глаз ловил движение — значит, судно не забито до отказа. На многих кораблях военные стояли весь путь плечом к плечу.

Крейсер «Генерал Корнилов» изначально предназначался для главнокомандующего, его личного штаба, для командующего флотом со штабом и еще ряда высших чинов. В реальности на «Корнилове» размещали тех, кто не попал на другие корабли. Сначала сделали исключение для семей морских офицеров, а потом уже брали всех без разбора. Так что «Генерал Корнилов» ушел таким же перегруженным, как и все другие корабли.

Путь в Константинополь был тяжелым. Почти без еды, вода — примерно один стакан на человека в сутки. Нехватка туалетов. Живая очередь в туалет по 6–7 часов. Уже на второй день началось упрощение нравов, уходили стыдливость, привычные понятия о личном. Спали вповалку. Без различия чинов и полов. За четыре дня пути женщины преждевременно рожали. Все младенцы, родившиеся в пути, были мертвыми.

Ни те, кто двигался в сторону Константинополя, ни те, кто остался в Крыму, не знали, что их ждет. После эвакуации в Крыму остались 2009 офицеров и 52 867 солдат русской белой армии. И больше 100 тысяч гражданских и военных чиновников, журналистов, врачей.

16 ноября, в день ухода белых кораблей из Крыма, глава ВЧК Дзержинский направил секретную телеграмму начальнику особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов Манцеву: «Примите все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец».

А кроме того, в телеграмме указывалось, что «из Крыма не должен быть пропущен никто из населения и красноармейцев». Дзержинский четко распределил роли. Все белые, не покинувшие родину, подлежали уничтожению. Населению следовало смотреть на кровавую расправу, бояться и делать для себя выводы. А красноармейцам предстояло из бойцов на фронте превратиться в карателей. И никому — ни оставшимся белым, ни населению, ни красным бойцам — выбора не осталось.

19 НОЯБРЯ

19 ноября 1920 года «Красная газета» сообщила: «Сегодня ночью на многочисленных грузовиках в сопровождении военной охраны с Николаевского вокзала в Петроградский Эрмитаж были доставлены исторические и художественные ценности, эвакуированные в период последней империалистической войны».

Эрмитажные сокровища отсутствовали в Петрограде 6 лет. Первая партия музейных предметов была вывезена в Москву в Оружейную палату в июле 1914 года, прямо накануне объявления войны. Многие в упакованном виде оставили в кладовых Эрмитажа. А картинную галерею решили не закрывать для посетителей, «дабы не породить паники».

Следующий этап эвакуации прошел уже при Временном правительстве ввиду непосредственной военной угрозы для Петрограда. В сентябре 1917 года вывозили Рембрандта, Рафаэля, Веласкеса, Тициана, Леонардо, все наиболее ценные картины Эрмитажа. Их снимали из рам, нумеровали. На стене в пустой раме оставляли соответствующий номер картины. Чтобы быстрее возвращать на свои места, когда все вернется обратно.

Вывезли собрание монет, гравюр и рисунков, миниатюр, скульптуру, художественную мебель, библиотеку, архив. Вывезли и Русский музей, и Академию художеств, и художественные ценности из дворцов Петрограда.

Последний этап эвакуации должен был пройти 25 октября 1917 года, но он не состоялся в связи с Октябрьским переворотом. В Москве коллекции принимала комиссия, состоявшая из выдающихся деятелей культуры: архитектор Клейн, искусствовед Грабарь, профессура Московского университета, известные коллекционеры. Первый опыт взаимодействия комиссии с большевистскими военными властями связан с судьбой 220 эвакуированных ящиков коллекционного вина. Решено было вино уничтожить. Так как нельзя было ручаться за сохранность остальных ценностей в случае, если солдаты, прослышав о вине, ринутся на его поиски.

Но дело было не только в солдатах. Сотрудники Эрмитажа и члены Московской комиссии писали в отчетах: «...пребывание эрмитажных и прочих сокровищ в непосредственной близости органов и лиц центральной власти... является крайне нежелательным и опасным». В том смысле, что всякое может быть. Большевики могут не удержаться у власти, и тогда в новой неразберихе могут пострадать художественные ценности. Или большевики удержатся у власти, и кто знает их начальников, не захотят ли они выбрать себе что-нибудь из коллекций. Тем более все под боком. Большевики — в Кремле, и привезенные ценности — в Кремле.

Эрмитаж и Русский музей еще в апреле 1920 года обратились к Ленину с ходатайством ускорить решение вопроса о возвращении коллекций. Непосредственная подготовка к реэвакуации началась 8 ноября 1920 года. 19 ноября коллекции прибыли в Питер. А уже 28 ноября в Эрмитаже был восстановлен зал Рембрандта. Сотрудники Эрмитажа трудились самоотверженно, работали день и ночь. 2 января 1921 года всей картинной галерее был возвращен первоначальный вид. И никто из сотрудников Эрмитажа тогда не знал, не мог знать и вообразить не мог, что будет в недалеком будущем.

За три недели до чудесного возвращения музейных собраний, 26 октября 1920 года, Ленин написал проект Постановления Совета народных комиссаров о сборе и продаже за границу русских художественных ценностей. Ленин сопроводил документ письмом: «Я настаиваю на чрезвычайном ускорении этого дела... решить продажу этих вещей как можно скорее».

Сначала с большим или меньшим успехом начали сбывать то, что конфисковали у граждан. Для ювелирного конфиската, который вынесли из квартир, сорвали с шеи и пальцев, создали специ-

альную структуру — Гохран. По сути, это контора по хранению краденого. Расшифровывается как государственный фонд ценностей для внешней торговли. В него же со всей страны свозят картины и предметы прикладного искусства, которые были в домах и частных собраниях. Что-то, по минимуму, оставляют в музеях. Но все, что можно, пускают на экспорт.

По прошествии лет пяти разные советские конторы, торгующие награбленным, находят доступ на аукционы в Германии, вступают в отношения с голландской фирмой по продаже коронных драгоценностей, с английской — по торговле антикварным серебром. И речь уже идет не о часах, снятых с рук граждан и гражданок, а попросту говоря о распродаже народного достояния. На «Сотбис» появится брачная корона Екатерины II, в 1926 году всплывет бриллиантовый меч Павла I, а также две тысячи бразильских бриллиантов и индийских изумрудов с платьев Екатерины.

Но все это было только начало, разминка. Главным торговцем станет Сталин. Списки проданного теперь опубликованы. Эрмитаж. 1931–1932 годы, по месяцам. Вот, скажем, февраль 1931 года. Оцените, какие имена: Хальс, Рембрандт, Рафаэль, Веласкес, Боттичелли, опять Хальс, еще Рембрандт. Апрель 1931 года тоже прекрасен: Рембрандт, Ван Дейк, Перуджино, Рафаэль «Мадонна Альба», Тициан «Венера перед зеркалом». Продано! Причем недорого. И так месяц за месяцем. Сохранились документы, спущенные сверху: «Предлагаю немедленно выдать картину художника Джорджоне «Юдифь». Содержимое некоторых дворцов продали скопом.

Бизнесмен и коллекционер Галуст Гюльбенкян в 30-м году направил письмо Председателю правления Госбанка СССР Пятакову. Господин Гюльбенкян покупал и готов дальше покупать в СССР шедевры, если они распродаются, но в письме Пятакову написал: «Торгуйте, чем хотите, но только не тем, что находится в музейных экспозициях. Продажа того, что составляет национальное достояние, дает основание для серьезнейшего диагноза».

Часто говорят, что на деньги, полученные от распродажи шедевров, спасали людей от голода и провели индустриализацию. Это неправда. Полученные деньги были малы, менее одного процента валового продукта. Они ничего не решали и были просто разбазарены. Шедевры, проданные подешевке, можно увидеть в главных музеях мира.

26 НОЯБРЯ

26 ноября 1920 года командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе отдал приказ об уничтожении Повстанческой армии Нестора Махно: «Первое. Войскам фронта считать Махно и все его отряды врагами Советской Республики и революции. Второе. Командирам всех частей Красной армии, имеющих соприкосновение с махновскими отрядами, таковые разоружить, оказывающих сопротивление — уничтожить. Третье. Всю территорию Украинской Советской Республики в кратчайший срок очистить от остатков бандитских шаек и тем обеспечить возможность мирного строительства».

Это был уже не первый за последние три дня приказ командующего армиями Южного фронта об уничтожении Махно. Первый был отдан 23 ноября. Суть приказа в том, что большевики более не видят необходимости в поддержке со стороны партизанской армии Махно и ей следует немедленно влиться в ряды Красной армии. В приказе говорится, что партизанская армия, привыкшая к разгону, грабежу и своеволию, теперь заманивает в свои ряды крестьян, стараясь использовать недовольство советской властью кулацких верхов. И дальше в тексте приказа следует: «Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, будьте наготове в любой момент раздавить семя подготовляющейся кулацко-анархистской авантюры». Копия приказа направлена Махно. Указывалось, что Комфронта Фрунзе будет ждать решения Махно о подчинении своей армии Красному руководству до 26 ноября.

То есть легендарный и неуловимый Нестор Иванович Махно, еще вчера помогавший красным брать Крым, получает ультиматум, да еще и не адресованный ему лично, а копию красного приказа. Скорее всего, получает 24 ноября вечером или 25-го. А в ночь с 25 на 26 ноября Фрунзе уже отдает приказ на уничтожение махновцев. И эта дата операции была определена в телеграфных переговорах Фрунзе с Лениным еще 23 ноября, до предъявления ультиматума Махно. Все решено заранее. И не военным руководством, а политическим большевистским руководством. Лично Лениным. Это его фирменный стиль: договориться с союзниками, поиспользовать их, а потом уничтожить, причем физически уничтожить. Потому что Ленин, во-первых, физически не переносит никакой иной политической позиции, кроме большевистской. А во-вторых, это его эф-

фактивный способ удержания власти. На момент захвата власти у него в союзниках были эсеры и анархисты. Он разделался с ними при первой возможности.

Нестор Махно оказывался временным союзником большевиков на фронтах Гражданской войны несколько раз. Причем по собственной инициативе. Анархист Махно отторгал идею Белой государственности, грел себя фантастической идеей о самостоятельности собственной маленькой страны. Когда белые бывали максимально близки к успеху, Махно со своей маневренной партизанской армией, с многочисленными пулеметами на тачанках оказывал содействие красным. Просто чтобы не победили белые, хотя и красных он не любил. Так было во время успешного наступления Деникина на Москву, когда Махно вдруг оттянул на себя значительные белые резервы.

Осенью 1920 года во время боев против Врангеля Махно опять поставил на красных. Подписал с большевиками договор из двух соглашений.

Одно соглашение военное. Повстанческая армия Махно сохраняет собственную внутреннюю организацию. И в Красную армию не вливается. Семьи махновцев приравниваются к семьям красноармейцев.

И было еще политическое соглашение. Полное прекращение преследования в дальнейшем всех махновцев. Полнейшая свобода агитации и пропаганды махновцами. Участие в выборах в Советы. А кроме того, Махно потребовал, чтобы в районах действия его армии были организованы населением местные вольные органы экономического и политического самоуправления, чтобы они были автономны и имели договорные связи с государственными органами советских республик. То есть Махно потребовал автономии, и это включили в соглашение. Но с опубликованием этого текста большевики медлили. Махно заявил, что до опубликования, до подтверждения обязательств, воевать против Врангеля не начнет.

Договор опубликовали. Махновская армия пошла в бой на захват Крыма. Красные части были под Перекопом, махновцы в тридцати верстах левее двинулись через Сиваш. Мороз 11 градусов, ветер, вода со льдом. Шквальный огонь белых. Сначала пошла конница под командованием крестьянина-анархиста Марченко, потом пулеметный полк Кожина. 250 тачанок. Они добились успеха.

Вслед за этим командующий крымской армией махновцев Семен Каретник со своими частями взял Симферополь.

Махновцы участвовали во взятии Евпатории, Севастополя, Керчи, Ялты. А потом красные заперли их в Крыму. Поступил приказ: махновцев из Крыма не выпускать. Каретник был вызван на совещание, арестован и расстрелян. Начальник полевого штаба Гавриленко, ряд махновских командиров также были созваны для обсуждения оперативных вопросов и расстреляны. Махновские части под командованием начальника кавалерии Марченко двинулись на север с целью выхода из Крыма. Некоторые красные части пропускали махновцев, потому что еще несколько дней назад они плечом к плечу дрались против белых и умирали рядом. На выходе из Крыма махновцев встретила знаменитая красная 1-я Конная армия. Живыми из махновцев ушли немногие. Одновременно был нанесен удар по штаб-квартире Махно в Гуляй-поле. Фрунзе планировал завершить историю с Махно за одну неделю. Но Махно был необыкновенно популярен у крестьян, озверевших от большевистской продрозверстки и голода. Они пополняли ряды его армии. Борьба Фрунзе с Махно превратилась в отдельную войну с участием сотысячных красных частей, бронепоездов, артиллерии и авиации. Фрунзе планировал и проводил войсковые операции, но не достигал цели. Эта война тянулась до августа 1921 года.

Ленин требовал: «Надо ежедневно в хвост и гриву гнать и бить, и драть Фрунзе, чтобы добил и поймал Антонова и Махно». Ленин был прав, когда ставил рядом Антонова и Махно. Антонов, глава восстания в Тамбовской губернии, и партизанский атаман Махно — лидеры одной большой крестьянской войны против большевистской власти, которая охватила Россию в конце 1920 года. Ленин отлично чувствовал эту стихийную опасность, более мощную, чем все белые армии. Хотя он еще не знал, что через три с половиной месяца дело дойдет до того, что он, Ленин, пойдет на уступки этим озверевшим мужикам. В смысле позволит им спокойно работать, платить налог и торговать излишками хлеба. Собственно, это будет просто разрешением вернуться к подобию человеческой жизни. И только ради удержания власти в стране. Когда Ленин умрет, эти мужики, ничего не понимающие в политике, будут плакать от благодарности.

6 декабря 1920 года Ленин выступал на собрании актива Московской организации ВКП(б). Говорил о концессиях. То есть о том, чтобы привлечь иностранный частный бизнес, иностранных инвесторов в советскую экономику. Потому что большевики со своей национализацией и Гражданской войной успешно разрушили очень неплохую российскую промышленность, разогнали ее кадровых квалифицированных рабочих, лишив их привычной достойной зарплаты, влили все ресурсы в Красную армию, чтобы она силой оружия обеспечила победу большевистской власти по всей стране, и после всего этого необходимо срочно искать средства, чтобы строить то, что сами разрушили. Знаменитая советская сталинская индустриализация будет, по сути, строительством на месте грандиозного пролома российской экономики, учиненного большевиками.

Когда Ленин предложил впустить в Советскую Россию иностранный частный бизнес, многие в партийных рядах не поняли такого поворота. Спрашивали, как же так, своих буржуев прогнали, а чужих зовем, они опасны. Ленин им 6 декабря 1920 года отвечает: «Говорить, что иностранцы нам опасны или что мы не сумеем уследить за ними, смешно. Если мы не сумеем поймать шпииков, незачем было огород городить, нечего было браться управлять государством. Мы решаем задачи неизмеримо более трудные. Например, сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим».

Когда Ленин произносит эти слова, в Крыму уже вовсю переваривают. Переваривание идет прямо в момент выступления Ленина. В Керчи 6 декабря 1920 года тройка в составе председателя Данишевского, членов Добродицкого и Вронского рассматривает анкеты солдат, офицеров и беженцев и выносит постановление: «За доказанностью обвинения всех перечисленных в количестве 174 человек как врагов трудового народа — расстрелять». Вот собрались три человека, быстро перебрали, пролистнули пачку анкет, осужденных в глаза не видели и приговорили оптом 174 человека к смерти.

Анкеты на себя люди заполняли собственноручно. 17 ноября, то есть практически сразу после вхождения красных в Крым,

была объявлена регистрация, на которую обязаны были явиться в трехдневный срок все лица, имевшие отношение к армии Врангеля. Кто не явится, будет считаться шпионом, подлежащим высшей мере наказания. Нигде не говорилось, что те, кто явится на регистрацию, тоже будут расстреляны. И люди пошли на регистрацию. Заполняли анкеты честно, большевики грозили взять в заложники родственников. В анкете был вопрос: почему не уехал с армией Врангеля? В ответ на него писали, что любят Родину, что не собираются участвовать в контрреволюционной деятельности, что просто хотят жить дома, в России. Часть народа отправляли в тюрьмы, часть отпускали с обязательством явиться через несколько дней. Тех, кого отправляли в тюрьмы, расстреливали. Приговоренных заставляли рыть рвы, ставили лицом к раскопу и стреляли в затылок. Сверху падали трупы тех, кого убивали минутой позже.

Больше всего расстреливали в Севастополе. И в Херсонесе. В Херсонесском Свято-Владимирском монастыре был концлагерь. Там тоже расстреливали. Многих сбрасывали с берега, привязав к ногам камни. Человеческие тела рядами стояли в рост под водой. Водолаз, случайно увидевший это зрелище, сошел с ума. В Севастополе еще и вешали. На Приморском и Историческом бульварах, Нахимовском проспекте, Екатерининской улице, на фонарях, на столбах, на деревьях висели тела. В форме, при погонах.

Дня через три дело дошло до тех, кого сначала отпустили. Была назначена новая регистрация. Теперь ей подлежали не только военные, но и священники, юристы, сестры милосердия, врачи, журналисты и вообще все «непролетарии», включая женщин и детей. Зарегистрировали и перешли к расстрелам.

Все это — поиски и отработка технологии массового уничтожения. Крым — полигон. Ленин из Москвы требовал работы, цитирую, «без идиотской волокиты». И работа шла. Архивы сохранили большой массив документов.

22 ноября 1920 года начальник особого отдела ВЧК Южного фронта Манцев председательствовал на заседании тройки при рассмотрении дел на 117 человек, на 154 человека и еще на 857 человек. Это в один день. Все расстреляны. 24 ноября тройка Особого отдела 6-й армии приговорила 16, 25 и 28 человек. В тот же день тройка особой фронтальной комиссии ВЧК 4-й армии —

200 человек. 7 декабря той же тройкой приговорены 82 человека. 19 декабря она же — 159 человек. Все перечисленное — только в Симферополе. В Феодосии тройка 13-й армии 4 декабря вынесла постановление о расстреле 287 человек, часть из которых была изрублена конниками. Кавалеристы скучали без дела во время расстрелов и упражнялись в снесении голов. По ложному обвинению в создании «антисоветской организации» расстреляны 3 гимназиста и 4 гимназистки в возрасте 15–16 лет.

В Ялте 7 декабря расстреляны 325 человек. 21 декабря — 101 человек. В списке расстрелянных под номером 16 идет Бяртинская Надежда Александровна, уроженка Санкт-Петербурга, княгиня, 1847 года рождения. То есть ей 73 года. Арестована была по доносу горничной.

В Евпатории среди прочих расстреляна 15-летняя Мария Курбатская, работавшая в госпитале. Арестовали случайно, но не отпустить же. В документах сохранилась фамилия того, кто ее расстрелял. Он отчитывался в рапорте, цитирую: «Мною Курбатскую расстреляно в 23 часа 5 минут 2 декабря 1920 года. Красноармеец Рубежов». 8 декабря в Евпатории расстреляны 122 человека. В Керчи 7 декабря расстреляли 174 человека, 9 декабря — 76 человек, 14 декабря — еще 76. А в перерывах между партиями стреляли по 1–2 человека. И так продолжалось до весны 1921 года. Большевикское ноу-хау отработано, массовое уничтожение идет технологично. Тройки особых отделов выносят постановления о расстреле на целые списки людей. Приговор — слово «расстрелять» — пишется по вертикали, вдоль списка фамилий.

На личных анкетах есть предварительное решение председателя тройки — казак, расстрелять / поручик, расстрелять / буржуй, расстрелять / беженец, расстрелять. Перечисленные признаки — казак, буржуй, священник, сестра милосердия — являются признаками состава тяжкого преступления, влекущего расстрел.

Обвиняемые не допрашиваются, лично обвинение не предъявляется. Права на защиту нет вообще. И наконец, для большевиков допустимо убийство больных, раненых, персонала госпиталей и служащих Красного Креста. В Крыму уничтожено 15 тысяч больных и раненых. Собственно с этого и начали.

А в Москву шли донесения о том, что работа в Крыму идет энергично, с редким энтузиазмом, с огоньком.

11 ДЕКАБРЯ

11 декабря 1920 года Ленин председательствовал на заседании Совета народных комиссаров, то есть вел заседание правительства. Перед началом он просмотрел повестку дня и дополнил ее, написав «Об уничтожении Сухаревки». И потом выступил по этому вопросу. Через день, 13 декабря, Моссовет принял постановление «О ликвидации Сухаревского рынка».

То есть вопрос о судьбе московского рынка обсуждался ни много ни мало на заседании правительства, и решение по рынку реализуется моментально. И значит, Сухаревский рынок, не один век известный как Сухаревка, — это больше чем просто рынок. Ленин и не скрывает, что Сухаревка для него — обобщающее понятие. «Сухаревка... везде, где есть мелкий хозяин, а таких хозяев у нас десятки миллионов. Вот в чем настоящая опасность», — говорит Ленин и подчеркивает, что мелкие хозяева, как говорится, малый и средний бизнес, представляют собой большую политическую опасность, чем крупный капитал. Крупный капитал легко держать под контролем.

Вот Ленин намерен впустить в советскую экономику иностранных капиталистов с их инвестициями, но с ними он не видит проблем. Крупный капитал, говорит Ленин, «будет у нас обставлен специальным надзором со всех сторон». Крупный капитал будет ВЧК контролировать. А вот множество мелких и средних хозяев, с их самостоятельностью, собственностью и свободной торговлей — это настоящие враги большевиков. Ленин говорит: «Страшна сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина». И тут необходимо уточнить, что мелкий хозяин, ненавистный Ленину, это русский крестьянин. Ленин хочет забирать у него все, что он производит, сосредоточивать в руках государства и распределять в соответствии с интересами власти. А крестьянину, в свою очередь, давать гвозди, спички, ситец и прочие промтовары тоже по усмотрению государства.

Но в стране голод. И даже верующие в скорую победу коммунизма не до конца понимали, почему же необходимо отказаться от свободной торговли. Сохранились воспоминания, что в ходе одной из встреч Ленина с товарищами из глубинки задал вопрос член партии, типографский рабочий Мошкин. Он спросил: «А бу-

дет ли разрешена свобода торговли?» Ленин с готовностью ответил: «Ну что ж, это зависит от вас. Если хотите, чтобы возвратился городской, жандарм, полицмейстер, министр, царь, тогда надо возвратить и свободу торговли. А если не хотите — придется обойтись без нее».

Этот ответ — классическая ленинская демагогия, не имевшая ничего общего с реальностью, о которой знала вся страна. Несмотря на запрет, торговля шла. Иначе, и это не преувеличение, в городах все просто умерли бы с голоду. Магазины заколочены, но торгует улица. В Москве эпицентр торговли — Сухаревский рынок на одноименной площади, знаменитая Сухаревка. Даже легендарная Сухаревка.

Как рынок она приобрела славу в 1812 году. После изгнания французов из Москвы жители, вернувшись в город, стали разыскивать свои вещи. Пошли ссоры, тяжбы, где, у кого чьи вещи. Тогда московский генерал-губернатор Ростопчин объявил, кто что у себя в доме нашел, то и может считать своим. А если хочет продать — может продавать по воскресеньям на площади у Сухаревой башни. Многие находили там и покупали собственные вещи.

На самом деле, барахолка здесь была с середины XVIII века. Пьер Безухов в «Войне и мире» у Толстого на Сухаревке покупает пистолет, когда решил убить Наполеона. Но только после войны 1812 года там появились ценные произведения искусства, редкие книги, целые библиотеки. Именно с тех пор Сухаревка приобрела славу антикварного и букинистического Клондайка и сохраняла этот статус целый век. Ее часто посещали Третьяков, Бахрушин. Бахрушин бешено торговался, иногда не один год. Щукин сделал на Сухаревке много приобретений для своего собрания. Гиляровский писал о Сухаревке, но больше о ее криминальных нравах, о знаменитом сыщике Смолине, который знал на Сухаревке всё и всех, дружил с ворами, шулерами. Жил скромно, одиноко, с большой черепахой. Когда умер, у него в спальне нашли и конфисковали два ведра золотых и серебряных часов. Воры искренне переживали и по поводу смерти Смолина, и потому что столько добра пропало.

В 1920 году в Москве говорили: «Только Сухаревкой и живем». Большевицкая распределительная система не кормит. Москва уже не первый год голодает, хотя страшный людоедский голод 1921 года еще впереди. На Сухаревке все, что есть, меняют на хлеб и на еду.

Большевистский запрет торговли, естественно, породил спекуляцию, цены огромные, но все идет на Сухаревку, несут последнее, потому что надо кормить детей, надо выживать. На Сухаревке стоит невероятный запах еды. Прямо здесь готовят. В кастрюлях, в чанах, на сковородках. Кричат: «Жареная колбаса! Горячая ветчина! Сало, сало! Горячая пшенная каша!» Можно даже встретить настоящую белую булочку. Но мало кто может себе это позволить в конце 1920 года. Жители Москвы в предыдущие два года почти все ценное уже спустили в обмен на продукты. Сухаревка дает представление, насколько большевики разорвали все экономические связи внутри страны. На две катушки ниток можно было выменять пуд муки, на сапоги — от 4 до 10 пудов. То есть у одних есть излишки муки, но они оборванные и им нечем зашить дыры на одежде. У других есть нитки или они тачают сапоги, но у них нет хлеба и дети пухнут от голода. Но одни с другими не могут встретиться в рамках нормальных экономических отношений, потому что большевики запретили. И теперь все нарушают закон, чтобы элементарно выжить. А по всей стране, добираясь даже до Харбина, перемещаются мешочники, которые на крышах поездов, на тормозных сцепках везут товар, снабжают Москву, диким путем восстанавливают экономические связи. Кроме того, на Сухаревку левым путем идут товары и продукты с государственных складов. Советские работники очень быстро встраиваются в спекуляцию.

К концу 1920 года к мешочничеству подключаются государственные структуры. Выбирают подходящего человека, оформляют ему фиктивную командировку, и он отправляется добывать продукты для начальства, знакомых начальства, ну и для себя, конечно. На Сухаревке и вольных рынках по всей стране население приобретало от 70 до 90 процентов необходимого продовольствия и товаров. Милиция на рынках брала с продавцов взятки, часто отбирала у граждан купленные продукты по дороге с рынка.

Когда мечта Ленина осуществилась и Сухаревку разогнали, торговля не прекратилась, расползлась по улицам, переулкам, и цены взлетели. Через несколько лет неподалеку от Сухаревки решили построить торговый комплекс под названием «Новая Сухаревка». Проект делал известный архитектор Константин Мельников. Непосредственно перед тем, как приступить к торговому центру, Мельников закончил работу над саркофагом для Ленина. Так что в определенном смысле Сухаревка шла по пятам за Лениным и после смерти.

18 декабря 1920 года Ленин беседовал с художником Родионовым и инженером Смирновым, которые готовили большую карту будущей электрификации страны для демонстрации во время доклада Председателя ГОЭЛРО Кржижановского. ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России. Доклад ее председателя должен состояться перед делегатами 8-го Всероссийского съезда Советов, который будет работать в Большом театре. Карта к докладу огромная, во весь задник сцены.

Через три дня, 21 декабря, Ленин получает свежий, только из типографии, том плана ГОЭЛРО. Тираж книги предполагается раздать делегатам съезда Советов. Ленин, с удовольствием полистав книгу, сказал: «На мой взгляд, это — наша вторая программа партии». И был прав: надо заниматься экономикой и без электрификации — никуда. Естественно, электрификация должна быть монополией государства. Это отвечает ленинским взглядам на экономику, а кроме того, придает процессу электрификации определенную сакральность. Только большевики могут дать или не дать свет. Ленин исключительно поглощен идеей электрификации. Она была у Ленина любимой, в том числе и потому, что напрямую связана с другой, главной, любимой ленинской идеей — идеей удержания, укрепления большевистской власти. Экономика на основе электрификации — это козырь в большевистских руках и гарантия их власти наряду с террором.

Восьмой съезд Советов открылся 22 декабря 1920 года. Глава ГОЭЛРО Глеб Максимилианович Кржижановский в пальто, но без шапки стоял на сцене нетопленного Большого театра на фоне огромной карты европейской части России. На карте были лампочки. Они обозначали будущие электростанции. По ходу доклада Кржижановский указывал на электростанцию, лампочка загоралась. В качестве указки у докладчика был бильярдный кий, удачно найденный в гостинице «Метрополь». Когда на карте зажглись все лампочки, район вокруг Большого театра из-за перегрузки сетей погрузился в темноту. Доклад Кржижановского и фокусы с лампочками были приняты делегатами с восторгом.

Комиссия ГОЭЛРО проработала с февраля по декабрь 1920 года. После разработки, презентации и утверждения плана ГОЭЛРО

комиссию преобразовали в Госплан. Это напрашивалось, так как план ГОЭЛРО по своей сути не ограничивался электрификацией, а представлял собой программу комплексного экономического развития. И все — на основе государственного планирования сверху донизу. То есть план ГОЭЛРО вольно или невольно спровоцировал рождение монстра — командно-административной системы, которая тотально регламентировала все на свете — от выплавки чугуна до количества и цвета носков.

Люди, которые разрабатывали план ГОЭЛРО под руководством Кржижановского, едва ли могли представить, до какого абсурда и до какой трагедии может довести экономику государственный монополизм. Это были люди, получившие признание в дореволюционной России, цвет научной и инженерной мысли. Это христоматийные имена в русской электротехнической и гидротехнической школе. Винтер, Александров, Графтио, Классон, Рамзин, Горев, Угримов, Флоренский. Глеб Максимилианович Кржижановский и сам был из их компании. Выпускник Петербургского технологического института, он был автором проекта подмосковной теплоэлектростанции «Электропередача», построенной в 1912 году. Он же был и директором электростанции. Еще в 1915 году Кржижановский на одном из совещаний сформулировал основные направления развития энергетики в России, которые затем вошли в план ГОЭЛРО.

Первые электрические фонари появились в России в 1880 году в Петербурге на Литейном мосту. Уже через три года на Мойке появилась первая электростанция. От нее питались 32 фонаря на Невском. В 1886 году было основано Общество электрического освещения. В уставе этого Общества как раз присутствовали слова об «электрификации всей страны», которые позже приписали Ленину. Общество объединило ученых и представителей бизнеса. В нем работали будущие разработчики плана ГОЭЛРО. Они успели пройти хорошую школу до прихода советской власти. Высшие учебные заведения уже выпускали инженерные кадры специально для новой отрасли. Российская академия наук поддерживала проведение регулярных электротехнических съездов. Масштабный детальный проект был разработан знаменитым ученым Владимиром Ивановичем Вернадским. Он предполагал создание к 1920 году на всей территории страны широкой сети электростанций, которая могла бы обеспечивать новые, быстро растущие промышленные районы. Соб-

ственно, это и был план ГОЭЛРО, готовый до и без большевиков. Российский бизнес уже активизировался в деле производства электромоторов, генераторов, электрокабеля, лампочек. До революции был спроектирован ДнепрогЭС и создано объединение банков для финансирования проекта. Совместно с американской компанией в 1910 году началось строительство Волховской ГЭС. Энергетика в стране развивалась темпами, превышающими на 25 процентов рост экономики в целом. По годовому приросту производства электроэнергии предреволюционная Россия уступала только Штатам. При таких темпах имела отличные шансы к 1925 году стать лидером в электроэнергетике.

И Кржижановский участвовал в этом грандиозном деле. Но беда в том, что не только в этом деле. Он был знаком с Лениным с 1889 года, они оба — отцы-основатели «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Кржижановский — мастер конспиративной работы, его прозвище — Суслик, но по характеру он не суслик. Сидел в тюрьме, возглавлял большие забастовки, изготавливал и испытывал бомбы. И главное, он всю жизнь беззаветно, с восхищением, с восторгом любил Ленина. Больше, чем электрификацию страны. Дом Кржижановского был полон ленинских фотографий, на стенах, на письменном столе. Кстати, в этом доме Кржижановский поселился еще до революции, будучи директором электростанции. И прожил в нем до смерти в 1957 году. Сталин его не тронул, хотя многие из авторов плана ГОЭЛРО были репрессированы.

Кржижановский относился к Сталину так, как принято было у старых большевиков — ленинцев. Они считали, что Сталин испоганил светлое ленинское начинание. В 1937 году к Кржижановскому приходили с обыском. Он буднично говорил по этому поводу: «Для меня это был сигнал, звонок: не сегодня-завтра заберут меня, как немецкого или английского шпиона». То есть он был абсолютно от мира сего, хотя имел тот чудаковатый облик, который часто в советском кино придавали старым академикам. И на людях и дома Кржижановский ходил в маленькой шелковой шапочке, которая делала его человеком из «бывшего времени». И ничто не могло навести на мысль, что этот человек написал текст революционного хита «Вихри враждебные веют над нами». К концу жизни он писал сонеты. Все сонеты он посвящал исключительно Ленину. Они, скажем так, не слишком удачны. Но к чести Кржижановского, он их и не печатал.

24 ДЕКАБРЯ

24 декабря 1920 года Ленин подписал проекты одного Постановления Совета народных комиссаров и одного Декрета. Речь идет о Постановлении «Об отмене денежных расчетов за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радиотелеграфом» и Декрете «Об отмене платы за всякого вида топливо для государственных предприятий и для занятых в них рабочих и служащих». Эти документы не неожиданность. Они вписываются в ряд уже принятых решений об отмене платы за услуги и товары. 4 декабря 1920 года был принят Декрет «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов». 17 декабря — «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления». Дальше, уже в январе 1921 года, последует отмена платы за жилые помещения, а также за пользование водопроводом, канализацией, газом, электричеством и общественными банями.

Звучит потрясающе! Вот жизнь была! Несведущий современный человек может подумать, что сто лет назад в конце 1920 года в Советской России уже царил коммунизм и что этот коммунизм легко вводится декретами и постановлениями. Была бы политическая воля.

В некотором смысле это представление можно считать адекватным. Потому что большевики, захватившие власть в России, именно так, вульгарно и грубо, представляли себе возможность построения новой экспериментальной экономической системы. Более того, системе, которая реализовывалась в стране, они действительно назвали коммунизмом. А так как построение этой системы предполагало применение силы в целях слома всякого сопротивления, то и коммунизм окрестили «военным коммунизмом». Что очень точно, потому что он подразумевал огромные жертвы.

Конец 1920 года — пик, кульминация военного коммунизма. Базовые большевистские идеи — национализация, отмена частной собственности, запрет свободной торговли, запрет самого понятия «товар» — уже были реализованы. На очереди стояла отмена денег. Если в соответствии с марксистской теорией коммунизм — это общество, в котором отсутствуют деньги, то денежное обращение в Советской России следует исключить. Его заменит распределение материальных благ.

До мировой войны рубль, имевший золотое обеспечение, был одной из самых устойчивых валют в мире. С началом войны законодательно временно был «прекращен размен кредитных билетов на золото». Одновременно Госбанк получил на период военного времени право на дополнительную эмиссию. Следствием неизбежно стало обесценивание рубля. Большевики, захватив власть, сочли падение рубля за благо. Если целью ставится переход к безденежному хозяйству, то обесценивание денег облегчает отказ от них. Поэтому, чтобы ускорить падение рубля, Декретом от 15 мая 1919 года было разрешено производить выпуск бумажных денег «в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках». Это означало переход к ничем не ограниченной денежной эмиссии. Ленин лично требовал довести производительность печатного станка до 600 миллионов рублей в день, перевести типографии Гознака на трехсменную работу. Постановлением от 5 августа 1919 года работники, занятые производством и заготовлением денег, приравнялись к призванным на военную службу.

Один из партийных лидеров, не самый радикальный, Николай Бухарин, пишет: «В переходный период, в процессе уничтожения товарной системы как таковой, происходит процесс «самоотрицания денег». Будущий тесть Бухарина Юрий Ларин, глава финансового отдела Всероссийского Совета народного хозяйства, считает, что «успехи... в строительстве социализма можно измерить... степенью отмирания денег в нашей жизни».

Деньги печатают в таком количестве, что они обесцениваются в десятки тысяч раз и теряют покупательную способность. Гиперинфляция в это время наблюдалась и в ряде европейских стран, но там она была бичом правительств. Большевики, напротив, шли на нее целенаправленно. В январе 1920 года очередным декретом упразднен Народный банк — бывший Госбанк. В его существовании советское руководство не видит необходимости. Ряд банковских функций передают Народному комиссариату финансов.

В тот момент многие экономисты, зараженные большевистской идеей, полагают, что «обесценивание денег — не беда, можно обойтись и без них и даже следует, ибо деньги — фетиш, ослепляющий невежественные массы и сохраняющий свое обаяние среди людей, зараженных застарелыми социальными предрассудками. Можно пе-

ревести все хозяйство на натуральные расчеты, распределять все, что кому нужно». В Программу партии вписано: «...неуклонно продолжать замену торговли планомерным организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов».

В сущности, для реализации этих грандиозных планов не хватало самой малости. А именно заставить вписаться в эти планы крестьян, то есть большинство населения страны. Эти непонятливые люди после всех ужасов Гражданской войны не смогли осознать, что их задача — отдавать практически даром весь хлеб, который они тяжелым трудом выращивают, советскому государству, которое поделит хлеб на пайки и раздаст их рабочим в городах. Те поедят, пойдут работать, произведут продукцию, которую государство потом, по своему плану, будет давать крестьянам в обмен на хлеб. Прекрасная схема! Но крестьяне не понимают всей ее красоты. В прямом смысле, хоть убей, не понимают, почему они не могут свободно продавать хлеб, а остальные — его свободно покупать. А они, крестьяне, в свою очередь, покупали бы себе по собственному усмотрению то, что им нужно. Хоть ситец, хоть пилы, хоть трактора, хоть леденцы на палочке. А сейчас ни крестьянам, ни городским никакой жизни, и деньги советские ничего не стоят. Без денег теперь приходится торговать: за 1 фунт мыла — 2 фунта пшена дают, за 3 фунта соли — 30 фунтов овса, 1 пуд гвоздей подковных — 27 пудов 7 фунтов зерна, 1 коса — 3 пуда зерна.

К концу 1920 года абсурдная экономическая политика становится опасной для самой власти. Рабочие, недавняя опора власти, проявляют недовольство, и их поддерживают профсоюзы. Именно этим недовольством и был вызван Декрет о бесплатной раздаче пайков. Но декретом проблемы не решаются. Хлеба нет в нужном количестве. Как ни странно, но, если три года подряд отбирать зерно подчистую, его больше не становится. У большевистского руководства появляется шальная мысль — быстро согнать крестьян в колхозы: колхоз для государства — самый простой способ забирать весь хлеб в свое распоряжение и дальше решать, кого кормить, а кого нет.

Но коллективизации не будет ни в конце 1920-го, ни в 1921-м. Потому что озверевшие крестьяне перешли к активным боевым действиям против большевиков. Локальные восстания слились в общий большой поток. В конце 1920 года в тупике все. И никто в стране не знает, что принесет новый, 1921 год.

УМЕРЕТЬ

ВОВРЕМЯ

Она спустила ноги с кровати. Ноги были старые, тощие, смотреть тошно. Подумала, что тысячу лет не делала массаж, но уже неприлично, смешно кого-нибудь приглашать ради таких ног.

Встала и увидела себя целиком в зеркале шкафа.

— Пиковая дама, — сказала вслух отражению.

«На самом деле все не так плохо, — думала она, умываясь. — Мне 87, я на ногах, более того, я на каблуках, я работаю, я неплохо соображаю — в Министерстве должна быть в три, времени до тех пор еще много, погода сегодня приличная, поеду и прошвырнусь где-нибудь в центре».

Она открыла шкаф. Костюм — синий. Все-таки мало что так поднимает настроение, как хорошо сидящий костюм. Она повернулась спиной к зеркалу и посмотрела на себя через плечо. «У нее был такой скучный зад, что на нем в пору бульон студить» — всплыло где-то прочитанное. Она улыбнулась, отхлебнула холодного кофе, выдвинула ящик большого, в треть комнаты, письменного стола и, не глядя, достала из коробки, где держала деньги, два четвертных. Последние лет сорок пять у нее была большая, почти академическая зарплата, она к этому привыкла, деньги никогда не копила, на государственные премии купила дачу, машину, помогла родственникам, ее зарплату в семье тратили все. Задвигая ящик, она привычно прошла взглядом по фотографиям под стеклом на столе. Красивый, очень усталый мужчина с крупными чертами лица, другой — в шортах, сидит на балконе, вытянув длинные ноги на перила.

Она надела берет, взяла под мышку сумку, закрыла за собой дверь и пошла вниз по лестнице. На улице поймала такси и, уже сев в него, решила куда ехать — в Печатников переулок.

Раньше, еще лет десять назад, да нет, уже пятнадцать, было проще. В не слишком частые свободные от работы часы она твердо знала, куда ей ехать. Она ехала в сумасшедший дом. Она так и говорила Лиде: «Что-то давно я не была в сумасшедшем доме», хотя была там две недели назад. Кроме этих слов — пароля — ничего не произносилось. Им с Лидой, двум сестрам, больше слов и не требовалось, ни с кем больше они ничего не намеревались обсуждать, и никто их не спрашивал. Все просто: ей надо в сумасшедший дом, точно так же, как ей надо в командировку в Челябинск, в Арзамас, в Меликесс, в Ленинград в Радиевый институт. Лида пекла кулебяку с капустой, от нее никому в доме ни куска не отрезали, ее заворачивали в полотенце, и сразу без слов было понятно, что это — в сумасшедший дом.

Кроме кулебяки она брала с собой пачку старых толстых фотографий, на которых был тот молодой человек в шортах. Коротко стриженный, очень высокий, улыбающийся и, в общем, какой-то американский. Кроме него, на фотографиях на фоне моря была совсем почти девочка в льняном платье выше колен. Девочка то сидела, то стояла в воде, платье было совершенно мокрое, прилипшее к телу, и она казалась просто голой. То есть этот парень в шортах и голая девочка фотографировали друг друга. И, судя по балкону, они жили в какой-то хорошей гостинице, вместе им было отлично и невозможно понять, какой год на дворе.

Вот эти фотографии надо было каждый раз брать вместе с кулебякой.

Только один раз за многие годы Лида сказала сестре:

— Зина, ну что ты каждый раз таскаешь с собой эти чертовы фотографии?

— А что я книжный шкаф или стол поташу? — спокойно ответила Зина.

Обмен этими репликами происходил, когда Зина была уже в дверях, одной ногой на лестничной клетке. Сказав про шкаф, она пошла вниз по ступенькам, а Лида закрыла дверь. Лида, говоря резкость про фотографии, на самом деле искала лазейку, чтобы как-то пожалеть сестру, хотя отлично знала, что жалеть запрещено, сочувствовать словами запрещено, что вслух все давно пережито и теперь заперто внутри и каждый должен жить с этим один на один, не подавая виду. Тем более самым близким. Лида вырвалась за эти установленные в семье рамки. Зина поняла ее и ответила по своим

меркам максимально развернуто. На самом деле ее реплика про шкаф означала: «Лида, милая, она там в сумасшедшем доме говорит только о том, что было давным-давно, в ее детстве. И больше ничего знать не хочет, и слава богу, что не хочет. А из того времени, ты же знаешь, Лида, у нас остались только эти фотографии, книжный шкаф, письменный стол и чернильный прибор с этим Гермесом, который сидит и сидит у меня перед носом и хоть бы что ему. С ним я, что ли, в сумасшедший дом заявлюсь? Не волнуйся за меня, я в полном порядке, все comme il faut».

Когда Зина возвращалась из сумасшедшего дома, в квартире обычно было полно народу, играли в карты или кроили платье. Лида любила, когда в доме были люди. Она с детства хромала, перемещаться по городу с годами стало совсем тяжело, но она виртуозно умела общаться с людьми разных возрастов, разговаривала, кормила, поила, утешала, играла на пианино и гитаре и у себя в комнате в коммуналке, где жила с мужем, и в доме сестры, куда приезжала часто и жила подолгу. На самом деле, она вела дом сестры, воспитывала ее дочь и внучку. Своих детей у Лиды не было.

Однажды утром из сумасшедшего дома позвонили и сказали Зине, что ее родственница, Тамара Второва, бросилась в лестничный пролет. С полчаса Зина посидела за письменным столом с Гермесом и поехала в институт. Вечером, придя домой, она, как обычно, на двадцать минут легла, как она говорила, «вытянуться». Лежала на кровати по диагонали, скрестив ноги, в туфлях с высокими каблуками, в которых непременно ходила дома, в прямой юбке, в кофточке с пуговицами-бусинками. Гермес сидел напротив.

Из домашних к ней в комнату никто не заглядывал. Зина подумала, почему они ни о чем не спрашивают, хотя отлично знала, что ни за что ничего не стала бы рассказывать. С тех пор прошло пятнадцать лет. Да нет, все двадцать.

Она ехала в такси в Печатников переулок и думала, что она вдруг неприлично раскисла, наверное, потому, что все-таки скоро попросят с работы и придется умирать, потому что без работы ей будет нечего делать. Дома она умела печь блинчики, хорошие, кружевные, и варить варенье. Трясла таз с клубникой, посыпанной сахаром, и пенки снимала, как химик, но в отличие от работы в лаборатории удовольствия не получала. По вечерам, приходя из института, она тоже работала, думывала, дописывала, потом,

уже ночью, пила холодный крепкий кофе, легла и мгновенно засыпала.

«Если не нужно будет ходить ежедневно в институт, то — умирать. Ну, значит, умирать».

Она поправила шпильку в пучке, хотя там все было в порядке.

«Вполне возможно, — подумала она, — даже никто и не собирался пока меня трогать, а я своей выходкой сама подарила им эту идею. Они подумали, что я спятившая смешная старуха. А что они еще могли подумать?»

Два дня назад она пришла в партком, вынула из сумки партбилет и сказала:

— Заберите это у меня.

Парторг даже сесть не предложил, сразу тихо-тихо заговорил:

— Что вы, Зинаида Васильевна, что вы, не надо, сейчас время такое непонятное, сегодня КПСС запретили, а завтра — неизвестно. — потом вдруг сменил тон и сказал: — Зинаида Васильевна, подумайте, вам 87 лет, какая вам разница, где этот партбилет будет?

А она сказала:

— Нет, заберите.

И ушла.

Сейчас она думала, что, конечно, какой-то просто спектакль получился. Она покачала головой, что всегда для всех сотрудников и домашних означало «очень плохо», потом вслух сказала *je m'en fiche* и попросила таксиста остановиться на Трубной.

Она пошла в общественный туалет. Он был тут всегда, у основания Рождественского бульвара, в толщине бульвара. Она вошла и остановилась около умывальника с грязным зеркалом. Невысокая, прямая, старая женщина в отлично сидящем синем костюме, гладко причесанная, с косичкой, закрученной в пучок, седая, с очень черными глазами. Ей стало смешно.

— Что вы сочли нужным посетить незадолго до смерти?

— Туалет на Трубной.

— Вы придумали и своими руками изготовили начинку для атомной бомбы, какого черта туалет на Трубной?

— Но я же сюда пять лет каждое утро летом и зимой бегала умываться. Мне было лучше здесь, в ничейном пространстве, чем дома в коммуналке. Я была здесь сама по себе. Кругом все чужие, зашли — вышли. Я, Зина, в это зеркало тогда смотрелась.

Первый раз тут оказалась на следующий день после смерти Серафима. Она это точно помнила. В то утро в общественном туалете было полно монашек, они умывались. Они приходили из Рождественского монастыря, который уже пять лет как был закрыт, но некоторые еще доживали в кельях. В монастыре водопровод первым делом срезали, монашки сначала ходили с ведрами к фонтанчику в начале бульвара. Потом фонтанчик ликвидировали, открыли общественный туалет, монашки толпились там по пояс голые, мылись, молодые и старые, стирали. И Зина тут смотрелась естественно. Монашки скоро исчезли, но Зина к тому времени уже освоилась, и ей плевать было, кто рядом и кто что про нее думает. Это был ее вариант интимного существования.

С Серафимом она прожила в коммуналке год. Они считали жизнь в коммуналке абсолютно временным явлением. Он и уговорил ее переехать, потому что у него был отличный план, который он уже начал осуществлять. До появления этого плана он ухаживал за Зиной год.

Первый раз он увидел ее летом в университете. Она вышла из дверей с надписью «Радиологическая лаборатория». Она была совершенно конструктивистская. На ней было прямоугольное платье, внутри которого она жила самостоятельной жизнью. Какая-то круглолицая девушка окликнула ее: «Зишка!» — она повернулась внутри своего платья, и они заговорили по-французски.

Серафим стоял посреди коридора и слушал, как они говорили про платье, совершенно профессионально, крой рукава, складки, коротко поспорили о каком-то рисунке. Они сместились на несколько шагов в сторону, он перестал разбирать разговор, потом она отчетливо завершила фразу словом *traîne*, помахала сзади рукой, как хвостом, и пошла. Он рванул за ней. С ним она не захотела говорить по-французски, но это было не важно: ей нужно было на Ярославский вокзал, и он ее провожал.

— Вы пойдете со мной до самого вокзала? — Он поднял было ухо на ее «Вы», но она произнесла это «Вы» легко, как само собой разумеющееся, и он не спросил: а почему «Вы?»

— Да, я пойду с вами до вокзала, — ответил он. И она сразу начала рассказывать про Марию Кюри. Это выглядело практически Зининой семейной историей, Зина очевидно не чувствовала себя посторонней в этой авангардной ситуации с двумя Нобелевскими

премиями. Она говорила от перекрестка с Тверской до поворота на Маросейку. Она все время двигалась внутри своего платья, вправо-влево, то одно плечо выезжало, то другое. Зина поправляла гребенку в волосах, платье улетело вверх по диагонали.

Серафим был в курсе истории с Кюри. Еще в Швейцарии его учитель физики рассказывал, что ездил в Сорбонну слушать лекцию мадам Кюри. Этот же господин Люти сказал тогда, что муж мадам Кюри в сильный дождь попал под экипаж и ему проломило колесом голову. Сейчас Серафим ждал, что Зина расскажет про беднягу Пьера и даже хотел этого: Пьер со своей проломленной головой легко мог бы изменить тональность их прогулки. Зина не заговорила про Пьера. Она в этот момент совершенно не понимала, что ей делать с именем Серафим. Оно не сокращалось, не уменьшалось, не ласкалось. Но это имя ему подходило. Молодой человек с этим именем был сногшибательный. Зина шла и говорила, говорила про радиоактивность. На углу Маросейки Зина резко остановилась, решив, что она вообще может придумать ему другое имя. Он стоял рядом и улыбался. Она была согласна на любое имя. Они зашли в церковь. Пивной там еще не было, пивную откроют годом позже, пока в церкви работала столовая. Все было оштукатурено, пол остался прежний, каменные плиты в бликах. Свет шел только через высокие окна, косо и падал не на все столы. Все было черно-белым.

Они остановились в притворе. Серафим вдруг быстро сложил указательные и большие пальцы двух рук в кольцо на уровне глаз и, прищурившись, посмотрел в него.

— Мне нравится фотографировать, здесь получился бы хороший снимок.

Серафим шагнул за Зинину спину и быстро сомкнул вокруг Зины руки. Его руки были на уровне ее глаз. Теперь она смотрела сквозь объектив из его пальцев. В притворе, где они стояли, было темно, в объективе высвечивалось пространство церкви, заполненные понижу столами с грязной посудой.

Они взяли кисель, налитый в глубокие тарелки, и сели за стол, на который не падал свет. Несколько ложек съели молча.

— А почему вы с той девушкой в университете говорили по-французски?

— Это Валя Киселева.

Зина вдруг коротко засмеялась:

— Мы едим кисель и говорим про Валю Кисилеву. Мы еще в гимназии договорились разговаривать между собой по-французски, мы с ней тысячу лет знакомы по Джамгаровке. Теперь мы там и летом, и зимой живем. Валя замечательно рисует, она на искусствоведении, и мы с ней подрабатываем у Надежды Петровны Ламановой. Вы ведь знаете Надежду Петровну, — сказала Зина совершенно утвердительно.

Серафим действительно знал Надежду Петровну Ламанову. Зина говорила неторопливо.

— Я помощница ее помощницы, я шью. Давно, да, года два с половиной уже. А Валя рисует. Валя меня в мастерскую притащила, еще до университета.

Зина говорила, и все вставало на свои места. Понятно, что прямоугольное платье — ее собственный опыт по мотивам работы у Ламановой. И работа у модельера № 1 не противоречит занятиям радиоактивностью. Это никогда раньше не пришло бы Серафиму в голову. В прошлой жизни он с мамой два или три раза ездил к Ламановой. Да, на Большую Дмитровку. Однажды это было зимой, шел снег, а мама примеряла летнее платье. Высокая дама прикалывала булавкой к маминому плечу кусок материи, поднимала мамину руку, помахивала ей и говорила маминому отражению в зеркале: «Конечно, японка». Он не знал, что речь идет о рукаве платья, который придумала высокая дама, которую его мама называла «Надежда Петровна». Ему тогда было лет пять, и он думал, что Надежда Петровна считает японкой его маму.

Серафим не заметил, как доел кисель. Зина тоже сидела перед пустой тарелкой и молчала.

— Зина, а у меня здесь, за углом, маму убили, — сказал Серафим.

— Когда? — спокойно спросила Зина.

Обида Серафима на ее «когда?» была мгновенной, горькой, детской. Зина сидела, не меняя позу, внимательно смотрела на него, и он, несмотря на обиду, ответил: «Семнадцатого января 1919 года». Сказал и успокоился. Зина посмотрела в пустую кисельную тарелку, чуть-чуть подвинула ее тыльной стороной ладони и произнесла: «Как же так...» Это не было вопросом и, очевидно, относилось не только к истории Серафима. Она помолчала, потом спросила:

— Зачем мы зашли сюда, если это совсем рядом?

— Я не думал об этом, — ответил Серафим.

Она не спросила: «Разве так может быть, когда сидишь на расстоянии одного дома», или что-то в этом роде. Она провела пальцем по засохшему канту киселя в глубине тарелки, спохватилась, салфетки нет, облизывать палец нельзя, но Серафим заговорил, и она забыла про палец.

— Знаете, Зина, я в 1919 году на Сухаревке торговал кокаином. Мне 14 лет было. Началось все как у всех: на Сухаревку пришел с маминной шляпой. Утром твердо решил, что без шляпы с фазаньим пером можно прожить, и пошел добывать еду. За лето 1918 года я некстати очень вырос. Вся одежда, ботинки, все стало мало. А папино было бесконечно велико. Я был как чучело. Плакал. Стыдно было. Пока не пошел к мешочникам на Сухаревку. Тут выяснилось: я — то, что надо.

— Я ни в 18-м, ни в 19-м в Москве не была, и Лида не была, и даже маму отец не пускал, — вслух вспомнила Зина.

Серафим не слушал.

— У меня там, на Сухаревке, азарт пошел. Я хотел быть существом с Двора отбросов, ну, или из компании Феджина. Помните Феджина?

Зина кивнула. Хотела сказать, что никогда не любила «Оливера Твиста», а любила «Домби и сына», но Серафим не делал пауз.

— Я оттаивал в этой толкучке. Я там не был мальчиком из хорошей семьи, который не знает, как ему жить. Я продавал наши домашние вещи, как краденое. Я сам в это верил. Я не менял серебряные ложки на картошку. Я брал деньгами. А с деньгами бежал в столовую, подальше от Сухаревки, там наливал еду в кастрюли и тасил их домой, маме и сестре. Первое время я существовал в двух лицах: один — дома, другой — на улице.

Очень быстро осталось только уличное лицо.

Мне так было жалко маму, что я мог быть рядом с ней только с недомашним лицом. Я все время боялся за нее, даже не за сестру, а именно за маму.

Правда, я, идиот, не нашел ничего лучшего, как повести маму в общественную столовую к Мюру. Мог бы на Солянку, в Охотный, так нет, я — к Мюру.

По дороге мама только сказала: «Последний раз у Мюра я покупала серые перчатки».

Она держалась хорошо и выглядела хорошо. У мамы платье было еще не мятое. Зина, потом вся Москва разом стала ходить жеваная, потому что спали уже не раздеваясь.

В Мюре маму кто-то окликнул: «Елена Константиновна, как ваше семейство?» — «Отлично», — ответила мама, улыбнулась и стала доедать ложкой кусок рыбы.

Елена Константиновна ела и не думала о том, что раньше было на месте этой столовой, не вспоминала кафе на четвертом этаже этого огромного магазина, где они сидели с мужем в 1910 году и листали мебельный каталог. Тогда они выбирали кабинет и выбрали — с виду серьезный, а ножки — какие-то смешные бочоночки. В виде комплимента от Мюра они получили чернильный прибор с сидящим подбоченившимся Гермесом. Зимой 1918 года они с мужем решили, что со всех сторон правильно будет выехать из их большого дома. Переехали в бывший их же доходный дом, в пустующую в неразберихе квартиру. Муж строил очередной завод, считал, что завод и он сам нужны новой власти. И власть довела до его сведения, что да, он нужен. Когда переезжали с Арбата в Старосадский, старались брать поменьше крупных вещей. Но кабинет взяли. Елена Константиновна все боялась потерять эти ножки-бочоночки: они не ввинчивались, просто вставлялись на толстых штырьках. Когда грузили кресло, снизу на дереве был виден овальный штамп — «Мюр и Мерелиз. 1910 год».

Теперь, сидя в общественной столовой в Мюре, Елена Константиновна всего этого не вспоминала. Она была так резко вырвана из прошлой жизни, что верх взял инстинкт самосохранения: она не мучилась воспоминаниями, сожалениями, не надеялась на то, что прежняя жизнь вернется, и не плакала.

Единственное, что в связи с Мюром всплыло в памяти, — это встреча в отделе перчаток четыре года назад, да, в 1915 году.

Елена Константиновна заехала в магазин специально за серыми замшевыми перчатками. Когда она подошла к прилавку, именно такую перчатку примеряла на левую руку барышня в полосатом костюме. Елена Константиновна спросила другую пару для себя, но ее не оказалось. Барышня в перчатке на одной руке смутилась и начала оправдываться: она в Москве всего на два дня и ей очень хотелось купить перчатки именно у Мюра, к тому же они так подходят к ее туфлям. Это была чистая правда. Елена Константиновна спросила, чем занимается

барышня. Та ответила, что работает в шляпной мастерской, дела идут хорошо, она и туфли купила у Мюра и теперь вот эти перчатки. Елене Константиновне нравилось болтать с барышней. Она даже неожиданно для себя спросила: «А как Вас зовут?» Барышня ответила: «Циля, Цецилия». «А я — Елена Константиновна, — и протянула руку, — будем знакомы». Ситуация ей нравилась, она уловила в ней справедливость. Вот юная еврейская барышня, из провинции, у которой хорошо идут дела, в серых замшевых туфлях, к которым требуются перчатки. А вот она, Елена Константиновна, из староверческой семьи, и ее муж происходил из такой же семьи. Их семейный бизнес и успехи еврейской барышни из шляпной мастерской были для образованной Елены Константиновны явлениями одного рода. Хотя история барышни все-таки придавала миру особую устойчивость.

Они попрощались у дверей Мюра, вместе прошли до угла Малого театра и там уже окончательно распрощались.

Елена Константиновна не удивилась этому воспоминанию, облизала ложку, отодвинула тарелку и подняла глаза на сына, сидевшего напротив.

— Я в тот момент от жалости почти ненавидел маму, — говорил Серафим Зине. — Я не мог видеть, как мама ест рыбу ложкой и невозмутимо отвечает, что все отлично, и так мягко улыбается. Вы же понимаете, Зина, что дело было не в ложке, хотя, что я говорю, и в ложке тоже. Короче, я стал таскать еду домой: только чтобы не видеть маму с этой ложкой. Из дома я продавал ложки, а вилки и ножи принципиально не трогал. После познакомился с офицером: Дмитрий Сергеевич, очень смуглый, голубоглазый. Его отец под Москвой раньше разводил сеттеров и выращивал особенные цветы. А сам Дмитрий Сергеевич, после ранения, хромой, пошел в торговлю кокаином. Я его товар продавал в розницу. Обычно в Охотном ряду, как раз напротив университета. Спрос был бешеный.

Хотите еще киселя? — без перехода спросил Серафим и, не дожидаясь Зининого ответа, пошел к прилавку.

Он вернулся с двумя глубокими тарелками и куском хлеба в зубах, поставил тарелки, сел, положил кусок хлеба на край тарелки и тут же заговорил, как будто не прерывался:

— Снегу в 19-м году было видимо-невидимо. Я шел и думал, что у нас нет дров, но у меня есть топор и саночки сестры, а значит, я вооружен. Я могу быстро вырубить целый угол деревянного дома.

Я пришел домой за топором. Мама лежала на полу. Убитая. Через какое-то время я сообразил, что нет сестры. Я заорал: «Тата!», орал долго, подумал, что даже мама может очнуться от моего крика. Искал Тату везде, а потом увидел ее совсем рядом за дверью комнаты, где лежала мама. Тата стояла там и молчала. Она видела, как убили маму. С тех пор она болеет.

— А где ваш отец? — Зина задавала прямые вопросы, когда не знала, как справиться с эмоциями, смотрелось странно, знала это, но ничего поделать с собой не могла.

— Пойдемте, Зина, от этого киселя, — Серафим встал.

Они пошли к выходу и опять попали в темный притвор. Там, почти в темноте, Серафим наклонился к Зинину уху и прошептал: «И отца моего убили. Еще раньше. Прямо в его кабинете в Деловом дворе. У него был гигантский бизнес». Бизнес прозвучало по-английски. И прямо на конце этого *business* Серафим зарычал Зине в ухо, как положено волку в «Красной шапочке». С этим же рычанием он отворил дверь, напугал проходившего мимо гражданина, и они вышли на солнечную улицу.

— Знаете, Зина, а я играю на скрипке, хорошо играю. И на рояле хорошо играю.

Зина подумала, что Серафим решил сменить тему.

Зина вышла за него замуж. Они расписались в загсе, он настоял, ей эта формальность была совершенно безразлична. Она взяла его фамилию, поскольку он так хотел, и ей было приятно согласиться с ним. Зина чуть-чуть удивилась тому, что от смены фамилии ей вдруг стало жалко отца. Он был тяжело, неизлечимо болен. Именно так Зина относилась к тому, что отец пил.

Он запил глубоко, безвозвратно после того, как в 1918-м отобрали его булочные. Когда он просил руки своей обожаемой Ксюшеньки, успешность его дела была аргументом для Ксюшенькиного отца. Во всяком случае, так ему тогда казалось. Это потом он понял, что отец мечтал для дочери большего или другого. Антип Иванович любил дочь беспредельно, более того, ценил ее, удивлялся ей. Ему хотелось баловать ее. Он мог себе это позволить. Он добился, чего хотел. У него в Москве ювелирная фабрика, он поставщик Двора, его серебро с эмалью на выставках, он сам весь в медалях: вот хоть на этой фотографии. Антип Иванович

любил эту фотографию, где он мужик мужиком с медалью от Парижской выставки на груди.

Дачу он построил в самом модном месте, соседи отличные. Со всем неподалеку Второв дачу купил, Алексеевы здесь же. И тут к Ксюше этот Вася-булочник сватается. Но Антип Иванович знал, что его дочка отличается твердостью характера и неслучайностью желаний, он не мог не видеть, что его дочка определенно хочет выйти замуж за этого булочника, а булочник без всякого сомнения любит Ксюшу. Антип Иванович согласился и дальше мог наблюдать, что никто не обманулся, что все чувства оказались настоящими, но радости не испытывал и не скрывал этого даже перед внуками. Зина во всяком случае чувствовала, что деду ее отец неинтересен. «Неинтересен» выглядело как приговор. Но дела у отца шли отлично, когда дед умер, отец на похоронах плакал, дедову фотографию с парижской медалью родители повесили у себя в спальне.

Потом, в 18-м, отец потерял все и запил. Когда всплыл, нанялся рабочим в свою бывшую булочную на углу Садовой и Малой Бронной. Жили на даче, и он затемно уезжал в Москву, возвращался поздно, пил, коротко спал и опять уезжал в булочную. Мама держалась ровно, не плакала, тем более не ругалась, не повышала голоса: это было исключено. Отец иногда плакал. Фотография деда как висела, так и висела.

Когда Зина выходила замуж, отец пил уже бессильно, тихо, у него болело сердце, в булочной уже не работал, радовался случайным заработкам, покупал своей Ксюше конфетки. Та держалась молодцом. Зина только два раза застала у мамы выражение лица и даже позу, которые безошибочно расшифровала: детей вырастила, мне больше незачем здесь быть. Зина не имела никаких отношений с Богом. Ее мама верила, но одна, отдельно ото всех, в церковь ходила редко, никого из детей не вовлекала в эту свою жизнь, может быть, даже не впускала. Это было ее личное пространство. Какой она была в нем, никто не знал. В обычной жизни она была строгая и неунывающая. Из всех детей Зина внешне больше всех была похожа на маму. Такая же худая, прямая, с очень темными карими глазами.

Через две недели после загса Зина с Серафимом уехали в Сочи.

Остро модным курортом Сочи стал годом раньше, когда на воды в Мацесту впервые приехал Сталин. Но Серафим с Зиной были бесконечно далеки от Сталина и просто решили шикануть. Сера-

фим продал дачу: это был 1926 год, и покупатели еще водились. Деньги он вложил в первый московский кооператив в Соколе, где строились совершенно европейского вида личные дома на собственной маленькой земле. Они с Зиной уже ездили смотреть на фундамент своего дома из темно-красного кирпича. А на остаток денег рванули в Сочи.

Это «рванули» чуть не сорвалось. Деньги и идея появились вдруг, правда, отпуск дали, но он, Серафим, инженер авиационного завода, никак не мог уйти раньше времени с работы, чтобы решить проблему с билетами. Он хотел, чтобы они с Зиной во что бы то ни стало поехали в спальном вагоне. Зина ни на чем не настаивала, но было ясно, что она совершенно не против спального. Но и она не могла побежать за билетами, потому что у нее в лаборатории шел эксперимент. Серафим не представлял, как он оставит сестру и вообще как он скажет Тате, что они уезжают. Никто никогда не знал, что может спровоцировать у нее приступ, и поэтому боялись всего. Уже который вечер подряд они с Зиной сидели и уговаривали сами себя, что все-таки можно поехать. И не поддавались на собственные уговоры, потому что, когда Тате становилось плохо, это было страшно. И даже то, что они жили в коммуналке, населенной съехавшими туда близкими родственниками, не спасало положения.

Зина с Серафимом сидели на широком подоконнике, с ногами, напротив друг друга. Зина смотрела в окно на поднимающийся вверх Печатников переулочек, Серафим видел его спуск. Зина говорила: «Ты же знаешь, от Екатерины Константиновны никакой помощи не может быть. Она замрет в углу и только будет повторять: «Беденькая Татанька». Она не убежит, не спрячется, она никогда не прячется, когда у Таты начинается, но она беспомощна, она от природы беспомощна. Мы не можем ничего хотеть от нее».

Екатерина Константиновна была теткой Серафима, родной сестрой его убитой матери. Кроме нее в той же квартире проживал ее брат Дмитрий Константинович, химик по образованию, он вел семинарские занятия в университете. На него тоже не могло быть никакой надежды в смысле помощи Тате. Он жил в маленькой комнате с сестрой и, похоже, ощущал себя, как когда-то в их общей детской. Его инициативность последний раз проявилась, когда после убийства сестры ему пришла в голову мысль получить разрешение переселиться в очередной доходный дом, построенный отцом Серафи-

ма. Так они все сбились в кучку в этой квартире в Печатниковом, бестолковые брат с сестрой и Серафим с сумасшедшей Татой. Очень скоро их уплотнили, подселили веселых, молодых, неграмотных мужа с женой, у которых был мальчик — ровесник Таты. Теперь ему было 17, и он, несмотря на Татины приступы, истерики, бешенство, очевидно, не прочь был к ней как-нибудь прибиться. И Тата часто и подолгу с ним разговаривала в коридоре, у двери в комнату.

Серафим спрашивал Зину: «О чем они могут разговаривать?» Иногда Тата с Володей шли гулять, всегда вниз по переулку, и из окна было видно, что Тата ему что-то рассказывает, изображает что-то, смеется. Наконец Зина догадалась, что Тата пересказывает ему в лицах книги.

Серафим задал вопрос Володе без всяких лишних слов: «Если мы с Зиной уедем на 8 дней, ты позаботишься о Тате?» Володя ответил: «Не сомневайтесь. Я же вам уже помогал. Только доктора предупредите». Серафим переговорил с доктором Власом Семеновичем, который ездил к Второвым еще в старой жизни. Влас Семенович не оставил никаких сомнений: «Поезжайте, вы молодые люди, вам обязательно надо уехать и побыть вдвоем». Серафим воспринял эти слова как медицинское назначение.

На следующий день на заводе ему дали два часа, чтобы он купил билеты. «Ну как же все отлично складывается», — он никак не мог унять эту радость, пока бежал по Ходынке от завода к трамваю. Втиснулся в трамвай, доехал до Тверской заставы, там надо было пересаживаться, чтобы проехать кусок Тверской, потом еще пересадка на Страстном. Времени на все это не было. Он схватил извозчика, сказал «На Петровку», на секунду расслабился, но тут опять внутри застучало. «Как же все отлично складывается», — и так стучало, пока он не выскочил на Петровке возле дома 6, не влетел в контору и не купил две особые квитанции для проезда в спальном вагоне. Потом он добежал до Лубянки и впрыгнул в трамвай, шедший до Курского вокзала. Там в вокзальной кассе к квитанциям, купленным на Петровке, необходимо было докупить обычный билет.

Его не раздражало то, что билет, дорогой билет, нельзя было купить в одной кассе. Он смотрел на все жизненные неудобства как на данность, не разжигал в себе раздражения, ни сейчас, в трамвае, ни вообще. Он строил собственную жизнь, по возможности не от-

влекаясь на обстоятельства, которые не имели к нему прямого отношения. Он был настроен на успех. Как-то утром, только проснувшись, он ни с того ни с сего сказал Зине: «А ведь какая удача по нынешним временам, что у меня маму с папой убили». Зина отреагировала моментально: «Это их удача, что их убили».

Зина нашла эту формулировку уже некоторое время назад, не сомневалась в ее справедливости и не боялась ее прямоты. Зинин отец однажды сказал ей: «Если бы я мог попасть под поезд». На такую откровенность нельзя было ответить: «Папа, ты сошел с ума». Или: «Папа, не смей больше пить». Она не посмела подумать: «А что, собственно, такого уж страшного происходит. С твоими детьми все в порядке, мама здорова. Конечно, ты, папа, не можешь найти себе место в жизни. Но вы же с мамой не бедствуете, мы помогаем вам, мы вас любим». Зина так не подумала. Она видела все как есть: ее отец совсем не старый мужчина, который ничего не может, окончательно ничего не может сам сделать со своей жизнью, и ему смертельно тошно от себя самого. От безысходности у Зины лопило в солнечном сплетении.

Эта боль тянулась уже дней шесть. Было ощущение, что в грудной клетке ничего нет, там все пусто, почти совсем темно и на дне эта боль. Зина подумала, что так выглядит одиночка в тюрьме, и поделилась этим соображением с доктором Власом Семеновичем. Тот не сказал Зине, что это просто душа болит и что это нормально. Он подумал, что такой ответ не для Зины, и был прав. Заговорил с ней о работе в университете, почувствовал ее живой интерес, искренне сказал, что завидует ее страсти к науке, и, пожелав хорошей поездки на море, раскланялся. Последние пять минут визита Влас Семенович думал о том, что он ощущает себя в старой жизни и ему не хочется уходить. Хотя то, что он наблюдал, ничем вроде бы не напоминало прошлое. Перед ним сидела совсем молодая женщина и спокойно, не жестикулируя, иногда улыбаясь, не уходя в детали, легко говорила о предмете своего научного интереса, сидела она в хорошем кресле, прямо, изящно положив ногу на ногу, руки вытянув по подлокотникам, всего пару раз для акцента подняла и опустила указательный палец. Влас Семенович не стал расшифровывать для себя, почему эта картинка вернула его в старую жизнь и что он вообще подразумевал под старой жизнью спустя десять лет после ее исчезновения.

Влас Семенович не хотел препарировать собственные ощущения на скорую руку. Он ценил сложные впечатления и имел возможность их хорошенько обдумать, потому что не был женат. То есть был, но жена в 21-м году не выдержала, уехала, теперь жила в Берлине, а он остался. Ему было сорок семь лет, он был здоров, подтянут, ухожен. Он очень рано и быстро стал известным в Москве невропатологом и, несмотря на смену власти, имел множество пациентов и очень неплохо зарабатывал. То есть жених был хоть куда. Но он был один, и, в общем, ему нравилось быть одному.

Впечатления от визита к Зине были запланированы у Власа Семеновича вместо печенья к вечернему стакану чая. Но получилось по-другому. Подходя к подъезду, он почувствовал неожиданное раздражение. Он едва закрыл дверь своей комнаты в коммунальной квартире над зоомагазином в доме рядом с Театром Вахтангова, как сразу же вслух, громко, с чувством выговорил: «Дура!» Зина была у него перед глазами, в этом кресле, такая умница, такая воспитанная, и он твердил: «Дура, боже мой, какая дура! Эта барышня уверена, что она будет заниматься своей наукой, потому что ей это интересно больше всего на свете. Господи... Это необыкновенно перспективная сфера, этим занимаются в самых разных странах, и в Англии, и в Германии, и во Франции... Она хочет работать в этой сфере во что бы то ни стало... Но что она понимает в этом «во что бы то ни стало». Она произносила эти слова так, как будто мама ей не позволяет, а она не послушается маму. И сама ее независимая поза в кресле. Конечно, именно поэтому мне померещилось, что я в старой жизни, и я, болван, расчувствовался. А здесь, что я ей могу сказать? Зина, нельзя «во что бы то ни стало». Вы не знаете, какая может быть расплата. Она не поймет меня. Я у нее спросил: «Вы состоите в комсомоле?» А она мне в ответ: «Нет, мне это не интересно». Боже мой, какая дура!»

Зина у себя в Печатниковом переулке складывала в чемодан вещи. Серафим десять минут назад звонил по телефону, кричал в трубку, что он с какими-то квитанциями в зубах прибежал на вокзал, что там очередь в кассу в несколько рядов, что он, протискиваясь, неожиданно для самого себя начал извиняться по-французски, потом по-немецки, все расступились, и он дошел до окошка кассы, сунул в него квитанции и тут вдруг по-русски попросил два билета до Сочи.

Под конец он крикнул в трубку: «Как же все отлично складывается!»

Первые часа два в спальном вагоне сочинского поезда показались Зине безвкусицей. Она, как вошла в купе и села на диван, сразу же сказала: «*Mauvais ton*». Зина усвоила суть этого выражения с раннего детства и на всю жизнь. Мама употребляла эти слова редко и никогда не поясняла, не разжевывала, что именно «неприлично». Это не относилось к одежде или к тому, как не надо держать ложку. Зина очень быстро поняла, что «дурным тоном» мама называет фальшь в поведении, избыточность реакций, независимо от знака плюс или минус, и еще под ее *mauvais ton* подпадало кислое настроение. Мама даже однажды так прямо и сказала Зине: «Нельзя быть кислой», — и Зина это усвоила.

Спальный вагон в 26-м году действительно был пошлейшим местом. Он был уже совершенно освоен советскими партийными функционерами и их дамами, как экстерриториальная зона, как офшор. Они расслаблялись здесь сразу и по полной. Первый толчок поезда, с которым он отрывается от платформы, означал старт безудержной пьянки и обжорства. Официантов звали постоянно, подгоняли их, гоняли за шампанским, за водкой, за ветчиной, за селедкой, за коньяком, за фруктами для дамы, за ростбифом, опять за шампанским, потом за мускатом, за мочеными яблоками, по просьбе дамы за малосольными огурцами, за пирожными, еще раз за пирожными, да, да, корзиночки с розовым кремом, и хлеба черного не забудьте, и хрена еще к рыбе.

Двери купе не закрывались, стоял непрерывный женский смех с повизгиванием, деньги валялись по полу. Это был чистый Зоценко, но дорого.

Как выяснилось, все творящееся в вагоне совершенно не мешало заниматься любовью.

Зина и Серафим за все время их знакомства никогда не были настолько предоставлены сами себе и так беззаботны. Все эти латунные крючки в купе, дверные защелки, съехавший набекрень абажур настольной лампочки работали на беззаботность: эти мелочи в купе были знакомы обоим с детских поездок, с родителями, с нянями; и вот теперь, несмотря ни на что, все на своих местах, и такой теплый ветер из открытого окна.

Они вышли из купе вечером, отправились в вагон-ресторан и, не обращая ни на кого внимания, сели и стали пить шампанское.

Серафим сидел напротив жены. Упираясь локтями в стол, он подавался вперед, ближе к ней, еще ближе; он был с ней и думал о ней. Он пытался расшифровать для себя, в чем фокус ее притягательности, потому что она действовала на него, как магнит, мощно, постоянно, с неиссякаемой энергией. Он не понимал, где в ней этот источник. Он только что, полчаса назад, в который раз исследовал все ее тело, все ямки, все изгибы, пальчики, ушки, пробовал на вкус, переворачивал со спины на живот и обратно, обнюхивал, смеялся, не находил никаких ответов и приходил в восторг. Он любил ее. Она была небольшая, худая, легкая, эластичная, смуглокожая, нестеснительная, естественная; в какие-то мгновения волосы закрывали ей лицо, и он видел, как она сквозь них улыбается. Иногда она пересаживалась на противоположный диван, сидела там, сложившись, спутав руки и ноги. Они разговаривали. Потом вдруг она раскрывалась, как складной нож.

В Сочи Зина с Серафимом приехали утром. Было солнечно и пыльно. Окна вокзала, смотрящие на пришедший поезд, местами вместо выбитых стекол были заколочены досками, которые уже успели посереть. Сам вокзал был тоже деревянным, низким, длинным, похожим на сарай. По платформе, поднимая пыль, в обе стороны бежали мужики, наперебой кричали, предлагая поднести вещи. Фоном где-то недалеко играл оркестр. Серафим присвистнул: «Восемь утра на дворе, а я отчетливо слышу скрипку, и не одну. Вот чувствовал я, что надо ехать в Сочи. Здесь сумасшедший дом». Оркестр играл чардаш Монти, как будто не приходя в сознание с ночи. Похмельная публика толпилась в коридоре спального вагона, требовала скорее открыть двери, женщины несвежими носовыми платками обмахивали декольте. Наконец все двинулись на выход. Серафим с Зиной до последнего человека оставались в купе. Серафим лежал на диване, закинув руки за голову, Зина сидела напротив, упираясь ногами в его диван. Можно было и не выходить. Оркестр по-прежнему играл чардаш. Серафим, не меняя позы, сказал: «У Монти эта пьеска — минуты четыре с хвостиком. А они ее гоняют уже минут двадцать. Пойдем посмотрим, что это за ребята там играют». «Пойдем», — ответила Зина. Серафим взял чемодан, Зина — саквояж, и они вышли.

Оркестр играл на площади, точнее, на пустыре перед вокзалом. Тут же стояли два автомобиля и извозчики. Здесь же торговали

едой. Музыканты были немолодые, их было много, одеты — кто в чем. Играли они тут целыми днями. Это была недавняя находка городского начальства: приезжают люди из Москвы, из Ленинграда, а у нас, пожалуйста, симфонический оркестр. «Давай я наймусь в этот оркестр», — сказал Серафим. «Я согласна», — подумала Зина. И почувствовала, что легко бросит свою радиохимию, останется здесь, они привезут сюда Тату, и вообще, какая разница, где жить с Серафимом. Место не играло никакой роли.

Впереди, за пустырем, за дорогой, виднелись дома, возле них кипарисы, вдвое выше домов, а дальше — склон горы. Ехали неторопливо. Немного отставая, за ними бежал жеребенок. Извозчик оборачивался, посмеивался: «Ишь, малец, с мамкой каждый день на службу ходит». Улица была немощеная, шла между маленьких домов с садами. Вдруг в просвете между домов коротко открылось море. Потом въехали в огромный тенистый парк, который неожиданно перешел в солнечную эвкалиптовую рощу.

«Ну вот, уже Австралия, — сказал Серафим, — значит, скоро будем на месте». Жеребенок петлял между эвкалиптами, извозчик кричал: «Малец, поспевай». Зина смотрела вверх на солнце сквозь пепельные эвкалиптовые листья. Солнечный свет пучками проникал сквозь них, падал до земли, высокие стволы бросали длинные тени, лошадь бежала через свет и тень. Вдруг извозчик громко захохотал, закашлялся, продохнул и дальше захохотал. «Чему смеемся?» — из вежливости спросил Серафим. «Так смешно же, — фыркнул извозчик. — Раньше лес Сергея Николаевича был и он всех сюда даром пускал, а теперь-то это все ничье, а за то, чтоб на деревья посмотреть, со всех деньги берут. И с нас, с местных, тоже. Вот и с меня тоже потребуют, скажут: хочешь на банан поглядеть — плати. А Сергей Николаевич серьезный человек был, а какой смешной: гуляйте у меня даром, только, говорит, не сорите. И я только сейчас понял, до чего он смешной был, а тогда ведь не понимал. Бесплатно смотрел, как эти вот деревья цветут. А деревья эти тоже смешные — ишь, осенью цветут. Все не как у людей».

Извозчик запрокинул голову, посмотрел наверх, где высоко были эвкалиптовые листья, еще раз хохотнул и вдруг, беспричинно, с силой хлестнул лошадь. Серафим моментально позавидовал извозчику: и он сейчас бы нечленораздельно выместил все на лошадиной спине, стыдно, коротко, беспомощно, но точно так же, как этот мужик.

Серафиму неловко было посмотреть на Зину, и она молчала. Он категорически не желал сожалеть ни о чем из прошлого, связанного с этой рощей, с этим городом. Он уже и не сожалел. Поэтому и не боялся ехать сюда. Он был готов приехать с Зиной на самую беззаботную территорию своего детства. А извозчик сбил его так просто, буднично произнес имя «Сергей Николаевич» — и Серафим тут же услышал мамин голос.

Он уже совсем убежал в эвкалиптовую рощу, когда мама остановила его на секунду. «Заяц, — произнесла мама. Она всегда необыкновенно серьезно произносила это «заяц», обращаясь к нему. — Заяц, если встретишь Сергея Николаевича, передай ему и Надежде Алексеевне от меня привет. И скажи, что в Романовку поведем в любую погоду». «А я поеду?» — с надеждой спросил Серафим. В Романовку — означало в горы. «Конечно, если захочешь». Завтрашние горы придавали совершенно новый смысл сегодняшним эвкалиптам. «А про секвойю не забыл?» — спросила мама. Серафим благодарно улыбнулся, потому что действительно забыл про секвойю. «Беги, заяц», — засмеялась мама, и он побежал.

Счастье было в тот миг окончательным: завтра — горы, а сегодня по дороге к секвойе будет фонтан, в котором можно будет встретить черепаху. Ему было лет девять тогда. Да, конечно, девять. Потому что когда он прочитал «Дети капитана Гранта» и был совершенно покорен этой книгой, то подумал: «Почему же мама подарила Жюля Верна, только когда мне исполнилось девять, а не раньше, вот хотя бы на Рождество. Тогда бы я не потерял целых четыре месяца жизни без этой книжки». Неожиданное ощущение потерянного времени оказалось таким острым, что он кинулся к маме, не сразу нашел ее и поэтому, распахивая двери в гостиную, кричал прямо на бегу: «Мама, мамочка, почему ты так долго скрывала от меня Жюля Верна. Без него было ужасно». «Жюль Верн не знакомится с мальчиками, пока им не исполнится девять лет», — сказала мама и легко подняла его, как маленького, на руки. Ее глаза были очень близко, и смотрела она заговорщицки. Он знал, что этот взгляд не обманывает, что сейчас последует невероятное продолжение, вот прямо сейчас, через полминуты, надо только их вытерпеть. Возбуждение, предвкушение были уже такими радостными, что он почувствовал, как где-то за ребрами у него повизгивает. Мама наверняка расслышала этот щенячий визг, но не подала виду. Она сделала очень серьезное лицо и медленно ше-

потом произнесла: «Ты готов плыть на пароходе по морю?» У него неожиданно исчез голос, и он только с силой решительно потрянул головой. «Там, куда мы поплывем, будет немного Патагонии, немного Австралии, чуть-чуть Новой Зеландии и Северной Америки». Голос вернулся и он спросил: «А остров Тристан-да-Купья?» «Нет, его там нет», — честно ответила мама.

Потом, после всех смертей, он становился противен себе, когда позволял этим картинкам всплывать в памяти, он оказывался бесильным перед ними. И только с Зиной решился сюда вернуться.

На обратном пути в Москву в поезде они оба заболели тифом. Не помог даже придуманный ими способ спастись от крыс в гостинице. Они спали на рояле, который был у них в номере, и любовью занимались на рояле. И Серафим играл на нем.

В Москве их с поезда увезли в Первую Градскую. Серафим умер, а Зина выжила.

Жара стояла страшная. Она плохо соображала. Ее на похороны отпустили из больницы. В последний момент на кладбище приехал Андрей.

Они были знакомы с детства. У их родителей дачи были рядом. Мать Андрея тогда, до революции, считала их соседство своего рода мезальянсом. Ее муж был известным архитектором, из семьи известных московских архитекторов. Один ее брат — художник, приятель Шаляпина, а другой брат — авиатор, летал на первых аэропланах вместе с великим князем Дмитрием Павловичем. А вот соседями по даче оказались какие-то люди из бизнеса, да, богатые и образованные, но все равно не ровня. Правда, сразу после революции брат-авиатор уже летал на Ходынке на параде перед Лениным и Дзержинским. А сам Андрей в 14 лет проникся всеобщим возбуждением, левацким ветром, вступил в комсомол, а в 1921 году он вообще сбежал в Кронштадт, был в восторге на стороне красных. Потом поступил в университет на юрфак и параллельно начал работать в Московском губернском угрозыске. Умный, деятельный, организованный, созданный для успеха, он быстро двигался вверх.

С Андреем Зина не виделась уже лет пять, в университете последний раз. Но на похороны он приехал. У ворот, на выходе с кладбища, он взял Зину под руку.

— Извини, — сказала она, — я бритая и в белом платье. И загорелая. Мы же на море были.

Андрей никак не отреагировал. Вместо слов соболезнования он, наклонившись к ее уху, сказал:

— Я получил недавно должность в прокуратуре.

И без паузы продолжил:

— Никогда больше не приходи на могилу своего мужа. Вообще забудь, где она находится.

Зина отдернула руку:

— Ты с ума сошел!

— Не надо вскрикивать, послушай меня. Я пришел сюда специально, чтобы поговорить с тобой. Вернее, не поговорить, а сказать тебе, чтобы ты просто усвоила: забудь дорогу на могилу мужа. Замолчи. И благодари бога, что он заболел и умер после того, как вы прекрасно отдохнули на юге. Запомни, твоему мужу повезло. И тебе повезло. Слушай меня. Когда ты болела, а он умирал, я сидел в Колонном зале и смотрел, как судили инженеров из бывших. Вся страна знает, это ты не в курсе. Их судили как вредителей. И четверых уже расстреляли как вредителей. Ну, что ты делаешь такие глаза!

Он говорил очень тихо, но ей казалось, что он все время орал ей в ухо.

— Зина, они сами сказали: мы вредители. Да, сами, сами! Десять человек полгода держали на Лубянке, допрашивали и так и эдак, они не признавались, а потом двое сошли с ума и начали бред нести, чистый бред про себя, про других. И этого хватило для обвинения. Потом один из них во время допроса из окна выбросился. Мне Крыленко рассказал это все. Он гособвинителем был на процессе. А, ты не знаешь Крыленко. Больше двух тысяч инженеров взяли, из бывших. Ты слышишь меня! Твой муж из бывших был, да еще из каких бывших! И работал на авиационном заводе, и четыре языка знал. И вот все эти его сослуживцы, которые его сейчас хоронят, речи говорят, они бы кричали, что он вредитель и враг советской власти. Благодари бога, он вовремя умер и счастливым умер! Я знаю, ты умная, ты все поняла.

Он поцеловал ей руку и ушел.

Придя домой, сидя в кресле напротив портрета отца, Андрей не вспоминал Зину. Он опять прокручивал в голове этот суд над про-

винциальными инженерами, который устроили в Москве в Колонном зале. Не сразу заметил, что говорит вслух:

— Сколько журналистов набежало, публика. Говорят, до 30 тысяч побывало на процессе. А если бы Коля Крыленко случайно не рассказал мне, что показания дали люди, сошедшие с ума на следствии, и на этом построили все дело, я бы принял все за чистую монету? А что? Не все же признали свою вину, некоторые не признали. Очень достоверно. И я мог бы запросто не думать, что кто-то оклеветал себя. Не думать — а с чего это они себя оклеветали? Я же пришел в первый день в Колонный без всякой мысли, с пустой башкой, так, поглазеть. Или я просто обалдел от того, как весело, между прочим, как анекдот, Коля рассказывал, каким образом все это обстряпали? Или я хотел бы, чтобы он преподнес мне все происходящее на полном серьезе? А тут я так обалдел, что полетел к Зине в момент похорон и просто выbleвал все это перед ней? Нашел место и время. А если бы ее муж не умер, я что, поехал бы и велел ей разводиться, потому что его со дня на день заберут... Может быть, Крыленко болен, — вдруг подумал Андрей. — Болен после Гражданской.

Андрей вспомнил, как Коля Крыленко с восторгом воспроизводил сцену убийства генерала Духонина в 1918 году, рассказывал, как матросы под его, Колиным, командованием добивали штыками уже мертвого Духонина, рвали на части, палили в мертвую генеральскую голову. И он, Андрей, спокойно это слушал. Крыленко хвастался, что он предложил тогда Троцкому не заводить дело на матросов, и Троцкий согласился.

Андрей посмотрел на портрет.

— Хорошо, что и отец умер, — сказал он вслух, переоделся, вышел из дома и пошел пешком на Мясницкую. У него был роман с женой замглавы ОГПУ Генриха Ягоды Идой.

Их отношения были почти неприкрытыми. Встречались они иногда, как сейчас, прямо в доме Ягоды или в гостиницах в Москве и в Ленинграде. Зина видела их однажды в Ленинграде издали.

Зина часто ездила в Ленинград в Радиевый институт к академику Хлопину. У нее с мудрым, прямым, принципиальным, старомодным Виталием Григорьевичем, несмотря на разницу в возрасте, сложились взаимно доверительные отношения. Они говорили не только о науке.

В кабинете у Хлопина они говорили о голоде. Это было в 31-м, когда из деревень в города бежали женщины с детьми, на удачу, в надежде выжить, побирались.

— Из трамвая, по дороге к вам, пять минут назад видела... в нише, перед дверью подъезда, женщина с непокрытой головой, в снегу... на вытянутых, вот так разведенных руках перед собой платок держит, а под ним — двое крохотных детей. Все трое не двигались, как скульптура, не просили, не плакали, — с этими словами Зина вошла к Виталию Григорьевичу.

— Я, Зинаида Васильевна, — Хлопин всегда обращался к ней по имени-отчеству, — трех беженок взял уборщицами в институт. Одну женщину с малюткой велел пускать ночевать в гардеробе. Не знаю, сколько протянется, пока не донесут. К себе вторую домработницу взял. Мне вторая не нужна была. Но я ее за колонной Казанского увидел, ноги опухшие с голоду, вместо башмаков черт знает что. Думал — старуха, оказалось, ей — семнадцать.

— Я знаю, Виталий Григорьевич. Мама такую же взяла. Она все время полы моет, моет, а от денег отказывается. Ест по чуть-чуть и засыпает прямо на ходу.

— Вот и Вернадский у себя такую же приютил. Только все это временно. У этих несчастных паспортов ведь нет. Вернадский говорит: «Ну, ко мне не придут». А я думаю, что запросто придут и к нему, и ко мне. Ну, когда придут, тогда придут... Я тут слышал разговор сановных людей, говорят: «Хорошо с этими беженцами, прислуга даровая прямо под ногами валяется».

И они с Зиной переходили к приятному, к радиоактивности.

— Виталий Григорьевич умер, в сущности, молодым человеком, — подумала Зина с высоты своих 87 лет. — Ну, что такое 60... ничего... Он говорил: «Я — геттингенец, как Ленский». Он времена связывал — старое и то, в котором мы оказались.

Она повернула в Печатников переулок.

— Вот отсюда я бегала в общественную уборную на Трубной, — она улыбнулась, потому что теперь редко говорили «уборная», подняла голову и посмотрела на окна их бывшей коммуналки на третьем этаже старого дома. — До чего все-таки все просто. Тата пересказывала Володе книжки, они гуляли вот здесь. Володя стал милиционером и начал стучать на нас, на родню Та-

ты. Меня вызывали, но каждый раз отпускали. А потом Володя решил жениться на Тате. Я тогда попробовала отговорить Тату, она плакала, у нее были тяжелые приступы. И они поженились. Как Тата радовалась... Володя вваливался ко мне в комнату, пил и ел за моим письменным столом. Я остатки второвского серебра в торгсин носила, а он ел купленное на это серебро. Быстро серебро съели.

Андрей тогда, в 31-м, во время голода устроил двенадцать уличных доходяг лет пяти-семи в детский дом в Икше под Москвой, где работала Лида и где детей выходили. Он рискнул довериться Лиде и с ходу весело сказал:

— Это антисоветская акция.

Вот так прямо и сказал.

— Дело выстраивается у нас такое, дорогая моя Лида. По инструкции всех беженцев из голодающих областей, включая детей, по городам отлавливают, грузят в телячьи вагоны, крепко запирают и на неопределенное время отгоняют на запасные пути. Внутри люди, особенно дети, как правило, разводят костры и часто сгорают живьем. Им никто не мешает это делать. В счастливом случае эти вагоны отправляют в безлюдные места, где всех выгружают в чистом поле. Особенно успешно это практикуется зимой.

Лида была в курсе, что это такое. Племянница ее старой няньки, вывезенная в такое поле при раскулачивании год назад, чудом спаслась, добралась до Москвы, ходила по домам стирать белье, ночевала в котельной, за что платила милиционеру, мечтала пристроиться нянькой и спать в коридоре на сундуке.

— Лида, мы с тобой можем попробовать спасти несколько голодных детей, — сказал Андрей, и Лида согласилась.

Так как у Андрея в недавнем прошлом была работа в угрозыске, сохранились неформальные контакты. Детей собрали, довезли до Икши. Деньги он доставал из собственного кармана, превращал их в продукты, башмаки, одеяла. Чтобы подстраховать Лиду, взял личное шефство над детдомом по линии прокуратуры.

Строго говоря, они с Лидой тянули на антигосударственную группу. Но арестовали Лидиногo мужа-инженера, этнического поляка. Его взяли на хвосте дела Промпартии. Лиду уволили из детского

дома, а у Андрея вдруг ни с того ни с сего, как это случается иногда между давно знакомыми людьми, начался роман с Зиной.

Это было больше чем роман или вовсе даже не роман, а неожиданные, очень доверительные отношения. От этого было даже страшновато. Секс уступал этой близости. За сексом они ездили в Лосинку, на дачу, и осенью, и зимой. В доме было холодно, полы засыпаны яблоками. Топили печку.

Андрей говорил Зине то, что никому не решился бы сказать. Ходил, расталкивая ногами мерзлые яблоки, и говорил:

— Процессами над спецами из «бывших» дело не ограничится. Потому что спрашивается, а куда смотрели коммунисты, когда эти вредительствовали у них под носом. Ага! Прозевали. И если бы не славное ГПУ, коммунисты по заводам и шахтам так бы и спали дальше. Стало быть, от судов над «бывшими» перейдут к судам над нынешними. А на освободившиеся места придут новые, голодные. Вон их сколько, злых и на все готовых, лишь бы подняться в этой проклятой жизни. И так будет снизу доверху и везде.

Вот Борис Иофан выиграл со своим проектом Дворца Советов. Циклопическое сооружение полкилометра в высоту. А там, на вершине, под облаками — Ленин. И у него палец, который указывает в будущее, размером с двухэтажный дом.

Зина, у меня отец был архитектор. Он орал в ярости, когда увидел, что предлагает Иофан. Отец говорил, что Луначарский написал Ле Корбюзье: «Народ любит королевские дворцы».

Не только, не только... Каждый хочет как-нибудь кем-нибудь пристроиться во дворце или поближе к дворцу, чтобы посытнее, погуще. И это то, что надо для Сталина.

Андрей поймал себя на том, что до последнего его мысль отказывалась приближаться к Сталину, и вслух ответил сам себе:

— Ай да герой, решился про Сталина порассуждать.

И уже не мог остановиться:

— Троцкий еще здесь был, но из партии его уже выгнали. А Сталин на съезде вдруг заявил, что готов уйти в отставку. Как это он сказал тогда... Партия нуждалась во мне, как в человеке крутом. Я был противоядием оппозиции. Сейчас оппозиция разбита. И все хором закричали: «Нет, не уходите! Никакой отставки не принимаем». Каменев с Зиновьевым написали покаянное письмо, его в «Правде» напечатали. А их отправили в ссылку, а Троцкого из

страны выслали. А Сокольников, который тоже каялся, написал Каменеву в ссылку: «Приезжайте, Лев Борисович, надо срочно посоветоваться». А Сокольников еще по гимназии приятель Бухарина. Вот они встретились втроем. Сокольников, Бухарин и Каменев. Бухарин говорил, что Сталин беспринципный интриган. И вот эта запись разговора Бухарина с Каменевым — оп — и появилась на столе у Сталина. А ГПУ опубликовало запись этого разговора на Западе. Потом этот вроде как заграничный вариант в Москве раздали членам ЦК. Все стали обсуждать, что Каменев на Бухарина настучал. А на самом деле, это просто была гэпзусная прослушка. И это большая затея против них всех вместе взятых. Так что можно считать, что все эти люди уже не игроки. Кроме Сталина есть только один игрок — ГПУ. А глава ГПУ — Ягода. А у меня с его женой...

Зина знала про связь Андрея с женой Ягоды Идой и про то, что у них сын. Но Ида еще до рождения ребенка разорвала отношения.

В 32-м Андрея назначили прокурором Москвы. Ида захотела стать заместителем московского прокурора и стала им. Это показалось ей забавным, хотя Андрей ее уже не интересовал. Самого Ягodu личная жизнь его жены не занимала. Ягода в это время успешно приударил за невесткой Горького. Ида теперь хотела делать карьеру. Она начала писать диссертацию на тему «От преступления к труду». Суть диссертации: ГУЛАГ как идеальное средство «превращения наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма». Андрей по должности вошел в круг людей, как раз занимающихся переработкой «наиболее скверного людского материала». У них были обязательные вечеринки для своих. Придя впервые, Андрей сказал себе: «Это Орден, они — люди Ордена, и я — тут».

Однажды для силовой элиты была устроена встреча со Станиславским, который должен был рассказывать о своей театральной системе.

Андрей стоял, прислонившись к косяку, курил, здоровался с входящими. Стол в отдельном зале ресторана «Метрополь» был уже накрыт. Многие из приглашенных пришли с дамами. К Андрею подошел Матвей Берман, зампред Управления лагерей. У Бермана были красные большие глаза.

— Замотался совсем. Дел невпроворот. Ездил с ревизией рабочей силы по лагерям. Есть, есть строительный ресурс у страны.

Конечно, гной все эти людишки, но мы их удачно по лагерям собирали. Просто отлично. А то, поди, их по деревням уговаривай, чтоб на стройку ехали. Они не понимают величия наших строек. Нули бы, что у них коровы, семьи да земля не пахана. Кулачье. А теперь из лагерей их погрузим — и на строительство канала. А кроме того, мне доложили, что высланные бабы стали беременеть. Значит, все в порядке. Множится социалистическая рабочая сила. Вы что пить будете?

— Водку, — ответил Андрей.

Тут вошел Станиславский. Ближайшая к Андрею дама встряхнула мех на плечах.

Станиславский говорил о том, что актер должен переживать то, что происходит с его персонажем, должен понять внутреннюю логику персонажа, причины всех поступков. Андрей, слушая Станиславского, вспомнил недавно полученную секретную информацию о том, что люди с Украины, с Северного Кавказа добираются до Медвежьегорска, где лагерники строят Беломоро-Балтийский канал, и пытаются устроиться работать вблизи лагеря, чтобы спастись от голода. Эки из зоны выносят находящимся на свободе какую-то еду.

Андрей вскоре ушел и поехал к Зине. Зина была на третьем месяце беременности. Жила теперь на Соколе, в коммуналке всего на три семьи, одна в комнате, которую ей дали в институте, где она работала.

Андрей не прошел дальше порога и прямо в дверях сказал: «Зина, я очень тебя люблю и никогда не женюсь на тебе. Я буду заботливым отцом, но ребенок не должен носить мою фамилию. Это единственный способ спасти вас. Я сам не буду держаться за место, и они долго не потеряют меня. Я чужой, я их враг... Зина, я не держу пыток».

— Я поняла тебя, Андрюша, — сказала Зина и действительно поняла его. — Что ты стоишь на пороге, пойдем в комнату.

В августе Андрей поехал на пароходе по Беломоро-Балтийскому каналу, по ББК, как говорили. ОГПУ устраивало такие развлекательные туры по каналу. Для писателей, например, а этот — для прокуратуры и наркомата юстиции.

По дороге на ББК был сплошной банкет. Сначала в поезде Москва—Ленинград. Поезд состоял из одних мягких вагонов. В купе заносят сыры, копченые колбасы, фрукты, вина, коньяк. Андрей вы-

шел покурить в коридор. Стоявший рядом человек представился — прокурор такой-то — и опять стал смотреть в окно. Не поворачиваясь к Андрею, заговорил: «Я тут ем, пью и вспоминаю, как до Москвы добирался. Всюду вдоль полотна стоят оборванные босые дети, старики. Кожа да кости. Все тянут руки к проходящим вагонам. У всех на губах одно слово: хлеб, хлеб, хлеб».

В Ленинграде в «Астории» опять кормили.

«Кормят на убой», — думал ошалевший от зрелища жратвы Андрей.

Этой еде не было предела. Официанты поминутно развязно кричали: «Чего желаете?»

Посреди этой вакханалии вдруг появился Тухачевский. Он был в командировке в Ленинграде, остановился в «Астории» и зашел просто так. Крыленко, с Гражданской войны знакомый с Тухачевским, представил ему Андрея. Тухачевский сел к ним за стол и заказал ростбиф, уточнив: «Не слишком много крови». Официант вытянулся и ответил: «Есть».

Ночью, глядя из окна на Исаакий, Андрей думал:

«Как просто круг замкнулся. 13 лет назад я бежал из дома, чтобы быть там, где Тухачевский. Он был моим героем. Он давил контрреволюционный мятеж. Я хотел быть под его знаменем. А у этих мятежников просто дети в деревне до смерти жрать хотели. А революция жрала их детей. До сих пор все жрет и жрет. И при чем здесь революция. Это Тухачевский жрет, и я жру».

«Деваться вообще некуда», — подумал Андрей.

На достраивающемся Беломоро-Балтийском канале он смотрел на женщин. Это были женщины из эшелонов, прибывших последней весной. На них были пальто с обвисшим клешем, шелковые платья, береты. Тех, кого привезли раньше, осенью или зимой, давно умерли. На ББК прибывшим по этапу заключенным одежды и сапог не выдавали. Все донашивали свое, в чем арестовали.

Андрей смотрел на женщин, потому что представлял себе здесь Зину. Зимой, в этом котловане. Представлял до холодного пота, до зубовного скрежета: что угодно, только чтобы она не оказалась здесь.

Вскоре после того, как Андрей вернулся в Москву, у них родилась дочка. У нее были Зинина фамилия и его отчество.

Зина была успешна в своей науке. Андрей сделался виртуозом по части контроля прокуратуры над следствием. Он выжимал из советского закона все, что могло бы притормозить откровенно липовые приговоры. Андрей иногда приезжал к Зине под утро, необыкновенно довольный.

— Я сказал: без предварительного просмотра материалов санкции на арест не дам. Я сижу ночью, как проклятый, читаю гэпэушные бумаги и вижу, вижу, как они состряпаны. Не получат они от меня санкции, не получат. Любое хулиганство мечтают переквалифицировать во вредительство и шпионаж. А со мной у них этот номер не пройдет, не пройдет, не пройдет.

Андрей смеялся, Зина рукой прикрывала ему рот, чтобы не разбудил ребенка. Как-то она спросила:

— Андрюша, а когда это кончится?

— А кто тебе сказал, милая, что это должно кончиться?! Недавно в Доме культуры на Преображенке пьяный рабочий подрался на танцах с народным судьей, пуговицу ему оторвал. Могли бы провести разбор на партсобрании, ну, выговор вкатить, ну, строгий. Не тут-то было, это покушение, говорят, на советскую судебную систему, можно сказать, на советскую власть. Скоро за пуговку народного судьи будут расстреливать.

Эта «пуговка» у Зины с Андреем стала кодовым словечком для всего абсурда вокруг, в том смысле, что «пуговка дороже жизни», что «пуговики далеко пойдут» и «скоро останутся одни пуговики».

Зина держала себя в узде. Уздой была работа, она старалась как можно больше думать о работе. Иногда, в самый неожиданный момент, давала слабину. Открывала дверь в Хлопинский институт и беспричинно вдруг вспомнила:

— А где же будем мы, когда кругом будут одни пуговики? — однажды серьезно спросила она Андрея.

— А мы будем жить без всяких пуговок, будем ходить расхристанные, и у меня без пуговок будут сваливаться штаны.

В начале 34-го пошли разговоры о создании новой структуры вместо ОГПУ.

Андрей был немало удивлен, когда его приятель Коля Крыленко, бывший уже наркомом юстиции, и прокурор СССР Акулов вдруг словно проснулись и заговорили о том, что надо усилить прокурорский надзор за органами госбезопасности. Еще вчера ОГПУ имело право без согла-

сования с прокуратурой проводить аресты по делам о взрывах, поджогах, шпионаже и контрреволюции, а теперь прокурор Акулов потребовал, чтобы аресты по этим делам санкционировались прокуратурой.

Андрей хотел поговорить с Крыленко, договорились встретиться, прогуляться.

— ОГПУ не должно иметь право заключать осужденных в лагерь. И Акулов со мной согласен. Прокуратура против внесудебных полномочий ОГПУ.

Андрей слушал Крыленко и думал:

— Почему Коля спохватился сейчас? Он чувствует, что скоро начнется? А что начнется, как это будет?

— Коля, — сказал Андрей вслух, — в районном центре в Свердловской области гэпэушники подготовили три десятка дел для отправки наверх в Свердловск. Прокурор был ни слухом ни духом. Его вызвали ночью в ГПУ, сказали, чтоб печать прихватил. Он приехал, ему на пальцах объяснили, что и на него дело найдется. Так что пусть штампует задним числом свои санкции на арест. И он писал «арест санкционирую» и печать ставил. Даже во вкус вошел. 24 дела проштамповал и пошел домой спать. Причем, Коля, хочу тебе сказать, что это был прокурор не того района, а и.о. из соседнего. И спать он пошел в полной уверенности, что теперь-то его утвердят. Вот так вот, Коля.

Скоро вместо ОГПУ была создана новая огромная структура НКВД с безграничными полномочиями. А через год Зину направили в командировку в Париж, в Институт Кюри.

Она была счастлива, потому что осуществилась мечта ее юности.

Он был счастлив, потому что она хотя бы на время оказывалась в отдалении от него и, значит, в относительной безопасности.

«А ребенка они все-таки не тронут, — уговаривал себя Андрей. Вдруг вспомнил про детей раскулаченных, которых высылали наравне с мужиками, и никого не интересовало, выживут они или умрут. — Чудно, но я уже не вижу разницы между собой и кулаками».

Зина в Париже ни минуты не чувствовала себя иностранкой. Ее французский был жив. Советская наука еще не была отгорожена от мировой, так что она легко вписалась в международную среду Института Кюри. Профессионалы оценили ее быстро и высоко.

Ирэн и Фредерик Жюлио-Кюри приглашали ее часто в гости. На улице Гренель, в советском посольстве, она бывала столько, сколько положено, но не чаще.

В очередной раз Зина зашла туда 23 августа. В посольстве, как обычно, лежали газеты из Москвы. «Правда» за 17-е число с заголовком «Страна клеймит подлых убийц», «Литературная газета» — заголовок «Раздавить гадину!». «Правда» со стенограммой первого дня судебного процесса в Октябрьском зале Дома Союзов. Фамилии подсудимых — Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Врачковский, Смирнов... Зина зачем-то стала считать количество фамилий. Шестнадцать.

Андрей в это время сидел в Доме Союзов на процессе антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра и думал о своем. Накануне ему принесли на осмотр письма лагерников к родственникам.

— Видимо, чтобы даром хлеб не ел, — думал Андрей, хотя, на самом деле, у него отлегло от сердца, когда из-под надзора прокуратуры вывели все крупные дела о терроризме, бандитизме и государственных преступлениях. Теперь с него уже хотя бы не требовали санкций на аресты всех подряд. Теперь у прокуратуры осталось одно лицо — Вышинский Андрей Януарьевич.

«Ягуарьевич, — усмехнулся про себя Андрей. Так еще недавно позволяли себе произносить отчество Вышинского. — Теперь уже никто не решится, — думал Андрей, глядя из зала на выступавшего как раз в этот момент Вышинского. — Разве только в лагере люди могут себе это позволить».

Мысль его вернулась к вчерашним письмам лагерников. Там было много писем отцов к своим маленьким детям.

Рисунки: звери, птицы, грибы. «Дорогая моя доченька! Этот гриб живет под землей, и его ищут при помощи свиней. Свиньи своим носом роют землю, отыскивают грибы, а человек из-под носу их у них выбирает».

«...Посылаю два вида одного и того же залива Белого моря, как видно из моего окна...»

Андрей посмотрел имя на конверте.

— Алексей Вангенгейм. Соловецкий лагерь. Господи, да это же Алексей Феодосьевич Вангенгейм, главный метеоролог. Сколько же ему лет сейчас. Он же лет на двадцать меня старше. Приятель Горького, Отто Юльевича Шмидта.

«...Пиши, родная! Поцелуй крепко нашу дорогую мамочку. Тебя крепко и много целует любящий папа».

«Я очень плохо рисую, — вдруг подумал Андрей. — Что я смогу нарисовать, когда буду там?»

Он взял следующий конверт. Левитский Владимир.

— Так я, наверное, тоже смогу нарисовать.

Андрей читал письмо за письмом: «Если бы мне кто раньше предсказал, я бы не поверил тому, что выпало на мое семейство...»

«Наташа! Напиши мне, вспоминает ли меня Олюша?..»

Андрей очнулся, когда объявили перерыв в судебном заседании.

Зина у себя в Париже была в курсе, что всех, проходивших на процессе, расстреляли. В посольстве Зине сообщили, что на родине назначен новый нарком внутренних дел Ежов. Лида в письме к новому, 37-му году между прочим написала, что у них в квартире поменялись соседи, сначала в одной комнате, а потом в другой. Написала и то, что ее подруга Муся ей очень завидовала, потому что Мусины соседи вечно скандалили, но теперь и у Муси поселились новые, спокойные люди. И что все хорошо, и все здоровы, и шлют приветы и поздравления. Зина поняла, что Лида пишет про аресты.

В январе 37-го начался новый процесс. Как обычно, все подсудимые обвиняются в связи с Троцким, все они готовили покушение на руководителей партии и правительства.

— А вот и новенькое, — Андрей читал газету, находил в ней то, чего ждал, и по ходу вспоминал: — С каким же возбуждением наши в прокуратуре обсуждали эту новость... Вот в протоколе допроса значилось, что Сокольников встречался с английским журналистом Тальботом, но не знал о связях журналиста с английской разведкой. А Сталин лично на протоколе написал: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о Политбюро, о ГПУ, обо всем. Сокольников, следовательно, был информатором, шпионом-разведчиком английской разведки».

И секретарши с красными пятнами на щеках уже болтали: «Троцкисты — все шпионы».

Ощущение было — чем громче и шире это раззвонят, тем лучше: это должно было уйти и всосаться в народ. А вот теперь получайте это на процессе. Троцкист — не просто член оппозиции, что уже преступно, но еще и непременно шпион. «Интересно, каким шпионом буду я?»

Андрей ни с того ни с сего представил Зину в Париже. Подумал: «В какой шляпе она сейчас?»

Зина купила себе избыточно, как она думала, эффектную шляпу. В этой шляпе она сидела на скамейке в Люксембургском саду и читала эмигрантскую русскую газету «Последние новости», которую издавал Милюков. Она хотела прочитать, что парижские русские пишут о московских процессах. Милюков в редакционной статье писал: «Россия, наша Родина, явно вступает в полосу выздоровления. Расправа диктатора над своими товарищами — это страшный удар по партии и знаменует собой суд и расправу с самим большевизмом как таковым». Милюков, очевидно, испытывал от происходящего исторический оптимизм. Зина выбросила газету в урну.

Андрей в Москве в своем кабинете жег в пепельнице листок бумаги, который неожиданно принесла ему Ида. На этой бумажке было написано, кто из осужденных на последнем процессе сколько продержался до того, как начал оговаривать других и подписывать все подряд.

— «Пятаков — 33 дня, Турок — 58, Радек — 2 месяца 18 дней, Серебряков — 3 месяца 16 дней, Муралов — 7 месяцев 17 дней». Сколько продержусь я?

В марте этот вопрос отступил перед другим: когда? В марте было собрание актива прокуратур СССР, РСФСР, Москвы и области. Все слушали Вышинского. Андрей сидел через один стул от исполняющей обязанности прокурора РСФСР Фаины Нюриной. Вышинский с трибуны говорил: «Еще не выкорчеван старый, недобрый порядок, при котором каждый местный прокурор чувствует себя самостоятельным. В РСФСР — исполняющая обязанности герцогини Нюрина. А в Москве — удельный князь Филиппов. Он, видите ли, не желает подчиняться единому командованию».

Но с должности Андрея не снимали.

Зина получила от Лиды письмо. Какое-то особенно радостное. Уж так все у них в Москве хорошо, так мы с деточкой друг друга любим, что ты, Зина, можешь ни о чем не беспокоиться и работать в Париже столько, сколько тебе нужно. Вот и Виталий Григорьевич нас навещал, говорил, что твоя работа в Париже очень важна для советской науки.

Зина отчетливо поняла, что Лида отгоняет ее от Москвы.

В конце Лида так же радостно писала, что доктор настойчиво рекомендует для лечения ее больной ноги перебраться на время

в Крым, выпишет направление, и они с деточкой поедут к морю и проживут там полгода, а может быть, дольше. И это будет превосходно: солнце, фрукты. А ты, Зина, можешь спокойно работать.

Зина поняла, что ее сестра играет ва-банк. Лида придумала, как они там спасутся и что без нее, Зины, это будет легче осуществить.

Зина направила телеграмму Хлопину с просьбой прервать ее командировку по причине необходимости быть рядом с дочерью. Хлопин ответил в том смысле, что он готов оказать содействие Зининым близким. Зина телеграфировала: «Нет, спасибо, справлюсь только я».

Она не могла сорваться, взять билет и уехать в Москву. Она сидела в Париже и ждала. Ходила смотреть, как воздвигаются советский и германский павильоны для Всемирной выставки.

Андрея по-прежнему не трогали. В доме, где он жил, где жила его мать, в Ананьевском переулке, аресты шли по всем этажам. Его квартира — 105. В 103-й — увезли бухгалтера Ланда из «Текстильшвейторга», в 111-й — забрали Андрея Дмитриевича Даманского из Наркомтяжпрома, в 97-й — геолога Карла Бегге, в 95-й — директора Академии пищевой промышленности Нанейшвили Виктора Ивановича, в 94-й — Александра Андреевича Недрита, зам.начальника Московской таможни. Андрей знал об этом сам, видел, слышал, мог отследить по документам.

И из 32-й квартиры. Из 41-й, из 61-й, из 68-й — троих, из 72-й, из 122-й квартиры. Директора табачной фабрики «Дукат», сварщика, капитана милиции, директора Оптико-механического завода, преподавателя. А в соседнем доме № 5 — 31 человек арестован.

А на Соколе, на Врубеля, в Зинином доме из 5-й квартиры, из 9-й, из 13-й, из 15-й, 17-й, 18-й, 19-й, 27-й, 30-й. Взяли и токаря, и инженера, и бухгалтера, научного сотрудника, слесаря-электрика, коменданта дома отдыха, двух милиционеров.

— Так вот в чем идея. Всех без разбора. Независимо от возраста, национальности, происхождения, рода деятельности. А тех, кто арестовывает сейчас, скоро будут арестовывать новые, а потом этих новых арестуют и будут допрашивать уже совсем новенькие, с иголочки. И все на всё готовы. Все идет без сбоев.

4 июля 1937 года Андрей, как прокурор Москвы, получает документ с пометкой «Строго секретно». Выписка из Протокола № 51 заседания Политбюро ЦК. Решение от 2.07.37.

«...Большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время, а потом вернувшихся, являются главными зачинщиками антисоветских и диверсионных преступлений в колхозах, совхозах, на транспорте и в некоторых отраслях промышленности... В пятидневный срок представить в ЦК количество подлежащих расстрелу...»

— Ну вот, наконец-то чего я ждал... Почему я не уехал из Союза... Или не застрелился... Они хотят, чтобы я во всем этом участвовал, чтобы приговаривал к немедленному расстрелу своего соседа из 103-й квартиры. Две недели назад я встречал его. Он пожилой человек, с женой, оба нарядные, радостно сообщили мне, что идут в Большой театр...

Меня арестуют точно так же. Я хочу, чтобы это произошло прямо сейчас... Ага, я хочу, чтобы они спасли меня от позора. Вот это был бы счастливый конец, я чувствовал бы себя страдальцем, ни в чем не виноватым, ничего не подписавшим...

Тут раздался телефонный звонок. Андрей снял трубку, услышал: «Вы переводитесь в Челябинск. Выезд завтра...»

Андрей не подумал, что Бог есть. Он просто пару минут рыдал от счастья. Потом взял себя в руки. Его переводили на должность заместителя прокурора Челябинской области.

Зина вернулась в Москву через две недели после его отъезда. Она позвонила ему в Челябинск:

- Андрюша, я приеду к тебе.
- И не вздумай этого делать. И никогда больше не звони.
- Андрюша...
- Никогда.

Это было последнее в жизни слово, которое Зина слышала от Андрея. Он там, в Челябинске, повесил трубку.

На первом же совещании Андрей слушал начальника областного управления НКВД: «Стоит несколько вопросов техники. Найди место, где будут приводиться приговоры в исполнение, и место, где закапывать трупы. Нужно, чтобы заранее был срезан дерн, и потом этим дерном покрыть это место, чтобы конспирировать. Наш аппарат не должен знать ни место, ни количество приговоров, ничего не должен знать абсолютно, потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений для контриков».

31 июля Андрей увидел новые документы из Москвы. Оперативный Приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447.

«Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что значительное количество бывших кулаков, бежавших из лагерей... репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений... остались почти нетронутыми... значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т.п.

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ.

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ — С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ и ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ и УГОЛОВНИКОВ.

... утверждается следующее количество подлежащих репрессии...»

— А какие цифирки все кругленькие... Ну а теперь самое интересное — состав «тройки». Нет меня в «тройке». Я — разжалованный. Ссылный. Я почти свободный.

...А еще вызывают подозрение немцы, поляки, харбинцы, греки, китайцы, афганцы, латыши, иранцы и иранские армяне. И для них уж никаких норм на аресты и расстрелы нет. Предоставляется свобода действий.

Дела высших советских, партийных, комсомольских, профсоюзных деятелей, а также народных комиссаров и их замов, высших военных чинов, деятелей культуры и искусства рассматриваются Военной Коллегией Верховного Суда.

— Ай да молодцы...

Через месяц Андрей сидел на очередном оперативном совещании, гадал, что на самом деле думают присутствовавшие, сам думал:

«Стахановцы вы наши... За месяц план по посадкам и по расстрелам выполнили по всей стране. Дали лимит в три тысячи человек, оп — и нет их уже на свете. Что дальше делать? Правильно, писать наверх: дайте еще пострелять, врагов кругом с каждым днем все больше и больше, руки чешутся. Все хотят равняться на

Горбача. Он у себя в Омске за август два раза ухитрился лимит увеличить. Его «тройка» за день приговорила 1301 человека, 937 — к расстрелу. И он попросил лимит увеличить с трех тысяч до пяти, а потом до восьми. И Сталин на его ходатайстве собственноручно написал: «Т. Ежову. За увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин». Тыщонку еще накинул. И слух об этом доверии идет по всей стране, у нас тут обзавидовались».

А потом Андрей увидел приказ Ежова № 00486.

«...Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным... Жены изменников родины, имеющие грудных детей, после вынесения приговора без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь... По достижении годовалого возраста дети передаются в детдома».

Это было самое страшное, чего Андрей ждал и дождался.

Его сделают на месяц и.о. прокурора области, а 22 ноября 1937 года арестуют. Сразу увезут в Москву. На самом деле, ордер на его арест был выписан еще в октябре, еще до последнего назначения. Ордер был в свободной форме, без конкретного числа. Так, на короткую перспективу: на выход с вещами такой-то, приготовиться Филиппову Андрею Владимировичу. 9 ноября выписали новый ордер, а арестовали 22-го. Привезли сначала в Лефортовскую тюрьму, потом перевели на Лубянку. На допросах били, в камеру приносили без сознания. Приходя в сознание, он каждый раз считал и царапал на стене, сколько уже держится.

— А я держусь два месяца и четыре дня.

На пятый день третьего месяца допросов, 1 февраля 1938 года, он стал писать то, что от него требовали.

«...В контрреволюционную организацию правых я был завербован в 1931 году... В 1934-м ездил к Бухарину за подтверждением его указаний о блоке с троцкистами, меньшевиками и эсерами... Задачей являлось нанесение решительного удара по руководству ВКП(б) и соввласти... Я создал боевую террористическую группу... Расчет брался на поездку Сталина в Большой театр...»

Суд был 29 августа 38-го. Начался в 9:20, закончился в 9:40. На суд Андрея одели в чужой костюм. Когда дали последнее слово, он отказался от всех показаний, данных на допросах, сказал, что не признает себя виновным.

Но главным для него было другое. Он не выдержал пыток и на допросах под диктовку в показаниях назвал несколько фамилий невиновных людей. И поэтому теперь в последнем слове, в самых последних своих словах, имевших значение, он сказал, что на следствии он выступил как провокатор. Более позорного о себе он, Андрей, не мог сказать.

Это занесли в протокол.

— Вдруг сохранится, — подумал Андрей.

Его тут же вывели, погрузили в уже набитый людьми грузовик с закрытым кузовом и повезли. Ехали довольно долго, остановились, велели выходить. Андрею в первый момент показалось, что его привезли на какую-то стройку. Везде что-то копали, тащили, трактора ползали, мужики на тракторах деловито переговаривались, кругом что-то разбросано, свалено. Потом он понял, что это человеческие тела.

«Я думал, что она попристойней, — подумал он про смерть. — Ну, уж какая есть».

Вдруг заметил, что он в чужом костюме. Он машинально застегнул пуговицу на пиджаке. Подумал, что вот в чужом пиджаке...

Зина работала. В 38-м арестовали профессора Ивана Яковлевича Башилова. Ее назначили на его место начальником лаборатории. Она знала, что многие вокруг считают, что это она написала донос на Ивана Яковлевича, раз уж ее назначили на его место. Встретившись с Хлопиным, спросила:

— Я знаю, что обо мне думают. Что мне делать, Виталий Григорьевич?

— Ничего. Вы сам знаете, что вы порядочный человек, и этого достаточно. Не пытайтесь никому ничего доказать, они в вас разочаруются.

Уже перед самой войной она ехала с дачи на работу. Поезд отменили. Она опоздала на работу на четыре минуты. Без всяких разговоров ее увезли. Два дня с десятком таких же опоздавших провела в камере. Спас все тот же Хлопин.

В войну в Казахстане Зина руководила свиноводхозом, справлялась.

В 43-м ее срочно вызвали из свиноводхоза в Москву, и она вошла в Атомный проект. На равных с главными мужчинами это-

го проекта. В 53-м она получила справку о реабилитации Андрея. В графе «причина смерти» значилось — расстрел. Зина с Лидой пытались разыскать сына Андрея, который пропал после расстрела Иды, но не смогли. Они не знали, что он был в детском доме и писал бабушке в ссылку: «Бабушка, сегодня я опять не умер». Зина не знала, что он выжил.

В 47-м, еще до советской атомной бомбы, режиссер Александров и участник атомного проекта академик Арцимович сочинили сценарий фильма «Весна». Главную героиню написали с Зины. Она сходила в кино.

— Ну что же, очень мило и адекватно. Черкасов говорит чистую правду: советский ученый — это отшельник, бредущий... хорошее слово — «бредущий». Глупость, нелепость, смешно, но чистая правда. Атомный взрыв — предел женского счастья. Но я же хотела этим заниматься во что бы то ни стало, — пожалуйста... Черкасов там еще говорит: «Сыграйте любовь».

Зина вдруг сообразила, что плачет. Она точно помнила, что не позволяла себе такой роскоши с 37-го года.

— Дура, какая я дура, — сказала она вслух, вытерла слезы и никогда, до самой смерти, больше не плакала.

В основе этой книги телевизионный проект: еженедельные шести-семиминутные реплики, начинающиеся словами «100 лет назад, такого-то числа такого-то года...». То есть Гражданская война в России в книге неуклонно идет неделя за неделей.

В конце книги – маленькая повесть. Семейная история о любви на фоне Гражданской войны, которая, начавшись, никак не может закончиться.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

УМЕРЕТЬ ВОВРЕМЯ. ПОВЕСТЬ

В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем.

книги для любого настроения здесь

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

www.ast.ru | www.book24.ru

 vk.com/izdatelstvoast
 [instagram.com/izdatelstvoast](https://www.instagram.com/izdatelstvoast)
 [facebook.com/izdatelstvoast](https://www.facebook.com/izdatelstvoast)
 ok.ru/izdatelstvoast

ISBN 978-5-17-108897-2

9 785171 088972